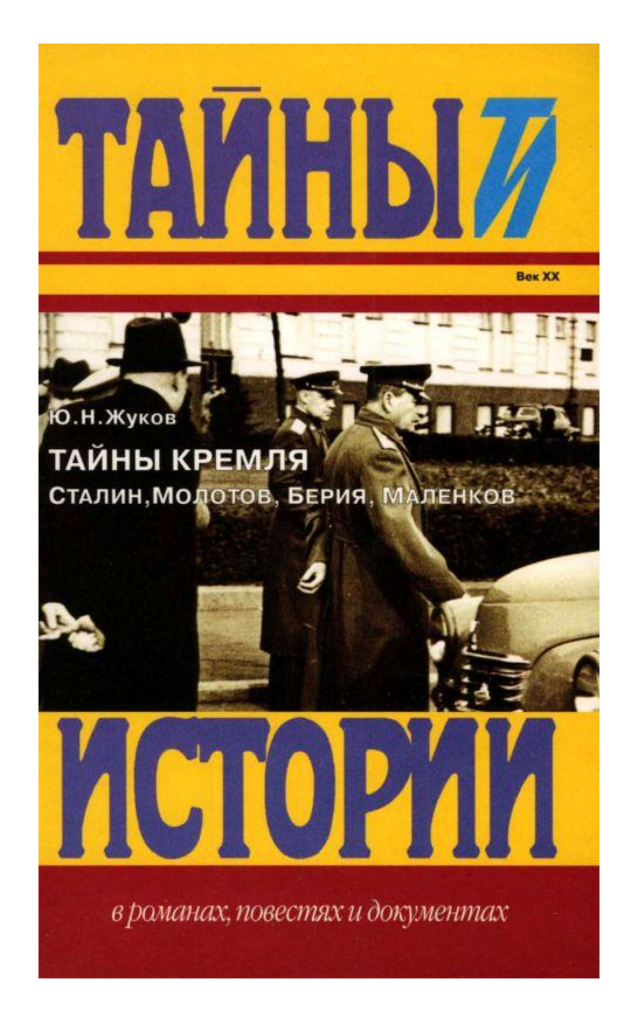
Жуков Юрий

Тайны Кремля

Великие люди как огня боятся, чтобы кто-нибудь не докопался до истинных мотивов их деяний.

Бертольд Брехт. «Дела господина Юлия Цезаря»

Все дело в том, что необходимо подыскать объяснение для всего случившегося. Каждую мелочь нужно истолковать и объяснить. И если у вас есть теория, которая включает в себя все факты без исключения — значит, вы правы. Но это неимоверно сложно.

Агата Кристи. «Убийство в доме викария»

Предисловие

Долгие десятилетия определение того, что же на самом деле представляла собой власть в СССР, было практически невозможным. Те, кто находился в Кремле, тщательно и надежно скрывали от общества все с этим связанное. Скрывали и то, кто же в действительности, прикрываясь именем партии, ее Центрального Комитета, Верховного Совета и Совета

Министров СССР, принимает важнейшие решения, от которых зависела жизнь страны, которые определяли судьбы Советского Союза, его населения; и то, как принимались подобные решения, и даже многие, если не большинство, сами решения.

Объяснялось такое положение до предела просто. В случае ошибки, просчета, и особенно — в случае провала выработанных планов никто не желал нести ответственности за содеянное, уходить добровольно или принудительно в отставку, лишаясь тем самым дорогой ценой доставшихся властных полномочий, права бесконтрольных действий. А добивались этого весьма легко. Подлинная власть всегда была «закрытой», существовала негласно, не раскрывала своего настоящего состава. Кроме того, сами документы, фиксировавшие как выработку, так и принятие того или иного решения, без учета их реального содержания, объявлялись «строго секретными», составлявшими государственную тайну, не подлежащими оглашению не только сразу же или хотя бы впоследствии, через определенный мировой практикой срок — 30 лет, но и вообще никогда. Тем самым делали их недоступными исследователям в будущем.

Власть предержащие сами вырабатывали историю давнего и недавнего прошлого, самую благоприятную для них, делавшую только их правыми, всегда и во всех случаях действовавшими безошибочно. Правда, поступали так лишь по отношению к тем, кто находился у власти именно в тот момент. Своих же предшественников, уже отрешенных от власти, либо умерших, превращали в своеобразных «козлов отпущения». Только на них возлагали ответственность за все просчеты, ошибки и даже преступления в прошлом, умолчать о которых уже было просто невозможно. Но даже и такую своеобразную огласку негативных фактов оборачивали в свою пользу. В пользу все той же реальной власти, которая получала, тем самым, возможность выступить в роли «разгребателей грязи», разоблачителей. В роли тех, кто и исправлял весьма вовремя положение, разумеется, на благо страны.

Отсюда и проистекало отсутствие научных трудов, которые на основе документов анализировали бы и формирование власти, ее подлинный состав, и механизм принятия ею решений, и сами решения, но непременно — в контексте реально существовавшей в стране и мире ситуации. Подменяя такие работы, существовала одобренная и утвержденная свыше (самою властью, стороной явно заинтересованной и пристрастной, предельно субъективной) официозная версия минувшего.

Поначалу ею служил пресловутый «Краткий курс». Затем — его модификация, отразившая только смену лидера страны, возвеличившая нового и порочившая его предшественника — «История Коммунистической партии Советского Союза». Книга, оказавшаяся более стабильной версией самооценки власти, выдержавшая за четверть века семь изданий, раз от разу становясь все более безликой, чуть ли не абстрактной, ибо отличались издания друг от друга лишь последовательным вычеркиванием все новых и новых имен. Уже при своем возникновении сумела обойти упоминание практически всех руководителей партии и государства — Сталина, Молотова, Маленкова, таких крупных деятелей, занимавших ключевые посты в системе управления страной, как Берия, Каганович, Булганин. А если их имена и появлялись на страницах, то лишь уничижительно. Так же, как и тех, кто удостоился негативной оценки в «Кратком курсе» — Троцкого и Зиновьева, Каменева и Бухарина, Рыкова, по-прежнему остававшихся «врагами» партии и, следовательно, страны, народа.

Появившиеся на рубеже 60—70-х годов уже многотомные издания — «История Коммунистической партии Советского Союза», вторая серия «Истории СССР» — пять томов, охватывающих период «От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней», не изменили положения, не внесли ничего нового, принципиального. Привели к окостенению официозной концепции. Суть дела заключалась отнюдь не в том, что и однотомник, и многотомники готовились под редакцией, жестким контролем одного человека — Б. Н. Пономарева. Истинная причина удручающего однообразия в подходах и решениях заключалась даже не в том, что тема «власть в СССР», как и прежде, не считалась объектом

изучения. Крылась она в том, что тема эта оставалась оружием политики. Должна была использоваться только для того, чтобы поддерживать у народа безоговорочное принятие власти как таковой, веру в непогрешимость ее, абсолютную правоту всегда и во всем. Вселять в народ «чувство беззаветной преданности» к власти вообще, к той политической системе, которая существует.

Сама же концепция, впервые нашедшая наиболее откровенное выражение в «Кратком курсе», в дальнейшем практически не менявшаяся по существу (претерпевая лишь незначительные коррективы в деталях, связанных с оценкой лидеров прошлого), сводилась к одному, незыблемому постулату. У власти, во главе страны, всегда, при любых обстоятельствах, несмотря ни на какие перемены, находилась партия. Партия в лице ее Центрального Комитета, постоянно действовавшего Политбюро. Они-то, якобы коллективно, и принимали (от имени ничего не ведавшей о том партии) все решения. Во благо и страны, и народа. Ну, а если порой и допускались отдельными людьми отдельные ошибки, то происходило это якобы вопреки воле партии, центрального комитета, а иногда — и самого политбюро.

Но всегда, при каждой очередной переоценке тех, кого не на один год превозносили как выдающегося деятеля партии и государства, с кем полностью, единодушно соглашались всегда и во всем, но только в прошлом, незыблемым оставалось фундаментальное, никогда не подвергавшееся ни малейшему сомнению, положение. Всегда партия в лице ЦК и Политбюро оставалась правящей. И являлась властью. Однако именно потому, год за годом все более теряя реальное содержание, такая ирреальная власть превращалась в абстрактное, безличностное понятие. Ну, а следствием подобного стала неизбежная мифологизация власти. Возникновение представления о ней как о некоем непостижимом сочетании явно абсолютистских, самодержавных полномочий конкретного лидера, выражавшего надежды и чаяния народа, демократических прав общества. Рождение, бытование мифа о власти сакраментальной, замкнутой в себе, непрерывно порождающей себя из самой же себя.

Мифологизация власти и породила такие явления, как культы Сталина, Хрущева, Брежнева. Раскалывала общество, вернее его политически активную крохотную часть, на сторонников и противников тех же Сталина, Хрущева, Брежнева. Не только сохраняла, но и усиливала традиционные, исторически сложившиеся на протяжении многих столетий представления о власти как о праве, и притом никому не подконтрольному, распоряжаться судьбами и страны, и народа.

Последнее десятилетие не привело, как можно было надеяться, к отказу от подобных взглядов. Сохранило их в неприкосновенности. Сотни же книг, написанных, по преимуществу, не учеными, а журналистами или в прошлом партийными функционерами, характеризуются уже огульным отрицанием всей советской истории от Ленина до Горбачева. Следуют устоявшемуся правилу: возвеличивать власть нынешнюю можно лишь негативно оценив предшествующую.

В таком положении находились не только отечественные, но и зарубежные ученые. Те, кто не испытал идеологического давления, не находился в полной зависимости от цензуры. Те, кто стремился во что бы то ни стало разобраться во всех хитросплетениях советской политики, понять, кто же на самом деле находился у власти, принимал судьбоносные решения. Все они, также лишенные возможности опереться на документы, вынуждены были создавать собственные, чисто умозрительные концепции. Строить их лишь на доступном материале, на сознательно подтасованных, заведомо искаженных официальных или неофициальных данных, преднамеренно распространяемых слухах.

Только в самом конце 1993 года историческая наука, наконец, обрела твердую почву. Получила, хотя и далеко не все, без так называемых особых папок, содержавших решения по вопросам обороны, государственной безопасности, оборонной промышленности, финансов, протоколы Политбюро — но только за период до октября 1952 года, Оргбюро, Секретариата.

Те самые материалы, которые и позволяют объективно разобраться в том, что же на самом деле представляла собою власть в СССР. Действительно ли она была равнозначной Политбюро, действительно ли Сталин при жизни всегда лично принимал все без исключения важнейшие решения, а с ним столь же всегда солидаризировалось и Политбюро.

Разумеется, даже теперь, располагая столь бесценными источниками (здесь приходится отметить весьма прискорбный факт — после довольно непродолжительного периода возможности работать с ними, большую часть их вновь засекретили, сделали опять недоступной), мы все еще далеки от окончательных ответов на все давно назревшие вопросы. Дело в том, что обретенные наукой документы в большей части «глухие». Они лишь констатируют принятое решение, не раскрывая зачастую того, как проходило обсуждение, почему тот или иной высказывался «за», «против». К сожалению, об этом мы никогда не узнаем. Ни протоколов, ни, тем более, стенограмм заседаний узкого руководства никогда не велось. Не оставили нам лидеры и откровенных воспоминаний, дневников или хотя бы писем, которые помогли бы пролить свет на тайны большой политики. Заполнить имеющиеся лакуны.

И все же даже те документы, которые оказались доступными ученым-историкам, позволяют сделать очень много. Установить, кто же на самом деле входил в узкое руководство, прикрывавшееся именем Политбюро, какую политику пытался проводить в жизнь и почему. Позволяют, наконец, понять и иное. Что еще с конца 30-х годов предпринимались настойчивые попытки отделить партию от государства, существенно ограничив ее роль в жизни страны. Попытки отрешиться от уже полностью исчерпавшего себя духа революции, вернуться к нормальному существованию, не отягощенному идеологизированием всего и вся. Попытки постепенно, по мере роста грамотности населения СССР, возникновения политического самосознания хотя бы у небольшой части общества, постепенно переходить к демократическим формам управления и самоуправления.

Данная книга не претендует на всеохватывающее раскрытие проблемы власти в СССР. Ограничивается относительно узким периодом: 1938–1954 годами. Тем самым периодом, когда и делались попытки, и притом весьма настойчивые, ограничить права партии. Будущие работы других исследователей, которые могут быть созданы на основе глубокого анализа ставших доступными документов, хранящихся в различных архивах страны, по многим из тем, лишь бегло затронутых в настоящей книге, несомненно, позволят вернуться к проблеме власти. Скорректировать, уточнить или подвергнуть пересмотру отдельные положения настоящей книги.

Часть первая
1938–1940 годы
СМЕНА КУРСА

В 1938 году мир подошел к роковой черте. Теперь у него оставался последний шанс, чтобы предотвратить надвигавшуюся катастрофу. Избежать небывалой за всю историю человечества войны — по своим глобальным масштабам, величине грядущих разрушений, числу жертв. Но мир, вернее, западные демократии — Великобритания и Франция прежде всего — не воспользовались отсрочкой и упустили последнюю возможность. Продолжали бездействовать, теряя с каждым днем столь важную инициативу. Демонстрировали всем и каждому безрассудство, потерю мужества, решительности. Продолжали наивно надеяться, что германская агрессия минует их, что они сумеют направить ее на Восток, заставят вермахт обрушить всю свою мощь не на них, а на Советский Союз. Вместе с тем, полагали, что Япония не позарится на их владения в Азии, надолго увязнув в Китае. Что Италия удовольствуется захватом только «ничейной» Эфиопии.

Западные демократии, сами взвалившие на себя тяжкое бремя гарантов Версальской системы, а вместе с тем и стабильности, безопасности в Европе, с полным равнодушием и безучастностью взирали на ремилитаризацию Германии. Не реагировали на заявления

Гитлера, загодя и открыто предупреждающего всех о своих намерениях разорвать путы Версальского мира. О планах восстановить военное могущество третьего рейха, его старые границы. Не ограничиваясь тем, идти гораздо дальше — к полному и безраздельному господству сначала на континенте, а затем и в мире. И последовательно, шаг за шагом, шедшего этим путем пять лет. И все эти пять лет Великобритания и Франция, даже порознь имевшие возможность пресечь нарождавшуюся агрессию, предотвратить величайшую трагедию, не прибегая к войне и не жертвуя ни единым солдатом, бездействовали.

Всего через год после прихода к власти Гитлер объявил о воссоздании германских армии и флота, о том, что у него уже имеется сильная авиация, начинается строительство подводных лодок. Еще пятнадцать месяцев спустя фюрер ввел всеобщую воинскую повинность. Единственной реакцией западных демократий на столь вопиющие нарушения условий Версальского мирного договора стало заключение в июне 1935 года англо-германского морского соглашения, которое должно было всего лишь ограничить размеры нацистского военного флота в соотношении 35 к 100 по общему тоннажу флота британской империи. Ободренный столь явным потворством, 7 марта 1936 года Гитлер сделал решающий шаг к войне. Заявил о расторжении Локарнского пакта 1925 года, предусматривавшего неприкосновенность границ Бельгии и Франции. Отдал приказ о занятии частями вермахта демилитаризованной Рейнской зоны. И снова западные демократии не воспользовались своими правами. Теми, которые предусматривали повторную оккупацию Германии для восстановления статус кво объединенными силами Великобритании, Франции, Польши и Чехословакии. Даже не заявили протеста, хотя появление германской армии на границе с Францией стало более чем реальной угрозой безопасности на континенте.

В том же 1936 году западные демократии в очередной раз проявили политическую близорукость. Позволили Германии и Италии активно вмешаться в гражданскую войну в Испании. Оказать помощь мятежным войскам Франко, вместе с теми испытать в боевых условиях новую военную технику, опробовать новые «методы» ведения войны. Такие, как бомбардировку мирных городов и даже полное их уничтожение, что было продемонстрировано в Гернике.

Позиция западных демократий по отношению к гражданской войне в Испании, нашедшая наиболее отчетливое выражение в сознательном бездействии лондонского Комитета по невмешательству, явилась одной из двух форм сложившейся к тому времени политики потворства агрессорам. Подчеркнутое самоустранение от событий, чем бы чреваты они ни были, позволяло правительствам Великобритании и Франции добиваться желаемого. Не применять к тем странам, которые неустанно расшатывали существовавшую систему безопасности, целенаправленно подрывали ее, надлежащих решительных мер, не восстанавливая их, как казалось, против себя. А заодно создавать о себе в глазах собственного населения представление как о миротворцах. Другим примером такого невмешательства стала реакция на действия Токио.

Еще в сентябре 1931 года японская армия под явно надуманным предлогом вторглась в Северо-Восточный Китай и оккупировала его, попытавшись скрыть откровенный захват образованием там марионеточного по общему признанию государства — Манчжоу-Го. Практически одновременно японские войска захватили и Шанхай, поставив под угрозу дальнейшее существование англо-французской полуколониальной системы зон интересов (сеттельментов). Однако в обоих случаях и западные демократии, и Лига наций ограничились ничем не значащими заявлениями, чисто формальным осуждением да отказом признать Маньчжоу-Го. Даже летом 1937 года, когда обе японские группировки, северная и южная, начали широкомасштабные боевые действия против регулярной китайской армии, продвигаясь навстречу друг другу и неуклонно расширяя зону оккупации, Великобритания, Франция и США остались всего лишь безучастными наблюдателями, ничуть не заботясь о грядущих последствиях подобного попустительства.

Столь же опасной оказалась и иная форма потворства агрессорам. Та, что в канун мировой войны стала характерной для Европы — «умиротворение». Стремление любой ценой, но непременно за чужой счет, за счет жизненных интересов малых стран, их территориальной целостности и даже независимости, хоть на время удовлетворить неуемную алчность Берлина и Рима, оттянуть неизбежную страшную развязку. Впервые подобную уступчивость продемонстрировали Лондон и Париж всего через два месяца после вторжения итальянских армий в Эфиопию. В декабре 1935 года министры иностранных дел Великобритании — Самуэль Хор и Франции — Пьер Лаваль поспешили сами предложить Муссолини аннексировать две эфиопские провинции, Огаден и Тигре. Однако Риму уступка показалась слишком незначительной, и мирная беззащитная африканская страна была захвачена полностью. Следствием же такого беззастенчивого нарушения международного права стала отмена Лигой наций всех санкций, ею же и введенных по отношению к Италии.

Подобная политика к ничем неприкрытой агрессии внушила Германии, Италии и Японии чувство вседозволенности и безнаказанности, уверенности, что любые их действия, какими бы они ни были, не встретят ни осуждения, ни преграды. Эта политика послужила поводом для активного сближения ради скорейшего достижения общих целей нацистского и фашистского режимов. Привела к подписанию Нейратом и Чиано 22 октября 1936 года протокола, предусматривавшего проведение Германией и Италией общей, скоординированной внешней политики. Этот протокол по сути был договором о создании военного агрессивного блока (неделю спустя названным Муссолини «осью Берлин — Рим», вокруг которой, мол, отныне будут вынуждены вращаться все европейские страны, хотят они того или нет).

Так всего за пять лет, в результате потворства Великобритании и Франции, потенциальная угроза миру на планете перешла в следующую неизбежную стадию — медленного и неуклонного сползания к катастрофе, во вторую мировую войну, с открытым определением ее первых жертв. Гитлер уже перестал скрывать, что ими обязательно станут три европейские страны — порождение столь ненавистной ему Версальской системы. Австрия, населенная немцами, и потому должная воссоединиться (аншлюс) с третьим рейхом. Польша, которая обязана вернуть Германии Верхнюю Силезию, Познань, Западную Пруссию и вольный город Данциг. Чехословакия, где по твердому убеждению нацистов, преследовалось, угнеталось чехами немецкое меньшинство на севере и юге Судетской области.

Такими должны были стать первоочередные действия нацистской Германии для ликвидации Версальской системы, передела мира. Какими окажутся последующие цели Гитлера, его все возраставшей численно, оснащавшейся самой современной техникой армии, стремившейся смыть с себя «пятно позора» поражения 1918 года, политикам Лондона и Парижа предоставлялось только догадываться.

Глава первая

С первого дня прихода Гитлера к власти советское руководство не могло не понимать, что отныне угроза войны нечто большее, чем реальность. В Кремле отлично осознавали, что рано или поздно третий рейх непременно обрушится на СССР. Для такой оценки положения оснований было более чем достаточно. Во-первых, борьба с коммунизмом как идеологией и с ее носителями — коммунистами стала повседневной жизнью Германии. Во-вторых, в долгосрочную программу нацизма, ясно и недвусмысленно изложенную Гитлером в «Майн кампф», входил новый «дранг нах остен»: расчленение Советского Союза, захват и «колонизация» его европейской части, превращение ее в житницу и сырьевой придаток Германии.

Вместе с тем, следовало учитывать и иное. Полтора десятилетия изолированный в политическом плане, полностью исключенный из жизни мирового сообщества Советский Союз не был связан какими-либо договорами, обеспечивавшими ему безопасность, поддержку в случае нападения союзниками. Именно это обстоятельство и делало СССР наиболее желанным объектом агрессии. Поэтому, особо помятуя острый кризис в советско-британских отношениях

1927 года, еще до проявления практики «умиротворения», приходилось не исключать и наиболее опасный вариант. Возможность сговора между Лондоном, Парижем и Берлином. Попытку Великобритании направить захватнические устремления нацизма только на восток, против Советского Союза.

Правда, при подобных прогнозах необходимо было учитывать весьма немаловажный фактор. У СССР и Германии отсутствовала общая граница. Между ними находилась Польша. Следовательно, дальнейшее развитие событий всецело зависело от той позиции, которую займет Варшава, от политики, которую она станет проводить. Ведь в случае сговора западных демократий с нацистским режимом поляки будут вынуждены пропустить немецкие армии через свою территорию. Но такое решение представляло прямую угрозу и для самой Польши, чьи западные и северные земли были отторгнуты от Германии в соответствии с Версальским мирным договором.

Наконец, Кремль слишком хорошо знал, что Советский Союз еще не готов к войне, тем более с таким сильным противником, как Германия, да еще, возможно, в одиночку. И вряд ли будет готов в ближайшие годы из-за весьма слабой в техническом отношении армии, что вызывалось отсутствием достаточно мощной оборонной промышленности, прежде всего танко- и авиастроительной, которые только что, в результате осуществления первого пятилетнего плана, получили наконец необходимую базу.

Все эти обстоятельства и побуждали Кремль настойчиво искать выход из складывающегося весьма неблагоприятного для него положения. И прийти в конце концов к единственно возможному, самому разумному — попытаться как можно скорее инициировать создание системы коллективной безопасности, охватывающей всю Европу, а не только ее запад, как то подразумевали соглашения, заключенные в Локарно в 1925 году. Такой системы, которая включала бы, с одной стороны, Францию и Бельгию, а с другой — Польшу, Чехословакию, Советский Союз, возможно еще и Прибалтийские государства. Ведь только существование такой формы сдерживания и означало бы для Германии, в случае развязывания ею агрессии, безразлично на западе или востоке, войну обязательно на два фронта, чего ей следовало избегать больше всего. Системы, устранявшей к тому же и потенциальную угрозу для СССР со стороны Польши.

19 декабря 1933 года Политбюро (ПБ) ЦК ВКП(б) пошло на крайнюю, по сути, радикальную меру: перед лицом не надуманной, как было прежде, а вполне реальной, страшной угрозы самому существованию страны перестать, наконец, уповать на ставшую явной утопией мировую революцию и отказаться от привычного «классового» внешнеполитического курса. Впервые после Раппало и Берлинского договора 1926 года перестать ориентироваться на безусловную, всестороннюю и к тому же практически открытую поддержку всех коммунистических и антиколониальных движений, выступлений и восстаний. От всего того, что и порождало естественную самоизоляцию СССР, его длительное противостояние, подчас подходившее к конфронтации, мировому сообществу. Необычайно важное решение, принятое в тот день ПБ, предусматривало, как первый шаг на новом пути, вступление в Лигу наций «на известных условиях» — ради того, чтобы в дальнейшем иметь возможность сделать и последующие шаги. В официальных рамках этой международной организации «заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии[1]».

Решение оказалось как нельзя своевременным, ибо уже 28 января 1934 года произошло симптоматическое событие, которое могло в дальнейшем в корне изменить и соотношение сил на континенте и предопределить ухудшение и без того крайне тревожной ситуации. Германия и Польша подписали пакт о ненападении сроком на пять лет, означавший для Москвы возрастание непосредственной угрозы агрессии. Ведь возможность тесного сотрудничества Берлина и Варшавы для первого создавало отличную возможность избежать войны на два фронта, а для второй — осуществить свои давние притязания. Восстановить Речь Посполитую

«от моря до моря», в границах 1772 года, то есть аннексировать Литву, Белоруссию и Украину, Юго-Восточную Латвию. Поэтому советской дипломатии приходилось предпринимать отчаянные усилия, добиваясь осуществления намеченных планов, до того казавшихся столь легко выполнимыми; соглашаться на расширение участников предполагаемой системы: по предложению Франции — за счет Великобритании, а по настойчивому требованию Польши — включение в нее и Германии, что, безусловно, должно было затянуть, осложнить и без того весьма нелегкие переговоры.

Однако поначалу все складывалось весьма благоприятно. 18 сентября 1934 года Советский Союз приняли в Лигу наций, а еще три месяца спустя удалось наконец заложить первые камни в основание системы европейской безопасности. 5 декабря после девятимесячных, трудных, не раз прерывавшихся переговоров был подписан советско-французский, а 7 декабря и советско-чехословацкий протоколы. Они предусматривали взаимное обязательство сторон «не вступать в переговоры, которые могли бы нанести ущерб подготовке и заключению Восточного регионального пакта». Затем, 2 мая 1935 года, в Париже был заключен сроком на пять лет договор между СССР и Францией. Он обуславливал немедленные консультации в случае угрозы нападения на одну из сторон «какого-либо европейского государства» и оказание помощи, поддержки той из них, которая стала бы объектом неспровоцированного нападения третьей европейской державы. 16 мая аналогичный по содержанию договор СССР подписал в Праге и с Чехословакией. Правда, в последнем имелась многозначительная оговорка: он вступал в силу лишь в том случае, если помощь одной из сторон оказывала Франция[2].

Совершенно безрезультатными оказались тогда попытки Москвы заложить основы и еще одного регионального пакта, тихоокеанского. Предложения, сделанные Советским Союзом еще в ноябре 1933 года США и предусматривавшие подписание договора о ненападении ими, а также Китаем, Японией и другими заинтересованными странами, был отклонен Вашингтоном даже без предварительного обсуждения или консультаций.

Анализируя причины возникновения тех трудностей, которые непреодолимой преградой вставали на пути достижения безопасности в мире, советское руководство не могло не осознать главного. Все неудачи проистекали, прежде всего, из-за того, что Советский Союз не признавался мировым сообществом своим достойным и равноправным партнером. Вызывал если не страх, то опасения, рассматривался своеобразным «анфан террибль», выпадавшим из круга всех остальных европейских стран. Выглядел одиозным из-за своей постоянно подчеркиваемой классово-революционной позиции. Той, которая выражалась не в речах отдельных дипломатов, государственных деятелей, не в каких-либо декларациях, что можно было в конце концов дезавуировать, от которых можно было отойти при обычном пересмотре внешнеполитического курса, порожденного очередной сменой правительства, а в Конституции СССР 1924 года.

Именно в ней, в первой фразе первого же раздела, провозглашалось: «Со времени образования советских республик, государства мира раскололись на два лагеря, лагерь капитализма и лагерь социализма… Неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делает неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения»[3]. Так, прямо и недвусмысленно, выражалось основополагающее — не просто дистанцирование СССР от всего мира, но и будущее столкновение между ними. После этого, после прямой помощи революционным движениям — пусть через Коминтерн, но ведь никто всерьез не отделял его от все той же Москвы, столицы Советского Союза и места пребывания ИККИ, от ВКП(б), его секции и одновременно правящей партии страны, от Молотова, совмещавшего посты главы правительства Советского Союза и исполкома Коминтерна — западные демократии вполне справедливо, со своей точки зрения, отказывались идти на установление тесного политического сотрудничества с Кремлем, не связывали с ним обеспечение мира и стабильности.

Следовательно, советскому руководству хотя бы на тот период, пока он в запланированном рывке не сумеет создать достаточно мощной оборонной промышленности, не вооружит должным образом, на самом современном уровне армию и флот, предстояло сделать очень многое. Убедить западные демократии в своей надежности как партнера и возможного военного союзника. Доказать, что с СССР следует обращаться так, как он того заслуживает в силу своего геополитического положения и экономического потенциала. А для того необходимо было не на словах, а на деле отрешиться от прежней одиозной позиции в обеих ипостасях своей внешней политики — и коминтерновской, и государственной. И вместе с тем максимально приблизиться по политической системе к стандартам демократии.

Сразу же наиболее заметными, очевидными оказались перемены, затронувшие Коминтерн. Выразились же они поначалу в смене в начале 1935 года Молотова на посту генерального секретаря ИККИ Георгием Димитровым. Человеком, снискавшим широкую популярность и симпатии как мужественный и стойкий антифашист. Сумевшим на Лейпцигском процессе не только противостоять нацистскому «правосудию». Заставившим признать свою невиновность и, следовательно, всю надуманность обвинения, подтасовку фактов, провокационность самого повода для процесса — поджога здания рейхстага.

Но собственно кардинальная смена курса Коминтерна, его тактики и стратегии, произошла несколько позже, в июле 1935 года, на его далеко не случайно последнем, 7-м конгрессе. Именно тогда и была провозглашена самой главной задачей международного коммунистического движения предотвращение угрозы новой глобальной войны. И ради того — отказ от раскола рабочего движения, его партийных и профсоюзных организаций, единство действий с социал-демократами, Социнтерном. Сплочение и со «средним классом», создание на его основе народных фронтов. И цель: защитить мир, защитить безопасность не только СССР, но всех стран, их национальные интересы, не допустить агрессии со стороны Германии, Италии, Японии. Словом, 7-й конгресс Коминтерна потребовал широко использовать, сделать основной ту форму борьбы, которую сам же отвергал и даже прямо запрещал еще осенью 1934 года. Осуждал, ибо расценивал ее как отказ от принципов интернационализма, скатывание к национализму.

Практически одновременно кремлевское руководство приступило и к реформированию политической системы Советского Союза. Однако здесь следует отметить заслуживающее самого пристального внимания обстоятельство. Внешний, международного характера, фактор не явился в данном случае решающим, а стал всего лишь своеобразным катализатором, только ускорившим и без того естественный ход событий, зашедшие весьма далеко глубинные процессы.

В середине 30-х годов СССР вступил в принципиально новый этап своего существования. Благодаря выполнению, хотя и далеко не полностью, первого пятилетнего плана, превратился из страны отсталой, аграрной в развивающуюся, аграрно-индустриальную. Однако именно в тот момент основная движущая сила, обеспечившая мощный рывок, позволившая сделать его без необходимых затрат или инвестиций — дух революционной романтики, искренняя и чистая вера в возможность «построить» социализм, да к тому же всего за четыре-пять лет, сразу вслед за тем приступить к «возведению светлого здания коммунизма», — исчерпала себя. Порыв энтузиазма просто не мог длиться дольше. Иссяк.

На смену эйфории постепенно стало приходить трезвое осознание не столь уж обнадеживающей реальности. Понимание того, что светлое будущее не только не наступило, но все еще весьма далеко. А впереди долгие, столь же трудные годы тяжкого, упорного, да к тому же и обыденного, рутинного труда. Труда, который действительно преобразует со временем Советский Союз. Позволит, но очень не скоро, стать ему мощной современной индустриальной державой, ничуть не уступающей ни в экономическом развитии, ни по уровню жизни населения ведущим промышленным странам мира. Таким, как США, Германия, Великобритания. Надежды, как слишком часто бывает, развеялись, оставив мечты

несбыточными и породив неизбежное разочарование. Столь же сильное, а возможно и большее, нежели у части коммунистов при переходе к НЭПу. Только на этот раз оно охватило не только коммунистов, а значительно большую часть населения. Всех тех, кто поверил вождям, пропаганде, настойчиво убеждавших: нужно совсем немного потерпеть. Обещавших: как только завершится первая пятилетка, жизнь сразу станет лучше.

Трудящиеся по праву могли гордиться своими достижениями, делом рук своих — металлургическими и химическими комбинатами, станкостроительными, автомобильными, тракторными заводами, современными текстильными фабриками, многим иным. Очень хорошо понимали важность сделанного, но не могли удовлетвориться только этим. Ведь по-прежнему царил жесточайший жилищный кризис. Не хватало всего того, в чем повседневно нуждались люди, самого необходимого, элементарного — еды и одежды, мебели и школьных тетрадей. Возникший дефицит власть пыталась как-то регулировать. Нивелировала его сохранившейся карточной системой, стремилась тем хоть отчасти снять остроту проблемы. Но должна была объяснить, ответить на животрепещущие вопросы. Почему официально, на партийном съезде, объявлено о выполнении пятилетнего плана, а обещанный социализм в его зримых и ощутимых формах так и не наступил? Почему оказались столь ошибочными прогнозы и расчеты тех, кто готовил пятилетний план, растолковывал его непременные результаты? Понесет ли кто-либо ответственность за случившееся?

Единственным, хотя и весьма своеобразным ответом на незаданные, но висевшие в воздухе вопросы стала «большая чистка». Массовые репрессии, обрушившиеся, главным образом, на коммунистическую партию, точнее — на парт-функционеров вне зависимости от занимаемых постов. На тех, кто в глазах народа и должен был понести наказание за провал политики ВКП(б), правительства, за те трудности, которые претерпели и продолжали испытывать рабочие, крестьяне, интеллигенция. Но, разумеется, «охота за ведьмами» — попытка сублимировать справедливое недовольство трудящихся — долго продолжаться не могла. Должна была иметь свои пределы хотя бы ради простого самовыживания страны. Нужна была лишь на то время, пока не будет найден действительно наилучший, единственно разумный выход из создавшегося положения. Тот выход, который в равной степени устроит и население страны, и целостную систему управления, сложившуюся еще на заре советской власти, при переходе к НЭПу, но особенно — стремительно расширившийся, ставший монопольным государственный сектор экономики.

Накануне осуществления первого пятилетнего плана и даже поначалу при его выполнении, для управления и старыми предприятиями, и модернизируемыми, и гигантскими стройками достаточно было иметь всего один центральный орган — ВСНХ. А помимо него еще наркомат путей сообщения (НКПС). Однако к середине пятилетки, по мере роста числа вступавших в строй предприятий, существовавшая система стала испытывать острую нужду в реорганизации.

Так, коллективизация привела еще в декабре 1929 года к образованию самостоятельной отрасли государственной экономики — сельскохозяйственной, и созданию соответствующего органа управления — наркомата земледелия. Практически одновременно возраставшая потребность в усовершенствовании координации народного хозяйства, его долгосрочного планирования привела к исключению из Совнаркома (СНК) СССР занимавшегося этим Центрального статистического управления (ЦСУ), к замене его Госпланом, образованным еще в 1923 году, но прежде игравшим весьма незначительную роль. Тогда же, в январе 1930 года, из НКПС выделили отдельный наркомат водного транспорта. Наконец, в январе 1932 года пришла очередь и ВСНХ. Его разделили на три самостоятельных наркомата — тяжелой, легкой и лесной промышленности. А десять месяцев спустя та же участь постигла и наркомзем, от которого отделили еще один исполнительный орган — наркомат зерновых и животноводческих совхозов.

Претерпела серьезные изменения и система управления торговлей, до первой пятилетки в подавляющей части частная. В ноябре 1930 года наркомат внешней и внутренней торговли подвергся первой серьезной реорганизации — его разделили на два. Один, внешней торговли, продолжал заниматься тем, что являлось основной, преимущественной задачей старого, единого наркомата. Второй, получивший весьма красноречивое, подчеркнуто откровенное название — снабжения, был призван осуществлять распределение с помощью карточной системы весьма немногих, ставших дефицитными, продуктов питания, предметов широкого потребления, которыми пока еще располагало государство.

Наркомснаб и своим появлением, и существованием более чем наглядно демонстрировал вступление страны в весьма опасное кризисное состояние, которое удалось несколько преодолеть лишь после окончания первой пятилетки. Потому-то, в конце июля 1934 года, наркомснаб трансформировали. Создали на его основе два совершенно новых по функциям: внутренней торговли (возрождение которой, но только отчасти, подтвердила отмена карточек на хлеб, муку и крупы 7 декабря 1934 года) и пищевой промышленности, еще один чисто производственный, экономический наркомат.

Результатом таких структурных реформ оказалось полное изменение состава правительства СССР и, соответственно, решаемых им задач. На протяжении десяти лет в СНК Союза входили руководители семи ведомств, обычных и традиционных для всех стран с любым политическим строем: иностранных дел, обороны (по военным и морским делам), связи (почт и телеграфа), транспорта (НКПС), финансов, внешней и внутренней торговли, экономики (ВСНХ), а также всего трех, присущих исключительно Советской власти — труда, рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), ЦСУ. Но за относительно короткий исторический срок, всего за пять лет, СНК СССР оказался совершенно иным.

К началу 1935 года его составляли уже не десять, а восемнадцать наркомов и руководителей их ранга. Мало того, основные перемены не коснулись традиционных ведомств, а затронули, вернее привели к ликвидации тех, которые являлись присущими только Советскому Союзу. Наркомат труда был ликвидирован, а его функции переданы ВЦСПС, что на практике означало введение его председателя в СНК. РКИ формально преобразовали в феврале 1934 года в Комиссию советского контроля (КСК) при Совнаркоме, однако полномочия прежней инспекции разделили далеко не равным образом между КСК и учрежденной в июне 1933 года Прокуратурой СССР.

Но более важным, даже решающим, оказалось иное. Создание одиннадцати (включая ВЦСПС и оба наркомата транспорта) ведомств чисто экономического характера. Благодаря своему числу и значимости они стали настойчиво и не без оснований претендовать на определение политики страны. Пока еще — только внутренней, стремясь отождествить интересы СССР и свои, ведомственные, подчинив первые вторым, своих отраслей.

Параллельно и столь же неуклонно шел и иной процесс — создание органов местной власти, появление местного самоуправления, хотя пока еще в зачаточной форме. В феврале 1928 года были восстановлены городские Советы «как высший орган власти на территории города и рабочего поселка». Два года спустя создали и их аналог — сельские Советы. В октябре 1930 года, в связи с проведением административно-территориальной реформы и ликвидации округов, в свое время заменивших уезды, начали образование районных Советов. Они-то вместе с краевыми Советами, их исполнительными органами — исполкомами и образовали основу четкой системы самоуправления.

Преобразование местных органов власти не ограничивалось только их формированием, а сопровождалось подведением фундамента под их будущую самостоятельность. Первыми действиями в таком направлении оказались постановления ЦИК СССР от 9 января 1929 года и 15 декабря 1930 года. В соответствии с первым из них, «Основными положениями об имущественных правах местных Советов», предусматривалась передача последним, закрепление за ними в законодательном порядке части имущества общесоюзного и

республиканского значения — земель, предприятий, разрешалось извлечение дохода на основе владения «как в бюджетном порядке, так и на началах коммерческого (хозяйственного) расчета»[4]. Несколько позже данное, весьма общее положение было развито и конкретизировано, зафиксировав уже следующее: получение поступлений по единому сельхозналогу, отчислений от других налогов, от предприятий, учреждений и организаций общесоюзного, республиканского и областного подчинения; возможность расходовать получаемые средства на содержание своего исполнительного аппарата, милиции, социально-культурных и хозяйственных учреждений, на строительство школ и больниц[5].

Второе постановление, «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик», в еще большей степени расширило и полномочия, и права местных Советов, вернув им забытую с окончанием гражданской войны самостоятельность. Выразилось это в том, что в подчинение прежде всего краевых и областных Советов, и в меньшей — районных и городских, передали коммунальное хозяйство, милицию, ведение записей актов гражданского состояния, а вместе с тем и прямой контроль за деятельностью местной промышленности[6].

Наконец, еще одним постановлением, на этот раз совместным, СНК и ЦИК СССР от 15 марта 1934 года, «Об организационных мероприятиях в области советского и хозяйственного строительства», наметили перспективы в том же направлении. Новый государственный акт потребовал дальнейшего разграничения полномочий центра и местных властей. Обязал союзные наркоматы тяжелой, легкой и лесной промышленности оставить за собою «руководство только предприятиями действительно союзного значения» и передать «в ведение местных органов часть предприятий, подчиненных союзным и республиканским органам». И для того «в двухмесячный срок разработать и внести на рассмотрение Совета народных комиссаров Союза ССР списки предприятий, которые должны находиться в ведении народных комиссариатов Союза ССР, и списки предприятий, передаваемых из ведения народных комиссариатов Союза ССР в непосредственное ведение республиканских, краевых и областных органов»[7].

Все это достаточно убедительно свидетельствовало о весьма серьезном, многозначительном. О том, что из года в год возраставшая по объему государственная доля народного хозяйства достигла своего возможного, допустимого максимума. О том, что теперь даже промышленность, ставшая необычайно многообразной и вместе с тем узкоспецифической, больше не могла управляться лишь общесоюзными структурами, которым приходилось отказываться от части своих полномочий. И о том, что вся существовавшая конструкция власти — «вертикальная», жесткая, и притом всеобъемлющая, была не в состоянии руководить в целом, контролировать все без исключения сферы жизни. Требовала передачи хотя бы незначительной части своих прав регионам. Вынуждала разделить эти права между исполнительными органами центра и регионов «по горизонтали». Все это означало собственно демократизацию, вернее — неизбежно вело к ней.

По мере нарастания такой тенденции становилось очевидным, что принимавшиеся ранее акты практически оказывались паллиативом. Лишь усложняли членившиеся, разраставшиеся органы исполнительной власти, делая ее все менее эффективной. Вынуждали к радикальной, всеохватывающей реформе, призванной изменить политическую систему страны.

В первых числах февраля 1935 года, именно тогда, когда подготовка договоров с Францией и Чехословакией вступила в заключительную фазу, основные принципы намечаемой перестройки и несколько расплывчатые сроки ее были сформулированы в речи Молотова на очередном Пленуме ЦК ВКП(б). И буквально сразу же, 6 февраля, оказались облеченными в законодательную форму — стали постановлением VII съезда Советов СССР.

Суть их сводилась к коренным преобразованиям по двум направлениям. Во-первых, в решительном отказе от изжившей себя «диктатуры пролетариата», переходе к народовластию, для начала чисто декоративному. Выражалась в «демократизации избирательной системы в

смысле замены не вполне равных выборов равными, многоступенчатых — прямыми, открытых — закрытыми». Но чтобы новая процедура голосования не была воспринята как полный отказ от завоеваний революции, от социалистических идеалов, постановление предусматривало, во-вторых, направление — «уточнение социально-экономической основы конституции».

Явно подразумевая невозможность свести реформирование лишь к очередным поправкам по отдельным статьям основного закона, постановление потребовало «избрать конституционную комиссию, которой поручить выработать исправленный текст конституции». Время же, отводимое на такую работу, фиксировалось хотя и не конкретно, но все же достаточно определенно: «Ближайшие очередные выборы органов Советской власти в Союзе ССР провести на основе новой избирательной системы»[8]. Тем самым отрезались пути к затяжке решения, к отступлению от намеченной цели.

И дабы ни у кого не оставалось ни малейшего сомнения ни в неизбежности, ни в направленности грядущих серьезных перемен, задолго до подготовки текста новой конституции и ее утверждения, были отменены некоторые принципиальные классовые ограничения, введенные еще в период революции. 29 декабря 1935 года — для поступающих в высшие учебные заведения, техникумы и связанные с социальным происхождением абитуриентов, а 20 апреля 1936 года, по классовому положению, для казаков «в отношении их службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии»[9].

Объявляя о демократизации, подтверждая ее, Кремль апеллировал прежде всего не к населению Советского Союза, а к западным демократиям. Как бы давал им знать, что страна начинает меняться, что ее следует отныне воспринимать достойным и равноправным партнером. Ей теперь можно и должно доверять во всем, в том числе и в таком крайне серьезном для мирового сообщества вопросе, как создание системы коллективной безопасности в Европе. В возможности рассматривать СССР как союзника в борьбе с тоталитарными государствами — Германией и Италией.

Для советских же людей перестройка пока не сулила ничего существенного. Не вела к снижению инфляции, исчезновению дефицита продовольствия и товаров широкого потребления. Не означала обеспечения прав личности, о чем, впрочем, никто тогда еще и не помышлял. Более того, весьма симптоматично, совпала с нарастающей цепной реакцией следовавших один за другим громких, показательных политических процессов, втягивавших в свою пучину все большее и большее число невинных жертв. Изменения проявились в казалось бы явно малозначимом, третьестепенном — во вдруг начатой борьбе с левыми течениями в литературе и искусстве, решительном искоренении их.

Серия редакционных статей, появившихся в начале 1936 года в «Правде», в невиданной до того резкой форме осуждала, громила проявления «формализма» в балете, музыке, живописи, архитектуре[10]. Не столько продолжила, сколько завершила тот процесс, который был начат еще в 1932 году роспуском ставших одиозными крайне левых объединений писателей, художников, архитекторов, композиторов. Таких, как Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), Ассоциация художников революционной России (АХРР), Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов (ВОПРА), Российская ассоциация пролетарских музыкантов (РАПМ), а вместе с ними и всех иных без исключения. Созданием в том же 1932 году «сверху» единых союзов заново, на принципиально новых началах и объединивших творческую интеллигенцию страны: советских писателей, художников, архитекторов, композиторов. Союзов, не только по форме, но и по сути слишком схожих с народными фронтами Франции и Испании, возникшими спустя лишь три года.

Подобная мера, вне сомнения, должна была, как и новая конституция, о которой пока не шла и речь, отразить переход Советского Союза на новый этап развития. Создать базу для последующей консолидации населения взамен прежнего, столь же навязываемого и поощряемого размежевания на основе «классовых» позиций, а заодно еще и искоренить даже в названиях общественных организаций слова, понятия, остававшиеся для некоторых (или

многих?) ностальгическими — «пролетарский», «революционный». Ну а директивные установки — статьи «Правды» начала 1936 года лишь довершали идеологическую перестройку. Принуждали творцов отказываться даже от чисто внешних черт «левизны», называемой теперь «формализмом», ибо невольно та могла ассоциироваться со все тем же «духом Октября», духом разрушения.

Чтобы как можно быстрее добиться желаемого, Кремль пошел на создание уже 17 января 1936 года своеобразного надзирающего органа — Комитета по делам искусств при СНК СССР. Органа исполнительной власти, обязанного повседневно и ежечасно «руководить», а вернее контролировать деятельность «театров и других зрелищных предприятий, кино-организаций, музыкальных, художественно-живописных, скульптурных и других учреждений», а также «учебных заведений, подготавливающих кадры работников театра, кино, музыки и изобразительных искусств»[11].

Наконец, еще одно решение советского руководства, правда принятое несколько ранее, в мае 1934 года, и увидевшее свет в виде совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) — «О преподавании гражданской истории в школах СССР», также призвано было утвердить в сознании масс то, что революционный этап, этап ломки всего, остался далеко позади. Что страна, в силу ее объективного развития, возвратилась к нормальному, присущему любому государству, состоянию, бытию; сомкнулась с тем, что вполне закономерно (для преодоления значительного отставания в экономике, в политической системе) прервалось в 1917 году. Потому-то очередной идеологический документ подчеркнул; «Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей, учащимся преподносятся абстрактные определения общественно-экономических формаций». И потребовал к июлю 1935 года создать новые учебники по всеобщей и отечественной истории[12].

Именно так, сразу по многим направлениям, и готовилось принятие обществом в целом стремительно приближавшихся перемен. А к ним страна вплотную подступила очень скоро.

11 июля 1936 года президиум ЦИК СССР, «заслушав доклад председателя конституционной комиссии товарища Сталина», одобрил представленный на рассмотрение текст и постановил опубликовать проект для всеобщего обсуждения, а 25 ноября созвать Всесоюзный съезд Советов для его официального утверждения[13].

Точно в предусмотренный день съезд открылся. Был начат докладом Сталина, сделавшего все возможное дабы создать и у слышавших его, и прочитавших выступление потом, весьма своеобразное представление и о самой конституции, и о той политической системе, которой предстояло утвердиться в стране.

Прежде всего, Сталин попытался воссоздать на словах, только в своем докладе, четкую идеологическую бескомпромиссную направленность, содержавшуюся в первом разделе Конституции 1924 года — в «Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик», полностью выпавшую из новой. Весьма умело, профессионально перевел принципиальную сущность строя СССР из безусловного основания для вооруженного противостояния остальному, капиталистическому миру в плоскость всего лишь «соревнования двух систем». Стремясь как можно надежнее сокрыть сущность новации, которую при желании легко можно было трактовать как отступничество, как правый ревизионизм, оппортунизм[14], настойчиво строил доклад вокруг понятия «социализм».

Сталин заявил, что самым главным результатом двенадцатилетнего развития страны, основным достижением стали: создание современной «социалистической» промышленности с сильно развитой тяжелой индустрией; создание «самого крупного в мире» сельскохозяйственного производства «в виде всеобъемлющей системы колхозов и совхозов»; ликвидация эксплуататорских классов; победа «ленинской» национальной политики. И на

основании лишь этого сделал алогичный, теоретически необоснованный вывод: в СССР «осуществлена в основном первая стадия коммунизма, социализм».

Между тем сам текст Конституции весьма разительно отличался от такого рода риторических построений. Понятие «социализм» в нем не было употреблено ни разу. Вместо него пять раз использовалось определение «социалистический» — применительно к строю (ст. 126), государству (ст. 1), системе народного хозяйства и собственности (ст. 4, 5, 118) и единожды — понятие «принципы социализма» (ст. 12).

Столь же произвольно обошелся Сталин и с другими основополагающими для марксизма-ленинизма понятиями — «диктатура пролетариата», «руководящая роль ВКП(б)»: ничтоже сумняшеся утверждал, что новая Конституция «оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР». Но о каком сохранении можно было вести речь, если Конституция 1924 года только упоминала о диктатуре пролетариата, ничего не говорила о месте и роли партии в политической системе. Все это отсутствовало и в проекте новой Конституции. Диктатура, но не рабочего класса, а пролетариата, фигурировала в ст. 2 как один из факторов, способствовавших возникновению и укреплению «Советов депутатов трудящихся», составляющих основу политической системы страны. Более того, предлагавшийся именно Сталиным текст гласил: «**Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся**». Что же касается ВКП(б), то она упоминалась лишь в ст. 126, фиксировавшей право граждан на объединения, но с несколько иной ролью — «**передового отряда трудящихся в борьбе за укрепление и развитие социалистического строя**», как «**руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных**». Всего лишь организаций, но не системы власти, ее исполнительных и законодательных органов.

Слишком хорошо понимая, что проблема руководящей роли партии, не внесенная в Конституцию, не зафиксированная ею, слишком важна, Сталин вынужден был обратиться к ней еще раз. Использовал при этом вопрос, связанный с классами, все еще, по его же словам, сохранявшимися в стране, хотя и претерпевшими серьезные изменения. Они якобы стали «новыми» классами рабочих и крестьян, «интересы которых не только не враждебны, а наоборот — дружественны». И именно такое обстоятельство, мол, и ведет к тому, что «в СССР может существовать лишь одна партия — партия коммунистов…». Но практически сразу же дал и еще одно, более близкое к истине, объяснение безальтернативности однопартийной системе. На этот раз уйдя от надуманных абстракций, пояснил: в советском обществе пока могут проявить себя как оппозиционная политическая сила лишь те, кто выражает, защищает заведомо контрреволюционные идеи. Идеи реставрации опорочившего, дискредитировавшего себя в глазах всего населения старого режима.

Представляя проект Конституции, Сталин, если бы даже и захотел, не смог бы обойти, не сказать ни слова и о столь важной ее особенности, как нарочитое сохранение федерализма, подчеркнутого правом союзных республик на выход из СССР. Упорно доказывал, убеждал всех в необходимости именно такой системы государственного устройства. Заявил, полагая, что приводит самый веский довод: «изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество в системе **единого союзного** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) государства». Умолчал, что на самом деле Советский Союз является унитарным образованием. Союзные же республики, неразрывно связанные политическими структурами, общими органами исполнительной власти, наконец экономически, необходимы по весьма веской причине. Для того, чтобы иметь возможность дифференцированно подходить к ликвидации, снятию колоссального разрыва между ними прежде всего в культурном уровне. Ради подтверждения основного положения доклада — построение социализма, не упомянул Сталин среди прочих достижений советской власти, что только в 1930 году начался перевод к

оседлости кочевников — коренных жителей Казахстана, Киргизии, Туркмении. Что азбучная неграмотность все еще царила прежде всего на Кавказе, в Средней Азии. Что чуть ли не половина населения СССР не владела русским языком, фактически являвшемся общегосударственным.

Лишь бегло коснулся Сталин действительно принципиально нового, самого главного, что и привносила Конституция в жизнь страны — и самих политических прав, свобод, и того, что все они отныне предоставляются всем без исключения, уничтожая прежнюю категорию «лишенцев». Сконцентрировал внимание на том, что их обретают граждане вне зависимости от пола, образования, оседлости, национальности или расы. Права: на труд, отдых, пенсии по старости и нетрудоспособности, неприкосновенность личности, жилища, тайны переписки. Свободы: совести, слова, печати, собраний и митингов, шествий и демонстраций, объединений. Говорил Сталин о том, что в предложенной формулировке они представляют действительно шаг вперед даже по сравнению с правами и свободами западных демократий. И вполне сознательно обошел важнейшую в данном случае «деталь» — отсутствие каких-либо четко выраженных гарантий этих прав и свобод, только и приводящих на деле к подлинному народовластию. Не счел нужным, если и хотел, растолковать: в действительности новая Конституция — «одежда на вырост», рассчитана на отдаленное будущее. Она предполагала сначала завершение культурной революции и только потом, уже на основе всеобщей грамотности, да еще и в нескольких поколениях, появление, утверждение гражданского общества. Осознание гражданами себя как единственного источника и носителя власти, умение пользоваться своими правами и свободами, делать сознательный выбор.

Не стал Сталин привлекать всеобщего внимания и к иному — сохранению старого. По сути бесконтрольных исполнительных органов с «вертикальной», всеохватывающей, основанной на жестком и безоговорочном подчинении снизу доверху, от исполкомов городов и районов, областей и краев, через совнаркомы автономных и союзных республик, до СНК СССР, конструкцией. Той самой, которой Конституция 1924 года отвела девять из одиннадцати глав второго, основного раздела, а 1936 года — восемь глав из тринадцати. И к тому, что если поначалу было всего десять наркоматов (включая ВСНХ), то теперь их стало уже двадцать три, вместе с комиссиями, комитетами. Количество же их росло исключительно за счет отраслевых, что было весьма симптоматично. Зато с готовностью Сталин откликнулся на предложение создать еще один наркомат, также отраслевой — оборонной промышленности[15].

Именно так и возникла возможность двойной трактовки смысла, оценки Конституции 1936 года. Одной — теми, кто воспринимал ее по докладу Сталина. Мировым коммунистическим движением, широкими полуграмотными массами населения СССР, конформистски готовыми привычно воспринять обещаемое за действительность, традиционно перенести представление о далеком будущем на текущий день. Другой — весьма немногими, теми, кто обращался непосредственно к тексту основного закона, критически сопоставлял его с реальной жизнью страны; видевшими, в зависимости от своих политических взглядов и убеждений, в новой Конституции доказательство перерождения революционной партии, отход ее под влиянием Сталина от марксистско-ленинского учения, забвение интересов пролетариата и мировой революции. Либо, наоборот, вопиющий обман и лицемерие, попытку использовать декларацию свобод, чтобы скрыть страшный произвол, полное пренебрежение правами и свободами граждан.

Но все же, несмотря ни на что, Конституция, сразу же объявленная официозной пропагандой «сталинской», принятая VIII съездом Советов СССР 5 декабря 1936 года, коренным образом изменила политическую систему страны. Заложила прочный фундамент подлинной демократии, в силу исторических условий пока только провозгласив ее три основополагающих принципа: равенство прав для всех; принадлежность власти всему населению (юридически «трудящимся» при том, что «не трудящихся» больше не было, как констатировала та же Конституция и Сталин); выборность всех органов власти и составляющих

политическую основу СССР — Советов. Правда, отсутствовали остальные такого же рода принципы: обязательное разделение власти «по горизонтали»; незыблемые гарантии обеспечения прав и свобод. Им еще предстояло вызреть.

Вместе с тем принятие Конституции не менее четко обозначило, предопределило и иное, более злободневное. Прежде всего то, что до появления гражданского общества вакуум власти неизбежно заполнит единственно реально существовавшая, способная и готовая к тому сила — бюрократия. В ней же, под прямым воздействием происходивших в стране процессов, столь же неизбежно развернется борьба за абсолютное первенство между двумя ее составляющими — старой партократией и возникшей за годы индустриализации технократией.

Глава вторая

Сама масса чиновников — и партийных, и советских — вряд ли до конца осознавала всю серьезность, радикальность перемен, которые неизбежно несло принятие новой конституции. Разумеется, никто и помыслить не мог открыто признать, выразить подобное непонимание. Но именно такое слишком уж безмятежное состояние всех тех, кто занимал ключевые посты в законодательной и исполнительной ветвях власти, обеспокоило, насторожило Кремль. Заставило его всерьез опасаться результатов возможного стихийного развития событий. А потому всего через три месяца после VIII съезда Советов, на Пленуме ЦК, открывшемся 23 февраля 1937 года и посвященном практически одной единственной проблеме, хотя и представшей в трех ипостасях — «дело» Бухарина и Рыкова, уроки «вредительства», «меры по борьбе с троцкистскими и другими двурушниками», ПБ вынуждено было вернуться к вопросу о подготовке к выборам в Верховный Совет (ВС) СССР.

Секретарю ЦК ВКП(б), члену Оргбюро (ОБ) и кандидату в члены ПБ, одновременно и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома, Андрею Александровичу Жданову, которому поручили выступить с докладом на эту тему, пришлось полностью отказаться от конструкции, уже использованной им в речи на VIII съезде Советов. От весьма опосредованного построения, сводившегося к обычной для тех лет партийной риторике. Мол, новая Конституция отражает, главным образом, победу социализма. Последняя же наиболее ярко выражается в праве на труд и образование, в показателях экономического роста. И все же Жданов, невольно раскрывая истинный смысл политической ситуации, приходил к, казалось, неожиданному выводу. «Если фашизм осмелится, — говорил Андрей Александрович, — искать счастья на северо-западных границах Советского Союза (он выступал как делегат от Ленинградской области. — *Ю. Ж.*), то мы поставим на службу обороны всю технику, которой располагает промышленность Ленинграда, нанесем ему под руководством железного полководца армии страны Советов тов. Ворошилова такой удар, чтобы враг никогда не захотел Ленинграда»[16].

На Пленуме, где Жданов впервые предстал как один из новых лидеров партии, он привлек внимание тех, к кому обращался, к принципиально иному. Не к внешнеполитическому фактору, как определяющему, а к внутриполитическому. Прежде всего к тому, что «новая избирательная система означает большую гласность в деятельности советских организаций». «Означает усиление контроля масс в отношении советских органов и усиление ответственности советских органов в отношении масс». И к тому, что по его мнению было более значимо: «следствием введения всеобщего, прямого и равного избирательного права» станет наиболее непредсказуемое и потому наиболее опасное с точки зрения власть предержащих, усиление «политической активности масс». А отсюда-то и проистекала генеральная задача дня. «Наши партийные организации должны… быть готовы к избирательной борьбе. При выборах нам придется иметь дело с враждебной агитацией и враждебными кандидатами».

Выход из создавшегося, весьма непростого положения, Жданов вместе со всем ПБ видел в активной подготовке партии к участию в состязательной системе. В овладении ею основ демократии, готовности подчиниться большинству, предварительно сделав все возможное и даже невозможное, чтобы завоевать это большинство, подчинить его своей воле. Потому

Андрей Александрович предложил, как пока еще лишь проект резолюции, проведение, и притом в самый кратчайший срок, в ближайшие два месяца, перевыборов в самих партийных организациях — от низовых до республиканских. Предложил вернуться к давно забытым уставным нормам: демократическому централизму, полному отказу от кооптации, на деле означавшей назначение сверху. Потребовал решительно отвергнуть функционирование реально действовавшего суррогата власти — т. н. «треугольников», состоящих из секретаря парткома, руководителя предприятия или учреждения, председателя местной профорганизации. Недвусмысленно подчеркнул, что «треугольники» «существуют в стороне от нормальных выборных органов», это «никакими партийными и советскими законами не предусмотренная организация». Подытоживая, заявил, дабы ни у кого не оставалось сомнения в твердом намерении ПБ добиться достижения постановленной цели: «Мы должны обеспечить перестройку партийной работы на основе безусловного и полного проведения начал внутрипартийной демократии»[17].

Выступления в прениях со всей очевидностью показали, что партократия, те, кто был не избран, а назначен, всерьез опасаются за свои посты. Не желают идти на состязательные перевыборы, сопровождаемые их отчетами, не просто дозволенной, а требуемой свыше, практически в обязательном порядке, нелицеприятной критикой, обсуждением выдвигаемых кандидатов. Первые секретари ЦК компартий Казахстана — Л. И. Мирзоян, Туркмении — Я. А. Попок, Украины — С. В. Косиор, крайкомов Западносибирского — Р. И. Эйхе, Дальневосточного — И. М. Варейкис, Азово-Черноморского — Е. Г. Евдокимов, обкомов Киевского — П. П. Постышев, Днепропетровского — М. М. Хатаевич, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК А. И. Стецкий, председатель Союза воинствующих безбожников Е. М. Ярославский, некоторые иные в предельно осторожной форме выдвигали достаточно убедительные, по их мнению, доводы, доказывающие и преждевременность столь скорых перевыборов в партийных организациях, и явную нежелательность введения прямого и тайного голосования на выборах в ВС СССР. Говорили об усилении враждебной политической активности клерикалов, ссыльных кулаков[18]. (Случайно или нет, но все они, за исключением лишь Ярославского, в ближайшие месяцы были репрессированы.) Однако ни у кого из них не достало мужества проголосовать — открыто! — против предложенной Ждановым резолюции. Приняли ее, как всегда в подобных случаях, единогласно. И не ошиблись.

Тревоги, опасения партократии прежде всего по поводу возможных неблагоприятных для нее результатов перевыборов в партийных организациях оказались напрасными. Провести их именно так, как предлагал Жданов, да еще и в намеченные сроки, оказалось просто невозможным по двум причинам. Первой, чисто формальной, стала ломка существовавшего административного деления, перекройка тех территориальных единиц, в рамках которых и должны были состояться перевыборы.

Выступая на VIII съезде Советов, Сталин счел нужным особо остановиться на зуде администрирования, осудив и отвергнув его. «В СССР, — говорил он, — имеются люди, которые готовы с большой охотой и без устали перекраивать края и области, внося этим путаницу и неуверенность в работе. Проект Конституции создает для этих людей узду»[19]. Но уже весной 1937 года он сам же санкционировал очередной передел карты страны. На 5 декабря 1930 года СССР слагался из 83 основных административно-территориальных единиц: 11 союзных республик и приравненных к ним по статусу крупнейших городов — Москвы и Ленинграда; 22 автономных республик, 9 автономных областей, 5 краев и 34 областей. Год спустя, в канун выборов в ВС, число таких единиц возросло до 97 (за счет образования одного края и 13 областей), а еще через полтора года, по тем же причинам — уже до 103.

Вместе с очередными административно-территориальными единицами создавались, естественно, без перевыборов или выборов, и органы их управления: крайкомы, обкомы, исполкомы, а с ними и новые «рабочие» места для чиновников. Те же, зачастую выдвигаемые из низов, впервые получая ответственную должность и пусть маленькую, но все же власть, в

кратчайший срок вынуждены были пройти суровую проверку, выжить в результате «естественного отбора». Удерживались на посту, сохраняли положение и получали возможность продвигаться вверх по иерархической лестнице только те из них, кто успевал интуитивно понять, приняв как свои, неписанные правила игры. Осознать, что существуют они всего лишь как одно из звеньев жесткой вертикальной структуры власти, незыблемо сохраняемой не один век. Потому и подконтрольны не членам партии, не населению, а вышестоящему начальству, зависят именно от него. Нужны для того, чтобы контролировать на своем уровне исполнение поступающих распоряжений. По возможности делать все, чтобы «наверх», от них, шли победные реляции. Ну, а в противном случае назывались виновные в срыве задания, лучше всего с примечанием, что те уже понесли наказание.

Вот эта-то, численно возраставшая с каждым месяцем бюрократия и сумела в последний момент осознать подстерегающую ее опасность, отреагировать на весьма прозрачный намек Жданова. Занимая все без исключения управленческие посты, равно партийные и советские, до предела использовала то, что стало определяющим для всего 1937 года. Непременный поиск в собственных рядах всевозможных «врагов» — «троцкистов», «бухаринцев», «вредителей», «двурушников», «наймитов иностранных разведок».

Основное решение февральско-мартовского Пленума — о передаче Бухарина и Рыкова под суд — подтолкнуло маховик массовых репрессий, фактически начатых еще осенью минувшего года повторным процессом над Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым, заменой Ягоды на посту наркома внутренних дел секретарем ЦК ВКП(б) Н. И. Ежовым. Буквально накануне открытия Пленума начался громкий «московский» процесс по «делу» Пятакова, Серебрякова, Муралова. В июне появилось сообщение о закрытом суде над крупнейшими военачальниками — Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими. Готовились, вот-вот должны были начаться процессы Енукидзе и Карахана, Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Розенгольца, Гринько, Икрамова, Ходжаева, а также многих, многих иных.

За каких-нибудь полтора года была практически полностью уничтожена «старая гвардия». Почти все, кто и создавал партию большевиков, возглавлял октябрьскую революцию, занимал важнейшие посты в годы гражданской войны, мирного строительства. Так, воистину варварскими, чисто азиатскими средствами покончили с той партией, которая ориентировалась на мировую революцию, мировое коммунистическое движение, свято исповедывала идеалы диктатуры пролетариата, стремилась к «построению» (несмотря на отсутствие реальных, объективных условий) социализма и сразу же вслед за тем и коммунизма в их чисто умозрительных, откровенно утопических и потому догматических формах.

Одновременно и далеко не случайно на волне «большой чистки» возобновился приостановленный в 1932 году прием в ВКП(б), что привело не просто к коренному изменению состава партии, а к ее полному перерождению. В обстановке всеобщей подозрительности, облыжных доносов, обязательно ведших к арестам, беззастенчивого наушничества, атмосфера в партии стремительно менялась. Идейные, убежденные коммунисты вынуждены были уходить в тень, становиться как можно незаметнее. Зато все громче заявляли о себе неофиты. Вчерашние обыватели, которые никогда и ни в каких оппозициях, естественно, не участвовали, всегда предусмотрительно держась вдалеке от политики. Принципиально не интересовались ею, так как свято почитали лишь одно — свое собственное благополучие. Ради него, во имя его были готовы на все, и прежде всего — на лицемерно восторженное принятие любой власти. Бездумно соглашались со всем, что бы им ни предлагали, одобряли все, лишь бы оно исходило «свыше». Демонстрировали трепетное желание исполнить любое распоряжение, указание, даже намек, только бы он был получен от начальства. Все, что снимало с них ответственность, позволяя самим избегать любых решений.

В таких условиях перевыборы в партийных организациях, где они все же состоялись, оказались вполне предсказуемыми. Члены ВКП(б) не воспользовались появившейся у них возможностью выдвинуть в руководители собственных кандидатов. Безропотно проголосовали

за тех, кто им был вновь навязан «свыше». Правда, с той же готовностью и уже чуть ли не на следующий день столь же дружно, если требовалось, возглашали: «Распни его!»

Та же атмосфера всеобщей подозрительности, порожденная и поддерживаемая ширившимися с каждой неделей массовыми репрессиями, помогла партократии и в ином. Вынудить весьма немногих, как оказалось, инициаторов реформ постепенно отказаться от самой мысли о состязательности во время выборов в ВС СССР. От того, что и должно было послужить для населения первым практическим уроком демократии.

Желательность конкурентности — наличие нескольких кандидатов на одно место в новом советском парламенте — сохранилась лишь до лета 1937 года. Во всяком случае, еще на июньском Пленуме ЦК вполне определенно и серьезно дискутировали, как же следует поступить, если в первом, а затем и во втором туре ни один из претендентов не наберет необходимого большинства. Правда, при этом не обошлось без того, что ярко характеризовало политическую грамотность членов ПБ. Так, М. И. Калинин ничтоже сумняшеся предложил «поправку сделать (в „Положении о выборах". — *Ю. Ж.*), что при равенстве голосов вопрос будет решаться по жребию». А К. Е. Ворошилов с солдатской прямотой предложил самый радикальный вариант — «боем дело кончить»[20].

Но еще более неожиданная оценка политического положения в стране проявилась при поисках наиболее беспристрастной организации подсчета голосов. Размышляя вслух, Сталин заметил, что на Западе такой проблемы не существует благодаря многопартийности. И вслед за тем добавил: «У нас различных партий нет. К счастью или к несчастью (выделено мною. — *Ю. Ж.*) у нас одна партия». Предложил потому, как паллиатив, использовать для контроля за выборами представителей хотя бы всех существующих общественных организаций[21].

На том же июньском Пленуме партократия сделала первую попытку вывести себя из-под возможного удара при альтернативном выдвижении кандидатов в депутаты. Она начала открыто отмежевываться от чиновников «советских», заодно обвиняя только их в обюрокрачивании, нежелании работать в соответствии с имеющимся законодательством. Выразителем же таких взглядов стал Я. А. Яковлев, первый заместитель председателя КПК, которому и было поручено выступить с основным докладом.

Откровенно используя и вместе с тем подтасовывая основные положения февральской речи Жданова, Яковлев для начала намеренно подчеркнул: «Если судить по работникам некоторых наших исполкомов, если судить по тому, как некоторые наши советские работники упорно молчат о недостатках в работе Советов, то трудно будет предположить, что в ближайшее время предстоят выборы в Советы на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании». А затем уже начал подбирать и необходимые доказательства.

Казалось бы, кому, как не самому Яковлеву в силу занимаемого им поста, следовало знать о том, что же порождает недостатки, присущие Советам. Что все они без исключения являются отражением того, о чем и говорил Жданов — нарушения всех уставных норм в партийных структурах. Но нет, Яковлев ни слова не упомянул о последних. Не признал, что они-то и являются корнем всех бед и напрямую воздействуют на сущность обеих реальных властных структур. Не обмолвился также о характере взаимоотношений между ПБ и ЦК, зато упорно клеймил за подобное возможных соперников на выборах. Только их обвинял в главном грехе — в «подмене Советов их исполкомами, исполкомов — президиумами и использовании пленумов Советов преимущественно для болтовни по тем или иным торжественным случаям». Мимоходом заметил, что даже структура Советов, оказывается, определяется не ими самими на основе закона, а… инструкцией наркомфина. На конкретном примере Москвы продемонстрировал, что даже увеличение числа в ней райсоветов в четыре раза не привело к появлению у тех хоть каких-либо прав, обязанностей, ответственности. Даже за благоустройство. Что вся власть в столице остается практически в руках председателя

президиума исполкома Моссовета Н. А. Булганина, а не у собственно городского, и, тем более, не у 23 районных советов.

Но как бы ни стремился Яковлев отстоять корпоративные интересы, защитить честь мундира партии, сняв с нее ответственность за вопиющую бездеятельность советской бюрократии, ему все же пришлось коснуться негативной в том роли ВКП(б). Разумеется, не всех ее структур, а только одного из звеньев низшего уровня. «Партгруппы в Советах, — вынужденно признал зампред КПК, — и в особенности в исполкомах Советов, зачастую превратились в органы, подменяющие работу Советов, в органы, которые все решают, а Советам остается лишь проштемпелевать заранее заготовленные решения». И поделился представлением о наиболее оптимальном с его точки зрения выходе из создавшегося положения. Формально — личным взглядом о возможной мере, на которую следует пойти, но отнюдь не в канун выборов, а в весьма неопределенном будущем.

«Необходимо будет, — сказал Яковлев, — выйти на очередной съезд партии с предложением об отмене пункта устава ВКП(б) об организации партгрупп в составе Советов и их исполкомов». А далее впервые открыто высказал то, что и свидетельствовало со всей очевидностью о нарастании кризиса существовавшей в СССР политической системы. Пояснил, что партгруппы следует ликвидировать для того, «**чтобы впредь все вопросы Советов как в части хозяйственного, культурного и политического руководства, так и в назначении людей обсуждались и решались непосредственно Советами и их исполкомами** (выделено мною. — *Ю. Ж.*), без возложения на коммунистов обязанности голосовать в порядке партдисциплины за то или иное решение через партгруппы, не являющиеся партийными органами»[22]. Оставил второй частью тезиса лазейку для выборных партийных органов, то есть горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик.

Сегодня невозможно установить, кому именно принадлежало авторство именно такого варианта предложения, означавшего необходимость придания большей самостоятельности официальным, советским ветвям власти и одновременно относительного сокращения полномочий самой партии. Несомненно одно: данное положение доклада получило предварительно одобрение большинства членов ПБ и, в частности, Сталина. Подтверждением же тому служит и короткое выступление в прениях В. М. Молотова, который хотя в несколько смягченной форме, но твердо поддержал тезис Яковлева. «В представлении некоторых товарищей, — отметил Вячеслав Михайлович, — у нас можно встретить такое отношение, что советский аппарат — это, ну, второстепенная какая-то организация, а советские работники — это работники второго сорта». Чтобы искоренить подобный недостаток, добавил Молотов, следует «Советы, советский аппарат, советских работников поставить в работе на более высокую ступень, поднять на ступень выше»[23]. Иными словами, как минимум уравнять обе властные структуры.

И все же ни Яковлев, ни Молотов не желали устранения партии от власти. Просто пытались найти для нее новую, более респектабельную, цивилизованную форму деятельности, сохранив прежнюю господствующую роль. Недосказанное ими более откровенно выразили другие члены руководства. «Кандидаты будут выставляться от партии и от общественных организаций, — уточнил Калинин. — …Значит, и участие в выборах, в выставлении своих кандидатур принимают эти общественные организации под руководством партии». То же нежелание рисковать, принимая всерьез демократию, продемонстрировал и Стецкий, потребовавший от участников Пленума: «Нужно заблаговременно позаботиться о том, чтобы не только был выдвинут наш кандидат, но чтобы наши кандидаты обсуждались на общих собраниях, чтобы за них агитировали, и так далее, иначе может получиться кампания наоборот»[24].

Однако даже такое решение проблемы выборов, отныне остававшихся демократическими — свободными и состязательными — только на бумаге, и должное вроде бы полностью удовлетворить интересы партократии, обезопасить ее будущее, далось далеко не сразу.

Потребовалось четыре месяца на раздумья, а возможно и на резкое столкновение мнений в руководстве. Лишь 11 октября, на третьем по счету за год Пленуме ЦК, было окончательно согласовано и сформулировано общее представление о том, как же конкретно следует проводить выдвижение и избрание депутатов, теперь уже по одному на вакантное место. Представление, порожденное в равной степени как атмосферой массовых репрессий, так и неизжитым со времен революции и гражданской войны естественным для той поры представлением о политической борьбе непременно как насилии.

Молотов, на чью долю в этот раз выпала роль основного докладчика, от имени ПБ поставил перед обкомами, крайкомами и ЦК компартий союзных республик три взаимосвязанных, подчиненных достижению одной цели, задачи. Во-первых, «иметь примерно в среднем для всего СССР до 20 % беспартийных в составе Верховного Совета», тем самым предрешив для партократии ее автоматическое большинство в обеих палатах создаваемого парламента. Во-вторых, «вся работа по выдвижению кандидатов в депутаты в Верховный Совет должна быть по-настоящему под контролем и руководством парторганизаций», что отдавало формирование депутатского корпуса все той же партократии. В-третьих, «до 17 октября Центральный Комитет должен получить проверенных, настоящих кандидатов и, опираясь на эти решения, мы будем выдвигать их через собрания рабочих и колхозников»[25]. Предупредил таким образом всех без исключения: последнее слово руководство оставляет только за собой.

Назвал Вячеслав Михайлович и тех, кому ПБ поручило с 17 октября начать проверку кандидатов, провести обе кампании — и по выдвижению, и по выборам, возглавив Центральную избирательную комиссию. Председателем ее назначили сорокадвухлетнего Петра Георгиевича Москатова, давнего функционера профсоюзов, с мая одного из секретарей ВЦСПС. Заместителем его стал сорокашестилетний Отто Юльевич Шмидт, в прошлом социал-демократ — интернационалист, проработавший к тому времени и в наркомпроде, и в кооперации, и в наркомпросе, а в последние годы — участвовавший в нескольких полярных экспедициях, и потому назначенный начальником Главсевморпути, с 1935 года еще и действительный член АН СССР. Секретарем был выбран тридцатишестилетний Георгий Максимилианович Маленков, окончивший два курса Московского Высшего технического училища, но работавший только в партаппарате: с 1925 г. — в ЦК и МК, с 1934 года — заведующим отделом руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б).

Ни одно из положений весьма короткого, до предела информативного доклада Молотова, выдержанного в откровенно императивной форме, не вызвало у участников пленума дискуссий. За ним не последовало ни обсуждения, ни дополнений, ни предложения хотя бы незначительных корректив. Этот доклад был воспринят как боевой призыв к действию и потому псевдопрения выражали полное и единодушное понимание того, что от их участников ждут. Выступавшие ограничивались либо уже готовым рапортом о выполнении только что полученного приказа, либо предусмотрительным рассказом о тех или иных трудностях, которые имеются в их регионе. Но лейтмотивом всех без исключения выступлений оказалось упование на новые репрессии, которые и позволят преодолеть сложные препятствия.

Первый секретарь Архангельского обкома Конторин, например, заявил, что на вверенной ему территории слишком много противников Советской власти — «и административно высланные, и спецпоселенцы, и лагери… Много всякой сволочи. И вот сейчас, когда оперативно работает „тройка“, и когда начали мы разматывать это дело, вскрыли дополнительно 10 контрреволюционных организаций. Мы просили и будем просить Центральный комитет нам увеличить лимит по первой категории (т. е. позволить местной „тройке“ вынести загодя установленное число смертных приговоров. — *Ю. Ж.*) в порядке подготовки к выборам».

Ю. М. Каганович, брат Л. М. Кагановича и первый секретарь Горьковского обкома, наоборот, докладывал о том же как об уже сделанном. «С мая месяца, — гордо отчитывался он за проделанную „работу“, — посажено врагов — троцкистов, бухаринцев, шпионов,

вредителей, диверсантов — 1225 человек, в том числе орудовавших на автозаводе, на 21-м заводе, на 92-м заводе и других. Взято 2860 человек кулацко-белогвардейских, повстанческих элементов…» А. А. Волков, секретарь ЦК компартии Белоруссии, столь же четко сообщил Пленуму о ликвидации главных «врагов» — ксендзов и учителей польских школ. А заодно продемонстрировал и редкую гибкость в подходе к решению предложенной задачи. «У нас есть, — поделился он своим опытом, — такие писатели, как Якуб Колас, Янка Купала, Александровский. По правде говоря, первые два — люди, которые были завербованы врагами. Но это наиболее видные люди для Белоруссии, поэтому мы должны вырвать их из вражеских лап, приблизить к себе, и мы даже считаем нужным провести их в Совет национальностей».

Только одно выступление, первого секретаря Курского обкома Пескарева, прозвучало диссонансом. Оно стало предвестником будущих переоценок массовых репрессий. Продемонстрировало, что слишком многие аресты необоснованны, надуманны, зиждятся на ложных обвинениях. «…Судили по пустякам, — рассказал Пескарев. — Судили незаконно, а когда мы, выяснив это, что незаконно многих судили, поставили вопрос в Центральном Комитете, товарищ Сталин и товарищ Молотов крепко нам помогли, направив для пересмотра этих дел за эти годы бригаду работников Верховного Суда и Прокуратуры. И оказалось, что за три недели работы этой бригады по 16 районам отменено этой бригадой Верховного Суда и Прокуратуры 56 % приговоров как незаконно вынесенных. Больше того, 45 % приговоров оказалось без всякого состава преступления»[26].

После октябрьского Пленума ни у кого из широкого руководства, — начиная с первых секретарей обкомов, крайкомов и выше, не должно было оставаться и тени сомнения, что победа на предстоящих выборах им уже обеспечена. Неизбежна не потому лишь, что все кандидаты — «свои». Неминуема еще и потому, что голосовать предстояло политически и азбучно неграмотному населению вчерашней крестьянской страны. Людям, в сознании которых прочно сохранялся закрепленный веками примат патернализма, общинного «заединства», никогда не позволявший личности, если таковая и появилась, проявить себя принятием собственного решения, высказыванием собственного взгляда. Заставлявший всех обязательно делать абсолютно все вместе, как один, не задумываясь о последствиях. Всегда, при любых, даже крайне неблагоприятных для себя обстоятельствах, поддерживать власть как таковую, и только ее.

Вместе с тем, нельзя забывать и еще об одном, не менее важном факторе, повлиявшем на исход выборов. О заявлении руководства партии, выразившем явное стремление продемонстрировать некое понижение роли ВКП(б) в жизни общества, в управлении страной. Мол, в новых условиях на политическую сцену СССР якобы выходит подобие народного фронта — своеобразный, существующий декларативно «блок коммунистов и беспартийных».

7 декабря 1937 года, менее чем за неделю до выборов, все газеты страны опубликовали «Обращение» ЦК ВКП(б) ко всем избирателям, в котором содержалась, несколько раз повторяясь, варьируясь, в сущности одна единственная мысль: «Партия большевиков выступает на выборах в блоке, в союзе с беспартийными рабочими, крестьянами, служащими, интеллигенцией… идет на выборы в блоке, в союзе с беспартийными, идет в блоке с профессиональными союзами рабочих и служащих, с комсомолом и другими организациями и обществами». В небольшом по объему тексте снова и снова объяснялось, разъяснялось, втолковывалось, прочно внедряясь в сознание, что партия больше не является правящей в прежнем значении. Добровольно уступает власть трудящимся, т. е. народу: «кандидаты в депутаты будут общие как для коммунистов, так и для беспартийных, каждый беспартийный депутат будет также депутатом от коммунистов, равно как каждый коммунистический депутат будет депутатом от беспартийных».

Но даже и такое, до предела упрощенное объяснение новой политической системы, которое, казалось бы, должно было дойти до каждого, быть понято всеми абсолютно, Кремль

счел недостаточным. И потому уже буквально в самый канун выборов, 11 декабря, выступая в Большом театре в целом с маловразумительной, до предела расплывчатой и практически бессодержательной речью, Сталин использовал одно из принципиальных положений Конституции — о праве отзыва депутатов, дабы в который раз выделить, подчеркнуть то, что счел в тот момент самым важным. «Депутат, — сказал Иосиф Виссарионович, — должен знать, что он слуга народа, его посланец в Верховный Совет и что должен вести себя по линии, по которой ему дан наказ народом»[27].

Да, буквально так: депутат отныне слуга не партии, а народа, всех без исключения граждан страны. Именно подобным образом Сталин раскрыл сущность блока партии и беспартийных, названного за месяц перед тем Молотовым «морально-политическим единством общества»[28]. Так он выразил существо новой политической системы Советского Союза.

Безупречно проведенные выборы, запрограммированная победа всех без исключения кандидатов «блока» позволили в установленный срок, ровно через месяц (12 января 1938 года) созвать первую сессию нового советского парламента, ВС СССР, первого созыва. А на ней избрать высших должностных лиц законодательной ветви власти и юридически утвердить сформированный на заседании ПБ за несколько дней перед тем СНК СССР. Тот, на составе которого пока еще отразились лишь результаты не утихавших репрессий.

За истекший роковой 1937 год если не по нескольку раз, то во всяком случае хотя бы единожды поменялось подавляющее большинство первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, председателей обл- и крайисполкомов, республиканских совнаркомов. На этом фоне положение в высшем эшелоне власти могло показаться чуть ли не благостным, столь стабильным оно выглядело. ПБ из 17 своих членов и кандидатов в члены потеряло только двоих: покончившего с собою (по официальной версии скончавшегося от разрыва сердца) Г. К. Орджоникидзе и арестованного Я. Э. Рудзутака, пополнившись за то же время одним Н. И. Ежовым. Правда, подлинное число жертв партократии союзного уровня следовало расширить, включить в него Н. К. Антипова, который был кандидатом в члены оргбюро (ОБ), но занимал до ареста должность, аналогичную должности Орджоникидзе.

Все это, выражавшее отсутствие изменений в расстановке сил на вершине власти, позволило ПБ усилить свои позиции, сохранив за собою все ключевые государственные посты. Председателем СНК остался В. М. Молотов. Его заместителями — В. Я. Чубарь, А. И. Микоян, а также и С. В. Косиор, только что переведенный из Киева, где он возглавлял партийную организацию Украины. Главами важнейших ведомств, наркомами: обороны — К. Е. Ворошилов, внутренних дел — Н. И. Ежов, тяжелой промышленности — Л. М. Каганович, земледелия — Р. И. Эйхе. М. И. Калинина избрали председателем президиума Верховного Совета (ПВС), Г. И. Петровского — одним из его заместителей, А. А. Андреева — председателем верхней палаты Совета Союза, А. А. Жданова — ее комитета по иностранным делам. Таким образом, исключительно партийными делами теперь занимались И. В. Сталин и Н. С. Хрущев, который с 14 января заменил одновременно П. П. Постышева как кандидат в члены ПБ и С. В. Косиора как первый секретарь ЦК КП(б) Украины.

Собственно организация правительства ничего нового не принесла. Хотя оно сравнительно с 1924 годом и увеличилось ровно в два раза (насчитывало помимо председателя и его трех замов еще глав 26 ведомств: 21 наркомата, Госплана, КСК, Госбанка и комитетов по делам искусств, высшей школы), подобный рост предусматривался уже проектом Конституции. А последние, незначительные коррективы в Конституцию СНК СССР, внесли незадолго до открытия сессии. В конце августа 1937 года образовался наркомат машиностроения. В конце декабря выделился из НКО самостоятельный наркомат военно-морского флота (НКВМФ), а также преобразовался в наркомат комитет по заготовкам.

Не принесли принципиально нового и сами персональные назначения в СНК СССР. Большинство его членов сохранили свои прежние посты, а действительного утверждения (но на заседании ПБ, а не на сессии) потребовали только пять кандидатур. В связи с арестом Г. И.

Смирнова, председателя Госплана, ставшую вакантной должность занял его заместитель Н. А. Вознесенский, незадолго до того переведенный из Ленинграда, где он возглавлял облплан. Фактически по той же причине — уже предрешенному, хотя и не произведенному еще аресту Н. В. Крыленко — наркомом юстиции стал Н. М. Рычков, прежде длительное время проработавший членом военной коллегии Верховного Суда СССР и несколько месяцев — прокурором РСФСР. Также из-за «освобожденной» арестом Судьина должности наркома внешней торговли получил повышение делавший достаточно характерную для тех лет карьеру Е. В. Чвылев. В прошлом заведующий учебной частью Академии внешней торговли, он всего три месяца исполнял обязанности заместителя наркома, и вот теперь обрел заветное кресло члена правительства. И только два человека утратили свои посты в результате острой критики, которой их подвергли в последние дни: Кольцов, председатель комитета по заготовкам, которого сменил М. В. Попов, служивший «по линии сельского хозяйства» в Горьковской области, и П. М. Керженцев, председатель комитета по делам искусств, чьим преемником оказался редактор «Правды» по отделу искусства А. И. Назаров[29].

Благодаря этому у тех, кто знакомился с ходом сессии, могло появиться впечатление, что все остается по-старому. Новая Конституция нисколько не изменила политический климат в стране, не привела к обещанному смягчению или хотя бы незначительному ограничению всевластия партократии. Но именно в тот самый день, когда Молотов представлял депутатам состав правительства, 19 января «Правда» опубликовала сообщение о завершившемся Пленуме ЦК и его основное постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков».

Даже беглое знакомство с его текстом позволяло понять: обоснованность массовых решений ставится под сомнение. Мало того, вину за противозаконность возложили не на партийные организации, как явствовало из названия постановления, а скорее на их руководителей, обвиненных в карьеризме. Ведь далеко не случайно жирным шрифтом были выделены следующие три фразы:

«…среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены **отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающихся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии».**

«Пора разоблачить таких с позволения сказать коммунистов и заклеймить их как карьеристов, старающихся выслужиться на исключениях из партии, старающихся перестраховаться при помощи репрессий против членов партии».

«…многие наши парторганизации и их руководители до сих пор не сумели разглядеть и разоблачить **искусно замаскировавшегося врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в радах партии, — это во-первых, и, во-вторых, стремящегося путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах**»[30].

Собственно, все постановление, хотя и использовавшее обычную для тех лет терминологию: понятия «враг», «предатель», «разоблачение», «истребление кадров», должно было поразить читателей. Людей, которые, к сожалению, привыкли видеть за словом «враг» шлейф стандартных определений: «троцкист», «бухаринец», «двурушник», «шпион», и впервые не находившие их. Вместо них обнаруживали совершенно иное словосочетание — карьерист-коммунист, который, оказывается, и является истинным врагом народа, предателем и двурушником. Такая оценка происходивших событий должна была посеять смуту в умах, перевернуть все сложившиеся представления, заставить задуматься о происходящем, ужаснуться содеянному. Все это заставило поразиться такому слишком крутому повороту,

который вдруг решило совершить руководство партии: «решительно покончить с массовыми, огульными исключениями из партии», «в трехмесячный срок закончить рассмотрение апелляций всех исключенных из партии», «привлекать к партийной ответственности лиц, виновных в клевете на членов партии», но особенно поразил пункт 9 — «запретить неправильную, вредную практику, когда исключенных из ВКП(б) немедленно снимают с занимаемой им должности»[31], так как именно такие действия влекли за собою становившимся автоматическим арест.

Еще большее впечатление, но уже на немногих, удостоенных особой чести, несомненно, произвел факт издания, хотя и под грифом «строго секретно», типографским способом стенограммы Пленума, а в ней доклада, сделанного Маленковым 14 января и легшего в основу постановления. Ведь там содержались неизвестные тогда, поистине устрашающие сведения.

«За 1937 год, — сообщил Георгий Максимилианович, — всего исключено из партии около 100 тысяч коммунистов, причем если за первое полугодие 1937 года исключено из партии 24 тысячи коммунистов, то за вторую половину этого же года из рядов ВКП(б) исключено 76 тысяч коммунистов. В то же время в партийных организациях до сих пор не рассмотрено не менее 65 тысяч апелляций. Это значит, товарищи, что 65 тысяч коммунистов, исключенных из партии, оспаривают правильность исключения. Практика же работы Контрольной партийной комиссии при ЦК ВКП(б) показывает, что очень многие из подавших апелляции, правильно возражают против своего исключения из рядов партии. По большинству партийных организаций, где КПК рассматривала апелляции исключенных из партии уже областными комитетами, восстановлено в рядах партии от 40 до 75 % общего количества исключенных».

Таким образом Маленков, выражая отнюдь не только свое мнение, охарактеризовал положение, в котором оказалась партия после февральско-мартовского Пленума ЦК 1937 года. Недвусмысленно признал, что ВКП(б) захлестнул произвол, из-за которого создалось «ложное, насквозь фальшивое впечатление о том, что вокруг нас только одни враги, что честных людей мало». И дал объяснение происходящему повсюду произволу: «Факты извращений в деле исключения из партии получили широкое распространение, главным образом, потому, что партийные организации и их руководители не сумели вскрыть и разоблачить отдельных коммунистов-карьеристов, которые стремятся отыгрываться и выдвигаться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, которые стараются застраховать себя от возможностей обвинений в недостаточной бдительности»[32]. Словом, весьма недвусмысленно подверг ревизии и речь Сталина на февральско-мартовском Пленуме, в которой и прозвучал властный призыв к «усилению бдительности», и само постановление Пленума, потребовавшего того же от всех членов ВКП(б).

Практически все участники январского пленума, слишком хорошо зная, что от них ждут, представляя, что им грозит при непослушании, выражении несогласия с основными положениями доклада, уже обсужденного, выверенного и одобренного ПБ, с обычной готовностью соглашались с Маленковым. Признавали безусловную его правоту в целом, пытаясь тем не менее выгородить лично себя. Весьма показательной для характеристики настроений, царивших в те часы, может служить короткая дискуссия, точнее обмен репликами между докладчиком и первым секретарем ЦК компартии Азербайджана Багировым.

«**Маленков**. ЦК КП(б) Азербайджана 5 декабря 1937 года на одном заседании подтвердил исключение из партии 279 человек и по городу Баку — 142 человек.

Багиров. Может быть, кто-либо из них арестован?

Маленков. Я дам справку, сколько из них сидит. Сперва ты дай справку, а потом я.

Багаров. Сперва ты скажи, ты докладчик.

Маленков. Я по каждому факту имею документ соответствующего краевого комитета. Если угодно, я назову цифру — 63 человека из 279 были арестованы на месяц позже того срока, как были исключены. У меня имеется шифровка из ЦК Азербайджана.

Багиров. Эта шифровка неполная. Я могу привести факты, когда и сейчас некоторые подлежат аресту, а ходят на свободе.

Маленков. Товарищ Багиров, это не арестованные, раз ходят на свободе (смех).

Багиров. Я в течение шести месяцев добивался и не смог добиться времени, чтобы поговорить по этому вопросу.

Маленков. Я хочу продолжить, что в отношении этих 142 человек ЦК Азербайджана даже не считает нужным указать фамилии тех, о которых он решает вопрос, а в протоколе указывает счетом по каждому району, сколько человек исключено, а затем, как хороший бухгалтер, подводит итог и указывает — исключить 142 человека…»[33].

Единственным, кто продолжал упорствовать, отстаивая верность и необходимость проведенных массовых арестов, оказался кандидат в члены ПБ П. П. Постышев, возглавлявший Куйбышевский обком с марта 1937 года по 9 января 1938 года. Взял слово для того, чтобы объяснить роспуск 34 райкомов и санкционирование им исключение из партии двух тысяч коммунистов области.

«…Я подсчитал, и выходит, что 12 лет сидели враги, — сказал Постышев, имея в виду руководителей областной парторганизации. — По советской линии то же самое сидело враждебное руководство. Они сидели и подбирали свои кадры. Например, у нас в облисполкоме, вплоть до технических работников, самые матерые враги, которые признались в своей вредительской работе и ведут себя нахально. Начиная с председателя облисполкома, с его заместителя, консультантов, секретарей — все враги. Все отделы исполкома были засорены врагами… Теперь возьмите председателей райисполкомов, все враги. 66 председателей райисполкомов — все враги. Подавляющее большинство вторых секретарей, я уже не говорю о первых, враги, и не просто враги, но там много сидело шпионов: поляки, латыши, подбирали всякую махровую сволочь… Потом уполномоченный КПК — тоже враг, и оба его заместителя враги-шпионы. Возьмите советский контроль — враги.

Булганин. Получается, что нет ни одного честного человека.

Постышев. Я говорю о руководящей головке. Из руководящей головки — из секретарей райкомов, председателей райисполкомов почти ни одного честного человека не оказалось. А что же вы удивляетесь?»[34].

Постышев, продолжавший, несмотря ни на что, повсюду видеть врагов, разоблачать их, оказался в опасном одиночестве. А потому, спустя два часа, стал ритуальной жертвой — его демонстративно в назидание другим вывели из кандидатов в члены ПБ. Однако в действительности не только Постышев не видел в массовых исключениях из партии и репрессиях ничего необычного, предосудительного, ужасного, преступного. Таких на Пленуме было достаточно много. Их своеобразное мнение, как бы подытоживая все сказанное на свой лад, выразил Л. М. Каганович. Спокойно заявил: «Я думаю, что можно без преувеличения сказать, что за последний год — год выкорчевывания врагов партии и врагов народа, для честных большевиков, хотя и проявивших наивность и слепоту в своей работе, оказался годом такого большевистского воспитания и такой закалки, которой мы в обычное время не получили бы и за десять лет»[35].

Вскоре к позиции Кагановича открыто примкнули еще два члена ПБ. Жданов — в докладе 21 января на сессии ВС, где особо остановился в разделе, названном им «До конца выкорчуем врагов народа» на необходимости дальнейших «разоблачений». И Ворошилов — 22 февраля в речи, произнесенной на торжественном заседании в честь 20-летия РККА, в которой напомнил о «предателях и шпионах», призвав всю армию, красноармейцев и командный состав, к повышению «бдительности»[36].

Подобное открытое выражение взглядов, вступавших в явное противоречие с основными положениями доклада Маленкова и постановлением Пленума ЦК, свидетельствовало об отсутствии среди членов ПБ единой позиции. Тем не менее, сторонникам отказа от

революционного духа удалось добиться уже немалого. Не только нанести сильный, весьма ощутимый, далеко идущий по своим последствиям удар во партократии на январском Пленуме. Перед тем они сумели устранить из текста конституции прямое упоминание о диктатуре пролетариата, настоять на проведении выборов не по производственным ячейкам, что и составляло основной признак Советов, а по территориальным округам — практике, прежде осуждавшейся как вопиющее проявление «буржуазной» демократии.

Тогда же, в самом начале 1938 года, столь же отчетливо обозначилась и еще одна новая тенденция, свидетельствующая о контурах будущей политической системы. 4 января «Правда» опубликовала невозможный, немыслимый ранее документ ЦК — «О неправильном постановлении Ярославского городского комитета ВКП(б)». В нем же, используя как формальный предлог вмешательство первого секретаря горкома при назначении директоров текстильного комбината «Красный Перекоп» и ткацкой фабрики, было прямо заявлено: «горкому ВКП(б) не предоставлено право назначения и освобождения директоров предприятий, подчиненный союзным наркоматам». Последующие публикации в этой газете не только развили, но и конкретизировали изменившееся отношение к кадровым перестановкам. В передовой номера от 6 января указывалось: «Решать должен единоначальник… Единоначалие незыблемо». А главной мыслью появившихся 27 января еще одной передовой и вслед за тем статей секретарей Ленинградского горкома В. Цветкова и Красноярского крайкома С. Соболева открыто прозвучал призыв выдвигать на руководящую работу беспартийных[37].

Вскоре был сделан очередной, пожалуй, наиважнейший шаг на пути осуществления политической реформы. Сталину пришлось отказаться от того своего главного теоретического положения, которое и позволило ему, творчески «развив» ленинизм, в середине 20-х годов выйти победителем в борьбе за лидерство в партии. От положения, которое родилось в конце 1924 года в ходе ожесточеннейшей полемики с Троцким и разделило сначала только Компартию СССР, а затем и все мировое коммунистическое движение на две непримиримые фракции. Чисто теоретическое положение, послужившее идеологическим обоснованием и для большого рывка, которым явились первые пятилетки, и для массовых репрессий.

Совершенно не заботясь о том, что сам же опровергает большинство собственных статей и речей, Сталин лишь на первый взгляд немотивированно вернулся к кардинальному для всей партии вопросу: о возможности построения социализма в отдельной стране — в СССР.

14 февраля 1938 года, всего месяц спустя после открытия первой сессии ВС СССР и январского Пленума, «Правда» на третьей полосе, отводимой тогда обычно для теоретических материалов, опубликовала «Письмо т. Иванова и ответ т. Сталина». Фактически же статью Иосифа Виссарионовича в столь излюбленной им катехизисной форме, усвоенной им, видимо, еще во время обучения в тифлисской семинарии. В «ответе», после всех громогласных заявлений о полной победе социализма как по поводу принятия новой Конституции, так и в связи с подведением итогов выполнения второго пятилетнего плана, Сталин вдруг вернулся к сакраментальному вопросу: «можно ли считать победу социализма в нашей стране окончательной, т. е. свободной от опасности военного нападения и восстановления капитализма при условии, что победа социализма имеется только в одной стране, а капиталистическое окружение продолжает существовать?»

Для начала как бы не от себя, а ссылаясь на резолюцию XIV партконференции (апрель 1925 года), заявил: «Ленинизм отвечает на эти проблемы отрицательно. Ленинизм учит, что окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе». И тут же, со ставшей обычной для него нескромностью, прямо ссылаясь на самого себя, Сталин добавил: «Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а, значит, и реставрации». Но полагая, что и двух однозначных объяснений для доказательства новой, хорошо забытой старой истины может оказаться недостаточным, в третий раз, уже без ссылок, повторил, снова используя риторический прием вопросов и ответов: «Можно ли считать победу социализма в

одной стране окончательной, если эта страна имеет вокруг себя капиталистическое окружение и если она не гарантирована от опасности интервенции и реставрации? Ясно, что нельзя». И лишь вслед за тем попытался сформулировать довольно эклектичное определение того строя, который, по его мнению, установился в СССР, соединив обещанную утопию и очевидную реальность. «Это называется у нас победой социализма или, точнее, победой социалистического строительства в одной стране… Но так как мы живем не на острове, а „в системе государств", то мы говорим открыто и честно, что **победа социализма в нашей стране не является окончательной** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)»[38].

В подобном, лишь внешне межеумочном определении крылось очень многое. И горькое разочарование в прежних революционных взглядах, столь решительно отстаивавшихся Сталиным последнее десятилетие. И откровенное признание ошибки при определении цели, к которой должно было привести все, чем были заполнены последние годы — индустриализация, коллективизация, борьба не на жизнь, а на смерть со вчерашними единомышленниками, с соратниками по ПБ, и приведшая к массовым репрессиям. И слишком поздно пришедшее понимание, что страна вновь, как в революцию, при переходе к НЭПу, при принятии первого пятилетнего плана, оказалась на распутье. И что нет иного выхода, нежели возвращение Советского Союза к нормальному, естественному развитию. И, главное, признание того, что ситуация, сложившаяся в мире, прямо угрожает СССР войной, то есть интервенцией и возможной в случае поражения реставрацией капитализма.

В силу всего этого статья Сталина сразу же оказалась как бы забытой. Ее обошли гробовым молчанием и средства массовой информации, и пропагандисты, и партийные лидеры, прежде всегда с большой охотой использовавшие все, исходившее из уст или из-под пера вождя как неисчерпаемый источник прежде всего цитирования, а кроме того, как великолепную возможность проявить не просто полное единомыслие, лояльность, но и личную преданность, готовность следовать за «товарищем Сталиным» в любом направлении, лишь бы только он направлял такой курс.

Возможность же для столь вопиющего молчаливого несогласия предоставила шумная кампания в связи с началом как оказалось последнего политического процесса — над Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, Г. Г. Ягодой, Н. Н. Крестинским, еще 18 обвиняемыми. В том числе над тремя врачами, Л. Г. Левиным, И. Н. Казаковым, Д. Д. Плетневым, а также и Виноградовым, которым вменялось в вину прямое «участие в убийстве» В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского и А. М. Горького.

Оголтелая свистопляска вокруг обретенных столь вовремя очередных «врагов» началась 28 февраля, с появлением в газетах сообщения «В Прокуратуре СССР», и внезапно прекратилась 16 марта. Напомнила о ней, но только однажды, статья М. Кольцова «За что они убили Горького», опубликованная «Правдой» 28 марта. Иные проблемы, иные заботы — вполне реальная, а не измысленная опасность заставила всех членов ПБ окончательно отрешиться от «охоты на ведьм». Сплотиться ради подготовки к отражению войны, стремительно и неуклонно приближавшейся к границам СССР.

Глава третья

В конце ноября 1937 года, за три с половиной месяца до назначения на пост министра иностранных дел, лорд Галифакс по личному поручению нового британского премьера Невилла Чемберлена встретился с Гитлером и изложил тому идею своеобразного альянса. В обмен на согласие в скором времени заключить с Лондоном договор по широкому кругу вопросов, предложил Германии свободу действий. Сначала весьма прозрачно намекнул — «не должны исключаться никакие возможности изменения существующего положения в Европе», а затем и прямо назвал потенциальные объекты нацистской агрессии, которые встретят «понимание» — Данциг, Австрия, Чехословакия. Настаивал при этом только на одном: «Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной

эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которые не желали бы ни фюрер, ни другие страны»[39].

Гитлер не заставил себя упрашивать и поспешил использовать предоставившуюся возможность. Опираясь на австрийско-германское соглашение от 11 июня 1936 года, разрешавшее возобновление деятельности в альпийской республике местной нацистской партии, потребовал от последней ускорить подготовку путча и, тем самым, аншлюса. А чтобы подтолкнуть ход событий, вызвал в Берхтесгаден канцлера Австрии Курта фон Шушнига и во время переговоров с ним 12 февраля 1938 года в ультимативной форме стал настаивать на полной передаче власти, да еще не позже, нежели через неделю, нацисту Зейсс-Инкварту. В противном случае, пригрозил фюрер, ему придется использовать силу.

Не дождавшись в установленный им самим срок смены канцлера в Вене, 20 февраля Гитлер выступил в рейхстаге. Провозгласил, что отныне третий рейх не считает себя связанным какими-либо международными обязательствами или договорами и незамедлительно приступит к объединению в одном государстве всех немцев, где бы они ни проживали. Семи миллионов — в Австрии, трех миллионов — в Судетской области Чехословакии. Лондон, как и обещал, прореагировал весьма мягко. Министр иностранных дел Антони Иден в знак протеста подал в отставку, а Чемберлен дважды, 28 февраля и 3 марта, заявил, что в намерениях Гитлера не содержится посягательств на международную систему, нарушений Сен-Жерменского договора, хотя последний прямо запрещал аншлюс.

Несмотря на ухудшавшуюся с каждым днем ситуацию, отсутствие признания его правоты с чьей-либо стороны, Шушниг пытался сопротивляться неприкрытому давлению. Отверг ультиматум Гитлера и объявил о проведении 13 марта плебисцита, твердо рассчитывая на поддержку со стороны подавляющего большинства австрийцев. И хотя в самый последний момент, под прямым нажимом со стороны Муссолини, Шушниг отказался от плебисцита и подал президенту прошение об отставке, Гитлер приступил к намеченному. Вечером 11 марта части вермахта перешли границу, а утром следующего дня заняли Вену. Так завершился очередной акт европейской драмы, предрешенный политикой умиротворения. Перестала существовать, была стерта с карты мира первая из европейских стран, преданная своими гарантами. Превратилась в провинцию третьего рейха.

Столь же агрессивные намерения в те дни продемонстрировала и Польша. Официальным ультиматумом потребовала от Литвы признания законности оккупации ею Виленской области. А еще раньше мировая печать вдруг стала муссировать слухи об имевшемся якобы тайном сговоре Берлина и Варшавы. Их намерениях разделить между собою территорию независимой Литвы. Германия должна была вернуть себе Мемельскую (Клайпедскую) область, а Польша — все остальные земли. 19 марта президент Литвы Антанас Сметона безоговорочно принял ультиматум, удовлетворив великодержавные амбиции санационного режима маршала Рыдз-Смиглы — Бека.

В столь напряженной, взрывоопасной, чреватой своей непредсказуемостью обстановке, нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов срочно созвал 17 марта пресс-конференцию. В выступлении отметил, в частности: «Если случаи агрессии раньше имели место на более или менее отдаленных от Европы материках или на окраине Европы… то на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничивших с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских… В первую очередь возникает угроза Чехословакии… В сознании Советским правительством его доли ответственности, в сознании им также обстоятельств, вытекающих для него из устава Лиги наций, из пакта Бриана-Келлога и из договоров о взаимной помощи, заключенных им с Францией и Чехословакией, я могу от его имени заявить, что оно со своей стороны по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни. Оно согласно приступить

немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами»[40].

В тот же день полпреды СССР в Лондоне — И. М. Майский, в Париже — Я. 3. Суриц и в Вашингтоне — А. А. Трояновский передали по поручению НКИД заявление Литвинова правительствам тех стран, при которых они были аккредитованы, с пояснением — оно является официальным выражением точки зрения руководства СССР. Правительство Великобритании в ответе, датированном 24 марта, указало, что оно возражает против «конференции, на которой присутствовали бы только некоторые европейские державы и которая имела бы задачей… организовать объединенную акцию против агрессии». А далее проясняло сущность своей политики невмешательства и умиротворения. Принятие, мол, «согласованных действий против агрессии не обязательно окажет, по мнению правительства Его Величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира»[41]. Ответ, поступивший из Франции, практически ничем не отличался от британского. Администрация же Рузвельта, еще твердо исповедывавшая принципы изоляционизма, вообще не отреагировала на советское предложение.

Великие державы, создавалось невольно впечатление, сознательно не желали понять, трезво оценить складывающуюся ситуацию, чреватую вооруженным конфликтом. Увидеть, что в тот момент и решалась окончательно судьба версальской системы как итога первой мировой войны. Ведь действия Германии неизбежно должны были подтолкнуть к аналогичным поступкам все проигравшие страны, утратившие часть своей территории — Венгрию, Болгарию, а может быть, и Турцию. Вызвать ответную реакцию со стороны участников коалиции победителей — Польши, Югославии, Румынии. При этом становилось более чем очевидным, что следующей жертвой агрессии окажется Чехословакия. Что Великобритания и Франция в своих корыстных интересах будут продолжать подталкивать Германию на восток, а значит все ближе и ближе к границам СССР. О том свидетельствовал не только отказ Лондона и Парижа даже от обсуждения проблем коллективной безопасности. Подтверждением тому стало и оказавшееся демонстративным в условиях нарастающего кризиса подписание Великобританией 14 апреля соглашения с Италией. В соответствии с ним британское правительство признавало захват Римом Эфиопии, его право открыто помогать мятежному Франко в Испании в «обмен» на невмешательство в европейские дела. Ну а какова цена подобного «невмешательства», уже более чем наглядно показала позиция Муссолини по отношению к судьбе Австрии.

И все же советское руководство продолжало призывать западные демократии спасти Чехословакию. В конце апреля ПБ приняло решение довести до сведения Праги твердое стремление СССР оказать дружественной стране всю возможную, в том числе и военную, помощь. О том незамедлительно был проинформирован посол Чехословакии в Москве Фирлингер. Более того, о готовности Советского Союза выполнить свои договорные обязательства 26 апреля открыто объявил и М. И. Калинин. Добавив, весьма многозначительно адресуясь уже только к пражскому руководству: «Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции»[42].

Выступление Михаила Ивановича, случайно совпав по временя, стало и своеобразным ответом на требование марионеточного «фюрера» судето-немецкой партии Генлейна предоставить Судетской области полную автономию, высказанное им 24 апреля в Карловых Варах. Единственным препятствием, мешавшим СССР предпринять односторонние действия по оказанию помощи Праге, заставлявшем его упорно добиваться поддержки прежде всего Франции, являлся географический фактор. Отсутствие общей границы с Чехословакией, широкая полоса территории Польши, пролегшая меж ними.

Отношение к судьбам мира в Европе резко проявилось в мае. 9 числа Генлейн заявил о прекращении переговоров с пражским правительством об автономии и вслед за тем вылетел сначала в Лондон, а потом и в Берхтесгаден, к Гитлеру. 19 мая одна из лейпцигских газет

неожиданно оповестила мир о том, что части вермахта сосредотачиваются у чешской границы. А на следующий день правительство Чехословакии на экстренном заседании приняло решение о проведении частичной мобилизации. В тот же день послы Великобритании и Франции в Берлине и Праге стали настойчиво убеждать обе стороны проявить максимальную осторожность, и не более. Однако об их истинной позиции свидетельствовала информация, переданная послом Германии в Лондоне фон Дирксеном своему руководству. Он сообщил, что во время встречи с ним министр иностранных дел Великобритании Галифакс дипломатично, осторожно, но весьма многозначительно заметил: «в случае европейского конфликта трудно сказать, будет ли вовлечена в него Англия»[43].

Советская же позиция оставалась диаметрально противоположной. Литвинов 23 мая, используя как предлог встречу со своими избирателями на одном из ленинградских заводов, отметил, что руководство СССР твердо гарантирует все свои прежние обязательства и не собирается оказывать на Прагу давление, подобное тому, которое оказали Великобритания и Франция. А 25 мая предложил Парижу незамедлительно созвать совещание представителей генеральных штабов трех стран для обсуждения вопросов конкретной помощи Чехословакии[44]. В тот же день, следуя совету Лондона, Гитлер поспешил сделать весьма характерное для него лукавое заявление об отсутствии у Германии каких-либо агрессивных намерений в отношении Чехословакии.

Хотя майский кризис и разрешился вполне благополучно, Кремль только теперь понял всю тщетность своих расчетов, опиравшихся на предполагаемую систему коллективной безопасности, на скоординированность действий хотя бы с теми странами, с которыми у СССР имелись соглашения о взаимопомощи. Отсюда и та горечь утраченных надежд, которая пронизывала заявление, сделанное Майским 17 августа по поручению НКИД Галифаксу. Советский Союз, подчеркнул полпред, «все больше разочаровывается в политике Англии и Франции, что он считает эту политику слабой и близорукой, способной лишь поощрять агрессора к дальнейшим „прыжкам“ (имелся в виду захват Германией Австрии. — *Ю. Ж*), и что тем самым на западные страны ложится ответственность приближения и развязывания новой войны»[45].

Наконец, еще одно немаловажное событие, происшедшее уже в конце лета 1938 года, только на этот раз на противоположной стороне земного шара, в 130 км к юго — юго-западу от Владивостока, должно было усилить вполне оправданные опасения, тревогу советского руководства. Показать, что СССР в условиях международной изоляции может подвергнуться агрессии одновременно и с запада, и с востока.

Напряженные отношения с Японией, возникшие еще в начале века и обострившиеся после начала японо-китайской войны, внезапно вылились в вооруженный конфликт. 29 июля, без какого бы то ни было, даже надуманного повода, японские войска вторглись в пределы Советского Союза. Попытались захватить и аннексировать небольшую по площади территорию между границей, проходящей вблизи реки Тумень-ула, и озером Хасан. Две недели пограничники, сразу же поддержанные частями Первой (Приморской) армии только что созданного Дальневосточного фронта, вели упорные бои за контроль над стратегическими высотами, сопками Заозерной (Чанкуфын) и Безымянной. И все это время, за которое инцидент разросся до необычных масштабов — в нем с обеих сторон участвовало уже несколько дивизий, Токио хранил молчание. Демонстративно делал вид, что не происходит чего-либо необычного, требующего консультаций, разъяснений, переговоров, если не считать трех встреч посла Японии Сигемцу с Литвиновым, 4, 7 и 10 августа. Полностью игнорировал нормы международного права, нормальных отношений сопредельных стран. Только слишком очевидная, внушительная победа Красной Армии — полный разгром вторгшихся на советскую землю войск агрессора к полдню 11 августа, вынудил японцев отказаться от продолжения конфликта, отвести свои части назад, в Манчжоу-го.

Происходившее неумолимо подтверждало страшную правду. Во вполне обозримом, самом близком будущем СССР может, скорее всего, оказаться в одиночестве перед лицом сразу двух грозных сильных противников, и тогда «интервенция и реставрация», по словам Сталина, неминуема. Потому-то Кремлю и пришлось пойти на решительную смену внутриполитического курса. Несмотря на все еще имевшиеся, весьма ощутимые и серьезнейшие разногласия в высшем руководстве не столько о путях, сколько о самой необходимости реформ, ускорить проведение всех тех многообразных мер, которые и должны были обеспечить обороноспособность страны. А для того — прекратить вакханалию массовых репрессий, сплотить на принципиально новой основе не только обновлявшуюся партию, но и все население, радикально изменить структуру управления народным хозяйством.

В самом начале года, 29 марта, ЦК утвердил текст постановления «О проведении выборов руководящих партийных органов», предусматривавшего, наконец, возвращение к уставным нормам во всех парторганизациях — от первичной ячейки до компартии союзной республики[46]. Тем самым все же было сломлено сопротивление старой ортодоксальной партократии, ее упорный саботаж выполнения решения февральского Пленума 1937 года, принятого по докладу Жданова. Перевыборы должны были вместе с тем послужить репетицией назначенных на лето — осень того же года выборов в верховные Советы союзных республик, а также и подготовкой намеченного на начало следующего года съезда ВКП(б).

Как партийные, так и советские выборы прошли в далеко не благоприятной для свободного волеизъявления обстановке. Страшная по своим результатам, своеобразная гражданская война, шедшая с нарастающей силой с убийства Кирова, не утихала. Наоборот, достигла своей кульминации, захлестывая все больше и больше не только партию, но и все население страны. Рядовых ее граждан и весьма высокие персоны. Всего через три месяца после утверждения на сессии ВС сняли с занимаемых должностей, арестовали и вскоре расстреляли четырех членов правительства СССР: С. В. Косиора, зампреда СНК и члена ПБ; Р. И. Эйхе, наркома земледелия и кандидата в члены ПБ; наркомов путей сообщения А. В. Бакулина и водного транспорта Н. И. Пахомова.

С таким положением, да еще в минуту крайней для страны опасности, больше мириться было никак нельзя. И потому та часть высшего партийно-государственного руководства (среди них, вне всякого сомнения, Сталин, Молотов, Маленков), которая, наконец, осознала всю гибельность продолжения массовых репрессий, попыталась ограничить полномочия чувствовавшего себя всесильным Н. И. Ежова. А для того добилась утверждения его 8 апреля, «по совместительству», наркомом и водного транспорта, что должно было стать серьезным и недвусмысленным предупреждением. Но не ограничивалась тем, пошла и на более действенную меру.

Практически одновременно к Ежову первым заместителем по НКВД назначили М. П. Фриновского. Человека, из сорока лет жизни ровно половину отдавшего службе в «органах» и достигшего там значительных высот. В 1930 году он возглавил ГПУ Азербайджана, в марте 1933 — управление пограничных войск и внутренней охраны ОГПУ, а в конце 1934, сохранив за собою контроль над этой структурой, стал одним из замнаркомов только что образованного НКВД СССР. Теперь же, весной 1938 года, Фриновский оказался не просто первым заместителем Ежова, но и начальником Главного управления государственной безопасности (ГУГБ). Того самого управления, которое и осуществляло массовые репрессии. Проводило без каких-либо иных оснований аресты всех исключенных из ВКП(б), а кроме того, и само инициировало «дела». Вскрывало все новые и новые «контрреволюционные», «террористические» и «диверсионные» организации, рано или поздно приводившие к людям, стоявшим на вершине власти.

Можно полагать, что утверждая на важнейший в НКВД пост Фриновского, прежде далекого от прямого участия в политической борьбе в ее самой крайней, карательной форме, ПБ намеревалось добиться стабилизации. Прекратить, наконец, безудержный разгул массовых

репрессий, к чему призывал Г. М. Маленков на январском Пленуме. Но если подобные надежды и были, то, как вскоре выяснилось, они не оправдались. Более того, последовавшие новые аресты показали всю непрочность положения самой власти, оказавшейся по сути беззащитной перед созданным ею же и наделенным неограниченными полномочиями НКВД. Уже летом арестовали не только очередных наркомов, заготовок — М. В. Попова, машиностроения — А. Д. Брускина, пищевой промышленности — А. Л. Гилинского, но и еще одного зампреда СНК СССР, члена ПБ В. Я. Чубаря, входившего к тому же в узкое руководство, сложившееся относительно недавно.

Испытывавшее острейшую нужду в стабилизации хотя бы высших структур, в твердой основе отнюдь не теневой, не закулисной, а вполне законной по понятиям тех лет власти, наделенной всеми необходимыми официальными полномочиями, 14 апреля 1937 года ПБ сформировал узкую группу, которой предстояло взять на себя решение всех оперативных проблем и ответственность за них. Закрытое постановление «О подготовке вопросов для Политбюро ЦК ВКП(б)» четко регламентировало: «В целях подготовки для Политбюро, а в случае особой срочности — и **для разрешения** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова. 2. В целях успешной подготовки для Политбюро срочных текущих вопросов хозяйственного характера создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Молотова, Сталина, Чубаря, Микояна и Кагановича Л.». Одновременно Иосиф Виссарионович, сознательно пренебрегая даже формальной необходимостью утверждения членами ЦК хотя бы таким своеобразным способом, как «опрос», фактически ввел в секретариат тех же Молотова и Ворошилова[47].

Тем самым внутри ПБ, насчитывающего тогда 15 человек, возникла неуставная группа семерых, узурпировавшая всю власть как в партии, так и в высшем исполнительном органе, ибо включала преимущественно членов правительства: председателя СНК СССР, двух его заместителей, трех глав важнейших ведомств — наркомов обороны, внутренних дел и тяжелой промышленности. Взяла на себя право решать все жизненно важные вопросы — внешней политики, обороны, государственной безопасности, экономики. И продемонстрировала явное смещение центра власти из партийных в советские органы, а также сохранение лидерского положения Сталина и Молотова.

Арест Чубаря не просто нарушил сложившуюся систему, баланс сил. Посягнул, что оказалось более значимым, на святое святых, на саму власть. На именно ее исключительное право проводить все важнейшие кадровые перестановки, одновременно карая и милуя других. Посягнул на тех, кто возомнил себя стоящими над бурями моря житейского, неприкасаемыми. Но с июня, с ареста Чубаря, уже никто из узкого руководства, превратившегося из «семерки» в «шестерку», больше не чувствовал себя в безопасности, не был застрахован от подобного внезапного устранения. Над всеми ними нависла, подобно дамоклову мечу, опасность попасть на плаху. Но так как никто не желал себе такого будущего, участь Ежова, вне зависимости от того, действовал ли он в деле Чубаря самостоятельно, по собственной инициативе, либо только служил исполнителем воли Сталина, оказалась предрешенной.

Но пока еще ничто не могло остановить машину массовых репрессий, продолжавшую неумолимо уничтожать среди прочих и высших руководителей. В конце лета новыми безвинными жертвами пали наркомы: связи — М. Д. Берман, торговли — М. П. Смирнов, здравоохранения — М. Ф. Болдырев, легкой промышленности — В. И. Шестаков. Тем самым, возникла угроза того, что прекратится нормальное функционирование всего государственного механизма, возможность обеспечения деятельности важнейших отраслей экономики, и, в конечном итоге, бесперебойного развития оборонной промышленности. Создания и производства столь остро необходимых новых типов самолетов, танков, артиллерийских

орудий, стрелкового вооружения, боеприпасов, отвечающих самым последним требованиям, так как опыт войны, в Испании продемонстрировал полное превосходство германского оружия.

Потребности жизни, потребности страны, оказавшейся перед лицом смертельной опасности, и привели к давно назревшему. К тому, к чему в весьма осторожной и деликатной форме, но вместе с тем и достаточно твердо призывал Маленков. Еще в январе, обращаясь к тем самым непременным членам карательных «троек» — к первым секретарям крайкомов, обкомов, ЦК компартий союзных республик, которые и подписывали списки не только исключаемых из партии даже без указания фамилий обреченных, но и по сути тех же людей, переходивших в разряд «врагов», «шпионов», а потому подлежавших расстрелу либо заключению в лагеря на многие годы, если не десятилетия. Обращался к тем, кто с немыслимым, необъяснимым мазохистским сладострастием занимался самоуничтожением, ибо не мог не понимать, сколь тонка грань, отделявшая тогда палача от жертвы. Например, к Ю. М. Кагановичу, первому секретарю Горьковского обкома, уже в феврале потребовавшему в очередной раз разрешить «дополнительно» осудить никому не ведомых, абстрактных 5 тысяч человек. Или к Н. С. Хрущеву, сразу же по приезде в Киев и вступлении в должность первого секретаря ЦК компартии Украины попросившего дать «своему» наркому внутренних дел, А. И. Успенскому, перед тем — начальнику управления НКВД по Московской области, возможность репрессировать…30 тысяч человек[48].

Но все, с чем можно было хоть как-то мириться до обострения международной обстановки — до аншлюса и майского кризиса, после событий у озера Хасан оказалось совершенно неприемлемым.

Вторую, на этот раз более решительную попытку ограничить ставшее слишком опасным всесилие Ежова предприняли практически сразу же после ликвидации вооруженного конфликта на Дальнем Востоке, чреватого отнюдь не надуманной, а вполне реальной войною. Непосредственным же поводом для активных действий по обузданию НКВД, явно вышедшего из-под контроля кого бы то ни было, явился, несомненно, арест В. Я. Чубаря. В создавшейся ситуации уже нельзя было исключить то, что следующими жертвами репрессий могут стать и остальные члены узкого руководства. Но прежде всего — Г. М. Маленков. Ведь ему как заведующему ОРПО по логике событий давно следовало предъявить традиционное обвинение в «протаскивании врагов народа» на ключевые посты в партийном и государственном аппарате. Затем обвиненным в том же мог оказаться и В. М. Молотов, «окруживший» себя «врагами народа», формировавший именно из них СНК СССР. А потом и К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, в чьих наркоматах были вскрыты «разветвленные заговоры». Наконец, подобная неуправляемая реакция вполне могла рано или поздно привести к тому, что конечной жертвой в данном ряду стал бы и…сам Сталин.

Сегодня есть достаточно оснований предполагать и иное. Узкое руководство, за исключением, разумеется Ежова, а также Андреев, Жданов, Маленков в то время должны были серьезно опасаться уже не столько самого НКВД, сколько его тесной консолидации с партократией регионального уровня. С первыми секретарями крайкомов, обкомов, составлявшими основу ЦК и входившими в пресловутые «тройки», играя в них далеко не вторые роли. Со всеми теми, кто вполне обоснованно не желал прекращения массовых репрессий, ибо в случае отказа от них неминуемо должен был бы ответить за содеянное. Повторить хорошо им известную роковую судьбу П. П. Постышева.

…Поздним вечером 20 августа у Сталина состоялась конфиденциальная встреча, продолжавшаяся почти четыре часа, с Молотовым и Ежовым[49]. На ней Иосиф Виссарионович и Вячеслав Михайлович отважились, наконец, на решительный шаг. Заставили Николая Ивановича согласиться с заменой М. П. Фриновского на посту первого заместителя наркома — начальника ГУГБ Лаврентием Павловичем Берия, человеком для центрального аппарата НКВД явно «со стороны». Тем самым попытались поставить ГУГБ под жесткий контроль всего узкого

руководства. Ну, а выбор же на Берии остановили только в тот самый вечер, перебирая, видимо, не одну возможную кандидатуру. Утверждать это позволяет следующее.

Всего полторы недели назад, 11 августа, узкое руководство, избавившись от тяжкого бремени забот, связанных с боями у озера Хасан, среди прочего утвердило и бюро ЦК грузинской компартии. Его персональный состав, согласованный, безусловно, в ОРПО своевременно, еще до открытия 15 июня 1938 года очередного, XI съезда КП(б) Грузии и включавший одиннадцать членов и четырех кандидатов, а среди них — первого секретаря Л. П. Берия, зампреда СНК ГССР и наркома пищевой промышленности В. Г. Деканозова, наркома внутренних дел С. А. Гоглидзе, заведующих отделами республиканского ЦК, промышленно-транспортного — В. Н. Меркулова, сельскохозяйственного — С. С. Мамулова, пропаганды и агитации — П. А. Шария[50]. Словом, такой состав, в котором трети членов пришлось в первых числах сентября оставить свои посты в Тбилиси для того, чтобы занять руководящие посты в НКВД СССР.

И вот теперь, откровенно игнорируя прежнее решение, что означало неизбежные сложные кадровые перетряски, Сталин и Молотов все же остановили свой выбор на Берии. Поначалу зафиксировали, как решение ПБ, самое основное, суть задуманного: «Утвердить первым заместителем народного комиссара внутренних дел СССР т. Берия». Но тут же от столь явно выраженного недоверия Ежову и Фриновскому отказались. Дополнили единственный пункт, превращенный во второй, еще двумя, и создавшими впечатление основательных перестановок не в одном, а в двух наркоматах — внутренних дел и военно-морского флота: «1. Утвердить народным комиссаром военно-морского флота т. Фриновского с освобождением его от обязанностей первого заместителя наркома внутренних дел СССР. 3. Вопрос о первом секретаре ЦК КП(б) Грузии решить в трехдневный срок и предложить т. Берия представить кандидата для утверждения ЦК ВКП(б)». Затем в текст внесли единственное исправление. В первом пункте, относящемся только к Фриновскому, слово «утвердить» заменили на «предрешить назначение». Столь своеобразная, практически больше не встречающаяся в решениях ПБ формулировка, видимо, отражала неуверенность Сталина и Молотова в том, что их предложение одобрят и остальные члены узкого руководства. Выражала явное желание предоставить последним возможность выбора, да к тому же не сразу, а потом. Однако все опасения оказались напрасными. На следующий день за такое решение высказались Ворошилов, Каганович, Ежов, Калинин, Жданов и Микоян[51].

Проголосовав вместе со всеми «за», Ежов, скорее всего, так и не осознал, или не захотел осознать, что получил уже второе предупреждение, понятное любому искушенному в аппаратных играх чиновнику. Более своеобразным оказался секретарь Ежова. Поняв происходящее, легко разгадав смысл знака — скорое и неизбежное повторение шефом судьбы Г. Г. Ягоды, он покончил с собой[52].

В те дни Л. П. Берия находился в Москве, на сессии ВС СССР, и даже выступил 21 августа с большой речью. Именно это обстоятельство и убеждает лишний раз в том, что решение о переводе его замнаркомом внутренних дел приняли импульсивно. Ведь в противном случае отпали бы сами по себе и необходимость утверждать первый вариант состава бюро ЦК компартии Грузии, и давать Берии время на подыскание себе замены. Имей Лаврентий Павлович хотя бы двое суток, он успел бы не только назвать требуемую кандидатуру, но и согласовать ее в ОРПО. Между тем Берия шифровку из Тбилиси о намеченных им перестановках направил в Москву со значительным опозданием — только 29 августа, да еще и не утром, а днем, в 15.30. Предложил утвердить не одного, а четырех человек, призванных образовать основу новой властной конструкции для республики. Первым секретарем — К. Н. Чарквиани, до того третьего секретаря; К. Н. Шерозия и М. И. Джаши, прежде не входивших в бюро — вторым и третьим секретарями. И. Д. Кочламазашвили, намечавшегося ранее вторым секретарем — председателем Тбилисского горсовета. И уведомил, что в случае одобрения

такого состава тот будет официально оформлен Пленумом ЦК КП(б) Грузии, созыв которого намечен на 31 августа[53].

Получив испрошенное одобрение, Л. П. Берия провел в намеченный день Пленум и только после этого отбыл в Москву, для вступления в новую должность. Но потратил на знакомство с организацией аппарата НКВД СССР, с функциями структурных частей ГУГБ почти неделю, ибо формальное назначение М. П. Фриновского руководителем НКВМФ, а его предшественника на том посту, А. П. Смирнова всего лишь первым замом наркома, последовало лишь 7 сентября[54]. Еще неделя ушла у Берии, судя по всему, на детальное знакомство с подчиненными, «полученными в наследство», обдумывание, кого и кем следует заменить прежде всего. Наконец, 13 сентября Лаврентий Павлович был приглашен к Сталину и в присутствии Молотова, Жданова и Ежова изложил свои предложения, тут же утвержденные. Б. 3. Кобулова, начальника управления НКВД по Ростовской области, назначили руководителем важнейшего, более других связанного с массовыми репрессиями, IV секретно-политического отдела ГУГБ, а в Ростов-на-Дону направили Д. Д. Гречухина, до того начальника особого отдела Киевского военного округа. А. С. Журбенко, снятого с IV отдела, назначили (как вскоре выяснилось, только на два месяца) начальником управления НКВД по Московской области, переведя занимавшего эту должность Цесарского всего лишь начальником Ухто-Ижемского лагеря, то есть в систему ГУЛАГа[55]. Тогда же В. Н. Меркулов и В. Г. Деканозов стали заместителями Берия.

Тем временем Г. М. Маленков занимался обеспечением юридического обоснования кардинальной смены внутриполитического курса. Для начала подготовил весьма важный документ, который должен был создать возможность для тотальной кадровой чистки, не только в подведомственных Ежову НКВД и КПК, но и ведомствах Ворошилова, Кагановича, Литвинова. Поставить эту акцию под контроль не только ПБ и секретариата ЦК, но прежде всего ОРПО и лично Георгия Максимилиановича.

Проект постановления «Об учете, проверке и утверждении в ЦК ВКП(б) ответственных работников наркомвнудела, наркомата обороны, наркомата военно-морского флота, наркоминдела, наркомата оборонной промышленности, комиссии партийного контроля и комиссии советского контроля» устанавливал строгую обязательность утверждения в ПБ, ОБ и секретариате ЦК всех без исключения ответственных сотрудников центральных аппаратов поименованных выше наркоматов и комиссий. «От высших должностей и руководителей отделов и их заместителей» до начальников отделений — в НКВД, руководителей групп и их заместителей — в КСК и КПК. «По местным органам» в НКВД — от наркомов союзных и автономных республик, их заместителей, начальников краевых, областных, окружных управлений и их заместителей, начальников отделов до начальников городских и районных отделов; по НКО и НКВМФ — до командиров бригад, линкоров и крейсеров, начальников академий, военпредов на оборонных предприятиях; по НКИД — до полпредов, советников, первых и вторых секретарей, генеральных консулов, уполномоченных наркомата в союзных республиках и Дальневосточном крае; по КПК и КСК — до уполномоченных по республикам, краям, областям, их замов.

Предусматривал проект постановления и то, что ОРПО должен был: «а) в первую очередь учесть, проверить, завести личные дела и внести на утверждение ЦК ВКП(б) ответственных работников наркомвнудела, прежде всего — центрального аппарата НКВД, управлений НКВД по Московской и Ленинградской областям, закончив эту работу в трехнедельный срок. Учет, проверку и утверждение остальных работников наркомвнудела провести в месячный срок; б) учет, проверку и утверждение ответственных работников по другим наркоматам закончить к 1 декабря 1938 года». Намечен был, естественно, и конкретный механизм для проведения задуманной тотальной кадровой чистки. Им должны были стать четыре новых сектора ОРПО — работников наркомвнудела и судебно-прокурорских, военно-морского флота, оборонной промышленности, КПК и КСК.

Проект не скрывал той генеральной задачи, которую с его помощью и предстояло решить: чистка, притом основательная, НКВД и его местных органов. В то же время в логичном, достаточно продуманном тексте недоумение могло вызвать лишь одно — отсутствие намерения создать в ОРПО сектор работников наркомата обороны. Однако это, связанное, скорее всего, с сохранявшейся особой ролью К. Б. Ворошилова в узком руководстве, не привлекло внимания членов ПБ. Зато с общего согласия они решили расширить круг ведомств, подлежащих чистке. Дополнили его Комитетом обороны, военными отделами наркоматов машиностроения и тяжелой промышленности СССР, местной промышленности РСФСР. Именно в таком виде 20 сентября проект и был утвержден ПБ[56].

Тем самым Г. М. Маленков не побоялся взять на себя всю ответственность — и партийную, и юридическую, за все предстоящие назначения. Кроме того, как это обнаружилось лишь несколько месяцев спустя, и за восстановление в должностях прежнего уровня всех тех, кто после незаконного ареста был освобожден и полностью реабилитирован. Наконец, резко и значительно повысив свою роль, получив столь огромные права, Маленков создал возможность и проводить вскоре свою, принципиально новую кадровую политику.

…Провозглашая в мае, что Германия не намерена подвергать Чехословакию агрессии, Гитлер просто вел игру по тем правилам, которые ему предложил Чемберлен. Британский премьер, пославший 3 августа в Прагу лорда Ренсимена с задачей подыскать приемлемое для него и фюрера решение судетской проблемы, просто выгадывал время. Ведь решение было уже известно и изложено еще 6 августа Гендерсоном германскому МИДу: «Англия не станет рисковать ни единым моряком или летчиком из-за Чехословакии. Обо всем возможно договориться, если не применять грубую силу»[57].

Пока Ренсимен изыскивал наиболее удобный способ передать Германии даже без плебисцита Судетскую область, советское руководство пыталось предотвратить еще не казавшуюся неминуемой агрессию. По его поручению Литвинов пригласил 22 августа германского посла Шуленбурга и от имени правительства уведомил его о взгляде Кремля на возможное развитие событий: «чехословацкий народ как один человек будет бороться за свою независимость, что Франция в случае нападения на Чехословакию выступит против Германии, что Англия, хочет ли того Чемберлен, или нет, не сможет оставить Францию без помощи и что мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией»[58]. Нарком не знал, не мог и предположить, что все уже решено. Менее чем неделю спустя Чемберлен вызвал Гендерсона и поручил ему срочно подготовить встречу с Гитлером для совершения закулисной сделки. Не ведая о том, Литвинов пытался сдвинуть дело защиты маленькой европейской страны с мертвой точки. 2 сентября во время беседы с временным поверенным в делах Франции Пайяром не только в который раз подтвердил готовность СССР выполнить взятые на себя обязательства, но и просил немедленно оказать все необходимое воздействие на Польшу и Румынию для того, чтобы те дали разрешение на проход частей Красной Армии.

Между тем президент Чехословакии Эдуард Бенеш, достаточно осведомленный о настоящей позиции Великобритании и Франции, попытался ценой максимальных уступок избавить свой народ от неравной борьбы с вермахтом. 5 сентября предупредил лидеров судетских немцев Кундта и Себековского о своей готовности принять любые их требования. Но фюреру компромисс, даже самый благоприятный для него, не был нужен. Необходим был повод, который вскоре он и получил. Всего два дня спустя Генлейн запретил своим подручным любые переговоры с пражским правительством и возглавил путч, сразу же до предела обостривший ситуацию. Приведший к задуманному — объявлению в Судетской области чрезвычайного положения, вводу войск и разоружению мятежников.

Германия отреагировала незамедлительно. Выступая 10 сентября в Нюрнберге, Геринг обрушил бурю показного гнева на маленькую соседнюю страну. Оказываемое ею сопротивление предусмотрительно связал только с СССР да непременным для таких случаев мировым сионизмом. «Жалкая раса пигмеев-чехов, — грубо подстрекал он соратников по

НСДАП, — угнетает культурный народ, а за всем этим стоит Москва и вечная маска еврейского дьявола»[59].

Далее события развивались крайне стремительно. 15 сентября Чемберлен встретился с Гитлером в Берхтесгадене. Заранее выразив готовность удовлетворить все его претензии, попросил о незначительной отсрочке — для одобрения своих действий британским правительством. 18 сентября получил поддержку не только от членов кабинета, но и от французского министра иностранных дел Бонне, специально прилетавшего в Лондон. 19 сентября послы Великобритании и Франции потребовали от Чехословакии безоговорочно принять условия, выдвинутые Гитлером. Однако Бенеш отклонил недвусмысленный ультиматум. Все еще сохраняя надежду на поддержку Парижа, обратился к СССР с запросом, окажет ли он военную помощь в соответствии с договором при столь очевидной позиции Чемберлена. И тут же получил ответ, что 30 дивизий Красной Армии сосредоточены у западных границ, ожидая приказа о выступлении.

21 сентября, пытаясь оказать моральное воздействие на Францию, Литвинов заявил в Лиге наций: «Наше военное руководство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для мероприятий, диктуемых моментом». Однако очередной советский демарш оказался безрезультатным. В тот день в Праге получили новый ультиматум Лондона и Парижа, совершенно открыто мотивированный стремлением избежать ситуации, «за которую Франция и Англия не могут взять на себя ответственность»[60]. 21 сентября и Польша поторопилась занять прогерманскую сторону. Объявила о своих претензиях на часть чехословацкой территории — Тешинскую область. Вынудила правительство СССР выступить с заявлением — оно будет рассматривать вторжение польских войск в Чехословакию актом агрессии.

Тем временем Чемберлен вторично встретился с фюрером, окончательно согласовав с ним процедуру расчленения суверенного государства. Поставил лишь одно условие — войны не объявлять, военных действий не вести. 25 сентября с таким решением согласился французский премьер Да-ладье, а 28 сентября — и Муссолини. Следующие два дня лидеры четырех стран, собравшись в Мюнхене, официально и документально зафиксировали свой сговор. 30 сентября Бенешу пришлось капитулировать. Но не желая связывать себя с позорной сделкой, он сложил с себя 5 октября полномочия президента, передав их генералу Сыровы, командовавшему чешским легионом в России в годы гражданской войны.

Спустя несколько лет, оценивая Мюнхенское соглашение, Черчилль признал: «Советские предложения фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого поплатились за это»[61].

В те же самые дни не менее драматические события происходили и в Советском Союзе. Правда, под покровом тайны.

Чистку НКВД, вернее, пока лишь, для начала — смену его высшего руководства в намеченный срок, к 20 октября, что предусматривало постановление ЦК, провести так и не удалось. За три недели Маленков и Берия смогли утвердить на ПБ только троих: В. Д. Филаретова, до того наркома местной промышленности РСФСР — замнаркома по хозяйству, Н. Н. Федорова — начальником 2-го управления, М. А. Петрова — начальником секретариата наркомата. За следующий месяц также троих, но уже лишь по ГУГБ: В. Г. Деканозова, по совместительству — начальником ИНО (5-й, иностранный отдел, т. е. внешняя разведка), М. М. Гвишиани — начальником 3-го специального (оперативного) отдела, П. А. Шария — начальником секретариата[62].

Столь значительная задержка была вызвана необходимостью скрупулезно проверить кандидатов для работы в НКВД. Их сначала просто отбирали — тех, кто не был запятнан

участием в репрессиях, на кого можно было твердо положиться, не определяя для них еще конкретные должности, и проводили списками через ПБ. Так, 5 ноября утвердили перевод четырех сотрудников ОРПО в отдел кадров НКВД СССР и 32 молодых офицеров наркомата, преимущественно недавних выпускников различных институтов, для работы в центральном аппарате и территориальных управлениях. В середине ноября — еще 32-х, 26 ноября ПБ приняло решение об организации месячных курсов при НКВД для тех партийных и комсомольских функционеров, кто будет переведен туда[63].

Размеренную четкую кадровую работу внезапно нарушили несколько чрезвычайных происшествий, заставивших пойти на экстраординарные меры. 12 ноября неожиданно застрелился начальник управления НКВД по Ленинградской области М. И. Литвин. Долгое время он являлся преуспевающим партфункционером. С 1930 года возглавлял распредотдел (предшественник ОРПО) Среднеазиатского бюро; в 1931 стал заместителем заведующего распредотдела уже ЦК ВКП(б); с марта 1933 заведовал отделом кадров ЦК КП(б) Украины; в 1936 году получил пост второго секретаря Харьковского обкома. Только в 1937 году его направили в НКВД СССР, начальником отдела кадров, а в начале 1938 перевели в Ленинград. Именно такая биография и должна была настораживать. Ведь Литвин, представитель старой партийной гвардии, в прошлом был связан со слишком многими руководителями, не только уже оказывавшимися «врагами народа» — Косиором, Чубарем, Постышевым, но и все еще остававшимися на своих постах. Например, со Ждановым. Все это и создавало неразрешимую проблему. Вынуждало трактовать самоубийство многозначно: и как возможное раскаяние в содеянном, страх перед грядущим наказанием, и как вполне вероятный поступок честного человека, опасавшегося стать очередной невинной жертвой.

Приходилось, возможно, Маленкову и Берии рассматривать и иные возможные — теоретически — версии. А среди них, вероятно, и такую: нет ли взаимосвязи между самоубийством М. И. Литвина, отстаиванием П. П. Постышевым репрессивного курса и бегством еще в июне к японцам, в Манчжоу-го, начальника управления НКВД по Дальневосточному краю Г. С. Люшкова. Того самого Люшкова, который до перевода в начале 1938 года в Хабаровск занимал должность заместителя начальника секретно-политического отдела ГУГБ. Люшкова, который не только слишком много знал о массовых репрессиях, был причастен к их проведению, но и участвовал в организации пресловутых «московских процессов».

И без того до предела запутанный для узкого руководства вопрос осложнили еще и аресты среди руководства НКВД, как считалось, сделанные не без оснований. В сентябре, с санкции Ежова — наркома внутренних дел БССР Б. Д. Бермана, однофамильца начальника ГУЛАГа М. Д. Бермана. В конце октября — начале ноября, уже с санкции Берия — врио начальника ИНО Пассова, начальника одного из отделов Транспортного управления А. П. Радзивиловского и, что рассматривалось как самое важное, начальника отдела охраны ГУГБ И. Я. Дагина, отвечавшего за безопасность высших руководителей партии и государства. Потому-то 14 ноября по настойчивому требованию Берия, мотивированному безотлагательной необходимостью разобраться в ленинградских событиях, ПБ утвердило на пост, который прежде занимал Литвин, С. А. Гоглидзе, в тот же день выехавшего в город на Неве. 18 ноября начальником 1-го отдела (охраны) ГУГБ назначили Н. С. Власика[64]. А за три дня до того завершилась, опять же со значительным опозданием, работа над проектом документа, который, по замыслу его создателей, и должен был положить конец массовым репрессиям, установив одновременно принципиально новые требования для тех, кого и переводили в НКВД.

Еще 8 октября узкое руководство образовало комиссию «в составе тт. Ежова (председатель), Берия, Вышинского, Рычкова и Маленкова», коей в десятидневный срок предстояло разработать «проект постановления ЦК, СНК и НКВД о новой установке по вопросу об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»[65]. И здесь необходимо отметить две весьма примечательных детали. Во-первых, практика ПБ, узкого руководства показывает, что оно никогда не намечало работу над проектом какого бы то ни было постановления, не

располагая загодя одобренным им же первоначальным вариантом. Следовательно, к 8 октября имелась некая записка, определявшая суть «новой установки», и предполагалась лишь редакционная доработка ее, уточнение, выверка формулировок намеченных решений. Во-вторых, небезынтересен и состав комиссии. Он включал прежде всего тех, чью деятельность и должен был осудить, отвергнуть готовившийся документ. Поэтому невозможно даже представить, что нарком Ежов, прокурор СССР Вышинский и нарком юстиции Рычков могли действительно активно участвовать в подготовке постановления. Более логично предположить иное. Инициативную записку составил Маленков — иначе невозможно понять его роль в комиссии. Дальнейшую же работу над текстом вел он вместе с Берия, которому предстояло проводить в жизнь «новую установку» и, что нельзя исключить, с Вышинским и Рычковым. Ведь двое последних, в отличие от Ежова, так и не пострадали впоследствии, а значит, своевременно и достаточно самокритично успели покаяться в грехах, переоценить прошлую деятельность и прокуратуры, и суда.

Судя по всему, узкое руководство два дня внимательно изучало проект и, полностью согласившись с изложенным в нем, 17 ноября утвердило его. Приняло без изменений или корректив как совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), т. е. подписанное Молотовым и Сталиным — «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» на заседании, в котором из членов ПБ приняли участие лишь Сталин, Молотов и Жданов, а помимо них еще Маленков, Берия и почему-то Фриновский[66].

Практически немедленно постановление было издано, хотя и под грифом «секретно», типографским способом тиражом в несколько тысяч экземпляров. Разослано по всей стране — в парторганизации районов, городов, округов, областей, краев, союзных республик, в соответствующие местные отделы и управления НКВД, органы прокуратуры.

Постановление от 17 ноября имело довольно много сходного с речью Маленкова на январском Пленуме. Также, лишь в первых абзацах, бегло поминало «успехи» в деле разоблачения всевозможных «шпионов», «диверсантов» и их чисто советского варианта — «троцкистов», «бухаринцев». Также, вслед за тем, резко и неожиданно, переходило к негативной стороне явления, сосредотачиваясь теперь исключительно на нем.

«…Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию враждебных элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 годах, — отмечал документ, — при упрощенном ведении следствия и суда не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры». А далее следовало перечисление их основных грехов:

«Главнейшими недостатками, выявленными за последнее время в работе органов НКВД и прокуратуры, являются следующие:

Во-первых, работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования. Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых „лимитов“ для проведения массовых арестов…

Во-вторых, крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрошенный порядок расследования, при котором, как правило, следователи ограничиваются получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботятся о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, данные экспертизы, вещественные доказательства и пр.)… Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях. Нередки случаи, когда в протокол допроса вовсе не записываются показания обвиняемого, опровергающего те или другие данные обвинения… В дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний,

помещаются неподписанные допрошенным и не заверенные следователем протоколы показаний, включаются не подписанные и не утвержденные обвинительные заключения и т. п…. Органы прокуратуры не только не устраняют нарушения революционной законности, но фактически узаконяют эти нарушения…»

С помощью такого, чисто формального метода — оценки исключительно профессионализма следственной работы, но ни в малейшей степени не ставя под сомнение само существование «врагов», необходимость «разоблачения» их, постановление и объясняло, одновременно решительно осуждая, массовые репрессии. Лишь в подтексте, намеком, рассматривало их как широкомасштабное негативное явление. Однако даже с помощью подобного приема и своеобразной логики подводило к далеко идущим по своему значению выводам:

«1. Запретить органам НКВД и прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. В соответствии со статьей 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора.

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК (рабоче-крестьянской. — *Ю. Ж.*) милиции…

3. При арестах органами НКВД и прокуратуры руководствоваться следующим:…б) при истребовании от прокуроров санкций на арест, органы НКВД обязаны представлять мотивированное постановление и все обосновывающие необходимость ареста материалы… г) органы прокуратуры обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований. Установить, что за каждый неправильный арест наряду с работниками НКВД несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор.

4. Обязать органы НКВД при производстве следствия в точности соблюдать все требования уголовно-процессуальных кодексов…

5. Обязать органы прокуратуры в точности соблюдать требования уголовно-процессуальных кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД».

Завершалось же постановление своеобразным и весьма грозным дополнением — «СНК СССР и ЦК ВКП(б) обращают внимание всех работников НКВД и прокуратуры на необходимость решительного устранения отмеченных выше недостатков в работе органов НКВД и прокуратуры и на исключительное значение организации всей следственной и прокурорской работы по-новому. СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждает всех работников НКВД и прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив партии и правительства каждый работник НКВД и прокуратуры, не взирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности»[67].

Постановление, таким образом, дало, хотя и в довольно своеобразной, предельно завуалированной форме, вполне официальную оценку происходящего в стране. Признало опасность, а потому и недопустимость продолжения разгула «массовых операций по арестам и выселениям». Объявило их, пусть и с огромным запозданием, незаконными, нарушающими конституционные права граждан, дух и букву республиканских уголовно-процессуальных кодексов. Потребовало ликвидации внесудебных органов — «троек». Однако, при всем небывало резком осуждении действий прежде всего НКВД, не назвало его руководителей ответственными за беззаконие. Но не сделало этого постановление и в отношении партийных органов, не в меньшей степени виновных в вакханалии произвола. Попыталось вообще уйти от выяснения причин огульных, росших в геометрической прогрессии, репрессий. Сделало все, лишь бы избежать того, что сохранило, усилило бы дестабильность, возможно, породило бы открытое противостояние двух властных группировок и стоящих за ними сил и в конце концов привело бы к общему краху, гибели режима.

И все же, при всей компромиссности постановления, недоговоренности, оно сыграло важную роль — выразило определенную твердую позицию части узкого руководства. То его намерение, которое незаметно практически для всех уже проявилось при подготовке обязательных праздничных «лозунгов» (позднее именовавшихся «призывами») — к очередной годовщине Октябрьской революции. Рассматривая 1 ноября их проект, представленный Андреевым и Ждановым, Сталин вычеркнул те из них, которые напоминали об «охоте на ведьм», о шпиономании, либо призывали продолжить их: «28. Ликвидируем полностью во всех отраслях народного хозяйства последствия вредительства право-троцкистских наймитов иностранных разведок. Превратим СССР в неприступную крепость социализма!.. 52. Разоблачим до конца всех и всяких двурушников! Превратим нашу партию в неприступную крепость большевизма»[68]. Вместе с тем, крайне сложную, даже пока непредсказуемую ситуацию характеризовало и иное. Прежде всего то, что в постановлении от 17 ноября далеко не случайно отсутствовали обязательные в подобных документах «оргвыводы». Имена виновных, меры их наказания.

Вместе с тем крайне сложную, напряженную, даже пока непредсказуемую ситуацию той недели характеризует и иное. Прежде всего, твердое намерение Сталина и Молотова несмотря ни на что, незамедлительно и любыми средствами остановить массовые репрессии, прекратить царившую в стране вакханалию произвола. 15 ноября они подписали отправленную тогда же строго секретную циркулярную телеграмму, предвосхищавшую, а вместе с тем и до некоторой степени подменявшую то самое постановление, которое еще предстояло — только через два дня! — принять. Телеграмма гласила:

«Строжайше приказывается:

1. Приостановить с 16 ноября сего года впредь до распоряжения рассмотрение всех дел на тройках, в военных трибуналах и в военной коллегии Верховного суда СССР, направленные на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином, упрощенном порядке.

2. Обязать прокуроров военных округов, краев, областей автономных и союзных республик проследить за точным и немедленным исполнением. Об исполнении донести НКВД СССР и прокурору Союза ССР»[69].

Весьма возможно, такая поспешность возникла только из-за того, что и Сталин, и Молотов далеко не были уверены в утверждении проекта подготовленного постановления членами ПБ, а может быть, не исключали и возможности обструкции. Нельзя исключить и иного — опасения Сталина и Молотова саботажа или прямого сопротивления со стороны местных органов НКВД, партийных комитетов. Основанием для такого предположения является существенное сходство текстов обоих документов. Если телеграмма прямо требовала донести об исполнении центру — НКВД и прокурору СССР, то в постановлении явно не случайно отсутствовали обязательные в подобных случаях упоминание виновных и оргвыводы по отношению к ним. Вопрос о том всплыл позже, спустя два дня.

19 ноября было созвано весьма редкое по тем временам заседание ПБ. Присутствовали же на нем Сталин, Молотов, Жданов, Ворошилов, Андреев, Микоян, Каганович, Ежов, как приглашенные — Маленков — от ОРПО, Шкирятов — от КПК, Берия — от ГУГБ, а также и Фриновский[70] — то ли как свидетель обвинения, то ли как потенциальный обвиняемый. Обсуждали члены ПБ не постановление, не то, как воплотить его в жизнь, а «заявление» или попросту донос начальника управления НКВД по Ивановской области В. П. Журавлева на уже покойного М. И. Литвина. На того, кто не мог ни защитить себя, ни опровергнуть выдвинутые против него обвинения. А они выглядели, на первый взгляд, достаточно серьезными, ибо содержали прямое указание на некую связь Литвина с Постышевым, что можно было при желании легко интерпретировать как сговор или даже заговор. Члены ПБ, во всяком случае — по меньшей мере половина их, отнеслась к «заявлению» холодно. Возможно, в силу нежелания способствовать возникновению очередного громкого «дела», которое могло вылиться в новую волну репрессий, в еще один «показательный процесс». Может быть, из боязни открыто

выступить против все еще казавшегося всесильным ведомства, олицетворяемого присутствовавшим на заседании Ежовым. Но как бы то ни было, никакого решения по предложенному вопросу принято не было[71].

Подобный поворот событий не обескуражил сторонников отстранения Ежова и чистки НКВД. Вынудил их пойти иным путем, обходным. 23 ноября Ежова вызвали к Сталину, у которого находились Молотов и Ворошилов, и заставили его тут же письменно взять на себя ответственность за все, связанное с самоубийством Литвина, бегством Люшкова, арестами Пассова, Радзивиловского, Дагина, заключив своеобразное вынужденное покаяние просьбой об отставке.

Признание Ежовым своей вины — изложенное на трех листах бумаги мелким, четким, убористым почерком, трое членов узкого руководства сочли вполне достаточным и веским основанием для принятия решения. Однако, как и при отстранении Фриновского, поначалу допустили серьезную ошибку. Поторопились ограничить текст самым главным: «Удовлетворить просьбу тов. Ежова об освобождении его от обязанностей народного комиссара внутренних дел СССР». Но подобная редакция Ежова, видимо, не устроила, породив у него вполне обоснованное опасение за свою судьбу. И потому проект пришлось дополнить тем, что должно было выглядеть твердой гарантией: «Сохранить за т. Ежовым должности секретаря ЦК ВКП(б), председателя Комиссии партийного контроля и наркома водного транспорта». Новый, расширенный вариант устроил обе стороны, и его направили Андрееву, Жданову, Кагановичу и Микояну с многозначительной «сопроводиловкой», содержащей прямое указание как же надо поступить: «По поручению тов. Сталина посылается Вам для ознакомления заявление т. Ежова от 23.XI.38 г. и на голосование проект постановления ЦК ВКП(б) об освобождении т. Ежова от обязанностей наркома внутренних дел СССР, проголосованный тт. Сталиным, Молотовым и Ворошиловым. Зав. ОС (особым сектором. — *Ю. Ж.*) ЦК А. Поскребышев».

Скорее всего, найденная формулировка, да еще с копией собственноручного заявления Ежова, успокоила не участвовавших во встрече членов ПБ. 24 ноября одобрение всеми ими было получено, и проект таким образом стал решением[72]. На следующий же день последовало то, что обычно включалось в подобные документы изначально либо утверждалось одновременно — назначение на ставший вакантным пост Л. П. Берия. И это решение поначалу утвердили опять же только Сталин и Молотов, и лишь затем — «опросом» — остальные члены ПБ[73].

Только затем началась завершающая акция сложной, многоходовой операции, растянувшейся практически на год. 1 декабря ПБ одобрило третий по счету документ, призванный, как и предыдущие, до предела сузить возможность самостоятельной деятельности НКВД. Исключить, таким образом, повторение тех репрессий, которые единожды уже захлестывали узкое руководство. ПБ утвердило совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов», гласившее:

«Ввиду того, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года в некоторых своих частях устарело и нуждается в уточнениях, СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Отменить постановление от 17 июня 1935 года.

2. Заменить постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года „О порядке согласования арестов" следующим постановлением, долженствующим регулировать вопросы согласования арестов:

1) Разрешения на аресты депутатов Верховного Совета СССР, Верховных Советов союзных и автономных республик даются лишь по получении органами прокуратуры и НКВД согласия председателя Президиума Верховного Совета СССР или председателей президиумов Верховных Советов союзных и автономных республик, по принадлежности.

Разрешения на аресты руководящих работников наркоматов Союза и союзных республик и приравненных к ним центральных учреждений (начальников управлений и заведующих отделами, управляющих трестами и их заместителей, директоров и заместителей директоров промышленных предприятий, совхозов и т. п.), а также состоящих на службе в различных учреждениях инженеров, агрономов, профессоров, врачей, руководителей ученых, учебных и научно-исследовательских учреждений даются по согласованию с соответствующими народными комиссарами Союза ССР или союзных республик, по принадлежности.

2) Разрешения на аресты членов и кандидатов ВКП(б) даются по согласованию с первыми секретарями, а в случае их отсутствия — со вторыми секретарями районных или городских, или окружных, или краевых, или областных комитетов ВКП(б) или ЦК национальных компартий, по принадлежности, а в отношении комсомольцев, занимающих руководящие должности в народных комиссариатах Союза ССР или в приравненных к ним центральных учреждениях, или в отношении ответственных работников — коммунистов партийных, советских и хозяйственных учреждений — по получении на то согласия секретариата ЦК ВКП(б).

3) Разрешение на аресты военнослужащих высшего, старшего и среднего начальствующего состава РККА и военно-морского флота даются по согласованию с наркомом обороны или наркомом военно-морского флота по принадлежности.

4) Санкции на аресты даются в районе районным прокурором, в городе — городским прокурором, в округе — прокурором округа, в автономных республиках — прокурорами этих республик, в краях (областях) — краевыми (областными) прокурорами.

По делам о преступлениях на железных дорогах и водном транспорте санкции на аресты даются участковыми прокурорами, дорожными прокурорами, прокурорами бассейнов, по принадлежности; по делам, подсудным военным трибуналам — прокурорами военных округов.

Санкции на аресты, производимые народными комиссарами внутренних дел союзных республик непосредственно, то есть помимо местных органов НКВД, даются прокурорами этих республик.

Санкции на аресты, производимые народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР непосредственно, то есть помимо местных органов НКВД, даются прокурором Союза ССР»[74].

Постановление от 1 декабря, как и схожее по целям предыдущее, от 17 ноября, увидело свет под грифом «совершенно секретно», и также было размножено типографским способом огромным тиражом. Сделали же это для того, чтобы в кратчайший срок довести его содержание до всех адресатов — наркомов внутренних дел союзных и автономных республик, начальников краевых и областных управлений НКВД, окружных, городских и районных отделений; прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей, округов, городов, районов; секретарей ЦК нацкомпартий, краевых, областных, окружных, городских и районных комитетов ВКП(б).

Только теперь узкое руководство могло полностью вернуть утраченный было контроль над НКВД. Добиться того, не прибегая ни к непредсказуемым по последствиям коренным реформам, ни даже к каким-либо, обычным в таких случаях, пропагандистским широковещательным декларациям. Сделать все необходимое тихо и незаметно, с помощью всего лишь привычной, тривиальной бюрократической процедуры.

Усложненная до предела система «разрешений и согласований» позволяла узкому руководству надежно обезопасить и себя лично, и власть в целом от всех превратностей судьбы. Позволяла ему, вместе с тем, стать не просто высшим, но фактически единственным арбитром, и определяющим как виновность представителей партийно-государственной элиты, так и меру наказания для них. Вместе с тем, дабы при этом разделить ответственность за возможное нарушение нормального функционирования народного хозяйства, снижение боеготовности армии и флота, постановление вводило своеобразную круговую поруку.

Заставляло наркомов в обязательном порядке давать разрешения на аресты служащих учреждений и организаций вверенных им отраслей или ведомств.

В соответствии с постановлением от 1 декабря, максимально защищенными оказывались именно те, кто в последние четыре года являлись уязвимыми более других — коммунисты, занимающие ответственные должности. Ведь для их ареста отныне требовалось согласие не только наркома, но еще и первого секретаря парторганизации соответствующего уровня. Но, пожалуй, самым примечательным, заслуживающим наибольшего внимания, оказалась иная деталь документа. Фактическое уравнивание с чиновниками высокого ранга тех, кто обладал дипломом о высшем образовании: инженеров, агрономов, врачей, профессуры. Говорило же это о начале переориентации власти при решении кадровых вопросов. Ее отказа от опоры, прежде всего, если не исключительно, на старую, малограмотную бюрократию, в основе, разумеется, партийную. На тот самый слой общества, который не оправдал возлагающихся на него надежд и при проведении модернизации отечественной экономики, и при попытках дать отпор выходившему из подчинения, становившемуся месяц от месяца все более самоуправным НКВД.

Тем самым, была заложена основа, позволяющая добиться не просто столь желаемой, но теперь, в преддверии войны, жизненно необходимой консолидации советского народа. Создана и возможность излечить его от того страшного массового психоза, сопровождавшегося неизбежной деморализацией, в который вверг его вдруг ставший всеобщим и казавшийся нескончаемым поиск в собственной среде мистических «врагов народа».

Однако по ряду достаточно веских причин после принятия постановления от 1 декабря быстро обновить кадры НКВД не удалось. Перестановку поначалу ограничили назначением начальников лишь четырех, самых важных региональных управлений наркомата. В. П. Журавлева, столь своевременно «догадавшегося» написать свое заявление, и приведшее в конечном итоге к устранению Ежова — по Московской области. По Ростовской, вместо продержавшегося там недолго Д. Д. Гречухина — В. С. Абакумова, вскоре сделавшего стремительную карьеру в столице, по Хабаровскому краю — И. Ф. Никишева. По Приморскому краю — М. М. Гвишиани, которого в 3-м специальном отделе ГУГБ сменил А. С. Панюшкин[75], всего год спустя направленный послом СССР в Китае.

Некоторую отсрочку дальнейшей тотальной чистки породило загадочное событие, происшедшее в конце ноября. Не объясненное и поныне бегство наркома внутренних дел Украинской ССР А. И. Успенского, что должно было укрепить подозрения узкого руководства, если они, конечно, имелись, в существовании или зарождении внутри НКВД антиправительственного заговора. Потому-то и пришлось ПБ, отложив очередные перестановки, срочно решать киевскую проблему. Направить в столицу Украины А. З. Кобулова и Н. Д. Горлинского, утвержденных 4 декабря соответственно первым и вторым заместителями отсутствовавшего наркома[76]. Затем, 5 декабря, узкое руководство, как будто получив долгожданный повод, пошло, наконец, на то, что чисто бюрократические правила требовали сделать еще две недели назад. Обязало Ежова сдать дела по НКВД Берии, предусмотрев проведение процедуры отнюдь не формально, а предельно тщательно — в недельный, начиная с 7 декабря, срок, «при участии секретаря ЦК ВКП(б) т. Андреева и заведующего ОРПО т. Маленкова»[77]. Одновременно, отказавшись от собственных гарантий, ПБ фактически вывело Ежова из секретариата[78], а в КПК подменило, также без оформления в протоколе, его заместителем Шкирятовым.

И все же, несмотря на чрезвычайное происшествие в Киеве и вызванные им экстраординарные меры, в первую половину декабря смена руководства НКВД медленно, но продолжалась. Были утверждены начальники управлений по Горьковской, Ивановской, Ярославской областям, Краснодарскому краю, АССР Немцев Поволжья, наркомы БССР, ГССР, УзССР. Главой ГУГБ назначен В. Н. Меркулов, его заместителями — Б. З. Кобулов, сохранивший

за собою секретно-политический отдел, и В. Г. Деканозов, оставленный по совместительству начальником не только ИНО, но и контрразведывательного отдела[79].

Основательная чистка кадров на этом этапе не ограничилась лишь наркоматом внутренних дел. Затронула она и партийные органы. За два последних месяца 1938 года по представлению Маленкова были сняты со своих постов пять первых секретарей обкомов — Горьковского, Камчатского, Новосибирского, Омского, Свердловского. При этом раз за разом решения ПБ все более конкретизировали причины устранения партфункционеров, проясняя подлинные мотивы. Так, 15 декабря руководителю Камчатской парторганизации В. И. Кутейщикову вменили в вину нечто расплывчатое — «притупление политической бдительности», «непринятие мер по очищению руководящих партийных, советских и хозяйственных органов Камчатской области от орудовавших там врагов». А 30 декабря обвинение уже в адрес первого секретаря Свердловского обкома Валухина выглядело предельно четко. В нем, в частности, отмечалось: «При руководстве т. Валухина в Свердловской парторганизации продолжали орудовать замаскированные враги, причем особое распространение в Свердловской области имела место **провокационная враждебная практика избиения честных работников путем массовых, огульных репрессий** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)»[80].

Все это, казалось бы, свидетельствовало о достаточно уже прочном положении узкого руководства. Поэтому донельзя странным, заставляющим предположить имевшиеся у него если не страх, то настороженность, какие-то опасения, выглядело решение ПБ, окончательно превратившее московский Кремль в осажденную крепость. 19 декабря, судя по всему двое — Сталин и Молотов, одобрили предложение, внесенное Берия. О выселении из двух кремлевских зданий, Старого Арсенала и военного училища им. ЦИК СССР (ныне на этом месте находится Дворец съездов) постоянно проживавших там 807 человек: 209 командиров и начальствующего состава, 326 членов их семей, 272 вольнонаемных рабочих и служащих. Мотивировалась же инициатива целями «усиления охраны», необходимостью разместить в столичной цитадели два дополнительных батальона (1200–1500 человек) и боевую технику, призванных усилить размещенный там полк особого назначения. Усилить и собственно гарнизон Кремля, включавший также отдельный командирский батальон, военную пожарную команду, химический взвод, особое отделение НКВД и дивизион броневиков, который требовалось перевести из гаража легковых автомобилей в Манеже внутрь Кремля[81].

Буквально на следующий день, 20 декабря, ПБ утвердило и новое руководство Управления коменданта Кремля, самостоятельной структурной части ГУГБ. Комендантом назначили Н. К. Синилова, некоторое время являвшегося начальником 3-го специального отдела НКВД; военным комиссаром — Ф. И. Конкина, ранее заместителя заведующего одного из секторов ОРПО; заместителя коменданта — И. А. Гагуа, прежде заместителя начальника 1 отдела ГУГБ; заместителем по хозяйству — Н. С. Шпигова, переведенного с должности директора московского завода им. Хрущева[82].

Данные решения и позволили начать заключительный этап чистки. Удаление старых, остававшихся со времен Ежова, а в некоторых случаях — даже Ягоды, начальников региональных органов НКВД. При этом наиболее своеобразный характер процесс приобрел на Украине. Только там по представлению Н. С. Хрущева, при одобрении со стороны Маленкова и Берии, в январе 1939 года начальниками областных управлений (включая наркома Молдавской АССР) утвердили исключительно партработников — заведующих отделами обкомов, секретарей райкомов[83].

Расставив на ключевые посты в центральном аппарате и в большинстве местных органов НКВД верных, надежных людей, узкое руководство сочло возможным и необходимым раскрыть карты. Огласить, хотя и весьма сдержанно, сущность измененного внутриполитического курса. Заявить, но предельно осторожно, лишь намеком, об отказе от практики массовых репрессий. Сделать до некоторой степени явным то, что все еще оставалось тайной для населения страны.

Но сообщить не о новых назначениях, о которых печать так и не дала информации, а о более значимом, важном. О преступности прежней деятельности НКВД. О том, что многие «дела» были попросту сфабрикованы, а «вскрытые» ими «контрреволюционные заговоры» в действительности никогда не существовали.

Возможность для того предоставило как нельзя вовремя поступившее из Киева заявление очередной жертвы произвола НКВД, которое — редчайший случай! — не только вышло за стены тюрьмы, но и оказалось (несомненно, не без прямого участия Берия) в распоряжении узкого руководства. Попавший им в руки документ свидетельствовал о возникновении явной фальшивки — «раскрытой» в Молдавии разветвленной «заговорщицкой организации». Она якобы включала группу учителей во главе с автором заявления, Садалюком, и ячейку «сионистов», образованную неким Ленгинером, и была связана, по «признанию» арестованных, с… первым секретарем ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущевым и председателем СНК УССР Д. С. Коротченко. В тот же день, 1 декабря, последовало крайне жесткое по тону и содержанию решение ПБ, предопределившее дальнейшее развитие событий. Оно предусматривало: «…Обязать т. Берия проверить дело т. Садалюка, привлечь к ответственности следователя Чичикало и его вдохновителей. В случае подтверждения заявления т. Садалюка, организовать открытый суд, расстрелять виновных и опубликовать в печати (центральной и местной)».

Расследование, проведенное А. 3. Кобуловым, сотрудником 2-го отдела ГУГБ Н. В. Ломовым и начальником следственного отдела Прокуратуры СССР Л. Р. Шейниным, конечно же, подтвердило полную невиновность всех подследственных. И 22 декабря последовало второе решение ПБ по данному вопросу — «Провести в Киеве гласный судебный процесс над виновниками искусственного провокационного дела о Садалюке и других учителях, а также о гр. Ленгинер». Далее же все проходило по готовому сценарию. Трибунал внутренних и пограничных войск Киевского военного округа признал виновными сотрудников 4-го отделения управления госбезопасности НКВД Молдавской АССР, начальника Г. Н. Юфу, оперуполномоченного И. В. Волкова, его помощников И. А. Шица и П. Г. Чичикало, секретного агента С. П. Кузьменко. Избежал суда и ответственности только нарком внутренних дел автономной республики И. Т. Широкий, застрелившийся сразу же после начала следствия[84].

Второй аналогичной акцией, призванной одновременно и дискредитировать старый НКВД, и создать образ борца за справедливость новому, возглавляемому Берией, стало разоблачение, также на открытом судебном процессе, еще одной фальшивки. Ею теперь оказался плод преступного рвения и вседозволенности горотдела НКВД по Ленинск-Кузнецку (в то время в составе Новосибирской области, что проливает свет на причину отстранения первого секретаря этого обкома). Тот, как было установлено, «вместо разоблачения уголовных и антисоветских элементов, которые использовали учащихся (местной средней школы. — *Ю. Ж.*) в своих преступных целях, провел репрессии в отношении учащихся, арестовав 17 человек, и создал дело на них, приписав им участие в контрреволюционной, фашистско-террористической организации». Чтобы усилить степень воздействия совместных постановлений от 17 ноября и 1 декабря, добиться восприятия их как важнейшей директивы, ПБ своим решением от 4 января 1939 года позволило первичным парторганизациям управления НКВД и прокуратуры области «обсудить случай нарушения законности». Позднее, в конце февраля, о состоявшемся в Ленинск-Кузнецке судебном процессе сообщили и некоторые газеты[85].

…Столь важные, слишком для многих судьбоносные в прямом, буквальном смысле, совместные постановления от 17 ноября и 1 декабря так и не были преданы гласности. Для абсолютного большинства населения остались тайной за семью печатями. Но несмотря на это, их выполнение даже в незначительной, ничтожной доле, страна ощутила практически сразу. Почувствовала реальность, очевидность перемен к лучшему благодаря хотя и не рекламировавшейся, но и не скрывавшейся первой относительно широкой реабилитации. Возвращению домой из тюрем и лагерей полностью оправданных, в ряде случаев

восстановленных в партии, в прежних должностях и званиях тех, кто не без основания считал свой жизненный путь завершенным. В массовом сознании эти события вместе с уже шедшим восстановлением в рядах ВКП(б) только необоснованно исключенных, оказались связанными с признанием партией допущенных ошибок, исправлением их. Надолго запечатлелись как благодатное прекращение «ежовщины» с одновременно высокой оценкой личной роли чуть ли не как инициатора освобождения безвинных нового наркома Берии.

Те же несколько тысяч человек, кто по своему положению познакомился с постановлениями, мог при желании обратить внимание на весьма примечательную их особенность. В обоих документах, вроде бы подробно анализировавших причины таких вопиющих преступлений, как «практика массовых арестов», «упрощенный порядок расследования», их в вину ставили только НКВД и прокуратуре. Ни словом не упоминали о гораздо большей ответственности партийных органов, что было далеко не случайным.

Инициаторами крутого поворота внутриполитического курса смещения Ежова, тотальной чистки кадров НКВД и партии — всех, напрямую связанных с массовыми репрессиями, а вместе с тем и трех, закрепивших этот процесс постановлений, явилась меньшая часть узкого руководства — Сталин, Молотов, Ворошилов и Маленков, поддержанные в последнюю минуту еще и Андреевым, Ждановым, Кагановичем, Микояном. То есть, не только лидерская группа ПБ, но и вместе с тем те, кто возглавлял СНК СССР (летом 1938 года стал заместителем его председателя и Каганович), Красную Армию. Именно они тем самым объединяли, символизировали обе реальные ветви власти — партийную и советскую, а потому никак не могли допустить, чтобы опороченными сразу оказалась и та, и другая. Ведь подобный шаг неизбежно означал бы подрыв ими самими собственных позиций. Поставленные перед жестокой необходимостью выбора, они склонились к осуждению только государственных структур.

Поступили так потому, что слишком долго были профессиональными революционерами. Не могли отрешиться от представления себя прежде всего создателями большевистской партии, защитниками ее интересов. В силу же такого, предопределенного выбора неизбежно оказались выразителями взглядов наиболее ортодоксальных, консервативных слоев партократии. Тех, кто так и не сумел изжить представления периода революции и гражданской войны, приобрести опыт созидательной деятельности. Продолжал вести себя так, будто страна все еще была разделена на два противоборствующих лагеря, ведущих борьбу не на жизнь, а на смерть. Считал, что единственным средством политики остается сила. Прежде всего она. Да еще фанатизм, слепая преданность не просто понимаемой каждым из них по-своему, но и вульгаризованной, искаженной коммунистической идее.

Потому-то небольшая, для тех лет прогрессивная и реформаторская часть высших кругов стремительно изменявшейся по своему составу партократии вынуждена была пока ограничиться малым. Самими постановлениями и их возможно большим осуществлением — ведь это давало им веские гарантии личной безопасности, неприкосновенности. А вместе с тем довольствоваться и происходившим — не очень бросавшейся в глаза медленной переоценкой места и роли ВКП(б) в системе управления, глубинных сдвигов в идеологии.

Глава четвертая

Тенденция отказа от революционного курса, как отмечалось выше, впервые обозначилась в 1935 году, и вскоре начала приобретать все более последовательный и устойчивый характер. За четыре года доказательств тому накопилось предостаточно, хотя еще их очевидцам и было трудно связать все воедино, разглядеть за ними конечную цель.

Столь же явным, как и новая Конституция, знаком грядущих перемен стала ликвидация Коммунистической академии[86], создание на основе ее институтов экономики, истории советского строительства и права, мирового хозяйства и мировой политики. Восстановление тем самым в правах тех самых наук, которые прежде категорически отвергались как якобы

внеклассовые или буржуазные. Передача фундаментальных исследований по ним в систему и под эгиду юридически автономий, как бы аполитичной Академии наук Советского Союза.

О том же медленном идеологическом дрейфе свидетельствовало многое, очень многое иное. Например, постановления СНК СССР 1936 года об увековечении памяти весьма далеких от марксизма мыслителей — «революционных демократов» Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского. Возрождение глубокого и неподдельного интереса к дореволюционному прошлому страны. Выражение уважения к нему, проявившееся во время длительного, необычно пышного празднования юбилея долгое время игнорировавшегося партийной пропагандой Пушкина в 1937 году. Уже на следующий год — еще одного, аналогичного события — 750-летия «Слова о полку Игореве», отмеченного сравнительно скромно. Наконец, внимание к прежде рассматриваемом некоторыми литературоведами-марксистами мистиком Н. В. Гоголю — объявление опять же СНК СССР конкурса на новый памятник ему в Москве[87].

Более очевидным примером пересмотра ортодоксальной идеологической линии стала резкая критика в ноябре 1936 года комической оперы Бородина «Богатыри», поставленной А. Я. Таировым в Камерном театре на основе нового либретто тогдашнего классика революционной советской поэзии Демьяна Бедного. Хотя идея создания такого спектакля принадлежала председателю комитета по делам искусств П. М. Керженцеву, им же, судя по некоторым данным — не без прямого указания со стороны Молотова, был подписан приказ и о снятии оперы с репертуара «как чуждой советскому искусству». Мотивировка же такой оценки должна была ошарашить всех, кто ознакомился с нею. Спектакль, мол, «огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями **героических черт русского народа** (выделено мною. — *Ю. Ж.*); дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры»[88].

В том же ряду, твердо продолжая именно новый подход к прошлому, оказались и другие последующие идеологические акции. Конкурс на новый учебник истории СССР для начальных классов школ и победа на нем в августе 1937 года профессора А. В. Шестакова, выразителя идей преемственности и государственности. Выход в 1937 году на экраны страны первой серии кинофильма режиссера В. Петрова и сценариста А. Толстого «Петр Первый». Фильма, в котором первый российский император предстал перед зрителями не просто заглавным, но и откровенно положительным героем. Величайшим государственным деятелем, пекущемся исключительно о благе отечества. А в следующем году — еще более тенденциозного по своей направленности кинофильма С. Эйзенштейна «Александр Невский».

Выглядели вроде бы незначительными, весьма далекими от сложных идеологических проблем, но от того не утрачивали значимости еще одного свидетельства перемен, начатые весною 1936 года розыгрыши кубка и первенства СССР по футболу. Ранее довольно скромно их проводил ВЦСПС среди только заводских, что подчеркивало «классовый, пролетарский» характер состязаний, команд. Теперь же, при новых условиях, последние преобразовывались в клубные и потому профессиональные. Игры между ними, благодаря регулярной трансляции по радио, сразу же привлекли небывалый интерес, породили поклонников — записных болельщиков и изменили досуг значительной части мужского населения. Предоставили им, вдобавок, возможность открыто, без оглядки, размежеваться по приверженности к той или иной команде. Сублимировать тем самым имевшуюся, но не растраченную энергию, которая слишком легко, и, к тому же, в любой момент могла найти выход в политике.

Сдвиг в прежних представлениях об обособленности Советского Союза, его противостоянии всем остальным странам за исключением дружественных, братских Монголии и Тувы обозначило немыслимое прежде его участие в Парижской всемирной выставке 1938 года. Оно не только достаточно очевидно свидетельствовало о стремлении вырваться из

политической изоляции, любым, даже таким способом постараться вернуться в общую семью наций. Вместе с тем подготовка, а затем и функционирование советского павильона, о чем достаточно регулярно и полно информировала пресса, позволяло воспитывать чувство патриотизма, гордости за свою страну, за ее и свои достижения, которые, как внушалось пропагандой, ставили СССР на один уровень с промышленно развитыми державами. Такими, как США и Германия, Франция и Великобритания.

Иной — совершенно неощутимой, практически не замеченной большинством, не оцененной должным образом, оказалась более важная, принципиальная реформа. Та, что была направлена на создание общей языковой базы, и позволившей бы в обозримом будущем сплотить многочисленные (более 100!) народы Советского Союза в единую нацию. Способствовать тем самым наименее безболезненному преобразованию союза республик, чисто формально, по конституции, обладавших неким подобием суверенности, в конечном итоге в унитарное государство. Парадоксально, но благоприятным фактором для осуществления таких намерений оказалась так и не ликвидированная азбучная неграмотность населения страны. Перепись 1939 года зафиксировала наличие в целом около 18 % неграмотных, преимущественно лиц старше 50 лет, а в Средней Азии и на Кавказе — около 30 %.

Столь удручающее положение и облегчило первый этап реформы. В соответствии с решением Совета национальностей ЦИК СССР от 16 октября 1936 года письменность кабардинцев перевели с ранее выработанного для них латинского алфавита на русский[89]. Затем аналогичными мерами унифицировали письменность всех остальных народов РСФСР, имевших административно-национальную автономию — автономные республики и области, национальные округа. А незадолго до завершения этих преобразований в рамках Российской Федерации их распространили — начиная с 16 декабря 1939 года — на письменности и «титульных» народов ряда союзных республик — Узбекской, Азербайджанской, Таджикской, Туркменской, Киргизской, Казахской, Молдавской[90]. Но только тех, где культурный уровень и состояние грамотности не препятствовали нововведениям, не затрагивая интересы большинства населения, порождая у них естественный протест.

Когда же почва была подготовлена, начался второй, не менее значимый этап реформы. Тот, о необходимости которого Сталин говорил в докладе на октябрьском Пленуме 1936 года, и положенном в основу соответствующей резолюции. Этап, обусловленный помимо всего прочего необходимостью введения всеобщей воинской обязанности, закрепленной 132-й статьей новой конституции. Ведь в Красной Армии мог существовать только один язык для приказов и команд, для уставов и наставлений. Второй этап стал реальностью после принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 года «Об обязательном преподавании русского языка в школах национальных республик и областей»[91]. Чуть позже данный документ продублировали совнаркомы всех союзных республик, потому что именно в их компетенции юридически находились вопросы народного образования. Так впервые русский язык обозначил себя как государственный.

Своеобразным подведением итогов всех этих преобразований, лишь внешне не связанных, и все же шаг за шагом ведших к определенным целям, стало появление «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Ее сначала опубликовали в «Правде», в номерах за 9—19 октября 1938 года, и почти сразу же — отдельной книгой, вышедшей многомиллионным тиражом.

«Краткий курс» с момента появления и на последующие семнадцать лет оказался своеобразным «священным писанием» для всех коммунистов Советского Союза, обязательным для «последовательного, систематического и глубокого» изучения ими. Исходил из вполне определенного круга читателей, в то время состоявшего преимущественно из малограмотных членов, партии. Из имевших в лучшем случае начальное образование 64,3 % рабочих, 24,8 % крестьян и лишь 10,9 % служащих, за плечами которых было и начальное, и неполное среднее,

и неполное высшее, и высшее образование. Учитывал и массовый прием в партию, выросшую за 1938—39 годы в полтора раза. Оказался доступным всем им. Убедительным благодаря лапидарности и схематичности.

Включал своеобразную, крайне субъективную, фактически надуманную, фальшивую версию истории ВКП(б), ретроспективно выводимую из положений январско-февральского Пленума 1937 года. Призванную оправдать репрессии, и не только массовые, объяснить с их помощью всю четвертьвековую внутрипартийную борьбу не как естественное столкновение мнений, а как преднамеренную «измену» будущих «врагов народа», причем задолго до революции. Вместе с тем давала книга и самые элементарные, до предела упрощенные представления о марксизме как теории, о диалектическом и историческом материализме.

Но лишь такой целью «Краткий курс» не ограничивался.

Своими искусственными драматическими коллизиями подводил к заключительной главе, два последних параграфа которой посвящались отнюдь не партийным проблемам в их криминальном аспекте, а иному. Восторженному рассказу о подготовке и принятии новой Конституции, о выборах в ВС СССР. О событиях, находившихся в хотя и очень близком, но прошлом. Между тем ко времени появления книги уже прошли две сессии советского парламента, вторая из которых приняла бюджет на 1938 год, позволявший более эффектно, с должным пафосом, продолжить линию индустриализации. Тему, с точки зрения всего узкого руководства и особенно Сталина, самую важную, стержневую. Два месяца, отделившие сессию от начала публикации «Краткого курса», вполне позволяли написать о ней если не страницу-другую, то по меньшей мере один-два абзаца, включить их в книгу для актуализации, для доказательства преимуществ социализма. Но этого сделано не было.

В «Кратком курсе» точку поставили на событиях декабря 1937 года. Даже объяснили почему: «Конституция закрепила тот всемирно-исторический факт, что СССР **вступил в новую полосу развития**» (выделено мною. — *Ю. Ж.*). И хотя тут же раскрывалась сущность новизны — «в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу»[92], ничего так и не прояснилось. Ведь на протяжении всей книги последовательно применялся иной термин — «Период». Четко, логично, продуманно деливший историю партии, а вместе с нею и страны, на периоды: подготовки и проведения Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной интервенции, восстановительный, социалистической индустриализации. Но ни разу не использовалась «полоса» — ни для замены периодов, ни для их объединения или расчленения. Кроме того, сразу же после введения термина «полоса» следовала не характеристика своеобразия, особенностей «завершения строительства социалистического общества», а настойчивый, назойливый повтор (только на двух страницах — пять раз!) главной особенности прошедших выборов, названной «замечательной победой блока коммунистов и беспартийных»[93].

Завершала же «Краткий курс» более чем многозначительная фраза: «Таковы основные уроки исторического пути, пройденного большевистской партией. Конец»[94]. Разумеется, ее можно было понимать просто. Как конец описанного, как констатацию окончания работы над конкретным текстом в столь же конкретное время. И не больше. Однако в сочетании с категоричным и не объясненным утверждением о вступлении страны в «новую полосу развития» неизбежно возникала и иная трактовка последней фразы. Уже буквальная: завершенность истории большевизма; завершенность истории той партии, которая существовала до конца 1937 года.

И действительно, с октября 1938 года на истории ВКП(б) поставили точку. Ее не продолжали, не дописывали, хотя оснований тому было предостаточно. Например, XVIII съезд, 18 конференция, наконец, Великая Отечественная война. Все то, что и послужило причиной переработки, расширения такой близкой «Краткому курсу» по своей пропагандистской направленности, значимости книги, как «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая

биография». Впервые увидевшая свет в самом конце 1939 года и имевшая поначалу незначительный объем в 5,5 учетно-издательских листа, она в 1947 году была основательно, существенно доработана. Расширена, в том числе за счет рассказа о событиях, происшедших с 1940 по 1946 годы и потому увеличена в три раза — насчитывала теперь уже 15,25 листов. То же произошло и со схожей по своей роли книгой Сталина «О Великой Отечественной войне», ежегодно выходившей начиная с 1942 года, трижды дополнявшейся текстами очередных приказов и речей главнокомандующего, пока не получившей в 1946 году своего канонического содержания, а вместе с ним и объема.

Только к «Краткому курсу» не возвращались ни разу. Ни в 1939, ни в последующие годы. Никогда. Даже в 1949 году, когда отмечали 70-летие Сталина. Объяснение такому странному факту может быть только одно. И для Сталина, и для того узкого руководства, которое сложилось к моменту выхода «Краткого курса», история ВКП(б) действительно завершилась с принятием новой Конституции. Точнее, исчерпала себя и ее прежняя значимость, место и роль в жизни страны, и былая важность ставшей быстро забываться внутрипартийной борьбы. Все это стремительно отошло на задний план, утратило актуальность и необходимость.

Достаточно убедительным подтверждением тому служит постановление ПБ от 14 ноября 1938 года «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса истории ВКП(б)"». Постановление, уже в названии позволившее себе показательную вольность — о пропаганде не самого «Краткого курса», а лишь «в связи» с его изданием.

Столь же примечательным оказалось и содержание документа, легшего на долгие годы в основу всей партийной пропаганды. Оно, в отличие от самой книги, которой как бы было посвящено, говорило не столько о прошлом, далеком и недавнем (например, лишь раз, да и то мимоходом, упоминались «враги народа», «иностранные шпионы»), сколько о сугубо современных проблемах. О том, что только предстояло сделать, одновременно поднимая задачи сегодняшнего и завтрашнего дня по приоритетам.

Постановление следующим образом определило задачи, из которых исходил ЦК ВКП(б), создавая «Краткий курс»: 1. «дать партии единое руководство по истории партии»; 2. «ликвидировать вредный разрыв в области пропаганды между марксизмом и ленинизмом»; 3. изложить «историю партии на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма»; 4. «освободить марксистскую литературу от упрощенчества и вульгаризации»; 5. «продемонстрировать силу и значение марксистско-ленинской теории»; 6. помочь пропагандистам «ликвидировать свою теоретическую отсталость».

При столь высоких целях лишь бегло упоминались «неправильное толкование вопроса о победе социализма в нашей стране», извращение «взглядов по вопросу о характере войн в современную эпоху», решительно отвергалось отождествление большевиков с пацифистами. Зато более основательно постановление останавливалось на отечественной исторической науке. На том, что весьма отчетливо проявилось в предыдущие два с половиной года, но не попало на страницы «Краткого курса»:

«В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой „школой" Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и тем самым искажала действительную историю.

Антиисторическая фальсификация действительной истории, антиисторические попытки приукрасить историю, вместо правдивого ее изложения, приводили, например, к тому, что в нашей пропаганде история партии изображалась иногда как сплошной путь побед, без каких бы то ни было временных поражений и отступлений, что явно противоречит исторической правде и тем самым мешает правильному воспитанию кадров.

Антимарксистская вульгаризаторская путаница оказалась также в распространении неправильных взглядов на советское государство, в принижении роли и значении социалистического государства как главного оружия в руках рабочих и крестьян для победы социализма и для защиты социалистических завоеваний трудящихся от капиталистического окружения».

Именно так, не уточняя и не развивая, что оставлялось на будущее, с помощью обычного ригоризма узкое руководство и определяло сущность момента. Отказ от обещанного завершения строительства социализма во второй пятилетке, отсутствие надежд на то и в третьей; прямую угрозу войны, связанное с тем и другим, вытекающее из них неизбежное не просто сохранение, а усиление роли государства, его структур, заставляющих партию уступить ему свое главенствующее положение.

Затем, остановившись на основной проблеме постановления, на необходимости полной перестройки всей прежней системы ведения пропаганды — на основе кружков, придании первенствующей роли печати, чему собственно и была посвящена постановляющая часть, приведшая к незамедлительной реорганизации соответствующих партийных органов, документ переходил к совершенно, казалось бы, не связанному ни с «Кратким курсом», ни с пропагандой. К проблеме кадров:

«Все наши кадры составляют огромную армию советской интеллигенции. Советская интеллигенция всеми своими корнями связана с рабочим классом и крестьянством. Это совершенно новая интеллигенция, подобной которой нет ни в одной стране мира.

Ни одно государство не могло и не может обойтись без своей интеллигенции, тем более не может обойтись без своей интеллигенции социалистическое государство рабочих и крестьян. Нашу интеллигенцию, выросшую за годы Советской власти, составляют кадры государственного аппарата, при помощи которых рабочий класс ведет свою внутреннюю и внешнюю политику. Это — вчерашние рабочие и крестьяне и сыновья рабочих и крестьян, выдвинувшиеся на командные посты. Особое значение имеет интеллигенция **в такой стране, как наша, где государство направляет все отрасли хозяйства и культуры** (выделено мною. — *Ю. Ж.*), в том числе и сельское хозяйство, и где каждый государственный работник, чтобы сознательно и с успехом выполнять свою работу, должен понимать политику государства, его задачи вовне и внутри страны…

ЦК ВКП(б) констатирует, что несмотря на столь важную роль интеллигенции в советском государстве, до настоящего времени еще не преодолено пренебрежительное отношение к нашей интеллигенции, представляющее из себя вреднейшее перенесение на нашу советскую интеллигенцию тех взглядов и отношений к интеллигенции, которые были распространены в дореволюционный период, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов…

Такое антибольшевистское отношение к советской интеллигенции является диким, хулиганским и опасным для советского государства»[95].

Ни выспренность тона, ни удручающий стиль с его совершенно неумеренным употреблением слов «советская интеллигенция», не могли увести читателей от главного. От того, что под интеллигенцией в данном случае подразумевались не «работники умственного труда» вообще, а только профессионально подготовленные служащие государственного аппарата. Прежде всего — «командные кадры» — «партийные и непартийные». От того, что именно их ставили во главу угла всей дальнейшей созидательной деятельности в экономике и сельском хозяйстве, в культуре. Их, а не парт-функционеров, которым настойчиво рекомендовалось как можно скорее «устранить недостатки и пробелы в своей идеологической подготовке».

Подобный, открытый и даже демонстративный пересмотр прежней кадровой политики, теперь уже безусловная ориентация преимущественно на тех, кто имел высшее образование,

а не один лишь партбилет, не должен был стать для заинтересованных полной неожиданностью. О том же, правда намеком, хотя и достаточно прозрачным, говорило еще одно постановление ЦК ВКП(б), принятое за полгода до того. Запрещавшее обкомам, крайкомам, ЦК компартий союзных республик «передвигать», иными словами, распоряжаться по собственному усмотрению судьбой коммунистов — аспирантов вузов, втузов, научно-исследовательских институтов. Вынуждать их отказываться от продолжения учебы, направляя на новое место работы[96]. Тем самым ПБ уже до некоторой степени раскрывало свои далеко идущие планы выдвигать на руководящие посты в госаппарате профессионалов высшей квалификации — тех, кто в скором времени должен был защитить диссертации.

Постановление от 14 ноября, вместе с тем, и объясняло новые приоритеты при решении кадровых вопросов. Оно признало, что основная масса («значительная часть») низового звена кадров — членов партии составляют малограмотные люди. Те, для которых столь убогая и по содержанию, и по форме, стилю книга «Краткий курс» оказывается непонятной, недоступной. И потому для такой категории коммунистов следовало организовывать ее изучение по упрощенной программе, знакомить с нею по устному изложению, даваемому пропагандистом. Но признавало и иное. Априорно предполагало, что высшее кадровое звено должно обладать такими знаниями, которые позволят самостоятельно штудировать не один «Краткий курс», но и «первоисточники» — специально отобранные и рекомендованные отдельные труды Маркса, Ленина, Сталина.

Постановление «О пропаганде», разумеется, не могло ограничиться лишь проблемами изучения «Краткого курса» да кадров. Потребовало, признав необходимым, изменить структуру партаппарата всех без исключения уровней — от горкома и райкома до ЦК ВКП(б). Объединить ранее действовавшие изолированно друг от друга отделы пропаганды и агитации, печати и издательств в один, пропаганды и агитации (ОПиА), а там, где их ранее не было вообще, в отдельных горкомах, райкомах, окружкомах, немедленно создать.

Новая структура неизбежно становилась одной из ключевых, ибо получала полный и безраздельный контроль над основной функцией партии — идеологией. Должна была отныне руководить и всей печатью страны, этим «важнейшим оружием партии», и всеми издательствами, а через них — литературой и искусством, и теоретическим центром ЦК ВКП(б) — Институтом марксизма-ленинизма с его республиканскими филиалами. Столь безусловно решающая на Довольно многих направлениях сразу роль ОПиА вызвала обоснованные опасения в ПБ, в узком руководстве. Скрытная же оппозиция созданию нового отдела оказалась столь сильной, что заставила ПБ трижды — 12 октября, 14 и 21 ноября обсуждать этот вопрос, заново принимая решение. Только с третьего захода удалось окончательно утвердить и его образование, и назначение на должность начальника ОПиА ЦК ВКП(б) А. А. Жданова[97]. Человека, хотя и являвшегося более четырех лет членом ОБ и секретарем ЦК, более трех лет кандидатом в члены ПБ, но все это время практически остававшегося как бы на обочине власти. Ведь только по решению ПБ от 16 апреля 1937 года он начал работать в Москве, в центральном аппарате один месяц из двух, а не как до того, десять дней в месяц[98].

Наконец, постановление от 14 ноября вместе с другим, принятым спустя семь дней, послужили своеобразным катализатором для ускорения уже шедшего процесса — неизбежного изменения состава узкого руководства. Того намерения Сталина, которое он высказал еще на февральско-мартовском Пленуме 1937 года. «Мы, старики, — многозначительно заметил пятидесятисемилетний вождь, — члены Политбюро, скоро отойдем, сойдем со сцены. Это закон природы. И мы бы хотели, чтобы у нас было несколько смен»[99].

Поначалу и вполне логично перемены затронули только руководство партаппарата. Но именно они и позволяют со значительной долей уверенности установить весьма важное. Кто же находился среди два года державшихся в тени, разрабатывая и проводя реформы? Кто добился в том успехов и потому получил повышение? Уже 27 ноября все это и

продемонстрировало решение ПБ об очередном серьезном перераспределении обязанностей среди секретарей ЦК ВКП(б).

Андреев, который с февраля 1935 года вместо Кагановича исполнял неформальные обязанности второго секретаря, председательствовал на заседаниях ОБ, курировал управление делами ЦК, а также его промышленный и транспортный отделы, теперь получил, в дополнение к прежним обязанностям, поручение «наблюдать» за работой и сельскохозяйственных наркоматов. Вынужден был теперь львиную долю времени затрачивать на решение насущных проблем экономики, а отнюдь не партаппарата.

Ежов после покаянного письма и снятия с должности наркома внутренних дел лишь номинально оставался во главе КПК, курировал ОРПО. Полностью утратил свою прежнюю роль члена «шестерки». Однако официально его освободили от все еще числившихся за ним должностей только четыре месяца спустя, 29 марта 1939 года, а принимали у него дела Маленков, заведующий особым сектором (секретариатом Сталина) А. Н. Поскребышев и управляющий делами ЦК Крупин.

Каганович, хотя это и не было зафиксировано письменно, соответствующим решением ПБ, непременно должен был, после назначения на посты зампреда СНК СССР и главы сразу двух важных наркоматов, перестать «наблюдать», как это было прежде, за работой объединенного МК-МГК.

Жданов же получил, освободив тем самым Сталина от большинства текущих, чисто рутинных дел, не только полный, чуть ли не единоличный контроль за всей идеологической сферой деятельности партии как секретарь ЦК и заведующий ОПиА, но еще и курирование многомиллионного комсомола[100].

О сложившемся к концу 1938 года принципиально новом балансе сил свидетельствовал состав не одного лишь мало изменившегося пока узкого руководства, но и служившего для него естественным резервом пополнения и обновления следующего уровня власти. Положение тех, кто хотя и не входил в ПБ, другие высшие партийные органы, но играл тем не менее достаточно значимую роль, оказывая прямое воздействие не только на проведение в жизнь политического курса, но и в известной степени определял его. Их взлеты и падения, неожиданные, непонятные только на первый взгляд.

Выдвижение на вторые роли прежде мало кому известных в стране Маленкова и Берия стало закономерным. Вполне заслуженной наградой именно им, более других способствовавшим устранению Ежова, обузданию НКВД. Для Лаврентия Павловича — прежде всего в силу гигантской, ни с чем не сравнимой значимости, реального веса возглавленного им ведомства, и лишь затем благодаря личному вкладу в прекращение массовых репрессий, в обеспечение всеми доступными ему средствами быстрого роста оборонной промышленности. Для Георгия Максимилиановича — за счет чисто аппаратных ходов, подготовленных им же бюрократических процедур, чего он достиг благодаря краткому, но далеко идущему по своим последствиям решению ПБ от 20 сентября. Оно гласило: «Ввести во всех наркоматах СССР должности заместителя наркома по кадрам. Установить, что заместитель народного комиссара по кадрам, подчиняясь непосредственно наркому, **регулярно отчитывается во всей своей работе перед ОРПО ЦК ВКП(б)** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)»[101]. Такое решение обеспечило Маленкову практически абсолютный контроль за формированием, а следовательно, и фактической подчиненностью уже не только партийных, но и советских, совнаркомовских властных структур.

Все это создало такое положение, при котором Берия и Маленков оказались практически подотчетными в своих решениях и действиях непосредственно Сталину. Стали неформальными членами той узкой группы, включавшей помимо «пятерки» еще Андреева и Жданова, коей и принадлежала подлинная власть.

Столь же закономерным, неизбежным оказалось падение тогда же двух людей, занимавших весьма значительные посты. Еще 15 октября был снят первый секретарь столичной парторганизации, по традиции, по неписанным правилам обладавший особым, привилегированным положением — несоизмеримо более высоким, нежели у всех остальных руководителей региональных партийных комитетов, А. И. Угаров. Старый функционер, выдвиженец Кирова, он шесть лет являлся вторым секретарем ленинградского горкома, по сути заместителем Жданова, и оказался в Москве лишь 10 февраля 1938 года, сменив там Хрущева. Однако Угарову, ставшему жертвой очередной кадровой чистки, в силу, скорее всего, причастности к проведению прежнего курса, не предъявили политических обвинений, как это произошло бы всего за пол год а до того. Ему поставили в вину упущения по службе. «…Благодаря политической слепоте, — отмечало решение ПБ, — беспечности и бюрократизму, пренебрежительному отношению к обслуживанию населения со стороны руководства Московского комитета партии, в городе Москве, в столице СССР, в мае — июне этого года имели место перебои в снабжении мясом и очереди у мясных магазинов, а в настоящее время создались очереди за капустой и картофелем, прорыв в заготовке картофеля и овощей в Московской области, угрожающее положение со снабжением Москвы дровами…» Следовавшие вслед за тем «оргвыводы» выглядели необычайно суровыми — «1. Снять с поста первого секретаря Московского областного и Московского городского комитетов партии тов. Угарова, отозвав его в распоряжение ЦК ВКП(б). 2. Объявить выговор председателю Московского совета т. Сидорову»[102].

Десять дней спустя по представлению Маленкова ПБ «рекомендовало» бюро московского объединенного комитета избрать на освободившийся пост А. С. Щербакова, явно человека Жданова. Того, кто семь лет рука об руку работал вместе со Ждановым в Нижнем Новгороде, а потом в аппарате ЦК. Был, видимо не без поддержки старого шефа, направлен секретарем Союза советских писателей СССР в момент его создания, до проведения первого съезда. Потом, каждый раз всего на год, в обкомы — вторым секретарем ленинградского, первым иркутского, сталинского (Донбасс). Вместе с тем Щербаков оказался фигурой и компромиссной, в равной степени устроившей и Жданова, и Андреева, и Маленкова. Но о совершенных перестановках члены партии узнали лишь в начале декабря, из сообщения о прошедшем пленуме МК-МГК.

А тремя неделями ранее, 19 ноября, в Москве состоялся еще один Пленум, ЦК ВЛКСМ, на котором был освобожден от своих обязанностей его первый секретарь А. В. Косарев. Ему же в вину поставили откровенно политические проступки: «грубое нарушение внутрикомсомольской демократии, бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, покровительство морально-разложившимся, чуждым партии и комсомолу элементам и укрывательство двурушнических элементов»[103]. Но за всеми подобными эвфимизмами, как и в речи Маленкова на январском Пленуме партии, скрывалось, по сути, прямое обвинение Косарева в причастности к массовым репрессиям, в нежелании отстраниться от них, если не осудить. Сделать как минимум то же, на что пошел, например, Вышинский.

Замена «профессионального комсомольца» Косарева, не имевшего иной, нормальной специальности, а образование — всего два класса начальной школы, на Н. А. Михайлова оказалась во всех отношениях удачной. Последний был не только моложе своего предшественника на четыре года, что в большей степени приближало его по возрасту к молодежи, но и обладал большими знаниями, более широким жизненным опытом. Михайлов отнюдь не по своей воле не смог закончить учебу в институте и получить диплом. Восемь лет занимался журналистикой, из них два года работал главным редактором одной из наиболее популярных у читателей газет страны, «Комсомольской правды». Все это и позволило ему, еще не обремененному и не развращенному широкой популярностью общепризнанного лидера молодежи, легко вписаться во властные структуры. До поры до времени занять подчеркнуто

второстепенное, подчиненное положение, исключить даже возможность впечатления о какой-либо своей самостоятельности.

В обоих случаях — и с Косаревым, и с Угаровым, самым примечательным стало то, что их устранение не сопровождалось громогласными стандартными обвинениями в принадлежности к «бухаринцам» или «троцкистам», не стало поводом для шумных и разнузданных процессов, для очередной волны репрессий. Кроме того, смещение обоих, происшедшее практически одновременно, означало, как отмечалось выше, серьезные изменения в расстановке сил в узком руководстве. Свидетельствовало, что их покровитель, Л. М. Каганович, вынужден был «сдать» их. Признать поражение, согласившись на выполнение требований тех, кому теперь и предстояло «наблюдать» за работой комсомола, МК-МГК, — Жданова и Маленкова. Но вместе с тем подобные «кадровые» перемены подтверждали: страна еще далека от демократии, цивилизованных способов решения кадровых вопросов на высоком уровне — с помощью нормальной отставки. Аресты пока оставались непременным атрибутом смены политического курса, а в случае с Угаровым и Косаревым призваны были служить ко всему и символической платой за беззакония «ежовщины».

Все, что произошло на рубеже 1938–1939 годов, требовало скорейшего закрепления, юридического оформления, чем мог стать лишь партийный съезд и его резолюции. К тому же все настойчивее вынуждали действовать и события, происходившие в Европе, заставляли идти на самые решительные и радикальные меры.

Только за один 1938 год из-за попустительства западных демократий Германия увеличила свое население более чем на десять миллионов — как минимум на три миллиона солдат и высококвалифицированных рабочих Австрии и Судет. Вместе с тем Берлин продемонстрировал откровенную попытку установить контроль и над советской Украиной, что стало предметом обсуждения на дипломатическом уровне глав британского и французского правительств.

2 ноября 1938 года в пока еще существующей, но уже весьма призрачно независимой Чехословакии получила странную автономию Подкарпатская Украина. Явно провокационная акция дала возможность Чемберлену и Даладье понадеяться, что дальнейшие агрессивные устремления Германии окажутся направленными на СССР. Уже 24 ноября британский премьер с надеждой и нескрываемой заинтересованностью заявил французскому коллеге: «У германского правительства может иметься мысль о том, чтобы начать расчленение России путем поддержки агитации за независимость Украины». А две недели спустя ту же мысль выразил советник посольства Великобритании Огильви-Форбс, адресуясь к Галифаксу: «И в нацистских, и в ненацистских кругах существует как будто единое мнение насчет того, что следующей целью, меры по осуществлению которой могут быть предприняты уже в 1939 году, является создание, при содействии Польши или без нее, независимой русской Украины под опекой Германии»[104].

О той же готовности западных демократий к молчаливому сговору с фюрером за счет Советского Союза свидетельствовала подписанная 6 декабря Риббентропом и Даладье декларация о намерениях впредь руководствоваться в отношениях между двумя странами только одним — стремлением к мирным и добрососедским отношениям. Данный документ позволил Бонне в меморандуме всем французским послам утверждать: у него сложилось впечатление, что «германская политика будет впредь направлена на борьбу с большевизмом»[105].

Последующие события как бы подтверждали мечты Лондона и Парижа. 15 марта 1939 года части вермахта вступили в Прагу, и Берлин объявил об окончательной ликвидации суверенной Чехословакии. Той самой, которой после Мюнхена Великобритания и Франция гарантировали сохранение, хотя и в новых, усеченных границах. Чехию и Моравию включили в состав третьего рейха как «протекторат Богемия и Моравия», автономную с октября 1938 года Словакию еще накануне, 14 марта, провозгласили «независимой», но отдавшейся «под защиту и покровительство» Германии, которая тут же оккупировала и эту страну,

предварительно передав значительную часть ее территории, включая Подкарпатскую Украину, Венгрии как награду за верность и поддержку аннексионистским устремлениям нацистов.

Реакция официального Лондона оказалась более чем символичной. В документе, поименованном «протестом», выражалась полная отстраненность Великобритании от событий, происходивших в Восточной Европе. «Правительство его величества, — уведомлялся Берлин в „протесте“, — не имеет намерения вмешиваться в дела, в которых могут быть непосредственно заинтересованы правительства других стран… Оно будет сожалеть обо всех действиях, которые могут привести к нарушению атмосферы растущего всеобщего доверия…»[106].

Десятью днями позже, пытаясь оправдать свое потворство Гитлеру, Чемберлен в частном письме отмечал: «Должен признаться, что Россия внушает мне самое глубокое недоверие. Я нисколько не верю в ее способность провести действительное наступление, даже если бы она этого хотела. И я не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, имеют мало общего с нашими идеями свободы. Она хочет только рассорить всех остальных. Кроме того, многие из малых государств, в особенности Польша, Румыния и Финляндия, относятся к ней с ненавистью и подозрением»[107].

На самом деле британский премьер пытался сделать хорошую мину при плохой игре. Любой ценой оправдать собственную бездеятельность и потому дискредитировать советские официальные заявления. Например, Щербакова, сделанное им, несомненно, по поручению свыше, 4 марта — «Нам предстоят решающие бои с капитализмом, фашизмом. Знаем, что борьба будет нелегкой, потребует жертв и величайшего напряжения сил. Но у большевиков нет никакого сомнения в том, что мы будем победителями в предстоящих боях»[108].

Но если выступлению первого секретаря МК-МГК Чемберлен, если бы и познакомился с ним, мог и не придать должного значения, то уже непременно ему следовало прореагировать на ноту правительства СССР от 18 марта. В ней же объявлялось, что Советским Союзом «не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными» действия Германии. Кремль, продолжала нота, «не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерными и отвечающими общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов»[109].

Мало того, в тот же день советское правительство выступило с весьма важной инициативой, способной создать условия для отпора Германии. Литвинов вручил британскому послу записку, содержащую предложение созвать конференцию наиболее заинтересованных стран — Великобритании, Франции, СССР, Румынии, Польши и Турции для выработки общей позиции, соответствующей условиям, сложившимся в Европе. Лондон поспешил объявить, что считает такого рода совещание «преждевременным», однако несколькими днями позже, 21 марта, изменил столь негативное решение. Предложил СССР, Франции и Польше подписать совместную декларацию о проведении консультаций и определении мер по совместному отражению агрессии против любой из четырех стран. Но уже 1 апреля Форейн оффис вновь вернулся к позиции «невмешательства», отказавшись от собственных же намерений.

Между тем положение на континенте с каждым днем становилось все более и более напряженным. 9 февраля гражданская война в Испании завершалась победой поддержанных Берлином и Римом мятежников, а последние республиканские части отошли во Францию, где их интернировали. 22 марта германские войска заняли Мемельскую (Клайпедскую) область, находившуюся с 1920 года под опекой Лиги наций, а с 1923 — в составе Литвы. Два дня спустя Берлин в ультимативной форме потребовал от польского правительства отказаться от политического контроля над Данцигом и установить экстерриториальность для железной дороги и автострады, связывающих вольный город с Померанией. А несколько позже, 7 апреля, уже итальянская армия вторглась в Албанию, вскоре объявленную составной частью Итальянской империи.

Руководство Советского Союза не могло не насторожить, серьезно обеспокоить два весьма примечательных, бросающихся в глаза обстоятельства. Все последние акты агрессии не вызвали со стороны западных демократий не только никаких ответных действий, но даже и серьезных дипломатических демаршей. Более того, Гитлер, столь решительно крушивший версальскую систему, почему-то ни разу даже не вспомнил об утраченных Германией землях на западе и севере: Эльзасе и Лотарингии, отошедших к Франции; округах Эйпен и Мальмеди, присоединенных к Бельгии; Южном Шлезвиге, переданном Дании. Границы третьего рейха подвергались ревизии исключительно на востоке. Явно указывали на главную цель замыслов, устремлений фюрера. Потому-то в начале апреля Щербаков, выступая на закрытом заседании московского партактива, совершенно определенно предупредил, выразив мнение узкого руководства, аудиторию: «Военная опасность растет…война приближается. Нельзя назвать сроки, когда начнется война, но одно ясно, что война не за горами и что воевать нам все-таки придется…»[110].

Напряженное международное положение не могло не повлиять на происходивший в те же самые дни, с 10 по 21 марта, XVIII съезд ВКП(б). Практически все делегаты, и выступавшие с докладами, и участвовавшие в прениях, единодушно отмечали неотвратимость угрозы войны, да еще одновременно на двух флангах: западном, с Германией, и восточном, с Японией. Но, как это ни выглядело удивительным, странным, все избегали глубокого сравнительного анализа обороноспособности СССР, качества военной техники, состояния армии, авиации и флота. И военные — нарком обороны К. Е. Ворошилов, начальник Генерального штаба РККА Б. М. Шапошников, командующие Тихоокеанским флотом Н. Г. Кузнецов, Первой приморской армии Г. М. Штерн, будущие герои Великой Отечественной войны, тогда еще никому неизвестные полковники А. И. Родимцев, И. В. Панфилов, и гражданские — наркомы авиапромышленности М. М. Каганович, судостроительной промышленности И. Ф. Тевосян, проявляли сверхоптимизм. Явно занимаясь «шапкозакидательством», заверяли и съезд, и всю страну, что враг будет непременно и сразу же разбит, если попытается напасть: не пройдет далее границы.

Даже Молотов, предлагая съезду проект третьего пятилетнего плана, объясняя его, характеризуя особенности и основные направления, ухитрился даже не упомянуть о существовании оборонной промышленности, о тех задачах, которые ей предстояло решать. Правда, он сделал иное. Отважился на довольно необычную по тем временам оценку достигнутого за две пятилетки. Признал не только наличие серьезнейших неудач в развитии народного хозяйства, но и решительно потребовал «покончить с фактом недостаточного экономического уровня СССР»[111].

Более трезво охарактеризовал положение Сталин. Не акцентируя на том внимания слушателей, все же заметил: успехи советской промышленности обманчивы, теряют всю значимость, привлекательность, как только все произведенное пересчитывается на душу населения. Демонстрируют тем наше огромное отставание от всех промышленно развитых стран, ибо при такой системе сравнения выясняется: отечественные показатели вдвое ниже, чем в Великобритании, не говоря уже о США или Германии. А на преодоление подобного разрыва «требуется время, и немалое» — десять, пятнадцать лет. Так и не сказав прямо о неподготовленности Советского Союза к войне, но исходя именно из этого, сформулировал цели внешней политики следующим образом: «проводить политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами», «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну»[112].

И все же, несмотря на всю актуальность, важность именно таких вопросов, съезд не ограничился ими. Не меньшее, а большее внимание уделил тому, на что лишь намекали «Краткий курс», постановление от 14 ноября «О пропаганде». Занялся поистине беспрецедентным, невиданным с октября 1917 года — полной переоценкой и самой партии, и ее дальнейшей роли в управлении страной.

В докладах Сталина и Молотова вновь зашла речь о вступлении Советского Союза в новую «полосу» (этот термин дважды использовал только Вячеслав Михайлович, что дает некоторые основания предполагать — именно он и является творцом его) или «фазу» (по выражению Иосифа Виссарионовича) своего развития. Но один лишь Сталин не только применил, но и объяснил сущность прокламируемого исторического самостоятельного периода в жизни страны. В отличие от предыдущих двух фаз, от Октября до принятия новой Конституции, он заключался в «мирной хозяйственно-организационной и культурно-воспитательной работе», когда армия и НКВД «обращены уже не вовнутрь страны, а вовне ее, против внешних врагов». Демонстрировал достигнутые морально-политическое единство общества, дружбу народов, советский патриотизм, основой чего являлись блок коммунистов и беспартийных, демократизм избирательной системы.

В свою очередь, все это порождало острейшую необходимость в новых кадрах. Именно новых. «Старые кадры, — заметил Сталин, — представляют, конечно, большое богатство для партии и государства». Однако у них, продолжал развивать мысль докладчик, имеется «склонность упорно смотреть в прошлое, застрять на прошлом, застрять на старом и не замечать нового в жизни». Предложил добиваться умелого сочетания опоры на старые и новые кадры, отдавая предпочтение молодым. И даже бросил уже отнюдь не новый лозунг «выдвигать новые, молодые кадры». Отлично понимая, что подобное отношение к людям, имеющим только одно преимущество — высшее образование, профессиональный опыт, далеко не у всех вызовет одобрение, поддержку, вернулся к тому, о чем шла речь в постановлении от 14 ноября: «Для новой интеллигенции нужна новая теория, указывающая на необходимость дружественных отношений к ней, заботы о ней, уважения к ней и сотрудничества с ней»[113].

Но, пожалуй, наиболее откровенно раскрыл суть новой «полосы» — «фазы» Жданов. Выступая по столь вроде бы далекому от насущных вопросов жизни вопросу, как устав ВКП(б), вполне преднамеренно продолжил обоснование сущности ближайших десяти — пятнадцати лет. Прямо отметил, что она будет заключаться в отделении партии от государства. Необходимость же подобной меры связал с решением чисто экономических задач. «Там, где партийные организации, — подчеркнул Жданов, — приняли на себя несвойственные им функции руководства хозяйством, подменяя и обезличивая хозяйственные органы, там работа неизбежно попадала в тупик». Именно так объяснил все просчеты и неудачи предыдущих пятилетних планов. И говоря уже не о горкомах, обкомах или райкомах, а об аппарате ЦК ВКП(б), заявил: «Производственно-отраслевые отделы ныне не знают, чем им, собственно, надо заниматься, допускают подмену хозорганов, конкурируют с ними, а это порождает обезличку и безответственность в работе»[114]. И не заботясь о том, как отнесется к его предложению партократия, объявил о ликвидации подобных отделов. Всех, кроме — пока, временно — двух: сельскохозяйственного в силу его сохранявшейся значимости, и школ, так как в стране отсутствовал союзный наркомат просвещения.

Развивая положения, уже высказанные Сталиным в отчетном докладе, предложил полностью реконструировать структуру партаппарата. Построить ее на двух опорах. На управлении кадров (УК), что в контексте выступления Иосифа Виссарионовича должно было означать только одно — проведение в жизнь новой политики по отношению к «интеллигенции», вернее работникам госаппарата, обладающим высшим образованием, которых и следовало выдвигать на руководящие должности. Да и не только в гос-, но партаппарат, ибо среди даже секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, подметил Жданов, свыше 40 % не имели хотя бы среднего образования.

Вторым базисом, на котором отныне предстояло покоиться партаппарату, становилось управление пропаганды и агитации (УПиА). Оно получало две основные функции: пропаганды и агитации с помощью подконтрольных прессы, радио, издательств, литературы и искусства, а также подготовки в теоретическом плане («коммунистическое воспитание») всей массы партийных и государственных служащих. На годичных курсах переподготовки — низшего

кадрового звена, в двухгодичных ленинских школах — среднего звена, в трехгодичной Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) — подготовку резерва для высших руководителей.

Вместе с тем огласил Жданов и другие, не менее важные замыслы, которые должны были кардинально изменить как внутрипартийную жизнь в целом, так и саму партию. Съезду было предложено утвердить отмену ряда принципиальных положений. Ранее существовавших «категорий», иными словами деление вступавших в партию по классовому признаку — на рабочих, крестьян, служащих, где абсолютным преимуществом обладали, естественно, лишь первые. Таким образом, в ВКП(б) открыли широкий, свободный доступ, прежде весьма затрудненный и ограниченный, служащим, «советской интеллигенции», сразу же и активно начавшим практически размывать «пролетарскую» по составу партию. А отсюда возникла и необходимость при статистических выкладках объединять в одной группе членов партии — рабочих и служащих, дабы скрыть нарастающее преобладание именно последних.

В не предусматривающей возражений форме предложил Жданов зафиксировать отмену и кооптации, открытые, да еще «списком», выборы руководителей парторганизаций всех уровней. Заменить старую процедуру тайным голосованием, что и должно было свидетельствовать о торжестве внутрипартийной демократии, обеспечивать ее. На то же было направлено и еще одно предложение, высказанное Ждановым и утвержденное съездом — об отмене проводившихся ранее более или менее постоянно массовых чисток как потенциального обоснования возможного повторения массовых же репрессий.

Наконец, благодаря еще одному изменению от вступавших в партию теперь требовали не «усвоения» — глубокого знания устава и программы, а всего только «признания» их. Отныне от неофитов не ожидали более понимания основ марксизма, а, следовательно, идейности, убежденности, сознательности, незыблемости во взглядах. По существу, все, кому предстояло пополнить ряды ВКП(б), должны были стать некоей составной частью своеобразного «блока» или «народного фронта». Только обеспечивать своей массой, чисто количественной, право на власть той небольшой группе, которая и возглавляла страну, определяла курс партии, ее тактику и стратегию.

Так, с XVIII съезда, из-за всего лишь нескольких, казалось бы незначительных корректив, ВКП(б) перестала быть даже формально, по уставу, тем, чем она была в годы революции и гражданской войны, в первую пятилетку — революционной, радикальной и максималистской партией пролетариата. Открыто превратилась в партию власти для ее кадрового и идеологического обеспечения. Тогда же и в ее руководстве обозначились достаточно серьезные сдвиги, свидетельствовавшие об усилении позиции тех, кто был автором и проводником реформ.

На Пленуме, состоявшемся 22 марта 1939 года, в ПБ взамен Г. И. Петровского, давно уже не игравшего сколько-нибудь значительной роли, но бывшего олицетворением преемственности как славный представитель гвардии революционной эпохи, полноправно вошел А. А. Жданов, до съезда, до официального принятия резолюции о перестройке партаппарата, ставший начальником УПиА. Кандидатами в члены ПБ избрали Л. П. Берия, окончательно закрепившего тем свое вхождение в руководство, и Н. М. Шверника — но уже не столько как главу советских профсоюзов, сколько как своеобразный противовес «молодым кадрам». Более серьезными оказались перемены в составе секретариата ЦК. Из него удалили Л. М. Кагановича, что явилось для того очередным свидетельством заката карьеры, но зато ввели Г. М. Маленкова, избранного также и в ОБ. А месяц спустя, 31 марта, его утвердили и в должности начальника УК[115]. Столь заметный, вопиющий разрыв по времени в назначении Жданова и Маленкова можно объяснить лишь одним. Тем, что продвижению вверх Георгия Максимилиановича, явного реформатора, достаточно сильно, упорно сопротивлялось консервативное крыло узкого руководства. Те, кто справедливо должен был опасаться не только полной смены кадровой политики, но и, как следствие ее, за свое будущее — потерю прежней безраздельной власти.

Глава пятая

На XVIII съезде открыто, во всеуслышание о реальной боеготовности СССР не говорили, хотя по утверждению Сталина война уже началась. Лишь пока не приобрела всеобщего, мирового характера. Но именно потому для подготовки отражения почти неизбежного нападения делалось весьма многое. Прежде всего — довольно быстро, за несколько месяцев, была проведена реорганизация явно негодной системы управления теми отраслями экономики, которые напрямую или опосредственно были связаны с производством вооружения.

11 января 1939 года огромный и неповоротливый, доказавший свою неспособность добиться положительных сдвигов в работе, наркомат оборонной промышленности (М. М. Каганович) разделили на четыре, отчетливо выражавших их узкую специализацию. Создали наркоматы: авиационной (НКАП, М. М. Каганович), судостроительной промышленности (НКСП, И. Ф. Тевосян), боеприпасов (НКБ, И. П. Смирнов) и вооружений (НКВ, Б. В. Ванников). Правда, допустили при этом и неизбежные, незначительные огрехи. Ответственность за производство патронов, например, возложили на НКВ, а за выпуск для них гильз и пороха — на НКБ. Кроме того, танковую промышленность, несмотря на всю ее значимость для современной войны, сохранили в виде всего лишь главка (главспецмаш) наркомата машиностроения.

24 января выделение в самостоятельные наркоматы важнейших отраслей продолжили ликвидацией многократно и длительное время преобразовывавшегося наркомтяжпрома (Л. М. Каганович). Взамен его остатков создали наркоматы топливной промышленности (Л. М. Каганович), электростанций и электропромышленности (М. Г. Первухин), черной металлургии (Ф. А. Меркулов) и цветной (А. И. Самохвалов), химической промышленности (М. Ф. Денисов). 5 февраля узкую специализацию управления промышленности продолжили делением наркоммаша (В. К. Львов) на наркоматы тяжелого (В. А. Малышев), общего (П. И. Паршин) и среднего машиностроения (И. А. Лихачев), сохранив в последнем «танковый» главк, а 12 октября завершили, разделив наркомтоппром на наркоматы нефтяной (Л. М. Каганович) и угольной промышленности (В. В. Вахрушев).

Такого рода административные меры незамедлительно подкрепили и финансовыми. 23 марта ПБ пересмотрело ранее принятый народнохозяйственный план на 2-й квартал текущего года и утвердило расходную часть бюджета следующим образом. На НКАП — 1467 млн. рублей, на НКСП — 674,1 млн., на НКВ — 1147,9 млн., на НКБ — 1079,8 млн., на машиностроительные наркоматы — 3518,2 млн., а всего — треть из 23 178,9 млн. ассигнованных на всю промышленность. О возрастании внимания к боеготовности с еще большей очевидностью свидетельствовал и бюджет на весь 1939 год. На НКАП отпустили 2385,4 млн. рублей, на НКСП — 2162,7 млн., на НКБ — 2529,2 млн., на НКВ -1418,9 млн., на НКО — 33 379,3 млн., на НКВМФ — 7724,1 млн., на НКВД — 5442,7 млн., что в целом, с учетом танкостроения, составило ровно половину расходной части бюджета СССР. Данная тенденция стабилизировалась в следующем году. При очередной, ставшей чуть ли не обязательной корректировке планов, на 3-й квартал предусмотрели следующие расходы: по четырем наркоматам оборонной промышленности — в размере 2082 млн. рублей, по трем военным — 15 875 млн., то есть в сумме чуть более половины расходной части бюджета, составлявшей 35 463 млн. рублей[116].

Все это, бесспорно, означало, что стране пришлось отказаться от даже минимальных попыток улучшить в ближайшее время благосостояние населения. Ограничить потребление основных продуктов питания, не расширять, как и прежде, выпуск предметов широкого потребления, сократить расходы на образование, медицину и культуру. Рост затрат на оборону порожден был более чем серьезнейшими причинами. Так, гражданская война в Испании помогла установить донельзя неприятный факт: советское авиастроение не только отстает от германского вдвое по общему числу выпускаемых машин, но и производит устаревшие типы боевой техники. Немецкие истребители Ме-109 Е продемонстрировали полное превосходство над отечественными И-16, а бомбардировщики Ю-87 — над СБ. Там же, в Испании, выявились серьезнейшие конструктивные недостатки советских танков, как легких, так и средних,

которые предстояло как можно скорее заменить на новые, принципиально отличные от них типы. Наконец, оккупация Чехословакии поставила под сомнение выполнение фирмой Шкода поставок в соответствии с долгосрочным соглашением различных видов пушек, в том числе и 76-мм, 85-мм зенитных орудий, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны основой артиллерии ПВО. Необходимые условия для модернизации старых, создания новых оборонных предприятий и обеспечивало как само создание четырех наркоматов оборонной промышленности, так и финансирование необходимых работ, включая разработку новых видов и типов военной техники.

Реформа системы управления, начатая с реорганизации тяжелой промышленности, неизбежно распространилась и на остальные отрасли народного хозяйства. Наркомат легкой промышленности (В. И. Шестаков) был разделен на два — легкой (С. Г. Лукин) и текстильной промышленности (А. Н. Косыгин). Пищевой промышленности (И. Г. Кабанов) — на три: пищевой (В. И. Зотов), мясной и молочной (П. В. Смирнов) и рыбной промышленности (П. С. Жемчужина). Водного транспорта (Н. И. Ежов) — также на два: морского (С. С. Дукельский) и речного флота (З. А. Шашков). Тогда же, весною 1939 года, комитеты промышленности стройматериалов (Л. А. Соснин) и по строительству (С. З. Гинзбург) преобразовали в наркоматы, а заодно создали новый комитет, по геологии (И. И. Малышев).

И резкое увеличение числа членов правительства СССР, и их относительная свобода от прежде весьма назойливой опеки со стороны отделов ЦК ВКП(б), местных парторганов — ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, и новая кадровая политика, обеспечившая приток квалифицированных специалистов на руководящие посты всех уровней, все это оказало благоприятное воздействие на состояние советской экономики, в том числе и на улучшение оборонной промышленности. Однако более значимым здесь стала та стабильность, которая установилась с начала 1939 года в самом правительстве.

Совместные постановления от 17 ноября и 1 декабря 1938 года, как очень скоро выяснилось, не остались пустой, существующей только на бумаге, декларацией. Они действительно оказали воздействие, и притом решающее, на внутриполитическую ситуацию. Они еще не устранили сам факт необоснованных репрессий, как это можно было бы предположить по их содержанию. Незаконные аресты, приговоры, выносимые внесудебными органами, в том числе и к «высшей мере наказания», не прекратились. Но все же они утратили свой прежний, поистине всеохватывающий, не знающий предела характер. Постановления главным образом, если не исключительно, реально сказались на положении высшего слоя бюрократии — и партийной, и государственной. Ей, и прежде всего ей, обеспечили личную безопасность, устранили, но опять же лишь для нее, постоянную угрозу не просто потери должности, более страшного — потери свободы и даже жизни.

Перемены к лучшему сразу же стали достаточно очевидными, не вызывали никаких сомнений в своей направленности. Как уже отмечалось выше, всего за первое полугодие 1938 года репрессировали, не взирая на занимаемое положение, двух членов ПБ — заместителей председателя СНК СССР С. В. Косиора и В. Я. Чубаря, двух кандидатов в члены ПБ — наркома земледелия Р. И. Эйхе и первого секретаря Куйбышевского обкома П. П. Постышева. И на том карательные акции вдруг прекратились. Правда, 29 марта 1939 года та же участь постигла и наркома водного транспорта и председателя КПК Н. И. Ежова. Однако его арест, снятие с должности, проведенные без какой-либо огласки, скрытно, уже никто не должен был рассматривать как настораживающий рецидив, опасный признак возвращения миновавшей практики. Был предрешен. Являлся последним отзвуком пронесшейся бури. Оказался естественным и закономерным следствием все того же совместного постановления, хотя и несколько запоздавшим. Только после этого члены высшего руководства страны могли почувствовать себя в полной безопасности, обрести уверенность в завтрашнем дне.

За последующие пятнадцать лет, о чем тогда, впрочем, никто не мог знать, из их среды репрессировали только троих. В 1949 году — членов ПБ, заместителя председателя СМ СССР

Н. А. Вознесенского и секретаря ЦК ВКП(б), курировавшего органы государственной безопасности, А. А. Кузнецова. А в 1953 году — еще одного члена ПБ, первого заместителя председателя СМ СССР, министра внутренних дел Л. П. Берия.

Та же своеобразная «зона безопасности», но в несколько меньшей степени, распространилась и на следующий по нисходящей уровень властных структур. На наркомов СССР. Убедительным подтверждением тому являются их судьбы, коренным образом изменившиеся вскоре после принятия все того же постановления.

19 января 1938 года первая сессия ВС СССР первого созыва в соответствии с новой Конституцией утвердила правительство страны. Однако лишь половина его состава, 14 из 29 человек, спустя двенадцать месяцев все еще оставалась на своих постах. Остальные были арестованы. Мало того, на протяжении следующего полугодия освободили от занимаемых должностей еще пятерых наркомов. Но вот тут-то и проявилось новое в жизни. Если прежде снятые главы ведомств просто исчезали, притом бесследно, то теперь их всего лишь понижали в должности либо отправляли на пенсию. Именно так произошло с Н. М. Анцеловичем — наркомом лесной промышленности, П. С. Жемчужиной, М. М. Литвиновым, И. А. Лихачевым, Ф. А. Меркуловым, С. Е. Скрынниковым — наркомом заготовок.

Всего с марта 1939 года по июнь 1941 года из 65 человек, входивших в правительство СССР как наркомы или в приравненной к ним должности, освободили от занимаемых постов 20. На первый взгляд, соотношение, близкое к тому, что было в разгар «ежовщины», если не учитывать самое существенное. Четверо — генеральный прокурор А. Я. Вышинский, А. Н. Косыгин, В. А. Малышев, М. Г. Первухин — получили повышение; двое, К. Е. Ворошилов и председатель КСК Р. С. Землячка, стали только заместителями председателя СНК, восемь — понижены в должности. Репрессировали же лишь двоих: М. П. Фриновского, наркома ВМФ, а перед тем, до августа 1938 года, замнаркома внутренних дел — начальника ГУГБ, и Б. Л. Ванникова, арестованного в июне 1941 года, но через несколько месяцев освобожденного и вновь назначенного наркомом, в НКБ. Весьма условно к этому же числу можно отнести М. М. Кагановича, сначала снятого с поста главы НКАП и переведенного директором авиазавода № 1242 и только затем покончившего с собою, а также наркомов боеприпасов И. П. Сергеева, цветной металлургии А. И. Самохвалова и здравоохранения М. Ф. Болдырева, чьи судьбы пока остаются невыясненными.

Весьма немаловажной при подобного рода кадровых перестановках оказалась деталь далеко не формального характера. Начиная с весны 1939 года практически никому из снимаемых с должностей наркомов, за исключением П. С. Жемчужиной[117], не предъявлялось обвинений политического характера, никого из них не объявляли врагом народа, не судили. Их освобождали за «провал работы», да и то чаще всего после нескольких предупреждений, выговоров за плохое руководство предприятиями вверенной им отрасли.

Так, вопрос об И. А. Лихачеве впервые возник 14 августа 1940 года в связи с неудачными экспериментами с моделями легковых автомобилей «КИМ» и «ЗиС-101». Затем, 6 сентября, по представлению В. А. Малышева, был отменен как «неправильный» приказ Лихачева по московскому автозаводу. И только после этого, 2 октября, «за неоднократное неисполнение решений правительства и недопустимую практику нарушений конкретных указаний правительства по части соблюдения дисциплины в технологическом процессе производства», последовало решение ПБ: «т. Лихачева снять с поста наркома среднего машиностроения и понизить в должности». Его, но не сразу, а спустя некоторое время, перевели директором московского автозавода[118].

Схожим образом предрешалось снятие с должности и руководителя НКБ И. П. Сергеева. 26 сентября 1940 года ПБ, рассмотрев записку первого секретаря Кировского обкома о «катастрофическом» положении с выпуском продукции на патронном заводе, поручило Л. 3. Мехлису и Л. П. Берия проверить работу наркомата в целом. Через полтора месяца, 11 ноября, по результатам этой проверки были приняты более чем строгие меры. «Предупредили»

начальника 2-го главка НКБ Иванова, замнаркома Толстого сняли, понизив в должности, секретаря парторганизации НКБ Акатова освободили от обязанностей, а замнаркома Хренкова арестовали, передав его «дело» в НКВД. Наконец, 1 марта 1941 года, после того, как производство патронов не увеличилось, последовало еще одно решение ПБ — о снятии самого И. П. Сергеева[119].

Резко отрицательной оценкой деятельности сопровождалось и снятие председателя правления Госбанка СССР Н. К. Соколова, проработавшего в этой должности всего полгода — «как провалившегося на работе». Сменившего его Н. А. Булганина обязали «срочно ликвидировать то безобразие в делопроизводстве Госбанка и то преступное отношение к документам, которое обнаружено в Госбанке проверкой Комиссии партийного контроля»[120].

Вместе с тем анализ состава правительства СССР за 1939–1941 годы позволяет обнаружить и еще одну, весьма показательную черту, обозначившуюся именно в тот период. Постепенно стало расти количество наркомов, остававшихся на своем посту уже не несколько месяцев, как их предшественники, а значительно, несоизмеримо дольше. Так, из 45 членов СНК Союза на 1941 год в этой должности пятеро проработали шесть лет, четверо — семь лет, шестеро — восемь лет, двое — девять лет, а восемнадцать — более десяти лет. При этом четверо из последних — В. А. Малышев, Г. М. Орлов, М. Г. Первухин и И. Ф. Тевосян — по восемнадцать лет, А. Г. Зверев — почти четверть века, а А. А. Ишков, А. Н. Косыгин, Д. Ф. Устинов — свыше сорока лет, что в конечном итоге не могло не обернуться своей отрицательной стороной.

Но и в тех немногих случаях, когда наркомов все же освобождали — с повышением или понижением, безразлично, — на их место назначали людей не со стороны, как практиковалось два десятилетия, а чаще всего их первых заместителей. Имевших высшее образование, обладавших профессиональным опытом. Так произошло после назначения Первухина зампредом СНК и разделения наркомата электростанций и электропромышленности на два, по отраслям. Преемниками его стали прежние соответствующие заместители: В. В. Богатырев — наркомом электростанций и А. И. Летков — наркомом электропромышленности. Когда же в 1942 году за развал работы сняли Богатырева, его место опять же занял первый заместитель Д. Г. Жимерин. Те же ступени карьеры прошли П. Ф. Ломако — нарком цветной металлургии, И. К. Седин — нефтяной промышленности, С. А. Акопов — среднего машиностроения.

При такой, ставшей закономерностью, системе замещения высших управленческих должностей, наметился и своеобразный, особый вариант ее. В крайне редких, экстраординарных случаях, «под наркома» первого заместителя назначали и специально. Тогда, когда по политическим соображениям было предрешено освобождение главы данного ведомства от занимаемой должности. Равно и для повышения, и для понижения. Примером тому могут служить слишком очевидные по времени и смыслу назначения: Л. П. Берия «под» Н. И. Ежова, А. И. Яшкова «под» П. С. Жемчужину, Н. Г. Кузнецова «под» М. П. Фриновского, М. З. Сабурова «под» Н. А. Вознесенского.

На постоянстве состава правительства СССР — вполне естественном, нормальном, рабочем его состоянии, от которого изрядно отвыкли за годы массовых репрессий, — благотворно отразилась та стабильность, которая установилась в высших эшелонах власти в целом. Но столь же важным фактором оказались и те далеко не ординарные для тех лет достоинства, которые отныне были присущи практически всем наркомам, получавшим назначение на столь высокий пост начиная с 1939 года. От старой формации руководителей — прежде всего партфункционеров, их отличало то, что они не только имели высшее образование, но даже успели поработать, несмотря на молодость, несколько лет по специальности на производстве, познавая его изнутри. Иными словами, начали действовать те самые критерии подбора кадров, которые восторжествовали на XVIII съезде ВКП(б). Подобный, сугубо деловой, даже прагматический подход и позволил добиться

подлинного профессионализма СНК СССР. Уже к концу 1940 года именно такие наркомы и составляли подавляющее большинство — 31 из 47 его членов.

Тот же подход стал все увереннее утверждаться и при назначении председателей комитетов, начальников главных управлений и управлений при СНК СССР, которые хотя и возглавляли самостоятельные ведомства, однако по Конституции утверждались не ВС СССР, а СНК. Например, председателями комитета по делам искусств в 1939 году назначили литературоведа М. Б. Храпченко, по делам геологии — геолога И. И. Малышева, по делам высшей школы — химика С. В. Кафтанова, начальниками главного управления гидрометеослужбы — геофизика, директора Арктического института Е. К. Федорова, главного управления Северного морского пути — известнейшего полярника-хозяйственника И. С. Папанина, главного управления гражданского воздушного флота — летчика В. С. Молокова, Главнефтесбыта — замнаркома нефтяной промышленности Я. И. Донченко, Главлесосбыта — замнаркома лесной промышленности Е. И. Лопухова…

Отступления от таких правил случались все реже и реже, но всякий раз оказывались связанными с необходимостью сохранить для аппаратчиков, ничем не опорочивших себя, высокое, «номенклатурное» положение в бюрократической иерархии. Наиболее типичным случаем такого откровенного формального перемещения может служить утверждение И. Г. Большакова, десять лет проработавшего заместителем управляющего и управляющим делами СНК СССР, председателем комитета по делам кинематографии.

Резкий прыжок вчерашних инженеров, директоров заводов по ступеням иерархической лестницы давался им нелегко, не проходил бесследно. Порождал, прежде всего, тот самый особый стиль работы, который обычно приписывают лишь одним странностям Сталина, предпочитавшего трудиться преимущественно в вечерние и ночные часы. Порождал и тот сдвиг в психике, который неизбежно должен был возникнуть у человека, неожиданно для себя оказавшегося на вершине власти и сумевшего к тому же удержаться там. В единственных, действительно откровенных, в силу случайности избежавших цензуры и самоцензуры, мемуарах человека такого рода — наркома, а затем и министра ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова, так объясняется и оценка новой для выдвиженца ситуации, и постижение им новых для себя правил игры, приспособление к ним.

«Конечно, опыта и знаний было недостаточно, — вспоминал Кузнецов. — Пришлось компенсировать количеством рабочих часов… Убежденный сторонник последовательного продвижения по службе, я повышался чересчур быстро, перескакивая некоторые инстанции, и не выдерживал даже минимального положенного времени на некоторых должностях… Это, бесспорно, недостаток, который я сознавал, пытался компенсировать его подбором опытных людей в свои заместители и чаще советоваться с ними». Но тут же автор воспоминаний вынужден признать малоприятное: «Никогда нельзя полностью полагаться на помощников и доверяться им сверх меры. Нужно рассчитывать только на себя, иначе окажешься при определенных обстоятельствах в глупом положении».

А далее следуют слова, которые никогда ни один парт-функционер не позволил бы себе запечатлеть даже в не предназначенном чужому взгляду дневнике: «Кроме того, на высоком посту требуются не только знания и опыт, и умение, как говорят, держаться крепко за кресло, в котором сидишь». Итогом же чистосердечной самооценки Кузнецовым стало признание перемены характера, порожденной лишь тем, что ему удалось удержаться «в кресле» — «Если в первые месяцы новой службы в Москве я чувствовал, что преждевременно оказался в этом кресле, то постепенно уверовал, что справляюсь с работой на этом посту. Возможно, в этом есть доля преувеличения. Возможно, человек не всегда самокритично подходит к себе и склонен скорее переоценивать свои способности, чем недооценивать их»[121].

…Менее заметным, но столь же убедительным свидетельством кардинального перелома в кадровой политике оказалось положение, утвердившееся тогда же повсеместно, и на более низком, республиканском уровне. Но не в начале 1939 года, а гораздо раньше, еще в середине

1938 года, одновременно с проведением выборов в ВС союзных республик и их первыми сессиями. Правда, определяющим там при выдвижении на высшие руководящие посты был признан критерий весьма своеобразный. Не профессионализм, образование, а всего лишь принадлежность к коренной национальности.

Тогда-то и обрели постоянство, столь необходимое для планомерной работы, государственные ветви власти в Белоруссии, Закавказье, Средней Азии. Председатели ПВС и СНК, соответственно, БССР — Н. Ф. Наталевич и К. Н. Киселев, АзССР — М. Касумов и Т. Кулиев, ГрССР — Ф. Махарадзе (а после его кончины в 1941 году — З. Чубианишвили) и З. Кецховали, АрССР — Г. Папаян, КазССР — А. Казакбаев и Н. Ундасынов, УзССР — Ю. Ахунбабаев и А. Абдурахманов, ТуркССР — Х. Бабаев и А. Худайбергенов, ТаджССР — М. Шагадаев и М. Курбанов, КирССР — А. Толубаев и Т. Кулатов, оставались на своих постах как минимум тот срок, который и предусматривался конституциями этих республик.

Схожее, но лишь отчасти положение можно было наблюдать на Украине. Л. Р. Корниец, избранный в 1938 году председателем ПВС, надолго задержался на вершине власти, но отнюдь не на одном месте. Уже через несколько месяцев был переведен на должность председателя СНК вместо Д. С. Коротченко. Тот, в свою очередь, также не потерял своего «номенклатурного» статуса, но вернулся к исполнению этих обязанностей только в 1947 году. Председателем же ПВС УССР в 1939 году, и притом на шестнадцать лет, стал М. С. Гречуха.

В РСФСР наиболее стабильной оказалась должность председателя ПВС — пять лет подряд, до снятия за аморальное поведение во время визита в Монголию[122], ее занимал А. Е. Бадаев. Пост же председателя СНК Российской Федерации превратился в своеобразную стартовую площадку, ступень перед почти непременным повышением, взлетом на союзный уровень. Н. А. Булганин, утвержденный летом 1938 года, уже в конце того же года был назначен заместителем председателя СНК СССР, председателем правления Госбанка. Его преемника, В. В. Вахрушева, также спустя всего лишь несколько месяцев, утвердили министром угольной промышленности СССР. Только один И. С. Хохлов, так и не поднявшись выше, как его предшественники по этому посту, пробыл в должности четыре года.

Но если торжество новых кадровых принципов для старых союзных республик оказалось неожиданным, внезапным, а потому и в достаточной степени ощутимым, то для молодых, образованных только в 1940 году, оно уже явилось состоянием естественным, само собою разумеющимся и как бы единственно возможным. Отчасти из-за этого именно в высших эшелонах власти последних и начала зарождаться утвердившаяся повсеместно много позже несменяемость. Председатель ПВС Молдавской ССР Бровко пребывал в должности десять лет; Латвийской ССР, А. Кирхенштейн — двенадцать; Карело-Финской ССР, О. Куусинен — шестнадцать; Литовской ССР, Ю. Палецкис — двадцать семь лет. Не очень отставали от них по выслуге и председатели СНК: литовского, М. Гедвилас — шестнадцать лет, латвийского, В. Лацис — девятнадцать лет; карело-финского, П. Прокконен — двадцать три года. Исключение здесь составили лишь первые в Эстонской ССР председатели ПВС — И. Варес, умерший в 1946 году, и СНК — И. Лауристон, скончавшийся в 1941 году и замененный А. Веймером.

Начиная с 1939 года стабильность оказалась присущей не только для государственных, но и партийных структур, прежде всего для руководства аппарата ЦК ВКП(б).

Первым заместителем начальника, а фактически — подлинным постоянно действующим главою УК 31 марта 1939 года ПБ утвердило Н. Н. Шаталина[123], человека, по старым меркам и представлениям явно чуждого Старой площади. Тридцатипятилетний педагог по профессии, он трудился директором провинциальной школы, учился в аспирантуре, но не имел «опыта руководящей партийной работы», если не считать недолгого пребывания в должности начальника политотдела одного из глубинных совхозов. Тем не менее именно его Маленков приметил, сумел высоко оценить и взял к себе в ОРПО, а всего через несколько месяцев добился назначения Шаталина на один из важнейших в стране постов.

Несколько консервативнее, но только поначалу, проявил себя А. А. Жданов. Хотя и заменил еще в середине января 1939 года одного из старейших деятелей революционного движения В. В. Адоратского на посту директора Института Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б) молодым философом М. Б. Митиным[124], более года сохранял своим первым замом по общим вопросам профессионального аппаратчика П. Н. Поспелова[125]. Уже немолодого по представлениям той поры, сорокалетнего, имевшего за плечами серьезную учебу только в Институте красной профессуры, но зато трудившегося с 1930 года в ЦКК, а с 1937 года — в отделе пропаганды и потому в совершенстве овладевшего неписанными правилами игры, неуклонно действовавшими там, научившегося вести себя, поступать только так, как требовалось.

Лишь в сентябре 1940 года, и скорее всего не по инициативе самого Жданова, как можно с большой долей уверенности предполагать, в УПиА начались, наконец, серьезные перемены. После того, как в силу добавившихся «нагрузок» Андрей Александрович больше не мог лично руководить управлением, ежедневно и постоянно вникая во все рутинные дела, его преемником оказался не Поспелов, которого тотчас направили главным редактором «Правды», а Георгий Федорович Александров[126]. Человек, еще более, нежели Шаталин, чуждый старому аппарату. Выпускник Коммунистического университета преподавателей общественных наук, он несколько лет проработал в Московском институте философии, литературы и искусства (МИФЛИ). Заведовал там сначала философским отделением, а затем кафедрой истории философии, ибо в свои тридцать лет был автором трех Серьезных научных трудов, доктором философских наук. Потом возглавлял редакционно-издательский отдел исполкома Коминтерна (ИККИ), откуда 21 января 1939 года его и перевели в ЦК, утвердили заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации по вопросам пропаганды[127].

Став начальником УПиА, Александров сумел избавиться, правда, лишь два года спустя, от доставшихся ему «в наследство» замов-аппаратчиков, Д. А. Поликарпова и А. А. Лузина. Добился перевода руководителями первого — Всесоюзным радиокомитетом, а второго — Лекционным бюро при Комитете по делам высшей школы. Вместо них привлек близких по духу, взглядам коллег по преподаванию в МИФЛИ литературоведа А. М. Еголина, философов М. И. Иовчука, с которым Георгию Федоровичу довелось сотрудничать и в ИККИ, П. Н. Федосеева[128].

Александров на посту начальника УПиА сразу же положительно зарекомендовал себя, проявив полное понимание требуемого от него. Продемонстрировал — разумеется, с одобрения свыше, и Жданова, и всего узкого руководства — принципиально новый стиль работы. Заставил подчиненных сосредоточить все внимание главным образом на том, что в то время не без основания считалось важнейшим инструментом массовой агитации: на кино, театре, литературе. На том, что в условиях крайне слабо развитой радиофикации, при отсутствии у населения привычки регулярно читать прессу, и позволяло донести до всех — и неграмотных, и полуграмотных, новые идеологические установки в наиболее доступной, образной форме.

Решая эту задачу, Александров утвердил на ПБ всего за четыре последних месяца 1940 года семь подготовленных при его участии в УПиА развернутых постановлений (за 1938 год был одобрен всего один такого рода документ, осуждавший документальный роман-хронику Мариэтты Шагинян «Семья Ульяновых»; в 1939 — два, причем в обоих случаях «обвиняемым» оказался поэт Илья Сельвинский)[129]. Постановлений, которые вынуждали драматургов, прозаиков и поэтов незамедлительно скорректировать свое творчество применительно к новому идеологическому курсу. А выразил же суть перемен, хотя вроде бы применительно лишь к театру, председатель комитета по делам искусства М. Б. Храпченко в статье, далеко не случайно именно тогда опубликованной «Правдой». В ней же прямо отмечалось: «До последнего времени создавалось огромное количество пьес о шпионах и диверсантах. Замечательные люди нашей страны, творцы новой жизни, совершающие героические дела,

были отодвинуты в сторону. С каким-то особым усердием некоторые драматурги изображали мерзость, человеческую подлость. Сейчас эта волна сошла»[130].

Для большинства принятых в конце 1940 года постановлений общим, характерным оказались две черты — отсутствие суровых «оргвыводов», а также какой бы то ни было официальной информации о них, не говоря уже о самом содержании. Их не публиковали, препятствуя, тем самым, возможности невольно сделать из них очередной жупел, появление повода для развязывания недопустимой политической кампании. Знакомили с документами кулуарно, лишь тех, кто подвергался критике, да еще руководство Союза советских писателей СССР, а если требовалось, то и ведущих кинорежиссеров. Добивались тем самого важного: именно деятели литературы и искусства, уже от своего имени, обрушивали критику на избранных послужить другим примером.

ЦК ВКП(б) удовлетворялось исключением «порочных» пьес — Анатолия Глебова «Начистоту», Валентина Катаева «Домик», Михайла Козакова «Когда я один», Леонида Леонова «Метель» — из репертуара всех без исключения театров страны да резкой, зачастую невразумительной критикой в «Правде», «Литературной газете», «Советском искусстве». Когда же круг критикуемых начинал выходить за предусмотренные пределы, УПиА пресекал дальнейшую публикацию такого рода статей. Но в отдельных случаях даже косвенные сведения о такого рода постановлениях не выходили за пределы самого узкого круга заинтересованных лиц. Именно так произошло с постановлением от 20 октября 1940 года — о книге уральского беллетриста Н. Борисова «Выговор», и от 29 октября — о сборнике стихов поэтессы Анны Ахматовой «Из шести книг».

Единственным исключением оказалось резкое осуждение фильма режиссеров А. Столпера и Б. Иванова по сценарию Александра Авдеенко «Закон жизни». Сначала, 16 августа 1940 года, на него обрушилась «Правда», несколько дней спустя — ведущие кинематографисты — Г. Рошаль, Ю. Райзман, А. Мачерет во время обсуждения на киностудии «Мосфильм». Только потом к хору критиков присоединился и Сталин, сурово оценив недостатки, главным образом, сценария, на заседании ОБ 9 октября[131]. Потому-то и последовало уже ставшее редчайшим: исключение Авдеенко из ССП, отзыв его из депутатов горсовета Макеевки, наконец, как финал, исключение из рядов ВКП(б). И все же, что и характеризовало новый период в жизни страны, писателя не репрессировали. Три года спустя, сочтя, что он «исправился», «осознал» свои ошибки, ему позволили вернуться в журналистику, разрешив публиковаться в «Красной звезде». Еще годом позже открыли дверь в литературу, напечатав в журнале «Новый мир» его роман «Большая семья», и вновь приняли в партию.

Как можно легко догадаться, причиной столь яростной атаки на Авдеенко послужило выступление лично Сталина на заседании ОБ, куда пригласили многих писателей, драматургов, кинорежиссеров. А среди них и тех, кто поторопился выслужиться, показать, что он святее самого папы. И все же накал страстей, продолжавшийся полтора месяца, в значительной степени принижался тем, что те же газеты одновременно, и в значительно большей степени уделяли внимание новым романам «Тихий Дон» Шолохова, «Последний из удеге» Фадеева, «Два капитана» Каверина, творчеству Маяковского, Блока в связи с их юбилеями.

Совершенно иным, что подчеркивало лишь противоречивость и сложность происходившего процесса обновления высшего слоя руководства аппарата ЦК ВКП(б), оказалось положение в КПК. Там первым заместителем А. А. Андреева, сменившего в марте 1939 года Н. И. Ежова, а на деле — единственным, как показала практика, вершителем всех партийных следственных дел, ведшихся этой комиссией, утвердили откровенного обскуранта, явного сторонника репрессивных методов М. Ф. Шкирятова[132]. Обладая всего лишь начальным образованием, нормальную учебу ему заменила восемнадцатилетняя «школа» партийной работы, в которой он последовательно прошел все ступени, начиная с низшей. Однако основной опыт, как выяснилось — весьма необходимый для дальнейшей успешной карьеры Шкирятов приобрел в партколлегии КПК при пресловутом Ежове.

Шаталин удерживался «наверху» вплоть до опалы своего покровителя, Маленкова — до февраля 1955 года. Шкирятов — до своей смерти, последовавшей в 1954 году. Менее других повезло только Александрову. Он пал жертвой межгрупповой борьбы в узком руководстве в 1947 году.

Не менее показательными для доказательства установления стабильности в высшем эшелоне партийной структуры власти служат и сроки пребывания на своих постах первых секретарей ЦК компартий союзных республик, а также приравненных к ним по положению первых секретарей московской и ленинградской парторганизаций. Многие из них, избранные впервые или переизбранные в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 29 марта 1938 года, проработали по семь-восемь, а то и более лет. Например, Н. С. Хрущев на Украине, при десятимесячном перерыве — до 1950 года, П. К. Пономаренко в Белоруссии — до 1948 года. М. Д. Багиров в Азербайджане и Г. Арутинов в Армении — до 1953 года, К. И. Чарквиани в Грузии — до 1952 года, А. А. Кузнецов в Ленинграде — до 1946 года, А. С. Щербаков в Москве — до 1945 года. Избранные в 1940 году Н. Каротамм в Эстонии — до 1948 года, Бородин в Молдавии — до 1949 года, Я. Калнберзин в Латвии — до 1959 года, а Снечкус в Литве — до 1974 года.

Исключение из общего правила составили лишь первый секретарь МК и МГК А. И. Угаров, арестованный в декабре 1938 года, да руководители парторганизаций среднеазиатских союзных республик, казахстанской — Н. А. Скворцов, туркменской — Я. А. Чубин, таджикской — Д. 3. Протопопов, киргизской — А. В. Вагон и узбекской — У. Юсупов, по различным причинам (главным образом, из-за своей национальности) смещенные сразу же после окончания Великой Отечественной войны.

Именно таким образом всего за два года — срок более чем непродолжительный, в Советском Союзе сформировался практически новый по составу эшелон высшей, двухуровневой власти — союзной и республиканской. Одновременно произошло и его структурирование, нашедшее прежде всего наиболее четкое выражение в условных пяти категориях ежемесячной зарплаты, которые в июне — декабре 1938 года ввели постановлениями СНК СССР, которым, естественно, предшествовали аналогичные решения ПБ[133]:

2500 рублей, наивысшая, приблизительно в девять раз превышавшая среднюю ставку квалифицированного рабочего и служащего — председателю ПВС СССР, председателю СНК СССР и его заместителям, главам союзных наркоматов промышленности группы «А», внешней торговли и финансов, председателям Госплана и КСК, то есть первоначально — для двадцати одного должностного лица;

2300 рублей — секретарям и начальникам управлений ЦК ВКП(б), председателю КПК, а также для председателей ПВС РСФСР, УССР, КазССР, БССР, ГрССР, АзССР, УзССР — для двенадцати человек;

2200 рублей — заместителям председателя КПК, начальникам управлений ЦК ВКП(б) — для тринадцати человек;

2000 рублей — прокурору СССР, остальным наркомам СССР, председателям СНК союзных республик, московского и ленинградского областных, хабаровского и приморского краевых исполкомов — для тридцати четырех человек;

1800–1750 рублей — председателю Верховного суда СССР, председателям ПВС АрССР, КирССР, ТаджССР, ТуркССР, заведующим отделами ЦК ВКП(б), вторым секретарям ЦК компартий союзных республик, московского и ленинградского обкомов, хабаровского и приморского крайкомов — для семидесяти человек.

Кроме того, разумеется, был определен уровень ежемесячной зарплаты и еще для пятнадцати человек — первых секретарей ЦК компартий союзных республик, московского и ленинградского обкомов, хабаровского и приморского крайкомов. Логично предположить

(документы на этот счет пока не обнаружены), что она должна была составить сумму от 2000 до 2200 рублей.

Всего данная тарифная сетка охватывала при своем введении сто шестьдесят пять человек. Однако не приходится сомневаться в том, что далеко не все они обладали равным положением и, соответственно, правами. Пять категорий зарплаты только очертили границы номенклатуры ПБ, иными словами — широкого руководства. И тех, кто действительно принимал участие в принятии, обсуждении, либо лишь в подготовке наиболее важных решений, и тех, кто потенциально мог надеяться рано или поздно подняться в этот верхний слой власти.

Действительно, сама по себе, только по своим размерам, зарплата еще никак не могла убеждать в особом, исключительном положении тех, кто ее получал. Ведь примерно такую же имели солисты оперы и балета Большого театра, старейшие актеры МХАТа. Помимо этого, некоторым деятелям искусства дополнительно, в виде пока негласных премий — до установления регулярной системы официальных, сталинских — выплачивали по тем временам поистине астрономические суммы. Например, в марте 1939 года, за создание таких кинофильмов, как «Ленин в 1918 году», «Щорс» и «Человек с ружьем», имевших огромное пропагандистское значение, режиссерам М. И. Ромму, А. П. Довженко, С. И. Юткевичу — по 100 000 рублей, операторам Б. И. Волчеку, Ю. И. Екельчику, Ж. К. Мартову — по 30 000, актеру Б. В. Щукину, исполнявшему роль Ленина, — 20 000[134].

Подлинное структурирование широкого руководства, партийного и государственного, реальную иерархию, субординацию в нем выражали не столько деньги, сколько совокупность зарплаты и различного рода привилегий, преимуществ. Всего того, что в условиях острейшего жилищного кризиса, дефицита продуктов питания, предметов широкого потребления и их фактического нормирования и разделяло людей непроходимой пропастью на социальные слои. На тех, кто имел, и на тех, кто не имел высокий жизненный уровень. Тем, что нельзя было в те годы свободно приобрести, даже располагая необходимыми суммами, а лишь получить свыше как награду. Такими привилегиями стали даже по сегодняшним меркам огромные по площади, многокомнатные благоустроенные квартиры на одну семью в самом престижном тогда доме — № 5 по улице Грановского, а также гораздо меньшие по площади квартиры в доме № 2 по улице Серафимовича («дом на набережной»). А помимо того, телефоны кремлевской АТС («вертушка», «кремлевка»), персональные машины с шофером из правительственного гаража, размещавшегося в Манеже, право пользоваться поликлиникой и больницей Лечсанупра Кремля все на той же улице Грановского, санаторием «Барвиха», домом отдыха «Сосны».

Но если прежде обеспечением всевозможными привилегиями занималось, практически, лишь управление делами СНК СССР, то теперь столь важную и весьма ответственную обязанность с ним разделило и НКВД. Точнее — Первый (охраны руководителей партии и правительства) отдел ГУГБ, начальником которого 18 ноября 1938 года назначили старшего майора госбезопасности (один ромб в петлице, как у комбрига) Н. С. Власика[135]. Об этом свидетельствует весьма красноречивое решение ПБ от 9 июня 1939 года:

«1. Столовую Санупра Кремля (для ответработников) передать с 1 июля в ведение НКВД. 2. Сократить контингент столовой Санупра Кремля до 400 человек. Поручить комиссии в составе тт. Поскребышева, Шкирятова, Власика и Хломова (управляющий делами СНК СССР. — определить персональный состав лиц, имеющих право пользования столовой…»[136].

В этом решении заслуживает самого пристального внимания буквально все. И прежде всего определение численности того круга «ответственных работников», которые отныне удостаивались одной из наиболее ощутимых привилегий — «кремлевского пайка». Отличными по качеству, по количеству достаточными для обеспечения продуктами питания целой семьи, да к тому же по необычайно низким ценам. Во-вторых, то, что система привилегий в середине 1939 года только еще складывается, приобретает те свои черты, которые оказались

ей столь присущими в последующие пять десятилетий. Еще утверждались те стимулы, с той поры и вынуждавшие людей любой ценой пробиваться «наверх», пытаясь подниматься по ступеням иерархической лестницы как можно быстрее.

Наконец, заслуживает внимания и то, что само распределение привилегий, иными словами — проведение в жизнь «политики кнута и пряника», оказалось в руках крохотной группы лиц, далеко не случайно представлявших не одно, а четыре ведомства. А. Н. Поскребышев — особый сектор ПБ, на деле — личную канцелярию Сталина. М. Ф. Шкирятов — КПК, которая неустанно и пристально следила за моральным и политическим обликом тех, кто входил в «номенклатуру». Н. С. Власик — отдел, целиком взявший на себя ответственность за благополучие и безопасность узкого руководства. М. Д. Хломов — управление делами СНК СССР, ставшее служить всего лишь официальным прикрытием для хозяйственной деятельности ЦК ВКП(б), из своего бюджета финансировавшее все необходимые расходы.

В такой, подчеркнуто межведомственной форме попытки разрешить проблему, отчетливо отразилось осознание узким руководством всей опасности выхода пока лишь формировавшегося высшего слоя бюрократии, только зарождавшегося «нового класса» из-под контроля. Того, что все чаще и чаще стало проявляться в работе прежде всего союзных наркоматов. Те, понимая свою все возрастающую значимость, должны были стремиться и стремились к полной самостоятельности. И не только для решения вопросов производства, выполнения планов, но и для определения, установления собственных структур, штатного расписания. Следовательно, вольно или невольно предопределяли сами неизбежное расширение «номенклатуры».

Процесс этот развивался столь бурно, что уже 11 мая 1940 года численность «контингента», пользовавшегося обслуживанием кремлевской столовой, располагавшейся, конечно, на улице Грановского, пришлось увеличить вдвое — довести до 800 человек[137]. Практически одновременно ПБ приняло еще два столь же симптоматичных решения. 4 мая — о строительстве 15 дач для «наркомов, председателей комитетов и руководителей других центральных учреждений», где под последними подразумевали партаппарат. Местом строительства избрали фактически уже закрытую зону — между «Архангельским» и деревней Захарково, в так называемом урочище Мекковская роща[138]. А 12 июля — об установлении прямой телефонной связи с дачами членов правительства через Кремлевскую АТС[139]. Того, что прежде являлось привилегией исключительно членов ПБ.

Такого рода блага постепенно перестали быть достоянием лишь широкого руководства. Еще 11 мая 1939 года Союзу советских писателей, ставшему одним из важнейших инструментов долгосрочной партийной пропаганды, разрешили Строительство 50 индивидуальных дач[140]. Создание поселка, который вскоре получил название «Переделкино», и шился одним из важнейших показателей положения писателей в бюрократических, а отнюдь не в творческих структурах. Несколько позже, 22 февраля 1941 года, в канун Дня Красной Армии, аналогичное право предоставили и НКО. Разрешили, но уже за счет бюджетных средств, содержать дачи для заместителей наркома обороны, начальника главного управления политпропаганды — в центре, а на местах — для командующих военными округами, их заместителей, членов военных советов, начальников штаба округа, управления политпропаганды[141].

Но именно тогда обретение высшим слоем бюрократии исключительного, привилегированного положения оказалось весьма серьезной угрозой для все еще не сложившейся окончательно системы власти, пока оставшейся двуединой, партийно-государственной. И потому не для исправления содеянного, а только для предотвращения в будущем непредсказуемого, неуправляемого развития ситуации, 6 июня 1941 года создали специальный орган — Государственную штатную комиссию. Руководителем ее утвердили наркома госконтроля Л. 3. Мехлиса, а в состав включили представителей того же наркомата госконтроля, наркомфина и ВЦСПС. Формально комиссия была подчинена, подотчетна СНК. СССР, а фактически — узкому руководству. Ее задачи сформулировали следующим образом:

«разработка общегосударственной номенклатуры, должностей и должностных окладов, упорядочение штатного дела; упразднение искусственно созданных звеньев аппарата…»[142].

Глава шестая

Вскоре после окончания работы XVIII съезда Кремль предпринял одну из последних попыток изменить к лучшему свои отношения с западными демократиями. Добиться, наконец, их согласия на создание системы коллективной безопасности. Но только такой, которая позволила эффективно сдерживать дальнейшие поползновения стран-агрессоров и вместе с тем обеспечила бы СССР твердую гарантию того, что он, если война все же начнется, не останется один на один с Германией.

16 апреля М. М. Литвинов принял британского посла Уильяма Сиидса и возобновил с ним обмен мнениями о возможности создания в самое ближайшее время антигитлеровской коалиции. А буквально на следующий день, явно подталкивая, ускоряя события, НКИД направил Лондону и Парижу ноту, содержавшую предложение образовать широкий единый фронт миролюбивых стран. Замысел советского руководства заключался в том, чтобы заключить, прежде всего, трехсторонний договор о взаимопомощи, непременно включая и военную, сроком на 5 или даже 10 лет. Три державы, обезопасив тем самым себя, должны были предусмотреть вместе с тем и большее. Всю необходимую поддержку «восточно-европейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащими с СССР», то есть Финляндии, Эстонии, Латвии, Польше и Румынии, «в случае агрессии против этих государств». Наконец, содержала нота и еще одно принципиальное положение. В крайнем случае — при нападении Германии на одного или всех участников договора, стороны должны были обязаться «не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессором отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия»[143].

Лондон и Париж, как то стало обычным для них, не стали торопиться с ответом, хотя угроза войны становилась с каждым днем все ощутимее, реальнее. Выступая 28 апреля в рейхстаге, Гитлер объявил об отказе от англо-германского морского соглашения, а вскоре уведомил Варшаву о денонсации польско-германского договора о ненападении. Но даже и после такого явного выражения фюрером своих ближайших намерений, кабинет Чемберлена продолжал выжидать. Не спешил с ответом на советские предложения.

Обеспокоенное опасным равнодушием западных демократий, их вопиюще безучастной позицией, приближавшей Европу к катастрофе, руководство СССР сочло необходимым сменить главу НКИД. 3 мая ПБ приняло решение «1. удовлетворить просьбу т. Литвинова и освободить его от обязанностей наркома иностранных дел. 2. назначить председателя Совнаркома т. Молотова наркомом иностранных дел». Видимо, узкое руководство полагало, что данная мера позволит повысить уровень все еще ожидаемых переговоров, а это в свою очередь ускорит заключение договора, единственно могущего предотвратить войну. Заодно в НКИД, для обеспечения большей секретности его работы в столь ответственный момент, направили из НКВД заместителем наркома В. Г. Деканозова и заменили заведующих отделами кадров, шифровального, дипсвязи, политического архива и начальника охраны наркомата. Сочло ПБ необходимым и извлечь из забвения С. А. Лозовского, прозябавшего два года в роли директора государственного издательства художественной литературы. Использовать его богатый опыт международника, приобретенный в 1921–1937 годах на посту генерального секретаря Профинтерна, и 11 мая назначило Соломона Абрамовича заместителем наркома иностранных дел[144].

Радикальные изменения в руководстве советского внешне-политического ведомства не оказались неожиданностью для дипломатического корпуса в Москве. Во всяком случае, еще 22 февраля поверенный в делах США А. Кирк сообщил в Вашингтон: «Влияние Литвинова упало настолько, что это может означать смену народного комиссара иностранных дел»[145]. Но не эти перемены, а все усилившаяся критика в парламенте позиции Чемберлена вынудила

британский МИД 8 мая дать, наконец, ответ Москве. Ответ более чем уклончивый и неопределенный. Советскому Союзу любезно предоставлялось право «оказать немедленное содействие» Великобритании, Франции, а также и получившей 31 марта с их стороны односторонние гарантии Польше, но только в том случае, «если оно будет желательным». В то же время ни о какой поддержке СССР, подвергшемуся бы агрессии, речи просто не было. Британскую ноту можно было рассматривать как откровенную отписку еще и потому, что Польша и Румыния к этому времени уже категорически отклонили любые гарантии со стороны своего восточного соседа, полностью исключили саму их возможность.

Такой поворот в заочных, пока еще только в вице обмена посланиями, «переговорах», точнее — отсутствие новизны в позиции западных демократий, вынудил Молотова предпринять более решительные действия. 14 мая Лондону и Парижу была направлена новая нота, содержание которой Вячеславу Михайловичу пришлось почти дословно повторить 31 мая на заседании третьей сессии ВС СССР. Той самой сессии, которая утвердила и преобразование ряда наркоматов, в том числе — оборонной промышленности, и увеличение военных расходов до 50 % годового бюджета.

Выступая в Кремле перед депутатами, зная, что его речь транслируется по радио, а на следующий день будет опубликована всеми газетами страны и потому обращаясь скорее к мировой общественности, Молотов сделал достоянием гласности содержание последней советской ноты западным странам. Для того, заявил он, чтобы создать дееспособный «фронт миролюбивых государств против наступающей агрессии», «необходимо, как минимум, три условия: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющий исключительно оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения Англии, Франции и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи»[146].

Речь Молотова вместе с тем явилась и ответом на выступление Чемберлена 19 мая в палате общин во время острых дебатов по все тому же вопросу — заключать или нет с Советским Союзом договор о сотрудничестве. Британский премьер так сформулировал свою позицию: «Если нам удастся разработать метод, с помощью которого мы сможем заручиться сотрудничеством и помощью Советского Союза в деле создания такого фронта мира, мы будем это приветствовать, мы хотим этого, мы считаем это ценным. Утверждение, будто мы презираем помощь Советского Союза, ни на чем не основано».

Но оправдание Невилла Чемберлена не смогло убедить ни его противников, лейбористов, ни сторонников, консерваторов. Легко уличил коллегу по партии в абсолютном нежелании действовать даже Черчилль. «Если вы, — сказал он, — готовы стать союзниками России во время войны, во время величайшего испытания, великого случая проявить себя для всех, если вы готовы объединиться с Россией в защите Польши, которую вы гарантировали, а также в защите Румынии, то почему вы не хотите стать союзником России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну? Мне непонятны все эти тонкости дипломатии и проволочки. Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ними… Если правительство его величества… отклонит и отбросит необходимую помощь России и таким образом вовлечет нас наихудшим путем в наихудшую из всех войн, оно плохо оправдает доверие…»[147].

Прозорливо обрисовывая будущее и потому настаивая на союзе с СССР, Черчилль даже не мог предположить, что произойдет в самые ближайшие дни. Что и вынудит, помимо всего прочего, Молотова столь настойчиво, вновь и вновь взывать к Западу. 22 мая министры иностранных дел Германии и Италии, Риббентроп и Чиано, подписали так называемый Стальной пакт — договор, в соответствии с которым обязались «совместными усилиями выступать за обеспечение своего жизненного пространства». Ну а какими будут методы такого

«обеспечения», они только что продемонстрировали в Чехословакии и Албании. Лишь после официального оформления агрессивного пакта Берлин — Рим, Чемберлену пришлось дать положительный ответ на предложение Москвы. Согласиться начать прямые переговоры об оказании сопротивления Германии и Италии в Европе, но лишь на основе старых, явно не отвечающих реальным условиям, процедур, когда-то выработанных Лигой наций. И вновь Молотову пришлось на встрече 27 мая с британским послом и французским поверенным в делах категорически заявлять: «Участвовать только в переговорах о пакте, целей которого СССР не знает, советское правительство не намерено»[148].

Между тем западные демократии все больше и больше утрачивали еще сохранявшуюся возможность как-то повлиять на развитие ситуации. Пока они невозмутимо обдумывали «методы» сотрудничества с СССР, Германия успела заключить собственные пакты о ненападении: с Данией — 31 мая, Эстонией и Латвией — 7 июня. А Лондон и Париж лишь к 13 июня сумели договориться о своих общих замечаниях на предложения Москвы. И вновь свели их к тому, чтобы ни в коем случае не брать на себя никаких обязательств в случае агрессии против СССР, а также Финляндии, Эстонии и Латвии. Но при этом захотели обязать СССР оказывать потребную им помощь при нападении Германии на Польшу, Румынию, Грецию, Турцию и даже Бельгию. Принудили Кремль к единственно возможному для него ответу в затянувшемся диалоге, которому не видно было конца — правительство СССР «не может примириться с унизительным для Советского Союза неравным положением, в которое оно при этом попадает».

Столь же пренебрежительным оказалось и последующее решение Чемберлена. Получив приглашение Молотова министру иностранных дел Галифаксу приехать в Москву для выработки и подписания пакта о сотрудничестве, британский премьер фактически отклонил его. Отказал он и Антони Идену, ранее уже ведшему переговоры со Сталиным и потому выразившему настойчивое желание содействовать быстрейшему заключению трехстороннего договора[149]. В советскую столицу был направлен рядовой чиновник Форейн оффис У. Стрэнг, что в очередной раз раскрывало подлинное, негативное отношение британского правительства к совместному с СССР сдерживанию агрессоров.

Положение же Советского Союза тем временем оказалось как никогда тяжелым. Не просто сложным, а чрезвычайно опасным, непосредственно угрожающим национальным интересам и требующим незамедлительного принятия окончательного решения. Еще в конце мая японские войска возобновили провокации, только на этот раз вторглись не в пределы СССР, а на территорию Монголии, где в соответствии с договором от 12 марта 1936 года об оказании ей помощи от внешней угрозы располагались части Красной Армии. Отдельные, поначалу незначительные пограничные столкновения в районе реки Халхин-Гол к концу июня переросли уже в настоящий локальный конфликт, в котором с обеих сторон участвовали пехотные и кавалерийские дивизии, сотни самолетов, сотни танков.

Памятуя о сути, направленности антикоминтерновского пакта Германии и Японии, к которому в 1937 году присоединилась Италия, а в начале 1939 года — Манчжоу-го, Венгрия и Испания, советское руководство обязано было предполагать самое худшее — войну одновременно в Европе и на Дальнем Востоке. Только поэтому Кремлю пришлось пойти на крайнюю меру. Попытаться оказать максимально возможное давление на западные демократии с тем, чтобы вынудить их ускорить заключение договора о совместном отражении агрессоров. 29 июня в «Правде» была опубликована статья А. А. Жданова, что недвусмысленно свидетельствовало — она выражает мнение всего узкого руководства СССР, под весьма красноречивым, категорическим заголовком: «Английское и французское правительства не хотят договора с Советским Союзом на основе равенства». По содержанию же статья повторяла все предложения, высказывавшиеся ранее Москвой при обмене посланиями с Лондоном и Парижем. Заставляла потому последних как-то отреагировать. Дать, наконец, прямой ответ, сообщить о своих истинных намерениях и планах.

В тот же день, но уже другой член узкого руководства, Молотов, направил в Берлин телеграмму поверенному в делах Г. А. Астахову, ведшему вялотекущие переговоры о возобновлении советско-германского торгово-экономического соглашения, срок которого незадолго перед тем истек. Вячеслав Михайлович предложил Астахову устно уведомить германский МИД о том, что «между СССР и Германией, конечно при улучшении экономических отношений, могут улучшиться и политические отношения… Но только немцы могут сказать, в чем конкретно должно выразиться улучшение политических отношений»[150]. Подобным, традиционным для дипломатии способом зондажа, Кремль пытался обезопасить себя на тот случай, если переговоры с Лондоном и Парижем закончатся ничем, а боевые действия на Халхин-Голе перерастут в настоящую войну. Попытался найти выход из того тупика, в котором Советский Союз оказался по вине Чемберлена. Обеспечить любым способом безопасность страны, не готовой еще, ибо Кремль знал это как никто другой, к серьезным вооруженным столкновениям, да к тому же на два фронта. Попытался и продемонстрировать Великобритании, Франции, так как возможные переговоры в Берлине никто не собирался скрывать, да и не мог бы того сделать, что у СССР есть не один, а два варианта решения, возможность выбора между ними. И добился искомого.

2 августа Риббентроп заметил Астахову, что его страна стремится строить отношения с Советским Союзом на принципах равенства. На следующий день посол Германии в Москве Шуленбург во время беседы с Молотовым пошел еще дальше. Отметил: «Жизненным интересам СССР в Прибалтийских странах Германия мешать не будет. Что касается германской позиции в отношении Польши, то Германия не намерена предпринимать что-либо, противоречащее интересам СССР». Однако Вячеслав Михайлович, удостоверившись, что Гитлер не только пытается всячески избежать войны на два фронта, но и готов ради того пойти на определенные уступки на Востоке, не стал торопиться с окончательным ответом. Даже преднамеренно уклонился от него, сказав Шуленбургу, что советское правительство не желает отказываться от соглашения с Лондоном и Парижем. «Оставаясь верным своей последовательной миролюбивой политике, — уточнил свою мысль Молотов, — СССР пойдет только на чисто оборонительное соглашение против агрессии. Такое соглашение будет действовать только в случае нападения на СССР или на страны, к судьбе которых СССР не может относиться равнодушно»[151]. Жребий все еще не был брошен. И 3 августа 1939 года, всего за месяц до начала второй мировой войны, руководство Советского Союза продолжало склоняться к союзу с западными демократиями.

Демонстрация Кремлем самой возможности изменить внешнеполитический курс и ориентацию сделала свое дело. Великобритания и Франция, казалось, откликнулись на советское предложение, изложенное в ноте от 23 июля о незамедлительном начале переговоров для срочного заключения трехсторонней военной конвенции. 5 августа делегация двух стран, возглавляемая британским адмиралом Р. Даксом, начальником военно-морской базы в Портсмуте, и французским генералом Ж. Думенком, отбыла в СССР. Избрала, правда, не самый быстрый способ передвижения — по морю до Ленинграда, и прибыла в советскую столицу лишь 11 августа. Повторяя уже раз сработавший способ давления, Молотов в тот же день дал указание Астахову сообщить германскому МИДу, что Советский Союз заинтересован в возобновлении торгового соглашения и обсуждении польского вопроса, но при соблюдении непременного условия — переговоры должны происходить только в Москве. Вячеслав Михайлович, как можно предположить, надеялся, что одновременное пребывание двух соперничающих сторон позволит ему управлять событиями. Заставит обе стороны пойти на уступки — на быстрое заключение и оборонительного пакта с Великобританией и Францией, и торгово-экономического с Германией, заодно вынудив последнюю отказаться от своих агрессивных намерений хотя бы на ближайшее время по отношению к СССР и его слабым, по сути беззащитным соседям вдоль западной границы.

Однако уже 12 августа, с открытием англо-советских переговоров, на которых хозяев места встречи представляли нарком обороны К. Е. Ворошилов и начальник генерального штаба Б. М. Шапошников, обнаружилось слишком многое весьма неожиданное и неблагоприятное для Кремля. Лондон и Париж не только назначили руководителями своих делегаций лиц, занимающих более чем второстепенные посты, но и не наделили их соответствующими полномочиями для подписания военной конвенции в том случае, если она все же будет выработана. Лондон и Париж так же не нашли и разрешения ключевой проблемы — как именно Красная Армия должна вести боевые действия против вермахта, если граница между СССР и Германией отсутствует, а расположенные между ними Польша и Румыния категорически отказываются пропустить советские войска на свою территорию.

15 августа, когда безрезультативность трехсторонних переговоров стала очевидной, Шуленбург по своей инициативе посетил Молотова и зачитал ему послание Риббентропа, в котором сообщалось о его готовности нанести визит в Москву с тем, чтобы изложить в деталях предположения германского правительства. Но Вячеслав Михайлович вновь не стал ускорять события. Предложил послу «провести подготовку определенных вопросов для того, чтобы принимать решения, а не просто вести переговоры». К примеру, о готовности Германии заключить договор о ненападении, о возможности предоставления совместных гарантий прибалтийским странам, а кроме того — о возможном воздействии на союзника Германии, Японию, для нормализации отношений и на Дальнем Востоке. Через день Шуленбург передал Молотову ответы своего шефа по всем обозначенным вопросам, притом ответы только положительные. И все же приглашения Риббентропу пока не последовало. Узкое руководство СССР все еще продолжало надеяться на благополучный исход переговоров с англо-французской делегацией. Только 19 августа, когда окончательно проявилась бессмысленность надежд на военную конвенцию с Лондоном и Парижем, Кремль был вынужден сделать отнюдь не самый желаемый, откровенно вынужденный выбор — принять Риббентропа, но не раньше, чем через неделю, и лишь после публикации в прессе сообщения о заключении торгово-кредитного соглашения[152].

Последнее было подписано в ночь на 20 августа. Спустя сутки Риббентроп получил столь ожидаемое им приглашение, но теперь уже на 22 или 23 августа. Получил только после того, как вопрос о пропуске частей Красной Армии через Польшу и Румынию был полностью отвергнут англофранцузской делегацией, а Дакс предложил отложить следующее заседание на несколько дней. И все же в сообщении ТАСС от 22 августа о предстоящем прибытии в Москву Риббентропа, предназначенном прежде всего для зарубежной печати, особо оговаривалось: «Переговоры о договоре о ненападении с Германией не могут никоим образом прервать или замедлить англо-франко-советские переговоры. Речь идет о содействии делу мира: одно направлено на уменьшение международной напряженности, другое — на подготовку путей и средств в целях борьбы с агрессией, если она произойдет»[153].

Утром 23 августа Риббентроп прибыл в Москву. Днем начались переговоры, продолжавшиеся всего три часа, а вечером того же дня столь известный договор был подписан. И все же на следующий день Молотов настойчиво разъяснял французскому послу: «Договор о ненападении с Германией не является несовместимым с союзом о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом», что «некоторое время спустя, например, через неделю, переговоры с Францией и Великобританией могли быть продолжены». А 26 августа уже Лозовский в беседе с послом Китая указал на все ту же возможность: «переговоры прерваны, но их возобновление зависит от Англии и Франции»[154].

У Запада все еще оставался шанс, но он им так и не воспользовался. Фактически самоубийственно решил облегчить Гитлеру ведение войны — только на одном, западном фронте, ибо польская армия по общему признанию не являлась для вермахта серьезным противником. Советскому же руководству удалось разрешить сразу обе самых острых для тех дней проблемы. Обезопасить страну не только на западе, но и на востоке. 30 августа японские

войска прекратили боевые действия, а 15 сентября примирение на Халхин-Голе было зафиксировано подписанием соответствующего соглашения. Однако трагическое развитие событий в Европе продолжало делать вопросы внешней политики первоочередными, вытесняющими все остальные.

Молниеносный разгром польской армии происходил при полном, чуть ли не демонстративном, безучастии вооруженных сил Великобритании и Франции, объявивших 3 сентября войну Германии. И именно такая непредвиденная ситуация заставила руководство СССР отступить от позиций своеобразного вооруженного нейтралитета. Воспользоваться теми преимуществами, которые давал ему пакт с Германией, вернее — дополнительный протокол (он же — секретное приложение), весьма схожий с тем, что подписали Наполеон и Александр I в Тильзите 7 июля 1807 года, в соответствии с которым к Российской империи и отошли Финляндия, Бессарабия. Теперь же, спустя сто тридцать лет, уже Советский Союз, но практически в подобной международной обстановке, получал возможность существенно усилить обеспечение национальной безопасности.

Советское руководство действовало предельно осторожно. Воспользовалось потенциальными преимуществами не 5 сентября, когда к тому его настойчиво призывал Берлин. Лишь после того, как правительство Польши бежало в Румынию, а вермахт сомкнул «клещи» неподалеку от Брест-Литовска, завершив окружение последних продолжавших бороться частей польской армии в Модлине и Варшаве. Только тогда, когда ситуация в Европе приобрела весьма странные, если не двусмысленные черты. С одной стороны, в Польше не было законного и дееспособного, осуществлявшего бы свои властные полномочия, правительства, способного или к продолжению сопротивления, или к капитуляции. С другой стороны, на западе, по выражению Черчилля, «последовала длительная гнетущая пауза», вскоре не без основания названная «странной войною». Ни британская, ни французская армии не делали даже попыток спасти Польшу, перейдя в наступление, используя то неоспоримое преимущество, которое дала им Германия, начав войну на двух фронтах.

Только 17 сентября посла Польши в Москве В. Гржибовского вызвали в НКИД и вручили ноту правительства СССР. В ней же, в частности, говорилось: «Советское правительство отдало распоряжение главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями и дать ему возможность зажить мирной жизнью»[155]. Легко заметить, что в ноте еще не содержалось даже намека на возможность инкорпорации западных областей Белоруссии и Украины и как бы подразумевалась такая возможность решения судьбы Польши, при которой та не должна была исчезнуть с политической карты мира.

В тот же день В. М. Молотов выступил по радио с речью, также не предрешавшей по своему содержанию будущность западного соседа СССР. «Польша, — объяснил Вячеслав Михайлович, — стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Советское руководство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанного обстоятельства не может больше нейтрально относиться к создавшемуся положению. От советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше»[156]. Столь настойчивое акцентирование внимания на том, что Советский Союз всего лишь берет на себя только заботу о белорусах и украинцах было далеко не случайным. Намекало правительствам Великобритании и Франции о «линии Керзона», установленной еще в декабре 1919 года никем иным, как Верховным советом Антанты, и признанной в июле 1920 года Польшей на конференции в Спа естественной, справедливой этнографической границей между двумя странами.

Почти трое суток — 17, 18 и 19 сентября, пока соединения особых военных округов, Белорусского и Киевского, преобразованных в Белорусский и Украинский фронты под командованием М. П. Ковалева и С. К. Тимошенко, вели бои с разрозненными, потерявшими управление и взаимодействие, деморализованными польскими частями, советское руководство выжидало. Все еще колебалось и потому не объявляло о своих дальнейших действиях, так как скорее всего еще не было уверено, как же ему следует поступить. Только вечером 19 сентября окончательно признало, что суверенная Польша перестала существовать как полтора года назад — Австрия, и полгода назад — Чехословакия. Что Польша даже как германское марионеточное образование с предельно урезанной территорией не обретет второе рождение. И лишь потому Кремль сделал следующий шаг, столь помешавший ему в дальнейшем — согласился на включение западных областей Белоруссии и Украины в состав СССР, о чем Молотов и поставил в известность Шуленбурга.

Но опять же потребовалось еще шесть дней — продолжавшихся колебаний, взвешивания всех последствий нелегко дававшегося решения, прежде чем Сталин и Молотов приняли Шуленбурга. Уведомили его 25 сентября о готовности на полную ликвидацию Польши. Два дня спустя для оформления нового соглашения в Москву вновь прибыл Риббентроп, и на рассвете 28 сентября вместе с Молотовым подписал второй советско-германский договор — «О дружбе и границе». В соответствии с ним Литва переходила в «зону интересов» Советского Союза, а Восточная Польша по линии, мало расходящейся с «линией Керзона» — входила в состав СССР. На следующий день и договор, но без одного «конфиденциального» и двух «секретных» протоколов, и сопровождавшая его пресловутая карта, вызвавшая столь шумные страсти полвека спустя, были опубликованы в газете «Правда».

Этот договор, разумеется, отказалось признать правительство национального согласия Польши, созданное как эмигрантское в Париже 30 сентября во главе с генералом Владиславом Сикорским, долгие годы находившемся в оппозиции к санационному режиму. Не признали договор и Великобритания, Франция. Воинственным видным политиком, кто понял сущность вынужденной долговременной стратегии СССР и не побоялся публично одобрить ее, оказался Уинстон Черчилль. Выступая 1 октября 1939 года по лондонскому радио со своим очередным обзором событий, он заявил:

«Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует, и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть…

Я не могу вам предсказать, каковы будут действия России. Это такая загадка, которую чрезвычайно трудно разгадать, однако ключ к ней имеется. Этим ключом являются национальные интересы России. Учитывая соображения безопасности, Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах Черного моря или чтобы она оккупировала Балканские страны и покорила славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России»[157].

Не имея тогда никаких контактов с Кремлем, обладая лишь знаниями и опытом, Черчилль в тот день до малейших деталей сумел предугадать внешнюю политику СССР на последующие два года. Не ошибся ни в чем.

Между тем серьезнейшим образом изменилось не только международное положение СССР, который оказался в еще большей изоляции, нежели прежде. Стал выглядеть в глазах миролюбивых демократических стран союзником, даже пособником агрессора — нацистской Германии. Осенью 1939 года обострилось и внутреннее положение Советского Союза, что объяснялось ускоренной подготовкой к войне, сопровождавшейся решительной и кардинальной ломкой старой системы управления народным хозяйством, реорганизацией наркоматов, ведавших тяжелыми отраслями промышленности.

Вызывалось осложнение внутриполитического положения и еще одним, уже чисто субъективным обстоятельством. Пока лишь обозначившимся возрождением поначалу не очень заметного, но оттого не перестающего быть чрезвычайно опасным в реальных условиях личностного противостояния в высшем эшелоне власти.

В. М. Молотов, вынужденный начиная с мая полностью сосредоточиться на самом важном, основном для судеб страны — проблемах внешней политики, практически стал отходить от исполнения остальных своих обязанностей по правительству. Все реже участвовал в работе двух важнейших для того времени его органов. Экономического совета (ЭкоСо, до 23 ноября 1937 года именовавшегося Советом труда и обороны) — постоянно действующего узкого состава союзного совнаркома, включавшего его председателя, первого заместителя, заместителей и главу Госплана. Комитета обороны при СНК СССР (КО, образован 27 апреля 1937 года «в целях объединения всех мероприятий и вопросов обороны»)[158], в который входили, помимо Молотова, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов и — от партии — И. В. Сталин. В ЭкоСо Вячеслава Михайловича все чаще подменял его официальный заместитель А. И. Микоян, а в КО, начиная с 21 июня — введенный в комитет решением ПБ — Н. А. Вознесенский. Последнее вскоре и привело к тому, что КО, поначалу чисто координационный орган, стал приобретать самодавлеющую роль. Ведь его новый фактический руководитель являлся к тому времени уже не только председателем Госплана, но с 4 апреля еще и заместителем председателя СНК СССР[159].

Совмещение трех столь значительных постов в одних руках Вознесенским, молодым выдвиженцем, всего год работавшим на ответственной должности, только на XVIII съезде ставшим членом ЦК (всего лишь!), не могло не насторожить членов недавно сложившегося узкого руководства. В Вознесенском, которому явно покровительствовал Сталин, безошибочно увидели очередного и, притом, весьма опасного соперника: Каганович, которого он уже обошел на иерархической лестнице; Микоян, с которым сравнялся; Молотов, которому угрожал. И чтобы восстановить нарушенное появлением Вознесенского равновесие, только что установившуюся расстановку сил, члены узкого руководства пошли на серьезную меру. Ввели 26 июня в ЭкоСо, дабы для начала нейтрализовать самостоятельность Микояна, ограничить его усилившуюся позицию, А. А. Андреева, А. А. Жданова и Г. М. Маленкова[160]. Сделали это, не обеспокоившись тем, что из троих лишь Андреев имел на то формальное право, являясь зампредом СНК СССР, да вдобавок, куратором по ЦК ВКП(б) всех трех сельскохозяйственных наркоматов — земледелия, совхозов и заготовок.

Однако на деле подобная аппаратная игра ни к чему не привела. Жданов, даже если бы и захотел, просто физически не мог исполнять предписание ПБ — «аккуратно посещать заседания и принимать активное участие в работе» ЭкоСо. В те самые дни он как начальник УПиА был занят, загружен до предела созданием, прежде всего, системы обучения молодых и наиболее перспективных членов партии. Ведь буквально в тот же день ПБ санкционировало учреждение, в дополнение к уже действовавшей Высшей школы парторганизаторов, где повышали свои знания те, кто не имел среднего образования, еще и Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). А именно в ней, с 2,5-летним сроком обучения, рассчитанной на курс в 500 человек возрастом от 22 до 28 лет с законченным средним образованием[161], и предстояло готовить те кадры, которым вскоре предстояло оказаться на всех уровнях власти всех ее структур — и партийной, и хозяйственной, и советской. Кроме того, не меньшую заботу для Жданова, его управления представляло формирование новых творческих союзов, образованных по решениям ПБ: от 3 мая — советских композиторов, и от 21 июня — советских художников[162]. Столь же, если не более, был загружен и Маленков. Через его УК, через него лично в то время проходило чуть ли не полное обновление руководства и наркоматов, и местных партийных организаций, в которых началось избрание новых бюро — обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик.

Именно это и предопределило дальнейшую утрату Молотовым прежних властных полномочий, положения второго лица в стране. Начиная с августа, А. И. Микоян уже не только повседневно руководил деятельностью ЭкоСо, но и официально с 10 сентября, по постановлению ПБ, возглавлял его[163]. Тем самым, он заменил Вячеслава Михайловича как главу правительства, правда, с весьма ограниченными теперь полномочиями, значительная часть которых перешла к КО. С 10 сентября 1939 года, в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об Экономсовете и Комитете обороны», КО получил принципиально новые функции. Стал с этого момента единственным посредником между двумя значительными группами наркоматов. С одной стороны — оборонной промышленности, путей сообщения, морского и речного флота, а с другой — НКО, НКВМФ, НКВД. Должен был устанавливать и удовлетворять все нужды армии и флота в вооружении, технике, автотранспорте, обеспечивать их потребности в перевозках. А значит, и планировать соответствующие отрасли народного хозяйства, наблюдать за их работой. И хотя тем же постановлением состав КО существенно расширили, дополнили его наркомами военно-морского флота Н. Г. Кузнецовым, внутренних дел Л. П. Берия, заместителями наркома обороны начальниками Генштаба Б. М. Шапошниковым, разведывательного управления И. И. Проскуровым, Г. И. Куликом, а также, для равновесия, А. И. Микояном и А. А. Ждановым, Вознесенский сохранил в нем господствующее положение[164].

Обозначившееся в результате таких кадровых перестановок сращивание партийного и государственного аппаратов при явном превалировании последнего неизбежно привело к попытке со стороны консервативной части ПБ вернуть себе прежние господствующие позиции. Облегчались же подобные устремления тем, что ни Микоян, ни Вознесенский явно не хотели брать на себя в столь сложных, чрезвычайных обстоятельствах всю полноту ответственности за обороноспособность страны, готовность ее экономики к войне. Готовы были разделить такую ответственность с кем угодно, но при одном условии — незыблемости обретенного ими положения. Потому-то так легко началась откровенная ревизия решений XVIII съезда, постепенное возвращение партийным структурам прежнего контроля за народным хозяйством.

Уже в сентябре началось воссоздание, хотя поначалу и в отдельных регионах, промышленных отделов. 27 сентября — отделов нефтяной промышленности в ЦК Азербайджана и бакинском горкоме; 14 ноября — отделов угольнорудной промышленности в Сталинском и Ворошиловградском обкомах; 21 ноября — угольной в Новосибирском обкоме, нефтяной — в Чечено-Ингушском обкоме и грозненском горкоме[165]. Выглядело же подобное отступление от выработанных только что правил вроде бы вполне обоснованно — заботой о росте добычи стратегического сырья в связи с обострением международного положения. Серьезно повлияло на такого рода действия и иное. Признание «ошибок и недостатков» при проведении частичной мобилизации, о которой открыто сообщил Молотов в речи по радио 17 сентября.

Все это в совокупности и привело к тому, что 29 ноября 1939 года ПБ одобрило постановление о воссоздании промышленных отделов в дополнение к пяти существовавшим в местных парторганах — кадров, пропаганды и агитации, организационно-инструкторского, сельскохозяйственного и военного.

Постановление гласило: «1. В целях **усиления партийного руководства** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) промышленностью и транспортом, создать в ЦК компартий союзных республик, крайкомах, обкомах и горкомах партии промышленные отделы соответственно основным отраслям промышленности республики, края, области, города. Возложить на промышленные отделы практическую работу по осуществлению партийных директив в области промышленности и транспорта, **контроль за выполнением предприятиями промышленности и транспорта производственных плано**в (выделено мною. — *Ю. Ж.*), проверку работы партийных и хозяйственных организаций в области развертывания социалистического соревнования и стахановского движения, проверку первичных

парторганизаций по осуществлению ими права контроля деятельности администрации предприятий». Далее документ предусматривал образование, в частности, на Украине, помимо уже действовавших угольно-рудных, отделов металлургии, машиностроения, транспорта и промышленности, в московском обкоме — машиностроения, оборонной, топливной и энергетической, текстильной и легкой промышленности, транспорта, промышленности[166]. Но так как новые структуры образовывались лишь на местах и не предусматривались на уровне аппарата ЦК ВКП(б), контроль и координация их деятельности, логически должна была оказаться в компетенции КО и ЭкоСо.

Все это время Молотов, невольно оказавшийся «задвигаемым», ничего не мог предпринять. Вынужден был мириться с таким положением и заниматься другим. Подготовкой и заключением пактов о взаимопомощи с Эстонией (подписан 28 сентября), Латвией (5 октября), Литвой (10 октября), передачей последней Виленской области, от которой литовское правительство юридически отказалось 19 марта 1938 года. Пактов, в соответствии с которыми Советский Союз получил возможность укрепить свою обороноспособность, создавая в Прибалтийских республиках военные, военно-морские и авиационные базы. Занимался Молотов и подготовкой аналогичного пакта с Финляндией, которой предлагалось передать СССР в долгосрочную аренду Петсамо и Ханко, а также обменяться территориями: за счет сдвига к северу границы на Карельском перешейке получить значительно больший участок в Карелии.

Отказ финской стороны 13 ноября согласиться с этими предложениями, как известно, привел к более чем трехмесячной войне. К усилению враждебности и даже открытого противостояния с Великобританией и Францией, которые продолжали бездействовать на германском фронте, но зато приступили к подготовке нападения на СССР с севера — через Норвегию и Финляндию, и с юга — через Турцию и Иран.

Только начавшиеся 7 марта 1940 года мирные переговоры с финским правительством позволили Молотову решительно вмешаться в положение, сложившееся в правительстве, где он оказался как бы не у дел. Изложить свой вариант перестройки системы. управления народным хозяйством, одобренный уже 28 марта на Пленуме ЦК. В соответствии с предложением Вячеслава Михайловича и появилось постановление — только от имени СНК СССР, что лишний раз означало восстановление прав Молотова, — резко ослабившее позицию Вознесенского, ибо содержала скрытую критику его деятельности.

«Разукрупнение наркоматов, рост числа наркоматов, образование новых комитетов и управлений при Совнаркоме Союза ССР и дальнейший рост всех отраслей промышленности и сельского хозяйства, усложнили задачи руководства, особенно в отношении хозяйственных органов и учреждений при Совнаркоме Союза ССР и поставили актуальный вопрос об увязывании и объединении работы множества хозяйственных органов.

При существующем положении, когда Совнарком и особенно Экономсовет должен рассматривать большой круг вопросов и повседневно иметь дело с большим количеством наркоматов, центральных учреждений и местных органов, Совнарком и Экономсовет не в состоянии конкретно знать действительное положение в хозяйственных наркоматах, своевременно выявлять их нужды и имеющиеся у них неиспользованные возможности, а также проверять выполнение ими решений Совнаркома и Экономсовета, в результате чего у нас еще нет настоящего хозяйственного плана и должного обеспечения его выполнения. К тому же заместители председателя Совнаркома, ввиду совместительства с работой в наркоматах, не имеют возможности сосредоточиться на руководстве отдельными отраслями хозяйства.

В целях улучшения работы Совнаркома и Экономсовета по руководству хозяйственными наркоматами и обеспечение Экономсовету возможности осуществлять должную увязку между хозяйственными отраслями, улучшение дела планирования народного хозяйства и дела исполнения установленных планов… 1. Образовать при Совнаркоме Союза ССР следующие хозяйственные советы: а) по металлургии и химии; б) по машиностроению; в) по оборонной

промышленности; г) по топливу и электрохозяйству; д) по товарам широкого потребления; е) по сельскому хозяйству и заготовкам… 3. Председателями перечисленных в пункте 1-м хозяйственных советов при Совнаркоме Союза ССР должны быть заместители председателя Совнаркома Союза ССР. 4. Экономсовет при СНК Союза ССР составляется из перечисленных выше председателей хозяйственных советов, являющихся вместе с тем заместителями председателя СНК Союза ССР, председателя Комиссии советского контроля, секретаря ВЦСПС, председателя Экономсовета т. Молотова и заместителя председателя Экономсовета т. Микояна… 6. Функции советов при Совнаркоме Союза ССР имеют оперативный характер. Советы дают распоряжения по подведомственным наркоматам, обязательные для этих наркоматов».

Лишь в конце заседания в уже утвержденный текст документа внесли весьма существенную поправку. Пункт 4-й, раскрывающий состав ЭкоСо, дополнили включением в него и председателя Госплана[167].

Документ официально увидел свет 2 апреля 1940 года, но лишь две недели спустя, по решению ПБ от 16 апреля, новые вакансии, правда, кроме одной, были заполнены. Председателем совета по металлургии и химии назначили Н. А. Булганина, по машиностроению — В. А. Малышева, по оборонной промышленности — Н. А. Вознесенского, по топливу и электрохозяйству — М. Г. Первухина, по товарам широкого потребления — А. Н. Косыгина. Тем же решением Малышева, Первухина и Косыгина утвердили зампредами СНК СССР, Булганина освободили от обязанностей главы Госбанка, Малышева — наркома тяжелого машиностроения, Первухина — электростанций и электропромышленности, а Косыгина — текстильной промышленности[168].

Столь откровенное совмещение в одном органе и аппаратчиков — Булганина, Вознесенского, и профессионалов — Малышева, Первухина, Косыгина, явилось результатом, скорее всего, временного компромисса между Сталиным и Молотовым, поддержанным реформаторами. Вознесенского хотя и сохранили в руководстве ЭкоСо, но с весьма пониженной ролью. Ограниченной вопросами только оборонной промышленности, что позволяло вернуть КО его прямые функции и вновь подчинить Совнаркому, то есть Молотову.

Однако вскоре, 5 мая, положение о новой высшей управленческой структуре существенно дополнили, изменив в ней и расстановку сил и субординацию — реальные властные полномочия. Сочли необходимым (скорее всего, не без давления Сталина), чтобы «кроме одного заместителя председателя Экономического совета, т. Микояна, должно быть два заместителя председателя Экономсовета — гг. Булганин и Вознесенский, причем заместители председателя Экономсовета при отсутствии председателя поочередно председательствуют в Экономсовете, соответственно подготавливая вопросы для заседаний Экономсовета»[169]. Так вновь продолжилось стремительное, ничем уже не сдерживаемое продвижение Вознесенского вверх. Движение неумолимое, не встречающее фактически преград благодаря только одному — твердой поддержке со стороны Сталина, сумевшего взять реванш. Иосиф Виссарионович, судя по всему, имел собственное представление о том, каким должно быть теперь руководство — не партийно-государственное, а государственно-партийное. И широкое, и узкое. Потому и выдвигал Вознесенского, а заодно, чтобы наверняка обеспечить тому успех, либо, в крайнем случае, просто подстраховаться, еще и Булганина. Добился изменения баланса сил в свою пользу, не учтя при этом более значимого: насущных нужд экономики в целом и оборонной промышленности в частности. Ради собственных интересов, забот о сохранении лидерства, уже пожертвовал Л. М. Кагановичем. Готов был так же поступить теперь не только с А. И. Микояном, но и с В. М. Молотовым.

На том борьба за влияние в узком руководстве не завершилась. Отстояв позиции Вознесенского, Сталину практически тогда же пришлось смириться и с очередным поражением в кадровой игре. Со ставшим неизбежным падением своего старого клеврета, самого надежного соратника К. Е. Ворошилова.

Еще 21 марта под давлением большинства членов ПБ Иосиф Виссарионович вынужден был согласиться с весьма неприятным для себя. С включением в повестку дня предстоящего Пленума дополнительного, ранее не предусмотренного, весьма необычного для партийных форумов вопроса — «Уроки войны в Финляндии». Более того, согласиться и с тем, что докладчиком станет явно не оправдавший надежд нарком обороны[170]. Естественно, что попытка оправдаться злосчастного луганского слесаря, только волею случая объявленного полководцем, кончилась печально. Как и предвидели те, кто и настоял на отчете Ворошилова, на объяснении им причин выявившейся полной неподготовленности Красной Армии к войне, внятного ответа никто так и не услышал. А потому узкое руководство, даже те, кто еще сохранял прежний пиетет к Сталину, веру в него, проголосовало 8 мая за отстранение Ворошилова с поста наркома обороны. Утвердило на его место командующего Киевским особым военным округом С. К. Тимошенко[171]. Командира, продемонстрировавшего во время польского похода не только успешное управление группой армий, но и еще одно немаловажное качество — способности умелого политического организатора. Ему удалось справиться с необычной для кадрового военного, нелегкой и ответственной задачей по организации советских органов власти на значительной территории Западной Украины.

И все же Сталин не оставил в беде своего соратника. Пришел ему на помощь, доказав верность старой дружбе. Добился при переутверждении 24 июля состава КО — как прямого следствия реорганизации ЭкоСо, назначения Ворошилова на пост председателя вместо Молотова. Заместителем, но теперь уже строго по положению, остался Вознесенский, а членами — только С. К. Тимошенко, Н. Г. Кузнецов, Л. П. Берия, В. М. Шапошников и от ПБ — И. В. Сталин и Л. М. Каганович. Но опять же очень скоро, 31 августа, явно по требованию отстраненной группировки, в КО вновь ввели А. А. Жданова, от ЭкоСо вместо Молотова — Н. А. Булганина и В. А. Малышева, а от НКО — еще и С. М. Буденного, К. А. Мерецкова, назначенных незадолго перед тем замнаркома обороны[172].

Но тем компромиссы, возобладавшие с весны 1940 года как единственный способ разрешения всех спорных вопросов, не исчерпали себя. Выразились в еще одном, весьма важном по замыслу, предложении о реорганизации КСК. С проектом, что теперь бывало крайне редко, выступил лично Сталин, и был поддержан членами узкого руководства. Решение, принятое ПБ на заседании 26 мая, гласило: «1. Считать необходимым организацию союзно-республиканского наркомата государственного контроля с основными функциями контроля над учетом и расходованием материальных и финансовых ценностей, а также проверки исполнения основных решений правительства. 2. Наркомат государственного контроля организовать на базе Комиссии советского контроля и военного контроля Комитета обороны. 3. Поручить комиссии в составе тт. Молотова (председатель), Вышинского, Андреева, Землячки и Маленкова представить конкретные предложения по организации народного комиссариата государственного контроля. 4. Освободить Комиссию партийного контроля от функции проверки работы хозяйственных и других государственных организаций»[173].

Собственно, последний пункт и содержал сущность всего документа: снятие, и прежде всего — с наркоматов и предприятий постоянной угрозы наиболее опасных для руководителей неожиданных проверок некомпетентного КПК. Существенное ограничение самих масштабов таких ревизий, особенно КО и КСК, подчинение их проведения, характера лишь Совнаркому. О желании Сталина вновь пойти на компромисс говорил третий пункт решения. Поручение именно Молотову организовать разработку закона о новом наркомате. Но завершить задуманное тогда же, летом, так и не удалось. Помешало резкое изменение международного положения.

Утром 9 апреля 1940 года части вермахта за несколько часов оккупировали нейтральные Данию и Норвегию. Только теперь Великобритания решилась на боевые действия. В районе Нарвика, Тронхейма, некоторых других городов Северной Норвегии был высажен экспедиционный корпус, включавший британские, французские, польские подразделения.

Однако бои, длившиеся более месяца, закончились поражением корпуса и его эвакуацией 8 июня.

На западном фронте германские войска столь же внезапно, на рассвете 10 мая, перешли в наступление. Вторглись в пределы Северной Франции, Бельгии, нейтральных Нидерландов и Люксембурга. Уже 27 мая добились капитуляции бельгийского короля. 31 мая принудили британскую армию, прижатую в Дюнкерке к морю, эвакуироваться. 14 июня заняли Париж.

Боевые действия в Европе практически завершились. Единственной, грозной и непредсказуемой силой на континенте оставалась нацистская Германия. И поэтому советское руководство вынуждено было немедленно отреагировать на новую, неожиданную для себя ситуацию. Предусмотреть все, в том числе и такой возможный поворот событий, как отказ Берлина от пакта, бросок вермахта в «сферу интересов» СССР. Довольно скоро подобное опасение частично подтвердилось: 19 сентября немецкие войска вошли в Румынию, а 21 — в Финляндию.

Поэтому лишь 16 июня, уже после падения Парижа, после первой попытки главнокомандующего французскими вооруженными силами генерала Вейгана капитулировать, в Кремле приняли окончательное решение. Молотов вручил вызванному в НКИД послу Эстонии ноту откровенно ультимативного характера. Требовавшую безоговорочно и незамедлительно от Таллинна согласиться на размещение дополнительных частей Красной Армии. Сутки спустя аналогичные ноты передали также послам и Литвы, Латвии. Но это уже был чисто символический жест — в те самые часы советские дивизии перешли границу трех Прибалтийских республик без согласия на то их правительств. А 26 июня схожую по содержанию, но более резкую по тону ноту вручили и послу Румынии. В ней предложили в течение 48 часов очистить от румынских войск территорию незаконно оккупированной еще в 1918 году Бессарабии, а заодно и Северной Буковины. 28 июня, как и предусматривалось, Красная Армия заняла Кишинев и Черновцы.

Действуя таким образом, советское руководство продолжало опасаться негативной реакции Европы. Ожидало демаршей, резких протестов, выражения категорического несогласия с проведенной акцией. И даже объявления войны, при этом в равной степени и Великобританией, и Германией. Состояние крайней тревоги, напряженности, готовность к самым трагическим сообщениям косвенно отразились в одобренном 25 июня ПБ тексте указа ПВС СССР о переходе с 7-часового на 8-часовой рабочий день, с шестидневки на традиционную неделю, что сокращало число выходных с пяти до четырех в месяц, о запрещении по собственному желанию увольняться либо переходить на другую работу. Более яркое ощущение предгрозового затишья передал другой документ, утвержденный ПБ в тот же день: «Обращение ВЦСПС», подготовленное для объяснения советским гражданам причин появления указа, ущемляющего права трудящихся. В «Обращении» вполне откровенно, не скрывая наихудшего исхода развития событий, отмечалось:

«Капиталистический мир вновь потрясен мировой войной. Вторая империалистическая война уже захватила в свою орбиту больше половины населения земного шара… Таким образом, **возросла военная опасность для нашей страны** (здесь и далее выделено мною. — *Ю. Ж.*), международная обстановка стала чревата неожиданностями. В этих условиях наша страна, верная политике мира, обязана в интересах народов СССР еще больше усилить свою оборонную и хозяйственную мощь… Мы должны стать во много раз сильнее, чтобы быть готовыми к любым испытаниям»[174].

Начав осуществлять прибалтийскую акцию, советское руководство еще не отказалось окончательно и от иного варианта внешнеполитического курса. От установления сотрудничества с Лондоном, где еще 10 мая Черчилль сменил Чемберлена на посту главы кабинета. Кремль согласился ради того на беспрецедентный шаг — принять нового посла Великобритании, Стаффорда Криппса, без верительной грамоты.

Криппс прибыл в Москву 12 июня, а уже через день он беседовал с Молотовым. Суть позиции правительства СССР, изложенной Вячеславом Михайловичем, британский посол в телеграмме в Лондон выразил таким образом: «Единственным аргументом, который мог бы побудить его (советское руководство. — *Ю. Ж.*) занять в этот последний час жесткую позицию, было бы ясное, четкое заверение США о сотрудничестве и поддержке. Если бы посол его величества в Вашингтоне мог убедить президента Рузвельта дать советское послу в Вашингтоне такое заверение, то это, я полагаю, все же могло дать свои результаты и втянуть Советский Союз в общий фронт против Германии».

Однако ожидать от администрации Рузвельта в тот момент подобных заявлений не приходилось, и потому Черчилль, чтобы все же добиться сдвига в отношениях между Великобританией и СССР, 25 июня направил Сталину первое личное послание. Ограничившись в нем лишь общей оценкой ситуации и не предложив ничего конкретного, отметил: «В настоящее время проблема, которая стоит перед всей Европой, включая обе наши страны, заключается в следующем: как будут государства и народы Европы реагировать на перспективу установления германской гегемонии над континентом».

Это послание Криппс передал Сталину во время встречи с ним 1 июля. Но опять же обмен мнениями не вышел за пределы оценки положения, сложившегося в Европе, за пределы обсуждения возможных планов Гитлера в отношении Балкан, позиции Турции и проблемы проливов. Фактический смысл тогдашних взглядов Сталина, и свое понимание их, Криппс выразил так: «Сталин полагается на наше господство на морях, способное предотвратить установление Германией господства в Европе, по крайней мере до тех пор, когда Советский Союз будет подготовлен. Он намерен относиться к нам дружественно и не быть бесполезным в нашей борьбе с Германией при условии, если мы также желаем быть полезными доступным нам образом. Но он не сделает открыто ничего такого, чтобы раздражать Германию в настоящее время или чтобы разорвать свое соглашение с ней»[175].

Едва наметившееся, вернее — только ставшее в будущем возможное в принципе изменение к лучшему в отношениях двух стран неожиданно исчезло. В начале июля немцы сознательно опубликовали захваченные ими документы, свидетельствовавшие об англо-французских планах нападения на СССР[176]. И так как о том даже не намекнули ни Черчилль в своем послании, ни Криппс, переговоры с британским послом прервались, а советское руководство приняло окончательное решение завершить начатую акцию — включение (или возвращение) Эстонии, Латвии, Литвы и Молдавии (так отныне называлась Бессарабия) в состав СССР.

В течение июля Жданов в Таллинне, Вышинский в Риге и Деканозов в Вильнюсе готовили выборы в новые высшие законодательные органы власти Прибалтийских республик. Формировали составы правительств, которым предстояло официально, от своего имени, объявить о тех решениях, которые приняли в Кремле. Заключительная часть сложной операции прошла успешно, и в первых числах августа, на седьмой чрезвычайной сессии ВС, четыре республики, только что провозглашенные советскими социалистическими, приняли в СССР. Правда, прибалтийские — на особых условиях, нигде не оглашавшихся, не подчеркивавшихся. Они временно сохранили свои национальные денежные системы, армии (ставшие корпусами) с практически прежним командованием, свои границы и таможни, пересечь которые для остальных граждан Советского Союза было столь же сложно, как и год, два назад.

…Бесславное завершение «странной войны» Дюнкерком, падением Парижа и Компьенским перемирием, подписанным Гитлером и Петеном 22 июня 1940 года, заставили советское руководство вновь сосредоточить внимание на анализе международного положения. Обратиться к нему еще и потому, что переговоры с Криппсом завершились безрезультатно. Великобритания, единственная противостоящая фашистскому блоку страна, не предложила никаких конкретных мер для совместного отпора агрессорам. И произошло это несмотря на то,

что Сталин откровенно изложил британскому послу свое видение возможного развития событий. Отметил, что господство Германии в Европе не означает ее окончательной победы, а главные битвы мировой войны еще грядут[177].

Тут же, естественно, оценку ситуации, но на этот раз во всеуслышание — на сессии ВС СССР, дал 1 августа и Молотов. «Приближается конец первому году европейской войны, — сказал он, — но конца этой войне еще не видно. Более вероятным надо считать, что в данный момент мы стоим накануне нового этапа усиления войны между Германией и Италией с одной стороны, и Англией, которой помогают Соединенные Штаты, — с другой стороны. Все указанные события не изменили внешней политики Советского Союза. Верный политике мира и нейтралитета, Советский Союз не участвует в войне»[178].

Ни Сталин — Криппсу, ни Молотов — депутатам сказать не смогли только одного: сколь долго СССР сможет следовать избранным курсом, оставаться нейтральным. И все же прогноз их оказался точным. Уже 27 сентября в Берлине был подписан пакт Германии, Италии и Японии. Для советского руководства он, безусловно, ознаменовал переход войны в ожидаемую глобальную фазу: «Отныне Япония отказывается от политики невмешательства в европейские дела, а Германия и Италия, в свою очередь, отказываются от политики невмешательства в дальневосточные дела. Это, несомненно, означает дальнейшее обострение войны и расширение сферы ее действия»[179]. За такой внешне спокойной, академической по стилю констатацией таилось понимание Кремлем неизбежного следствия пакта — возрастания непосредственной угрозы прежде всего для СССР. Ведь в силу своего географического положения, наличия сухопутных границ с Германией на Западе и с Японией на Востоке, он теперь оказывался сжатым клещами военного союза стран-агрессоров. Попал в положение, в котором не могли оказаться ни США, ни Великобритания, надежно охраняемые морями и океанами от неожиданного вторжения на свою территорию.

Усилившаяся военная опасность вынудила узкое руководство попытаться вернуться к прежде оправдавшей себя политике — переговоров с Берлином. А как повод для того были использованы прямые нарушения советско-германского пакта, о чем Молотов заявил еще 21 сентября послу Шуленбургу и 26 сентября временному поверенному Типпельскирху. Эти, а также и иные аналогичные демарши НКИД привели, как могло показаться, к желаемому. 17 октября Шуленбург передал Молотову послание Риббентропа, в котором содержалось приглашение председателю СНК СССР посетить Берлин для обсуждения возникших разногласий. Узкое руководство приняло предложение, решив использовать предоставившуюся возможность, чтобы прояснить для себя планы Германии, «получить информацию и прощупать партнеров»[180].

В немалой степени подтолкнули Кремль на такой шаг и последние события на Балканах. 28 октября итальянские войска, располагавшиеся в Албании, вторглись в Грецию. Великобритания же, связанная с последней договором о совместной обороне, ограничилась поначалу лишь тем, что 1 ноября заняла Крит — для прикрытия Суэцкого канала и своих средиземноморских коммуникаций. Теперь уже вся континентальная Европа, за исключением Югославии, оказывалась под контролем Берлина и Рима, и потому грядущая война с Германией должна была потребовать десятикратных, по сравнению с возможными прежними, военных усилий, мощнейшего экономического их обеспечения.

Вторые советско-германские переговоры проходили в Берлине 12 и 13 ноября 1940 года. Молотов во время бесед с Гитлером и Риббентропом чисто прагматически не уклонился от чисто умозрительного рассмотрения идеи, выдвинутой немцами — о присоединении СССР к пакту трех стран. Но со свойственным ему упорством и настойчивостью не ушел от главного, ради чего и приехал — от проверки того, как будут реагировать его оппоненты на требования соблюсти интересы Советского Союза и способствовать обеспечению его национальной безопасности.

В соответствии с выработанной узким руководством накануне поездки директивой, Молотов выдвинул как предварительные и обязательные условия выполнение Берлином того, что до некоторой степени должно было предотвратить внезапность нападения на СССР не кого-либо, а Германии:

— гарантировать нейтралитет Швеции, возможность свободного прохода советских судов из Балтики в Северное море; вывести части вермахта из Финляндии (чтобы прикрыть северный фланг будущего театра военных действий).

— пересмотреть отношения с Румынией; не препятствовать заключению договора между СССР и Болгарией о создании советских баз в районе Босфора и Дарданелл (что обезопасит южный фланг)[181].

В целом же Молотов пытался добиться локализации района наибольшей угрозы, ограничения его уже существующей зоной — советско-германской границей, и получить тем самым возможность сконцентрировать именно там все еще относительно слабые силы Красной Армии. Однако переговоры подтвердили самые неприятные ожидания — полное нежелание Германии даже касаться данных проблем. И еще из Берлина, не дождавшись возвращения, Вячеслав Михайлович телеграфировал Сталину: беседы «не дали желаемых результатов»; «похвастаться нечем».

Утопающий должен хвататься и за соломинку. Поэтому в столь страшной, безысходной ситуации было бы неудивительным, даже понятным, если бы советское руководство согласилось на дьявольский союз — присоединение к пакту Берлин — Рим — Токио без каких-либо условий. Пошло бы на него, лишь бы отсрочить войну, к которой страна все еще не была готова. Любым способом оттянуть ее, даже таким образом, ради выигрыша во времени. Тех самых двух лет, которых, как полагали в Кремле, хватало для полного перевооружения армии и флота, подготовки новобранцев и резерва к будущим сражениям. И все же капитуляции так и не последовало.

25 ноября Молотов, вернувшись в Москву, пригласил для беседы Шуленбурга. Выражая отнюдь не свое личное мнение, высказал готовность продолжить обсуждение вопроса о возможности присоединения Советского Союза к пакту трех. Но опять же только при предварительном согласии со стороны Германии принять все изложенные в Берлине советские условия.

Последовавшее гробовое молчание, отсутствие какой бы то ни было ответной реакции заставило окончательно признать: полученная в августе 1939 года отсрочка, казавшаяся тогда чуть ли не вечной, истекла. А потому теперь предстояло срочно и решительно изменить как внешнюю, так и внутреннюю политику. Форсировать любой ценой военные приготовления, добиться успехов в экономике, но прежде всего в оборонной промышленности.

Но еще долго в столице СССР не знали, что 18 декабря Гитлер подписал план «Барбаросса», назначив день нападения на своего восточного соседа.

Глава седьмая

Выступая 1 августа на сессии ВС СССР, Молотов далеко не случайно вновь предостерег всех от успокоенности. Напомнил о по-прежнему грозившей стране опасности войны, только несколько отодвинувшейся, как он тогда думал, во времени.

«Чтобы обеспечить нужные нам дальнейшие успехи Советского Союза, — сказал Вячеслав Михайлович, — мы должны всегда помнить слова товарища Сталина о том, что „нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая „случайность“ и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох“ (продолжительные аплодисменты). Если мы все будем помнить об этой святой нашей обязанности, то никакие события нас не застанут врасплох…»[182].

Так страшная опасность, нависшая над страной, перестала быть тайной. Не скрывалась больше ни от кого и необходимость безотлагательно завершить модернизацию

промышленности для быстрейшего создания современных видов вооружения, их поточного производства. Сторонники перестройки не замедлили воспользоваться ситуацией в своих целях и вновь выдвинули на первый план решение задач, поставленных еще XVIII съездом. Прежде всего, попытаться максимально возможно ограничить право парткомов различных уровней вмешиваться по своему усмотрению, чаще всего некомпетентно, в управление экономикой. И во вторую очередь, при подборе кадров исходить не из членства в партии и стажа в ней, а только из профессионализма — из наличия высшего образования, опыта работы.

Довольно серьезный и решительный шаг в данном направлении был сделан летом 1940 года. 25 июня ОБ приняло постановление, как оказалось — первое в целой серии, подрывающее основы жесткой вертикальной партийной структуры. Призванное для начала ликвидировать наиболее нетерпимые теперь чрезвычайные органы ЦК на отдельных предприятиях. Явно излишние, практически автономные, откровенно дублировавшие, даже подменявшие деятельность дирекции, окончательно запутывавшие сложившуюся систему управления. Правда, постановление предлагало для искоренения их чисто бюрократический путь, весьма характерный для Маленкова и его УК.

«Считать необходимым, — указывал новый директивный документ, — сократить количество парторгов ЦК ВКП(б) на предприятиях, оставив их, главным образом, на оборонных заводах, на крупных электростанциях, на важнейших предприятиях черной металлургии, на некоторых предприятиях химической промышленности». А три недели спустя ОБ приступило к свертыванию схожих по сути политуправлений наркоматов и ведомств на транспорте, подконтрольном Л. М. Кагановичу. 17 июля — гражданского воздушного флота с 208 до 41 человека, главного управления северного морского пути со 125 до 40; 25 июля — наркоматов морского и речного флота соответственно с 829 до 41 и с 1477 до 41. Наконец, 27 июля пошло и на крайнюю меру — вообще упразднило политуправление в наркомате рыбной промышленности[183].

Одновременно, воспользовавшись фактическим созданием аппаратов ЦК компартий новых союзных республик, УК провело через то же ОБ решение, установившее для них непривычно небольшие штаты. Для Молдавии — 75 ответственных и 24 технических сотрудников, для Литвы — 50 и 23, для Латвии — 45 и 18, для Эстонии — 40 и 19, что вынуждало тех сосредотачивать все внимание лишь на двух направлениях: на подборе и расстановке кадров, на пропаганде и агитации, заведомо отказавшись от вмешательства в работу промышленных предприятий, транспорта, рыболовного флота[184].

Не встретив и тут ни малейшего сопротивления или хотя бы возражения со стороны консервативной части ПБ, сторонники перестройки несколько позже, 24 октября, утвердили на ОБ еще одно, пожалуй, самое важное постановление. Оно практически сводило на нет годичной давности вынужденное отступление от курса реформ, обязывая формировать промышленные отделы ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов только в пределах ранее установленных штатов[185].

Еще более значимым, даже принципиальным, но как и все предыдущие, в известной степени половинчатым, стало постановление, призванное устранить мелочную партийную опеку Вооруженных Сил. Правда, для того, в качестве подготовительной меры, пришлось обновить состав Главного военного совета — коллегиального совещательного органа НКО. Председателем его ПБ утвердило 24 июля нового наркома С. К. Тимошенко, членами: начальников Генштаба — Б. М. Шапошникова, главного артиллерийского управления — Т. И. Кулика, командующего ВВС — Я. В. Смушкевича, командующих важнейшими военными округами, Киевского особого — Г. К. Жукова, Белорусского — Д. Г. Павлова, Ленинградского — К. А. Мерецкова, Московского — С. М. Буденного, а также начальника главного политического управления РККА, члена ОБ Л. З. Мехлиса, секретарей ЦК А. А. Жданова и Г. М. Маленкова[186].

Несомненно, опираясь на их мнение, используя их поддержку, сторонники реформ подготовили и утвердили 12 августа на ПБ постановление «Об укреплении единоначалия в Красной Армии и Военно-Морском Флоте». Опубликованное уже на следующий день всеми газетами страны как указ ПВС СССР, оно гласило:

«В связи с тем, что институт военных комиссаров уже выполнил свои основные задачи, что командные кадры Красной Армии и Военно-Морского Флота за последние годы серьезно окрепли, а также в целях осуществления в частях и соединениях полного единоначалия и дальнейшего Повышения авторитета командира — полновластного руководителя войск, несущего полную ответственность также и за политическую работу в частях, — президиум Верховного Совета Союза ССР постановляет: 1. Отменить „Положение о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии", утвержденное Центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров 15 августа 1937 года № 105/1387. 2. Ввести в соединениях (корпусах, дивизиях, бригадах), частях, кораблях, подразделениях, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной Армии и Военно-Морского Флота институт заместителей командиров (начальников) по политической части…»[187].

Через четыре дня данное положение было распространено и на войска НКВД — пограничные, по охране железнодорожных сооружений, особо важных промышленных объектов, конвойные. И хотя полностью устранить партийное присутствие в Вооруженных Силах пока не удалось, его влияние на принятие решений командирами было сведено к минимуму.

Так обозначилось то направление в реформировании политической системы СССР, которое закрепила XVIII партийная конференция. Ее, дважды откладываемую из-за неопределенности, неустойчивости международного положения — сначала с июня на конец 1940 года, а затем на начало следующего[188], созвали только 15 февраля 1941 года, всего за четыре месяца до начала войны.

Второй из двух докладчиков, выступивших на ней, Н. А. Вознесенский, охарактеризовал развитие народного хозяйства за минувший год и представил план на текущий. При этом, как бы предвосхищая выступление наркома финансов А. Г. Зверева на предстоящей восьмой сессии ВС СССР, полностью обошел вопросы оборонной промышленности, спрятав расходы на нее в статьях «производство средств производства», «машиностроение». Ни словом не упомянул о сбоях в промышленности, о причинах того, лишь бегло сказал, как бы подразумевая их, о бюрократизме. В то же время сумел намекнуть и на реальную ситуацию, в которой оказалась страна. По предложению Вознесенского конференция, а затем и сессия должны были одобрением плана закрепить самостоятельность и независимость советского народного хозяйства от экономики капиталистических стран, особенно в металлургии и машиностроении. А кроме того, и «возможностью прорыва перекрыть увеличение и создание новых государственных резервов»[189].

Подобный подход к анализу экономических проблем был в определенной степени обусловлен вполне конкретными обстоятельствами. О них же — обо всем, о чем не сказал Вознесенский, было сказано первым докладчиком, Маленковым.

Георгий Максимилианович уже успел довести до сведения делегатов, что план 1940 года по отраслям оказался не выполненным. Практически сорван. Правда, сделал такое заявление Маленков довольно своеобразно, намеком, который нуждался в понимании слушателей и читателей. «Есть такие наркоматы, — заметил секретарь ЦК ВКП(б), — которые не только не выполнили плана 1940 года, но в сравнении с 1939 годом даже заметно уменьшили выпуск продукции». И в качестве примеров назвал наркоматы рыбной промышленности, стройматериалов, лесной промышленности, путей сообщения, морского и речного флота, текстильной, пищевой, легкой промышленности. Словом, только те, которые были связаны с выпуском мирной продукцией и с транспортом. Лишь перейдя к работе конкретных предприятий, расширил круг отстающих наркоматов — электропромышленности, тяжелого,

среднего машиностроения, боеприпасов, черной и цветной металлургии. Тем самым дал понять: чуть ли не вся экономика страны не справилась в столь ответственный момент с выполнением плана. Предложил весьма своеобразный выход из положения.

Виноваты, несколько раз повторил Маленков, прежде всего обкомы и горкомы партии, которые «ослабили свою работу в области промышленности и транспорта… полагая, что они не несут ответственности за их работу». Но тут же уточнил: ЦК ВКП(б) требует от горкомов, обкомов, ЦК компартий союзных республик отнюдь не руководства народным хозяйством. Нет, они должны только «проверять выполнение решений наркоматов предприятиями», «контролировать» в том последние. А далее точно определил, перечислил те позиции, по которым следует проводить проверку, осуществлять контроль: учет оборудования и сырья, равномерность выпуска продукции, технологическая дисциплина, освоение и внедрение новой техники, снижение себестоимости, материальное поощрение.

Чтобы ни у кого не возникло и сомнения в ограниченности новых функций местных парторганов, в том числе и воссозданных промышленных отделов, уточнил, подчеркнув: «партийные организации обязаны **помочь наркоматам и предприятиям навести порядок** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)», единоначалие на предприятиях, установленное никем не отмененным постановлением ЦК ВКП(б) от 7 сентября 1929 года, остается в силе, сохраняется как незыблемая основа системы управления.

Наконец, не обошел Маленков и коренные причины того, что и привело к срыву выполнения годового плана. Непривычно самокритично отнес их на счет кадровой политики, за которую и отвечал. Привел крайне удручающий анализ использования специалистов с высшим образованием. Как оказалось, 45 %, то есть 95 тысяч человек, были заняты на административной работе в наркоматах, 24 %, или 51 тысяча человек, — в заводоуправлениях и только 31 %, 68 тысяч человек, — непосредственно на производстве. Именно поэтому, сделал определенный вывод Георгий Максимилианович, лишь 22 % начальников цехов, 32 % замначальников и 20 % начальников смен имеют высшее образование. «Аппарат, — подвел своеобразный промежуточный итог Маленков, — раздувает свои штаты и использует инженеров и техников на канцелярской работе, отвлекая тем самым их с производства».

После подобного заявления могло показаться странным, даже противоречивым, алогичным утверждение Маленкова, что необходимо «иметь в городах, областях, краях и республиках с развитой промышленностью не одного, а несколько секретарей горкомов и обкомов партии по промышленности». Но вскоре все встало на свои места, ибо, как явствовало из продолжения доклада, в функциях этих секретарей по промышленности должно стать основным подбор кадров для промышленности и транспорта, и не большее. Но при одном непременном условии — полностью изменить подход к этим кадрам.

«До сих пор, — продолжал Маленков, — несмотря на указания партии во многих партийных и хозяйственных органах при назначении работника больше занимаются выяснением его родословной, выяснением того, кем были его дедушка и бабушка, а не изучением его личных деловых и политических качеств, его способностей. Основным вопросом в деле подбора кадров является вопрос о правильном выдвижении новых работников, умеющих организовать живое дело. При этом надо усвоить, что речь идет о выдвижении не только партийных, но и беспартийных большевиков. Среди беспартийных много честных и способных работников, которые хотя и не состоят в партии, не имеют коммунистического стажа, но работают часто лучше, добросовестнее, чем некоторые коммунисты со стажем».

Вслед за столь откровенным указанием опираться в работе на беспартийных профессионалов, Маленков предложил иное. Избавляться от некомпетентных коммунистов, назвав их болтунами и невеждами. «Пора, — сказал он, — товарищи, вытащить такого сорта хозяйственников на свет божий. Болтунов, людей, не способных на живое дело, нужно освобождать и ставить на меньшую работу, безотносительно к тому, являются они партийными или беспартийными». «Невежда — это такой человек, который ничего не знает и знать ничего

не хочет… Займет такой невежда пост директора ли предприятия, начальника ли дороги или другой какой пост и ничего слушать не хочет… Надо, товарищи, разоблачать таких невежд и гнать их в шею от руководства. Нельзя терпеть невежд во главе предприятий и вообще на руководящих постах»[190].

Все эти предложения — указания затрагивали пока только нижний слой хозяйственного руководства, преимущественно людей, занимающих посты от директора предприятия и ниже. Но в резолюции конференции они приобрели совершенно новые черты: необходимо «добиваться того, чтобы директор предприятия стал на деле полновластным руководителем, целиком отвечающим за состояние предприятия и за порядок на производстве». Подобное уже вполне официальное требование должно было делать его полностью самостоятельным в работе.

Вместе с тем совершенно новый, непривычный для многих подход к оценке профессиональной деятельности тех, кто был занят в сфере народного хозяйства, продемонстрировала и еще одна резолюция конференции. Та, которая решительно предупредила наркомов М. М. Кагановича, М. Ф. Денисова, З. А. Шашкова, А. А. Ишкова, В. В. Богатырева: «если они не улучшат работы своих наркоматов… то они будут сняты с постов народных комиссаров». А о том, что это не пустая угроза, а вполне возможная мера, доказывало перемещение в партийных органах уже снятых за развал работы наркомов. Тех, кому больше не предъявлялось Никаких политических обвинений — причислению к сторонникам Троцкого или Бухарина, к иным оппозиционным фракциям: вывод из членов ЦК Н. М. Анцеловича, П. С. Жемчужиной, М. М. Литвинова, И. А. Лихачева, Ф. А. Меркулова, перевод из членов в кандидаты в члены ЦК заместителей наркомов земледелия И. А. Бенедиктова, обороны — Е. А. Щаденко[191].

Все это лишний раз подтверждало ту тенденцию, которая наметилась с введением в состав руководства СНК СССР Вознесенского, Булганина, Малышева, Первухина, Косыгина, избранных членами ЦК только после назначения их на такие высокие посты. Показывало, что пребывание в формально высшем органе партии, в ЦК, теперь стало лишь отражением уже состоявшегося выдвижения специалиста, а не служило своеобразным трамплином для будущего повышения.

В последний день конференции, 21 февраля, произошло и еще одно важное событие, которое завершило формирование нового узкого руководства, завершило ту борьбу, которая незаметно для постороннего взгляда, не выплескиваясь наружу, внешне не проявляясь, неослабно шла вот уже два года, с окончания XVIII съезда партии. На состоявшемся в тот день Пленуме ЦК, буквально в последние минуты его работы, без какого-либо серьезного объяснения, обоснования, обсуждения произошло значительное пополнение ПБ. С предложением по этому вопросу выступил Сталин, в очередной раз продемонстрировав ставшую ничтожной роль и партии в целом, и ее конференции, даже ЦК, от которых теперь ничего не зависело, которые использовались лишь для оформления решений узкого руководства, ежели в том была необходимость.

«**Сталин**. Мы здесь совещались, члены Политбюро и некоторые члены ЦК, пришли к такому выводу, что хорошо было бы расширить состав хотя бы кандидатов в члены Политбюро. **Теперь в Политбюро стариков немало набралось, людей уходящих** (выделено мною. — *Ю. Ж.*), а надо, чтобы кто-либо другой помоложе был бы подобран, чтобы они подучились и были, в случае чего, готовы занять их место. Речь вдет к тому, что надо расширить круг людей, работающих в Политбюро.

Конкретно это свелось к тому, что у нас сложилось такое мнение — хорошо было бы сейчас добавить. Сейчас два кандидата в Политбюро. Первый кандидат Берия и второй Шверник. Хорошо было бы довести до пяти, трех еще добавить, чтобы они помогали членам Политбюро работать. Скажем, неплохо было бы товарища Вознесенского в кандидаты в члены Политбюро

ввести, заслуживает это, Щербакова — первого секретаря Московской области, и Маленкова — третьего. Я думаю, хорошо было бы их включить.

Андреев. Желает ли кто высказаться? Нет. Голосуется список в целом. Кто за то, чтобы принять предложение товарища Сталина, поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Нет. Воздержался? Нет. Предложение принято»[192].

С этого момента узкое, неофициальное руководство СССР стадо выглядеть следующим образом. Чисто партийные структуры в нем представляли Сталин, Андреев, Жданов, Маленков, причем не столько как члены, кандидат в члены ПБ, сколько как секретари ЦК — то есть те, кто фактически и возглавлял аппарат, реально руководили им, направляя всю деятельность ВКП(б) в центре и на местах. Государственные структуры — Молотов, Микоян, Каганович, Берия (последние двое всего за неделю перед тем были введены еще и в ЭкоСо[193], что до некоторой степени восстановило прежнюю роль Лазаря Моисеевича и весьма усилило роль Лаврентия Павловича, которого, ко всему, 3 февраля еще и утвердили зампредом СНК СССР[194], благодаря чему он окончательно обошел по властным полномочиям Ворошилова), Вознесенский, а также Булганин. Последний оказался единственным из десятерых, оставшимся всего лишь членом ЦК, что делало его полностью зависящим от воли Сталина, его покровителя.

Можно было теперь говорить и о реальном омоложении руководства. Подтверждать тот подход, который и послужил Сталину формальным предлогом расширения ПБ. Сам он был самым старым — ему шел 62-й год, пожилыми — 52-летний Каганович и 50-летний Молотов, все же остальные, семеро, то есть большинство, находилось, примерно, в одном возрасте — от 37 до 45 лет.

Именно новая по составу «десятка», а отнюдь не четырнадцать членов и кандидатов в члены ПБ, полностью взяла на себя принятие всех наиболее ответственных, важнейших решений по вопросам как внешней, так и внутренней политики, по определению характера и темпов развития народного хозяйства. Легко подтверждается такое утверждение неуклонным снижением числа официальных — протокольных — заседаний ПБ. Если в 1936 году их было еще девять, в 1937 году — шесть, в 1938 — три, а в 1939–1940 годах — всего по два, то за первую половину 1941 года — ни одного! Однако фактическое количество решений, принимаемых в тот же период от имени ПБ, за него, отнюдь не снизилось, осталось на прежнем уровне. Составляло, соответственно по годам, 275, 346, 290, 306, 315 и 148 решений[195].

Благодаря происшедшему, окончательно структурировались и все эшелоны широкого руководства. Следующую в нем по значимости, по роли во властных структурах, элитную группу составили не вошедшие в узкое руководство члены и кандидаты в члены ПБ — Ворошилов, Калинин, Хрущев, Шверник, Щербаков, чьи узкие функции были ограничены конкретной должностью и которые лишь изредка привлекались к участию в принятии общих решений. Сюда же относились и заместители председателя СНК СССР — Вышинский, Землячка, Косыгин, Малышев, Мехлис, Первухин[196], занимавшие весьма высокие посты, курировавшие работу нескольких наркоматов.

В третью по нисходящей властную группу вошли наркомы СССР, не имевшие каких-либо иных, по совместительству, государственных или партийных должностей, и заведующие небольшими, но самостоятельными отделами ЦК ВКП(б) — организационно-инструкторским, школьным. Все они занимались деятельностью в общесоюзном масштабе. Наконец, последняя, четвертая группа объединяла первых секретарей ЦК компартий союзных республик (за исключением Хрущева), крайкомов, обкомов. Хотя теперь они и утратили прежнее значение резерва, источника пополнения власти союзного уровня, но все еще (или пока еще?) сохраняли господствующие позиции в пределах своего региона, повседневно руководили работой 12835 парт-функционеров — своих подчиненных[197].

Зимние месяцы, предшествовавшие проведению конференции, были отмечены серьезными кадровыми перемещениями в трех важнейших неэкономических наркоматах. В НКИД — наименьшими. Там, после освобождения 25 февраля 1940 года В. П. Потемкина, за провал его миссии в Бухарест, Софию и Анкару, от обязанностей заместителя наркома иностранных дел (его назначили наркомом просвещения РСФСР)[198], лишь сформировали 1 ноября 1940 года новую коллегию. В нее включили В. М. Молотова, А. Я. Вышинского, В. Г. Деканозова, С. А. Лозовского и, как генерального секретаря, А. А. Соболева[199]. Но, как и ранее, сразу же после отстранения М. М. Литвинова, практически не претерпел изменений состав полпредов. За более чем полуторалетний срок было произведено только четыре назначения: Г. М. Пушкина — в новообразованное государство Словакия; А. Е. Богомолова — взамен Я. З. Сурица — из-за кардинального переустройства политического режима Франции и ее статуса полуоккупированной страны — в Виши; В. Г. Деканозова, сменившего Шкварцева в Берлине — в силу сложившихся «особых» отношений с Германией; И. В. Степанова — в Финляндию вместо П. Д. Орлова. Кроме того, к заурядным переменам можно отнести также официальное подчинение по решению ПБ от 28 июля 1939 года Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), и без того работавшего под контролем внешнеполитического ведомства, НКИДу, да назначение 4 декабря 1940 года Я. С. Хавинсона ответственным руководителем ТАСС[200].

Более значительные перемещения оказались присущими Вооруженным Силам. Там, после прихода С. К. Тимошенко на должность наркома, сменили чуть ли не всех командующих округами, которые с началом войны должны были быть преобразованы во фронты либо стать базой формирования, пополнения таких фронтов. К началу марта командующими военными округами после двух, а иногда и трех смен за несколько месяцев, состояли: Архангельского — В. Я. Качалов, Ленинградского — М. М. Попов, Прибалтийского особого — Ф. И. Кузнецов, Белорусского — Д. Г. Павлов, Киевского особого — М. П. Кирпонос, Одесского — Я. Т. Черевиченко, Московского — И. В. Тюленев, Орловского — Ф. Н. Ремизов, Харьковского — А. К. Смирнов, Приволжского — В. Ф. Герасименко, Северо-Кавказского — И. С. Конев, Закавказского — Д. Т. Козлов, Среднеазиатского — С. Г. Трофименко, Забайкальского — П. А. Курочкин, а Дальневосточного уже фронта — И. Р. Апанасенко[201].

Одновременно было обновлено и руководство самого наркомата, его основных структур. Еще 26 августа 1940 года командующим ВВС вместо Я. В. Смушкевича назначили П. В. Рычагова. 5 октября на новую по названию, но не смыслу должность, начальника главного управления политической пропаганды (вместо ликвидированного вместе с институтом военных комиссаров Главпура) — А. И. Запорожца при заместителях В. Н. Борисове и Ф. Ф. Кузнецове. 30 ноября сняли бывшего конноармейца и участника обороны Царицына, то есть старого боевого соратника Сталина, В. А. Щаденко с поста замнаркома — начальника управления кадров. Заменили его А. Д. Родионовым. 14 января 1941 года начальником генштаба вместо К. А. Мерецкова, перемещенного на должность замнаркома по боевой подготовке, утвердили Г. К, Жукова. А через шесть недель подобрали ему и новых заместителей: первого — Н. Ф. Ватутина, второго — В. Д. Соколовского, начальника оперативного управления — Г. К. Маландина. Примерно тогда же получили новых начальников и два важных главных управления. Автобронетанкового — Я. Н. Федоренко, противовоздушной обороны — Е. С. Птухина[202].

Наконец, самой значимой стала реорганизация НКВД. По решению ПБ от 3 февраля 1941 года было «признано необходимым» выделить из него главное управление государственной безопасности, преобразовав его в самостоятельный союзно-республиканский наркомат[203]. За сохранившим старое название ведомством весьма непоследовательно оставили осуществление, как и прежде, руководства разнородными, практически не взаимосвязанными функционально структурами. Во-первых, обычными, присущими государственным институтам очень многих стран:

1. «Охрану общественной собственности, личной и имущественной безопасности» граждан — главное управление милиции; местную противовоздушную оборону (МПВО); борьбу с детской беспризорностью. 2. Запись актов гражданского состояния (ЗАГС); «учет, охрану, научную и **оперативную** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) разработку государственных архивных фондов»; горно-технический и котлонадзор; пожарную охрану. 3. Войсковую охрану государственных границ, особо важных промышленных предприятий и железнодорожных сооружений. 4. Руководство местами заключения, конвойные войска.

Во-вторых, в структуре НКВД в полной неприкосновенности остались и те подразделения, которые противоречили букве и духу конституции, уголовно-процессуальному кодексу, но, главное, совместному постановлению от 17 ноября 1938 года. Те самые подразделения, которые уже самим своим существованием нарушали права граждан, гарантированные им: 5. Внесудебный орган установления виновности и вынесения приговора — «особое совещание» при наркоме; так называемые оперативные войска. 6. Девять главных управлений по организации «трудового использования» осужденных для проведения «крупнейших хозяйственных работ, освоения новых районов в отдаленных северных областях СССР», в том числе ГУЛАГ, Дальстрой, иные, им подобные[204].

После реорганизации наркомом внутренних дел переутвердили Л. П. Берия. Среди же его заместителей оказались равно и те, кто прежде занимал те же должности — С. Н. Круглов, В. В. Чернышев, И. И. Масленников, и те, кто получил повышение — начальник одного из отделов упраздненного главного экономического управления Б. П. Обручников, начальник НКВД по Ростовской области В. С. Абакумов[205].

Столь же двузначно, хотя и совершенно иначе, определили функции наркомата государственной безопасности (НКГБ). Как и любая спецслужба, он должен был защищать национальные интересы Советского Союза от любых посягательств. Данный принцип нашел выражение в структуре НКГБ, в задачах, которые ему предстояло решать.

«Ведение разведывательной работы за рубежом» возложили на Первое управление (начальник П. М. Фитин, заместители П. М. Судоплатов, В. М. Зарубин). «Борьба с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР», и отнюдь не с воображаемой, существующей только в воображении обитателей кабинетов на Лубянке, а с вполне реальной, ощутимой, крайне опасной, входила в круг обязанностей Второго управления (начальник П. В. Федотов, заместители Т. М. Борщев, Л. Ф. Райхман).

Таковы были нормальные, органические функции НКГБ. Но вместе с тем имелись у него и иные, специфические. Те, которые были направлены на защиту интересов уже не страны, а исключительно власти, узкого руководства.

Своеобразной формой так и не завершенной гражданской войны, но уже с «незримыми фронтами», являлась необходимость решения НКГБ поставленной перед ним такой, явно надуманной, задачи: «оперативная разработка и ликвидация остатков всяких антисоветских партий и контрреволюционных формирований среди различных слоев населения СССР, в системе промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства и т. п.». Этими, откровенно искусственными проблемами занималось Третье, секретнополитическое управление (начальник С. Р. Мильштейн, заместители Н. Д. Горлинский, И. Г. Шевелев), а также, но уже отчасти, наряду с иными поручениями, следственная часть (Л. Е. Влодзимирский, А. А. Эсаулов, Л. Л. Шварцман), вспомогательные отделы — учетно-статистический, наружного наблюдения, установок, обысков и арестов.

Обособленное, фактически независимое положение в системе НКГБ заняли на деле подчинявшиеся непосредственно узкому руководству, служившие только ему управление коменданта московского Кремля (начальник Н. К. Спиридонов) и первый отдел — охраны руководителей партии и правительства. Первое из них обеспечивало закрытый характер

Кремля, соблюдение строжайшего режима даже служившими в нем, а также контролировало всю прилегающую зону — Красную и Манежную площади, расположенные там здания, и особенно Верхних (ныне ГУМ) и Нижних торговых рядов, Исторического музея, Покровского собора, Манежа, а также и Александровского сада. Вместе с тем управление отвечало и за сохранность архитектурных памятников, художественных и исторических собраний музеев, располагавшихся на территории Кремля. Первый же отдел, как следовало из его названия, занимался обеспечением безопасности членов ПБ и СНК, нес охрану Кремля, зданий, в которых размещался аппарат ЦК ВКП(б), правительственных жилых домов на улицах Грановского и Серафимовича, правительственных дач, трасс, связывающих последние с центром Москвы. Кроме того, к непосредственному ведению отдела относилось обслуживание кремлевских АТС, столовой, правительственных санаториев, домов отдыха и дачи в Подмосковье, Крыму, на Кавказе.

Наркомом госбезопасности был назначен В. Н. Меркулов, перед тем два десятилетия проработавший в системе ГПУ — НКВД Грузии, а с конца 1938 года — первым заместителем Л. П. Берия. Заместителями наркома — И. А. Серов, до того около года возглавлявший НКВД Украины, Б. З. Кобулов, перед тем начальник расформированного при реорганизации главного экономического управления, М. В. Грибов, бывший и прежде замнаркомом[206].

И все же самостоятельность НКГБ оказалась призрачной. Причина же того крылась не столько в старых, доверительных отношениях, связывавших Берия и Меркулова, а в том, что Лаврентий Павлович, как зампред СНК СССР и кандидат в члены ПБ, стал куратором обоих ведомств. И после отделения госбезопасности от НКВД продолжал вполне официально, по положению, «наблюдать за работой» нового наркомата, «направлять» его деятельность.

Часть вторая
1941–1944 годы
БОЛЬШАЯ ТРОЙКА

Начало нового, 1941 года для Европы оказалось на редкость безрадостным. Не вселило, как обычно, надежд на лучшее будущее. Напротив, усугублявшийся с каждой неделей балканский кризис усиливал тревожную неопределенность и вместе с нею ощущение неотвратимо надвигавшейся смертельной опасности. И все же Кремль, слишком хорошо осознававший неподготовленность страны к войне, вынужден был уповать на то, что роковую развязку удастся отсрочить. Чтобы обрести в том более твердую уверенность, пытался традиционными для дипломатии способами прозондировать настроения германского руководства, разгадать его намерения.

Поначалу Кремль прибег к обычному для него в таких случаях «заявлению ТАСС». Именно в этой форме 13 января весьма осторожно выразил свое неодобрение складывавшимся положением. Ссылаясь на «сообщения иностранной прессы» о переброске частей вермахта в Болгарию, отметил: «…все это произошло и происходит без ведома и согласия СССР». Ответ, последовавший в тот же день и по тем же каналам — от имени германского информбюро, оказался более чем уклончивым, просто не содержал никакой информации[207].

Поэтому уже 17 января Молотову в Москве — послу Шуленбургу, а Деканозову в Берлине — статс-секретарю МИД Германии Вейцзекеру, пришлось сделать однозначные по содержанию заявления. В них сухо констатировалось вполне очевидное, неопровержимое: «По всем данным, германские войска в большом количестве сосредоточились в Румынии и уже изготовились вступить в Болгарию, имея своей целью занять Болгарию, Грецию и Проливы». А далее делался подчеркнуто жесткий, чуть ли не в ультимативном духе, вывод. Тот, который и должен был, по замыслу, помочь получить ответ на решающий вопрос — что же произойдет в ближайшие недели, месяцы. «Советское правительство, — напомнили Молотов и Деканозов, — несколько раз заявляло Германскому правительству, что оно считает территорию Болгарии и обоих Проливов зоной безопасности СССР, ввиду чего оно не может

оказаться безучастным к событиям, угрожающим безопасности СССР. Ввиду этого Советское правительство считает своим долгом предупредить, что появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Проливов оно будет считать нарушением безопасности СССР»[208].

Зондирование оказалось неутешительным, подтвердило самые худшие ожидания. В ответе, полученном наркоминделом неделю спустя, явное не отрицалось, но и тайное не раскрывалось, а интересы Советского Союза просто игнорировались. Москву пренебрежительно ставили перед фактом: «если какие-либо операции будут проводиться против Греции», то «германская армия намерена пройти через Болгарию»[209]. Иными словами, Берлин оставлял за собою свободу действий, не собираясь консультироваться с Кремлем. Сохранял возможность в удобный для себя момент оккупировать две балканские страны. Ведь формальный повод для того, присутствие в Греции британских войск — 8 эскадрилий ВВС и подразделений зенитной артиллерии, давным-давно имелся. Но о том, начнется ли кампания, и если начнется, то когда, что последует вслед за тем, будут ли и далее нарушаться достигнутые между двумя сторонами соглашения, в ответе не было ни слова. Но в том и заключался, собственно, смысл потаенных намерений Берлина.

Казалось, отныне больше не должно было оставаться сомнений в том, что непродолжительный период «добрососедских отношений» с Германией завершился. Прервался внезапно и именно тогда когда вчерашний партнер Кремля, а теперь его главный потенциальный противник обеспечил себе бесспорное стратегическое преимущество. Обезопасив европейские тылы, начал сосредотачивать десятки дивизий вдоль всей западной границы Советского Союза — от Баренцева до Черного моря. Теперь оставалось надеяться на одно из двух. Либо балканская кампания начнется не очень скоро, либо, если и начнется в ближайшее время, то окажется достаточно серьезной, затяжной.

Положение стало проясняться лишь через полтора месяца. 1 марта болгарский премьер-министр Филов подписал в Вене протокол о присоединении своей страны к Тройственному пакту и дал согласие на ввод германских войск, которые в тот же день появились на греческой границе. Четыре дня спустя в Афинах началась высадка 2-й новозеландской, 6-й и 7-й австралийских дивизий, британской 1-й бронебригады. Дальнейшее развитие событий теперь зависело лишь от Лондона, от его желания активно бороться с нацизмом. Да еще и от того, сумеет ли он склонить Югославию и Турцию к вступлению в войну с Германией, создать вместе с ними мощный фронт на Балканах, способный остановить агрессоров хотя бы здесь.

Глава правительства Великобритании Уинстон Черчилль принял уклончивое решение. Счел более оправданным, более отвечающим интересам Британской империи вновь избежать серьезных боевых операций и еще раз уйти из Европы. Уже 6 марта он внушал Идену: «Потеря Греции и Балкан не явится для нас серьезной катастрофой…»[210]

Реакция советского руководства оказалась совершенно иной. Оно перестало тешить себя иллюзиями и явно начало менять внешнеполитический курс. Вернее, ориентацию, явно отказываясь от прежней, продолжавшейся почти два года, безоговорочной поддержки Германии на международной арене. Во всяком случае, именно так понял, расценил посол Великобритании в Москве Стаффорд Криппс заявление, которое сделал 3 марта А. Я. Вышинский[211]. Первый заместитель наркома иностранных дел от имени советского правительства безоговорочно осудил согласие, данное Филовым, на ввод германских войск в Болгарию. Подверг осуждению как решение, «которое ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны»[212].

Сильнее подчеркнуть обозначившееся, далеко идущее расхождение интересов Москвы и Берлина пока было невозможно, да и не нужно. Кремль предпочитал дождаться реакции на заявление и действовать строго в соответствии с нею. И все же явная нерешительность Великобритании, ее большая озабоченность завершением операций против итальянских сил в Африке — в Киренаике, Эритрее, Сомали и Эфиопии, нежели исходом сражений на

европейском театре, сыграла свою негативную роль. 25 марта к Тройственному пакту присоединилась и Югославия. Казалось, балканская кампания, еще даже не начатая вермахтом, уже выиграна им.

Глава восьмая

На столь сложную обстановку, означавшую лишь одно — нарастание военной опасности, узкое руководство Советского Союза отреагировало весьма своеобразно. Однако, в отличие от внешнеполитических шагов, достаточно заметных, процессы, происходившие в Кремле, оказались в значительной степени скрытными, тайными не только для западных политиков, но и для граждан страны.

10 марта, в первый пик балканского кризиса, ПБ приняло далеко идущее по своим последствиям решение: «1. Назначить тов. Вознесенского Н. А. первым заместителем председателя СНК Союза ССР по Экономсовету с освобождением его от обязанностей председателя Госплана СССР. 2. Назначить тов. Сабурова М. 3. председателем Госплана СССР и заместителем председателя СНК Союза ССР. 3. Вопрос о председателе Совета оборонной промышленности и заместителе председателя Комитета обороны при СНК Союза ССР обсудить дополнительно»[213]. Появившееся на следующий день в газетах изложение первых двух пунктов, правда, в несколько иной редакции, как указ ПВС СССР, выглядело обычным государственным актом. Внешне — еще одним свидетельством стремительной карьеры Вознесенского. Но только внешне, в том случае, если не принимать во внимание главного — что именно Вознесенский до последнего времени отвечал за оборонную промышленность.

Были и иные мотивы, породившие данное решение — указ. Связанные с борьбой внутри узкого руководства, проявлявшиеся неоднократно и прежде. Еще в конце 1939 — начале 1940 года, когда Микоян уже выступал как председатель Экономсовета, заменив в нем Молотова. И вскоре после того, в начале декабря, когда Сабурова, работавшего (или стажировавшегося?) в Госплане всего несколько месяцев, назначили первым замом — «под» Вознесенского. Именно эти факты свидетельствовали о пошатнувшемся положении Молотова. О том, что в любую минуту его могут освободить не только от должности главы правительства, но и наркома иностранных дел. Ведь не случайно в НКИД, и опять же осенью 1940 года, вдруг появился первый заместитель А. Я. Вышинский. «Человек со стороны», сразу и весьма активно включившийся в повседневную деятельность по руководству наркоматом, взявший на себя не только прием многих послов, но и подготовку весьма важных дипломатических документов.

Что же склоняло в пользу столь значительной, непременно вызвавшей бы широкий мировой резонанс акции, как смена главы правительства? Скорее всего, две весьма веские причины. Во-первых, Молотов оставался одним из тех немногих членов прежнего узкого руководства, кто сумел пока сохранить все свои старые позиции во властных структурах — и в партийных, и в государственных. Сохранить несмотря на «большую чистку», кадровое обновление конца 30-х годов. Невольно стал олицетворением политики тех лет, о которой старались не упоминать, стремились предать забвению. Олицетворял Молотов и иное — то руководство, которое уже сошло с политической арены.

Во-вторых, при весьма возможной резкой смене внешнеполитического курса было бы желательно позаботиться и о смене хотя бы некоторых из тех, кто проводил в жизнь прежний. А ведь именно Молотов, и никто иной, был более других связан с политикой сближения с Германией. Именно он подписал столь известный, сыгравший столь важную роль для первого периода Второй мировой войны пакт. Именно он возглавлял официальную делегацию СССР в Берлине, вел переговоры с Гитлером. Словом, Молотов по всем позициям оказывался наиболее подходящим человеком, на которого можно было бы списать все просчеты и ошибки. Человеком, отстранение которого лучше и ярче всего отразило бы новую политическую линию советского руководства, полный и безоговорочный отказ от прежней, уже изжившей себя. Человеком, приносимым в жертву ради того, чтобы оправдать пребывание на вершине власти тех, кто оставался там.

Очередная перестройка проводилась стремительно. Всего две недели спустя, 21 марта, ПБ приняло еще два столь же важных постановления — от имени СНК СССР и ЦК ВКП(б)[214]. Первое из них «Об организации работы в СНК СССР», пространное, в четырнадцать пунктов, по существу сводилось к решению вопросов управления. Прежде всего потребовало «ликвидировать хозяйственные советы при Совете народных комиссаров Союза ССР, оказавшиеся на практике средостением между народными комиссариатами и СНК СССР». Тем самым подвергло осуждению результат организационных реформ, административных нововведений, связанных с именем все того же Молотова, совсем недавно единодушно поддержанных, одобренных и ПБ, и Пленумом ЦК. Вместо прежних пяти основных структур по управлению народным хозяйством страны, постановление предусмотрело создание иных, более многочисленных на первый взгляд:

«4. Для улучшения руководства наркоматами, — указывалось в документе, — и быстрого решения оперативных вопросов увеличить в СНК СССР количество заместителей председателя СНК СССР с тем, чтобы каждый заместитель ведал только двумя-тремя наркоматами. 5. Установить, что заместители председателя СНК СССР решают единолично, в рамках установленных планов и постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, все оперативные вопросы, выносимые руководимыми ими наркоматами, кроме: а) повышения зарплаты и изменения цен; б) использование государственных бюджетных резервов и материальных фондов по УГР (управлению государственных резервов. — *Ю. Ж.*). 6. Все решения заместителей председателя СНК СССР по подведомственным им наркоматам издаются в качестве распоряжений СНК СССР».

Но этим усилением роли возраставших количественно с этого момента зампредов Совнаркома и тем самым, казалось бы, ослаблением роли собственно главы правительства, чисто бюрократическая перестройка, отнюдь не изменившая, не сломавшая остававшийся незыблемым принцип вертикального управления экономикой страны, не ограничилась. Второе постановление, «Об образовании Бюро Совнаркома», весьма серьезно скорректировало первое, по сути свело на нет все те полномочия, которые якобы получали зампреды Совнаркома СССР.

Оно как бы между прочим, девятым пунктом, ликвидировало давно уже утративший свою прежнюю значимость Экономсовет. Создало, также внутри самого правительства, подлинный, хотя и совершенно неправовой, неконституционный орган власти:

«1. Образовать в Совете народных комиссаров Союза ССР Бюро Совнаркома, облеченное всеми правами СНК СССР.

2. Бюро Совнаркома образовать в составе председателя СНК СССР — тов. Молотова В. М., первого заместителя председателя СНК СССР — тов. Вознесенского Н. А. и тт. Микояна А. И., Булганина Н. А., Берия Л. П., Кагановича Л. М. и Андреева А. А.

3. На Бюро Совнаркома возлагается: а) подготовка квартальных и месячных народнохозяйственных планов, бюджета и военных заказов с внесением на утверждение ЦК ВКП(б) и СНК СССР; б) утверждение квартальных и месячных планов снабжения, квартальных кредитных и кассовых планов, месячных планов перевозки; в) решение текущих экономических и административных вопросов и вопросов культурного строительства.

4. В основу своей работы Бюро Совнаркома кладет проверку исполнения народнохозяйственных планов и основных постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР…»

Содержало постановление и еще одно столь же важное положение: «10. Сократить состав Комитета обороны при СНК СССР до пяти человек, персонально утверждаемых СНК СССР. 11. Возложить на Комитет обороны при СНК СССР: а) принятие на вооружение новой техники по представлению НКО и НКВМФ; б) рассмотрение военных и военно-морских заказов; в) разработку мобилизационных планов с внесением их на утверждение ЦК ВКП(б) и СНК СССР».

Оба постановления, как достаточно хорошо видно из их содержания, призваны были сообща решить одну-единственную задачу: реорганизовать Совнарком СССР. Найти для него иную, нежели раньше, более оптимальную структуру, систему управления важнейшими отраслями народного хозяйства. Однако многочисленные пункты и подпункты взаимосвязанных и взаимодополняющих постановлений выполненными оказались далеко не все. Так, и месяц спустя, количество заместителей председателя СНК оставалось прежним — 13 человек. Ими являлись Вознесенский, Ворошилов, Землячка, Косыгин, Малышев и Первухин, не имевшие никаких иных обязанностей; Берия, Булганин, Каганович, Мехлис, Микоян и Сабуров, обладавшие еще, но как основной должностью наркома; а также Вышинский, в отличие от остальных — лишь первый замнаркома иностранных дел. Таким образом, «в ведение» каждою из них приходилось не 2–3, как намечалось, а 3–4 ведомства.

Именно это обстоятельство могло породить обманчивое представление, что в конечном итоге 21 марта изменилась лишь расстановка сил в высшем эшелоне власти, и не более. Лишились ключевых постов «молодые», вновь усилилось положение «старых кадров», хоть и не получивших высшего образования, но зато поднаторевших в «аппаратных играх», доказавших не раз свою управляемость. Но так произошло бы только в том случае, если бы постановления свелись лишь к замене давно отжившего Экономсовета и пяти хозяйственных советов новым органом, Бюро Совнаркома СССР (БСНК). В действительности последнему предназначалось не только вернуть к власти тех, кто начал ее утрачивать, но и стать своеобразным военным кабинетом, что было запрограммировано его подлинной сутью.

До 21 марта в СНК СССР действовала двухуровневая система управления: хозяйственный совет — наркомат для отраслей, прямо или косвенно связанных с оборонной промышленностью, обеспечением всем необходимым армии и флота; зампред СНК СССР — наркомат или комитет, главное управление, управление для сугубо мирных отраслей. Теперь же организация менялась, становилась трехуровневой; БСНК — зампред — наркомат, причем нижний уровень системы составляли все без исключения ведомства. Полномочия же на верхнем распределялись следующим образом: Молотову отводилось руководство внешней политикой, Вознесенскому — оборонной промышленностью, Микояну — снабжением в целом, Булганину — тяжелой промышленностью, Берии — государственной безопасностью, Кагановичу — транспортом и перевозками, Андрееву — сельским хозяйством. Вне компетенции БСНК оставались только армия и военно-морской флот, однако реорганизация, правда, чисто кадровая, весьма ощутимо сказалась и на них.

Еще в канун больших перемен, 8—10 марта, значительные изменения претерпело руководство НКО. Заместителями к С. К. Тимошенко, помимо уже занимавших такую должность С. М. Буденного — первого зама, Б. М. Шапошникова — по главному военно-инженерному управлению, А. Д. Румянцева — по кадрам, И. И. Проскурина — начальника разведывательного управления, Г. К. Жукова, возглавлявшего Генштаб, К. А. Мерецкова — замнаркома по боевой подготовке, А. И. Запорожца — начальника главного управления политпропаганды Красной Армии, утвердили командующих ВВС (9 апреля) П. Ф. Жигарева, Г. И. Кулика — артиллерией[215]. 10 апреля важные нововведения коснулись и Главного военного совета. ПБ постановило «1. Устраивать заседания Главвоенсовета регулярно раз в неделю. 2. Приказы наркомата обороны, имеющие сколько-нибудь серьезное значение издавать за подписями наркома, члена главвоенсовета т. Жданова или т. Маленкова и начальника Генштаба»[216]. Наконец в те же дни, 9 апреля, был утвержден и состав КО. В нем оставили Ворошилова, как зампреда СНК СССР становившегося связующим звеном между двумя властными структурами, наркома обороны Тимошенко, наркома Военно-Морского Флота Кузнецова и, разумеется, секретарей ЦК, Сталина и Жданова[217].

Все же свести реорганизацию только к ставшей в тот момент остро необходимой, просто неотложной подготовке страны к войне, скрытной мобилизации экономики невозможно. К реформе и довольно успешно, явно приложили руку те силы, которые никак не могли

смириться с потерей партией и своей лично монополии на власть. Силы, которые вот уже полтора года настойчиво и последовательно подвергали ревизии основополагающее постановление XVIII съезда. Именно это и объясняет малопонятное на первый взгляд, даже бессмысленное, казалось бы, требование к членам и кандидатам в члены ПБ, теперь и составлявшим (за исключением Булганина) БСНК, действовать строго в соответствии с указаниями… того же ПБ, привычно названного в документе «ЦК ВКП(б)». Отсюда и установление контроля со стороны секретариата ЦК за всеми, «имеющими сколько-нибудь серьезное значение», приказами НКО, что лишало военное ведомство инициативы именно в тот момент, когда она требовалась как никогда. Словом, весьма тонко, почти незаметно, была сделана попытка восстановить зависимость профессионалов от мнения непрофессионалов, слишком часто оказывавшегося некомпетентным, а потому и ошибочным.

Но как бы то ни было, реорганизацию провели как нельзя вовремя. И далеко не случайно она совпала с активизацией Советского Союза на международной арене, со становившимся все тверже противостоянием агрессивным действиям Германии.

24 марта, явно стремясь облегчить Турции переход к более тесному военному сотрудничеству с Грецией и Югославией, советское правительство гарантировало Анкаре «полное понимание и нейтралитет СССР» в случае нападения на нее[218]. И почти сразу же после этого Кремль впервые бросил открытый вызов Германии, использовав как повод перемены, которые произошли в Белграде. Там 27 марта группа офицеров ВВС во главе с генералом Душаном Симичем, полная решимости сопротивляться немцам, совершила переворот. Отстранила принца-регента Павла и премьер-министра Д. Цветковича, подписавшего накануне протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Восемь дней спустя делегация нового белградского руководства прибыла в Москву и поздно вечером 5 апреля подписала договор с Советским Союзом о дружбе и ненападении. В соответствии с ним стороны обязались «воздерживаться от всякого нападения в отношении друг друга и уважать независимость, суверенные права и территориальную целостность СССР и Югославии». В случае же нападения на одну из сторон, другая обязывалась «соблюдать политику дружеского отношения к ней»[219]. Мало того, сразу же после подписания договора, Сталин приступил к обсуждению с послом Гавриловичем вопросов военных поставок Югославии. А 13 апреля, воспользовавшись остановкой в Москве следовавшего из Берлина на родину министра иностранных дел Японии Иосуке Мацуока, Советский Союз добился подписания советско-японского пакта о нейтралитете[220]. Устранил тем самым для себя вероятность войны на два фронта.

Так Кремль все больше и больше дистанцировался от того подхода к решению международных вопросов, который лег в основу советско-германского пакта, все убедительнее демонстрировал новые принципы своей внешней политики, готовность к борьбе с нацистской агрессией. К сожалению, весной 1941 года все эти усилия оказались напрасными. На рассвете 6 апреля части вермахта вторглись в пределы Греции и Югославии. Оставленные Великобританией на произвол судьбы, обе балканские страны почти сразу же прекратили сопротивление. 17 апреля акт о капитуляции подписала Югославия, а 24 — Греция. Британские, австралийские и новозеландские войска, практически так и не встретившиеся с противником на поле сражения, были спешно эвакуированы на Крит, а месяц спустя — в Египет.

Несмотря на столь стремительно и явно к худшему развивавшиеся события, Кремль все же в очередной раз пошел на то, чтобы продемонстрировать свою новую позицию. 12 апреля Вышинский пригласил венгерского посла Криштофи и заявил ему: «советское правительство не может одобрить» того, что «Венгрия начала войну против Югославии»[221]. Не могло оставаться и тени сомнения — неодобрение в равной, если не в большей степени относится и к инициатору агрессии, Германии. Но Лондон снова не понял или не захотел понять сигнал,

поданный ему Москвою. Его в те недели больше беспокоила глобальная стратегия, и прежде всего положение на Ближнем Востоке, ставшее опасным для интересов Британской империи.

В апреле африканский корпус генерала Роммеля развил успешное наступление в Киренаике и вскоре вышел к египетской границе. Одновременно достаточно серьезная угроза возникла и к востоку от Суэца. Иракская армия по приказу пришедшего к власти 3 апреля пронацистски настроенного премьера Рашида Али начала боевые действия против британских сил, расположенных на авиабазе Хаббания. В случае успеха Рашида Али Германия могла, не прибегая практически к силе, установить контроль над одним из важнейших нефтедобывающих районов мира. Мало того, все еще медлившие с окончательным решением вишистская Франция со своими североафриканскими и ближневосточными колониями, Португалия, Испания, а возможно и Турция, Иран непременно примкнули бы к Тройственному пакту. Предрешили бы исход Второй мировой войны.

Тем не менее Лондон продолжал пренебрежительно относиться к потенциальным возможностям союза с Москвой. 18 апреля Стаффорд Криппс вручил Вышинскому довольно странную по замыслу и целям памятную записку своего МИДа. В ней откровенно признавалось: «Сохранение неприкосновенности Советского Союза не представляет собой прямого интереса для правительства Великобритании», хотя и оговаривалось, что если Германия нападет на СССР, «правительство Великобритании, исходя из **собственных** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) интересов, стремилось бы… оказать содействие Советскому Союзу в его борьбе». Вместе с тем записка не оставляла сомнений в том, что Лондон может и отказаться от проводимой политики вооруженной конфронтации: «Определенным кругам в Великобритании могла бы улыбнуться идея о заключении сделки на предмет окончания войны…»[222].

Столь двусмысленная позиция страны, последней, в одиночестве продолжавшей борьбу с Германией, вынуждала Кремль внешне придерживаться, как и США, изоляционизма. Продолжать прежнюю тактику балансирования, призванную добиться лишь одного — максимальной отсрочки вступления в войну. К тому советское руководство подталкивала еще и та противоречивая информация, которая поступала по линии как разведывательного управления НКО, так и первого управления НКГБ. Поначалу, с февраля, она однозначно свидетельствовала о том, что Гитлер решил напасть на СССР в ближайшие месяцы. Однако с конца апреля стали появляться и иные сведения. О том, что Германия, мол, отказалась от применения силы и попытается получить от Советского Союза необходимые ей сырье и продовольствие путем давления[223].

Именно эти обстоятельства и обусловили проведение Кремлем своеобразной политики, лишь непосвященным казавшейся странной, непоследовательной. Политики, основой которой несмотря ни на что оставалась защита национальных интересов и вместе с тем непризнание Гитлера победителем. Так, 22 апреля советское правительство заявило Берлину протест в связи с многочисленными фактами нарушений самолетами германских ВВС воздушного пространства СССР[224]. В то же время Москва 3 мая признала правительство Рашида Али, 7 мая предложила персоналу посольств Бельгии и Норвегии (спустя год после оккупации этих стран Германией!) покинуть пределы Советского Союза, а 8 мая прервала отношения с Югославией.

Казалось бы, произошел очередной, и притом крутой поворот во внешней политике. Однако на деле подобные дипломатические шаги оказались всего лишь отвлекающим маневром. Призваны были поддержать за рубежом впечатление якобы сохранявшейся в Кремле неуверенности при оценке международного положения, колебаний при выработке курса. В действительности же у советского руководства больше не оставалось сомнений в том, что война с Германией неминуема, что начнется она весьма скоро. Не оставалось потому сомнений и в том, что настала пора завершить создание военного кабинета.

Бесспорным доказательством сделанного окончательно и бесповоротно выбора стало постановление ПБ, принятое 4 мая, но опубликованное только три дня спустя как указ ПВС

СССР. Последний, как обычно, оказался кратким: освободить В. М. Молотова от обязанностей председателя СНК СССР, на освободившуюся должность назначить И. В. Сталина[225]. Свидетельствовал: первый секретарь ЦК ВКП(б), более восемнадцати лет остававшийся формально как бы в тени, наконец взял лично на себя всю полноту ответственности, к тому же официально, за все последующие действия, предпринимаемые правительством Советского Союза. Более того, совмещение в одном лице высших постов двух реальных ветвей власти лишний раз подчеркивало значимость и момента, и той роли, которую отныне призваны играть чисто государственные структуры. Демонстрировало тем самым очередное возобладание, хотя далеко не упрочившейся, не ставшей необратимой, тенденции отрешения партии от решения вопросов экономики.

Текст самого постановления ПБ[226], на долгие десятилетия оставшегося секретным, был не только пространным, но и предельно конкретным. Содержал уже в своем названии — «Об усилении работы советских центральных и местных органов», прямое указание на неизбежное дальнейшее продолжение и углубление перестройки. Вместе с тем он вносил ясность и в расстановку сил в высшем эшелоне власти, и в понимании того, кто же действительно обладает властью и какой именно.

Постановление гласило: «В целях полной координации работы советских и партийных организаций и безусловного обеспечения единства в их руководящей работе, а также для того, чтобы еще больше поднять авторитет советских органов в современной напряженной обстановке, требующей всемерного усиления работы советских органов в деле обороны страны, Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Назначить тов. Сталина И. В. председателем Совета народных комиссаров СССР.

2. Тов. Молотова В. М. назначить заместителем председателя СНК СССР и руководителем внешней политики СССР, с оставлением его на посту народного комиссара по иностранным делам.

3. Ввиду того, что тов. Сталин, оставаясь по настоянию Политбюро ЦК первым секретарем ЦК ВКП(б), не сможет уделять достаточного времени работе по секретариату ЦК, назначить тов. Жданова А. А. заместителем тов. Сталина по секретариату с освобождением его от обязанности наблюдения за Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

4. Назначить тов. Щербакова А. С. секретарем ЦК ВКП(б) и руководителем Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) с сохранением за ним поста первого секретаря Московского обкома и горкома ВКП(б)».

Сформулированное именно таким образом, объясняемое «напряженной обстановкой», необходимостью «усиления работы в деле обороны», это постановление, но с учетом еще двух, от 21 марта, и дало, наконец, полное представление о завершенной конструкции нового узкого руководства. Вершину его составлял триумвират Сталин — Вознесенский — Жданов. Только они и никто иной оставляли за собою право принимать важнейшие решения, которые должны были определять судьбы страны, ее многомиллионного населения. Становились ясными, конкретными и функции триумвиров. Сталин осуществлял общее руководство, объединял и координировал обе властные структуры. Вознесенский отвечал за состояние всего народного хозяйства и прежде всего — оборонной промышленности, действуя через подчиненный ему БСНК. Жданов возглавил партийный аппарат, направляя его работу с помощью двух основных управлений — кадров и пропаганды.

Столь же очевидным стало и иное — явное понижение положения Молотова и Маленкова, уход их на задний план. Вячеслав Михайлович даже номинально переставал быть вторым лицом в стране, терял ореол ближайшего соратника и сподвижника вождя. Из главы правительства, не войдя в состав БСНК, переместился на уровень одного из теперь пятнадцати зампредов Совнаркома. Изменилось место в партийной иерархии и Георгия Максимилиановича, еще накануне равного по статусу Жданову, а теперь — его подчиненного. Щербаков, напротив,

столь же стремительно, как и Вознесенский, взлетел в табели о рангах. Всего за два с половиной года поднялся в узкое руководство.

Разумеется, столь разительные перемены не могли не привести к возобновлению, усилению борьбы за лидерство, за возвращение прежнего, утраченного места «наверху». Всего через два дня результаты мгновенно обострившегося соперничества, а возможно — и закулисных переговоров, откровенных интриг, вынудили ПБ скорректировать постановление от 21 марта, утвердив новый состав БСНК. Помимо прежних членов — Вознесенского, Микояна, Булганина, Берия, Кагановича, Андреева, 7 мая в него включили еще Мехлиса и, что явилось более показательным, Молотова[227]. Следовательно, Вячеслав Михайлович вновь сумел избежать опалы и, быть может, окончательного устранения из властных структур. Но и на том переформирование БСНК, и вместе с тем утрата им исключительности, значимости, не закончилась. 15 мая в него ввели Ворошилова и Шверника, 30 мая — Жданова и Маленкова[228].

Из-за столь очевидной многочисленности — двенадцать человек! — БСНК неизбежно должен был потерять то, ради чего и создавался: возможность оперативно реагировать на происходящее; принимать решения без непростительных отныне, в экстремальных условиях, тем более в случае начала войны, промедлений, просчетов, ошибок. Немало осложнений вместе с тем внесло и появление в военном кабинете тех, кто прежде не имел никакого отношения к специфической, давно устоявшейся деятельности Совнаркома — председателя ВЦСПС Шверника, секретарей ЦК Жданова, Маленкова.

Несомненно, побудительной причиной стремительного перехода в БСНК практически всего ПБ (исключение в силу своего положения составили лишь Калинин, Хрущев, Щербаков) послужила новая должность Сталина. Уже в силу только этого БСНК чуть ли не автоматически превратился в главный властный орган. Оказался естественным центром притяжения для людей, боявшихся лишиться места в узком руководстве, определявшемся, помимо прочего, и обладанием соответствующего поста. Но как бы то ни было, сложившаяся весьма непростая ситуация потребовала незамедлительного разрешения. И оно было найдено.

Стремясь вернуть себе изначальную роль, обрести желаемые, крайне необходимые гибкость и действенность, а для того и место НАД остальными структурами, БСНК весьма оригинально избавился от «пришлых». Собственным решением образовал еще одно управленческое звено. Им стала Комиссия БСНК по текущим делам с председателем Вознесенским, членами Микояном, Булганиным, Кагановичем, Андреевым. Она-то и взяла на себя повседневное в прямом смысле руководство всем народным хозяйством страны. Однако тем самым окончательно спутала все старые и новые иерархические связи, внесла хаос, неразбериху в работу и Совнаркома СССР, и свою собственную.

Те же торопливость, непоследовательность проявились и при реорганизации КО, последовавшей в те же дни. 30 мая без каких-либо объяснений, мотиваций, его преобразовали в Комиссию по военным и военно-морским делам при БСНК. Сохранили прежние задачи, но при новом составе, ради чего, собственно, все и делалось: Сталин (председатель), Вознесенский (заместитель), Ворошилов, Жданов, Маленков. То есть все то же, теперь обязательно сохранявшееся соотношение представители СНК и ЦК. Но 9 июня спохватились, осознав некомпетентность комиссии, в которой отсутствовали главные действующие лица, заказчики. Дополнили ее наркомами Тимошенко и Кузнецовым[229].

Еще более убедительным подтверждением приведения в «боевую готовность» страны и руководства стало единственное в те месяцы публичное выступление Сталина — речь, произнесенная им в Кремле 5 мая на приеме по случаю выпуска слушателей академий Красной Армии[230]. Своеобразное «инаугурационное» заявление, ибо сделано оно было сразу же после вступления в должность председателя Совнаркома СССР.

Обращаясь к командованию Вооруженных Сил, к молодым офицерам, Сталин, используя привычные приемы риторики, не преминул оправдать советско-германский пакт.

Но сделал это как бы мимоходом, и потому недостаточно убедительно. Привел как весомый аргумент якобы справедливости действий вермахта в 1939 году, что выступал он под «лозунгом освобождения от Версаля». Вместе с тем, что было гораздо ближе к истине, признал и неподготовленность в то время Советского Союза к войне. Суть же речи свел к иному. К провозглашению новых отношений с западным соседом. Следующим образом объяснил их: «…Теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом». Пообещал тем самым, что больше не будет компромиссов с Гитлером, соглашений с ним. И заодно уверил собравшихся в неминуемой победе над врагом: «Германская армия не будет иметь успеха под лозунгом захватнической, завоевательной войны».

Сегодня невозможно однозначно понять — кривил душой Сталин или находился во власти самообмана, своеобразной эйфории, порожденной тем, что Рубикон был перейден. Ведь не мог он не знать, что Красная Армия все еще весьма далека от паритетности с вермахтом по вооружению, механизации. Что из запланированных на 1940 год шестисот танков Т-34 с конвейеров сошло только 115, а за последующие месяцы — около тысячи, чего явно было недостаточно[231]. Не лучше обстояло дело и с выпуском тяжелых танков КВ — за год их собрали всего чуть более шестисот, с истребителями ЛаГГ-3, бомбардировщиками Ер-2, Пе-2, Пе-8 (ТБ-7), штурмовиками Ил-2, пистолетами-пулеметами, количество которых отставало от минимальных потребностей в них армии… Несомненно, Сталин знал обо всем, и в то же время не хотел знать о том. И потому ему оставалось только надеяться, что все устроится к лучшему. Что судьба отпустит столь необходимое время для завершения перевооружения.

Самоуспокоенность, благодушие оказались присущими не только Сталину. Только твердая уверенность в том, что в ближайшее время ничего серьезного, неожиданного не произойдет, могла заставить Жданова взять полуторамесячный отпуск и уехать 10 июня в Сочи…[232]

Оптимизм узкого руководства стал остывать сразу же после сенсационного и одновременно загадочного сообщения о полете Гесса в Великобританию. Информации о том, что заместитель Гитлера по партии спустился вечером 10 мая на парашюте близ Глазго, ведет таинственные переговоры с англичанами. В Москве вновь появилась настороженность, подозрительность по отношению к действиям Лондона. Ожил далеко не надуманный страх перед возможностью сепаратного сговора Черчилля с Гитлером, что неминуемо не только ускорило бы начало войны, но и оставило Советский Союз один на один с необычайно сильным противником. Отсюда, без сомнения, и несколько запоздалое, объясняемое скорее всего разделившимися взглядами в узком руководстве, мнение о необходимости нового зондажа, каким и стало известное сообщение ТАСС от 14 июня.

Далеко не случайно оно, поразившее всех, адресовалось в равной степени и к Германии, и к Великобритании. Должно было прежде всего прояснить истинное намерение британского правительства — не собирается ли оно преднамеренно и именно в данный момент столкнуть Германию с Советским Союзом, а само выйти из войны за счет такой сделки. Ответа ни из Берлина, ни из Лондона в течение недели не последовало. Сомнений в том, что война начнется в самые ближайшие дни, больше не оставалось.

Вечером 21 июня, в девятнадцать ноль пять, началось очередное заседание узкого руководства — И. В. Сталина, Н. А. Вознесенского, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, Л. П. Берия, на котором присутствовали также Г. М. Маленков, С. К. Тимошенко и зам. начальника главного управления политпропаганды Красной Армии Ф. Ф. Кузнецов[233]. Так и не придя к общей, однозначной оценке крайне тревожной ситуации, они решили вновь прибегнуть к старому, проверенному средству — дипломатическому зондажу. Поручили Молотову

незамедлительно встретиться с Шуленбургом и попытаться добиться от того хоть какой-нибудь ясности.

Непродолжительная беседа наркома с послом, начавшаяся в половине десятого, подтвердила самые худшие опасения. Вернувшийся в Кремль Молотов смог сообщить лишь одно. На его вопрос, «что послужило причиной нынешнего положения германо-советских отношений», Шуленбург ответа не дал, сославшись на отсутствие у него информации из Берлина. После этого пришлось признать, что выбор уже сделан и пришел черед полагаться на армию.

Еще тремя днями ранее, учитывая возможное развитие событий, ПБ начало исподволь готовиться к ним. Приняло решение преобразовать Прибалтийский, Белорусский и Киевский особые военные округа, зону наиболее вероятных главных ударов вермахта, во фронты — Северо-западный, Западный и Юго-западный. Теперь же, пока дожидались Молотова, в двадцать пятьдесят пригласили Жукова, Буденного, и после консультации с ними сочли необходимым создать еще один фронт, Южный — на втором потенциальном направлении немецкого наступления, а кроме того и Вторую линию обороны. Поручили командование ими И. В. Тюленеву при членах военного совета А. И. Запорожце, Л. 3. Мехлисе и С. М. Буденному с членом военного совета Г. М. Маленковым. После же возвращения Молотова пошли и на крайнюю меру, единственно отвечавшую взрывоопасной обстановке. Дали задание Тимошенко и Жукову отдать приказ о приведении в полную боевую готовность всех частей и соединений в приграничных округах.

В полночь этот документ — «директива № 1» — был готов и направлен по каналам связи Генштаба. Он гласил:

«1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий. 2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения… быть в боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. 3. Приказываю: а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; б) перед рассветом… рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию… в) все части привести в боевую готовность… д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить. Тимошенко. Жуков»[234].

Все возможное, тем самым, было сделано. Дальнейшее зависело только от того, насколько подготовил Генштаб Вооруженные Силы к войне, что и составляло его единственную функцию, от профессионализма, умения командного состава. Словом, лишь от армии, ее выучки, боеспособности. Но армия подвела. Не сумела, как флот, выполнить полученный приказ, использовать остававшееся у нее время. Несмотря на четкое предупреждение, оказалась застигнутой врасплох.

В четыре часа утра 22 июня, с рассветом, на всем протяжении западной границы СССР, вермахт начал вторжение. В ту же минуту Шуленбург, во второй раз за ночь встречавшийся с Молотовым, но теперь — по своей инициативе, зачитал заявление своего правительства о начале войны. А в пять часов сорок пять минут началось второе за сутки заседание узкого руководства.

Первыми к Сталину в Кремль — «на уголок», прибыли Молотов, Берия, Мехлис, Тимошенко и Жуков. Еще не располагая не то что исчерпывающей, а хотя бы сколько-нибудь достоверной информацией о положении на фронте, сделали единственно возможное. Согласовали наиболее отвечающий моменту текст очередной директивы, № 2: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземным войскам границу не переходить». А через полтора часа, с прибытием Маленкова, — Микояна, Кагановича,

Ворошилова и Вышинского, директиву, заверенную как того требовало положение о главвоенсовете Маленковым, срочно направили командующим западными военными округами[235]. Затем занялись не менее важным вопросом — кому и как сообщить населению Советского Союза о войне.

Сталин категорически отказался выступать с обращением, и потому тяжкую и ответственную миссию взял на себя Молотов[236]. Тут же, на заседании, готовя текст выступления, поначалу поддался затаенному чувству старой обиды. Попытался ограничиться лишь тем, что считал своей прямой обязанностью как нарком иностранных дел. Только потом, скорее всего по настоянию других членов узкого руководства, все же вписал и первую фразу речи — «Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление», и последние пять коротких абзацев, имевших чисто пропагандистский характер, взывавших к эмоциям — со слов «Эта война…» до заключительного, сразу же ставшего необычайно популярным, стихийно превратившегося в лозунг призыва: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»[237].

Когда Молотов приехал из Радиокомитета, где выступил в прямом эфире, заседание продолжили. Одобрили указы ПВС СССР «О мобилизации военнообязанных…», «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», «О военном положении», «Об утверждении положения о военных трибуналах…». А после того, в два часа дня, у Сталина собрались одни военачальники — Тимошенко, Кузнецов, Жуков, Шапошников, Кулик, Ватутин. Подытожили полученные сообщения о ходе боевых действий, подготовили третью и последнюю директиву: «На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с госграницей… Тимошенко, Жуков, Маленков».

В первый день войны фактический руководитель СНК СССР Вознесенский, его заместители Булганин и Андреев в заседаниях узкого руководства не участвовали.

Глава девятая

Уже днем 22 июня принципиальные ошибки, допущенные месяц назад при реконструировании властных структур, стали не только слишком очевидными, но и крайне опасными по своим неминуемым последствиям. Созданные на случай экстремальных условий триумвират и БСНК по различным причинам оказались явно неработоспособными. Не только утратили инициативу, но и просто бездействовали именно тогда, когда от принимаемых ими решений буквально зависела судьба страны. И потому, чтобы в столь ответственный момент сохранить возможность воздействовать на положение дел, не потерять окончательно управления, что стало бы катастрофой, ПБ пришлось срочно учредить еще один центральный орган, Ставку главного командования. С ее помощью попытаться вернуть себе руководство, связав воедино решения, относящиеся как к проведению фронтовых операций, так и к обеспечению Вооруженных Сил всем необходимым.

Верхний уровень Ставки — Тимошенко (председатель), Жуков, Сталин, Молотов, Ворошилов, Буденный, Кузнецов — фактически подменил собою, что являлось в сложившихся условиях наиболее целесообразным, прежний состав главвоенсовета. Правда, с одним весьма серьезным изменением. Партию в нем представляли теперь не Жданов и Маленков, а Сталин и Молотов. Второй же уровень, образованный «постоянными советниками», призван был исполнять функции КО — являться посредником между верховным командованием и правительством. Именно потому он включил как военачальников — Шапошникова, Кулика, Мерецкова, Жигарева, Воронова, Ватутина, так и БСНК почти в полном составе — Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса[238].

Своеобразным дополнением Ставки стала образованная через день, 24 июня, еще одна властная структура, ограниченная конкретными рамками поставленных перед нею задач — Совет по эвакуации. Его председателем утвердили Кагановича, заместителями — Косыгина и Шверника, а Членами — замнаркома обороны Шапошникова, замнаркома внутренних дел

Круглова, председателя исполкома Ленсовета Попкова, замнаркома путей сообщения Дубровина и заместителя председателя Госплана Кирпичникова[239].

Принимая столь быстро важные, весьма необходимые решения, узкое руководство не сделало только одного. Не определило взаимоотношения, соподчиненность всех теперь существовавших властных органов, старых и новых — БСНК, Ставки, Совета по эвакуации. Не разграничило их строго по функциям и ответственности по задачам. Видимо, понадеялось, что именно оно, узкое руководство, формально выступающее как ПБ, и окажется тем требующимся, прочным связующим звеном. Объединит всех своим личным присутствием в каждом из них. И потому не только сохранило за собою, но и продолжало — опять же от имени ПБ или СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимать решения уже, казалось бы, находившиеся в компетенции им же созданных чрезвычайных органов, на практике дублируя, подменяя их.

Хотя имелась группа постоянных советников Ставки-членов БСНК, узкое руководство, как бы не доверяя им, продолжало заниматься оборонной промышленностью: вводом в действие мобилизационного плана по боеприпасам, производством грузовиков и вездеходов, артгягачей, танков КВ, Т-34, Т-50, танковых брони и дизелей. И после создания Совета по эвакуации — порядком вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества, вывозом из Москвы драгоценных металлов и камней, Алмазного фонда Оружейной палаты, перебазированием заводов наркомата авиационной промышленности из Ленинграда и Москвы на восток, созданием на Урале и в Сибири новой базы танковой промышленности, переводом из Москвы наркоматов и главных управлений в отдаленные районы[240].

Вместе с тем узкое руководство, не ведая, что творит, ликвидировало фактически собственно Ставку, ее военное ядро. Отчаянно пытаясь спасти положение на фронте, прорванном немецкими войсками на многих направлениях, остановить разраставшееся беспорядочное отступление Красной Армии, оно принимало одно за другим поистине самоубийственные решения. Вечером 22 июня направило Г. К. Жукова на Юго-западный фронт, двумя днями позже К. Е. Ворошилова, Г. И. Кулика и Б. М. Шапошникова — на Западный, а 24 июня, в довершение всего, дало санкцию на арест К. А. Мерецкова. Когда же Жуков возвратился в Москву, из нее тут же командировали С. К. Тимошенко на Западный фронт и Н. Ф. Ватутина — на Северо-западный.

После этого Ставка оказалась парализованной, продолжала существовать лишь на бумаге. Оставшиеся в столице начальник Генштаба Г. К. Жуков, командующий ВВС П. Ф. Жигарев и начальник ПВО Н. Н. Воронов при всем желании просто не могли осуществлять должным образом руководство и работой НКО, и операциями всей действующей армии.

Столь же непоследовательно поступил и член триумвирата, второй секретарь ЦК Жданов. Откровенно пренебрегая обязанностями одного из трех высших руководителей страны, он 24 июня, во время несколько часового пребывания в Москве, настоял на признании того, что для него самым важным является работа в Ленинграде. В городе, которому в те дни пока еще не угрожала прямая опасность.

Сохранить спокойствие и выдержку сумели немногие, в том числе Молотов. Настойчиво делал все возможное для поиска столь необходимых стране союзников. Правда, в том ему в немалой степени помогло два обстоятельства. Прежде всего, та прежняя политика по отношению к Германии, которая и позволила доказать всему миру: Советский Союз стал жертвой ничем не спровоцированной агрессии. И, кроме того, то, что былые подозрения по отношению к Великобритании, к счастью, не оправдались.

Утром 22 июня Уинстон Черчилль выступил по радио с речью, вселившей уверенность — СССР не останется одиноким в своей борьбе. Британский премьер заявил: «Мы окажем России и русскому народу всю помощь, которую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы… Опасность, угрожающая

России, это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара…»[241].

Убежденность Черчилля в возможности быстрого создания широкой антигитлеровской коалиции оказалась вполне обоснованной. Буквально на следующий день исполняющий обязанности государственного секретаря США Самнер Уэллес расценил нападение на Советский Союз как «вероломное», признав вместе с тем, что безопасности Соединенных Штатов будет способствовать «любая борьба против гитлеризма». А 24 июня уже президент Рузвельт выразил готовность оказать СССР «всю возможную помощь». И хотя он оговорился, что пока невозможно еще определить, в какой форме это можно сделать, его администрация тут же объявила о весьма важных решениях. О выдаче генеральной лицензии на расходование тех советских депозитов, которые были заморожены в январе 1940 года в связи с финской кампанией, а также и о том, что по отношению к Советскому Союзу не будут применяться ограничения, предусмотренные актом о нейтралитете[242].

Тем временем союзнические отношения с Великобританией даже до заключения договора начали обретать конкретные черты. 27 июня в Москву возвратился С. Криппс, но не один, а в сопровождении облеченных всеми необходимыми полномочиями миссий — военной и экономической, возглавлявшихся генерал-лейтенантом М. Макфарланом и Л. Кадбюри. Три дня Молотов вел с ними напряженные переговоры, уточняя размеры, детали, сроки широкомасштабной, как намечалось, помощи вооружением, техникой, стратегическим сырьем, способы их доставки. Тогда же, 29 июня, после встречи наркома с послом США Л. Штейнгардтом, аналогичные по содержанию консультации начались и с администрацией Рузвельта.

Однако для того, чтобы все ожидаемые поставки действительно смогли принести пользу Красной Армии, оборонной промышленности, следовало прежде всего тщательно продумать, в чем же действительно нуждается страна, и не только в настоящее время, но и на ближайшее будущее. А для того требовалось срочно навести порядок во властных структурах, органах управления.

Ведь больше не приходилось сомневаться, что страна буквально за неделю оказалась на грани полного поражения помимо прочего и из-за существовавшей системы руководства. Многоликой, многоступенчатой, донельзя запутанной, но остававшейся слишком жесткой и потому сковывавшей любую инициативу исполнителей. Да еще усугубила положение и наглядно проявившаяся неспособность Сталина, Вознесенского и Жданова предвидеть события, заблаговременно принимать верные решения. Мало того, их очевидное теперь широкому руководству настойчивое стремление вообще уклоняться от каких-либо решений. Перекладывать их на других, для чего и создавались, собственно, всевозможные чрезвычайные органы, лишь дезорганизовывавшие работу наркоматов, вносившие в нее и без того царившую там путаницу.

Десятилетний опыт, приобретенный Молотовым на посту главы правительства, бесспорный талант политика подсказали ему единственно возможный выход. Следовало срочно создать новый, принципиально иной и по составу, и по задачам, центральный властный орган. Такой, который подчинил бы себе напрямую не только исполнительные структуры, как это было до образования БСНК, но обе ветви реальной власти — государственную, партийную. Взял бы, и притом совершенно официально, открыто, всю ответственность за судьбу страны, народа, строя.

Задуманное не только выглядело как переворот, но по сути и являлось таковым. Ведь предстояло отстранить от власти либо весьма значительно ограничить в полномочиях не только Вознесенского, Жданова, но и Сталина. Вячеслав Михайлович, как никто иной искушенный в кремлевских закулисных интригах, отлично понимал всю опасность подобного предприятия, знал, что в одиночку ничего сделать не сможет. А потому и решил обязательно

заручиться полной и безусловной поддержкой тех, за кем была реальная сила, кто разделил бы его оценку ситуации, согласился бы с предлагаемыми действиями. И, естественно, разделил бы с ним и власть, и ответственность.

30 июня днем, к себе в кабинет Дома Совнаркома в Кремле, Молотов пригласил Берия, возглавлявшего госбезопасность, и Маленкова, который после отъезда Жданова фактически вновь стал контролировать аппарат партии. Изложил им свое мнение и встретил с их стороны полное понимание и поддержку[243]. Договориться о формальной стороне дела оказалось легко. Над названием нового органа долго не думали, взяли старое, близкое по смыслу — комитет обороны. Лишь добавили, чтобы подчеркнуть не просто его полную самостоятельность, а и абсолютное верховенство, слово «государственный». Не вызвало также споров, разногласий обоснование — «В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу», ни функции — «Сосредоточить всю полноту власти в государстве», «Обязать все партийные, советские, хозяйственные и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны»[244].

Столь же просто, логично определили и состав ГКО. Разумеется, включили в него самих себя, однако не забыли и Сталина, без упоминания которого акция действительно приобрела бы черты откровенного переворота. Внесла бы еще большую сумятицу, усилила бы хаос, обязательно вызвала бы раскол в обществе и не достигла бы потому своей цели. Но чтобы вождь не почувствовал себя ущемленным, одиноким, лишенным опоры, добавили Ворошилова, заведомо зная, что тот не будет играть никакой самостоятельной роли, останется фиктивным членом комитета.

В таком решении не было, как может показаться на первый взгляд, ни властолюбия, ни тщеславия. Молотовым, Берия и Маленковым двигало, без сомнения, иное. Отчаянная решимость, стремление только к одному — спасти страну. Даже некоторая безрассудность. Сумели понять это, принять члены узкого руководства, вызванные к Молотову, которых ознакомили с проектом. Затем, уже все вместе, они отправились в Волынское. На «ближнюю дачу» к Сталину.

Тот не стал противиться, возражать. Согласился со всем, ибо ничто при новой конструкции власти не терял — ни привычной роли высшего руководителя, оставленной ему, ни престижа, так как истину о создании ГКО никто не собирался раскрывать. Сталин только чуть подправил текст. Добавил слова «всех граждан» в последнем пункте, заменил слово «хозяйственные», уже подразумевавшееся предыдущим «советские», на «комсомольские». Последнее должно было подчеркнуть и некую самостоятельность ВЛКСМ, и значимость молодежи, составляющей основную массу призываемых в армию[245].

Но четко, определенно полномочия каждого из членов ГКО письменно фиксировать, закреплять не стали. Просто устно договорились: чисто военные, оперативные вопросы отойдут в ведение Сталина. Молотов же, Маленков и Берия, в дополнение к своим прямым обязанностям, возьмут на себя еще и проведение мобилизации, формирование новых частей, доставку их на фронт, немедленное подчинение всей экономики страны одному — нуждам обороны. Максимальному обеспечению армии и флота вооружением и боеприпасами, продовольствием и обмундированием[246].

Первыми воспользовались обретенной властью Молотов, Маленков и Берия. Сделали прежде всего самое важное, основополагающее по их мнению. На следующий день, 1 июля, провели через Совнарком постановление «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени». Предоставили руководителям ведомств значительную самостоятельность, возможность решать самим многое вопросы, прежде находившиеся в компетенции БСНК. Распоряжаться материальными ресурсами подчиненных им наркоматов — распределять их «между отдельными предприятиями и стройками», а начальникам последних предоставлялась возможность «выдавать из своих ресурсов другом предприятиям необходимые материалы». Отчасти и финансовыми — «перераспределять капиталовложения

по сверхлимитным строительствам», «резервировать… до 5 % от утвержденного фонда зарплаты», «разрешать списание сумм с расчетных счетов подведомственных хозорганов и предприятий», «производить затраты по восстановлению разрушенных военными действиями предприятий и жилищ», «производить списание числящихся на балансе убытков». Наконец, у наркомов появилось и право «допускать частичные отступления от утвержденных проектов и смет», «разрешать пуск в эксплуатацию строящихся предприятий и их отдельных частей»[247].

18 июля действие этого важного постановления, исподволь ломавшего прежнюю жесткую систему управления экономикой, распространили на народных комиссаров РСФСР и УССР[248].

Только потом Молотов, Маленков и Берия наглядно продемонстрировали всем истинные размеры своей власти. Назначили остальных членов узкого руководства, что явилось беспрецедентной мерой, подчеркнувшей откровенно подчиненное положение тех, всего лишь уполномоченными ГКО. По воинским перевозкам — сначала Кагановича, а затем Андреева. По формированию новых частей — Ворошилова, формально члена ГКО. По вооружению и боеприпасам — Вознесенского. По снабжению — Микояна. И новым председателем Совета по эвакуации — Шверника[249].

Серьезность таких назначений усилили еще тремя актами. 3 июля ликвидировали незадолго до того созданные при БСНК комитеты по снабжению армии (председатель Микоян) и по вооружению и боеприпасам (председатель Булганин). 4 июля поручили Вознесенскому, Сабурову, Первухину с привлечением наркомов оборонных отраслей разработку «военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации». 11 июля утвердили новый план эвакуации промышленных предприятий[250].

Той же цели — установлению прямого контроля над промышленностью, послужило и начавшееся уже в июле формирование собственной, неформальной структуры управления ГКО. Она постепенно складывалась из уполномоченных комитета по краям и областям, отдельным предприятиям и отраслям.

…Само по себе создание ГКО, то, что в узком руководстве все же нашлись отчаянные люди, не побоявшиеся в столь критическую минуту разделить высочайшую, но вместе с тем и тяжкую ответственность, наверняка приободрило Сталина. Вывело его, наконец, из прострации, вселило былую уверенность в себе, вернуло твердость духа. Позволило вождю отважиться на то, на что он так и не смог решиться в первый день войны.

3 июля Сталин выступил по радио с обращением к гражданам страны. Нашел в себе мужество признать неудачи на фронте. Признать, что в ближайшее время серьезных перемен не предвидится, отступление будет продолжаться. И потому призвал народ, уходя за Красной Армией на восток, оставлять после себя опустошенную землю. Угонять паровозы, вагоны и скот, вывозить хлеб и ценное имущество. В занятых врагом районах создавать партизанские отряды. Сказал и об известном, понятном каждому, что не нуждалось в лишнем напоминании. О необходимости укреплять тыл, перестраивая всю работу на военный лад, а армии и флоту «отстаивать каждую пядь советской земли».

Снедаемый чувством вины, не преминул Сталин вернуться к тому, что, видимо, мучило его больше всего — к проблеме советско-германского пакта. Вновь, как и 5 мая, сделал попытку оправдать его. Но явно вразрез с данной вначале трезвой оценкой положения на фронте — потерей всего за десять дней территории Литвы, большей части Латвии, западных областей Белоруссии и Украины, заявил: благодаря пакту, Советский Союз получил «возможность подготовки своих сил для отпора». Ну а все неудачи в полном противоречии с элементарной логикой объяснил тем, что война «началась при выгодных условиях для немецких войск».

В конце речи Сталин не смог не упомянуть, но в первый и последний раз в своей жизни, о ГКО, его задачах, целях. И тут же призвал весь народ «сплотиться вокруг партии Ленина-Сталина, вокруг советского правительства»[251]. Из этих слов можно понять, что комитету он не очень доверял. Опасался его.

Спустя неделю Иосиф Виссарионович затеял очередную реорганизацию руководства армии. Преобразовал Ставку главного командования в Ставку верховного командования и несколько изменил ее состав. Теперь сам, как председатель ГКО, возглавил ее, заменил в ней Кузнецова на Шапошникова. Воссоздал Главпур, поставив начальником его Мехлиса. Перестроил систему оперативно-стратегических армейских объединений. Взамен существовавших четырех фронтов — Северного, Западного, Юго-западного и Южного, провел через ГКО приказ о создании трех направлений: Северо-западного, Западного и Юго-западного. А заодно сменил и командование в действующей армии. Назначил главкомами направлений соответственно тех маршалов, в счастливую звезду которых продолжал верить, на кого полностью полагался — Ворошилова, Тимошенко, Буденного. И к ним, членами военных советов — Жданова, Булганина и (с 5 августа) Хрущева.

Такая кадровая перестановка привела к закономерному, ожидаемому. В Ставке, как и две недели назад, осталось только двое профессиональных военных — Жуков и Шапошников. Но теперь подобное решение являлось не шагом отчаяния, а результатом трезвого расчета. Служило необходимой подготовкой для осуществления весьма нелегкого, но крайне важного лично для него, Сталина, замысла — во что бы то ни стало вернуть прежнюю власть, полностью восстановить свой незыблемый авторитет. Продемонстрировать народам Советского Союза, всему миру: он обрел былую энергию, волю. Но сделать это следовало лишь в тех пределах, которые позволяло ему ограниченное положение в ГКО, а осуществить задуманное как можно скорее.

19 июля Сталин без каких-либо объяснений занял пост наркома обороны, за несколько дней практически полностью обновил состав своих заместителей. Ими теперь оказались С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, Л. 3. Мехлис, Е. А. Щаденко, Я. Н. Федоренко, А. В. Хрулев, П. Ф. Жигарев, И. Т. Пересыпкин. Шапошникова же направил начальником штаба Западного направления.

29 июля завершил перетасовку кадров. Шапошникова возвратил в Москву, вновь назначив начальником Генштаба, а Жукову поручил командование резервными армиями Вяземско-Ржевской линии.

8 августа Сталин объявил себя верховным главнокомандующим. С того момента Ставка утратила свою первоначальную роль, фактически превратилась в своеобразный совещательный орган.

Взяв на себя всю ответственность за дальнейшие операции армии и флота, Сталин поначалу вынужден был опереться на довольно незначительный боевой опыт времен Гражданской войны — обороны Царицына, похода на Львов. Потому-то и окружил себя хорошо знакомыми конармейцами — Буденным, Ворошиловым, Хрулевым, Щаденко. Остальным заместителям доверил недостаточно известные ему рода войск — военно-воздушные, автобронетанковые, связь. Не слишком полагаясь на способности, выучку младшего комсостава, еще 16 июля, загодя, восстановил указом ПВС СССР институт военных комиссаров, поставил под их неусыпный контроль командиров рот и батальонов, батарей и артдивизионов.

Однако и такие меры не изменили положения на фронте к лучшему. Армия продолжала отступать. Вела бои уже под Ленинградом, в Смоленске, Запорожье…

Не пренебрег административными решениями и Берия. Правда, в гораздо меньших масштабах и, главное, с иной, прагматической целью. Постарался максимально освободить себя как наркома, чтобы найти больше времени для чисто экономических проблем, прежде всего — увеличения производства танков и самолетов.

13 июля провел решением ГКО назначение генерал-лейтенанта П. А. Артемьева, командира особой дивизии НКВД им. Дзержинского, командующим войсками Московского военного округа[252]. Тем самым предусмотрел весьма возможное — прорыв вермахта к столице, что могло породить панику, хаос, потерю управления. 17 июля преобразовал 3-е, контрразведывательное управление НКГБ в управление особых отделов для «борьбы со шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидации дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе»[253]. Во главе управления поставил В. С. Абакумова и как его первого зама С. Р. Мильштейна, одного из руководителей НКВД при Ежове, вот уже полтора года пребывавшего в должности замнаркома лесной промышленности[254]. А 30 июля Берия добился слияния подведомственных ему НКВД и НКГБ в единый наркомат внутренних дел. Одновременно упростил его структуру, сократив число управлений, восстановив такие, как транспортное и экономическое. Но прежнее руководство сохранил, дополнив его только А. П. Завенягиным, которому было поручено курировать все вопросы, связанные с использованием принудительного труда[255]. А заодно начал принимать все необходимое на случай вынужденного перевода всех высших органов страны в Куйбышев и Уфу. Уже 20 июля направил туда две тысячи сотрудников[256].

В отличие от остальных членов ГКО, Молотову пришлось сосредоточить все усилия главным образом на том, что и представляло, собственно, его прямые обязанности как наркома иностранных дел. На срочном решении жизненно важной задачи — вывода Советского Союза из той изоляции, в которой он пребывал около двух лет, налаживании самых тесных и прочных отношений со всеми странами, ведшими борьбу с Германией.

Первым бесспорным успехом здесь стало соглашение с Великобританией, подписанное в Москве 12 июля. Инициаторами его явились Молотов и Сталин, и предложившие идею такого рода декларации во время встречи с Криппсом 8 июля[257]. Истинным же мотивом появления этого, поворотного для отношений двух держав документа оказалось стремление окончательно развеять прежнюю взаимную подозрительность, боязнь того, что новый партнер не будет бороться до победы. Об опасениях советской стороны уже говорилось выше. То же недоверие, и достаточно долго, сохранялось и у Лондона. И далеко не случайно Черчилль даже 10 июля, адресуясь к военно-морскому министру А. Александеру, писал буквально следующее: «Если бы русские смогли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества. Преждевременный мир, заключенный Россией, явился бы ужасным разочарованием для огромного множества людей в нашей стране»[258]. Именно поэтому соглашение, заложившее краеугольный камень в фундамент антигитлеровской коалиции, содержало лишь два лапидарных обязательства: «оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии» и, более существенное — «ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»[259].

Вслед за тем, с 18 июля по 7 августа, при активном посредничестве посла в Великобритании И. М. Майского, СССР восстановил дипломатические отношения с правительствами стран, ставших жертвами нацистской агрессии — Чехословакией, Югославией, Польшей, Грецией, Норвегией и Бельгией, а вместе с тем и престиж государства. Практически одновременно удалось заключить важные соглашения с Чехословакией и Польшей о формировании из их граждан, находившихся на территории Советского Союза, воинских частей, вооружение и обмундирование которых брала на себя Москва. Правда, при этом пришлось пойти на очень серьезную уступку польской стороне. Официально заявить об отказе от содержания секретных протоколов советско-германского пакта: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу»[260].

Не менее значимыми оказались и действия наркоминдела, предпринятые для обеспечения безопасности южных границ Советского Союза. После неоднократных предупреждений,

сделанных по дипломатическим каналам — 26 июня только Москвой, 19 июля и 16 августа Москвой и Лондоном совместно, — тегеранскому правительству о необходимости «пресечь враждебную деятельность немцев», последовала военная акция. В соответствии с ранее достигнутой договоренностью, советские и британские войска 25 августа вступили на территорию Ирана, заняв всего за двое суток согласованные зоны. Сложившееся стратегическое положение не позволяло отныне Турции даже мыслить о возможном союзе с Германией, превращало Закавказье в тыловой район, создавало возможность беспрепятственного функционирования трансиранской железной дороги как линии поставки в СССР британской и американской помощи.

Тогда же, в августе, через ГКО было проведено столь же серьезное решение — о возобновлении военной помощи Китайской республике самолетами, авиамоторами, запасными частями к ним, боеприпасами, иными материалами через город Кульджу в Синьцзяне[261]. Но так как подобные действия могли быть истолкованы Японией как нарушение пакта о ненападении, поставки приходилось осуществлять тайно.

Второй жизненно важной задачей, столь же успешно решенной Молотовым, явилось развитие всесторонних отношений с Великобританией и США, достижение соглашений с ними о помощи. Той самой, в которой Советский Союз остро нуждался на период, прежде всего, эвакуации предприятий в глубокий тыл, до резкого увеличения мощностей оборонной промышленности, и в первую очередь — танковой, авиационной, боеприпасов.

Начало тому положила британская экономическая миссия Кадбюри, посетившая Москву в конце июня. Однако до поры до времени практический результат ее оставался чисто символическим: прибытие в Архангельск корабля «Аргус» с грузом военных материалов в июле и двух эскадрилий — 40 истребителей «харрикейн» — в первых числах августа[262]. Дело пошло только после подписания Микояном и Криппсом 16 августа в Москве советско-британского соглашения о товарообороте, кредите на 10 млн. фунтов стерлингов и клиринге. А 6 сентября оно было дополнено весьма важным для СССР решением Лондона о поставках на условиях ленд-лиза.

Первый британский конвой, под кодовым названием «Дервиш», состоявший из семи судов с самолетами, танками, каучуком и оловом, вышел из военно-морской базы Скапа-Флоу 21 августа и пришел в Архангельск десять суток спустя[263]. Несколько позже начала действовать и южная, иранская линия коммуникаций.

Значительно труднее оказалось достичь аналогичного соглашения и получить военную помощь от США. Несмотря на твердые заверения в поддержке, сделанные Уэллесом и Рузвельтом, рассмотрение вопроса растянулось на три месяца. Правда, до некоторой степени положение смягчилось после трехдневного визита в Москву, начиная с 30 июля, главного уполномоченного президента по вопросам снабжения Гарри Гопкинса. Во время бесед со Сталиным и Молотовым он затрагивал в равной степени как масштабы и размеры возможных поставок в СССР, так и общеполитическую ситуацию в мире, особенно — ближайшие вероятные действия Японии. Все возраставшая потенциальная угроза интересам США в тихоокеанском регионе, судя по всему, и способствовала тому, что прямым следствием переговоров оказалось продление на год старого, заключенного еще в 1937 году, советско-американского торгового соглашения.

Не удовлетворенный достигнутым, Молотов продолжал настойчиво добиваться иного, более существенного. Используя все возможные средства дипломатии, стремился к намеченной цели: получению долгосрочного кредита в 500 млн. долларов при 3 % годовых, закупкам в пределе этой суммы вооружения и техники. Однако военно-промышленная программа США, предусматривавшая оказание помощи лишь Великобритании и Китаю, пока не позволяла достигнуть желаемого.

Сдвиг наметился только после 24 сентября. В тот день, когда СССР совместно с Великобританией, Польшей, Чехословакией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, Югославией, Грецией, Норвегией и Свободной Францией принял участие в Лондонской межсоюзнической конференции. Более того, объявил о присоединении к Атлантической хартии. «Советское правительство, — отмечалось в декларации, зачитанной А. Е. Богомоловым, послом при союзных правительствах в Лондоне, — выражает свое согласие с основными принципами декларации президента Соединенных Штатов Америки Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля, с принципами, имеющими столь большое значение в современной международной обстановке»[264].

Спустя пять дней, 29 сентября, в Москве открылась еще одна конференция, но уже только трех стран, в коммюнике впервые названных «тремя великими державами». Гарриман, специальный представитель президента США, лорд Бивербрук, министр авиапромышленности Великобритании, и Молотов, как главы полномочных делегаций, наконец окончательно согласовали все вопросы первоочередной помощи Советскому Союзу. Зафиксировали в секретном протоколе и сроки, и размеры поставок: начиная с 10 октября что 400 самолетов, 500 танков ежемесячно; 152 зенитных пушек, 756 противотанковых орудий, 5000 «виллисов» и грузовиков в течение девяти месяцев; сырье — алюминий, олово, никель, каучук; металлорежущие станки, различное промышленное оборудование; пшеница, сахар, какао-бобы, армейское обмундирование; многое иное, столь же необходимое, за то же время[265].

Чтобы обеспечить быструю доставку этих стратегических грузов, советскому руководству, в дополнение к уже действовавшим транспортным коммуникациям — морским на Архангельск и Владивосток, сухопутной через Иран, пришлось создать еще одну, воздушную — «Восточный маршрут». Вскоре он связал Аляску через Уэлен, Анадырь и Якутск с Красноярском[266].

Тогда же новым лидерам удалось завершить, как они полагали, и реконструкцию властных структур, изменившую расстановку сил в узком руководстве. Еще 10 июля вывести из БСНК Булганина, назначив его членом военного совета Западного фронта. А 20 августа решить и судьбу Вознесенского. Принятым в тот день постановлением ГКО его освободили «от всех текущих дел по Совнаркому СССР». Возложили его прежние обязанности на Микояна, Малышева и Первухина. Теперь бывшему триумвиру отводилась весьма скромная роль — ответственного за выполнение промышленных планов производства боеприпасов[267], т. е. куратора всего лишь одного наркомата.

Неожиданное возвышение Микояна, сменившего Вознесенского на посту председателя Комиссии по текущим делам БСНК, объяснялось, вероятнее всего тем, что ему, одному из немногих старых членов ПБ, удалось отлично проявить себя с первых дней войны и как организатора, и как руководителя. И в должности уполномоченного ГКО по вопросам снабжения обозно-вещевым имуществом, продовольствием и горючим, и в Совете по эвакуации. Единственное, что не давало оснований для полного торжества, это то, что новый пост Анастаса Ивановича в весьма значительной степени утратил прежнюю значимость. Впрочем, как и Совнарком в целом, функции которого после 30 июня существенно ограничили. Полностью подчинили решению только тех задач, которые ставились перед ним ГКО, да и то лишь по мобилизации трудоспособного населения для работы вместо призванных в армию, сельскому хозяйству, местной промышленности, торговле, образованию…

Берия и Маленкову пришлось всерьез отрешиться от привычных, хорошо знакомых прежних дел, полностью погрузиться в совершенно незнакомые, узкопрофессиональные проблемы оборонной промышленности. Входить во все детали в целом по отраслям, по отдельным предприятиям, каждому из видов продукции. А для начала заняться и самым насущным, не терпящим ни малейшего отлагательства — эвакуацией и пуском заводов на новых местах, немедленном возобновлении с непрерывным наращиванием производства.

Так, Маленков, ставший со 2 сентября ответственным за «производство танков всех видов»[268], начал с реформирования управленческих структур. Выделил танковую

промышленность, подобно авиационной, в самостоятельное ведомство. Сконцентрировал в нем, подчинив общим, скоординированным задачам и планам, производство брони, моторов и самих машин, прежде разъединенное, плохо взаимосвязанное. Закрепил такое положение, проведя 11 сентября через ПБ, решение о создании этого, пятого по счету, оборонного наркомата во главе с В. А. Малышевым при заместителях И. И. Носенко[269] и А. И. Ефремове. В наркомтяжмаше на две освободившиеся должности замнаркомов назначили С. А. Акопова и Каплуна, а наркомат станкостроения был временно упразднен.

При первом разграничении полномочий между членами ГКО, 29 августа, Берия поручили контролировать «выполнение и перевыполнение планов производства всех видов вооружения»[270]. Но почти сразу же признали невозможным, непосильным для одного человека подобный круг обязанностей, ограничили его наблюдением за выпуском прежде всего самолетов.

Специфика, сложившиеся на протяжении ряда лет особенности авиапромышленности заставили Берия пойти своеобразным путем. Сначала вынести на рассмотрение ГКО и утвердить срочно подготовленный план выпуска продукции, учитывавший размеры неизбежных потерь на фронте. Добиться резкого роста производства уже к концу года: истребителей ЛаГГ-3 — в семь раз, штурмовиков Ил-2 — в шесть раз, истребителей Як-1 и пикирующих бомбардировщиков Пе-2 — в три, что позволило ежемесячно отправлять на фронт в среднем по 1750 боевых машин.

Одновременно, уяснив для себя важность не только количества самолетов, но и их типов, конструкций, способности противостоять люфтваффе в воздухе, Берия принял ставшее тогда же закономерным, даже привычным, решение. Получил 23 сентября от ПБ санкцию на полную реабилитацию — со снятием судимости, возвращением всех государственных наград — А. Н. Туполева и его 14 сотрудников[271], создавших перед тем вскоре запущенные в серию бомбардировщик Ту-2, его модификации Ту-6, Ту-8, Ту-10.

Тогда же, в сентябре, но уже вдвоем, Берия и Маленкову пришлось отвлечься для разрешения иной проблемы, правда, также взятой ими с самого начала на себя. Ускорить формирование новых частей Красной Армии. Они убедили Сталина немедленно заменить на посту начальника главного управления формирований НКО явно оказавшегося неспособным справиться с возложенными на него обязанностями Кулика более решительным, даже жестким Щаденко[272]. Через четыре дня, когда кадровый вопрос удалось спокойно разрешить, участвовали в проведении второй общей мобилизации — военнообязанных 1890–1904 и 1922–1923 годов рождения, срочном комплектовании 85 стрелковых и 25 кавалерийских дивизий, тут же отправленных на фронт. Благодаря тому, что общую численность армии удалось довести до 7,4 млн. человек, а поставки оружия и военной техники сделать не только постоянными, но и все возраставшими, активно способствовали формированию 50-тысячных воздушно-десантных войск — с 10 сентября, и 44 танковых бригад — с 13 сентября[273].

В те тяжелейшие для Советского Союза недели, лидерам ГКО пришлось вмешаться и в то, что являлось, собственно, исключительной компетенцией Сталина. Принять, хотя и кратковременно, непосредственное участие в организации обороны Ленинграда, которую с 10 июля возглавляли Ворошилов как главнокомандующий и Жданов как член военного совета Северо-западного направления.

Климент Ефремович и Андрей Александрович, располагая более чем полумиллионными силами Северного, Северо-западного фронтов, Балтийского флота, не сумели предотвратить опаснейший прорыв немецких войск. 21 августа части вермахта перерезали Октябрьскую железную дорогу, заняв Чудово, 30 августа замкнули кольцо блокады, окончательно лишили город связи со страной, захватив станцию Мга и выйдя к Неве и Ладоге.

Еще 26 августа, предвосхищая развитие событий и как бы заранее смиряясь со сдачей города, Жданов направил в Москву телеграмму, которую нельзя было не расценить как

паническую. В ней содержалась настойчивая просьба разрешить немедленную эвакуацию самых крупных оборонных предприятий Ленинграда — Кировского и Ижорского заводов, переведенных на выпуск танков. ГКО, на всякий случай дав предварительное согласие на такую крайнюю акцию, в тот же день направило в осажденный город Молотова и Маленкова. А вместе с ними А. Н. Косыгина, призванного рассмотреть вопросы снабжения населения и личного состава воинских частей продовольствием в сложившихся условиях, наркома военно-морского флота Н. Г. Кузнецова и начальника артиллерии Красной Армии Н. Н. Воронова для уточнения истинного положения на Фронте.

Ознакомившись с состоянием дел на месте, члены ГКО не согласились с мнением Жданова. Решительно поддержали его оппонента А. А. Кузнецова, второго секретаря Ленинградского обкома и горкома партии, считавшего не только необходимым, но и возможным отражение натиска врага. Двое суток спустя, 28 августа, сразу после возвращения Молотова и Маленкова в Москву, ГКО категорически отвергло собственное, данное ранее, согласие на эвакуацию заводов[274].

И все же неуверенность в себе, даже страх перед будущим, вновь обуявшие Сталина из-за резко ухудшившейся обстановки в районе Одессы, Киева, под Москвой, вскоре заставили ГКО внести серьезные коррективы в принятое, как казалось, окончательное решение. Направить 13 сентября замнаркома внутренних дел В. Н. Меркулова в Ленинград для подготовки совместно с противником намеченных мер — А. А. Кузнецовым «взрыва и уничтожения предприятий, важнейших сооружений и мостов на случай вынужденного отхода наших войск»[275]. Тогда же, но лично Сталиным был отдан приказ и о минировании кораблей Балтийского флота[276]. Наконец, 4 октября — признали необходимым приступить к эвакуации заводов, только теперь не двух, а трех — Кировского, Ижорского и № 174, что полностью осуществить не удалось.

Преодолевая пессимизм, чувство бесперспективности дальнейшей обороны Ленинграда, охватывавших многих членов узкого руководства, но главное — Сталина, лидерам ГКО все же удалось добиться решений и прямо противоположного характера. Об отзыве Ворошилова, вновь продемонстрировавшего вопиющую бездарность полководца, в распоряжение НКО. О назначении — 8 сентября — командующим Ленинградским фронтом Жукова[277]. О направлении в блокированный город наркома торговли РСФСР Д. В. Павлова уполномоченным ГКО[278] для безотлагательного налаживания максимально возможного и желательно бесперебойного снабжения осажденных продовольствием.

И хотя снять блокаду или прорвать ее ни тогда, осенью 1941 года, ни много позже Красная Армия так и не смогла, но немцев остановила. Символ Октябрьской революции врагу не сдала. Но на том результаты поездки Молотова и Маленкова в Ленинград не ограничились. Вмешавшись в организацию его обороны, они невольно восстановили Жданова и против себя, и против Кузнецова, что проявилось, и притом с весьма серьезными последствиями, много лет спустя.

Глава десятая

К концу сентября части вермахта захватили всю Прибалтику и Белоруссию, почти всю Украину, Крым кроме Севастополя и Керчи. Вплотную приблизились к Вяземско-Ржевской линии обороны, последнему заслону на пути к советской столице. 2 октября, когда Гитлер объявил об «окончательном» наступлении на Москву, германские армии уже начали прорыв с юга на Тулу, с севера на Калинин, в центре на Можайск. Намеревались, взяв город в клещи, принудить его к капитуляции. Завершить на том и восточный поход, и войну с СССР.

Критичность ситуации, ощущение всеми, даже населением, неминуемого приближения катастрофы требовали решительных, радикальных мер. Возможно, с кадровыми перестановками на самом высшем уровне. Именно поэтому 2 октября члены ПБ согласились с необходимостью созвать 10 октября Пленум ЦК. Определили и повестку дня: «1. Военное

положение нашей страны. 2. Партийная и государственная работа для обороны страны». Однако неделю спустя они отказались от задуманного. Еще одно решение по тому же вопросу гласило: «Ввиду создавшегося недавно тревожного положения на фронтах и нецелесообразности отвлечения с фронтов руководящих товарищей, Политбюро ЦК постановляет отложить Пленум на месяц»[279]. Но следует ли сегодня принимать подобное объяснение за истинное, единственное?

Действительно, для всех первым несомненным признаком ухудшения положения под Москвой стали утренние и вечерние сводки Совинформбюро, сообщавшие с 7 октября об ожесточенных боях на «Вяземском и Брянском направлениях». О том же свидетельствовала и передовая статья «Правды» за 9 октября, призывавшая страну «мобилизовать все силы на отпор врагу». И уж совершенно однозначным признаком назревшей страшной развязки стало строительство с 12 октября уличных баррикад в столице.

Именно тогда, 8 октября, настоящая паника охватила и узкое руководство. В тот самый день, почему, собственно, и отсрочили созыв Пленума, «в связи с создавшейся обстановкой», ГКО «для проведения специальных мероприятий по предприятиям г. Москвы и Московской области», другими словами — для минирования, как это уже было с Ленинградом, образовал специальную «пятерку» (так в тексте. — *Ю. Ж*). Ввел в нее замнаркома внутренних дел И. А. Серова, начальника управления НКВД по Москве М. И. Журавлева, секретарей МГК Г. М. Попова и Б. Н. Черноусова, начальника главного военно-инженерного управления НКО Л. З. Котляра. Во всех районах образовал «тройки», сформированные в тех же самых целях и по аналогичному принципу[280].

А 15 октября ГКО пришлось принять еще одно, логически вытекающее из предыдущего, решение. То, которое служило гарантией для власти от любых неожиданностей, особенно вполне предсказуемых — «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»[281]. Разумеется, за столь широковещательным, выспренним названием крылась весьма простая и конкретная акция — срочная отправка на восток только высших органов законодательных и исполнительных структур Советского Союза и Российской федерации — президиумов верховных советов, совнаркомов. В тот же день начался их поспешный, если не сказать панический, отъезд в Куйбышев.

Однако, несмотря на оцениваемое как почти безвыходное положение, отчаянные действия узкого руководства, Сталину удалось сохранить присутствие духа. На этот раз, в отличие от 22 июня, он не поддался страху, не растерялся. Он должен был отлично понимать, что сдачу Москвы немцам ни при каких условиях допустить никак нельзя. Это непременно привело бы к окончательной утрате престижа и страны, и правительства, и лично Сталина в глазах всего мира — и противников, и союзников. Вместе с тем ему приходилось считаться и с иным. С таящейся в пока только отложенном Пленуме потенциальной угрозе для себя. Ведь в случае столь непоправимого, как потеря столицы, ему могли больше не простить столь неумелого руководства. И потому Иосифу Виссарионовичу приходилось рассматривать оба решения ГКО не только как естественную, необходимую предосторожность, но и как последнее предупреждение.

Начиная с 10 октября, когда из Ленинграда для командования обороной Москвы отозвали Жукова, так и не сумевшего прорвать блокаду, Сталин сосредоточился на главном — подготовке крупного, широкомасштабного контрнаступления Красной Армии по всей линии фронта, от Балтики до Черного моря. Но сумел использовать явно невыгодные для себя обстоятельства и для иного. Для того, чтобы насколько возможно ослабить значимость ГКО, свою зависимость от него, освободиться от той роли, которую ему навязали, вернуть былое всевластие и величие. И для того провел 25 октября, но уже через ПБ совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), свидетельствовавшее не только о его готовности продолжать борьбу, чтобы ни случилось. Подчеркивавшее вместе с тем временный, чрезвычайный характер ГКО, ограниченность его функций и одновременно то, что основным,

постоянным, главное — конституционным органом власти остается Совнарком СССР, в котором он, и никто иной, является главою. Непререкаемым.

Постановление как бы разделило страну на две оперативные зоны: прифронтовую и тыловую. Поручило первому заместителю председателя СНК СССР Вознесенскому «представлять в Куйбышеве Совет народных комиссаров СССР, руководить работой эвакуированных на восток наркоматов, и прежде всего наркоматов авиапром, танкопром, вооружения, черной металлургии, боеприпасов»[282]. Такая формулировка возвращала почти безраздельный контроль за базисными в условиях войны отраслями Вознесенскому, делала его полным хозяином положения на огромных пространствах от Волги до Тихого океана. А особую значимость документа подчеркивало официальное предуведомление: «К сведению и **руководству** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) наркоматов»[283].

Одновременно и опять же ПБ приняло еще одно решение, оформленное как постановление СНК, которое на этот раз должно было несколько ограничить властные полномочия уже не всего ГКО, а только Маленкова, его ставшей почти абсолютной власть в аппарате партии. «Разрешить, — отмечалось в документе, — секретарю ЦК ВКП(б) тов. Андрееву, находящемуся в Куйбышеве, давать указания и распоряжения от имени ЦК ВКП(б) обкомам Поволжья, Урала, Средней Азии, Сибири по вопросам организации промышленности в связи с эвакуацией и иметь контакт с Вознесенским»[284]. Несколько позже, 10 ноября, аналогичные действия были предприняты и по отношению к Молотову. Снова через ПБ и СНК было проведено назначение заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвинова[285]. Человека, вынужденного за два года до того уступить свой пост Вячеславу Михайловичу и потому вряд ли испытывавшему к тому добрые чувства.

Восстановив отчасти таким образом свои прежние позиции в узком руководстве, Сталин сделал следующий ход. Уверившись в возможности Красной Армии в ближайшее время изменить положение на фронтах к лучшему, дважды выступил с публичными речами, незамедлительно вернувшими ему прежнее непоколебимое доверие народа. 6 ноября, на станции метро «Маяковская», по случаю годовщины Октябрьской революции, и 7 ноября — на Красной площади, перед участниками военного парада, что уже само по себе имело гигантское моральное значение.

В пространном, серьезном и тщательно продуманном докладе, прочитанном 6 ноября, Сталин привычно использовал пропагандистские стереотипы, черно-белые схемы для сравнительной характеристики вермахта и Красной Армии, немцев и советских людей. Но сделал это как бы между прочим. Основное же внимание уделил тому, что считал наиболее важным — развитию тех положений, которые были порождены духом XVIII съезда партии: подчеркиванию приоритетов национальных, государственных интересов перед классовыми, интернациональными.

Сталин настойчиво разъяснял, что войну следует считать «освободительной», ведущейся с «немецкими империалистами». А в заключение не просто выделил, а подчеркнул мысль о том, что борьбу с германскими армиями ведет «великая русская нация… Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова». Совсем не случайно, а намеренно включил Ленина в общий ряд, да еще не поставив, как обычно, на первое место. После того уже не был удивительным и призыв «истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов». Но будучи прагматиком, Сталин не смог ограничиться лишь такого рода новациями. Не забыл и то, на чем долгие годы зиждилась прежняя традиционная идеология. Обосновал провал блицкрига нерушимой дружбой народов Советского Союза, устоявшей в дни великих испытаний; советским строем, оказавшимся «наиболее прочным» из всех существующих; силой Красной Армии.

Вместе с тем, откровенно делая реверанс западным союзникам, выделил как первое по значимости условие неминуемого разгрома Германии, образование антигитлеровской коалиции, а также и то, что немцы сами заставили себя рассматривать как «врагов демократических свобод».

И заодно не смог не помянуть то, что, судя по всему, продолжало его мучить больше всего. Бегло вспомнил о несправедливости условий Версальского мира. Попрекнул, правда не называя по фамилиям, Молотова, Берия и Маленкова, адресуясь тем самым к немногим, понявшим его — к членам узкого руководства, в неудачах первых четырех месяцев войны. Они, мол, проистекали из-за нехватки танков, самолетов, средств борьбы с танками[286].

Речь на Красной площади, произнесенная несколькими часами позже, чисто лозунговая по форме, свелась к повтору все того же. Единственное, что отличило ее от предыдущей, так это усиление противоречивости, двусмысленности сделанных одновременно, стоящих рядом призывов. Нового: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова», и старого, привычного — «Пусть осеняет вас победоносное знамя великого Ленина»[287].

Столь откровенно возвеличивая ТОЛЬКО русский народ, прославляя, делая пока единственным образцом для подражания, символом неминуемых грядущих побед ТОЛЬКО русских полководцев, да притом исключительно дореволюционной эпохи, Сталин ступил на весьма зыбкую почву. Оказался за гранью дозволенного марксизмом, официальной, никем не отмененной, не подправленной идеологической доктрины партии, два десятилетия кряду порочившей именно этих князей, этих спасителей царизма, строителей империи. Стал рьяным проповедником именно того, что так недавно сам же объявлял самым страшным злом — великодержавного шовинизма. А вскоре пошел еще дальше, приступив к формированию национальных частей в составе Красной Армии.

Начало тому положила просьба ЦК компартии Латвии, рассмотренная и одобренная ГКО еще 3 августа — о создании латышской стрелковой дивизии[288]. Но тогда далеко не ординарное решение являлось скорее попыткой возродить героический, романтический дух революции, светлую память о самой надежной опоре советской власти — о латышских красных стрелках. Последовавшие же вслед за тем действия аналогичного характера объяснялись совершенно иными, более прозаическими причинами.

Уже по собственной инициативе, 13 ноября ГКО приступило к формированию значительных по количеству и численности личного состава национальных войсковых соединений. Башкирских — двух кавдивизий, туркменских — двух кавдивизий и двух отдельных стрелковых бригад, узбекских — пяти кавдивизий и девяти отдельных стрелковых бригад, таджикских — одной кавдивизий, казахских — двух кавдивизий и двух отдельных стрелковых бригад, калмыцких — двух кавдивизий, киргизских — трех кавдивизий, чечено-ингушских — двух кавполков, кабардино-балкарских — двух кавполков. А 18 декабря — еще литовской и эстонской стрелковых дивизий[289].

Здесь невольно бросается в глаза ярко выраженная особенность, своеобразие при создании национальных формирований. Среди них отсутствовали белорусские, украинские, закавказские части. И именно это обстоятельство раскрывает подлинную причину данного решения. Отдельные, из призывников некоторых союзных и автономных республик, воинские части комплектовались в тех случаях, когда новобранцы не владели русским языком. Не могли быть потому влиты в любые соединения Красной Армии. А времени для ликбеза, обучения, как в 1940 году, даже ускоренного, просто не было. Не было времени для обучения полуграмотных призывников и владению техникой.

Тогда же Сталин использовал сложившееся положение и для того, чтобы развить, усилить потаенную сущность постановлений от 25 октября. Дополнил их еще двумя, вроде бы

незначительными, имевшими частный характер. 6 ноября, в очередной раз ревизуя решения XVIII съезда, высший орган ВКП(б) объявил о воссоздании политотделов в МТС и совхозах, мотивируя его условиями военного времени. Месяц спустя, 10 декабря, признал необходимым по тем же причинам ввести должность секретаря по торговле и общественному питанию в горкомах, обкомах, крайкомах и ЦК компартий союзных республик[290]. Тем самым, незаметно была образована параллельная общей система обособленных партийных структур, подчиненных исключительно одному из членов ПБ, курировавшему соответствующее ведомство. Сталину — в НКО и НКВМФ, Андрееву — в наркомземе и наркомсовхозе, Микояну — в наркомвнешторге и наркомторге, Кагановичу — прежние, сохранявшиеся несмотря ни на что, в НКПС, наркомморфлоте, наркомречфлоте. Все это еще более сузило и без того уже несколько ограниченную сферу контроля и ответственности Маленкова, в значительной степени уменьшило его реальные властные полномочия.

Но за «аппаратными играми» не забыл Сталин и главного. Того, что было его последним шансом — о необходимости разработать и осуществить широкомасштабное, обязательно успешное контрнаступление по всему фронту. Коренным образом изменить ход войны. Для этого было намечено три главных направления стратегических ударов: в районе Тихвина — для снятия или хотя бы прорыва блокады Ленинграда, Ростова-на-Дону — для освобождения Донбасса, выхода к Перекопу и далее в Крым, чтобы деблокировать мужественно сопротивлявшийся Севастополь, Москвы — для спасения столицы.

Тщательно разработанные в Генштабе операции начались 10 ноября под Тихвином, 17 ноября — под Ростовом, 5 декабря под Москвою. Однако, несмотря на успешное начало всех их, поставленной цели ни на севере, ни на юге достичь не удалось. Полный и несомненный успех сопутствовал только в Московской битве. Силам Калининского, Западного и правого крыла Юго-западного фронтов под командованием И. С. Конева, Г. К. Жукова и С. К. Тимошенко (18 декабря его заменил Ф. Я. Костенко).

9 декабря они освободили Рогачев, 11 — Истру, 12 — Солнечногорск, 15 — Клин, 16 — Калинин, 20 — Волоколамск, отогнав врага на 100–250 км от столицы. Московская битва стала первым крупным поражением германской армии начиная с 1 сентября 1939 года, развеявшим миф о непобедимости вермахта. Стала первым настоящим успехом Красной Армии за полгода войны. Оказала решительное воздействие на морально-политический дух советского народа. Вернула веру в мощь Красной Армии, веру в вождя. И Сталин поспешил воспользоваться идеально сложившейся для него конъюнктурой.

Еще в самый разгар сражений, 14 декабря, когда исход битвы был далеко не ясен, последовало решение ГКО о разминировании столицы[291]. 15 декабря, но уже ПБ — о разрешении «т. Андрееву вместе с аппаратом ЦК ВКП(б), находящемся в Куйбышеве, к 25 декабря 1941 года переехать в Москву»[292]. Под новый год в столицу вернулся не только весь состав эвакуированных управлений кадров, пропаганды, но и Вознесенский, что должно было свидетельствовать о завершении им своей экстраординарной миссии. И вот после этого Сталин и получил, наконец, возможность проявить прежнее самовластие, указать лидерам ГКО на их настоящее место.

С этой целью им был нанесен хитрый удар, прямо не осуждавший кого-либо из них, но вместе с тем до некоторой степени дискредитировавший их работу в области оборонной промышленности, ставивший ее результативность под сомнение. 14 декабря ГКО приняло весьма расплывчатое, странное по содержанию постановление, поименованное еще более абстрактно — «Вопросы НКАП»[293]. В нем отмечалось:

«Ввиду того, что нарком авиапромышленности стал работать в последнее время из рук вон плохо, провалил все планы производства и выдачи самолетов и моторов и подвел таким образом страну и Красную Армию, Государственный комитет обороны постановляет: 1. Поставить наркомат авиапромышленности под контроль членов Государственного комитета обороны тт. Берия и Маленкова, обязав этих товарищей принять все необходимые срочные

меры для развертывания производства самолетов… 2. Обязать наркома авиапромышленности и его заместителей беспрекословно выполнять все указания тт. Берия и Маленкова…».

В чем же таился скрытный смысл документа, в чем заключалась прямо не высказанная угроза? Да в том, что Берия и Маленков и без того уже отвечали за работу НКАП, контролировали выполнение им планов военного времени. Поэтому даже простая констатация того, что нарком А. И. Шахурин не только «провалил» утвержденные планы, но и «подвел» страну и армию, должно было стать недвусмысленным предупреждением Лаврентию Павловичу и Георгию Максимилиановичу. Указанием — вновь появился человек, который всегда сумеет найти недостатки, просчеты и даже ошибки, сможет сурово спросить за них, принять, в случае необходимости, крайние меры. Завуалированность же решения, его внешняя мягкость, некая неопределенность были вынуждены, обусловлены слишком огромным несоответствием результатов работы Берия, Маленкова, с одной стороны, и старых сталинских соратников, Ворошилова, Кагановича — с другой.

Только спустя месяц после того, как Ворошилова отозвали из Ленинграда, сняли с должности главкома Северо-западного направления за слишком очевидный, полный провал порученного дела, ему сумели подыскать такую должность, на которой он не смог бы причинить особого ущерба делу. 9 ноября назначили уполномоченным ГКО по проверке и контролю работы военных советов формировавшихся армий — 10-й, 26-й, 60-й и 61-й. Но так как и тут Климент Ефремович не сумел принести ощутимой пользы, ему поручили контролировать формирование дивизий и бригад в пяти тыловых военных округах — Московском, Приволжском, Уральском, Южноуральском и Среднеазиатском[294].

Несколько иначе поступили с Кагановичем. Принимая во внимание весьма опасную неразбериху, сложившуюся на всех магистралях, 25 декабря ГКО постановил: «Для разгрузки транзитных и всяких иных застрявших надолго грузов на железных дорогах, образовать комитет в составе: Микоян (председатель), Косыгин, Каганович, Вознесенский, Хрулев». Тем же актом Совет эвакуации за теперь уже ненадобностью ликвидировали, а его аппарат передали новому комитету[295].

Но даже такие действия оказались малорезультативными, не способствовали быстрому и коренному улучшению работы железнодорожного транспорта. И потому уже 27 января к Кагановичу первым заместителем по НКПС назначили Андреева[296]. Поставили таким образом во главе одного единственного наркомата сразу двух членов ПБ.

Выводя из-под удара своих клевретов, принуждая их лишний раз осознать себя марионетками, должными заведомо одобрять любые, но только его предложения, Сталин исподволь продолжал наступление против лидеров ГКО. Вернее, их положения в узком руководстве. Для начала, 2 января 1942 года, провел через ПБ, где вновь обрел твердое большинство, совместное постановление ЦК и СНК, которое неожиданно реанимировало фактически бездействующий БСНК. Оно гласило: «Утвердить следующий состав комиссии Бюро СНК СССР по текущим делам: Вознесенский (председатель), Молотов, Микоян, Андреев, Первухин, Косыгин (4 марта состав дополнили еще Шверником. — *Ю. Ж.*). 2. Комиссия решает все текущие вопросы работы Совнаркома СССР и в необходимых случаях вносит свои предложения на утверждение председателя СНК СССР»[297]. Так Сталин смог не только вернуть своему протеже Вознесенскому прежний политический вес, значимость, подчеркнуто поставив его над Молотовым, не включив в комиссию ни Берия, ни Маленкова, но и создал лишь пока небольшой противовес ГКО. Получил возможность, в случае необходимости, маневрировать, используя в собственных интересах наличие уже двух высших органов власти.

Через пять дней Сталин добился еще большего, расширив полномочия воссозданной комиссии, фактически вернул ей былой контроль за деятельностью всех союзных ведомств. Новое постановление, теперь — Совнаркома, установило: «Разрешить организацию в Москве оперативных групп эвакуированных наркоматов, комитетов и главных управлений при

Совнаркоме СССР во главе с наркомом (председателем комитета, начальником управления) или его первым заместителем. Состав оперативных групп в Москве устанавливает Комиссия по текущим делам» БСНК[298].

А вскоре Сталин посчитал, что настало самое подходящее время окончательно и бесповоротно возвратить себе полностью положение неограниченного, единоличного лидера. Возвратить несколько поколебленный престиж непререкаемого общепризнанного вождя. Пришел к мысли, что появилась, наконец, возможность выйти из-под столь тяготившей его опеки, контроля навязанного ему ГКО. Ликвидировать существующую значимость комитета как абсолютного, никакими правовыми или традиционными нормами не связанного, действительно высшего органа власти, сразу и законодательного, и исполнительного. Стоящего над всеми без исключения структурами, в том числе и над партийными, и правительственными. Комитета, члены которого, а следовательно и он, Сталин, сообща несли ответственность за все решения, даже принимаемые каждым из них самостоятельно, без согласования с остальными.

Сталин стремился, в чем не возникает сомнений, низвести ГКО фактически до уровня всего лишь одного из былых хозсоветов СНК СССР — по оборонной промышленности, отрешив ото всех остальных проблем. А для того использовать наиболее знакомый ему, не раз проверенный, блестяще зарекомендовавший себя способ — кадровых перестановок. Изменить состав комитета таким образом, чтобы не просто добиться иной расстановки сил в нем, но и гарантировать во всех случаях, при любых обстоятельствах безусловную поддержку именно своего мнения, располагая для того постоянным перевесом голосов.

3 февраля Иосиф Виссарионович вынес на рассмотрение ПБ, нисколько не сомневаясь в утверждении, предложение: «Пополнить состав Государственного Комитета Обороны двумя заместителями председателя Совнаркома СССР — тт. Микояном А. И. и Вознесенским Н. А.»[299]. Не трудно заметить, что даже в предложенной формулировке проекта, разумеется, тут же принятого, Сталин подчеркнул существующую де-юре подчиненность обоих новых членов ГКО именно себе как главы правительства, сознательно избегая даже упоминания лишний раз казалось более важной своей должности — председателя ГКО. Небезынтересно тут и иное. Первым назвал Микояна, что не могло вызвать ни малейших возражений или сомнений у Молотова, Берия и Маленкова. И лишь вторым — своего незадачливого протеже, первого заместителя по СНК СССР Вознесенского.

Расширение ГКО неизбежно вынудило его членов отрешиться от былого доверия друг к другу, прежней коллегиальности, признания необходимости в экстремальных условиях, когда дорога каждая минута, без каких-либо формальностей заниматься любой выходившей на первый план, приобретавшей решающее значение проблемой. Только теперь, спустя полгода после образования комитета, разделили между собою, да еще и зафиксировав письменно, сферы постоянной деятельности. Первый пункт постановления ГКО от 4 февраля распределил обязанности следующим образом:

«Тов. Молотов В. М. Контроль за выполнением решений ГКО по производству танков и подготовка соответствующих вопросов.

Тт. Маленков Г. М. и Берия Л. П.: а) контроль за выполнением решений ГОКО по производству самолетов и моторов и подготовка соответствующих вопросов; б) контроль за выполнением решений ГОКО по работе ВВС Красной Армии (формирование авиаполков, своевременная их переброска на фронт, оргвопросы и вопросы зарплаты) и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. Маленков Г. М.: Контроль за выполнением решений ГОКО по Штабу минометных частей Ставки верховного главнокомандования и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. Берия Л. П.: Контроль за выполнением решений ГОКО по производству вооружения и минометов и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. Вознесенский Н. А.: а) контроль за выполнением решений ГОКО по производству боеприпасов и подготовка соответствующих вопросов; б) контроль за выполнением решений ГОКО по черной металлургии и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. Микоян А. И.: Контроль за делом снабжения Красной Армии (вещевое, продовольственное, горючее, денежное и артиллерийское) и подготовка соответствующих вопросов.

Подчинить контролю члена ГОКО т. Микояну все органы снабжения НКО по всем видам снабжения и транспортировки. Утвердить заместителем члена ГОКО т. Микояна по артиллерийскому снабжению тов. Яковлева»[300].

Словом, постановление практически ничего не меняло в сложившемся положении, сохраняло и за старыми, и за новыми членами ГКО их прежние обязанности. Только поднимало положение в узком руководстве Микояна и Вознесенского, превратив их из уполномоченных, т. е. подчиненных комитета, в равных другим членов. Да еще, что стало самым важным, наиболее примечательным, полностью обошло четкую фиксацию круга дел Сталина. Превратило его таким образом действительно в председателя ГКО, отвечающего как бы за все сразу, становящегося высшим арбитром, призванным лишь направлять остальных, давать им поручения, спрашивать за исполнение, а если потребуется — то и весьма строго.

Одновременно, вторым пунктом того же постановления, была сделана попытка коренным образом изменить саму сущность чрезвычайного, рожденного вполне конкретными, поистине трагическими обстоятельствами, органа. Теперь предусматривалось, что «каждый член ГОКО должен иметь заместителей по контролю выполнения наркомами решений ГОКО по порученной ему отрасли работы»[301]. Словом, комитет попытались превратить в обычный, громоздкий бюрократический механизм со сложной системой иерархической подчиненности и, возможно, встроить его в БСНК, но лишь как часть его.

Та поспешность, с которой Сталин проводил незаметную, неофициальную реорганизацию ГКО, не могла не вызвать решительного сопротивления со стороны инициаторов создания комитета. Стремления, и вполне обоснованного с их точки зрения, прежде всего отстранить Вознесенского от тех вопросов, с которыми он не смог справиться ни до войны, ни после ее начала.

Уже 12 февраля старые члены ГКО сумели настоять на принятии важного для сохранения своего престижа, положения, роли в узком руководстве, решения. «1. В частичное изменение, — отмечало оно, — постановления ГОКО от 4 февраля 1942 года поручить тов. ВОЗНЕСЕНСКОМУ Н. А. контроль за выполнением решений ГОКО по производству черных и цветных металлов, нефти, угля и химикатов и подготовку соответствующих вопросов. 2. Утвердить заместителем члена ГОКО т. Вознесенского Н. А. по химической и топливной промышленности т. ПЕРВУХИНА М. Г.»[302]. Не просто отрешили Вознесенского от проблем оборонной промышленности, но и сразу же сузили те новые права, которые предоставили на этот раз. Разделили их, вверив фактический контроль за работой четырех наркоматов Первухину.

А два дня спустя утвердили еще одно, столь же принципиальное решение — об образовании собственного Транспортного комитета, задачи которого определили следующим образом: «а) планирование и регулирование перевозок на железнодорожном, морском и речном транспорте; б) увязка работы всех видов транспорта по перевозкам; в) выработка мероприятий по улучшению материальной базы и по обеспечению указанных видов транспорта новыми транспортными средствами (подвижной состав, путь, связь, погрузочно-разгрузочные средства) и ремонтом…» Председателем комитета утвердили Сталина, тем самым зафиксировав впервые его прямые обязанности, заместителем — Андреева, и без того фактически подменявшего наркома путей сообщения, а членами — Кагановича, Микояна,

Ширшова (наркомморфлот), Шашкова (наркомречфлот), Хрулева, Ковалева, Карпоносова (НКО) и Ковалева (НКПС)[303].

Наконец, 16 февраля, учитывая ставшую явной перегрузку Берия, еще раз скорректировали распределение обязанностей между членами ГКО. Возложили на Маленкова контроль за производством самолетов и моторов, за формированием частей ВВС, оставив за Лаврентием Павловичем ответственность за работу наркоматов минометного вооружения и боеприпасов[304].

Теперь настала очередь Сталина реагировать на происходящее. И он почти мгновенно сделал единственно возможный при сложившихся обстоятельствах ход. 20 февраля добился — разумеется, на заседании ПБ, нового расширения ГКО, введения в его состав… Кагановича[305]. Сделал это, прекрасно понимая, что в глазах членов узкого руководства Лазарь Моисеевич давно уже дискредитировал себя. Провалил все, что только ни поручали ему за последние восемь месяцев. Не справился с непосредственной работой наркома путей сообщения, с постом председателя Совета по эвакуации, с должностью уполномоченного ГКО, хотя все это предусматривало ту самую деятельность, которая казалось бы должна быть ему давно и хорошо знакома.

Но на том «аппаратные игры» не прекратились, ибо ни одна из сторон не сумела добиться решающего перевеса, продемонстрировать — кто же победитель: ГКО с Молотовым, Берия и Маленковым, или БСНК со Сталиным и Вознесенским. И потому определяющим, но лишь на период крайне неустойчивого равновесия, явилось старое, не раз проверенное в жестких кремлевских схватках оружие политической борьбы — кадровые перемещения, а вернее, то, что стояло за тем или иным назначением. Здесь решающую роль сыграло положение Маленкова, не только одного из лидеров ГКО, но еще и секретаря ЦК, начальника управления кадров. Только благодаря этому, даже на «чужом поле», в ПБ, удалось укрепить тылы ГКО, подкрепить позиции его инициаторов назначениями на руководящие должности в важнейших для обороны страны наркоматах профессионалов, уже успевших хорошо зарекомендовать себя прежде.

Еще в январе 1942 года, до начала открытой конфронтации, А. И. Леткова заменили на посту наркома электростанций его первым заместителем, Д. Г. Жимериным, а И. И. Носенко, как только миновала надобность, возвратили в наркомсудпром. В феврале, в самый разгар противостояния в узком руководстве, утвердили Б. Л. Ванникова наркомом боеприпасов, не смущаясь его недавним арестом и кратковременным заключением. Во главе наркомморфлота поставили известного океанографа, полярника П. П. Ширшова, а смещенного С. С. Дукельского, партаппаратчика, направили уполномоченным ГКО по производству боеприпасов в Челябинскую область. Воссоздали остро необходимый наркомат станкостроительной промышленности, вернув на прежний пост А. И. Ефремова. М. Г. Первухину, сохранив за ним обязанности зампреда СНК СССР, поручили еще и лично возглавить наркомхимпром, чтобы усилить его самостоятельную роль прежде заместителя Вознесенского по данной отрасли[306].

Однако апогея острейшая борьба в высшем руководстве, напрямую связанная на этот раз не со стремлением к лидерству, а необходимостью сделать все для того, чтобы страна устояла в жесточайшей схватке с пока превосходившим ее по военной технике, по опыту генералитета противником, вышла из войны победителем, достигла только весною. Решающий, как оказалось, удар сумели нанести инициаторы создания ГКО, и удар такой силы, что Сталин неизбежно должен был осознать: дальнейшее сопротивление, упорство на своем окажется губительным для него лично.

1 апреля 1942 года ПБ приняло развернутое постановление по персональному делу: «О работе тов. Ворошилова». В констатирующей части перечислялись многочисленные и страшные по своим последствиям «промахи» за последние два с половиной года ближайшего соратника Сталина, его верного и надежного старого друга. Отмечалось, что еще в период финской кампании «большое неблагополучие и отсталость в руководстве НКО…

неподготовленность НКО к обеспечению успешного развития операций» привели к слишком затянувшимся боям, огромным неоправданным потерям. Что серьезнейшие ошибки допустил маршал и позже, уже на посту главкома Северо-западного направления, результатом которых стала блокада Ленинграда. Что не справился Ворошилов и со следующим, не столь ответственным поручением на Волховском фронте. Словом, продемонстрировал вопиющее несоответствие всем тем должностям, которые ему доверяли.

Однако вынесенное наказание ни в малейшей степени не отвечало предъявленному обвинению. ЦК ВКП(б) постановил: «1. Признать, что тов. Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте. 2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу»[307].

Почему же с Климентом Ефремовичем обошлись столь мягко? Даже несравнимо, скажем, с тем, как поступили с его подчиненным, маршалом Г. И. Куликом — замнаркомом обороны, потом начальником ГАУ НКО, а с августа 1941 года — командующим 54 армией, оборонявшей среди других Ленинград, которого с февраля 1942 года предали суду, лишили наград, понизили в звании до генерал-майора, да и то после долгих колебаний[308]. Обошлись же с Ворошиловым столь мягко по двум причинам. Во-первых, потому, что его, скорее всего, защищал, всячески выгораживал Сталин. Ну а помимо этого члены ГКО не так уж и жаждали крови Климента Ефремовича. Им требовалось не ритуальная жертва, а иное — окончательно вывести маршала из политической игры, используя опалу; лишение его морального права даже высказываться на заседаниях ГКО или ПБ. И продемонстрировать Сталину, что в необходимый момент цепочку от Кулика через Ворошилова всегда можно протянуть и к нему, нарокому обороны и верховному главнокомандующему, обязанному разделять ответственность со своими подчиненными за все промахи, просчеты и ошибки.

За всеми этими драматическими событиями все же не оказалось забытым то главное, ради чего, собственно, и создавали ГКО. Не меньше, а даже больше внимания Молотов, Берия и Маленков уделяли вопросам обороны страны, необходимости удовлетворять все возраставшие потребности собственной армии, численность которой к началу 1942 года возросла до 8,5 млн. человек[309], формированию чехословацкой бригады и двух польских дивизий.

В первые месяцы нового года фактически завершилась эвакуация военных заводов, пуск их на полную мощность. Благодаря тому в январе выпуск самолетов, в основном истребителей ЛаГГ-2, Як-1, Як-7, Ла-5, штурмовиков Ил-2, бомбардировщиков Пе-2, достиг 1039 штук, в феврале — 915, а в марте — 1647[310]. Одновременно приходилось вносить в планы, расчеты и коррективы, порождаемые проверкой техники в бою. Так, план наркомата танкопрома на первый квартал 1942 года предусматривал, что практически половину его продукции составят тяжелые танки КВ, средние Т-34[311]. Но уже в феврале, после первого широкого контрнаступления, пришлось полностью отказаться от выпуска легких танков Т-50, повысив число Т-34 и ограничившись небольшим количеством Т-60, получившим 35-мм броню и 20-мм пушку[312], подготавливая замену вскоре его на Т-70 с 45-мм пушкой.

И все же выпускаемых советской промышленностью самолетов и танков по-прежнему не хватало, а поставки из США и Великобритании неожиданно сократились, и отнюдь не по чьей-либо злой воле.

7 декабря 1941 года Япония обрушила всю мощь своих флота, авиации и армии на американские Гавайи, Филиппины, британские Сингапур и Малайю, нидерландскую Индонезию. На следующий день, выполняя условия Тройственного пакта, Соединенным Штатам войну объявили Германия и Италия. Боевые действия охватили все континенты, все океаны. Это-то и вынудило администрацию Рузвельта временно ограничить помощь СССР и Великобритании, использовать весь свой военный потенциал прежде всего для обороны собственной территории и морских коммуникаций.

Принципиально новая международная обстановка потребовала ускорить подготовку двух договоров — о военной взаимопомощи, о послевоенной организации мира — которые намеревались заключить между собой СССР и Великобритания. С этой целью 15 декабря в Москву прилетел Антони Иден, тут же приступивший к согласованию двух вариантов проекта. Однако позиция участвовавшего в переговорах Сталина, его настойчивое стремление использовать возникшую ситуацию дабы юридически закрепить в договорах границы Советского Союза 1941 года, а также решить вопрос расчленения Германии после ее разгрома, свел усилия дипломатов, в том числе Молотова и Майского, на нет. Иден, опираясь на установки Черчилля и положения Атлантической хартии, отказался вести беседы о сепаратном переделе мира, изменении границ, и прежде всего Польши, первой жертвы германской агрессии[313]. 20 декабря он покинул Москву, так и не достигнув взаимопонимания.

Между тем англо-американская дипломатия сумела добиться весьма ощутимого успеха. 1 января 1942 года в Вашингтоне представители 26 стран, а среди них Рузвельт, Черчилль и незадолго до того назначенный послом в США М. М. Литвинов, провозгласили создание военно-политического союза — Объединенных наций (ОН). Обязались придерживаться принципов Атлантической хартии, вести борьбу с Германией, Италией, Японией и примкнувшими к ним государствами, не заключать сепаратного мира с ними. Кремль вполне устраивало второе и третье, но никак — первое. Утверждение Атлантической хартии, как основы взаимоотношений между союзниками — будущими победителями, препятствовало любой переделке границ. Ведь она начиналась следующим: «США и Великобритания не стремятся к территориальным или иным приобретениям. Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов»[314].

Как неудача, постигшая переговоры с Иденом, так и выраженная официально поддержка сути декларации ОН, вынудили советское руководство срочно изыскивать те обходные пути, которые позволили бы преодолеть столь серьезное препятствие в стремлении сохранить границы СССР 1941 года. 28 января ПБ пришлось срочно образовать «комиссию по подготовке дипломатических материалов». Задача же ей ставилась только одна: найти юридические, исторические, даже этнографические обоснования для того, чтобы убедить союзников признать инкорпорацию прибалтийских республик, Восточной Польши и Бессарабии[315].

И все же самым важным оставалось устранение разногласий с Великобританией для не терпящего отлагательства подписания с нею союзного договора. На достижение этой цели Молотову, Майскому и аппарату НКИД потребовалось пять месяцев.

Глава одиннадцатая

20 мая 1942 года, после завершения длительной черновой работы своего аппарата, Молотов прилетел в Лондон и уже на следующее утро начал переговоры с Черчиллем и Иденом. Двое суток безрезультатно пытался склонить британского премьера к принятию советской, точнее — Сталина, позиции. Пытался Вячеслав Михайлович и сделать все возможное для того, чтобы добиться в ближайшее время открытия второго фронта. Отвлечь с его помощью до сорока германских дивизий, ослабив, тем самым, натиск вермахта на измотанные в непрерывных боях части Красной Армии. Но и в данном вопросе не обрел поддержки. Выход из тупика наметился лишь на третий день, когда решено было отказаться от даже упоминания территориального вопроса. Ограничиться одним договором — о союзе сроком на двадцать лет.

Воспользовавшись отсутствием при переговорах Сталина с его стремлением непременно настоять на своем, даже откровенно невозможном, Молотов сумел добиться основного на тот момент. Во второй половине дня 26 мая, «в атмосфере большой сердечности с обеих сторон», по оценке Черчилля, советско-английский договор «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и сотрудничестве и взаимопомощи после войны» был подписан[316]. Стал, наконец, реальностью.

Окрыленный успехом в Лондоне, Молотов незамедлительно отбыл самолетом в Вашингтон. Там, после менее острых переговоров с Рузвельтом, Гопкинсом и госсекретарем Халлом, практически прошедших без разногласий, подписал еще один союзнический договор, на этот раз с США — «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». Коалиция трех великих держав, зародившаяся на Московской конференции, стала действующим фактором Второй мировой войны.

Однако и в беседах с американцами ничего утешительного о возможности открытия второго фронта в скором времени услышать Молотову не довелось. Поэтому при вторичном посещении Лондона, по дороге на родину, ему пришлось довольствоваться совместным коммюнике, которое ограничилось всего лишь простой констатацией о достижении «договоренности в отношении некоторых задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»[317]. И сделано это было, по признанию Черчилля, только для дезинформации противника, не больше[318]. Правда, Молотову все же удалось добиться подписания еще одного, секретного договора — об обмене между двумя странами военно-технической информацией. Того самого, из-за нарушения которого британской стороной спустя всего три года произошли те самые трагические события, что и определили характер всей послевоенной эпохи.

Единственным членом ГКО (разумеется, без учета Ворошилова), кому пока не сопутствовала удача во всех начинаниях, оказался Сталин. В своем активе он располагал лишь одним — да, бесспорной, убедительной победой под Москвой, но чего явно было недостаточно для решительного перелома хода войны. Положение Иосифа Виссарионовича как наркома обороны и верховного главнокомандующего усугубилось, стало чрезвычайно трудным, сложным, когда вермахт после весенней передышки, объясняемой им распутицей, вновь перешел в наступление. Начал, как несколько позже объяснил Гитлер, последнюю, заключительную кампанию по разгрому Советского Союза.

8 мая 1942 года немецкие дивизии прорвали фронт в Крыму и вынудили части Красной Армии неделю спустя оставить Керчь, а 2 июля, ввиду полной бесперспективности дальнейшей обороны, и Севастополь.

Пытаясь выправить положение, складывавшееся все более и более неблагоприятно, Сталин дал разрешение на проведение операции в районе Харькова. Она, по замыслу советского командования, в случае успеха могла привести к освобождению Донбасса, снять угрозу, нависшую над Северным Кавказом, позволить попытаться восстановить контроль над Крымом. 12 мая части Юго-западного фронта под командованием С. К. Тимошенко и правого крыла Южного фронта (Р. Я. Малиновский) начали наступление, которое захлебнулось через пять дней. Германская армия, используя свое явное превосходство, не только выдержала натиск, но и сумела перейти в контрнаступление, которое стало стремительно нарастать в двух направлениях: на восток, к Сталинграду и Волге; на юг, чтобы захватить сначала Северный Кавказ, а затем и Закавказье с их нефтепромыслами.

29 мая была уничтожена группировка Красной Армии в районе Харькова, приведшая к страшным потерям — 70 тысяч попавших в плен и 5 тысяч убитых по сводкам Совинформбюро. 6 июля части вермахта заняли Воронеж, выйдя к Дону; 17 июля — Ворошиловград; 23 — Ростов-на-Дону; 8 августа — Майкоп; 9 — Пятигорск; 25 — Моздок, немного не дошли до Грозного. Только здесь, уже в предгорьях Кавказа, их удалось остановить. На другом же направлении немецкого удара сложилась более угрожающая ситуация. 2 августа германские дивизии подошли к окраинам Сталинграда, а 23 августа, обойдя город севернее, вышли на берег Волги. Здесь и началась битва, предопределившая судьбу всей войны.

Только теперь Сталин, наконец, убедился в неспособности слишком многих генералов и маршалов, которыми себя окружал, на которых опирался, которым доверял, но которые проигрывали одно сражение за другим, отступая все дальше на восток, оказались уже на Волге. Потому-то и начал, на этот раз уже не торопясь, с большой осторожностью, очередную смену командования Красной Армии.

Еще 11 мая сместил — по болезни — Б. М. Шапошникова с должности начальника Генштаба, назначив для начала исполняющим обязанности А. М. Василевского[319]. Тогда же, весною, сменил некоторых начальников главных управлений НКО: автотранспортного, в мае утвердив З. И. Кондратьева, а в ноябре — В. Е. Белокоскова[320]; ВВС — А. А. Новикова. Утвердил и своих новых заместителей в НКО: по химической обороне и гвардейским минометным частям — В. В. Аборенкова, по кадрам — А. Д. Румянцева, начальниками Главпура, вместо снятого Л. З. Мехлиса — А. С. Щербакова[321] и Генерального штаба — Василевского, по бронетанковым войскам — Я. Н. Федоренко[322]. Но самым важным, решающим стали назначения Г. К. Жукова; 26 августа — заместителем верховного главнокомандующего Красной Армией и Военно-Морским Флотом, а на следующий день — еще и первым заместителем наркома обороны вместо С. М. Буденного[323].

Несколько позже, уже осенью, произвел замену руководителей тех армейских групп, которым предстояло участвовать в уже разрабатываемой сталинградской операции. В августе назначил командующим Сталинградским фронтом А. И. Еременко, а Северо-кавказским — И. И. Масленникова; в сентябре Донским — К. К. Рокоссовского; в октябре Юго-западным, а в декабре Воронежским — Н. Ф. Ватутина.

Столь же основательные кадровые перетряски затронули и узкое руководство, что в очередной раз изменило расстановку сил в нем и вместе с тем ликвидировало в конце концов то сложное, даже двусмысленное положение, в котором оно оказалось после реанимации БСНК во главе с Вознесенским.

Предвестником надвигавшихся изменений явилось снятие еще 25 марта Кагановича с поста наркома путей сообщения, что, впрочем, можно было ожидать после назначения его всего лишь членом транспортного комитета ГКО. Во главе НКПС утвердили А. В. Хрулева, сохранив за ним должность и заместителя наркома обороны[324]. Только 23 июля Лазарю Моисеевичу сумели подыскать более отвечающий его способностям пост, на котором он даже в самом худшем случае причинил бы наименьший ущерб делу — уполномоченного ЦК и СНК по обеспечению заготовок местных видов топлива. Поручили работу, подотчетную не ГКО, а БСНК. Однако и ее Каганович настолько быстро ухитрился завалить, что уже месяц спустя его пришлось освободить и от этих обязанностей, заменив Косыгиным[325].

Примерно в те же дни, 16 августа, произошло решающее для власти событие. По решению ПБ Молотова, «в отмену постановления от 10 марта 1941 года», вновь назначили первым заместителем председателя СНК «по всем вопросам работы Совнаркома СССР». Более того, 21 августа последовало еще одно решение ПБ, в соответствии с которым Вячеслав Михайлович вдобавок ко всему стал еще и председателем комиссии БСНК по текущим вопросам, а Вознесенский — всего лишь одним из ее шести членов[326]. Тем самым Молотов полностью восстановил свое былое положение второго лица в государстве. Упрочило его прежние права, но как главы наркомата иностранных дел, и решение ПБ от 5 декабря. Оно передало «контроль за визированием советской прессы и радиопередач по вопросам международной жизни и внешней политики из компетенции Советского информбюро», т. е. УПиА в лице секретаря ЦК А. С. Щербакова, «в ведение отдела печати НКИД (как это было до войны)». Поручало внешнеполитическую цензуру члену коллегии наркомата, бывшему послу СССР в США К. А. Уманскому и заведующему отделом печати Н. Г. Пальгунову[327].

О значительном, принципиальном изменении в расстановке сил на вершине власти свидетельствовало и еще одно, только внешне казавшееся не особенно значительным, решение — ГКО от 16 октября. Оно поручало «тройке в составе тт. Берия (председатель), Вознесенского и Маленкова принять все меры как по увеличению добычи угля, так и по урезыванию других потребителей, а также по переводу некоторых железных дорог на бурый уголь для того, чтобы обеспечить НКПС углем как запасами на зиму, так и для текущих эксплуатационных нужд»[328]. Уже само создание такой «тройки» ставило под сомнение все предыдущие действия Вознесенского, и отвечавшего в ГКО за топливную проблему. Ну а то,

что его помимо всего делали подчиненным Берия, вроде бы равного ему по положению, более чем убедительно демонстрировало начало очередного падения Вознесенского, потерю им с таким трудом начавшего было восстанавливаться престижа.

Однако новая ситуация во властных структурах продлилась крайне недолго. Используя грандиозные успехи Красной Армии, выдающуюся победу в Сталинграде, где 19 ноября была окружена, обречена на гибель или сдачу в плен 330-тысячная группировка немецких войск под командованием фельдмаршала Паулюса, Сталин попытался возвратить себе единоличное лидерство. Если не ликвидировать, то хотя бы несколько принизить значимость инициаторов ГКО. Разумеется, просто вернуть былую власть БСНК он никак уже не мог потому, что вынужден был поставить во главе его Молотова. Не мог пойти на крутые, решительные меры и потому, что достаточно хорошо понимал, что без Молотова, Берия и Маленкова победа в Сталинграде была невозможна. И пошел привычным путем, используя древний принцип: разделяй, чтобы властвовать. Добился полной реорганизации властных структур.

8 декабря 1942 года провел через ПБ постановление «О Составе и работе Оперативного бюро ГОКО и Бюро Совнаркома СССР». Оно гласило:

«1. Утвердить Оперативное бюро ГОКО в следующем составе: МОЛОТОВ, БЕРИЯ, МАЛЕНКОВ, МИКОЯН. Отнести к ведению Оперативного бюро ГОКО контроль и наблюдение за текущей работой всех наркоматов оборонной промышленности, наркомата путей сообщения, наркомата черной металлургии, наркомата цветной металлургии, наркомата электростанций, наркомата угольной промышленности, наркомата нефтяной промышленности, наркомата химической промышленности, а также за делом составления и исполнения планов производства и снабжения указанных отраслей промышленности всем необходимым. Комиссию по текущим делам Бюро СНК СССР упразднить.

2. Утвердить Бюро СНК СССР в составе МОЛОТОВ, МИКОЯН, АНДРЕЕВ, ВОЗНЕСЕНСКИЙ, ШВЕРНИК. Отнести к ведению Бюро СНК СССР рассмотрение и утверждение от имени Совнаркома СССР народнохозяйственных планов (планов производства и снабжения), государственного бюджета и кредитования всех отраслей народного хозяйства, решение практических вопросов работы всех машиностроительных наркоматов, наркоматов по строительству и по производству строительных материалов, наркоматов пищевой и легкой промышленности, наркомата сельского хозяйства, наркоматов сельскохозяйственных заготовок и торговли, морского и речного флота, наркомата резиновой промышленности, наркомата лесной промышленности, наркомата целлюлозно-бумажной промышленности, наркомата здравоохранения, наркомата юстиции и всех комитетов и управлений при СНК СССР, ведающих отдельными отраслями культурного строительства и административного управления.

3. Ввиду напряженного положения с углем, металлом и перевозками на железных дорогах поручить:

а) члену ГОКО т. Берия дополнительно к возложенным на него обязанностям, контроль и наблюдение за работой наркомата угольной промышленности и наркомата путей сообщения;

б) члену ГОКО т. Маленкову, дополнительно к возложенным на него обязанностям, контроль и наблюдение за работой наркомата черной металлургии;

в) члену ГОКО т. Микояну дополнительно к возложенным на него обязанностям, контроль и наблюдение за работой наркомата цветной металлургии, а также контроль и наблюдение за распределением топлива, металла и электроэнергии.

4. Освободить т. Вознесенского от обязанностей по контролю и наблюдением за наркоматом угольной промышленности, наркоматом черной металлургии и наркоматом цветной металлургии. Назначить т. Вознесенского председателем Госплана СССР, освободив от этой работы т. Сабурова.

5. Возложить на заместителя председателя СНК СССР т. Сабурова контроль и наблюдение за работой наркомата электропромышленности, наркомата тяжелого машиностроения и наркомата станкостроения»[329].

Это постановление, первая часть которого спустя только четыре дня была продублирована и ГКО, свидетельствовало об очередной, кардинальной реконструкции власти в СССР. Означало, прежде всего, фактическую ликвидацию ГКО в той форме и с теми полномочиями, которые были определены при его создании 30 июня 1941 года. Во-вторых, означало формирование на основе ГКО и БСНК принципиально нового, двухуровневого узкого руководства, включавшего теперь девять человек: Сталина, Молотова, Берия, Маленкова, Микояна, Андреева, Вознесенского, Шверника и Сабурова. Именно в их руках отныне сосредоточивалась вся полнота власти, а вместе с нею и полная, безраздельная ответственность за исход войны, за судьбу страны. И все же постановление, выглядевшее как победа Сталина, торжество его устремлений, на деле обернулось своеобразным компромиссом, уступками с обеих сторон.

Да, Сталин вернул себе роль главы государства, единоличного лидера, признаваемого таковым всем узким руководством. Оставив за собою три высших для военной поры поста — председателя СНК СССР, первого секретаря ЦК ВКП(б) и наркома обороны, далеко не случайно не вошел в состав обоих новых бюро. Именно такое положение и давало ему возможность встать над схваткой за власть, играть роль высшего арбитра, чье суждение непререкаемо. Более того, отсутствие четко сформулированных, зафиксированных документально обязанностей, помимо руководства армией и флотом, позволяло ему не отвечать ни за что конкретно.

Но не только этим постановление от 8 декабря внесло довольно значительные изменения в расстановку сил по сравнению с той, что существовала буквально накануне. Перемены, как бы того ни хотелось Сталину, отнюдь не усилили его положения настолько, чтобы он смог ощутить себя вне какой-либо возможной критики и, как ее потенциального следствия, очередного посягательства на свои прерогативы, абсолютные полномочия. А объяснялось подобное состояние тем, что из всех его верных соратников в узком руководстве остался лишь Вознесенский, да и то в структуре второго уровня. Жданов, Ворошилов и Каганович на этот раз оказались вообще выведенными из политической игры. Опереться Иосиф Виссарионович теперь мог только на троих из семерых — Вознесенского, Андреева, Шверника и еще, но что было весьма проблематично, на Микояна.

Укрепляло до известной степени роль Сталина иное. То, что возвратив Молотову пост второго человека, он тем самым добился пока еще незначительного — нет, не раскола, а пока лишь расхождения в прежде монолитном, спаянном, единодушном триумвирате. Первым это ощутил на себе Берия. И опять же только после завершения сталинградской операции, создавшей из армии основной институт, обеспечивавший в сложившихся условиях не только независимость, целостность Советского Союза, его роль великой державы на мировой арене, но и авторитет, гарантию личной власти Сталина.

14 апреля 1943 года единое два года ведомство, возглавляемое Берия, создававшее ему исключительное положение даже внутри узкого руководства, неожиданно разделили на два наркомата, как это уже единожды произошло в канун войны. Только теперь обошлись без попыток хоть как-то объяснить принятое решение, обосновать его необходимость. ПБ выразилось просто: «Выделить из состава народного комиссариата внутренних дел СССР оперативно-чекистские управления и отделы и на базе их организовать народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ)».

Функции нового ведомства не претерпели никаких изменений, остались теми же, что и прежде: «а) ведение разведывательной работы за границей; б) борьба с подрывной, шпионской диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР (за исключением частей и учреждений Красной Армии и Военно-Морского Флота и войск

НКВД); в) борьба со всякого рода антисоветскими элементами и проявлениями среди различных слоев населения СССР, в системе промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства и проч.; г) охрана руководящих кадров партии и правительства».

Легко заметить, что по сравнению с аналогичным постановлением от 3 февраля 1941 года отсутствовало, что являлось весьма знаменательным, более чем существенным, показательным, малейшее упоминание о «ликвидации остатков всяких антисоветских партий и контрреволюционных формирований». Такая проблема оказалась в далеком прошлом, была предана забвению как утратившая и актуальность и значимость. Зато появилась новая задача, порожденная конкретной ситуацией военного времени: «организация диверсий и работа в тылу противника».

Но все же самое главное отличие НКГБ 1941 и 1943 годов заключалось в ином. Воссозданному наркомату госбезопасности отныне категорически воспрещалось вмешиваться в деятельность армии и флота, заводить дела на военнослужащих. Ведавшее прежде этими вопросами управление особых отделов другим решением, уже ГКО, что было далеко не случайным, выводилось из-под контроля Берия и преобразовывалось в структурную часть НКО — Главное управление военной контрразведки («СМЕРШ»), а его начальник, В. С. Абакумов, вместе с тем получил и должность заместителя наркома обороны. Становился прямым подчиненным одного только Сталина, отныне исполнял только его приказы и указания.

Новое формирование НКГБ возглавили В. Н. Меркулов — нарком, Б. 3. Кобулов — его первый заместитель и М. Г. Свинелупов — замнаркома по кадрам. Начальниками же управлений оставили все тех же лиц, кто и прежде, до реорганизации, занимал соответствующие посты: Первого (разведывательного) — П. М. Фитина, Второго (контрразведывательного) — П. В. Федотова, Третьего (транспортного) — С. Р. Мильштейна, четвертого (диверсионного) — П. А. Судоплатова, следственной части по особо важным делам — Л. Е. Влодзимирского[330]. Только Н. С. Власик, начальник шестого управления — «охраны активных работников партии и правительства», довольно скоро, 21 августа, был понижен в должности. Назначен заместителем начальника управления охраны, а его место отдали А. К. Кузнецову[331].

Некоторое сокращение обязанностей Берия послужило основанием для того, чтобы 5 июля в очередной раз перераспределить обязанности между членами ГКО. Молотова освободили от «контроля и наблюдения за работой» наркомтанкопрома, передав их Берия[332]. Теперь Вячеславу Михайловичу предстояло сосредоточиться исключительно на решении все возраставших и по количеству, и по сложности задач, порождаемых теперь уже несомненной скорой победой — на вопросах внешней политики. Восстановив полный контроль над наркоматом, Молотов прежде всего провел кадровые перестановки, расставив на ключевые должности близких ему по взглядам людей: своего помощника С. П. Козырева назначил генеральным секретарем НКИД, заместителями С. И. Кавтарадзе и И. М. Майского, послами в США — А. А. Громыко, в Великобритании — Ф. Т. Гусева, при правительствах союзнических стран в Лондоне — В. 3. Лебедева, руководителем ТАСС — Н. Г. Пальгунова[333].

Освободившись от гласной, чреватой любыми неожиданностями опеки Берия над армией и Флотом, Сталин не остановился на достигнутом. Отказался от ставшего теперь ему совершенно ненужным института военных комиссаров. От менее назойливого, менее значимого, но тем не менее существовавшего надзора и со стороны партии. В самый разгар сталинградской битвы, 9 октября 1942 года, провел через ПБ решение (указ ПВС СССР) об упразднении института военных комиссаров в армии[334], через три дня — и на флоте[335]. А семь месяцев спустя пошел еще дальше. Одобрил, скрепив подписью как председатель ГКО 24 марта 1943 года постановление «Об упразднении института заместителей командиров по политической части рот, батарей, эскадронов, эскадрилий, отдельных взводов и частичном сокращении политработников других категорий».

Столь неожиданное для многих действие объяснялось «политическим ростом бойцов Красной Армии и политическим ростом командных кадров», а также целями «дальнейшего укрепления командных кадров». В соответствии с постановлением не только упразднялся институт замполитов, но и создавался новый — начальников политотделов бригад, дивизий, корпусов, военных учебных заведений. Все это позволило незамедлительно перевести около 120 тысяч политработников на командную работу в соответствующие рода войск, а три тысячи — в «СМЕРШ»[336].

После всего этого уже ни у кого не могло вызвать возражения или хотя бы тени сомнения в необходимости еще одного решения. 2 июля ГКО постановило закрыть в связи с очевидной в новых условиях ненадобностью Военно-политическую академию Красной Армии имени Ленина. На ее базе создали годичные курсы переподготовки политического состава с численностью всего лишь в 800 человек[337].

Данные акции, как уже проведенные, так и еще готовившиеся, послужили Сталину веским, серьезным и тщательно продуманным основанием для кардинального изменения руководства НКО. Опираясь на уже двухлетний опыт, более близкое, нежели раньше, знакомство с генералитетом, детальное знание достоинств и недостатков его, способностей и профессиональных знаний, Иосиф Виссарионович сделал окончательный выбор. До предела упростил организацию своего ближайшего окружения как наркома и следующим образом сформулировал постановление ГКО, принятое 20 мая:

«В начале войны, когда наркомат обороны перестраивался применительно к нуждам войны и когда во главе управлений и родов войск НКО были выдвинуты новые руководители, авторитет которых необходимо было поднять путем назначения их заместителями наркома, — было вполне понятно назначение начальников главных управлений и командующих родов войск заместителями наркома. В данный же момент, когда наркомат уже приспособился к нуждам войны, а начальники главных управлений и командующие родов войск приобрели достаточный опыт и авторитет, нет больше необходимости иметь большое количество заместителей и сохранять за начальниками главных управлений и за командующими родов войск должности заместителей наркома обороны.

Государственный комитет обороны постановляет:

1. Иметь в НКО всего двух заместителей наркома: первого заместителя — маршала Советского Союза Жукова и заместителя по Генштабу — маршала Советского Союза Василевского.

2. Освободить от должности заместителей наркома обороны тт. комиссара государственной безопасности II ранга Абакумова, генерал-лейтенанта артиллерии Аборенкова, маршала Советского Союза Буденного, генерал-лейтенанта инженерных войск Воробьева, маршала артиллерии Воронова, генерал-полковника Голикова, генерал-лейтенанта Громадина, генерал-полковника авиации Жигарева, генерала армии Мерецкова, маршала авиации Новикова, генерал-полковника войск связи Пересыпкина, маршала Советского Союза Тимошенко, генерал-полковника танковых войск Федоренко, генерал-полковника интендантской службы Хрулева, маршала Советского Союза Шапошникова, генерал-полковника Щаденко, генерал-лейтенанта Щербакова, — с оставлением их в ныне занимаемых должностях начальников главных управлений, командующих родов войск и т. д.»[338].

Сложившейся ситуацией незамедлительно воспользовался Маленков, счевший вполне своевременным возродить курс XVIII съезда, свести до минимума вмешательство партийных органов в решение хозяйственных вопросов, пресечь их неуемное стремление прочно встать над государственными органами, всеми возможными способами и средствами руководить ими, не неся в то же время, никакой ответственности в случаях провалов, невыполнения планов.

Поначалу Георгий Максимилианович использовал палиативный вариант перестройки. По сути повторил то решение, которое применили при реорганизации армейских парторганов. 19 января 1943 года провел через ПБ постановление, которое «в целях укрепления единоначалия на железнодорожном транспорте» установило, «что начальники политотделов дорог одновременно являются заместителями начальников дорог по политической части». А 18 февраля, решая все ту же задачу, еще одним постановлением, ПБ аналогичным образом реорганизовало политотделы морского, речного флота, Главсевморпути[339].

И все же данная акция являлась для Маленкова всего лишь пробой силы. Проверкой того, насколько далеко он может зайти при попытке возобновить курс XVIII съезда — максимальную департизацию государственных структур управления народным хозяйством. А так как ни замечаний, ни тем более возражений ни от кого не последовало, он продолжил целенаправленные действия, стремясь предельно возможно использовать наилучшим образом сложившуюся для него ситуацию. То, что первому секретарю ЦК, Сталину, приходилось отдавать все силы для решения основных задач — военных и международных. К тому же Иосиф Виссарионович, отказавшийся в конце концов от института военных комиссаров, уже не имел морального права настаивать на сохранении подобных структур в других ведомствах. Схожую позицию, но вынужденно, пришлось занять и Берия, ибо его протест могли расценить как попытку обходным путем воссоздать личный контроль над армией и, тем самым, над Сталиным. Ну а Молотов, как показали последующие события, полностью и безоговорочно поддержал Маленкова, преследуя собственные цели.

Георгий Максимилианович рассчитывал если и не на активную поддержку, то хотя бы на нейтралитет и остальных членов ПБ, но уже по совершенно иным причинам. Андреева — потому, что тот, уже тяжело больной, с величайшим трудом находил в себе силы справляться со своим единственным поручением по линии ЦК и СНК — с сельским хозяйством. Вознесенского, Ворошилова и Кагановича — так как после всего происшедшего с ними, те не могли себе позволить какую-либо особую, собственную позицию, да еще и отличающуюся от позиции лидеров. Калинина — опять же из-за болезни давно превозмогавшего себя дабы исполнять чисто представительские, декоративные функции. Жданова и Хрущева — потому что их в Москве не было. Щербакова — в силу того, что в конечном итоге перестройка партии усиливала, делала необычайно значимыми лично его позиции.

И именно потому твердо уверенный в успехе задуманного, Маленков смело приступил к осуществлению второго этапа реформы. 26 мая получил санкцию ПБ на ликвидацию политотделов одного из наименее значимых наркоматов, рыбной промышленности. А так как внесенное Георгием Максимилиановичем предложение прошло совершенно спокойно, без излишних обсуждения, выражения сомнения, 31 мая внес на утверждение ПБ еще два однотипных проекта — об упразднении политотделов в МТС и совхозах, на железнодорожном, морском и речном транспорте. Мотивировались они стереотипно: «…наличие политотделов приводит к серьезным недостаткам в руководстве», они «дублируют работу директоров… и тем самым снижают их ответственность за состояние дел», «совершенно неудовлетворительно ведут политическую работу». Получив ожидаемое одобрение, 3 июля Маленков провел через ПБ четвертое по счету постановление все по тому же вопросу, ликвидировавшее последние, еще остававшиеся политотделы в окружных военно-строительных управлениях Главвоенпромстроя при СНК СССР. На этот раз — уже без каких-либо объяснений[340].

Так прекратили существование временные, чрезвычайные, фактически автономные, ведомственные партийные органы, действовавшие на протяжении полутора десятка лет. Структуры, выпадавшие из-под уставного контроля региональных партийных организаций. От которых предполагалось бесповоротно отказаться еще в марте 1939 года.

А 6 августа Маленкову удалось завершить свою сложную, многоходовую комбинацию. Провести через ПБ по сути заключительное для данного этапа перестройки партии постановление: «Об организационном упорядочении работы горкомов, обкомов, крайкомов,

ЦК коммунистических партий союзных республик». Добиться отмены всего того, что было искусственно создано после XVIII съезда и оправдывалось лишь одним — возрастанием военной опасности, необходимостью принять все возможные меры для повышения обороноспособности страны.

«В целях усиления, — отмечало постановление, — ответственности секретарей горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК коммунистических партий союзных республик за состоянием дел в городе, области, крае, республике, а также для организационного упорядочения работы горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК коммунистических партий союзных республик в области руководства предприятиями промышленности и транспорта, колхозами, МТС, сельским хозяйством, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Иметь в обкомах, крайкомах, ЦК коммунистических партий союзных республик от трех до пяти секретарей, но не более.

2. Вместо существующих должностей отраслевых секретарей горкомов, обкомов, крайкомов, ЦК коммунистических партий союзных республик, установить должности заместителей секретаря горкома, обкома, крайкома, ЦК коммунистической партии союзной республики по соответствующим отраслям промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

3. Установить, что заместитель секретаря является одновременно заведующим соответствующим отраслевым отделом горкома, обкома, крайкома, ЦК коммунистической партии союзной республики.

4. Зарплату и материальное обеспечение заместителей секретарей горкома, обкома, крайкома, ЦК коммунистической партии союзной республики сохранить в размерах, существующих для отраслевых секретарей»[341].

Только так, чисто казуистически, даже в откровенно византивистском духе, Маленков смог преодолеть главное препятствие на пути осуществления задуманной, постепенно, но вместе с тем и неуклонно проводимой департизации государственного аппарата. Четвертым пунктом постановления сумел предусмотрительно избежать более чем возможного общего протеста, открытой оппозиции многочисленного местного партаппарата, сохранив за лишавшимися престижных постов бюрократами высоких окладов и привилегий. Отнял же у них только одно — те должности, которые и позволяли им подменять конституционные, законные структуры исполнительных органов. Вмешиваться, и при том весьма непрофессионально, не обладая должной компетенцией, в экономику. Пока еще сохранил отраслевые отделы, но отныне они должны были заниматься своими прямыми обязанностями: курировать работу не предприятий, организаций и учреждений, а всего лишь их партийных организаций. Заниматься партийно-организационной, пропагандистской, агитационной, кадровой деятельностью. Только этим и ничем иным.

Сюда же, в данный ряд мер по перестройке партии, следует отнести и решение президиума исполкома Коминтерна от 15 мая о «самороспуске». Обычно трактуемая как сюжет исключительно истории международного рабочего и коммунистического движения, на самом деле ликвидация Коминтерна представляла собою сугубо внутреннее дело ЦК ВКП(б). В рамках реформирования партструктур теперь просто не было нужды даже в формальном сохранении некоего ИККИ, давно уже не принимаемого никем всерьез, якобы стоявшего над всеми компартиями, в том числе и ВКП(б). Более того, в изменившихся условиях, при том внешнеполитическом курсе, который проводило узкое руководство, даже чисто условное существование Коминтерна признавалось не просто излишним, но и вредным.

Потому-то, утверждая 21 мая подготовленное для публикации в прессе сообщение о судьбе Коминтерна, ПБ отметило и то, что не собирались делать достоянием гласности.

«…Есть еще один мотив, — отмечалось в решении, — который не высказан в предложении президиума ИККИ и который состоит в том, что братские компартии, добиваясь выхода из

Коминтерна и его роспуска, хотят избавиться от ложных обвинений со стороны врагов, что они действуют будто бы по указке иностранного государства. Они хотят этим выбить у врага козырь, чтобы тем облегчить свою работу в массах…»[342]. Но не следует полагать, что под «врагом» подразумевалась только Германия, ее сателлиты. В равной степени имелись в виду и союзники Советского Союза — Великобритания и США, Польша и Чехословакия, иные страны антигитлеровской коалиции.

С роспуском Коминтерна Молотов полностью смог сосредоточить в своих руках подготовку всех без исключения внешнеполитических вопросов, выносимых на утверждение узкого руководства. Единственное, чего он вроде бы был лишен, так это конфиденциальной, т. е. разведывательной информации. Того, что он мог получать только от Сталина, что поступало наркому обороны непосредственно от Абакумова, минуя каких-либо посредников в аппарате ЦК. Однако с помощью Маленкова и это препятствие Молотову вскоре удалось преодолеть. 27 декабря 1943 года на основе сохраненных в Москве структур уже не существовавшего Коминтерна был образован иностранный отдел ЦК ВКП(б) во главе с Георгием Димитровым. Курирование же новым отделом, иными словами — руководство им поручили Молотову. Теперь и к Вячеславу Михайловичу по старым, великолепно действовавшим тайным каналам, начали доставлять все столь необходимые ему сведения о политическом положении за рубежом.

Действуя таким образом, Маленкову удалось доказать абсолютно всем, в том числе и узкому руководству, и региональным партократам, что только он один полностью владеет аппаратом, контролирует и направляет его. А потому вполне закономерным, естественным стало и изменение 6 августа его официального положения в ЦК. Переход из фактического статуса второго секретаря в юридический. Утвержденное в тот день постановление ПБ устанавливало:

«1. Возложить на секретаря ЦК ВКП(б) т. Маленкова в дополнение к выполняемой им работе, обязанность повседневно заниматься вопросами обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, проверять их работу, вызывать и заслушивать на секретариате и Оргбюро ЦК ВКП(б) отчеты первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК коммунистических партий союзных республик, принимать в соответствии с результатами проверки необходимые решения и практические меры по исправлению обнаруженных недостатков и улучшению работы местных партийных организаций и проводить их через секретариат и Оргбюро ЦК ВКП(б). Заседания секретариата и оргбюро вести т. Маленкову.

2. При заслушивании отчетов и при проверке работы обкомов, крайкомов, ЦК коммунистических партий союзных республик основное внимание уделять:

а) выяснению состояния дел в сельском хозяйстве по результатам сельскохозяйственных работ, учитывая при этом, чего добился обком, крайком, ЦК компартии союзной республики по увеличению валового сбора продукции с гектара, как выполняются планы государственных заготовок, а также какие приняты меры по увеличению доходности колхозов и колхозников;

б) вопросам выполнения государственных планов предприятиями промышленности и транспорта, и выяснению результатов работы обкома, крайкома, ЦК компартии союзной республики по улучшению продовольственного снабжения, общественного питания и жилищно-бытовых условий рабочих;

в) вопросам политической и культурной работы среди населения как в деревне, так и в городах, в особенности вопросам улучшения работы местных газет и журналов.

3. При проверке работы обкомов партии особое внимание уделять областям и районам, освобожденным от немецкой оккупации, имея в виду задачу скорейшего восстановления хозяйства и улучшения политической работы среди трудящихся в этих областях и республиках»[343].

Данное постановление не только делало Маленкова вполне официально вторым лицом в партии — об этом свидетельствовало содержание первого его пункта. Переводило под прямой контроль Георгия Максимилиановича совнаркомовскую работу большинства членов узкого руководства — Андреева, Вознесенского, Кагановича, Микояна, Сабурова. К тому же оно определяло и совершенно новые цели для всех партийных организаций, являлось своеобразной краткосрочной программой для них. Требовало не подмену или, в лучшем случае, дублирование деятельности структур СНК СССР, республиканских совнаркомов, гор-, обл-, край- исполкомов, а принципиально иное. Повседневную заботу о людях. О тех, кто своим трудом и создавал буквально все. Поддерживал страну в самое опасное, критическое для нее время. Кормил, одевал, вооружал армию, способствуя тем разгрому врага. Требовало заботиться о том, чтобы тяжкий труд колхозников — женщин, стариков, детей — наконец-то стал вознаграждаться достойным образом.

Новая установка не являлась данью обычной пропагандистской популистской риторике, отнюдь нет. Она связана была с тем, что явилось закономерным последствием и перевода экономики страны на военные рельсы, и вызванной оккупацией разрухи. Последствием карточной системы — выражения острейшего дефицита, нехватки самого необходимого для жизни — еды, одежды, топлива прежде всего. Зародившийся еще в годы первых пятилеток, за время войны дефицит сначала создал черный рынок, главным, если не единственным источником которого послужили всевозможные базы, склады, магазины. Привел к разгулу хищений и растрат в системе торговли и снабжения, за которую отвечал Микоян. Крах, достигших столь устрашающих размеров, что вынудил ГКО дважды только в 1943 году, 22 января и 22 мая, принимать соответствующие постановления[344]. К сожалению, как оказалось впоследствии, они оказались бессильными для искоренения столь страшного зла. Впрочем, столь же бессильными стали и попытки преодолеть дефицит усилиями структур, подотчетных БСНК на основе постановления СНК СССР от 2 января 1942 года «О производстве товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья»[345], иных подобных.

Что же касается самого скупого по смыслу, третьего пункта постановления ПБ от 6 августа, то уже две недели спустя он был развит, в деталях раскрыт особым, пространным совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»[346]. Не раз публиковавшимся, а потому и хорошо известным за исключением последнего пункта, который обычно изымался. Выполнение постановления возлагалось на специально сформированный комитет при СНК СССР, который возглавил Маленков, а в состав вошли Берия, Микоян, Вознесенский, Андреев[347].

Наконец, о совершенно особом, уже безусловно третьем по значимости в стране положении Маленкова свидетельствовал и еще один весьма красноречивый факт. В связи с предстоящим отъездом советской делегации для участия в Тегеранской конференции, первой — глав трех великих держав, 22 ноября 1943 года ПБ поручило «комиссии ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР в составе тт. Маленков (созыв), Каганович, Щербаков руководить партийными и государственными делами на время отъезда из Москвы тт. Сталина, Молотова, Ворошилова и Берия». При этом предполагалось, что в состав своеобразною «временного правительства» Маленкова войдут еще, после возвращения в столицу из командировок, Микоян, Андреев, Вознесенский, а также, в случае выздоровления, и Жданов.

Серьезные перемены затронули все слои политического руководства Советского Союза. Они отнюдь не ограничились появлением очередного триумвирата — Сталин, Молотов, Маленков, не свелись к нему. Отразились на положении всех, кто входил в высший эшелон власти и второго, и третьего уровней.

Как ни покажется парадоксальным, но в начале 1943 года, 26 февраля, Кагановичу с помощью ПБ возвратили должность наркома путей сообщений[348]. Видимо, выяснилось, что она была единственно знакомой, освоенной, понятной ему сферой деятельности. Той, с

которой он просто в силу инерции, да к тому же в относительно нормализовавшихся условиях, мог совладать. Немаловажную роль в таком назначении сыграло и то, что военные сообщения, наиболее ответственный участок работы Лазаря Моисеевича, остался под контролем Хрулева и Ковалева. Полностью отстранить Кагановича от руководящей деятельности и тем самым окончательно вывести из политической элиты Сталин не позволил. Ему остро требовался свой, лично преданный, всем ему обязанный человек, который всегда и во всем поддерживал бы его. Хотя бы лишним голосом.

По тем же причинам, ради гарантированного при любых обстоятельствах голоса в свою поддержку, Сталин сохранил в узком руководстве и Ворошилова. Правда, смог наделить его после всего происшедшего, да и то лишь 19 апреля 1943 года, откровенно номинальным, чисто формальным постом — председателя Трофейного комитета ГКО[349]. Правильнее говоря, в соответствии с уточненной субординацией, в структуре НКО — своего наркомата. Поставил под его начало не столько собственно фронтовые и армейские отделы Управления трофейного вооружения, имущества и металлолома НКО, их отдельные бригады и батальоны, сколько Музей-выставку трофейной техники, которую разместили в Москве, на территории Центрального парка культуры и отдыха.

В весьма схожем с Кагановичем положении с 11 ноября 1943 года оказался и Андреев. Решением ПБ на него возложили обязанности наркома земледелия, чуть понизив прежнего главу ведомства, И. А. Бенедиктова — до уровня первого замнаркома[350]. Тем самым Андрею Андреевичу отныне предстояло не только спрашивать с других за работу сельского хозяйства, но и отвечать за нее самому. Однако следует признать, что в значительной степени такая «ответственность» была облегчена совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 декабря 1942 года, подписанное Сталиным и тем же Андреевым. Ими воспрещалось «собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах, как искажающие действительное положение дел». Вместо нормального учета вводился откровенно фиктивный — «видовая оценка, производимая органами ЦСУ **до начала уборки**»[351] (выделено мною. — *Ю. Ж.*).

Как уже отмечалось выше, потерпел вторично фиаско и Вознесенский. После стремительного, поразившего всех взлета, возвышения до положения второго лица в государстве, его сферу деятельности вновь, как и в начале быстротечной карьеры, ограничили Госпланом СССР, несколько утратившим свою прежнюю роль. Зато его былой заместитель и преемник Сабуров наоборот резко поднялся вверх. Освободившись от работы в фактически подконтрольном ГКО Госплане, стал полноправным, а не только по должности, заместителем главы правительства СССР. Столь же серьезное доверие оказали и Косыгину. 21 июня 1943 года его назначили, оставив одним из зампредов СНК СССР, еще и председателем Совнаркома Российской Федерации[352], чем весьма расширили его реальные властные полномочия.

Прежнюю значимость, несмотря на кратковременную опалу, сохранили еще два «капитана индустрии» — зампреды СНК Советского Союза Малышев и Первухин.

Малышева 1 июля 1942 года решением ПБ освободили от одной из двух занимаемых им должностей — наркома танкопрома. Сняли за невыполнение программы выпуска танков Т-34 в июне, назначив на его место директора Кировского завода И. М. Зальцмана[353]. И само решение, и его обоснование были явно надуманными. Преследовали лишь одну цель — продемонстрировать былое якобы всесилие прежнего узкого руководства, выступавшего как ПБ. Нанести хотя бы косвенно удар по отвечавшему за производство танков Молотову, и тем самым несколько укрепить престиж Вознесенского. Символичность, даже условность наказания, его истинную цель подтверждало то, что Малышева все же оставили на более значимом посту — зампреда СНК СССР, с 19 сентября, «наблюдавшего» за работой трех не менее важных по условиям военного времени наркоматов: тяжелого машиностроения, электропромышленности, связи[354]. Опала, точнее — создание видимости ее, продлилась ровно год. 26 июня 1943 года, теперь уже решением не ПБ, а ГКО, что стало весьма

показательным, Малышева восстановили на посту наркома танкопрома[355]. Аппаратная игра в данном случае не принесла ощутимой пользы Вознесенскому.

Объектом столь же изощренной интриги оказался и Первухин. В середине октября 1942 года постановлением СНК СССР, т. е. от имени Сталина, его освободили «от наблюдения по Совнаркому за работой наркомата угольной промышленности, главлесоспирта и наркомата электростанций, а также от текущей работы в Совнаркоме по подготовке планов топлива и энергоснабжения и оперативного контроля за их выполнением»[356]. От всего того, что оказалось в ведении Вознесенского при распределении обязанностей в ГКО и чем тот собирался заниматься без помощи и присмотра человека, по его мнению, Маленкова. Но опять же, как и в случае с Малышевым, полностью устранить Первухина не удалось. За ним сохранили должность зампреда СНК СССР, наркома химической промышленности и «наблюдающего» за работой наркомата резиновой промышленности[357]. Таким оказался ответный ход Сталина на вынужденное согласие с отстранением Ворошилова и Кагановича, продемонстрировавший игру на равных. Однако для самого Первухина именно такое решение оказалось неожиданно удачным, благоприятным, ибо вверило вскоре под его контроль работу над атомным проектом.

За пять дней до того, как в Чикаго впервые в мире была осуществлена управляемая цепная ядерная реакция, ГКО 27 ноября 1942 года принял постановление, и положившее начало созданию советского ядерного оружия — «О добыче урана». Оно обязывало: «1. К 1.V.1943 г. организовать добычу и переработку урановых руд и получение урановых солей в количестве четырех тонн в год на Табошарском заводе „В‟ Главредмета… 3. Приравнять завод „В‟ в части порядка финансирования, проектирования строительства, оплаты труда, материально-технического и продовольственного снабжения к строительствам особо важного назначения… 4. Возложить на Радиевый институт Академии наук СССР (академик Хлопин) с привлечением научного института удобрений и инсектофунгисов им. Самойлова и Уральского института механической обработки полезных ископаемых разработку к 1.II.1943 г. технологической схемы получения урановых концентратов из табошарских руд и переработки их для получения урановых солей. 5. Комитету по делам геологии при СНК СССР (т. Малышев) в 1943 г. провести работы по изысканию новых месторождений урановых руд с первым докладом Совнаркому СССР не позже 1 мая 1943 г…» Подписал постановление Молотов[358].

Всего через два с половиной месяца, 11 февраля 1943 года, опять же задолго до того, как участники «Манхэттен проект» приблизились к созданию атомной бомбы и она пока еще оставалась проблематичной, последовало новое постановление ГКО. На этот раз предусматривавшее «более успешное развитие работ по урану». В этих целях устанавливалось следующее:

«1. Возложить на тт. Первухина М. Г. и Кафтанова С. В.[359] обязанности повседневного руководства работами по урану и оказывать систематическую помощь специальной лаборатории атомного ядра Академии наук СССР. 2. Научное руководство работами по урану возложить на профессора Курчатова И. С. 3. Разрешить президиуму Академии наук СССР перевести группу работников специальной лаборатории атомного ядра из г. Казани в г. Москву для выполнения наиболее ответственной части работы по урану… 9…обеспечить доставку самолетом из г. Еревана в г. Москву 5 сотрудников Академии наук СССР и оборудования общим весом до 1 тонны. 10. Обязать Ленсовет (т. Попкова) обеспечить демонтаж и отправку в Москву оборудования и циклотрона Ленинградского физико-технического института. 11. Обязать руководителя специальной лаборатории атомного ядра проф. Курчатова И. С. провести к 1 июля 1943 г. необходимые исследования и представить Государственному комитету обороны к 5 июля 1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива»[360].

Тем же постановлением большой группе наркоматов — черной металлургии, среднего машиностроения, электропромышленности, цветной металлургии, финансов, давалось срочное специальное задание: к 1 марта — 15 мая 1943 г. изготовить и доставить для лаборатории

Курчатова все необходимое оборудование, сырье. И вновь столь важный документ скрепил подписью не Сталин, а Молотов[361].

Глава двенадцатая

Все чрезвычайно значимые кадровые перестановки, происходившие в высшем эшелоне власти на протяжении двух с половиной лет, сопровождавшиеся неожиданными взлетами и падениями, в общем не представляли чего-то особого, присущего лишь СССР. В конечном итоге, все они лежали в традиционном русле обычных для любой страны государственных назначений. Призваны были решать и карьеры отдельных людей, и более естественные задачи: вырабатывать и осуществлять, в зависимости от менявшихся обстоятельств, курс внешней и внутренней политики. Применительно же к экстремальным условиям военного времени — еще и консолидировать усилия всей нации для разгрома врага, для победы над агрессором.

Специфической для советского узкого руководства являлась только одна проблема — с величайшим трудом пробивавшая себе дорогу департизация. Разумеется, вместе с нею, как логическое ее продолжение и необходимость последовательного пересмотра идеологии. Корректировки ее. Незаметной, ни в коем случае не резкой, не радикальной. Отвечать за результаты именно такой работы выпало на долю практически двух человек. Секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря МК и МГК, начальника Главпура А. С. Щербакова и начальника УПиА Г. Ф. Александрова. Проводить в жизнь, постоянно толковать и разъяснять нововведения, контролировать их безукоснительное исполнение — сотрудниками немногочисленного аппарата УПиА. Рабочей силой же стали средства массовой информации, творческие союзы, созданные с началом войны как бы общественные организации с не конкретизированной подчиненностью и положением — Совинформбюро (СИБ), антифашистские комитеты советских женщин, молодежи, ученых, еврейский.

Внешне — и для всего населения страны, и для рядовых членов партии — перемены шли незаметно. Начались с мелочей, на которые поначалу и не обращали особого внимания. Считали их вполне нормальными, не вызывающими ни сомнений, ни вопросов. С определения Сталиным 6 ноября 1941 года, в речи на торжественном заседании в связи с 24-й годовщиной Октябрьской революции, русской нации как великой и напоминания о ее славных представителях Суворове и Кутузове. А 7 ноября — еще и с призыва вдохновляться «мужественным образом наших великих предков» Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Со слов, произнесенных в самую трагическую для судьбы СССР минуту, когда враг стоял у порога Москвы, когда решался вопрос — быть или не быть стране свободной, независимой.

Все же довольно долго слова оставались только словами. Служили, хотя и повседневно, ежечасно, лишь для агитации. Но падали они на вполне подготовленную почву. Ведь незадолго до войны экраны кинотеатров Советского Союза обошли, просмотренные миллионами зрителей, кинофильмы «Александр Невский» (1938, реж. С. Эйзенштейн, сц. П. Павленко), «Минин и Пожарский» (1939, реж. В. Пудовкин, сц. В. Шкловского), «Суворов» (1941, реж. В. Пудовкин, сц. Г. Гребнера и Н. Равича). Правда, тогда их, откровенно государственно-патриотических по смыслу, воспевавших героизм и силу русской, а не советской армии, ненависть к любым, кем бы они ни были, врагам отечества, а не социалистического строя, как бы уравновешивали ленты с иной идеологической нагрузкой, пользовавшиеся не меньшей популярностью в прокате: «Чапаев» (1934, реж. и сц. братьев Васильевых), «Щорс» (1939, реж. и сц. А. Довженко). Более того, в конце 1941 года Кукрыниксами был создан один из популярнейших плакатов времен войны. Он попытался установить некую генетическую связь в массовом сознании всех прославленных полководцев страны, ибо сопровождался весьма примечательными по смыслу стихами С. Маршака: «Бьемся мы здорово, колем отчаянно — внуки Суворова, дети Чапаева».

Лишь когда опасность поражения, проигрыша войны вновь нависла над Советским Союзом, когда немецкие дивизии вышли к Волге и началась битва за Сталинград, слова начали претворяться в дела. 21 июля 1942 года ПБ утвердило проекты указов ПВС СССР об учреждении трех новых орденов для награждения командного состава Красной Армии — Суворова, Кутузова, Александра Невского[362]. Истинная суть такой акции крылась не в том, что появлялись новые боевые награды. Ведь в этом ничего оригинального не было, ордена в СССР существовали вот уже четверть века. Однако до сих пор они всегда выражали, несли в своих названиях символику только советского строя, его отличие от царского. Обязательно включали эпитет «красный» — ордена Боевого Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, имя вождя партии и революции — орден Ленина. Наконец, более поздние по появлению, высшие в стране награды столь же откровенно несли в названии идеологическую окраску — медали «Золотая Звезда» героя Советского Союза или героя социалистического труда.

Теперь же возникал принципиально иной ряд боевых наград, семантически связанных со старым строем, совсем недавно трактовавшимся как антинародный, самодержавный. А после побед в Сталинграде и на Курской дуге добавили еще четыре ордена, развивавшие возникшую тенденцию: 10 октября 1943 года — Богдана Хмельницкого, 3 марта 1944 года — Ушакова и Нахимова, и только для рядового, сержантского и старшинского состава — Славы трех степеней, повторявший существовавший до революции знак отличия ордена св. Георгия — Георгиевский крест для нижних чинов.

И вновь эту пока еще скрытную как глубинное течение, тенденцию подкрепили пропагандистским фильмом «Кутузов» (1944, реж. В. Петров, сц. В. Соловьева), опять же уравновешенную идеологически лентой об одном из героев гражданской войны — «Котовский» (1943, реж. А. Файнциммер, сц. А. Каплера). Но теперь соотношение кинолент на историческую тему оказывалось явно не в пользу «советских» фильмов.

Далеко не случайно и то, что именно победоносная армия Советского Союза послужила той основой, на которой начали возрождаться более двух десятилетий отвергаемые дооктябрьские традиции, пока находя явное выражение лишь в символике, атрибутах. На первый взгляд в малосущественном, но именно в том, что весь 1917 год, начиная с марта, служил выражением ненавистного народу рухнувшего строя, прежде всего — для многомиллионной солдатской и матросской массы, и вершившей революцию. В том, что еще до раскола армии на «красных» и «белых» служило основным признаком приверженности царизму, монархии — в «золотых погонах», одинаково ненавистных и тем, кто стоял за большевиков, и националистам Украины, Прибалтики. Погонах, несколько лет революции и гражданской войны олицетворявших принадлежность к одному из политических лагерей. И вот в полном пренебрежении к старой советской «классовой» символике, откровенно отказываясь от нее, ПБ утвердило проект указа ПВС СССР от 23 ноября 1943 года о введении погон[363]. Золотых и серебряных, широких и узких в зависимости от рода войск, принадлежности к той или иной службе вооруженных сил. С прежними, дореволюционными просветами и звездочками вместо привычных петлиц с «треугольниками», «кубиками», «шпалами».

А завершилось чуть ли не полное, всеобъемлющее возрождение былых, но еще не забытых традиций императорской армии, созданием в соответствии с указом ПВС СССР от 21 августа того же, 1943 переломного года, суворовских для НКО и нахимовских для НКВМФ училищ. Возрождением существовавших опять же до революции кадетских корпусов для подростков. Для тех, кто еще не достиг призывного возраста, для кого эти училища давали возможность получить среднее образование с военным уклоном.

Только этим реформы, перешедшие уже в сферу образования, и которые с не меньшим основанием можно было бы назвать и контрреформами, не ограничились. 17 июля все того же, 1943 года, ПБ утвердило предложение, внесенное воссозданным незадолго перед тем отделом вузов и школ ЦК ВКП(б) о введении раздельного, как было до революции, обучения в

начальных, неполных и полных средних теперь мужских и женских школах[364]. Кроме того, для школьниц-девочек ко всему еще и ввели обязательную форму, почти до деталей копировавшую гимназическую.

Столь неожиданно и вроде бы беспричинно возникшее пристрастие к внешней унификации, использованию давно забытых знаков различия, соответствовавших в равной степени и должности, и устанавливаемым чуть ли не во всех ведомствах рангам, званиям, стало отличительной чертой всего 1943 года. Именно тогда вдруг сочли недостаточным, что форма, знаки различия, как вполне обоснованные, даже необходимые атрибуты, существуют лишь в армии и на флоте, в военизированных наркоматах — внутренних дел и государственной безопасности. Да еще, впрочем, как во всем мире, и в гражданском воздушном флоте (ГВФ), Главсевморпути, наркоматах морского и речного флота. Посчитали такое традиционное положение явно недостаточным и начали распространять его на сугубо гражданские ведомства.

Опять же решением ПБ форму и ранги ввели 28 мая для сотрудников НКИД, а 16 сентября — в прокуратуре СССР.[365] Примерно тогда же для служащих НКПС неброские петлицы на тужурках с малопонятными посторонним знаками различия заменили сложными по конфигурации погонами со все теми же звездочками. При этом такую полувоенную форму обязали носить не только собственно работников железнодорожного транспорта, но и всех причастных к нему лиц, в том числе и врачей поликлиник наркомата.

Таким образом, число ведомств, сотрудники которых вынуждены были облачиться в принудительном порядке в униформу с соответствующими чину знаками различия, всего за полгода возросло с восьми до одиннадцати. Но нововведение, внешне возрождавшее особое положение государственных чиновников, выделявшее их из всей массы людей, формально являвшееся восстановлением отмененных октябрьской революцией чинов и званий, имело, ко всему прочему, и еще одну, на самом деле — основную, более значимую смысловую нагрузку. И форма, и знаки различия в виде погон, петлиц, шевронов на рукавах вводились лишь для союзных наркоматов. Должны были выделить только таких служащих. Исключительно тех, на кого и опиралась центральная власть, кто являлся исполнителем воли союзного правительства. Должны были наглядно и убедительно демонстрировать верховенство Москвы, всесилие, особые полномочия ее представителей, где бы они ни находились. Постоянно, во всех случаях жизни подчеркивать унитарную сущность государства, только по конституции числящегося союзным.

Естественно, что подобные, исподволь менявшие все перемены должны были отразиться и на идеологии. В ее медленной, малозаметной трансформации, дрейфе, в конечном счете — перерождении. А для этого приходилось, по возможности, максимально использовать все из старого, ранее отвергавшегося, осуждавшегося безоговорочно, но что при новых условиях, при смене курса могло сослужить хорошую службу. Одним из таких средств, которые позволяли морально подготовить общество к грядущим переменам, масштабы и время завершения которых пока в узком руководстве никто себе и не мог представить, стала наиболее своеобразная структура. Идеологическая по существу, национально-государственная по направленности и положению. К тому же еще и жесткая, вертикальная, строго иерархическая по конструкции, да обладавшая традиционной униформой — Русская Православная Церковь (РПЦ).

…Начиная с гражданской войны Советская власть, учитывая крайне низкую грамотность населения страны, его многоукладность, многонациональность и поликонфессионализм, устоявшиеся за века традиции, привычки, даже бытовой календарь, попыталась провести «сверху» своеобразную реформацию. Оказывала предельно допустимый прессинг на наиболее многочисленные по количеству последователей и одновременно сохранявшие самые закостенелые, эпохи раннего феодализма структуры церкви — католическую и РПЦ. Открыто преследовала как нелегальную, каковой та и являлась на деле, «катакомбную» православную

церковь, как явно политическую, откровенно антисоветскую организацию — зарубежную православную церковь. Но одновременно потворствовала, до некоторой степени опекала отколовшуюся от РПЦ православную обновленческую («живую») церковь, инициатором создания которой стал Александр Введенский. Практически не вмешивалась в жизнь общин лютеран, баптистов, меннонитов, иных менее распространенных протестантских церквей.

Однако такая политика в годы первых пятилеток была отринута, забыта. Сменилась «воинствующим атеизмом», сопровождавшимся массовым закрытием церковных зданий всех конфессий, арестами, ссылками священников, пресвитеров, архиереев, отменой большинства ранее выданных разрешений на существование общин прихожан, тогда и являвшихся юридическими лицами. Только в 1943 году последовала не менее резкая смена курса по отношению к религии и верующим. После четвертьвекового отсутствия каких бы то ни было отношений, связей государства и церкви, положение буквально в одночасье, и самым кардинальным образом, изменилось. И произошло это отнюдь не без выражения верноподданических и патриотических чувств со стороны РПЦ. Их услышали, поняли, должным образом оценили и нашли применение.

Еще 22 июня 1941 года митрополит Московский и Коломенский Сергий, фактический глава РПЦ, написал и разослал по всем приходам обращение «Пастырям и пасомым христовой Православной Церкви». Благословил «всех православных на защиту священных границ нашей родины». Настойчиво напоминал им о долге следовать примеру «святых вождей русского народа» — Александра Невского и Дмитрия Донского. Подчеркивал, внушал, что «повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона», что «жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству». И в заключении выразил твердую уверенность, убежденность: «Господь нам дарует победу»[366]. Словом, предвосхитил и риторику, и содержание значительной части, исторической, речей Сталина, произнесенных им 6 и 7 ноября.

Прихожане и священники РПЦ активно участвовали в сборе пожертвований в фонд обороны, постоянно свидетельствовали о варварстве нацистских захватчиков, об их жестокости по отношению к мирному населению, бессмысленному уничтожению церквей, соборов, монастырей, надругательству над священными для верующих местами. Учитывая продолжавшее бытовать на западе, и прежде всего в Великобритании и США, а также используемое нацистской пропагандой, в общем небезосновательное утверждение о преследовании религии в СССР, РПЦ срочно подготовила и выпустила уже летом 1942 года откровенно рассчитанный прежде всего на зарубежного читателя сборник «Правда о религии в России», ограничившись, естественно, подборкой доказательств в пользу того, что именно РПЦ существует и действует свободно благодаря благожелательному отношению к ней со стороны Советской власти, и никаких гонений якобы не испытывает.

Сохранившееся весьма сильное влияние РПЦ на подавляющее большинство христиан в Советском Союзе, ее твердая патриотическая позиция, занятая с первого же дня войны и привели не только к значительному ослаблению идеологического давления на нее со стороны властей, но и к заключению конкордата.

В последних числах августа 1943 года митрополита Сергия — местоблюстителя патриаршего престола, пустовавшего со смерти в 1925 году патриарха Тихона — находившегося в эвакуации в Ульяновске, а также митрополитов Ленинградского и Ладожского Алексия, Киевского и Галицкого Николая срочно вызвали в Москву, а в ночь на 4 сентября пригласили в Кремль. Там между ними и Сталиным, Молотовым, Маленковым, Берия, а также и одним из малозначимых тогда чиновников Г. Г. Карповым состоялись переговоры, результаты которых оказались не только неожиданными для вскоре узнавшем о них населении страны, но и весьма благоприятными для РПЦ.

Между правительством СССР и РПЦ было заключено соглашение, предусматривавшее незамедлительное, в самые сжатые сроки, установление роли РПЦ как полуофициальной структуры. Оно потребовало созыва буквально в ближайшие дни второго поместного собора для избрания патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия. Предопределило открытие многих, прежде недействующих соборов и церквей, духовной академии и нескольких семинарий, издание «Журнала московской патриархии», освобождение из заключения архиереев, открытие при РПЦ свечных заводов, предусмотрело даже необходимые финансовые государственные субсидии. Наконец, под резиденцию патриарха отвели расположенный в центре Москвы (Чистый переулок, дом 5) трехэтажный особняк, который до начала войны занимал посол Германии в СССР Шуленбург[367].

Далее события развивались на удивление стремительно. 5 сентября «Известия» сообщили о встрече Сталина и Молотова с митрополитами, о достигнутом соглашении, а всего три дня спустя архиерейский собор уже избрал Сергия патриархом. Однако полной самостоятельности, независимости даже в собственных, внутрицерковных делах, РПЦ так и не получила. Над ней высшей властью и недреманным оком, как то было со времен Петра I и вплоть до октябрьской революции, оказался подчеркнуто светский орган, фактически заменивший собою прежний синод (министерство). Образованный постановлением союзного Совнаркома от 14 сентября особый Совет по делам Русской Православной Церкви, на который возлагалась задача «осуществления связи между правительством СССР и патриархом». Председателем Совета утвердили все того же Г. Г. Карпова[368], весьма активно участвовавшего в подготовке, проведении и встрече на высшем уровне и собора. Затем, в считанные месяцы, без особого шума ликвидировали «обновленцев», возвратив их «в ограду матери-церкви».

В свою очередь, РПЦ продолжала демонстрировать верноподданническое усердие. Так, издававшийся начиная с 1945 года «Православный церковный календарь» включал, наряду с религиозными, бесспорно, светские, более того — явно советские праздники: 22 января — «день памяти В. И. Ленина и 9 января 1905 года»; 23 февраля — «день Красной Армии и Военно-Морского Флота»; 8 марта — «международный коммунистический женский день»; 1 и 2 мая — «день смотра боевых сил трудящихся», 7 и 8 ноября — «годовщину Великой Октябрьской социалистической революции»; 5 декабря — «день сталинской Конституции»[369].

Еще одним, правда, менее заметным, иным по масштабам, свидетельством постепенного отказа не столько от старого идеологического курса, сколько от ставшего слишком одиозным проявления его в виде «культа личностей», стало очередное переименование городов, железных дорог. Если в 20-е и 30-е годы в таких случаях стремились закрепить навсегда, утвердить в народной памяти имена политических лидеров СССР, то теперь поступали прямо наоборот. Начали вычеркивать такие фамилии. В соответствии с решением ПБ от 3 сентября городу Серго (Ворошиловградская область) вернули прежнее название Кадиевка, городу Орджоникидзе (Сталинская область) — Енакиево, имени Кагановича (Ворошиловградская область) — Попасная. А 13 сентября, также решением ПБ, переименовали еще и некоторые железные дороги: имени Кагановича — в Свердловскую, Ворошилова — в Северо-Кавказскую, Молотова — в Забайкальскую, Берия — в Закавказскую, Дзержинского — Московско-Курскую, Ленинскую — в Московско-Рязанскую[370]. Наконец, 31 мая 1943 года схожую по сущности акцию провели и на флоте. Переименовали линкоры «Марат» — в «Петропавловск», а «Парижскую коммуну» — в «Севастополь»[371].

«Ползучая» переориентация с прежних, классовых и интернационалистских позиций на общенародные, государственно-национальные, нашла своеобразное завершение в новом гимне Советского Союза, чей вариант текста (Сергей Михалков и Эль Регистан) и музыки (Александр Александров) ПБ принял за основу 28 октября 1943 года[372]. В тот день узкое руководство признало, что «Интернационал», общий гимн и Коминтерна, его секций — национальных компартий, и СССР, теперь «по своему содержанию не отражает коренных изменений, происшедших в нашей стране»[373]. Отныне один из двух символов суверенности

СССР выражался не в призыве к «миру голодных и рабов» сокрушить капитализм в смертельной схватке, а в прославлении мощи Советского Союза, в воспевании отечества и Сталина, силы победоносной армии страны. Более того, воспевался «Союз нерушимый», который «сплотила навеки великая Русь». Фразу, начатую 6 ноября 1941 года, договорили в ночь на 1 января 1944 года, когда впервые по радио прозвучал новый гимн, повсеместно ставший исполняться несколько позже, с 15 марта 1944 года.

Так, всего за несколько месяцев не только взросло, но и окрепло, пышно зацвело древо исконного, насчитывающего не одно столетие, русского государственного национализма или национальной государственности. Вновь стала реальностью, хотя пока лишь внешне, в отдельных чертах, старая официальная идеология великодержавия, прежде отождествлявшегося с самодержавием. Решительно осуждавшаяся как противоречившая марксизму-ленинизму, с которой боролись более двух десятилетий столь же настойчиво, как и с ее оборотной стороной — буржуазным национализмом. А потому явственно зазвучавший диссонанс, то ставшее слишком заметным противоречие предстояло как-то снять, смягчить, если не устранить полностью. Не отказываясь от социалистических идеалов, постараться снивелировать их с тем новым, что неудержимо проступало в повседневной жизни.

Подспудные процессы, шедшие с глубокой осени 1941 года, рано или поздно должны были обрести свое отражение в прозе, поэзии, драматургии, кинофильмах. В тех основных долговременных средствах воздействия на массовое сознание, которые далеко не случайно рассматривались партией как важнейшие инструменты агитации и пропаганды. Являлись более значимыми, нежели публицистика, плакаты, карикатуры, легко отзывавшиеся на злобу дня, но столь же легко и безнадежно устаревавшие вместе с ушедшим событием через неделю-другую. Полностью вытеснялись из памяти. Но для того требовалось устранить неизбежную коллизию, порожденную естественным ходом событий, — отсутствием на этот раз заданности, загодя выработанных установок. Руководители ни УПиА Щербаков, Александров, ни творческих союзов, ни комитетов — по делам искусств, по делам кинематографии, при всем желании не могли призвать деятелей литературы и искусства следовать какому-либо конкретному постановлению ЦК, опираться на четко выраженное в какой-либо речи Сталина положение. Ведь официально идеологический курс никто не пересматривал.

С другой стороны, сами писатели, драматурги, поэты, режиссеры, два десятилетия приноравливавшиеся, подстраивавшиеся к партийным догмам, не получая никаких «ценных указаний», пока еще не поняли перемен, самостоятельно не перестроились. Тому мешало слишком многое. И сама специфика творческого процесса — медленное, длительное вызревание сюжетов и образов, и сложный, многомесячный путь завершенного творения к читателю, зрителю. Путь, на котором зачастую непреодолимыми препятствиями оказывались и чиновники творческих союзов, комитетов и редакции, художественные советы и цензура.

Потому-то процесс перестройки был умело инициирован «снизу». Новые идеи, взгляды, понятия не навязывались чьей-либо волей, а как бы сами зарождались. Высказывались самими творцами на совещаниях писателей, композиторов, художников, драматургов, искусствоведов, кинематографистов, которые проводились с марта 1943 года по январь 1944 года.

Широкую кампанию по пропаганде русского патриотизма в январе 1943 года открыла газета «Литература и искусство» (с началом войны объединившая под редакцией Александра Фадеева «Литературную газету» и «Советское искусство»). Начала ее статьями писателей Алексея Толстого и Ильи Эренбурга, музыковеда и композитора Бориса Асафьева, художников Александра Герасимова и Игоря Грабаря. Позже продолжила публикацией суждений композиторов Владимира Захарова и Анатолия Новикова, искусствоведов Абрама Эфроса и Александра Федорова-Давыдова. Всем им лишь изредка, и только на совещаниях, вторили чиновники, председатели всесоюзных комитетов: по делам искусств — М. Б. Храпченко, по кинематографии — И. Г. Большаков. Именно они, все вместе, еще в первой половине 1943 года и провозгласили примат патриотизма в литературе и искусстве. Но уже не советского, как было

поначалу, а русского. А заодно столь же решительно осудили и рабское преклонение перед заграничным — космополитизм.

Алексей Толстой, «Четверть века советской литературы»: «До сих пор не разрушено мнение об односторонности влияния западноевропейской литературы на русскую… Где исследования о влиянии русской литературы на западноевропейскую и американскую? О влиянии Тургенева, Достоевского, Льва Толстого и, в особенности, Чехова — на западноевропейскую и американскую литературу?» (№ 1 и № 2 от 1 и 9 января).

Передовая, «О русской национальной гордости»: «Русский народ гордится тем, что он большой, сильный, богатый, что его родная страна раскинулась от Белого моря до Черного и от Балтийского моря до Тихого океана, что он породил таких гигантов, как Ленин и Сталин, как Белинский и Чернышевский, Пушкин и Толстой, Глинка и Чайковский, Горький и Чехов, Сеченов и Павлов, Репин и Суриков, Суворов и Кутузов, что его национальная культура, наука, искусство, литература оказывали и оказывают огромное влияние на все духовное развитие человечества… Одной из важнейших задач деятелей литературы и искусства является воспитание **всего советского народа в глубоком уважении к русской национальной культуре, к ее лучшим традициям, воспитание в советской молодежи любви к русскому искусству** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)…

Только люди, потерявшие родную почву, могут не понимать какую роль в развитии патриотического чувства в русском народе, в деле воспитания молодежи, в воспитании новых кадров работников искусств играет русское искусство с его великими традициями и в его лучших современных образцах… Советскому народу… чуждо нигилистическое отношение к художественным богатствам своего народа, которое обычно сопровождается рабским преклонением перед всем заграничным и характеризует людей без почвы, без роду, без племени» (№ 15 от 10 апреля).

Александр Герасимов, «О современной русской художественной культуре»: «Очень важно, что сейчас в нашем искусстве получает все более и более глубокое раскрытие национально-русского начала, что глубже осознана всемирно-историческая роль русского искусства» (№ 27 от 3 июля).

Илья Оренбург, «Долг искусства»: «Наш патриотизм лишен кичливости. Мы знаем, что мы взяли у других и что мы другим дали… Русский роман XIX века видоизменил мировую литературу. Я не знаю французского или английского писателя нашего времени, который не испытал бы на себе благотворное влияние Толстого, Достоевского, Чехова. Русская музыка от Мусоргского и Чайковского до Шостаковича была неоценимым вкладом в мировую музыку. Наш театр на рубеже столетий произвел революцию в сценическом искусстве Европы. Наш балет повсеместно возродил хореографию… Мы знаем, что искусство связано с землей, с ее солью, с ее запахом, что вне национальной культуры нет искусства. **Космополитизм — это мир, в котором вещи теряют цвет и форму, а слова лишаются их значимости** (выделено мною. — *Ю. Ж.*). Мы любим в нашем прошлом все, что мы считаем родным, прекрасным и справедливым… Наш патриотизм чист, он лишен чванства, нетерпимости, зоологического начала. Наши писатели, художники, музыканты, актеры, носители национального гения, остаются преданными высоким идеалам всечеловеческого и вечного искусства» (№ 27 от 3 июля).

Лишь после такой серьезной и внушительной подготовки, во время которой до всеобщего сведения было доведено, чего же ждут от деятелей литературы и искусства, УПиА вовлекло тех в собственную, фактически цензорскую работу. Предложило для него давать оценку рукописей. Прежде всего — киносценариев для злободневного тогда улучшения качества художественных фильмов. И встретило полное понимание, готовность к сотрудничеству.

А. Толстой о сценарии В. Швейцера и А. Роу со стихами С. Городецкого «Кащей Бессмертный»: «Я считаю этот сценарий конъюнктурным, художественно лживым, патриотизм его квасным и посему — негодным для постановки».

А. Довженко о сценарии В. Кожевникова по собственной повести «Март-апрель»: «Мне этот сценарий не нравится. Не потому, что я нашел в нем что-либо антихудожественное или вредное. Мне он не нравится по незначительности хорошего»[374].

Согласившись хоть раз написать для УПиА внутреннюю рецензию, практически всегда отрицательную, писатели, хотели они того, или нет, становились добровольными и прямыми соучастниками выработки новой, великорусской идеи. Не осознавали, что их конформизм рано или поздно может бумерангом ударить и по ним самим. Но зато показали, что сами они не очень-то уважают, ценят друг друга. Всегда готовы найти соринку в глазу ближнего.

Однако УПиА понимало, что меры такого рода, даже немедленное и безоговорочное принятие к исполнению всеми высказанных взглядов далеко не сразу найдут свое художественное воплощение. Очень хорошо знало и иное. Что из-за острейшей нехватки бумаги тиражи даже таких газет, как «Правда» и «Известия», пришлось сократить соответственно с 1,3 млн. до 1 млн., с 500 до 400 тысяч[375]. Что радиофикацией, «точками» трансляции, охвачено менее половины городов, поселков, сел и деревень. Что все это весьма серьезно снижает возможности пропаганды. И потому решило усилить устную агитацию. Разумеется, в гораздо большем масштабе, нежели было доступно литературе и искусству. Охватить ею по возможности всю духовную сферу, включая и науку, и политику, и информацию о событиях в мире.

31 июля решением ПБ и постановлением СНК СССР[376] было создано Лекционное бюро при комитете по делам высшей школы. Руководителем его назначили А. Я. Вышинского, ответственным секретарем — заместителя начальника УПиА А. А. Лузина, членами — начальника УПиА Г. Ф. Александрова, председателя комитета по делам высшей школы С. В. Кафтанова, наркома просвещения РСФСР Б. П. Потемкина, академика-секретаря АН СССР Н. Г. Бруевича, директора института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР Е. С. Варгу, видных пропагандистов — военных журналистов М. Р. Галактионова, Н. А. Таленского. Им предстояло в кратчайший срок разработать тематику наиболее актуальных и вместе с тем популярных, рассчитанных на самые необразованные слои населения, лекций, подобрать из преподавателей высших учебных заведений, а где такой возможности не представится, то из школьных учителей лекторов; сразу же начать работу.

Вместе с тем УПиА использовало создавшуюся ситуацию и для того, чтобы завершить установление контроля над всеми без исключения учреждениями и организациями, напрямую связанными с литературой и искусством. Говоря конкретно, подчинить последний из них, пока еще обладавший определенной автономией: комитет по делам кинематографии во главе с И. В. Большаковым. Использовав как формальный предлог выявленные недостатки в работе комитета, и объяснявшие, мол, сокращение числа фильмов, удостоенных Сталинской премии, с 7 в 1939 году до 3 в 1942 году[377], УПиА 17 февраля 1943 года получило согласие секретариата ЦК на создание в своей структуре отдела кинематографии и назначение С. М. Ковалева его заведующим[378]. Тем самым на реорганизацию всего процесса подготовки прежде всего киносценариев, считавшихся тогда основой фильма. Теперь он выглядел следующим образом:

«Комитет направляет готовый литературный сценарий в ЦК ВКП(б). В ЦК ВКП(б) он попадает в управление пропаганды, где сейчас создан даже специальный киноотдел. Киноотдел рассылает сценарии на отзыв 15–20 консультантам. Каждый консультант считает необходимым дать свои замечания. Затем сценарий поступает к начальнику управления пропаганды, который тоже дает свои замечания. С этими замечаниями сценарий снова возвращается в комитет для переработки, а если по мнению управления

пропаганды киносценарий подходящий, он представляется на прочтение секретарям ЦК ВКП(б). Вся эта процедура занимает 2–3 месяца»[379].

Сознательно усложненный, откровенно бюрократический вариант рассмотрения и принятия киносценариев и позволял проводить столь нужную селекцию. Отсеивать все то, что теперь не отвечало новым требованиям. Так, уже в марте 1943 года из запланированных 23 художественных фильмов УПиА сочло возможным безоговорочно разрешить производство только трех — «Кутузов» (реж. В. Петров, сц. В. Соловьева), «Радуга» (реж. М. Донской, сц. В. Василевской), второй серии «Георгий Саакадзе» (реж. М. Чиаурели, сц. А. Антоновской). Еще три приняли условно, потребовав внесения конкретных поправок — «Иван Грозный» (реж. и сц. С. Эйзенштейн), «Жди меня» (реж. А. Иванов, сц. К. Симонова), «Небо Москвы» (реж. Ю. Райзман, сц. Н. Мдивани)[380]. Наиболее откровенно изменившиеся идеологические установки выразились в рецензии УПиА на работу Эйзенштейна.

«В сценарии, — писал Александров, — имеются следующие недостатки: в качестве единственной причины борьбы Ивана IV за усиление централизации Русского государства выставляется необходимость еще большего объединения его перед лицом внешней опасности. Это одна из важных причин. Но не менее важной причиной усиления борьбы за централизацию Русского государства в XVI веке являлось внутреннее развитие Русского государства, особенно быстрый рост хозяйственных связей… В связи с этим выросли новые слои населения (купечество, торговый люд городов), которые вместе со значительным слоем дворян поддерживали Ивана IV в его борьбе против бояр. Все эти моменты можно показать введением одной новой сцены — сцены борьбы различных группировок в Москве после отъезда Ивана IV в Александровскую слободу. Без показа этой борьбы для советского зрителя будет непонятным, почему москвичи решили, что „нельзя без царя“ и пошли в Александровскую слободу просить Ивана IV вернуться на царство. Кроме того, в фильме нужно показать, что Иван IV в борьбе с боярством был недостаточно последователен»[381]. (Спустя четыре года последнее замечание Александрова Сталин повторит как одну из основных претензий ко второй серии фильма.)

Новые критерии и оценки, даваемые УПиА тем или иным сценарием, несколько месяцев оставались известными только их авторам. Даже летом 1943 года, когда изменения идеологического курса приобрели уже достаточно отчетливые очертания, Щербаков, и тем более Александров, не сочли возможным познакомить с ними деятелей кино. На совещании, созванном 31 июля на Старой площади, Щербаков сообщил писателям, драматургам, режиссерам не конкретные задания, не установки партии, а иное. Сценаристы, мол, обязаны сами осознать, что же ждут от них. Дал понять, что требуются не слепые исполнители чужой воли, а сознательные сторонники. Люди, самостоятельно пришедшие к необходимым взглядам, сами занявшие определенную твердую позицию. И предложил пока единственную форму помощи — «совет».

«В армии, — заметил Щербаков, — там вся жизнь определяется приказами, наставлениями, приказаниями. Казалось бы, где-где нет места для совета, а тем не менее в армии наше руководство — Ставка верховного главнокомандования — требует от людей, чтобы советовались. Учат там: до того, как приказ, допустим, написан, люди советуются, потому что могут появиться новые мысли, новые предложения, которые могут быть учтены в приказе. Вот пока приказ не издан, надо советоваться. Как только приказ принят, он подлежит неукоснительному выполнению. Берется под контроль, следят за его выполнением. Если в армии люди советуются, так, разумеется, в искусстве должны обязательно советоваться».

Иными словами, весьма прозрачно намекнул: очередной приказ по армии искусств пока не отдан. Лишь готовится. И все могут внести в него свою лепту. Ну, а если не захотят, да еще и не посоветуются, то пусть пеняют на себя. Напомнил, что для того существует критика:

«Как может развиваться искусство без критики? — добавил Щербаков. — Это невозможно. Это значит поставить искусство в тепличные условия, под стеклянный колпак. Критика должна

быть, во-первых, вокруг Союза советских писателей и вокруг комитета по делам кинематографии. Они прежде всего должны организовать эту критику, критику товарищескую. Причем **следует так разнести, чтобы камня на камне не осталось**»[382] (выделено мною. — *Ю. Ж.*).

Однако первый удар критика, и притом отнюдь не «товарищеская», коллег, а партийная — УПиА, нанесла не по киноискусству, как можно было бы предположить, а по литературе. Ведь, в конце концов, главное в фильме — сценарий, а его создают писатели, драматурги — члены ССП. И именно они на совещании 31 июля составляли большинство. Более того, присутствовал вместе с ними и генеральный секретарь Фадеев. Но ни он, ни никто другой не сделали должных выводов. Не «организовали» необходимой критики. Не кулуарной, в виде записок в ЦК, как прежде, а открытой, на заседаниях правления и секретариата союза, на страницах собственной газеты «Литература и искусство». Только потому УПиА и взяло на себя роль инициатора процесса.

В ноябре 1943 года управлением был подготовлен проект постановления «Об ошибках в творчестве И. Сельвинского». «ЦК ВКП(б), — отмечалось в нем, — считает, что в стихотворениях И. Сельвинского „Россия", „Кого баюкала Россия" и „Эпизод" содержатся грубые политические ошибки. В стихотворении „Кого баюкала Россия" Сельвинский клевещет на русский народ, утверждая, будто бы душа русского народа обладает какой-то „придурью" и пригревает уродов. В халтурном стихотворении „Россия" содержатся вздорные и пошлые рассуждения о нашей родине („Люблю тебя, люблю тебя до стона и до бормотанья"). В пошлейшем, враждебном духу советских людей стихотворении „Эпизод" дается клеветнически-извращенное изображение войны.

ЦК ВКП(б) считает, что только отсутствием у Сельвинского сознания своей ответственности и забвением долга перед советским народом можно объяснить создание столь политически вредных и пошлых стихотворений. ЦК ВКП(б) предупреждает т. Сельвинского, что повторение подобных ошибок поставит его вне советской литературы»[383].

Но секретариат, точнее — Маленков и Щербаков, не поддержали инициативу Александрова. Сочли преждевременным высказывать столь откровенно взгляды, которые могли вызвать возражения со стороны наиболее убежденных, «твердолобых» членов ПБ и, тем самым, приостановить развитие нового идеологического курса. И потому Александрову, его заместителям по литературе Пузину и Еголину пришлось срочно готовить еще одну записку. Менее категоричную, более завуалированно выражавшую главную мысль — русский народ, его прошлое и культуру следует не осуждать, а только возвеличивать. Во втором документе нелицеприятной критике подвергались очень многие. Фадеев — за его выступление на встрече с молодыми писателями, Довженко — за повести «Победа» и «Украина в огне», Катаев — за водевиль «Синий платочек», Платонов — за рассказ «Оборона Семидворья», Сельвинский — за все те же стихотворения. Основное же внимание уделялось Зощенко, его повести «Перед восходом солнца», расцененной «клеветой на наш народ, опошлением его чувств и его жизни». Уделялось только этой повести пять страниц из двенадцати.

«Все русские писатели у него оказываются пессимистами и упадочниками». Новеллы, составляющие повесть, «натуралистические грубые». «Судя по повести, Зощенко не встречал в жизни ни одного порядочного человека. Весь мир кажется ему пошлым. Почти все, о ком пишет Зощенко, это пьяницы, жулики и развратники». «Зощенко говорит о людях нашего народа с нескрываемым презрением и брезгливостью, клевещет на наш народ, нарочито оглупляет его и извращает его быт». «Повесть Зощенко чужда чувствам и мыслям нашего народа…»[384].

Именно такая форма — не «русский», а «наш» народ, «клевета» на него и позволяла обойти прежде слишком уж открытое, даже нарочитое. Кроме того, на этот раз сумел Александров и отыскать еще один важный объект критики — редакции литературно-художественных журналов, которые и публиковали «порочные» произведения. Подобный ход,

как и в случае с кинокомитетом, позволял усилить контроль со стороны УПиА за деятельностью и самого Союза советских писателей, и за его органами — журналами.

2 декабря оргбюро утвердило проект постановления «О контроле над литературно-художественными журналами», установив тот самый порядок, который и должен был предотвратить появление политически-вредных произведений:

«Отметить, что Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и его отдел печати плохо контролируют содержание журналов, особенно литературно-художественных. Только в результате слабого контроля могли проникнуть в журналы такие политически вредные и антихудожественные произведения, как „Перед восходом солнца‟ Зощенко или стихи Сельвинского „Кого баюкала Россия‟. Обязать тт. Александрова и Лузина организовать такой контроль за содержанием журналов, который исключил бы появление в печати политически сомнительных и антихудожественных произведений. Возложить внутри Управления пропаганды контроль за журналами — „Новый мир‟ на т. Александрова, „Знамя‟ на т. Лузина, „Октябрь‟ на т. Федосеева. Установить, что наблюдающие за этими журналами несут перед ЦК ВКП(б) всю полноту ответственности за содержание журналов»[385].

А на следующий день было утверждено еще одно постановление, также подготовленное в УПиА и раскрывавшее, развивавшее негативную оценку работы редакций, в значительной степени перекладывавшее ответственность с партийных работников, — «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов». Оно гласило:

«ЦК ВКП(б) отмечает, что ответственные секретари литературно-художественных журналов „Октябрь‟ (т. Юнович), „Знамя‟ (т. Михайлов), „Новый мир‟ (т. Щербина), назначенные Центральным Комитетом для улучшения работы литературно-художественных журналов, улучшения руководства редакционными коллегиями журналов и работы с авторским коллективом, плохо выполняют возложенные на них обязанности. Редакционные коллегии журналов не работают, поступающие в редакции рукописи не обсуждаются, работа с авторским коллективом поставлена неудовлетворительно. Ответственные секретари журналов некритически относятся к поступающим в редакции рукописям, не проявляют высокой требовательности к качеству публикуемых произведений, к их идейно-политическому содержанию. В результате безответственного отношения ответственных секретарей журналов к публикации художественных произведений, в печать проникают серые, недоработанные, а иногда и вредные произведения. В журнале „Октябрь‟ опубликована антихудожественная, пошлая повесть Зощенко „Перед восходом солнца‟. В журнале „Знамя‟ опубликовано политически вредное стихотворение Сельвинского „Кого баюкала Россия‟.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать ответственных секретарей всех литературно-художественных журналов повысить требовательность к качеству публикуемых в журналах произведений, установить такой порядок работы над поступающими в редакции рукописями, который бы полностью исключил появление в журналах антихудожественных и политически вредных произведений.

2. Предупредить ответственных секретарей литературно-художественных журналов, что они несут перед ЦК ВКП(б) персональную ответственность за руководство журналами, за их идейно-политическую направленность и содержание»[386].

Но тем не менее оба постановления — казалось бы столь важные, должные отныне определять все дальнейшее развитие советской литературы, да и не только ее, но и искусства, в печать не попали. Даже в изложении — как редакционные либо авторские статьи. Ни тогда, ни позже. О них не вспомнили и в августе 1946 года, когда и Зощенко, и «толстые» журналы вновь подверглись нападкам, на этот раз жесточайшим. Стало известным содержание документов очень немногим. Лишь тем, кого касалось непосредственно: руководству ССП, членам редколлегий «Октября», «Нового мира», «Знамени», упоминавшимся в них писателям. Однако произошло это отнюдь не потому, что узкое руководство вознамерилось, как до войны,

продолжать придерживаться прежнего правила — не раскрывать секретов идеологической «кухни». Причина того, что два таких столь важных партийных постановления оказались на деле засекреченными, крылась в ином. В том, что они так и не могли решить до конца те задачи, ради которых и замышлялись.

В конечном счете, постановления оказались паллиативом, вылившись в критику вообще. Обосновываясь различными по характеру промахами и ошибками ряда прозаиков, поэтов, так и не раскрыли главного — в чем же заключалось грехопадение Сельвинского, в чем именно крылся «политический вред» одного из его стихотворений. Мало того, далеко не случайно его имя вполне сознательно, преднамеренно уравновесили вторым — Зощенко, да еще дополнили определением «антихудожественная» откровенно фрейдистской повести последнего. Волею случая Зощенко оказался необычно подходящей фигурой для той сложной комбинации, в которую превратилась подготовка обоих постановлений. Имя писателя помогло надежно скрыть первоначальную идею. Он, всем хорошо известный ленинградский писатель, как бы подменил собою отсутствие даже как просто упоминание четвертого из четырех выходивших в то время литературно-художественных журналов, ленинградской «Звезды». Ведь даже малейший намек на хоть бы самые незначительные огрехи в работе ее редколлегии, работы в страшных условиях блокады оказался бы аморальным, неэтичным.

Выиграл от постановлений только Александров и возглавляемое им УПиА. Оба документа стали первой их серьезной акцией, весомым доказательством существования идеологического аппарата. Того, что он не дремлет, надзирает, принимает в необходимых случаях все надлежащие меры. Кроме того, благодаря именно изменению сути постановлений, их направленности, УПиА удалось укрепить свой повседневный и непосредственный контроль над ССП. Устранить уже 19 января 1944 года слишком самостоятельного в решениях, мало считавшегося с мнением, «советами» сотрудников управления Александра Фадеева. На состоявшемся в тот день срочном заседании расширенного правления ССП, тот был освобожден от поста генерального секретаря союза, заменен «управляемым» ленинградским поэтом и прозаиком Николаем Тихоновым. Такое назначение к тому же могло формально свидетельствовать о некоторой демократизации положения в ССП хотя бы в силу того, что в первой половине 20-х годов Тихонов входил, как и Зощенко, в литературное объединение «Серапионовы братья», а не в одиозный РАПП подобно Фадееву. Одновременно, также 19 января, Александрову удалось добиться введения в президиум ССП и своего прямого ставленника — Д. А. Поликарпова, «избранного» секретарем правления союза. А на освободившуюся должность последнего — первого заместителя председателя Радиокомитета, направил еще одного своего сотрудника — А. А. Пузина.

Так далеко идущие замыслы закрепить новые идеологические положения в официальном партийном документе оказались в конечном счете безуспешными. Обернулись заурядной аппаратной игрой, приведшей в свою очередь к более серьезным событиям.

Глава тринадцатая

Все решения, которые ПБ принимало по организационным вопросам и партийному строительству — начиная с отмены в октябре 1942 года института военных комиссаров и кончая упразднением в августе 1943 года должностей отраслевых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, мотивировались одним: необходимостью установления полного единоначалия. И потому рано или поздно все они в совокупности должны были привести к некоему итоговому постановлению. Тому, в котором и будет пересмотрено место, роль, реальное положение ВКП(б) в жизни общества и страны.

Повод для того нашелся довольно скоро. 27 декабря 1943 года, в связи с ухудшившимся состоянием здоровья Калинина, а также и тем, что один из его основных заместителей, А. Е. Бадаев — председатель ПВС РСФСР, был снят с должности за «беспробудное пьянство» и «разврат», ПБ решило заменить последнего Шверником. Такая процедура на уровне СССР находилась в компетенции союзного парламента, и потому его созыв наметили на 25 января

1944 года. А так как сессия оказывалась первой с начала войны, ее вознамерились использовать и для утверждения государственного бюджета[387]. Тем самым, как бы восстанавливали действие законодательного органа власти, что должно было послужить в глазах населения признаком постепенного возвращения к нормальному мирному состоянию.

Воспользовавшись предоставившейся возможностью — традиционным проведением в канун сессии Пленума ЦК, опять же первого с начала войны, Маленков, скорее всего при активной помощи Шаталина, подготовил проект постановления ЦК ВКП(б) — «Об улучшении государственных органов на местах». Формально опиравшийся на суть постановления ПБ от 4 мая 1941 года, а фактически весьма значительно развивавший, дополнявший его. Сумел Георгий Максимилианович заручиться и поддержкой двух членов ПБ — Молотова, Хрущева, а 24 января 1944 года этот документ за тремя подписями направил Сталину. Проект был столь необычным, важным, беспрецедентным, что несмотря на значительный объем заслуживает того, чтобы привести его полностью:

I

«За время Отечественной войны против немецких захватчиков партийные и государственные органы на местах провели большую работу по организации тыла и мобилизации сил народа на отпор врагу. На полный ход пущены перебазированные на Восток заводы. Колхозы и совхозы снабжают без серьезных перебоев армию и страну продовольствием. Транспорт обеспечивает перевозки военных и народнохозяйственных грузов.

Осуществляя директивы партии и правительства по организации и укреплению тыла для нашего фронта, местные партийные и государственные органы добились серьезных улучшений в руководстве хозяйственным строительством и в основном успешно справились с задачей перевода хозяйства на военный лад, с задачей обеспечения Красной Армии всем необходимым для разгрома врага.

Вместе с тем нельзя не видеть и того, что в сложившейся практике руководства местных партийных и государственных органов хозяйственным и культурным строительством, как во время войны, так и в довоенный период, имелись и имеются крупные недостатки.

Наши местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями, что неизбежно приводит к смешению функций партийных и государственных органов, к подмене и обезличиванию государственных органов, к подрыву их ответственности и к усилению бюрократизма в госаппарате. В результате смешения функций партийных и государственных органов беспартийные часто не знают, куда им следует обращаться за разрешением своих вопросов, так как руководящие работники исполкомов советских органов вместо самостоятельного решения вопросов оглядываются на обкомы, органы партии, ожидая по каждому случаю специальных указаний. Такое неправильное положение во взаимоотношениях партийных и советских органов порождает также некоторую безответственность местных партийных руководителей, поскольку они считают себя ответственными только перед коммунистами и партийными организациями, но не перед беспартийными массами.

В организационном отношении указанные недостатки в работе местных партийных и советских органов привели к неправильному распределению руководящих работников между ними. В партийных организациях сосредоточены наиболее авторитетные и опытные руководящие работники за счет ослабления руководящих кадров в советских органах, что неизбежно усиливает указанные выше недостатки работы государственных органов. Такая неправильная расстановка руководящих сил привела к тому, что в настоящее время без

устранения этого серьезного организационного недостатка нельзя поднять работу советских органов на уровень современных задач советского государства.

II

В целях ликвидации указанных выше недостатков в работе партийных и государственных органов, Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым:

а) покончить с установившейся вредной практикой дублирования и параллелизма в руководстве хозяйственным и культурным строительством со стороны местных партийных и государственных органов, с неправильной практикой подмены и обезличивания государственных органов и полностью сосредоточить оперативное управление хозяйственным и культурным строительством в одном месте — в государственных органах. Такое сосредоточение оперативного руководства и сил в одном месте целиком себя оправдало в деле руководства предприятиями промышленности и транспорта, где вся полнота власти принадлежит руководителю предприятия, а также в военном деле, где на командиров возложена полная ответственность за работу в войсках;

б) укрепить государственные органы наиболее авторитетными и опытными кадрами, способными обеспечить дальнейший подъем работы государственных органов и сосредоточить в совнаркомах республик и исполкомах Советов дело руководства хозяйственным и культурным строительством;

в) повернуть внимание партийных организаций к всемерному укреплению государственных органов, поднятию их роли и авторитетности, освободив партийные органы от несвойственных им административно-хозяйственных функций и установить правильное разделение труда и разграничение обязанностей между партийными и государственными органами;

г) обязать руководящие партийные органы на местах, проводя перестройку взаимоотношений с советскими органами, осуществлять политическое руководство работой государственных органов и политический контроль за правильностью проведения ими директив партии и правительства; обеспечить правильный подбор и выдвижение кадров в государственном аппарате, неуклонно заботясь об их идейно-политическом росте; развернуть политико-просветительную работу в массах трудящихся, еще больше сплачивая массы вокруг Советов для поддержки проводимых ими мероприятий.

III

В качестве организационных мер, обеспечивающих перестройку и укрепление местных руководящих государственных органов, Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым:

1) признать целесообразным, чтобы первый секретарь ЦК коммунистической партии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома партии был одновременно и председателем совнаркома союзной (автономной) республики, исполкома краевого, областного, окружного, городского, районного Совета депутатов трудящихся;

2) укрепить руководящие кадры и аппарат совнаркома союзных и автономных республик, исполкомов краевых, областных, окружных, городских и районных Советов, переведя для этой цели в советские органы из партийных органов руководящих работников, занятых в настоящее время вопросами хозяйственной работы;

3) упразднить в горкомах, окружкомах, обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик должности заместителей секретарей по отдельным отраслям промышленности,

торговли, транспорта и сельского хозяйства, а также соответствующие отделы партийных органов;

4) поручить Политбюро ЦК определить порядок и сроки практического осуществления указаний, изложенных в пунктах 1, 2, 3 настоящего постановления»[388].

Сталин проект поддержал. Собственноручно начертал резолюцию: «За (с поправками в тексте). И. Сталин». Правку же внес не смысловую, принципиальную, а чисто стилистическую. Вычеркнул одну фразу (последнюю пункта «а» второго раздела) да еще шесть слов — явные повторы, и предложил свой вариант названия — «Об объединении руководства партийных и государственных органов на местах», по основному смыслу содержания третьего раздела.

После столь явно выраженного мнения Иосифа Виссарионовича к сторонникам проекта присоединился Андреев[389]. Казалось, теперь уже не будет никаких неожиданностей, сбоев. Документ безоговорочно одобрят все. Но именно этого и не произошло. 26 января вместо Пленума состоялось заседание узкого руководства, оно же — ПБ, на котором проект данного постановления не только категорически отвергли, но и вычеркнули вообще из повестки дня Пленума[390]. Почему же так произошло?

Ни каких-либо записей, ни протоколов, ни, тем более, стенограмм не только данного, но и всех вообще совещаний узкого руководства, оформлявшихся как заседания ПБ, тогда не велось. Поэтому мы никогда не узнаем, кто же именно и по каким формальным мотивам сумел отвергнуть проект постановления. Того, которое полностью соответствовало курсу XVIII партсъезда, но одновременно и развивало его, доводило до логического конца. Окончательно отстраняло партию от даже косвенного участия в повседневной деятельности государственного аппарата. Отстраняло партию от воздействия на развитие экономики, науки, культуры, образования, многого иного. По сути ликвидировало существовавшую четверть века партийную ветвь власти. Но можно попытаться реконструировать то, что произошло 26 января.

За проект выступали четыре члена ПБ — Сталин, Молотов, Андреев, Хрущев, и один кандидат — Маленков. Чтобы документ был отвергнут, требовалось, чтобы против него проголосовало по меньшей мере также четверо членов ПБ. На заседании в тот день присутствовали из членов ПБ, помимо названных, еще Каганович, Калинин, Микоян, Шверник, а также трое кандидатов — Берия, Вознесенский, Щербаков. Жданов и Ворошилов в Москве отсутствовали, потому в обсуждении участия принять не могли. Следовательно, против проекта, чтобы он не прошел, непременно должны были выступить Каганович, Калинин, Микоян, Шверник, а кроме того, как минимум, еще и Берия, или Вознесенский, или Щербаков. Однако последнего приходится сразу же исключить из числа потенциальных оппонентов, ибо только одному ему предстоящая реформа ни лично, ни по отношению к курируемой им сфере — пропаганде и агитации, ничем не грозила. Более того, весьма усиливала его позиции, его роль в партии. Именно поэтому нельзя исключить и то, что Маленков заранее поставил Александра Сергеевича в известность о содержании подготовленного документа и заручился его поддержкой, одобрением.

Если допустить как итог обсуждения простое равенство голосов «за» и «против», противником проекта должен был стать один из двух — Берия или Вознесенский. Зная о далеко не простых отношениях последнего с Молотовым и Маленковым, можно с практически полной уверенностью говорить о голосе «против» Вознесенского. Но по тем же мотивам никак нельзя исключить и того, что противником проекта выступил также и Берия. Выразил таким образом свое недовольство укреплением позиций Молотова и Маленкова отчасти за его счет. Наконец, возражать мог и Жданов, также потерявший прежнее положение в партийном руководстве. Ему, информированному кем-либо по телефону о происходившем, ничто не мешало проголосовать заочно.

Но как бы то ни было, приходится констатировать одно: проект решения, столь откровенно поддержанный Сталиным, был отклонен. Отвергнут теми, на кого тот собирался опереться, использовать в свою поддержку. И произошло это только потому, что предлагавшаяся реформа направлялась именно против таких членов ПБ, вела к ликвидации их участия во властных структурах, ибо вне партийных, лишь в государственных, как они достаточно хорошо уже понимали, долго оставаться им бы не позволили.

Правда, один пункт проекта постановления, но в самом минимальном варианте, все же утвердили. Уже после пленума, 29 января 1944 года, ПБ приняло решение, обоснованное необходимостью «дальнейшего усиления работы Советов»: «выдвинуть» на пост председателя СНК УССР Н. С. Хрущева, а СНК БСС — П. К. Пономаренко, оставив их, в то же время, и первыми секретарями ЦК компартий соответствующих республик. Прежние же главы правительств Украины и Белоруссии, Л. Р. Корниец и И. С. Былинский, автоматически стали первыми заместителями предсовнаркомов[391]. Тем самым получила некоторое продолжение лишь одна линия перестройки — совмещение должностей руководителей партийной и государственной структур власти, начатое 4 мая 1941 года.

И все же категорический отказ от реформирования ВКП(б), то, что проект постановления решительно отвергли, трудно объяснить только личными интересами части узкого руководства, попыткой с их стороны сохранить свое высокое положение, удержаться на вершине власти. Немаловажную роль должно было сыграть и понимание того, что партия служит единственной структурой, сохраняющей и гарантирующей целостность Советского Союза. А угроза распада его стала реальностью именно тогда, в конце 1943 года.

Первые сведения о создании немцами из коллаборантов полиции и «отрядов самообороны», о появлении поначалу малопонятной по своей политической ориентации «Украинской народной революционной армии» («бульбовцев»), начали поступать в Москву еще в 1942 году. А потом стало известно и иное. Что терпя одно поражение за другим, испытывая острейшую нужду в людях для пополнения вермахта, нацистская Германия приступила к формированию воинских частей из граждан СССР: эсесовских дивизий — 14-й украинской («Галичина»), 15-й литовской, 19-й латышской, 20-й эстонской, 29-й русской («Русская освободительная армия», «власовцы»), 162-й пехотной дивизии из тюркских народов Кавказа, Поволжья и Средней Азии («Мусульманский легион»), 1-й и 2-й кавалерийских дивизий из казаков Дона, Кубани, Терека, жителей Северного Кавказа. Кроме того, в марте 1943 года началось создание и оуновской Украинской повстанческой армии.

Столкнувшись со столь откровенным проявлением уже не идейного национализма, а вооруженного сепаратизма, узкое руководство оказалось перед необходимостью незамедлительно, и притом без какой-либо широкой огласки, разрешить возникшую проблему. Срочно искоренить все то, что противоречило лозунгам о нерушимой дружбе народов СССР, об их верности идеалам социализма, верности Советской власти. Одним из первых вариант решения задачи предложили первый секретарь Ставропольского крайкома М. А. Суслов и начальник управления НКВД по краю Ткаченко. 5 мая 1943 года, спустя три месяца после освобождения территории от врага они обратились к командующему войсками Северо-Кавказского фронта И. И. Масленникову с просьбой «выдворить в административном порядке» членов семей ушедших с немцами, изменников родины и предателей, бандитов и их пособников; «лиц, подозрительных по шпионажу, в отношении которых не добыто достаточно данных для ареста»[392]. Иными словами, предложили вернуться к той практике, которую осудило и отвергло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года.

Откровенно незаконный, внесудебный способ разрешения сложной проблемы был тут же принят членами узкого руководства. Видимо, как единственно возможный и вполне оправданный условиями военного времени, по их представлению. Начиная с октября 1943 года НКВД стало осуществлять депортацию, но не только тех, кто действительно оказался изменником, а целых народов — карачаевцев, калмыков, чеченцев и ингушей, балкарцев, а

несколько позже и крымских татар. Как завершение, своеобразный итог таких акций, последовали решения ПБ, указы ПВС СССР о ликвидации Калмыцкой, Чечено-Ингушской, Крымской автономных республик, о преобразовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую, Карачаево-Черкесской АО в Черкесскую[393]. Скупая информация о том попадала в печать, но лишь как простая констатация факта, без каких-либо обоснований, объяснений или комментариев.

Члены узкого руководства непременно должны были обсуждать эту проблему — политическое положение, сложившееся за линией фронта. И вполне вероятно, что Берия, отвечавший за проведение депортаций и потому обладавший сведениями по данному вопросу во всей полноте, мог использовать их как самый весомый, самый убедительный и притом «объективный» довод против реформирования партии и усиления роли Советов. Во всяком случае, в данное время. Мог, используя соответствующие аргументы, и склонить Сталина отказаться от первоначального мнения. Ну а то, что узкое руководство именно в те январские дни обратилось к поиску выхода из создавшейся ситуации, порожденной неожиданным для него проявлением национализма, подтверждается возникновением именно тогда «дела Довженко».

Впервые негативная оценка взглядов украинского режиссера и писателя, выраженных в повести «Победа», была дана Александровым еще летом 1943 года. Однако тогда начальником УПиА не было сказано ни слова о национализме как о решающем поводе для запрещения рукописи[394]. Совершенно иначе то же самое произведение трактовалось полгода спустя в пространной записке руководства управления, сопровождавшей проекты двух постановлений ЦК о литературно-художественных журналах. Этот документ, датированный 2 декабря 1943 года, уже прямо отмечал: в повести «отчетливо выражены чуждые большевизму взгляды националистического характера… Довженко настойчиво пытается убедить читателей в том, что за Украину борются якобы только украинцы», причем «Украина ни разу не названа Советской Украиной». Но и тогда, даже после появления киноварианта той же повести — «Украина в огне», в которой автор, по мнению УПиА, допустил «еще более грубые политические ошибки»[395], Довженко пока не стал объектом особого внимания, не был упомянут как Зощенко и Сельвинский в тексте постановлений.

Значимость ошибок Довженко изменилась только в начале 1944 года. 8 февраля, менее чем через две недели после Пленума ЦК ВКП(б), за подписью Щербакова во все редакции центральных газет, журналов, издательств, во все обкомы КП(б)У, возобновившие работу на освобожденной от врага территории УССР, был направлен циркуляр. Им туманно информировали, что в «произведениях Довженко… имеют место грубые политические ошибки антиленинского характера», и потому требовали «не публиковать произведений Довженко без особого на то разрешения Агитпропа ЦК ВКП(б)»[396]. Нет никакого сомнения в том, что основанием для возвращения к «делу Довженко» послужило обсуждение узким руководством вопроса о росте национализма во все еще оккупированных врагом союзных республиках, и особенно на Украине. За расплывчатой же формулировкой сути ошибок режиссера кралось то, что прямо было не использовано, но уже сказано осенью 1943 года во внутренней рецензии УПиА на повесть «Украина в огне»: она «является платформой узкого, ограниченного украинского национализма, враждебного ленинизму, враждебного политике нашей партии и интересам украинского и всего советского народа»[397].

Хрущеву, столь опрометчиво, как оказалось, подписавшему вместе с Молотовым и Маленковым проект постановления, пришлось не только совместить две весьма ответственные должности, но и в добавок к тому еще и лично начать активную борьбу с украинским национализмом во всех его проявлениях — и открытом, вооруженном, и в потаенном, идейном. Явно выполняя устное поручение узкого руководства, а отнюдь не по собственной инициативе, Никита Сергеевич 12 февраля 1944 года провел через ПБ КП(б)У решение, в соответствии с которым за допущенные, опять же — «грубые политические ошибки антиленинского

характера», Довженко сняли со всех занимаемых должностей как в государственных учреждениях, так и в общественных организациях[398]. И только 1 марта, выступая на сессии Верховного Совета УССР с докладом «Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства Советской Украины», Хрущев вынужден был открыть карты. Назвать все же вещи своими именами. Прямо признать существование вооруженного сопротивления оуновцев. Определить их как «украино-немецких националистов — пособников Гитлера, злейших врагов украинского народа»[399]. Найти, тем самым, единственно возможное и вместе с тем достаточно честное, объективное объяснение происходившему на Правобережье.

С этого момента проблема борьбы с националистами, ликвидации их на территории СССР перестала быть тайной для населения всей страны. Однако сразу ее как бы перевели с общесоюзного по значимости уровня на республиканский как носящую местный характер. Вместе с тем она не только необычайно усложнилась, но и стала практически нерешаемой из-за того события, которое в тот момент стало основным в отношениях с союзниками.

На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившей с 19 по 30 октября 1943 года, была достигнута договоренность о создании взамен Лиги наций новой международной организации — ООН, которую в ближайшее время должны были образовать 26 стран антигитлеровской коалиции. Тем самым вопросы обеспечения безопасности в мире после войны предстояло обсуждать не кулуарно, на встречах тройки, а открыто, да еще и решать их голосованием. Причем не оставалось сомнений, что таким образом Советскому Союзу смогут навязать решения, с которыми он был бы заведомо не согласен. Ведь любые предложения, вносимые США, наверняка поддерживались бы голосами 8 стран Центральной Америки и Карибского бассейна, Великобритании — ее четырьмя доминионами и Индией. Англо-американский блок всегда располагал бы большинством в 13 голосов из 26, а СССР — только одним, своим собственным. В лучшем случае мог рассчитывать на поддержку со стороны Чехословакии и Югославии.

Основываясь, скорее всего, на рекомендациях комиссии НКИД по послевоенным проектам государственного устройства Европы, Азии и других частей мира, Молотов предложил узкому руководству своеобразный выход. Придать чисто символически больше прав, самостоятельности, суверенности союзным республикам. Попытаться сделать их тем самым такими же субъектами мирового сообщества, какими являлись не только британские доминионы — Канада, Южно-Африканский союз, Австралия, Новая Зеландия, но и колония, Индия[400].

Следуя такой логике, Вячеслав Михайлович подготовил проекты указов Верховного Совета СССР о преобразовании союзных наркоматов обороны и иностранных дел в союзно-республиканские. В соответствии со вторым из них устанавливалось: «союзные республики могут вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения». Тем самым 16-ти союзным республикам предполагалось предоставить прерогативы, позволяющие им претендовать на членство в ООН.

Проекты доклада Молотова и указов ПБ рассмотрело 26 января, Пленум — 27 января[401], а Верховный Совет СССР — 1 февраля. Открыто мотивировали необходимость предложенных мер результатами политического, экономического и культурного роста союзных республик. Подчеркивали: «В этом нельзя не видеть нового важного шага в практическом разрешении национального вопроса в многонациональном советском государстве, нельзя не видеть новой победы нашей ленинско-сталинской национальной политики». Объясняли, что расширение прав союзных республик скажется на укреплении не только их самих, но и союзного государства[402]. Лишь выступая на Пленуме, Молотов позволил себе откровенность. «Это очевидно, — сказал он, — будет означать увеличение рычагов советского воздействия в других государствах. Это будет также означать, что участие и удельный вес представительства Советского Союза в международных органах, конференциях, совещаниях, международных

организациях усилится. Это будет также означать большие возможности в деле развития наших международных связей, при подготовке тех или иных выступлений по международным вопросам или при предварительном выяснении, не обязательно от имени Советского Союза, а через другие каналы, через каналы республик, тех или иных мнений или точек зрения других государств»[403].

Возможность приступить к осуществлению такого плана предоставилась лишь полгода спустя, на конференции в Думбартон-Оксе. 31 августа 1944 года во время переговоров по конкретным вопросам создания ООН, глава делегации СССР А. А. Громыко впервые заявил госсекретарю США К. Хэллу, что «союзные советские республики должны быть в числе инициаторов создания организации безопасности». Реакция США, хотя и весьма уклончивая, последовала незамедлительно. Уже на следующий день Рузвельт в очередном послании Сталину предложил: «Если отложить в настоящее время этот вопрос, то это не помешает тому, чтобы он был обсужден позднее, как только будет создана Ассамблея. Ассамблея имела бы к тому времени все полномочия для принятия решения»[404].

Почти полтора года напряженного ожидания обернулись неизбежным. Вынужденным бездействием именно тогда, когда еще относительно легко можно было пресечь в корне существовавшие в западных регионах откровенно националистические тенденции. Решительно воспрепятствовать их укреплению, срастанию с вооруженным пронемецким сепаратизмом. Связанное по рукам необходимостью постоянно и неуклонно подтверждать провозглашенную, но остававшуюся весьма призрачной самостоятельность союзных республик, узкое руководство лишило себя возможности своевременно и открыто начать борьбу со всеми без исключения проявлениями национализма, включая и в чисто идеологической сфере. Осознавало, что любые действия в этом направлении могут быть использованы США и Великобританией, интерпретированы ими как веское доказательство отсутствия даже номинальной суверенности республик, претендовавших на членство в ООН.

Вместе с тем на складывавшуюся весьма непростую ситуацию значительное воздействие оказывали и иные факторы. Во-первых, сама федеральная структура СССР. Ведь уже само по себе существование союзных национальных республик со всей их атрибутикой — гербами, флагами, гимнами, правительствами, «государственными» языками, а с февраля 1944 года еще и с юридической возможностью создавать собственные армии, вступать с другими государствами в прямые дипломатические отношения, предопределяло обязательное возникновение, существование именно того, что на языке официальной пропаганды и называлось «Национализмом».

Не отказавшись от национального признака как основы любой советской формы государственности, узкое руководство не могло ликвидировать и ту почву, на которой произрастал национализм. Не могло открыто провозглашать все то, что могло быть воспринято как проявление, насаждение унитарных тенденций. Вынуждено было уклоняться от любых призывов, указаний, тем более — в форме постановлений ЦК, которые трактовались бы на местах как русификаторство. От подчеркивания ими, но только ими решающей роли для истории страны лишь одной из шестнадцати союзных республик — Российской Федерации, значения в том ее ядра — русского народа. Словом, от всего того, что непременно спровоцировало бы в сложившихся условиях дальнейшее и притом уже повсеместное усиление национализма.

Во-вторых, в весьма значительной степени влияла на ситуацию и та политика по отношению к союзным республикам, которая проводилась все послереволюционные годы, но особенно — после принятия новой Конституции. Политика, должная убедительно, наглядно подтвердить «торжество ленинско-сталинского решения национального вопроса». Выражавшаяся не только в использовании национальных языков в делопроизводстве, преподавании в школах и вузах. Ярко проявлявшаяся в настойчивом

подчеркивании «небывалого расцвета» национальных культур, принимавшего весьма разнообразные формы.

Проявлявшегося в открытии во всех без исключения союзных республиках национальных драматических, опернобалетных театров со своим подчеркнуто национальным репертуаром, создаваемом однако, преимущественно, российскими драматургами и композиторами; в образовании республиканских творческих союзов, членами которых в массе являлись деятели литературы и искусства, переехавшие из Москвы, Ленинграда, других городов РСФСР. Работе — пока еще лишь на Украине, в Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджане — собственных киностудий. И даже в функционировании академий наук — помимо уже существовавших украинской, белорусской, грузинской, в 1943 году (!) они были образованы еще и в Узбекистане, Армении. Все это, естественно, вело к заведомо преждевременному, искусственному формированию национальной интеллигенции.

Та же, в свою очередь, недостаточно подготовленная по образованию, не имеющая должного профессионального опыта, не располагавшая хоть какими-либо реальными достижениями, могла подтверждать свое существование только при строгом соблюдении одного непременного условия. Создания и применения для себя особых, откровенно заниженных по сравнению с общими, критериев оценки своего творчества. Ну, а последние были возможны лишь при признании в каждой союзной республике фактического приоритета национального языка в ущерб общегосударственному, русскому, что и исключало возможность беспристрастного, объективного сравнения. Такое положение неизбежно, естественно и становилось той питательной средой, в которой вызревали ростки и национализма, и центробежных сил, скрытно ведших к ослаблению единства, прочности СССР.

Складывавшаяся ситуация оставляла для узкого руководства лишь два выхода. Либо противопоставлять национализму интернационализм, либо сепаратистским тенденциям — идею унитарного, «единого и неделимого», «нерушимого» Советского Союза. Но первый путь уже был отвергнут той реальностью, которая возникла в процессе реформирования партий, ликвидации Коминтерна. Невозможным — из-за острейшей нужды в дополнительных голосах в ООН — оказывался и второй. Вот отсюда и та смысловая недоговоренность, как бы незавершенность, которые оказались характерными для постановлений и ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах, и украинского ЦК — о Довженко. Мозговой центр партаппарата, УПиА, вынуждено было искать принципиально иное решение.

Весьма приблизительно, пунктирно оно обозначилось уже в марте 1944 года, в «Плане деятельности» УПиА «по улучшению пропагандистской и агитационной работы партийных органов». Предполагало противопоставить национализму… преимущества социалистического строя. А первой попыткой теоретически обосновать такое положение стало постановление «О недостатках научной работы в области философии», утвержденное ПБ 1 мая. Формальным поводом для его принятия послужил выход в свет трехтомной «Истории философии». Однако основным смыслом документа явились отнюдь не тривиальные, вряд ли несшие нечто новое, утверждения вроде «материалистическая диалектика Маркса по своей сути противоположна идеалистической диалектике Гегеля», а иное. То, что крылось за критикой авторов капитального труда, «обошедших молчанием» «реакционные рассуждения о германском народе как „народе избранном“, „тезис Гегеля о необходимости систематической колонизации других народов“»[405].

До предела усложненный, чисто академический текст постановления вынуждал мучительно гадать каждого, кто обращался к нему: почему вдруг самой актуальной оказалась немецкая философия начала минувшего века, взгляды Гегеля? Зачем именно сейчас, во время войны, нужно осуждать давно исчезнувшую прусскую монархию, когда столь явны пороки, мерзость германского нацизма?

Ответы на эти вопросы дала редакционная статья журнала «Партийное строительство», и растолковавшая постановление. Без эвфемизмов, уклончивых трактовок, она прямо, вполне

открыто утверждала: «Национальные взаимоотношения, история народов всегда были в числе тех вопросов идеологической борьбы, куда стремилась проникнуть чуждая нам идеология, и партийные организации должны быть насторожены против малейших попыток протащить взгляды, отдающие великодержавным шовинизмом или местным национализмом». И тут же предложила спасительное лекарство от обеих болезней — «Важно в настоящее время постоянно разъяснять те принципы, на которых основан наш строй»[406].

Явно ощущая те недостатки, которые оказались присущими постановлению по философии, ПБ все же предложило опубликовать его только в журнале «Большевик». Мало того, в виде редакционной статьи, да еще, пренебрегая традициями, лишь констатирующую часть. Главным образом, ради абстрактного призыва, обращенного к узкой группе ученых — «дать правильное, марксистско-ленинское изложение роли и сущности немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.». Постановляющая же часть оказалась известной немногим, только тем, кого она касалась напрямую. Ведь она затронула лишь кадровые вопросы: в соответствии с ней директора Института философии П. Ф. Юдина освободили от занимаемой должности, а назначили на его место В. И. Светлова. Кроме того, вывели из состава редколлегии «Истории философии» Александрова, так как «начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) не должен связывать себя обязанностями редактора отдельных изданий»[407]. Тем самым исключили на будущее возможность совмещения в одном лице критика и подвергаемого критике.

Потерпев неудачу при обращении к философии, Александров попытался реабилитировать себя новой акцией. 18 мая подписал очередную записку, на этот раз — «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков». Используя ее, добился созыва в конце мая совещания с участием не только крупнейших отечественных историков, но и партийных руководителей. Надеялся, что там, наконец, и будут найдены столь необходимые обоснования выдвинутого при его активном участии противопоставления национализма и социализма.

Открыл совещание Маленков. Он заявил, что ЦК сочло необходимым обсудить имеющиеся спорные вопросы и выработать общие принципиальные установки. Под «спорными вопросами», вне сомнения, подразумевал те взаимоисключающие тенденции, которые четко обозначились еще в канун войны, получили уже не столько научный, академический, сколько политический характер. Сводились к ответу на вопрос: как же теперь следует оценивать многовековое расширение Российского государства, сопровождавшее его сопротивление нерусских народов, населявших присоединенные территории.

Скорее всего, Маленков полагал, что назрела необходимость окончательно преодолеть все еще ощутимое влияние школы Покровского. Настала пора отрешиться от порождаемой ею нигилистической оценки прошлого России, жизни и деятельности ее выдающихся государственных деятелей — отдельных царей, императоров, полководцев. Научно обосновать то самое, что почти десятилетие успешно делали литература и искусство. Доказать, объяснить бесспорное положительное значение присоединения к России нерусских народов, не отступая при этом от марксистско-ленинской методологии. От определения классовой борьбы как движущей силы исторического развития.

Дискуссия самих историков — В. П. Волгина, Б. Д. Грекова, Н. С. Державина, М. В. Нечкиной, М. М. Панкратовой, Е. В. Тарле, других, растянувшаяся более чем на месяц, показала, что завершиться совещание может только одним: общим признанием концепции унитарного государства. Единственной, и позволявшей снять все накопившиеся противоречия. Однако именно такой результат не согласовывался с идеями УПиА, и потому вторая важная антинационалистическая акция ничем не завершилась. Проект постановления ЦК «О недостатках научной работы в области истории», загодя подготовленный Александровым и его сотрудниками как итог совещания, был отклонен при первом же рассмотрении Щербаковым.

Безрезультатным оказалось и вмешательство Жданова. Довести документ, найдя убедительные аргументы в пользу «третьего пути», не удалось и ему[408].

Глава четырнадцатая

К концу января 1944 года, после побед в Сталинграде, на Курской дуге, Северном Кавказе, Днепре, под Ленинградом, война для Советского Союза вступила в новый этап. Изначальная, самая важная задача — любой, даже самой дорогой ценою, величайшим напряжением всех сил остановить врага, отстоять независимость и целостность страны — была решена. Превосходство Красной Армии над вермахтом отныне стало неоспоримым. Начавшееся стремительное и неудержимое наступление с каждым днем приближало долгожданное полное освобождение. Немцев уже изгнали с двух третей занятой ими территории СССР, а разрабатывавшиеся очередные операции в самом близком времени должны были вывести советские войска к старой, на 1 сентября 1939 года, границе.

Однако именно успехи Красной Армии на всех фронтах, ее постоянное, неуклонное продвижение все дальше и дальше на запад, и заставили временно отсрочить осуществление новых стратегических планов Генштаба. Выдвинули на первый план оказавшиеся более значимыми проблемы политические.

Боевые действия в последующие месяцы предстояло вести на той земле, которая, по мнению Лондона и Вашингтона, являлась для Москвы «заграницей». В трех Прибалтийских республиках, остававшихся для Великобритании и США независимыми. В западных областях Белоруссии и Украины, с точки зрения польского эмигрантского правительства — неотъемлемой части Польши, воевавшей с Германией. Но ни согласиться с подобными представлениями, ни даже принять их за исходную позицию для обсуждения советское руководство никак не могло. Поступить так значило для него открыто признать ошибочность, мягко говоря, собственной довоенной политики. Забыть о страшном и жестоком уроке 1941 года. Пренебречь историческим опытом, сознательно, в ущерб отечеству, игнорируя геополитический фактор. Умышленно не вспоминать о том, что слишком уж часто западная граница, точнее — ее участок в районе Белоруссии, служил менявшимся противникам неизменным путем на Москву. И для поляков в 1612 году, и для французов в 1812, и для немцев в Первую мировую войну.

Накануне гитлеровской агрессии Кремль, еще не имевший боевых союзников, осознававший неподготовленность СССР к борьбе с нацистской Германией в одиночку, отчетливо понимал ту роль, которую могли бы сыграть хотя бы лишь дружественные страны, протянувшиеся вдоль границы страны. Существуй, они стали бы буферной зоной, предохранившей бы Советский Союз от внезапного нападения. Послужили бы предпольем для первых, самых непредсказуемых по исходу и потому крайне опасных сражений. Тогда подобные и, главное, открытые, ни от кого не скрываемые намерения в силу жестокой реальности ограничились примитивными, почти всеми оцененными как «империалистические» и «захватнические», действиями СССР. Восстановлением суверенитета Москвы над утраченными в результате гражданской войны землями. Над Прибалтикой, Бессарабией. А вместе с тем и выглядевшим до предела грубым, насильственным сдвигом к западу польской границы. Но если бы это не сделал СССР, то так наверняка, полагали в Кремле, поступила бы Германия. И максимально приблизилась бы к таким жизненно важным промышленным центрам как Ленинград, Минск, Киев, Москва. Гитлер выиграл бы во времени и пространстве, обеспечив — весьма возможно — себе быструю и легкую победу.

Теперь же, в предвидении близкой победы, для советского руководства оказался возможным, наконец, и иной вариант решения той же задачи. Более приемлемый для всех. Цивилизованный, привычный и понятный в практике международных отношений. Во-первых, с помощью признанных мировым сообществом договоров закрепление за СССР приобретенных в 1939–1940 годах территории. Во-вторых, таким же образом достижение того, чтобы вдоль границ Советского Союза появились дружественные ему страны, желательно связанные с ним

системой договоров об обеспечении взаимной безопасности. Именно такое видение будущего послевоенной Европы Сталин изложил Идену во время беседы в Москве еще 16 декабря 1941 года. Тогда, когда битва за столицу только начиналась, а исход ее оставался пока непредсказуемым.

«Советский Союз, — пояснил Сталин, — считает необходимым восстановление своих границ, как они были в 1941 году, накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 года, Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. Что касается границы СССР с Польшей, то она, как уже выше было сказано, в общем и целом могла бы идти по линии Керзона и со включением Тильзита в состав Литовской республики. Кроме того, Советский Союз, сделавший в 1940 году подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо считал бы необходимым ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок. Далее Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы… На севере такого же рода отношения Советский Союз хотел бы иметь с Финляндией, т. е. Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы»[409].

Так, предельно ясно, четко впервые была сформулирована концепция национальной безопасности СССР.

На Тегеранской конференции Сталин и Молотов сумели добиться от Черчилля и Рузвельта одобрения таких планов. В числе договоренностей глав великих держав о послевоенном устройстве Европы впервые были обозначены будущие границы Польши. На востоке — по линии Керзона; на западе — по Одеру, за счет германских Померании и Силезии как компенсации территориальных потерь; на севере и северо-востоке — в тех же целях включение Данцига, «коридора» и южных районов Восточной Пруссии. Согласились главы Великобритании и США и с тем, что граница СССР с Финляндией должна пройти по линии, установленной весной 1940 года[410].

Поступая таким образом, Рузвельт и Черчилль отнюдь не стремились продемонстрировать несвойственный политикам альтруизм. Не поддавались они и некоему давлению со стороны Сталина, бездумно поддерживая его замыслы. Отлично понимали, что при желании их поведение легко можно расценить как неожиданное, необъяснимое отступление от основного положения Атлантической хартии. Первого ее пункта, провозглашавшего категорический отказ от территориальных приобретений как целей в войне. Идя навстречу пожеланиям советской стороны, президент США и премьер-министр Великобритании просто обозначали новые неписанные правила «большой игры» и отношений между союзниками. Предоставляли СССР свободу рук в Восточной Европе в обмен на его невмешательство в дела Западной. Неучастие для начала советских представителей в действиях оказавшейся исключительно англо-американской Союзной контрольной комиссии, установившей полный контроль на освобожденных землях Италии.

Для Кремля тегеранские договоренности означали нечто большее, нежели появление вполне законных оснований для восстановления своих стратегических границ. Позволяли, и по сути бескровно, приблизить победу. Вывести из войны, если переговоры пройдут успешно, Финляндию и Румынию без продолжения с ними боевых действий. Без неизбежных, в противном случае, новых, непредсказуемых по величине людских потерь.

В силу сложившейся на фронтах ситуации, первым объектом двойного, комбинированного давления — и силового, и дипломатического, оказалась Финляндия. После снятия блокады Ленинграда войска Ленинградского фронта не стали развивать успешное наступление на север, по Карельскому перешейку. Воцарилось затишье и на Карельском фронте, протянувшемся от Ладожского озера до Баренцева моря. Мощь находившихся там двух группировок — шесть общевойсковых, две воздушных армий, силы Балтийского флота теперь

служили фактором возможной угрозы. Как средство для неминуемого, в случае провала дипломатических переговоров, наступления. Вторжения в Финляндию и оккупации ее со всеми проистекавшими последствиями.

Через три недели после снятия блокады Ленинграда, 16 февраля 1944 года, в Стокгольме начались тайные, неофициальные пока переговоры. Посланник СССР в Швеции А. М. Коллонтай изложила прибывшему на встречу с нею Юхо Паасикиви, бывшему министру без портфеля, бывшему посланнику в Москве, советские условия мира. Они, помимо выхода Финляндии из войны, разрыва отношений с Берлином, разоружения и интернирования частей вермахта, выплаты репараций, предусматривали и то, что было согласовано с Черчиллем и Рузвельтом. Восстановление границы 1940 года и отказ от Петсамо, лишавший тем самым Финляндию выхода к Баренцеву морю.

После конфиденциальных переговоров обмен мнениями двух правительств перестал быть тайным. 1 марта те же самые условия перемирия с Финляндией были изложены в заявлении НКИД. А неделю спустя финская сторона столь же открыто дала ответ. Выразила желание «восстановить в самый короткий срок мирные отношения между Финляндией и СССР», но, вместе с тем, продемонстрировала и тяготевший над президентом Рюти, финским правительством синдром декабря 1939 года. Уже ничем не обоснованный их страх оккупации Финляндии, преобразования ее в советскую республику и включение в состав Советского Союза. «Для того, чтобы Финляндия, — говорилось в ответе Хельсинки, — после заключения перемирия могла оставаться нейтральной, необходимо, чтобы на ее территории не находились иностранные войска». Полагая, что только эта проблема требует «более детального обсуждения», вынужденно согласились начать официальные переговоры.

Через день, 10 марта, последовала гневная реакция НКИД: «советские условия перемирия в виде шести пунктов, переданные г-ну Паасикиви, являются минимальными и элементарными, и что лишь при принятии этих условий финским правительством возможны советско-финские переговоры о прекращении военных действий». И хотя в очередном ответе Хельсинки опять проявились опасения некоей «интерпретации» условий перемирия, Кремль настоял на своем. Добился того, что 26 марта в Москву прибыла финская правительственная делегация — министр иностранных дел К. Энкель и Ю. Паасикиви. Однако двухдневные обсуждения, проводившиеся на достаточно высоком уровне — с Молотовым и его заместителем по НКИД В. Г. Деканозовым, не привели к положительным результатам. Чтобы отклонить советские предложения, финская сторона нашла новый повод — опасение, что экономика страны не позволит возместить убытки, причиненные Советскому Союзу.

Обмен заявлениями продолжался еще почти месяц, до 22 апреля, но так и не привел к началу переговоров о перемирии[411].

Несколько позже, с конца марта, началось комбинированное, военное и дипломатическое, давление на еще одного гитлеровского сателлита — Румынию. Возможность тому представили очередные успехи Красной Армии, вышедшей на реку Прут — на границу 1940 года. Войска 2-го украинского фронта молниеносно освободили Северную Молдавию, заняли заодно и северо-восточные районы собственно Румынии, а 3-го украинского — продвинулись до Днестра. Мощная советская группировка, сосредоточившись на линии Яссы-Кишинев-Тирасполь, выжидала, готовая в любой момент возобновить натиск.

Тем временем, 2 апреля, Молотов провел пресс-конференцию для советских и иностранных журналистов. Проинформировав их о положении, сложившемся на юго-западе, заметил: «Верховным главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции». Указал, что под врагом имеет в виду, естественно, вермахт и румынские войска. А затем сказал главное, ради чего, собственно, и выступил: «Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии»[412]. Более ясно, определенно сформулировать новую для

многих позицию СССР — не революционную, не коминтерновскую, было, пожалуй, трудно. А если еще учесть и то, что бои на этом участке советско-германского фронта приостановились, слова Вячеслава Михайловича следовало воспринимать как завуалированное предложение, адресованное правительству Румынии. Последнему предоставлялся выбор: или немедленный выход из войны, или полный разгром и капитуляция.

Через день, 4 апреля, выступая в палате общин, Уинстон Черчилль как бы мимоходом отметил, что заявление Молотова по Румынии представляет собою «исключительно удовлетворительный пример» сотрудничества союзников[413]. Дал, тем самым, понять не только депутатам парламента, но и Бухаресту — советская позиция отражает мнение и его, Черчилля, и Рузвельта. И все же правительство Антонеску, уже полгода выяснявшее через нейтральные страны условия возможного выхода страны из войны, не откликнулось на сделанное ему предложение.

Нерешительность Бухареста можно было понять. Ведь даже Финляндия, благодаря своему географическому положению надежно изолированная от Германии, все еще не решилась порвать отношения с Берлином. Медлила. А как же следовало действовать правительству Антонеску, чья страна находилась в гораздо худших условиях? Ведь Румынию не только со всех сторон окружали, держали мертвой хваткой, германские сателлиты, но и фактически оккупировал вермахт. В Москве понимали причины нерешительности Бухареста и пока не торопили его. Ограничилось советское руководство лишь одним — уже созданной военной угрозой.

Только 13 мая 1944 года последовало суровое напоминание. На этот раз — от имени уже всех трех великих держав, и не только Финляндии и Румынии, но заодно и Венгрии, Болгарии. «Эти государства, — подчеркивалось в совместном заявлении правительств СССР, Великобритании и США, — все еще могут путем выхода из войны и прекращения своего пагубного сотрудничества с Германией и, путем сопротивления нацистским силам всеми возможными средствами, сократить срок европейской борьбы, уменьшить собственные жертвы, которые они понесут в конечном счете, и содействовать победе союзников… Эти государства должны поэтому решить сейчас, намерены ли они упорствовать в их безнадежной и гибельной политике препятствования неизбежной победе союзников, хотя для них еще есть время внести вклад в эту победу»[414].

Так прозвучало последнее предупреждение.

Но какой бы ни оказалась поначалу реакция Финляндии и Румынии на сделанные им предложения, она, собственно, не имела никакого значения. И сами переговоры о выходе этих стран из войны, и принятие ими советских, по сути ультимативных, требований о границах, были неизбежны. Вопрос сводился лишь к тому, когда это произойдет: сейчас или чуть позже, через два-три месяца. Сказать то же самое применительно к Польше, третьему, притом ключевому компоненту будущей системы национальной безопасности СССР в Европе, оказывалось невозможным.

И отнюдь не только потому, что она являлась союзником Советского Союза по антигитлеровской коалиции, что в принципе исключало какое-либо давление на нее, прежде всего военное.

Причина проблематичности даже обычных консультаций с польским эмигрантским правительством крылась в твердой, категоричной позиции последнего в вопросе о восточной границе. Позиции, которую в немалой степени упрочило ничто иное, как советско-польское соглашение, подписанное премьер-министром В. Сикорским и послом И. М. Майским в присутствии Черчилля и Идена в Лондоне 30 июля 1941 года. Его первый, а потому и основополагающий пункт недвусмысленно гласил: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года относительно территориальных перемен в Польше утратившими силу»[415]. Тем самым Москва сама признала юридическую отныне

несостоятельность границы, установленной в сентябре 1939 года, необходимость в будущем переговоров для ее определения.

Стремясь не просто достигнуть примирения, но и установить самые тесные дружественные отношения со своим соседом, оккупированным врагом, Кремль предпринимал все возможное. 14 августа — заключил с Польшей военное соглашение, предусматривавшее формирование на территории СССР польской армии, для чего правительству Владислава Сикорского предоставил заем в 300 млн. рублей и объявил амнистию всем польским гражданам, содержавшимся в заключении. 4 декабря — подписал совместную декларацию о дружбе, провозглашавшую, что оба государства будут вести войну до полной победы.

Однако все это ничуть не повлияло на настроения, господствовавшие в политических кругах польской эмиграции. Открытые антисоветские взгляды там были настолько сильны, что Сикорскому пришлось уже 30 января 1942 года подготовить циркуляр, призванный нейтрализовать влияние представителей санации. «Безответственные личности среди польского общества в Великобритании, — писал премьер-министр, — атаковали и все более атакуют польско-советское соглашение. Эти личности не брезгуют ничем, используя эмоциональный подход некоторых поляков к России, не останавливаясь перед разглашением тайных официальных документов, что может послужить только на руку Германии». А далее Владислав Сикорский не только осуждал, но и требовал: «Все польские граждане, независимо от своего личного отношения к Советской России, ее строю, политике и экономике, которые, заметим, обнаруживают немало положительных черт, должны быть, безусловно, подчинены польским национальным интересам. А они требуют по меньшей мере воздержаться от высказывания всяких недоброжелательных суждений о СССР»[416].

Между тем сам Сикорский, оказываясь во все большей изоляции и в самом правительстве, и в генералитете, вынужден был лавировать, открыто выступая сторонником нерушимости границ довоенной Польши. Попытался склонить к отказу от линии Керзона как этнического рубежа на востоке Черчилля. Не встретив понимания у британского премьера, генерал в марте 1942 года вылетел в Вашингтон, надеясь добиться поддержки со стороны администрации Рузвельта, но и там не добился успеха. Колебания же Сикорского, его попытка совместить несовместимое — сохранять дружественные отношения с Москвою, и противостоять ей в вопросе о границах — привели к трагическому результату. Его старый политический противник генерал В. Андерс, командующий формировавшейся в Советском Союзе польской армией, уже в марта 1942 года настоял на выводе на Ближний Восток отдельных подчиненных ему, наиболее боеспособных частей. А затем глубоко убежденный в скором и неизбежном поражении СССР, вынудил советское правительство 13 июля того же года согласиться на эвакуацию через Красноводск в Иран польской армии уже в полном составе. Тогда же прекратилось и только что наладившееся сотрудничество Армии краевой (АК), подпольных вооруженных сил на территории Польши, с командованием Красной Армии.

Теперь советско-польские отношения стали чисто формальными, но и такими они оставались недолго. После поражения в Сталинграде нацистская пропаганда решила использовать давно известный Берлину факт расстрела в Катыни польских генералов и офицеров. Надеялась с помощью широкой шумной огласки того добиться разрыва отношений, боевого союза СССР не только с Польшей, но и с Великобританией, США. Но провокация удалась лишь частично. 25 марта 1943 года Молотов вручил Тадеушу Ромеру, послу Польши, ноту, в которой в частности отмечалось:

«В то время, как народа Советского Союза, обливаясь кровью в тяжелой борьбе с гитлеровской Германией, напрягают все силы для разгрома общего врага русского и польского народов и всех свободолюбивых демократических стран, польское правительство в угоду тирании Гитлера наносит вероломный удар Советскому Союзу. Советскому правительству известно, что эта враждебная кампания против Советского Союза предпринята польским

правительством для того, чтобы путем использования гитлеровской клеветнической фальшивки произвести нажим на советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской Литвы…» Сочтя подобную позицию предельно враждебной, Молотов счел возможным и обоснованным объявить потому о разрыве дипломатических отношений между СССР и польским эмигрантским правительством[417].

В создавшихся, не имевших прецедента, донельзя своеобразных условиях, советскому руководству оставалось лишь одно. Как можно скорее подыскать более надежного, покладистого партнера для предполагавшихся в будущем переговоров. Найти или создать политическую структуру, выступившую бы как общенациональную, обладающую не меньшей, нежели правительство Сикорского, легитимностью. А вместе с тем такую, которая, безусловно, признала бы линию Керзона как единственно приемлемую восточную границу освобожденной от оккупантов, возрожденной Польши.

События, последовавшие за разрывом дипломатических отношений с эмигрантским правительством, продемонстрировали, что он оказался неожиданным для Кремля, застал его врасплох. Москва в тот момент еще не располагала, как Великобритания и США для Франции выбором между генералами Жиро и де Голлем, необходимой альтернативной польской политической структурой, даже не была готова к ее созданию искусственно. Потому-то советское руководство вынуждено было поначалу использовать Союз польских Патриотов (СПП). Общественную организацию, созданную в январе 1943 года во главе с писательницей Вандой Василевской для исполнения весьма ограниченной роли — проведения просоветской пропаганды среди поляков, находившихся в СССР. Только поэтому СПП и пришлось выступить 6 мая формальным инициатором создания новых польских частей. Таких, которые бы боролись с врагом на советско-германском фронте, а при необходимости могли бы послужить и организующим центром для создания дружественной Советскому Союзу местной польской администрации.

Чтобы ни у кого не оставалось сомнений в политической ориентации СПП, формируемой «им» дивизии имени Костюшко, развернутой уже в августе в 1-й польский корпус, Союз выступил 16 июня 1943 года с декларацией. В ней же среди прочего выдвинул довольно прозрачный лозунг «За Польшу, сильную не захватом чужих земель», явно подразумевая спорные Виленщину, западные области Белоруссии и Украины, «но дружескими отношениями со всеми нашими союзниками», иными словами — не только с Лондоном и Вашингтоном, но и обязательно с Москвой[418].

Но все это еще не могло нейтрализовать активность эмигрантского правительства, его попытки настоять на международном признании довоенных границ. Особенно сильно проявилось такое стремление осенью 1943 года, в канун созыва Московской конференции министров иностранных дел трех великих держав, призванной подготовить тегеранскую встречу на высшем уровне. Станислав Миколайчик, сменивший Сикорского, погибшего 4 июля в авиакатастрофе, на посту премьера, предпринял отчаянные усилия, чтобы добиться поддержки со стороны Великобритании и США своих территориальных притязаний. И хотя попытки эти не увенчались успехом, более того, привели к прямо обратному — признанию в Тегеране линии Керзона как основы советско-польской границы. Кремль вынужден был ускорить создание альтернативного правительства для Польши.

Не располагая иными вариантами, Кремль, несмотря на роспуск Коминтерна, на отказ от ориентации в новых условиях на коммунистические партии, вынужден был опереться на ППР (польскую рабочую партию — возрожденную коммунистическую партию Польши) и ее Гвардию людову, формально самостоятельные партизанские отряды. В конце 1943 года ППР смогла приступить к созданию столь необходимого Москве потенциально властного органа — Краевой рады народовой (КРН), а 13 декабря распространила, разумеется нелегально, «Манифест демократических общественно-политических и военных организаций в Польше», имевший

явно выраженную ориентацию. Документ объявлял санационный режим ответственным за сентябрьскую катастрофу, осуждал эмигрантское правительство за антисоветизм, констатировав при этом его полное банкротство. Провозглашал необходимость в сложившихся условиях создания КРН как «фактического политического представительства польского народа, уполномоченного выступать от имени народа и отвечать за его судьбу вплоть до освобождения Польши от оккупантов». Сообщал об одновременном создании подчиненной КРН подпольной Армии людовой (АЛ), а в ближайшем будущем и Временного правительства[419]. Весьма примечательным оказалось то, что вопрос о границах Польши в манифесте подчеркнуто игнорировался.

Спустя всего две недели, 1 января 1944 года, КРН стала реальностью: был сформирован ее руководящий орган, президиум. Его составили представители ППР — Болеслав Берут (председатель) и Казимеж Миял (секретарь), РППС (Рабочей партии польских социалистов, отколовшейся левой фракции ППС) — Эдвард Осубка-Моравский (заместитель председателя) радикального крыла СЛ (Стронництва людовего, Крестьянской партии) — Владислав Ковальский, АЛ — Михал Жимерский («Роля»). Однако советское руководство, получив, наконец, верного и надежного союзника, не стало торопиться с признанием КРН как полноправного представителя Польши. Использовало его существование пока лишь для одного. Для возможности оказать моральное давление на эмигрантское правительство, вынудив его принять условия Кремля.

Именно к тому на деле и свелся начавшийся вслед за тем обмен посланиями между Москвой и Лондоном. Начало ему положило 5 января правительство Миколайчика, заявившее вновь о своей юрисдикции над всей территорией, включенной в 1939 году в состав СССР. Ответ Кремля последовал 11 января в традиционной форме «сообщения ТАСС». В нем же твердо указывалось: «Польша должна возродиться не путем захвата украинских и белорусских земель, а путем возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель». Вместе с тем «сообщение» оставляло возможность и для маневра обеих сторон, для достижения соглашения путем компромисса: «Советское правительство не считает неизменными границы 1939 года. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши в том направлении, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше»[420]. Лондонское же правительство в очередном заявлении, от 13 января, не отклонило возможность переговоров, но объявило, что будет вести их не само, а с помощью посредников — Великобритании и США. О главном же, о границах, даже не упомянуло.

С этого момента польская проблема оказалась предметом заведомо безрезультативного обсуждения Сталина с Черчиллем и Рузвельтом. Выражалась советской стороной таким образом, что было совершенно очевидно: ни Сталин, ни, тем более, Молотов, ни на какие серьезные уступки в вопросе о границах не пойдут. Но новый уровень дискуссии Кремль не смущал, ибо время работало на него, укрепляя только его позиции. Красная Армия совместно с польским корпусом, преобразованным в марте 1944 года в 1-ю польскую армию, продолжала упорно продвигаться на запад, приближаясь к границе 1939 года. А это-то и позволяло Москве оттягивать окончательное решение польской проблемы, оставляя за собою возможность сделать то, что окажется наиболее возможным, приемлемым в изменившихся обстоятельствах.

Коренной перелом в войне, уже очевидная, близкая победа над врагом, обусловили и прошедшие практически незаметно для всех и серьезнейшие изменения в узком руководстве СССР. Успехи советских вооруженных сил и дипломатии, но особенно участие на равных с Черчиллем и Рузвельтом в Тегеранской конференции, решение вместе с ними судеб мира, судя по всему, Сталин расценил весьма своеобразно. Воспринял как наиболее благоприятный момент для возвращения себе прежнего единоличного лидерства. Больше не подвергаемого сомнению, никем не оспариваемого признания себя всеми без исключения как вождя — страны и народа, государства и партии. И для того, как показывает происшедшее, пошел на «тихий» дворцовый переворот. Попытался предельно возможно ослабить позиции ставших весьма

опасными соратников по ГКО, Молотова, Берия, Маленкова. А вместе с тем — не только подтвердить возвращение былых величия и славы, утраченных два с половиной года назад, но и максимально укрепить их, обезопасить себя на ближайшее будущее.

Как обычно, изменения в расстановке сил на вершине власти были проведены с помощью привычных, не раз испытанных на деле чисто бюрократических мер. Но, главное, негласно.

Своеобразной прелюдией, возвещающей о грядущих важных переменах, стали кадровые перемещения, проведенные на рубеже 1943–1944 годов. Назначение 11 декабря члена ПБ и секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева наркомом земледелия (прежнего, Бенедиктова, «задвинули» на должность первого заместителя)[421] показало, что его окончательно отстранили от контроля за деятельностью партийных организаций страны. Ограничили деятельность хотя и важной, но достаточно узкой сферой, сельским хозяйством, чем Андрею Андреевичу отныне следовало заниматься сразу в двух ипостасях: и куратора — заведующим сельхозотделом ЦК, и исполнителя — наркомом. Тем самым, поставили его в достаточно опасное положение, ибо ничего более бесперспективного и безнадежного, нежели решение данной проблемы, в Советском Союзе не было. Теперь с Андреева в любой момент могли спросить за провал, а его можно было констатировать когда угодно, порученного дела.

Не менее показательным по своей перспективе стало и перемещение 19 января В. В. Кузнецова, прежде трудившегося на производстве инженером, затем в Госплане СССР и лишь несколько месяцев возглавлявшего ЦК профсоюза работников черной металлургии, на пост председателя ВЦСПС[422]. Означало оно начало успешной карьеры новой, восходящей на небосклоне советской власти звезды. Появление еще одного никому пока неизвестного, но явно многообещающего, кем-то продвигаемого наверх, чиновника.

Сами же глубокие, значительные перемены в широком руководстве произошли только поздней весной 1944 года. Тогда, когда и на советско-германском, и на дипломатическом фронтах воцарилось короткое затишье, порожденное ожиданием высадки союзников в Северной Франции. Формальным же поводом для неожиданных, решительных мер оказались давно известные, но как-то «вдруг» обнаруженные чрезмерная численность заместителей председателя СНК СССР и весьма слабая, непродуктивная их деятельность. Принятые 15 и 18 мая два взаимодополняющие постановления ПБ частично реорганизовывали высшие исполнительные органы государственной власти, меняли их состав, а вместе с тем и баланс сил в узком руководстве.

Первое постановление, от 15 мая, «О заместителях председателя Совнаркома Союза ССР», гласило:

«В настоящее время имеется 13 заместителей председателя Совнаркома: Молотов (первый заместитель), Микоян, Берия, Ворошилов, Каганович, Вознесенский, Вышинский, Малышев, Первухин, Косыгин, Сабуров, Булганин, Мехлис. Из этого числа заместителей предсовнаркома всего 6 или 7 человек имеют возможность исполнять функции заместителей, а остальные же либо потому, что слишком загружены работой в своем наркомате, либо потому, что в настоящее время отвлечены для работы на фронте (Булганин, Мехлис) — не имеют возможности отправлять функции заместителей предсовнаркома. С другой стороны, т. Маленков, который не состоит заместителем предсовнаркома, на деле выполняет функции заместителя по ряду наркоматов.

В связи с изложенным Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

а) освободить от обязанностей заместителей предсовнаркома тт. Мехлиса, Булганина, Вышинского, Первухина, Сабурова, Малышева, Кагановича;

б) назначить заместителем предсовнаркома т. Маленкова;

в) утвердить Бюро Совнаркома в составе: Молотов (председатель), Микоян, Вознесенский, Шверник, Андреев, Косыгин;

г) утвердить Оперативное бюро Государственного комитета обороны в составе — Берия (председатель), Маленков, Микоян, Вознесенский, Ворошилов»[423].

18 мая еще одно постановление ПБ конкретизировало и даже расширило предыдущее:

«Об обязанностях заместителей председателя Совнаркома СССР и работе оперативного бюро ГОКО.

В связи с решением ЦК ВКП(б) от 15 мая сего года о заместителях председателя Совнаркома Союза ССР, Политбюро постановляет:

1. Возложить на т. Ворошилова контроль и наблюдение за работой наркомвоенморфлота, наркомсудпрома, наркомсвязи, наркомздрава, комитета по делам физической культуры и спорта, главного управления геодезии и картографии, Осоавиахима.

2. Возложить на члена Бюро СНК т. Шверника контроль и наблюдение за работой наркомтяжмаша, наркомсредмаша, наркомстанкостроения, главного управления трудрезервов, комитета стандартов, комитета по делам мер и измерительных приборов.

3. Поручить т. Молотову дополнительно к возложенным на него обязанностям контроль и наблюдение за работой наркомюста, прокуратуры, комитета по делам высшей школы, Академии наук, ТАССа, совета по делам Русской Православной Церкви.

4. Поручить т. Берия дополнительно к возложенным на него обязанностям контроль и наблюдение за работой наркомбумпрома, наркомрезинпрома и главгазтоппрома.

5. Поручить т. Маленкову дополнительно к возложенным на него обязанностям контроль и наблюдение за работой наркомэлектропрома и главкислорода.

6. Дополнительно к возложенным на т. Вознесенского обязанностям по контролю и наблюдению за работой наркомфина, госбанка и главвоенпромстроя, поручить т. Вознесенскому наблюдение за работой наркомстройматериалов и комитета по делам архитектуры.

7. Поручить т. Микояну дополнительно к возложенным на него обязанностям контроль и наблюдение за работой комитета по делам геологии.

8. Поручить т. Щербакову дополнительно к возложенным на него обязанностям контроль и наблюдение за работой комитета по делам искусств, комитета по делать кинематографии, комитета по делам радиофикации и радиовещания, управления по охране военных тайн в печати.

9. Отнести к ведению оперативного бюро ГОКО:

а) контроль и наблюдение за работой всех наркоматов оборонной промышленности (НКАП, НКТП, НКБ, НКВ, НКМВ, НКСП), железнодорожного и водного транспорта (НКПС, НКРФ, НКМФ и ГУСМП), черной и цветной металлургии, угольной, нефтяной, химической, резиновой, бумажно-целлюлозной, электротехнической промышленности и наркомата электростанций;

б) рассмотрение и внесение на рассмотрение председателя ГОКО проектов решений по отдельным вопросам, квартальных и месячных планов производства указанных выше наркоматов и квартальных планов снабжения народного хозяйства металлом, углем, нефтепродуктами, электроэнергией, а также осуществление контроля за исполнением этих планов и планов снабжения перечисленных выше наркоматов всеми материально-техническими средствами;

в) решение текущих вопросов, касающихся наркоматов, перечисленных в пункте „а“, и выпуск постановлений и распоряжений по этим вопросам.

10. Транспортный комитет при Государственном комитете обороны упразднить с возложением на оперативное бюро Государственного комитета обороны рассмотрения планов перевозок на железнодорожном, морском и речном транспорте.

11. Назначить т. Сабурова первым заместителем председателя Госплана СССР»[424].

А еще 16 мая последовало краткое, но многозначительное решение, также по кадровому вопросу: Л. П. Берия назначили заместителем председателя ГКО[425].

Как легко заметить, за переменами, внешне выглядевшими обоснованными исключительно заботой о деле, таилось нечто большее. Невысказанное прямо, потаенное. Прежде всего, официальное установление очередного персонального состава, числом одиннадцать (включая, разумеется, Сталина), узкого руководства. И явная очевидность компромисса, без которого не удалось обойтись и на этот раз.

Ради достижения собственных, сугубо личных целей, Иосиф Виссарионович вынужден был пожертвовать четырьмя своими креатурами — Булганиным, Вышинским, Кагановичем, Мехлисом. В свою очередь, членам «триумвирата», отныне переставшего практически существовать, пришлось согласиться на значительное понижение статуса их трех единомышленников — Малышева, Первухина, Сабурова. Однако в бесспорном выигрыше оказался все же Сталин. Ведь ему удалось не только ликвидировать даже намек на оппозицию себе в лице «триумвирата», но и внедрить в узкое руководство Н. А. Вознесенского, чему Молотов, Маленков, Берия противились достаточно долго и успешно. Теперь Николай Алексеевич оказывался в обоих высших исполнительных органах государственной власти, и в БСНК, и в ОБ ГКО. Тем самым ему возвращали то положение, которое он занимал до мая 1941 года, а всем, кому то следовало знать, показывали: Вознесенский если еще и не стал общепризнанным «наследником» вождя по Совнаркому, во всяком случае снова являлся его «правой рукой». К тому же всего кандидат в члены ПБ, он явно заменил Кагановича в кругу ближайших соратников Сталина.

Демонстрировали оба постановления и схожую до некоторой степени роль, отводимую А. И. Микояну. Единственному, если не считать Молотова, представителю старого сталинского окружения, ему удалось, несмотря на все перипетии, сохранить за собой, да еще и весьма прочно, место в узком руководстве. Удерживать его, блестяще справляясь со всеми обязанностями, сохраняя лояльность к вождю, не вступая в то же время в конфликт с «триумвиратом», не претендуя на большее, удовлетворяясь достигнутым.

В отличие от Анастаса Ивановича, А. А. Андреев и К. Е. Ворошилов не выдержали испытания. Остались в узком руководстве скорее всего номинально, как статисты, только из-за своих решающих на заседаниях ПБ голосов. Лишь до поры, до времени, пока еще были нужны Сталину и не допустили сверхвопиющих просчетов. Настолько серьезных, что исключили бы даже возможность в который раз выгородить, отстоять. Их теперь явно подпирали, обнаруживая предуготовленную роль своеобразных «запасных» на случай крайней необходимости, три новых для узкого руководства человека. А. С. Щербаков — получивший в дополнение к обязанностям секретаря ЦК, идеолога партии, еще и должность по Совнаркому. Н. М. Шверник — фактически сменивший тяжело заболевшего Калинина в повседневной работе в ПВС СССР. А. Н. Косыгин — сумевший оправдать оказанное ему четыре года назад высокое доверие напряженным трудом в самые тяжелые месяцы войны, показать, что может безукоризненно выполнять любые, самые ответственные поручения.

Наиболее разительными оказались перемены в положении бывших членов «триумвирата». Прежнюю их подчеркнутую паритетность, обусловленную, помимо прочего, довольно частым перераспределением обязанностей, и притом — только по личной договоренности, постановления от 15 и 18 мая свели на нет.

Молотова вновь, как и в мае 1941 года, начали оттеснять от участия в решении всех без исключения наиболее важных общих задач. Все больше и больше вынуждали заниматься ограниченной проблемой — внешней политикой, замыкаться на ней. Несомненным доказательством тому стало и лишение его поста председателя ОБ ГКО, и поручение, данное ему еще 27 декабря минувшего года. Курирование иностранного (позже переименованного в международный) отдела ЦК ВКП(б), образованного решением ПБ в тот день, на основе аппарата распущенного ИККИ, во главе с Георгием Димитровым.

Берия, утвержденный заместителем председателя ГКО и председателем ОБ ГКО, что полностью уравняло его в правах с Вячеславом Михайловичем, вынужден был полностью посвятить себя оборонной промышленности, транспорту, металлургии, многому другому, весьма далекому от специфических вопросов государственной безопасности. Да еще и с 20 июня, опять же по решению ПБ, обязанный «наблюдать за международными нефтяными делами», что вскоре неизбежно заставило Лаврентия Павловича заняться четко обозначившимся лишь год спустя решением судьбы Иранского (Южного) Азербайджана. В силу же всего этого он утратил возможность повседневно следить за работой НКВД и НКГБ, вникать в нее и, следовательно, направлять их деятельность.

Маленкову, занявшему помимо второго в партийной иерархии еще и достаточно высокий государственный пост, притом уже не в чрезвычайном, то есть временном, а в конституционном органе, пришлось заплатить за то весьма дорого. Принять новую, реально сложившуюся и предельно запутанную, противоречивую субординацию. Оказаться не только формально, но и на деле подчиненным Берии в руководстве оборонной промышленностью, примирившись тем самым с концом равенства между членами «триумвирата». Как председателю Комитета по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, зависеть от решений, принимаемых вроде бы его подчиненными по данной структуре, Вознесенским и Микояном, но прежде всего — связанным планами и действиями БСНК. Потерять былые рычаги воздействия на Совнарком из-за вывода из числа зампредов Малышева, Первухина, Сабурова. Более того, смириться с тем, что его бесспорного протеже и сторонника, Сабурова, понизят столь вызывающе подчеркнуто. Не предоставят должности, равнозначной посту наркома. Назначат всего лишь заместителем, хотя и первым, все того же Вознесенского.

Вместе с тем постановления ПБ от 15 и 18 мая продемонстрировали и не менее важное. Во-первых, то, что государственные должности сохранили бесспорную приоритетность. Продолжали значить больше, нежели партийные, а потому и оставаться самыми притягательными, ибо теперь и делали их обладателей членами узкого руководства. Во-вторых, оба постановления ПБ, не повторенные, как то делалось прежде, соответствующими актами законодательной ветви власти, подчеркивали всю иррациональность, призрачность права, полное пренебрежение конституцией. Ведь утверждение на постах заместителей главы союзного правительства юридически оставалось исключительной прерогативой ВС СССР, компетенцией его сессий. Поэтому данные, оставшиеся только партийными, решения являли пример очевидного произвола. Отхода от прежнего, пусть чисто декоративного, но все же следования букве закона. Приобрели откровенный характер закулисных интриг, «аппаратных игр». Подтвердили далеко не случайное нежелание большинства членов ПБ принять в январе проект постановления пленума ЦК, подготовленный Молотовым, Маленковым и Хрущевым, об ограничении роли партии.

Глава пятнадцатая

Серьезные перестановки в узком руководстве, проведенные в конце весны 1944 года, хотя и привели к новому балансу сил, нисколько не повлияли на проводимую политику. Не заставили отказаться от комбинированного, военно-дипломатического, решения вопроса о выводе из войны Финляндии и Румынии, не предусматривавшего их советизации. Прежний курс твердо выдерживался и летом, не претерпев никакой корректировки. Единственным превходящим, но учитываемым фактором, оказавшим воздействие на ситуацию, явилась высадка 6 июня войск США, Великобритании и Канады в Нормандии. Открытие столь долго ожидавшегося Москвою второго, если не считать таковым итальянский, фронта.

10 июня соединения Ленинградского фронта, прервав четырехмесячную паузу, начали наступление по Карельскому перешейку. Десять дней спустя, не задержавшись на старой границе, заняли Выборг. И вновь перешли к обороне. 21 июня возобновились активные боевые действия на соседнем, Карельском фронте. Там Красная Армия, быстро продвинувшись на

северо-запад, освободила столицу Карело-Финской ССР — Петрозаводск. Вышла 21 июля в районе города Куолисма на границу 1940 года и… закрепилась на достигнутом рубеже. Предоставила возможность далее действовать дипломатам.

Только теперь финское руководство окончательно осознало бессмысленность продолжения борьбы. Безотлагательность выхода из тупика, в котором оказалось, если по-прежнему не желало оккупации страны советскими войсками. Потому-то непримиримый сторонник войны, президент Рюти, вынужден бы подать в отставку, уступив пост главы государства оказавшемуся более покладистым маршалу Карлу Маннергейму. Тому, кто и отважился две с половиной недели спустя сообщить прибывшему в Хельсинки начальнику генерального штаба вермахта генерал-фельдмаршалу Кейтелю, что не считает больше себя связанным соглашением о военном союзе с Берлином. А еще неделей позже, теперь уже в Стокгольме, послы СССР — А. М. Коллонтай и Финляндии — фон Гриппенберг приступили к консультациям об условиях и процедуре выхода из войны северного соседа Советского Союза.

Финская сторона согласилась, наконец, принять полностью предложения, выдвинутые Москвой еще в марте. Настаивала только на одном — ее праве самостоятельно добиться эвакуации частей вермахта из южных районов страны до 15 сентября либо в тот же срок их интернировать. Пыталась тем самым исключить даже возможный предлог для ввода советских войск, оккупации. Получив же согласие на то, правительство Финляндии в ночь на 4 сентября объявило о прекращении военных действий.

7 сентября в Москву прибыла полномочная делегация, возглавлявшаяся сначала премьером К. Хакселем, а после того, как он заболел, министром иностранных дел К. Энкелем, который и подписал 14 сентября соглашение о перемирии. С советской стороны скрепил столь важный документ А. А. Жданов, что предшествовало скорому назначению его на полувоенный, полудипломатический пост главы союзной контрольной комиссии по Финляндии.

По точно такому же сценарию, только в необычайно быстром темпе, развивались события и на юго-западе. После длительного затишья 20 августа и там внезапно возобновилось наступление Красной Армии, развернувшееся в Ясско-Кишиневскую операцию. Разгром в ходе ее проведения мощной группировки противника, включавшей 2 немецких и 3 румынских армии, привел к полному освобождению Молдавской ССР, занятию значительной территории Румынии — до линии Плоешти-Констанца. Оказали и сама операция, и ее быстротечность — всего десять дней, решающее воздействие на румынские военные и политические круги.

В ночь на 23 августа в Бухаресте был совершен государственный переворот. Генералитет и офицерский корпус, поняв губительность дальнейшей ориентации на Берлин, вступили в союз с оппозиционными партиями и захватили власть. Диктатора с осени 1940 года маршала Антонеску арестовали, провозгласив главой государства, обладающим всеми необходимыми полномочиями — разумеется, лишь на словах, короля Михая. От его имени и появилась на следующее утро декларация о прекращении военных действий против объединенных наций. О готовности заключить с ними мир. И об образовании под председательством генерала Константина Сатанеску правительства национального единства, включающего представителей либеральной партии — К. Братиану, национал-царанистской — Ю. Маниу, социал-демократической — К. Петреску и коммунистической — Л. Патрашкану. В тот же день, как твердое подтверждение намерений, были интернированы члены германской военной миссии.

24 августа, уже от имени нового правительства, появилась еще одна декларация. Заявление о готовности сделать все необходимое для окончательного, официального вывода страны из войны. Одновременно посол Румынии в Анкаре, воспользовавшись возможностью, предоставляемой нейтралитетом Турции, информировал посла СССР С. А. Виноградова о происшедшем. Реакция НКИД последовала незамедлительно. 25 августа Москва подтвердила неизменность прежней, выраженной еще в марте, позиции СССР, сводившейся всего к нескольким пунктам. Среди них основными являлись: признание советско-румынской границы

1940 года; возвращение Бухаресту той части Трансильвании, которая была захвачена Венгрией в 1940 году; возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями; обеспечение Красной Армии свободы передвижения для разгрома германских сил.

Румынское правительство безоговорочно согласилось со всеми требованиями и для официального оформления их направило 30 августа в Москву полномочную делегацию. 12 сентября, после непродолжительного обсуждения, соглашение о перемирии было подписано министром юстиции Л. Патрашкану и маршалом Р. Я. Малиновским.

Тем временем, благодаря фактически совершившемуся выходу Румынии из войны, части Красной Армии практически не встречая сопротивления вышли 2 сентября к границе Болгарии и 6 сентября — Югославии. А после незначительных боев в Трансильвании, 22 сентября, к границе Венгрии.

Летом 1944 года вступило в решающую стадию решение и самого главного, принципиального для СССР польского вопроса. Узкому руководству удалось, наконец, найти самый оптимальный выход из выглядевшего безнадежным положения. Кремль как бы самоустранился, предоставив полякам вроде бы самим заниматься внутренними проблемами. И для того пошел на исключительную для всего периода войны меру. На вынужденное создание для Польши — как для Финляндии в 1939 году и республик Прибалтики в 1940 — откровенно промосковского органа власти. Но не правительства в полном смысле этого слова, ибо подобный шаг неизбежно привел бы к обострению конфликта с Черчиллем и Рузвельтом. Всего лишь национальной администрации для освобождаемой территории союзнической страны. Пока.

Именно такой вариант решения был найден во время переговоров советского руководства с КРН, начавшихся в конце мая и продолжавшихся два месяца. Завершившихся как нельзя кстати в те самые дни, когда Красная Армия, практически полностью освободившая Украину (под пятой оккупантов оставались лишь две области — Львовская и Станиславская), вышла на новую, остававшуюся с точки зрения международного права спорной, границу и ожидала приказа о наступлении на запад. На Варшаву. Находившаяся в Москве делегация КРН во главе с Э. Осубкой-Моравским, явно демонстрируя свое стремление к власти, 15 июля обратилась от своего и СПП имении к Сталину с меморандумом:

«I. …Положение вполне созрело для создания Временного польского правительства (далее ВПП. — *Ю. Ж.*), и что дальнейшее промедление может привести к серьезным осложнениям. Во-первых: вступление Красной Армии на территорию Польши при отсутствии ВПП будет немедленно использовано враждебными элементами как в Польше, так и за границей для представления прихода Красной Армии как начала „русской оккупации“. Во-вторых: создание ВПП подорвет основу тайной администрации польского эмиграционного правительства в Польше и его военных организаций… В-третьих: создание ВПП даст возможность обосновать отношения между Советским Союзом и Польшей на основе междугосударственных соглашений… В-четвертых: создание ВПП даст возможность объединить польские вооруженные силы в Польше и СССР под единым командованием…

II. Создание ВПП мы мыслим на основе Краевого национального совета, расширенного на первом этапе представителями других демократических организаций в стране и за границей. ВПП будет ответственно перед расширенной Краевой национальной радой, действующей вплоть до созыва Учредительного сейма как временного парламента, созданного польским народом в борьбе с гитлеризмом…»[426].

Ни КРН, ни СПП ничуть не смущала крайне узкая, до предела ограниченная политическая база того правительства, которое они намеревались образовать под эгидой Советского Союза. Действовать же так позволяло им важное обстоятельство. По сравнению с лондонскими кругами они обладали бесспорными преимуществами, надежно заменявшими им отсутствие даже намека на легитимность. Прежде всего тем, что в отличие от правительства Миколайчика,

их ВПП предстояло находиться, действовать не в эмиграции, а на освобождаемой польской территории. Кроме того, их вооруженные силы будут сражаться не в далеких от родины странах вроде Италии, а в самой Польше, каждодневно участвуя в освобождении ее от оккупантов.

Однако не эти особенности возможного ВПП привлекли внимание Сталина и Молотова. Основой для их решения, ориентации отныне на КРН стало отношение последнего к польским границам. Высказанное Осубкой-Моравским 22 июня, а затем подтвержденное в ходе третьего раунда переговоров, шедшего с 18 по 22 июля, согласие на предлагаемый Москвою сдвиг рубежей как на востоке, так и на западе. Да еще потому, что намечаемая администрация должна была включить представителей трех партий — ППР, РППС и СЛ, что демонстрировало ее коалиционность и, тем самым, формальное следование демократическим принципам. Советское руководство одобрило создание нового органа власти, но все же — не как полноценного правительства, а его суррогата.

Под давлением Москвы КРН пришлось отказаться от планов немедленного создания ВПП. Действовать в строго предписанных рамках. 21 июля опубликовать якобы в еще не освобожденном Люблене — декларацию о принятии верховного командования над 1-й польской армией в СССР и АЛ в Польше, объединенных с этого момента в Войско польское. На следующий день, уже действительно в Хелме, первом крупном польском городе, из которого только что изгнали немцев, издать манифест об образовании Польского комитета национального освобождения (ПКНО) — центрального органа временной гражданской администрации, все же явно претендующего на роль государственной власти. Пост председателя и руководителя отдела иностранных дел в нем подучил Эдвард Осубка-Моравский (РППС), заместителей председателя — Анджей Витос (СЛ), наделенный также «портфелем» руководителя отдела земледелия и аграрной реформы, и Ванда Василевская (СПП). Отдел национальной обороны возглавил командующий АЛ Михал Роля-Жимерский.

Сталину больше не было нужды скрывать свои планы и решения, учитывавшие уроки прошлого. 23 июля он объяснил Черчиллю: «Мы не хотим и не будем создавать своей администрации на территории Польши, ибо мы не хотим вмешиваться во внутренние дела Польши. Это должны сделать сами поляки. Мы сочли поэтому нужным установить контакт с Польским комитетом национального освобождения… В Польше мы не нашли каких-либо других сил, которые могли бы создать польскую администрацию». И тут же сделал весьма важную оговорку — «Польский комитет я не могу считать правительством Польши, но возможно, что в дальнейшем он послужит ядром для образования Временного польского правительства из демократических сил»[427]. Тем самым оставил возможность для переговоров в будущем, для отнюдь не исключаемого им слияния ПКНО и лондонского правительства на условиях, приемлемых Советскому Союзу.

Практически то же, но уже вполне официальное отношение СССР к ПКНО нашло выражение в еще одном документе. В заявлении НКИД от 26 июля, которое, в частности, отмечало: Советское правительство «рассматривает военные действия Красной Армии на территории суверенного, дружественного, союзного государства. В связи с этим советское правительство не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа. Оно решило ввиду этого заключить с Польским комитетом национального освобождения соглашение…». А далее весьма настойчиво и многозначительно подчеркивалось новое, отнюдь не революционное, не коминтерновское отношение Кремля к государствам-соседям. То отношение, как это уже было при переговорах с Финляндией и Румынией, которое не только должно было успокоить поляков, избавить их от страха за будущее, но и дать понять всему миру, что СССР уже иной. «Советское правительство, — провозглашалось в этом документе НКИД, — заявляет, что оно **не преследует цели приобретения какой-либо части польской территории или изменения в Польше общественного строя** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)[428].

Подобная позиция, как тогда, судя по всему, представлялось советскому руководству, должна была полностью исключить всю ту сложность, неопределенность, которая и породила разрыв дипломатических отношений с эмигрантским правительством. Позволяла она вместе с тем и перехватить инициативу. Заставить, что возможно и предполагалось, Черчилля обратиться к Сталину с просьбой разрешить Миколайчику приехать в Москву. Принять тем самым новые правила игры, установленные на этот раз Кремлем. Руководство СССР не просчиталось. „Наше искреннее желание, — писал британский премьер 25 июля Сталину, — заключается в том, чтобы все поляки объединились в деле изгнания немцев из их страны и в деле создания той свободной, сильной и независимой, **дружественным образом сотрудничающей с Россией Польши** (выделено мною. — *Ю. Ж.*), которую Вы провозгласили в качестве Вашей цели"[429].

При сложившихся, достаточно определенных обстоятельствах у эмигрантского правительства оставалась только одна возможность удержаться у власти: самим освободить Варшаву и перебраться туда до прихода частей Красной Армии и Войска польского. Только таким образом оно могло стать хозяином положения и вынудить Москву к прямым переговорам лишь с ним. Именно поэтому 1 августа по приказу, поступившему из Лондона, возглавляемая генералами Бур-Коморовским и Монтером, АК начала в польской столице вооруженное восстание, поначалу развивавшееся успешно. Повстанцы обладали численным превосходством над противником — практически двойным. Использовали они и весьма выгодное в тот момент положение на фронте — советские войска еще 29 июля вышли к Висле всего в 90 км южнее Варшавы, создав тем угрозу обхода и окружения находившейся там немецкой группировки.

С. Миколайчик вместе с С. Грабским, председателем Национального совета (органа, заменявшего сейм), и Т. Ромером, министром иностранных дел, прибыли в Москву 29 июля. Надеялись, используя весьма благоприятную для себя ситуацию, добиться от советского руководства согласия на образование правительства национального единства на предлагаемой ими основе — с предоставлением в нем минимального числа мест представителям КРН. Но Сталин и Молотов не торопились со встречей. Приняли делегацию только 3 августа, заставив ее четыре дня томиться в бесцельном ожидании. Выслушали предложение Миколайчика и его первую, предельно оптимистическую информацию о Варшавском восстании. Иосиф Виссарионович выразил готовность отдать приказ о помощи варшавянам оружием и боеприпасами. Но достаточно твердо заявил, что говорить о новом правительстве, его составе следует не с ним, а с членами ПКНО[430].

Миколайчику и его спутникам не оставалось ничего иного, как последовать данному совету. Переговоры с Осубкой-Моравским, Витосом, Жимерским и Василевской провели уже 6 и 7 августа, предложив политическим конкурентам 20 % мест в будущем правительстве. Ожидали лишь торга из-за количества министерских портфелей, но оказались втянутыми в дискуссию о том, на какую конституцию теперь следует опираться. На оценивавшуюся как демократическую — 1921 года, или на ту, что действовала с 1935 года, являлась юридической базой режима санации и рассматривалась оппозицией еще до войны как полуфашистская.

Осубка-Моравский настаивал на безусловном возврате к конституции 1921 года, гарантируя при согласии лондонцам пост премьера и еще три ключевых министерства. Миколайчик, понадеявшись на близкую победу АК в Варшаве, уклонился от прямого ответа, предложив продолжить контакты в самом скором времени.

Перед отъездом в Лондон, 9 августа, Миколайчика еще раз приняли Сталин и Молотов. О будущем правительстве не сказали ни слова, зато стали настойчиво убеждать в том, что для них оставалось важнейшим. На выгоде для Польши возврата ей западных земель с такими крупными промышленными городами, как Вроцлав (Бреслау) и Щецин (Штеттин), взамен уже утраченных де-факто восточных земель с Вильной и Львовом[431]. Убеждали в том, что само узкое руководство считало неоспоримой реальностью. В приказе верховного

главнокомандования, подписанном Сталиным в тот самый день и затрагивавшем, на первый взгляд, частную проблему — сбор трофейного имущества, недвусмысленно отмечалось: территория независимой Польши начинается к западу от линии Керзона[432].

Между тем положение повстанцев в Варшаве резко ухудшилось. Немцы не только не начали отход на запад, как предполагало командование АК, но и бросили на польскую столицу мощные силы, включавшие четыре танковых дивизии. Теперь судьбу города, его населения могли решить только действия Красной Армии, но она все еще находилась достаточно далеко. Расчеты правительства Миколайчика явно не оправдались и советское руководство поспешило сформулировать свою оценку происходящего, полностью отмежевавшись от него.

12 августа сообщение ТАСС отмечало: „Газеты и радио польского эмигрантского правительства в Лондоне… делают намеки на то, что будто бы повстанцы в Варшаве находились в контакте с советским командованием, а последнее не оказало им должной помощи. ТАСС уполномочен заявить, что эти утверждения и намеки иностранной печати являются либо плодом недоразумения, либо проявлением клеветы на советское командование. ТАССу известно, что со стороны польских лондонских кругов, ответственных за происходящее в Варшаве, не делалось никаких попыток заранее уведомить и согласовать с советским военным командованием какие-либо выступления в Варшаве. Ввиду этого ответственность за происходящее в Варшаве падает исключительно на польские эмигрантские круги“[433].

16 августа Сталин писал Черчиллю: „Варшавская акция представляет безрассудную ужасную авантюру, стоящую населению больших жертв. Этого не было бы, если бы советское командование было информировано до начала варшавской акции и если бы поляки поддерживали бы с последним контакт“. И еще раз, 22 августа, Сталин — Черчиллю: „Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет известна всем. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки, авиацию. Создалось положение, когда каждый новый день используется не поляками для освобождения Варшавы, а гитлеровцами, бесчеловечно истребляющими жителей Варшавы…“[434].

И все же, несмотря на столь резкое осуждение лондонского правительства и командования АК, советское руководство попыталось сделать возможное для облегчения положения повстанцев. Когда соединения 1-го Белорусского фронта вышли, наконец, на ближние рубежи Варшавы, его командующий, К. К. Рокоссовский связался со Сталиным. „Я доложил, — вспоминал позднее Константин Константинович, — обстановку и обо всем, что связано с Варшавой. Сталин спросил, в состоянии ли войска фронта предпринять сейчас операцию по освобождению Варшавы. Получив от меня отрицательный ответ, он попросил оказать восставшим возможную помощь, облегчить их положение“[435].

Начиная с 13 сентября началось интенсивное регулярное снабжение по воздуху повстанцев оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами. Советская авиация по указаниям командования АК, прикрывала с воздуха освобожденные ею районы города, бомбила немецкие войска. 14 сентября части 1-го Белорусского фронта сумели занять Прагу — правобережную часть Варшавы, а через день 1-я польская дивизия форсировала Вислу, пытаясь с севера войти в польскую столицу и соединиться с повстанцами. Однако тяжелые бои с превосходящими силами противника вынудили десантников 23 сентября отойти назад, за реку. Теперь восстание было обречено, и 2 октября Бур-Коморовский подписал капитуляцию.

Второй визит Миколайчика в Москву, проходивший с 12 по 19 октября, не изменил отношений лондонцев и советского руководства, ибо отныне Кремль полностью полагался лишь на КРН и ее ПКНО. Не привели к каким-либо положительным сдвигам встречи польского премьера 13 октября со Сталиным и Черчиллем, а 14 октября с Черчиллем и Иденом, которые демонстративно отказались поддерживать претензии лондонцев на западные области Белоруссии и Украины, Виленщину. Особенно ярко проявился новый подход Великобритании к польской проблеме в высказываниях британского премьера.

„**Миколайчик**. Сталин заявил, что граница между Польшей и Россией должна проходить по линии Керзона.

Черчилль (*раздраженно*). Я умываю руки. Что касается меня, то я отказываюсь от этого дела. Мы не будем нарушать мир в Европе только потому, что поляки ссорятся между собой. Вы с вашим упрямством не видите, как обстоит дело. Мы расстанемся, не придя к соглашению. Мы расскажем миру, насколько вы неблагоразумны. Вы хотели развязать новую войну, в которой погибнет 25 миллионов человек. Но вам ни до чего нет дела.

Миколайчик. Я знаю, что наша судьба была предрешена в Тегеране.

Черчилль. Она была там спасена… Польша получит гарантии трех держав. От нас — наверняка. Действия президента ограничены американской конституцией. Во всяком случае, вы ничего не теряете, потому что русские все равно уже там.

Миколайчик. Мы теряем все.

Черчилль. Болота Припяти и пять миллионов человек. Украинцы не принадлежат к вашему народу. Спасайте свой народ и предоставьте нам возможность для эффективных действий“[436].

Столь же безрезультатными оказались и контакты 17 октября с Осубкой-Моравским. Миколайчик пытался придерживаться старой линии, предлагая ППР три места в будущем правительстве и категорически отвергая даже возможность объединения с ПКНО. Разумеется, Осубка-Моравский не мог принять столь унизительные для него условия достижения компромисса. Поэтому вернувшемуся в Лондон после полного провала своей миссии Миколайчику пришлось 24 ноября подать в отставку. Уступить пост премьера представителю крайне правого крыла ППС Т. Арцишевскому.

Теперь у Кремля руки оказались развязанными. Ведь его попытки, хотя и весьма вялые, далекие от возможного упорства и настойчивости в достижении примирения на деловой основе двух польских политических группировок, не увенчались успехом. Окончились безрезультатно из-за очевидной уже всем несговорчивости и бессмысленного упрямства лондонцев. Только по их вине. А раз все произошло именно так, то, следовательно, можно было и пойти навстречу властолюбивым устремлениям КРН. Позволить, наконец, ей осуществить давно желанное — преобразовать ПКНО во временное правительство. Это и произошло 31 декабря, формально — по настойчивому требованию населения освобожденных районов Польши. И практически сразу же, 5 января 1945 года, СССР признал новый властный орган[437].

Необычайно благоприятная ситуации, сложившаяся летом 1944 года, предоставила советскому руководству возможность попытаться осуществить программу-максимум своей доктрины национальной безопасности. Не ограничиваться достигнутым — созданием пояса дружественных стран вдоль западной границы, но и продвинуться несколько дальше. Возвести еще одну, дальнюю „линию обороны“. Установить тесные союзнические долговременные отношения с Чехословакией, Югославией и Болгарией.

На редкость стремительно и в то же время необычайно удачно для Советского Союза менялось положение в Болгарии. Едва только Красная Армия вышла на ее северную границу, как в Софии — 5 сентября — поспешно огласили программную правительственную декларацию. Заявили о восстановлении демократических свобод, роспуске фашистских организаций, о денонсации антикоминтерновского пакта и намерении впредь проводить политику нейтралитета. Однако СССР и его союзников подобная попытка уклониться от принципиальных решений не удовлетворила, ибо мало что меняла по существу. Сохраняла в силе давнюю ориентацию страны на Берлин, пребывание на болгарской территории немецких войск и болгарских оккупационных — в Греции и Югославии. Именно поэтому Советский Союз счел возможным, даже необходимым разорвать дипломатические отношения с Болгарией и объявить ей войну.

7 сентября софийский режим попытался вновь отсрочить свой крах очередными уступками. Разорвал все же дипломатические отношения с Германией, а 8 — декларировал состояние войны с нею. Однако даже с такими мерами он безнадежно опоздал. Соединения Красной Армии уже начали продвижение от Дуная к югу, не встречая ни малейшего, хотя бы символического сопротивления со стороны болгарской армии. В тот же день в Софии было сформировано новое правительство — Кимона Георгиева. Оно отдало приказ об аресте членов прогерманского регентского совета и объявило о готовности сделать все, что только от него потребуют, для официального выхода из войны.

Удовлетворенное достигнутым, советское руководство заявило о прекращении военных действий в Болгарии. Условия же, предъявленные правительству Георгиева, оказались достаточно мягкими. Требовали лишь вывода войск с территорий Югославии и Греции, занятых в ходе боевых действий на стороне Германии. Эвакуация болгарских частей началась 10 октября, а 28 октября в Москве министр иностранных дел Болгарии П. Стайнович и командующий 3-м украинским фронтом маршал Ф. И. Толбухин подписали соглашение о перемирии.

Единственной страной, где столь >дачно опробованный трижды сценарий не оправдал себя, стала Чехословакия. Страна, с которой у Советского Союза на всем протяжении войны ни разу не возникало ни проблем, ни осложнений. Еще 18 июля 1941 года в Лондоне с ее правительством в эмиграции был подписан договор о совместной борьбе с Германией, развитый московским соглашением от 27 сентября 1941 года, регламентировавшим создание на территории СССР чехословацких воинских частей, и лондонским от 12 декабря 1943 года — о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. В феврале 1942 года в Советском Союзе началось формирование отдельного чехословацкого батальона, который спустя два года удалось развернуть в корпус: две пехотных, одну десантную, одну танковую бригады и авиаполк, с марта 1943 года доблестно действовавшего на советско-германском фронте.

В середине апреля 1944 года Красная Армия вышла в районе Закарпатья на старую границу Чехословакии, но не стала преодолевать Карпаты. Предполагалось, что двинутся советские части дальше на запад только после того, как для того сложится благоприятная военно-политическая обстановка. Когда Словацкий национальный совет (СНС) — региональный центр антифашистского сопротивления, образованный осенью 1943 года на многопартийной основе, начнет вооруженное восстание. Опираясь на настроенную антинемецки 47-тысячную армию марионеточного „Словацкого государства‟, собственными силами освободит территорию от Кошице до Брно. Рассчитывая на безусловную удачу задуманного, СССР и Чехословакия еще 30 апреля заключили соглашение, предусматривавшее в деталях взаимоотношения командования Красной Армии с национальной администрацией правительства Эдуарда Бенеша, которую предполагалось создавать в ходе восстания. Новый документ, вместе с тем, подтвердил и весьма важное для послевоенного устройства Европы: независимость Чехословакии в границах, существовавших до Мюнхена.

К сожалению, план, рассчитанный на приближение победы с минимальными жертвами, осуществить не удалось. Буквально в канун восстания, 29 августа, части вермахта оккупировали Словакию. Разоружили наиболее дееспособный Восточно-словацкий корпус, захватили все перевалы в Карпатах. И хотя 30 августа СНС все же провозгласил свержение пронацистского режима Тисо, а через день — воссоздание Чехословацкой республики в довоенных границах, овладеть положением он так и не смог. Боевые действия приняли характер разрозненных столкновений местного значения, сразу же став всего лишь партизанскими. Не повлиял существенно на обстановку значительный по размерам советский десант, который должен был усилить и поддержать повстанцев. Неудачно завершилась и операция 1-го и 4-го Украинских фронтов, попытавшихся прорваться через перевалы, изменив, тем самым, ситуацию. И наступление Красной Армии, и словацкое восстание захлебнулись к концу октября.

Выход советских войск на Балканы позволил Москве решительно вмешаться и в крайне сложное, ни с чем не сравнимое положение, сложившееся в Югославии. Там длительное время беспощадно боролись, но главным образом между собою, несколько политических группировок. С одной стороны, союзники Германии: хорватские легионеры, усташи и домобранцы-ополченцы; „Белый корпус" — три полка русских эмигрантов-врангелевцев; словенские домобранцы. С другой — антифашистские силы: четники (партизаны) генерала Драже Михайловича, министра обороны королевского правительства в эмиграции; народно-освободительная армия (НОА) под командованием Иосипа Броз Тито, созданная на основе коммунистических партизанских отрядов, начавших сопротивление оккупантам еще в июле 1941 года. При этом ситуацию до абсурда доводило то, что четники сражались не столько с немецкими и итальянскими частями, сколько с НОА, которой приходилось одновременно с борьбой на два фронта еще защищать сербское и черногорское православное, боснийское мусульманское население от хорватов-католиков.

Британское командование, поддерживавшее тесные связи с королем Югославии Петром II и его правительством, находившимся в Каире, после высадки союзников в Италии установило отношения также и со штабом НОА. Начало снабжать оружием и ее. Именно тогда Москва сделала свой окончательный выбор. В декабре 1943 года осудила действия четников, являвшихся по мнению НКИД фактическими пособниками Германии, и высказалась в поддержку Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ), политического крыла НОА. В феврале следующего года советское руководство отклонило предложение королевского правительства заключить с ним пакт о взаимопомощи, а в марте направило к Тито военную миссию во главе с генерал-лейтенантом Королевым. Еще сильнее ориентацию Кремля подчеркнул ставший демонстративным прием 19 июля Сталиным прибывших в Москву представителей штаба НОА Терзича и Джиласа.

Подобный поворот событий вынудил югославского премьера Пурича, проводившего политику конфронтации с коммунистами, подать в отставку. Утвержденному главой нового кабинета Шубашичу пришлось потребовать от Михайловича прекратить борьбу с частями НОА и выступить вместе с нею единым фронтом. Эти отношения были закреплены во время переговоров в середине июня на территории Югославии Шубашича с Тито и привели к формированию кабинета, включившему двух представителей НКОЮ — Вукославлевича и Марушича. 22 июля Шубашич от имени короля объявил о назначении Тито верховным главнокомандующим всеми югославскими силами сопротивления, а месяц спустя упразднил штаб Драже Михайловича.

Королевскому правительству столь сложный, явно невыгодный для себя маневр пришлось осуществить прежде всего под значительным воздействием Черчилля. Не довольствуясь уже достигнутым югославскими политическими кругами, 12 и 13 августа британский премьер лично принял Шубашича и Тито в Лондоне, подчеркнув в беседе с ними всю неотложность единства антигитлеровских сил. Ну, а побуждало Черчилля поступать именно так стремление усилением борьбы в Югославии вынудить части вермахта как можно быстрее покинуть Грецию, где высадка английских войск была намечена на начало октября.

Не бездействовало и руководство СССР. Вносило собственный, весьма ощутимый вклад в совместную борьбу. Командование Красной Армии, использовав как базы Южную Италию, Румынию и Болгарию, в течение июля — сентября поставило штабу НОА вооружение и боеприпасы для 12 пехотных и 2 авиадивизий. Усилив таким образом боеспособность сил Тито, советские войска 28 сентября начали Белградскую операцию, позволившую уже в начале октября, с официального согласия НКОЮ, и совместно с НОА освободить значительную часть Восточной Югославии, а 20 октября — и ее столицу.

Своеобразным завершением действий союзников в Европе за 1944 год, предвосхищением решений, принятых позже в Ялте и Потсдаме, стал впоследствии широко известным своеобразный „джентльменский" договор, заключенный Черчиллем и Сталиным в Москве 9

октября. Фактически — о сферах интересов, о сферах влияния Великобритании и СССР, что должно было послужить, с их точки зрения, одним из краеугольных камней послевоенного устройства мира. Договор, следующим образом описанный британским премьером в военных мемуарах.

„Создалась деловая атмосфера, — вспоминал Черчилль, — и я заявил: „Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли Вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам — в Югославии?" Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал:

„**Румыния**

Россия — 90 процентов

Другие — 10 процентов

Греция

Великобритания (в согласии с США) — 90 процентов

Россия — 10 процентов

Югославия — 50:50 процентов

Венгрия — 50:50 процентов

Болгария

Россия — 75 процентов

Другие — 25 процентов"

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать"»[438].

Польский вопрос, хотя он обсуждался и в тот день, и позже, остался не урегулированным.

В мемуарах Черчилль не упомянул только об одной детали своего разговора со Сталиным. Той, о которой он довольно отстраненно сообщил две недели спустя Рузвельту: Сталин «хочет чтобы Польша, Чехословакия и Венгрия образовали сферу независимых антинацистских просоветских государств, причем первые два могли бы объединиться»[439]. О своей реакции на такое предложение, явно расширявшее пределы возможной договоренности, умолчал. Не прореагировал на него в своем ответе и Рузвельт.

Часть третья
1945–1948 годы
ГЛОБАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

В первых числах января 1945 года, через шесть месяцев после высадки союзников в Нормандии, нацистский режим все еще продолжал упорно сопротивляться. Удерживал практически всю Центральную Европу. Помимо собственно Германии, контролировал большую часть Польши, Чехословакию, Австрию, Северо-Западную Венгрию, северные районы Югославии и Италии, Нидерланды, Данию, Норвегию. Вермахт противостоял Красной Армии на западном берегу Вислы, американские, британские, французские дивизии не подпускал к Рейну. Однако даже такая, весьма выгодная стратегическая ситуация изменить что-либо уже не могла. Кольцо союзнических войск готово было сжаться в любой момент и потому гибель Третьего рейха была предрешена, неизбежна. И очень скоро. Не вполне ясным оставалось лишь одно — что же последует за победой.

Члены «большой тройки» настойчиво стремились как можно быстрее завершить обсуждение остававшихся спорными проблем. Окончательно решить судьбу Германии: быть ли

ей расчлененной навсегда, на несколько самостоятельных государств, или временно — на зоны оккупации. Определить величину и форму репараций, которые предстояло взыскать с побежденного противника. И согласовать, наконец, свои весьма различные представления о послевоенном устройстве мира. Разумеется, для начала — Европы. Но стремительно приближавшаяся развязка обнаружила не столько сближение, сколько дальнейшее расхождение, и довольно значительное, по большинству этих вопросов.

Советское руководство пыталось твердо придерживаться столь выгодного для него джентльменского соглашения от 9 октября. Даже не буквы, а духа его. Не делало ни малейших попыток изменить общественный строй, «советизировать» страны, где находились части Красной Армии. Довольствовалось достигнутым и потому сотрудничало с сформированными там многопартийными правительствами, возглавляемыми отнюдь не коммунистами. В Румынии — с монархией и кабинетом беспартийного генерала Сатанеску. В Болгарии — также с монархией и правительством Георгиева. В Венгрии — с временным правительством во главе с представителем партии мелких хозяев Миклошем. В Югославии — с утвержденным королем кабинетом Шубашича. Более того, никак не реагировало на кровопролитные бои, шедшие в Греции между британскими войсками и ЭЛАС, партизанами-коммунистами. Смирилось советское руководство и со своим неучастием в решении внутриполитических проблем стран Западной Европы. Хорошо осведомленное о разногласиях Рузвельта и Черчилля по отношению к де Голлю, признало его временное правительство только после Вашингтона и Лондона. Потому-то надеялось на такое же отношение Великобритании и США, на возможность и впредь решать все назревшие проблемы столь же компромиссно. И, как оказалось, напрасно, ибо и премьер, и президент вели собственную игру, пытаясь достигнуть исключительно свои цели.

Рузвельт оставался приверженцем ограниченно изоляционистской политики. Открыто предупреждал Черчилля еще в середине ноября 1944 года о скором уходе американцев из Европы: «после краха Германии я должен буду доставить свои войска на родину настолько быстро, насколько это позволят сделать транспортные средства»[440]. Своей позиции не изменил, хотя британский премьер пытался настойчиво убедить его в обратном, доказывая, что французских сил будет явно недостаточно для послевоенного сдерживания Германии. Все интересы Рузвельта сосредотачивались прежде всего на азиатско-тихоокеанском регионе. На судьбах Китая, Французского Индокитая, Филиппин, Нидерландской Индонезии, на завершении борьбы с Японией, что казалось для США более значимым, нежели положение в Европе после победы.

Черчилль с такими доводами президента соглашался, но лишь отчасти. Даже объяснял собственную уступчивость в переговорах со Сталиным теми же причинами. Писал Рузвельту: «Вас, вероятно, уже информировали о явной решимости советского правительства напасть на Японию после ниспровержения Гитлера, о тщательном изучении им этой проблемы и о его готовности приступить к межсоюзнической подготовке в широких масштабах. **Когда нас кое-что раздражает, мы должны помнить о величайшей ценности этого фактора для сокращения всей борьбы в целом** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)»[441]. Но все же Черчилль никак не мог отказаться от того, что считал стержнем традиционной британской политики — достижения равновесия в Европе так, как то понимали в Лондоне.

Именно тем мотивировал твердую решимость защищать ту советско-польскую границу, на которой настаивал Сталин. «Я уже информировал парламент на открытом заседании, — писал Черчилль 18 октября 1944 года Рузвельту, сразу же по возвращению из Москвы, — о нашей поддержке линии Керзона как основы для урегулирования пограничных вопросов на востоке, а наш 20-летний договор с Россией делает для нас желательным определить нашу позицию в той мере, в какой это не требуется в настоящее время от Соединенных Штатов»[442]. Столь же прямо объяснял он и договоренность со Сталиным, достигнутую 9 октября. «Нам, — указывал Черчилль, — абсолютно необходимо попытаться прийти к единому мнению о Балканах с тем, чтобы мы могли предотвратить гражданскую войну в ряде стран в условиях, когда мы с Вами

будем, вероятно, сочувствовать одной стороне, а д. Д. („дядя Джо“, Сталин. — *Ю. Ж.*) другой»[443].

Вместе с тем Черчилль, когда, как он считал, того требовали интересы Великобритании, не считался с парадоксальностью создаваемой им ситуации. Действовал в явном противоречии с данными им же самим объяснениями, зато в полном соответствии с джентльменским договором от 9 октября. Несмотря на протесты американской общественности, вялые возражения Рузвельта, отдал приказ британским экспедиционным силам в Греции выступить на стороне монархистов в их вооруженной борьбе с республиканцами. Сам же развязал, да еще на долгие годы, ту самую гражданскую войну, которой якобы столь опасался. Но объяснял свое неожиданное решение отнюдь не искренне. Не подлинными стратегическими планами своей страны в восточном Средиземноморье. Лукавил, сообщая о греческих делах в очередном послании Рузвельту: «Если бы мы вывели свои войска, а это мы легко могли бы сделать, в результате чего произошла бы ужасающая резня, и в Афинах утвердился бы крайне левый режим коммунистического направления»[444].

Подобные недомолвки, порожденные расхождениями во взглядах и целях, и обусловили необходимость новой, второй по счету, встречи «большой тройки». Той, которая смогла состояться только в феврале 1945 года по вполне понятной и обоснованной причине — после президентских выборов в США и официального вступления в должность Франклина Делано Рузвельта.

Тем временем сложные международные проблемы все сильнее втягивали Советский Союз в несвойственную для него, незнакомую, а потому полную неожиданностей глобальную стратегию. Вынуждали играть определенную роль уже не только в Европе, но и в Азии. Вместе с тем предопределили на целое десятилетие борьбу взглядов внутри узкого руководства по двум решающим вопросам. Об экономических возможностях для проведения глобальной стратегии, ее идеологическом обеспечении.

Глава шестнадцатая

Один из популярных, широко распространенных в то время американских журналов, «Сатердей ивнинг пост», в номере за 18 ноября 1944 года опубликовал пространную статью под сенсационным и даже двусмысленным заголовком — «Время Сталина истекает». Автор ее, Генри Кессиди, известный обозреватель и шеф московского бюро Ассошиэйтед пресс, пользовался заслуженным доверием, считался авторитетным специалистом по проблемам СССР. Из многих других иностранных журналистов, находившихся тогда в советской столице, выделяло его то, что он оказался одним из всего трех — наряду с англичанами Ральфом Паркером («Таймс») и Кингом (Рейтер), кто сумел за годы войны взять интервью у Сталина. Получить от него письменные ответы («письма», как их называла американская пресса) на свои вопросы. И не единожды, как его коллеги, а дважды, 3 октября и 13 ноября 1942 года — о значимости второго фронта.

Статья «Сатердей ивнинг пост», в целом весьма объективная и довольно благожелательная, содержала достаточно неожиданную для читателей деталь. «Иосиф Сталин, — писал Кессиди, — знает теперь, что он не проживет достаточно долго, чтобы завершить свою работу… Последнее время в своих беседах с посетителями Сталин, почти с грустью говоря о будущих пятилетних планах экономического развития Советского Союза или о послевоенной торговле и сотрудничестве, прерывал себя фразой — „Если доживу… если доживу“. Он произносит эту фразу скорее в утвердительном, чем в условном тоне. Сталин, которому 21 декабря исполняется 65 лет, знает, что он не доживет…»

Чтобы не быть превратно понятым, Генри Кессиди поспешил оговориться: «Этим я не хочу сказать, что Сталин умирает». Но все же счел необходимым дать собственный прогноз развития ситуации в СССР, основанный именно на пессимистической оценке здоровья вождя. «Более вероятно, — высказал предположение журналист, — что он будет придерживаться

умеренного консервативного курса для того, чтобы сохранить то, что он может сделать перед тем, как умрет»[445]. Вряд ли на американских читателей более чем странное сообщение из далекой Москвы произвело какое-либо впечатление. Скорее их должно было беспокоить состояние только что избранного на четвертый срок собственного президента, Франклина Делано Рузвельта. Но то, что отныне знали о здоровье Сталина жители США, да и не только они, в СССР являлось тщательно охраняемой государственной тайной. Для всех, кроме узкого руководства да некоторых, наиболее высокопоставленных сотрудников аппарата ЦК: статью Кессиди, хотя и с семимесячным опозданием, в Управлении пропаганды сочли необходимым перевести. Сделали доступной известной крайне ограниченному кругу лиц[446]. Однако именно для них важным, определяющим их дальнейшее поведение, стала не столько мрачная информация из США, а новое, внезапное и весьма существенное изменение в расстановке сил на политическом Олимпе. Оказалось, что кадровые перемещения, проведенные совсем недавно, всего лишь в мае, далеко не последние. Они вдруг возобновились, и — парадоксально — не когда-либо, а именно в ноябре 1944 года. И снова им предшествовали несущественные, рутинные назначения на более низком уровне.

Еще в июле И. Т. Пересыпкина освободили от обязанностей наркома связи, оставив начальником главного управления связи НКО[447]. Новым наркомом стал его многолетний первый заместитель К. Я. Сергейчук. Несколько позже, в начале сентября, К. П. Субботина, наркома заготовок, уже сняли — как «не справившегося». Назначили на освободившийся, «горячий» и малопривлекательный пост первого секретаря Ростовского обкома Б. А. Двинского. А две недели спустя наркомзаг изъяли из ведения А. И. Микояна и передали для «наблюдения» за его работой Г. М. Маленкову[448].

Действительно же важным, наиболее значительным и определившим принципиально новую ситуацию, оказалось изменение в положении Н. А. Булганина.

Начиная с июня 1941 года его использовали исключительно на «военной» работе — членом военного совета фронта. Сначала — Западного, с октября 1943 года — 2-го Прибалтийского. Однако перевод не спас Булганина от ответственности за допущенные просчеты и ошибки. Ставка, обеспокоенная слишком затянувшимися неудачами Западного фронта, в апреле 1944 года, для расследования причин происходившего там, образовала специальную комиссию. Ввела в нее от секретариата ЦК Г. М. Маленкова (председателем) и А. С. Щербакова, от Генштаба — С. М. Штеменко, Ф. Ф. Кузнецова и А. Шимонаева. На основании их выводов и рекомендаций В. Д. Соколовского сняли с командования фронтом, понизили в должности до начальника штаба 1-го Украинского фронта. А Н. А. Булганину решением ПБ от 20 апреля вынесли партийный выговор, отстранив от должности члена военного совета 2-го Прибалтийского фронта «как не справившегося со своими обязанностями»[449].

Опала Николая Александровича продолжалась на удивление недолго, всего три недели. Уже 11 мая его, несмотря на официально установленную некомпетентность, вновь назначили на ту же должность, на этот раз — 1-го Белорусского фронта. Но и там Булганину не удалось реабилитировать себя, доказать делом, что восстановление его на прежнем посту оправдано. И потому 1 августа его все же освободили от «военной» работы. Утвердили представителем СНК СССР при Польском комитете национального освобождения — дали должность, не соответствующую уровню даже посла. А если еще учесть, что незадолго перед тем, в мае, Н. А. Булганин перестал быть заместителем председателя союзного Совнаркома, то почти с полной уверенностью можно было говорить о конце его скоропалительной карьеры.

Но такое, более чем обоснованное возможное заключение оказалось' несостоятельным. Без какой-либо мотивировки, без обоснования, ибо они были явно невозможны при сложившемся положении, Булганина 20 ноября 1944 года, по предложению Сталина, ПБ утвердило… заместителем наркома обороны[450]. Подняло до уровня Жукова и Василевского. Мало того, по инициативе Иосифа Виссарионовича 21 ноября Булганина еще ввели и в ГКО — вместо Ворошилова[451]. Только теперь все смогли окончательно убедиться, «чьим» же

человеком является Николай Александрович, кто заинтересован в его неумолимом продвижении наверх, какая роль ему предуготована. Ну а Ворошилову, удаленному из ГКО, пришлось смириться с более чем скромным постом — председателя союзной контрольной комиссии по Венгрии[452].

Не меньшего внимания заслуживало и еще два столь же важных назначения, оказавших решающее воздействие на расстановку сил в узком руководстве. 14 декабря решением ПБ Н. А. Вознесенского утвердили заместителем председателя БСНК[453]. Произошло же это именно тогда, когда Молотову приходилось уделять все больше и больше внимания, времени международным проблемам, особенно созданию ООН. Потому означало фактическую подмену Вячеслава Михайловича на этом посту Вознесенским. Отдавало последнему в безраздельное руководство всю повседневную деятельность БСНК. И еще раз подтверждало неуклонно возрастающую роль Николая Алексеевича в управлений экономикой страны.

Не менее показательным оказалось и возвращение А. А. Жданова в Москву после трех с половиной лет отсутствия, опять же по решению ПБ — от 4 января 1945 года[454]. Ведь все то время, пока Андрей Александрович находился в Ленинграде, его высочайшее положение в партийной иерархии с каждым месяцем становилось все более сомнительным, ибо его обязанности в секретариате выполнял сначала А. А. Андреев, а затем А. С. Щербаков. Даже то, что в августе 1944 года Жданова назначили председателем союзной контрольной комиссии по Финляндии — низвели до уровня маршалов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина, а затем еще и опального Ворошилова, подтверждало вроде бы явное: постепенный уход его с политической сцены. Указывало на то, что Жданов, возможно, остается членом ПБ и секретарем ЦК только до ближайшего съезда или пленума. И вот теперь, как всегда — вдруг, все изменилось. Волею случая Андрей Александрович всплыл из небытия, вернул себе все — и прежнюю должность, и прежний кабинет в здании на Старой площади. Но вернул лишь потому, что состояние здоровья Щербакова, к работе которого ни у кого не было ни малейшей претензии, резко ухудшилось. Больше не позволяло исполнять многочисленные обязанности даже номинально.

Беспрецедентный, несмотря ни на что, повторный взлет Булганина и Вознесенского, возвращение Жданова на работу в Москву стали одной крайней точкой, обозначившей новую расстановку сил в узком руководстве. Другой оказалось такое же резкое, внезапное падение Н. Н. Шаталина.

Его, многолетнего первого заместителя Маленкова в Управлении кадров ЦК ВКП(б), практически и формировавшего партийный и административный аппараты всей страны, 11 ноября 1944 года по решению ПБ отправили в почетную ссылку. Утвердили председателем Бюро ЦК по Эстонии[455]. Органа чрезвычайной, как и ГКО, партийно-государственной структуры, созданной исключительно для прибалтийских республик и Молдавии. Только для них четырех, где после освобождения предстояло не столько восстанавливать, сколько устанавливать заново советскую власть. Исподволь готовить так и не проведенную до войны коллективизацию, постепенно ликвидировать все еще сохранявшиеся частные мелкие розничную торговлю, предприятия сферы обслуживания. И главное, последовательно, решительно, настойчиво бороться с национализмом, не только окрепшим за годы оккупации, но и принявшим в Прибалтике крайне радикальную форму вооруженного сепаратизма. Только потому и было решено «в целях оказания помощи… в деле укрепления руководства партийными, советскими и хозяйственными органами» образовать не предусмотренные ни уставом партии, ни конституцией эти региональные бюро ЦК ВКП(б). Органы, включавшие уполномоченного союзных НКВД и НКГБ, первого секретаря нацкомпартии и главу республиканского СНК. Председательствовать же в бюро должны были присланные из Москвы люди, наделяемые всей полнотой власти.

Первым таким своеобразным прокуратором, для Литвы, стал М. А. Суслов, собственно лишь переменивший место службы, но не ее саму. Прежде всевластный первый секретарь

крайкома в Ставрополе, он оказался теперь в той же роли в Вильнюсе. В тот же день, но в Таллин, получил назначение и Н. Н. Шаталин. Но даже то, что полтора месяца спустя, 29 декабря, он стал по совместительству еще и председателем бюро по Латвии[456], ничего не изменило в его положении подчеркнуто «задвинутого». Лишний же раз показало — подобная должность для Шаталина является демонстративным понижением — и утверждение на аналогичный пост в Кишинев, в марте 1945 года, совсем уж никому неизвестного партфункционера Ф. М. Бутова.

Но какое значение на расстановку сил в узком руководстве оказывало перемещение не входившего в него Н. Н. Шаталина? Ни для кого не являлись секретом его очень тесные отношения с Маленковым, их общие взгляды, полное взаимопонимание, поэтому падение столь надежного сотрудника, и особенно — вслед за понижением в должности еще одного безоговорочного сторонника линии Георгия Максимилиановича, «его» человека, но не в партийных, а государственных структурах, М. З. Сабурова, выглядело слишком уж нарочитым. Означало бесспорный очередной удар по Маленкову, хотя и не прямой, а косвенный. По его престижу. По слишком уж возросшему влиянию, возможности с помощью соратников или просто союзников, даже временных, воздействовать на подготовку, принятие решений, претворение их в жизнь.

Сегодня все еще нельзя однозначно ответить на вопрос, был ли прав Генри Кессиди, утверждавший, что здоровье Сталина серьезно ухудшилось в конце 1944 года. Зато бесспорно, не вызывает сомнений, иное. За всеми перемещениями на вершине власти стоял тогда никто иной, как Иосиф Виссарионович. И, судя по всему, отстаивал при этом отнюдь не государственные, а сугубо личные интересы. Стремился таким образом восстановить авторитет, прежнее положение лидера ради одного: проведения именно своего, действительно умеренно-консервативного курса, как предполагал Кессиди и как доказало будущее. Ну а добиваться того, если такое исходное предположение верно, Сталину позволили два обстоятельства.

Прежде всего, продолжавшееся успешное наступление Красной Армии. Почти полное освобождение страны — части вермахта оставались, но в «Курляндском котле», только в Западной Латвии. Занятие значительных территорий в Европе — полностью Румынии, Болгарии, восточных районов Польши и Югославии, вступление в Венгрию. Стремясь снять с себя вину за неподготовленность СССР к войне, сублимировать собственные страх и отчаяние, порожденные катастрофой в июне 1941 года, Сталин непременно должен был делать все возможное для отождествления побед с собственной ролью в руководстве Красной Армии как председателя ГКО, как верховного главнокомандующего. Настойчиво убеждать и себя, и всех в том, что успехи советских войск неразрывно связаны только с ним. Принял поэтому, хотя и был сугубо гражданским человеком, звание маршала — 6 марта 1943 года, после завершения Сталинградской битвы. Не отказался 28 июля 1944 года, когда практически завершилось изгнание врага из страны, и от ордена Победы.

Посчитал все эти знаки доблести и геройства честно заслуженными.

Во-вторых, на действия Сталина, а вместе с тем и на его самооценку, не менее сильно могли повлиять и столь же блестящие успехи советской дипломатии. В меньшей степени — вывод из войны без излишних боев и жертв Финляндии, Румынии, Болгарии. В несоизмеримо большей — соглашение поначалу только с Черчиллем, а затем уже и с Рузвельтом о самом важном для СССР. Об обеспечении национальных интересов, национальной безопасности после победы. Представление — чего также нельзя исключать, что достигнутое во время встречи на высшем уровне является его личной заслугой. Наконец, решающим здесь обязательно должно было стать и общее признание его, Сталина, законным членом «большой тройки», наравне с британским премьером и президентом США. Признание тем самым главою одной из трех великих держав мира.

Вместе с тем при поиске объяснений происходившего не следует забывать и о чисто человеческой черте — гордыне. Об унижении, испытанном Сталиным 30 июня 1941 года, когда его заставили согласиться с созданием ГКО. На раздел власти с Молотовым, Берия, Маленковым. Людьми, хотя и полностью лояльными ему, но далеко не во всем разделявшими его взгляды, его планы на ближайшее и отдаленное будущее. Вполне возможно, что Иосиф Виссарионович опасался несогласия Молотова с решительным отказом от революционно-интернационального курса, что могло быть расценено Вячеславом Михайловичем выражением если и не контрреволюционных, то во всяком случае ревизионистских взглядов. Сползанием на позиции оппортунистической социал-демократии. Мог опасаться Сталин и Берии, скорее всего возражавшего бы против дальнейшего усиления унитаризма, умаления практических прав национальных союзных республик, низведения их до уровня областей, краев. Нельзя исключить и того, что серьезные расхождения могли обнаружиться у Сталина и с Маленковым, твердым и последовательным сторонником быстрейшего свертывания после победы оборонной промышленности, как это показали все последующие события.

Уверенным Сталин мог быть только в тех, кого именно он выдвинул, надежно оградив своим именем, постоянной и неуклонной поддержкой. В «молодых» — Вознесенском, Булганине, Косыгине, которым еще предстояло оправдать доверие вождя. Оправдать безоговорочной поддержкой при всех возможных разногласиях в узком руководстве. В «старых» — Андрееве, Жданове, Микояне, Швернике, уже доказавших, и не раз, верность и преданность лично ему, Сталину. В тех, кто «молодой» или «старый» — безразлично, являлся «управляемым», не желал, да и не мог выдвигать собственные, оригинальные идеи, планы.

Трудно сомневаться в том, что именно эти причины и обусловили прежде всего кадровые перестановки в узком руководстве, приведшие к новому балансу сил. К усилению позиция Сталина. Столь же уверенно можно говорить и о том, что умеренно-консервативный курс, по выражению Кессиди, получил воплощение в результате той кропотливой работы, которую вел Г. Ф. Александров и возглавляемое им УПиА, по выработке и закреплению принципиально новых идеологических ориентиров. По созданию новой оси координат, призванной разделять население СССР не по старому принципу — на сторонников и противников социализма, «белых» и «красных», а на «патриотов» и «космополитов», под которыми, используя непривычный еще эвфемизм, тогда подразумевали националистов. В равной степени и сепаратистов на западных землях, и тех, кто выступал за сохранение прав союзных республик.

Сталин важнейшую, если не единственную конечную цель войны видел в надежном ограждении страны от потенциальной угрозы со стороны милитаристской Германии, которая должна была, по его мнению, сохраниться и после ее разгрома, даже в самом ближайшем, обозримом будущем. Еще в Тегеране уверенно заявлял: «Германия может скоро восстановиться. Для этого ей потребуется всего 15–20 лет. Какие бы запреты мы ни налагали на Германию, немцы будут иметь возможность их обойти… Поэтому Германия снова восстановится и начнет агрессию»[457]. Полагая так, Иосиф Виссарионович основывался на горьком опыте прошлого, а выход искал, прежде всего, в международном признании новых границ с Польшей, в превращении этой страны в надежного и верного союзника. И лишь затем, во вторую очередь, пытался добиться максимальных репараций, которые следовало взыскать с поверженного противника для восстановления народного хозяйства СССР, а также и принятия членами ООН нескольких союзных республик, чьи голоса до некоторой степени обеспечили бы отстаивание советских предложений в создаваемой всемирной организации.

Но именно эти-то вопросы и оказались наиболее сложными, крайне спорными. Уже на предварительной стадии выявили расхождение взглядов Черчилля, Рузвельта — с одной стороны, и Сталина — с другой. И если по второму и третьему вопросам еще можно было надеяться на компромисс, то первый, польский, вернее — признание легитимности люблинского правительства объединенными нациями, грозил стать камнем преткновения на

пути достижения согласия. Обещал омрачить и без того уже далеко не безоблачные отношения Москвы с Вашингтоном и Лондоном. Повлиять в худшую сторону на результат обсуждения всего круга проблем, которые предстояло рассмотреть в Крыму.

Еще 30 декабря 1944 года, за месяц до встречи в Ялте, Рузвельт настойчиво рекомендовал Сталину отказаться от безоговорочной поддержки ПКНО и Осубки-Моравского. «Я всегда считал, — писал американский президент, — что г-н Миколайчик, как я убежден, искренне стремится к решению всех вопросов, остающихся не решенными между Советским Союзом и Польшей, является единственным польским деятелем на примете, который, кажется, может обеспечить подлинное решение трудного и опасного польского вопроса». Не скрывал своей заинтересованности в том же и Черчилль. Более того, готов был в любую минуту оказать на Сталина необходимое давление вместе с Рузвельтом. Сообщил тому 31 декабря: «Мы, конечно, направим послание в поддержку Вашего как только вы скажете, что это будет полезным»[458].

Ко всему прочему, в январе 1945 года, обозначилась и еще одна спорная проблема — положение, складывавшееся в Иране. Там СССР пытался добиться от шахского правительства всего лишь того, что давным-давно имела Великобритания. Права на разведку и концессию на разработку, в случае открытия, месторождений нефти в северных провинциях, в Иранском Азербайджане. Но такое, вполне естественное в международной практике, стремление неожиданно натолкнулось на категорическое возражение союзников. Черчилль предложил Рузвельту занять непримиримую позицию, ни в коем случае не подавая Москве даже надежды на возможность экономически закрепиться в Иранском Азербайджане. «Мы не хотим, — объяснял он президенту свою позицию, — чтобы русские могли потом заявить, что их своевременно не предупреждали о том, насколько серьезно мы относимся к этому вопросу». Столь же решительно выступал и госдепартамент. В своем меморандуме, адресованном Рузвельту и основанном на высказываниях посла Ирана в США, так формулировал оценку ситуации: «русские… действуют таким образом, что в скором времени окажутся невозможными любые административные акции иранских властей»[459]. Однако тогда совместный демарш Великобритании и США все же не последовал. Его, во имя достижения иных, более важных целей, отсрочили до конца года.

Повестка дня, которую приняли главы трех великих держав для Ялтинской встречи 4 февраля, несмотря ни на что оказалась приемлемой им всем. Ограничилась самым неотложным: судьбой Германии, польским вопросом, уставом ООН. Предопределило же возможность достижения либо согласия, либо компромисса не только желание продемонстрировать всему миру сохраняющееся единство, но и иное. Весьма сильное желание Рузвельта вовлечь Советский Союз в войну с Японией. Небезосновательные опасения президента 4-миллионной японской армии, находившейся на островах, что, безусловно, могло привести к огромным потерям американцев при высадке.

Договоренность об участии СССР в войне на Тихом океане Рузвельту удалось достичь 8 февраля, на сепаратной встрече со Сталиным, пообещав тому получить от Чан Кайши признание независимости Внешней Монголии (Монгольской народной республики), передачу Советскому Союзу в аренду Порт-Артура для военно-морской базы, восстановления прав на КВЖД и ЮМЖД. Кроме того, президент гарантировал возвращение СССР Курильских островов и южной части Сахалина. В свою очередь, советская сторона помимо участия в вооруженных действиях против Японии, обязалась заключить с Китаем договор о дружбе и союзе, признав его суверенитет над Маньчжурией[460].

После этого Рузвельт и поддержал большинство предложений Сталина, высказанных тем в ходе дискуссий. Потому-то и удалось быстро, без особых разногласий, договориться по многим пунктам. О децентрализации административного управления Германии, выделении, за счет американской и британской, зоны оккупации Франции и включение ее представителя в союзный контрольный совет, на чем особенно настаивал Черчилль. Приняли и предложение Сталина о праве на вхождение в число членов ООН Белоруссии и Украины, хотя

отказали в том Литве. В остальных же случаях, при возникновении серьезных расхождений во мнениях, вопросы лишь обозначили, откладывая на будущее и их решение, и окончательные формулировки. Так поступили при обсуждении проблемы расчленения Германии, устава ООН и процедуры голосования в ней, судьбы правительства Югославии, возможности пересмотра конвенции Монтрё, регулировавшей судоходство в черноморских проливах, окончательную величину репараций с Германией.

Предельно осторожно, стремясь к компромиссу, поступили и при обсуждении польского вопроса, которым фактически занимались каждый день конференции, с 4 по 11 февраля. Пошли навстречу требованиям Сталина, признав новые границы Польши: на востоке — по линии Керзона, на севере и западе — включая Померанию и Данциг, по рекам Одеру и Нейсе. От создания же во время встречи временного национального правительства и регентского совета в составе Берута, Грабского и Сапеги, чего поначалу настойчиво добивался Рузвельт, отказались. Передали решение по данному вопросу специальной комиссии, включившей Молотова и послов в Москве, США — Авералла Гарримана, Великобритании — Арчибальда Керра, но при обязательном соблюдении двух условий. Новое, единое — взамен лондонского и люблинского, ставшего тем временем варшавским, временное национальное правительство следовало сформировать не расширением, как того хотел Сталин, а реорганизацией варшавского. После этого, примерно через месяц, в Польше обязательно провести выборы, свободные и демократические[461].

Полагаясь на верность Сталина своему слову, Черчилль упорно отстаивал именно такое решение польского вопроса в палате общин. «Судьба поляков, — заявил он там 27 февраля, — будет в их собственных руках с единственным ограничением, которое они должны будут честно соблюдать совместно с их союзниками — проводить политику, дружественную России»[462]. Защищая ялтинские соглашения, принятые при его непосредственном участии, от критики, британский премьер не учел лишь одного — возникновения трений между союзниками, и отнюдь не по вине Сталина. Из-за нарушения американской и британской сторонами соглашения с СССР, запрещавшего сепаратное ведение переговоров с германскими властями.

Омрачили отношения с союзниками, возродили прежнее недоверие к ним Сталина, его опасения, что рано или поздно США и Великобритания станут преследовать сугубо собственные интересы, не совпадающие с интересами СССР, тайные встречи представителя Управления стратегических служб в Берне, Швейцария, Аллена Даллеса с эмиссарами командующего силами вермахта в Северной Италии генерал-фельдмаршала Кессельринга. Встречи, в первых числах марта принявшие уже форму переговоров офицеров союзнической ставки, возглавляемой британским фельдмаршалом Александером, с генералом ваффен-СС Вольфом. Обсуждения ими условий капитуляции 25 германских дивизий. Об этом сразу стало известно в Москве. И хотя, спохватившись, американцы через своего посла Гарримана 12 марта попытались оправдать свои действия перед советским руководством, исправить ошибку оказались не в состоянии. Не сумел сделать того ни Рузвельт в своем слишком запоздавшем послании — от 25 марта — Сталину, ни Черчилль[463]. Они так и не развеяли подозрений Иосифа Виссарионовича.

Ко всему прочему, осложнило сложившуюся ситуацию и ухудшившиеся отношения между Сталиным и Молотовым. В Крыму, на конференции, могло сложиться впечатление, что Вячеслав Михайлович является сторонником более жесткого курса, нежели его шеф. Но к тому наркома иностранных дел вынуждала его профессия со всем свойственным ей «крючкотворством». Как никто иной из узкого руководства, Молотов слишком хорошо понимал всю роль формулировок, тончайших смысловых оттенков в них, которые могли при недоработке привести к любому истолкованию документов, даже в прямо противоположном смысле. После же одобрения «большой тройкой» проектов, он столь же педантично начинал осуществлять решения практически. Именно так поступил на первых заседаниях московской комиссии по делам Польши. Заявил о возможности поездки наблюдателей от США и

Великобритании в Варшаву для изучения положения дел на месте. Однако такое предложение, не шедшее вразрез с мнением Сталина во время ялтинской встречи, но позже наложившееся на разведывательную информацию о сепаратных переговорах в Берне, и породило, как можно предположить с большой долей уверенности, недоверие вождя к своему старому соратнику. Подозрение, что неспроста тот слишком охотно идет на уступки неверным союзникам.

Чтобы не выпускать инициативу из своих рук, Сталин полностью взял на себя дальнейшее ведение внешней политики. Отстранил от традиционного, коллегиального обсуждения ее ключевых проблем остальных членов узкого руководства. И сделал это весьма своеобразно, проведя через ПБ 9 марта постановление, по которому все шифротелеграммы НКИД отныне поступали для ознакомления только ему, да, чего избежать никак было нельзя, Молотову. Не ограничившись тем, Иосиф Виссарионович вынудил Вячеслава Михайловича публично отказаться от сделанного им ранее приглашения в Польшу американских и британских представителей. Наконец, внезапно исключил Молотова из состава советской делегации для участия в конференции, созываемой в Сан-Франциско, где предполагалось провозгласить создание ООН. Заменил его послом в США А. А. Громыко, отлично осознавая оскорбительность подобного решения для союзников. Только в последнюю минуту, под давлением Черчилля и Рузвельта, не желая раскрывать перед ними тайны закулисной кремлевской политики, отказался от прежнего мнения. Все же разрешил Молотову возглавить делегацию СССР. Одновременно сменил Сталин мягкую линию на жесткую в трех восточноевропейских странах.

27 февраля заместитель наркома иностранных дел А. А. Вышинский прибыл в Бухарест с важной и ответственной, схожей с той, что выполнял в 1940 году в Латвии, миссией. От имени советского правительства объявил о возвращении Трансильвании под юрисдикцию Румынии. Сделал то, на что не имел никакого права до подписания мирного договора, только который и мог установить границы недавнего сателлита нацистской Германии. Зато в обмен сумел получить подписи короля Михая под выгодными для Советского Союза указами. 28 февраля — об отставке премьера генерала Радеску, а 6 марта — о назначении на этот пост коммуниста Петру Грозу. Правда, формальная демократичность — коалиционность нового кабинета сохранялась. Включал он представителей всех разрешенных политических партий Румынии: национал — либеральной, национал-царанистской, социал-демократической, коммунистической, национал-народной, фронта земледельцев, союза патриотов.

Не стал больше Сталин противиться и властолюбивым устремлениям маршала Тито. Поддержал его официальным признанием, когда тот, нарушив прежние соглашения, занял 7 марта пост главы правительства Югославии, назначив прежнего премьера, Шубашича, министром иностранных дел.

Однако самыми серьезными, угрожавшими разрывом дружественных отношений с Черчиллем и Рузвельтом, стали действия Советского Союза в Польше. Туда советниками министерства общественной безопасности направили сохранявших основные свои должности И. А. Серова — замнаркома внутренних дел СССР, и П. Я. Мешика — зам. начальника главного управления контрразведки («СМЕРШ») НКО СССР[464]. И далеко не случайно практически сразу же после их прибытия была арестована большая группа польских военных и политических деятелей, ориентировавшихся исключительно на Лондон. Представлявших несомненную опасность для КРН как вполне реальные конкуренты и при формировании временного национального правительства, и при проведении всеобщих выборов.

Среди взятых под отражу работниками спецслужб СССР и немедленно депортированных в Москву оказался бригадный генерал Л. Окулицкий, с сентября 1944 года командующий АК, а после ее формального роспуска 19 января 1945 года возглавивший аналогичную по задачам подпольную боевую организацию «НЕ» («Неподлеглость» — «Независимость»), открыто объявившую Красную Армию оккупационной. Кроме того, среди арестованных находились вице-премьер лондонского правительства с пребыванием в Польше Я. Янковский, члены подпольного «совета министров» А. Беня, С. Ясюкевич, А. Пайдак, еще одиннадцать человек,

входивших в руководство партий Стронництво народове, Стронництво людове, Стронництво праци, Союз демократов[465].

Давая санкцию на столь необычные репрессии — на территории независимого государства, Сталин сделал то, о чем, но только как всего лишь о возможном, предупреждал в Ялте. Объяснял началом гражданской войны в Польше, жертвами которой становились прежде всего бойцы и командиры Красной Армии. И потому поначалу встретил понимание и поддержку со стороны Черчилля, вряд ли догадывавшегося о возможных масштабах арестов[466].

Еще не зная о размахе политической акции, начатой Сталиным, информированный лишь о смене правительств в Бухаресте и Белграде, британский премьер спокойно воспринял происходившее. Даже попытался оправдать поведение Иосифа Виссарионовича в послании Рузвельту от 8 марта: «Уверен, что Вы будете также огорчены, как и я, недавними событиями в Румынии. Русским удалось установить правление коммунистического меньшинства с помощью силы и обмана. Протестовать против этих событий нам помешало то обстоятельство, что когда мы с Иденом находились в Москве в октябре, то, чтобы развязать себе руки в деле спасения Греции, признали, что Россия должна иметь преобладающее влияние в Румынии и Болгарии в то время, как мы возьмем на себя руководящую роль в Греции. Сталин строго придерживался этого соглашения в период тридцатидневных боев против коммунистов и ЭЛАС в Афинах, несмотря на то, что все это было крайне неприятно для него и его окружения…

Сталин формально следует принципам Ялтинской конференции, которые, безусловно, были растоптаны румынами. Тем не менее мне бы очень не хотелось в такой степени подчеркивать этот вывод, чтобы Сталин мог сказать: „Я не препятствовал вашим действиям в Греции. Почему же вы не хотите предоставить мне такую же свободу действий в Румынии?‟

Это снова привело бы к сравнению целей его действий и наших. И ни одна сторона не может убедить другую в своей правоте. Учитывая характер моих личных взаимоотношений со Сталиным, я уверен, что для меня было бы ошибкой в данный период вступать на путь споров»[467].

Не захотели ни Черчилль, ни Рузвельт осудить Сталина и тогда, когда узнали об арестах в Польше. Все их внимание тогда оказалось прикованным к завершению боевых действий на территории Германии. А затем все затмила эйфория, порожденная встречей на Эльбе, взятием Берлина, подписанием акта о безоговорочной капитуляции. Победа с ее долгим и тяжким, обильно политым кровью путем к ней, отодвинула на задний план, хотя и на довольно короткий срок, все остальное.

Правда, в конце марта Черчилль все же решил посоветоваться с Рузвельтом. Уточнить — «Не настал ли момент направить нам обоим послание Сталину по вопросу о Польше?». Но американский президент счел время для того еще неподходящим. Предложил отложить совместный демарш. Ненадолго. Ответил 6 апреля: «Мы не должны допускать, чтобы у кого-то сложилось неверное представление, будто мы боимся. Буквально через несколько дней наши армии займут позиции, которые позволят нам стать „более жесткими‟, чем до сих пор казалось выгодным для участия в войне»[468].

Внезапная смерть Рузвельта 12 апреля не повлияла на доверительные отношения глав Великобритании и США, на их стремление согласовывать — что, как и когда следует предпринимать для сдерживания Сталина. В немалой степени послужила тому позиция госдепартамента, выраженная в меморандуме Гарри Трумэну, ставшему президентом и нуждавшемуся в своего рода подсказке. Глава американского внешнеполитического ведомства, Стеттиниус, разъяснял: «Соединенное королевство. Политика м-ра Черчилля основывается, прежде всего, на сотрудничестве с Соединенными Штатами. Вместе с тем базируется она и на сохранении единства трех великих держав, но британское правительство уже демонстрирует растущее опасение Россией и ее намерениями… Советский Союз. После Ялтинской конференции советское правительство придерживается твердой и

бескомпромиссной позиции по большинству вопросов, возникающих в наших отношениях. Наиболее важные среди них польский вопрос, выполнение крымских соглашений на освобождаемых территориях, договоренности об обмене освобожденными военнопленными и гражданскими лицами, конференция в Сан-Франциско…»[469].

Потому-то Трумэн и поспешил последовать совету Черчилля. Сделал то, что не успел Рузвельт. Уже 18 апреля главы США и Великобритании направили Сталину самое, пожалуй, жесткое за все четыре года войны совместное послание. Разумеется, посвященное польской проблеме — «с тем, чтобы не было недоразумений в связи с нашей позицией по этому вопросу». Фактически ультимативно потребовали «немедленно» пригласить в Москву для запланированных в Ялте переговоров о формировании правительства национального единства представителей трех политических группировок. Сделать это обязательно: «для того, чтобы предотвратить крушение, со всеми неисчислимыми последствиями, наших усилий разрешить польский вопрос»[470].

Как показал ответ Сталина, прогноз, сделанный Кессиди в ноябре 1944 года, начинал сбываться. Но пока отчасти — применительно только к внешней политике. Иосиф Виссарионович действительно стал проводить «умеренно-консервативный» курс, если понимать под ним стремление добиваться любыми способами собственных целей, далеко не всегда совпадающих с теми, что преследовали его союзники. Поступал не менее решительно и безоглядно, нежели Черчилль или Рузвельт в Западной Европе. Ставил у власти, всячески поддерживал, и притом вполне открыто, верные Советскому Союзу режимы в Польше и Румынии. В основных сопредельных странах, призванных, по замыслу Сталина, способствовать обеспечению национальной безопасности СССР, стать потому зоной его жизненных интересов. Закреплял юридически, на десятилетия, союзами о дружбе и взаимопомощи с ними. Поначалу, естественно, с Польшей — 21 апреля. А заодно, использовав предоставившуюся возможность, с Югославией — 11 апреля.

24 апреля Сталин решительно и твердо объяснил Трумэну и Черчиллю мотивы своего поведения: «Польша граничит с Советским Союзом, чего нельзя сказать о Великобритании и США. Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции.

Вы, видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу правительство, и что советское правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита на полях Польши во имя освобождения Польши. Я не знаю, создано ли в Греции действительно представительное правительство и действительно ли является демократическим правительство в Бельгии. Советский Союз не спрашивали, когда там создавались эти правительства. Советское правительство и не претендовало на то, чтобы вмешиваться в эти дела, так как оно понимает все значение Бельгии и Греции для безопасности Великобритании».

Не удержался Сталин в своем ответе и от того, чтобы подчеркнуть появившийся разлад в прежних отношениях. «Надо признать, — писал он, — необычными условия, когда два правительства — Соединенные Штаты и Великобритания — заранее сговариваются по вопросу о Польше, где СССР прежде всего и больше всего заинтересован, и ставит представителей СССР в невыносимое положение, пытаясь диктовать ему свои требования. Должен констатировать, что подобная обстановка не может благоприятствовать согласованному решению вопроса о Польше»[471].

И все же, тщательно взвесив все возможные последствия прекращения, даже временного ослабления налаженных отношений с Вашингтоном и Лондоном, Сталин вынужден был пойти на определенные уступки, явно смягчив свой натиск. Сделал это ради того, чтобы не потерять

главную позицию, занятую за годы войны — одного из трех вершителей судеб мира. Позицию, которую очень легко можно было утратить на конференции в Сан-Франциско.

При окончательном определении устава ООН, то есть принципиально новой политической структуры, призванной обеспечить координацию международного сотрудничества на весьма продолжительный срок, развернулась изощренная дипломатическая борьба. Четко и недвусмысленно обозначился переход от прежнего, хорошо изученного, успешно использовавшегося Сталиным и Молотовым механизма принятия решений по всем вопросам консенсусом, к новому, непредсказуемому. К процедуре открытого голосования, при которой СССР не мог даже надеяться на поддержку большинства Генеральной ассамблеи. Органа, по замыслу США и Великобритании, должного стать основным для ООН.

Причина такого устремления разгадывалась просто. Англо-американский блок мог располагать, как минимум, поддержкой половины из 50 стран, весною 1945 года и составивших объединенные нации. 25 голосами: их собственными, пятью — британских доминионов и 18 — латиноамериканских стран (сложность для Вашингтона представляло возможное поведение только Аргентины, где у власти находился его непримиримый противник Хуан Перон). А если учесть, что скорее всего блок по принципиальным проблемам будут поддерживать и шесть западноевропейских стран — Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Дания, Норвегия, то складывалось твердое постоянное большинство в 31 голос. Советскому Союзу приходилось довольствоваться только тремя — собственно своим, СССР, Белорусской ССР и Украинской ССР, да надеяться еще на два — Чехословакия и Югославии.

Такие простые выкладки и заставили Молотова, Громыко, остальных членов советской делегации на конференции приложить немало сил для кардинального изменения намеченных принципиальных основ структуры ООН. Добиться того, чтобы важнейшие решения принимались бы не на заседаниях Генеральной ассамблеи, а в более узком кругу, в Совете безопасности. Превратить последний в главный орган ООН, а пять его постоянных членов — Великобританию, Китай, СССР, США и Францию — наделить правом вето. Правом, необходимым при сложившихся условиях лишь Москве. Ведь только таким образом она могла, в случае необходимости, отвергнуть любое, направленное против ее интересов, предложение.

При всем при том требовалось и не прекращать борьбу за каждый голос в свою поддержку. Только для того и сделать все возможное, дабы союзники признали польское правительство, а его представителя допустили, наконец, в ООН. Пойти хотя бы здесь на видимые уступки. Сохранить же Сталину при явно вынужденном компромиссе свою роль члена «большой тройки» или, по его выражению, «клуба пятимиллионных армий», помог неожиданный визит в Москву Гарри Гопкинса. До 12 апреля советника и личного помощника Рузвельта, согласившегося перед отставкой выполнить еще одну привычную ему миссию улаживателя самых сложных проблем.

Гопкинс пробыл в Москве две недели — с 25 мая по 7 июня и успел сделать очень многое. На трех встречах со Сталиным и Молотовым согласовал очередную встречу в верхах, а также урегулировал остававшиеся со времен Ялты спорными вопросы. О создании союзнического контрольного совета для поверженной Германии, величине репараций, разделе германского флота. Даже о назначении не кого-либо, а пренепременно маршала Жукова членом контрольного совета. Обсудил в деталях и предстоявшее вскоре вступление СССР в войну с Японией. Но как и на Крымской встрече, больше всего времени пришлось потратить на обсуждение положения в Польше, ибо, как вполне серьезно заметил Гопкинс, она «стала символом нашей способности разрешать проблемы с Советским Союзом»[472].

Сталин уступил. Всего через пять дней после отъезда Гарри Гопкинса, 12 июня, московская комиссия по делам Польши — Молотов, Гарриман, Керр — полностью согласовали все вопросы, находившиеся на ее рассмотрении. Сумели договориться, правда с запозданием в четыре месяца, о принципах формирования временного правительства национального единства. А 17 июня в советскую столицу прибыли представители трех польских политических

группировок. От варшавского правительства — Б. Берут, В. Ковальский, Э. Осубка-Моравский, В. Гомулка. От внутренней оппозиции — В. Керник, Г. Колодзейский, А. Кржижановский, С. Кутшба, З. Жулавский. От эмигрантских кругов — С. Миколайчик, Д. Колодзей, Я. Стенчик. Их переговоры завершились 21 июня долгожданной договоренностью: в президиум КРН вводились В. Витос и С. Грабский, в состав будущего правительства — Н. Керник и Ч. Вытех от внутренней оппозиции, С. Миколайчик, Я. Стенчик и М. Тугут — от лондонцев. Текст их соглашения без каких-либо замечаний и оговорок был одобрен Молотовым, Гарриманом, Керром.

В полном соответствии с московскими решениями, утром 28 июня, уже в Варшаве, правительство Осубки-Моравского подало в отставку, а во второй половине дня Болеслав Берут как председатель КРН (то есть временный президент Польши) утвердил временное правительство национального единства. Осубка-Моравский сохранил пост премьера, а Миколайчик стал первым вице-премьером[473]. Пожелание Черчилля и Трумэна оказалось выполнено. Поэтому Великобритании и США пришлось, как и было предусмотрено в Ялте, незамедлительно разорвать дипломатические отношения с лондонским правительством Арцишевского. Официально признать новое варшавское, теперь коалиционное, Осубки-Моравского и Миколайчика. И позволить польскому делегату занять его законное, до тех пор пустовавшее место в ООН, обеспечив тем самым Советскому Союзу лишний голос поддержки.

Для Кремля одной проблемой стало меньше. Можно было надеяться, что если не все, то многие иные также удастся успешно разрешить. И не только на Потсдамской конференции, открытие которой назначили на 17 июля — внешнеполитического характера, но и в значительной степени взаимосвязанные с ними внутриполитические. Преимущественно экономические.

Не полагаясь на благоприятное для СССР, действительно отвечающее масштабам ущерба, нанесенного войною, определение величины и формы репараций, советское руководство еще за два месяца до победы решило приступить к вывозу промышленного оборудования, сырья, продовольствия и скота из Германии. Поначалу решение этой важной задачи ГКО поручило постановлением от 21 февраля 1945 года постоянным комиссиям, образовавшимся при командовании четырех фронтов. На 1-м Украинском во главе с М. З. Сабуровым, на 1-м Белорусском — с П. М. Зерновым, на 2-м Белорусском — с П. С. Кучумовым, на 3-м Белорусском — с Г. И. Ивановским. Однако такая организация сразу же продемонстрировала свою неэффективность, и уже в марте ее пришлось заменить иной, единой. Особым комитетом ГКО под председательством Г. М. Маленкова, призванным направлять и координировать всю работу по вывозу из Германии и других стран того, что решено было считать авансовыми поставками в счет репараций[474].

Всю практическую работу в рамках комитета возложили на Сабурова, утвержденного в должности уполномоченного ГКО[475]. Тем самым Маленкову удалось восстановить утраченное было высокое положение своего верного соратника. Не только вывести из-под назойливой опеки Вознесенского, но и дать ему самостоятельное и крайне важное для судеб страны, ответственное поручение. Вместе с тем Георгий Максимилианович получил возможность вновь прочно взять в свои руки основные рычаги управления восстановления народного хозяйства, перевода его на мирные рельсы.

Первая, предварительная и чисто ознакомительная поездка Сабурова в Германию состоялась в конце апреля. Прошла весьма успешно, что и позволило ему 11 мая изложить конкретные предложения на заседании Особого комитета. А на следующий день Сабуров вновь вылетел в Берлин, где вскоре передал ведение всей практической работы своему заместителю, К. И. Ковалю, назначенному в июне первым заместителем главноначальствующего Советской военной администрации в Германии (СВАГ) — главой советской части экономического департамента союзнического контрольного совета[476].

Напряженная работа в советской зоне оккупации новой организации, включавшей к концу года свыше 9 тысяч специалистов различного профиля — представителей практически всех наркоматов и ведомств, позволила только за 1945 год демонтировать свыше 4 тысяч предприятий (в том числе и на территории Австрии, Польши, Венгрии, Чехословакии). Да еще сразу же после выявлений взять под контроль два стратегических объекта: один из центров германского ракетостроения в Тюрингии, урановые рудники в Саксонии.

Размах вывоза трофейного оборудования должен был сделать вполне реальным, относительно легко выполнимым быстрое восстановление народного хозяйства, его модернизацию. Вместе с тем и способствовал претворению в жизнь порожденному победой постановлению ГКО от 26 мая «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения». Наконец, оба этих фактора — и поступление в страну репарационного оборудования, и конверсия, обусловили принятие Совнаркомом СССР в конце августа двух важных для экономики постановлений. «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров» — пока еще за счет лишь местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов, а также «О восстановлении и развитии автомобильной промышленности». Последнее предусматривало начало выпуска новых грузовых автомобилей с конца 1945 года и легковых («Победа» и «Москвич») с лета следующего, преимущественно на базе вывозимых в СССР из Германии заводов[477].

Победа и последовавшая за ней оккупация Германии и Австрии породили еще один ряд неотложных проблем, но уже совершенно иного порядка. Всего лишь кадровых, а потому и не представлявших трудности. Необходимость назначения на новые, ранее не предусматривавшиеся должности — политсоветников при командующих расквартированных там советских войск. Должности, по сути являвшиеся дипломатическими, ибо подразумевали совместные действия с представителями союзных держав. Учитывая такую их особенность, Молотов провел через ПБ назначение на них своих заместителей. 7 апреля, в Вену — В. Г. Деканозова, а 30 мая, в Берлин — А. Я. Вышинского[478]. Воспользовался удачной возможностью, чтобы удалить и от себя, и из НКИД явно нежелательных для него людей. Слишком тесно связанных с другими членами узкого руководства, с Л. П. Берия и И. В. Сталиным. Тех, кого следовало Вячеславу Михайловичу небезосновательно опасаться как потенциальных претендентов на его пост.

В те же летние дни 1945 года более четко, нежели раньше, обозначилась и расстановка сил в узком руководстве. Все-таки разрешенная Молотову поездка в Сан-Франциско, продолжавшаяся с 25 апреля по 10 мая, породила тривиальное, хотя и не нужное в принципе, решение ПБ. Обязанности Вячеслава Михайловича по Совнаркому СССР на время его отсутствия в Москве возложили на Н. А. Вознесенского[479]. Тем самым лишний раз подчеркнули новое положение последнего, прочность занимаемой им позиции в иерархии — роль третьего человека в государственных структурах.

Одновременно окончательно решилась и судьба еще одного сталинского выдвиженца, Н. А. Булганина. 25 мая ПБ освободило его от обязанностей председателя правления Госбанка СССР. Должности, на которой он всего лишь символически числился всю войну, «ввиду перехода на военную работу»[480]. Отныне Булганину предстояло полностью освободить Иосифа Виссарионовича от теперь малозначимой для того, повседневной, рутинной деятельности в наркомате обороны. Позволить главе государства сосредоточиться на иных, более важных с его точки зрения проблемах.

Тогда же еще одно событие, прежде приведшее бы к серьезнейшим перестановкам, показало: на вершине власти положение стабилизировалось. Продемонстрировало это смерть А. С. Щербакова, скончавшегося 10 мая. Уход из жизни секретаря ЦК, первого секретаря МК и МГК, начальника Главпура не породила, как можно было ожидать, чреды незамедлительных назначений. Лишь через месяц, 4 июня, первым секретарем МК и МГК утвердили Г. М. Попова.

Еще позже, 8 сентября, назначили на остававшийся вакантным четыре месяца пост начальника Главпура НКО И. В. Шикина[481]. Подобная неторопливость с кадровыми заменами достаточно ясно подтвердила: все эти должности, некогда ключевые в партийной структуре, более чем важные, уже утратили свою значимость. Да еще и то, что Жданов прочно овладел всем идеологическим аппаратом.

И все же казавшееся теперь незыблемым, положение членов узкого руководства довольно скоро опять изменилось. Тогда, когда произошли события поистине глобального масштаба — в ходе Потсдамской конференции и на заключительном этапе войны на Тихом океане.

Потсдамская, или Берлинская, встреча на высшем уровне оказалась весьма необычной. Характер ее, прежде всего, определило то, что состоялась она после победы над Германией. Фактически стала мирной прелиминарной, позволив ее участникам сравнивать свою работу с той, что выпала на долю Версальской. Вместе с тем на ход конференции в немалой степени повлияла и почти полная смена состава «большой тройки». США на этот раз представлял Трумэн, а Великобританию — сначала Черчилль, а затем Клемент Эттли, чья лейбористская партия победила на парламентских выборах. Но как бы то ни было, на конференции еще сохранялся прежний союзнический дух. Стремление к консенсусу, понимание необходимости взаимных уступок ради достижения согласия по наиболее насущным проблемам. Неотложным. Их же, как оказалось, за пять месяцев, прошедших после Ялты, скопилось предостаточно.

Прежде всего, связанных с Германией. Следует ли расчленять ее, дабы навеки избавить континент от угрозы новой агрессии, или постараться найти иной способ устранить потенциальный источник войны? Какими быть зонам оккупации и что принять за исходные границы Германии? Какие все-таки репарации и в какой форме взимать с нее? Все эти вопросы, отложенные весною, теперь не терпели отлагательства.

По основополагающему вопросу — быть или не быть разделу, «большая тройка» сошлась на позиция Сталина. Той, которую он выразил еще 9 мая в обращении к народу в связи с победой. Заявил, что СССР «не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию»[482]. Трумэн и Черчилль признали, что конечную цель можно достичь и иным путем — демилитаризацией и денацификацией. Полной ликвидацией германской военной промышленности и реконструкцией политической системы на демократической основе. Правда, главы великих держав отказались и от, казалось бы, логичного в таком случае создания какой-либо центральной власти для Германии. Сочли, что ее отсутствие будет в большой степени способствовать коренному реформированию системы государственного управления. Общим для Германии оставили только Контрольный совет, состоящий из главнокомандующих четырех оккупационных армий, да приданный ему административный аппарат.

Таким же образом разрешили и вопрос о репарациях. Не сумев договориться об их общей величине, согласились взимать их порознь, в каждой зоне отдельно. А так как Сталин отказался от претензий на золото, захваченное англо-американскими войсками, признали справедливым четверть демонтированного промышленного оборудования в британской, американской и французской зонах передать Советскому Союзу. Столь же просто поступили и с германским флотом, военным и торговым. Поровну поделили между Великобританией, СССР и США.

Наконец, в Потсдаме почти окончательно дали ответ и на уже казавшимся чуть ли не вечным польский вопрос. Пошли навстречу Черчиллю, серьезно заметившему: «Если конференция закончит свою работу, допустим, через 10 дней, не приняв какого-либо решения относительно Польши… это, несомненно, будет означать неудачу конференции»[483]. Несмотря на явное нежелание британского премьера отдавать под управление Варшавы порт Штеттин (Щецин) и Верхнюю Силезию с Бреслау (Вроцлавом), Сталину удалось, благодаря равнодушию Трумэна к такой «частной детали», подтвердить ялтинские договоренности о польско-германской границе. Правда, ее детальное определение все же отложили до подписания мирного договора с Германией.

Второй круг проблем, отнявших довольно много времени, был связан с оценкой положения в Болгарии, Румынии и Венгрии. Внимание же к ситуация, сложившейся там, привлек Трумэн. Уже в первый день работы конференции, 17 июля, он потребовал «немедленной реорганизации» правительств Бухареста и Софии, по его мнению весьма далеких от подлинной представительственности и демократичности. Настаивал на проведении там как можно скорее свободных выборов, и непременно под контролем трех великих держав. Еще более резко президент высказался неделю спустя. От имени Черчилля и своего попытался надавить на Сталина: «Мы не можем восстановить дипломатические отношения с этими правительствами, пока они не будут реорганизованы так, как мы считаем нужным»[484]. Отказывался воспринимать объяснения Сталина, что ни в Италии, ни в Греции, ни в какой-либо иной стране Западной Европы выборы еще не проводились, но их правительства все же рассматриваются как законные и демократические. Добился Сталин перелома в дискуссии только тогда, когда предложил далеко не равноценный раздел германских активов. Размещенные в восточноевропейских странах передать СССР, в странах западноевропейских и латиноамериканских — США и Великобритании.

Вместе с тем на рассмотрении конференции оказался и еще один, весьма далекий от судеб Европы и Германии, круг вопросов. Тех, которые Сталин внес, как можно предположить, только для того, чтобы в свою очередь уязвить, поставить в затруднительное положение своих оппонентов. Вынудить их пойти на уступки по проблемам, затрагивающим стратегические интересы Советского Союза.

Принудил Черчилля оправдываться, предложив обсудить положение в Сирии и Ливане. Установить, законно ли там действуют британские войска, введенные формально для поддержки французских сил, а фактически — для отсрочки обретения независимости этими двумя ближневосточными странами. Поставил в двусмысленное положение и Трумэна и Черчилля, высказав мысль определить статус Танжера, захваченного в 1940 году Испанией. А заодно и осудить режим Франко, ибо он был установлен при непосредственной поддержке Гитлера и Муссолини. Напомнил о недавнем выступлении Идена в палате общин — Италия, мол, потеряла свои колонии в Африке, добавив: «русские хотели бы принять участие» в их управлении. И все это — только ради того, чтобы добиться общего признания необходимости пересмотреть коренным образом положений конвенции Монтрё, определяющей режим судоходства в Черноморских проливах. Заодно поставил в известность Великобританию и США о территориальных претензиях СССР к Турции, незаконно де владеющей районами Карса, Артвина и Ардагана. Делал все возможное, готов был идти на любые ухищрения ради того, чтобы обеспечить Советскому Союзу такой же контроль над Босфором и Дарданеллами, какой осуществляли Великобритания над Суэцким каналом, а США — над Панамским.

Но какие бы трудности не возникали в Потсдаме, их удавалось успешно преодолевать. Добиваться достижения поставленных целей благодаря все еще сохранявшемуся духу взаимопонимания. Вместе с тем, именно на этой встрече «большой тройки», не случайно оказавшейся последней, у советской стороны утвердилось серьезное подозрение в отношении планов и намерений союзников. Причиной же того стал короткий разговор Трумэна со Сталиным, произошедший 24 июля. «Я, — вспоминал американский президент, — непринужденно заметил Сталину, что мы имеем новое оружие необычайной разрушительной силы. Русский премьер не проявил особого интереса. Он только сказал, что рад услышать это и надеется, что мы сможем „хорошо использовать его против японцев“»[485].

Вспоминая об этой беседе, Черчилль прокомментировал ее следующим образом: «Я стоял ярдах в пяти от них и внимательно наблюдал эту важную беседу. Я знал, что собирался сказать президент. Важно было, какое впечатление это произведет на Сталина. На его лице сохранилось веселое и благодушное выражение, а беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась. Когда мы ожидали свои машины, я подошел к Трумэну. „Ну, как сошло?“ — спросил я. „Он не задал мне ни одного вопроса“, — ответил президент. Таким

образом я убедился, что в этот момент Сталин не был особо осведомлен о том огромном процессе научных исследований, которым в течение столь длительного времени были заняты США и Англия и на которые Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов»[486].

Однако и Трумэн и Черчилль ошибались. В Потсдаме, и позже, когда писали свои мемуары. Сталин задолго до разговора с Трумэном знал достаточно об атомной бомбе. Но тогда, в конце июля, его беспокоило иное. Приблизившийся срок вступления СССР в войну с Японией, определенный в Ялте — ровно через три месяца после капитуляции Германии. Иными словами, 8 августа. Меж тем сама война на Тихом океане после того, как Трумэн и Черчилль получили 17 июля в Берлине короткую телеграмму из Лос-Аламоса — «Младенец благополучно родился», стала все больше и больше напоминать спортивные гонки.

Еще в ходе Потсдамской конференции, 26 июля, США, Великобритания и Китай обратились к Японии с требованием о безоговорочной капитуляции. И хотя через два дня Токио отвергло ультиматум, Вашингтон и Лондон уже не беспокоились, какое же сопротивление может оказать противник. Отказались и от необходимости высадки на японских островах. Отныне полностью полагались только на эффект, который должна была произвести атомная бомбардировка. Не нуждались потому союзники и в поддержке Красной Армии. «Президент и я, — вспоминал Черчилль, — больше не считали, что нам нужна его (Сталина. — *Ю. Ж.*) помощь для победы над Японией… Мы считали, что эти войска едва ли понадобятся и поэтому у Сталина нет того козыря против американцев, которым он так успешно пользовался на переговорах в Ялте»[487].

Но даже зная о возникшей принципиально новой стратегической ситуации, и Сталин, которого никто иной как Рузвельт в Крыму настойчиво уговаривал вступить в войну с Японией, и все советское руководство продолжали заниматься подготовкой военной операции в Азии. С весны перебрасывали на Дальний Восток войска. Еще 5 апреля денонсировали советско-японский пакт о нейтралитете, недвусмысленно дав понять о неизбежном. А во время переговоров, проходивших с 30 июня по 14 июля в Москве между Сталиным и Молотовым, с одной стороны, и главой китайского правительства Сун Цзывенем и его министром иностранных дел Ван Шицзе — с другой, согласовали основные пункты договора о дружбе и союзе, подписанного несколько позже, 14 августа. Предусмотрели обязательство Китая возвратить СССР права на Китайско-Восточную и Южно-Маньчжурскую железные дороги (КВЖД и ЮМЖД), передать в долгосрочную, на 30 лет, аренду Порт-Артур и Дальний, признание Советским Союзом Маньчжурии неотъемлемой частью Китая, а Китаем — независимости Монголии[488]. Наконец, 13 июля Москва, верная своим союзническим обязательствам, отклонила просьбу Токио принять его представителя Коноэ для обсуждения условий выхода Японии из войны.

Далее события развивались более чем стремительно.

6 августа американцы сбросили первую атомную бомбу — на Хиросиму. 8 августа СССР заявил, что со следующего дня будет считать себя в состоянии войны с Японией, 9 августа вторая американская атомная бомба была сброшена на Нагасаки. 10 августа Токио уведомило всех о готовности капитулировать на предъявленных условиях, а 14 августа объявило о безоговорочной капитуляции. На следующий день, 15 августа, между США, Великобританией, Китаем и Японией было подписано перемирие.

Несмотря на это, советские войска продолжали продвижение. Вели войну на своем фронте, хотя она и завершилась на всех остальных, ради одного: своим присутствием обеспечить все то, чем удалось СССР заручиться по договору с Китаем и устному соглашению с Рузвельтом, а затем и с Гопкинсом. К 22 августа части Красной Армии установили контроль над Ляодунским полуостровом с расположенными там Порт-Артуром и Дальним. К 25 августа — над Южным Сахалином. К 1 сентября — над Курильскими островами. Успели решить

поставленную перед ними задачу, так как официальное подписание акта о капитуляции Японии состоялось лишь 2 сентября. На борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе.

Глава семнадцатая

Так закончилась Вторая мировая война. Завершилась дважды. 8 мая — в Европе, 2 сентября — в Азии.

9 мая для населения Советского Союза стал необычным праздником. Отнюдь не формальным, навязанным чьим-либо решением или просто датой календаря. Подлинно народным, стихийным. Всеобщим, единодушным ликованием, ибо война с нацистской Германией оказалась для страны самым серьезным испытанием. Ведь ей пришлось стоять на смерть, защищая свободу и независимость. Право на жизнь, на существование. И потому массовые манифестации, начавшиеся сразу после радиосообщения о подписании немецким командованием безоговорочной капитуляции, завершились только полтора месяца спустя. Строгим, торжественным парадом победы в Москве, на Красной площади, 24 июня.

2 сентября оказалось совершенно иным. Спокойным, скромным, будничным. Без шумных веселящихся толп, без парадов. И не только потому, что боевые действия в Маньчжурии, на тихоокеанских островах были малоинтересными для населения СССР, никак не влияли на повседневную жизнь. Явились для всех, кроме верховного командования, кроме солдат и офицеров, воевавших на Дальнем Востоке, чем-то весьма отстраненным. Страна как бы не заметила второй войны, второй победы и еще потому, что именно тогда, в августе 1945 года, подозрения узкого руководства в отношении истинных, далеко не столь дружественных, как казалось, намерений союзников окончательно подтвердились.

Демонстрацией ядерного оружия, отказом допустить СССР к оккупации Японии недвусмысленно дали понять Москве: боевой союз трех великих держав ушел в прошлое. Забыт, ибо перестал быть нужным. А вместе с ним историей становилась и недавняя роль Советского Союза. Ему вновь отводили второстепенное место.

Казалось бы, ничего особенного страшного не произошло. Страна Советов могла спокойно вернуться к мирной жизни. Демобилизовать армию, провести конверсию, отменить карточную систему, восстанавливать, одновременно модернизируя, промышленность и сельское хозяйство, поднимать из руин города и села. А затем попытаться сделать то, что однажды, в годы первой пятилетки, уже было обещано людям — их жизненный уровень сделать таким же, как в развитых странах Запада.

Но с точки зрения Сталина, да и не только его, гарантировать все это могла только национальная безопасность, основанная на силе оружия и военно-политическом союзе с прилегающими к границам странами. И вот первый базисный фактор рухнул. Отныне Советский Союз лишился возможности отстаивать государственные интересы, полагаясь на свои вооруженные силы. Ему следовало осознать: решающее значение в будущем принадлежит не пятимиллионным армиям, а новейшему оружию массового поражения (одна бомба в Хиросиме уничтожила сразу более 200 тысяч человек). Тому оружию, которого у СССР не было, но которым обладали США совместно с Великобританией, не собиравшиеся отказываться от монопольного права на него. О том откровенно заявил Трумэн утром 6 августа. «При сложившихся обстоятельствах, — сказал он, — технологический процесс их (атомных бомб. — *Ю. Ж.*) производства и боевые особенности разглашаться не будут до обретения надежных средств защиты нас и остального мира от опасности возможного уничтожения»[489]. Следовательно, ядерное оружие легко могло стать средством давления, даже шантажа в международных отношениях.

Первой реакцией Сталина на подобное игнорирование союзнических обязательств стала подготовка поля для возможного маневра в области внешней политики СССР. И для того он вечером того же дня, 6 августа, добился от ПБ решения об отзыве А. Я. Вышинского из Берлина. Возвращения того в Москву на прежнюю должность первого заместителя Молотова[490]. Пошел

Сталин на такой шаг, чтобы усилить личное влияние на деятельность и НКИД в целом, и на самого наркома. Только затем вместе с остальными членами узкого руководства начал поиск путей ускорения работы над советским урановым проектом, начатой еще осенью 1942 года и неспешно ведшейся на протяжения следующих почти трех лет.

К 20 августа, всего через две недели после атомной бомбардировки Хиросимы, решение нашли. Постановлением ГКО образовали Специальный комитет, на который возложили «руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана: развитие научно-исследовательских работ в этой области; широкое развертывание геологических разведок и создание сырьевой базы СССР по добыче урана, а также использование урановых месторождений за пределами СССР (в Болгарии, Чехословакии, и других странах); организация промышленности по переработке, производству специального оборудования и материалов, связанных с использованием внутриатомной энергии; а также строительство атомно-энергетических установок, разработка и производство атомной бомбы».

Как достаточно широкие и разнообразные цели, так и состав комитета — Л. П. Берия (председатель), Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, М. Г. Первухин, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, а также ученые И. В. Курчатов, П. Л. Капица, превращали его по сути в совнаркомовское отраслевое бюро. Межведомственный орган, призванный лишь координировать деятельность различных наркоматов для решения конкретной задачи. Однако то же постановление предусмотрело и иное: «Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по исследованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб организовать при СНК СССР главное управление — Первое главное управление при СНК СССР, подчинив его Специальному комитету при ГКО». Во главе Первого главного управления (ПГУ) утвердили Б. Л. Ванникова, до того наркома боеприпасов, его заместителями А. П. Завенягина — замнаркома внутренних дел, Н. А. Борисова — руководителя отдела боеприпасов Госплана, П. Я. Мешика — замнаркома внутренних дел, П. Я. Антропова — замнаркома цветной металлургии, и А. Г. Касаткина — замнаркома химической промышленности[491].

27 августа состоялось первое заседание мозгового центра ПГУ — технического совета Специального комитета, включавшего виднейших советских физиков — академиков А. И. Алиханова, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капицу, И. В. Курчатова, В. Г. Хлопина, членкоров И. Н. Вознесенского, И. К. Кикоина, профессора Ю. Б. Харитона. Определили конкретные направления первоочередных работ. И только затем, в номере от 1 сентября, журнал «Новое время», призванный как и газета «Труд» выражать истинный, хотя и не официальный, взгляд узкого руководства по международным вопросам и часто использовавшийся для зондажа, опубликовал своеобразный советский ответ на заявление Трумэна.

В обзоре «Иностранная печать об атомных бомбах» его автор, М. Рубинштейн, выделил три, с «его» точки зрения, основные проблемы, волновавшие Москву. Во-первых, американская пресса явно сознательно преувеличивает мощь и, тем самым, значение ядерного оружия. Во-вторых, последнее было создано в условиях секретности даже от союзника, СССР — намек на нарушение советско-английского соглашения от 29 сентября 1942 года об обмене военно-технической информацией. В-третьих, в США уже звучат призывы к Белому дому, используя монополию на атомную бомбу, «взять на себя руководство миром». Однако, завершая обзор, автор сделал алогичный вывод, явно обращенный только к администрации Трумэна. Мол, обнаруженные агрессивные настроения отражают мнение не президента, а «сравнительно узких, хотя и весьма крикливых реакционеров»[492]. Тем самым Трумэну предоставлялась возможность в удобной для него форме либо подтвердить, либо опровергнуть подобное предположение.

Ответ не заставил себя долго ждать, да еще прозвучал дважды. 9 октября, на пресс-конференции в Типтонвилле (штат Теннеси) президент ограничился краткой констатацией, что Соединенные Штаты не намерены раскрывать секрет атомной бомбы какой-либо стране[493]. 29

октября, на массовом митинге в Нью-Йорке, Трумэн не только подтвердил, что «обсуждение вопроса об атомной бомбе… не будет касаться процессов производства» ее, но и построил на таком принципе новую концепцию своей внешней политики.

Среди двенадцати пунктов, к которым президент свел «лежащие на США обязательства по поддержанию мира», три имели прямое отношение к Советскому Союзу. Достаточно жестко, хотя и не конкретно, повторялось то, о чем уже Трумэн говорил Сталину в Потсдаме: «Мы будем отказываться признавать любое правительство, навязанное насильственным путем какой-либо стране любой иностранной державой. В некоторых случаях может оказаться невозможным предотвратить насильственное установление такого правительства. Но Соединенные штаты не признают любое такое правительство». Явно имелись в виду Болгария и Румыния, но предупреждение относилось и к Польше.

Не ограничившись таким выпадом, Трумэн отказался от прежней, высказанной в Потсдаме, позиции о признаний особых прав СССР в Черном море: «Мы считаем, что все страны должны пользоваться свободой морей». В довершение же президент объявил и о предстоящем американском идеологическом наступлении — «Мы должны продолжить борьбу за установление свободы мнений, свободы религии во всех миролюбивых районах мира».

Трумэн объяснял, что позволяет ему столь уверенно говорить о подобном внешнеполитическом курсе. США даже после демобилизации своих вооруженных сил, «будут иметь величайший военно-морской флот на земле», «одну из самых мощных авиаций в мире». А «атомная бомба… делает развитие и осуществление нашей политики более необходимым и настоятельным, чем мы могли предполагать это шесть месяцев назад». И предупредил или пригрозил: «Непосредственной и величайшей угрозой для нас является опасность разочарования, опасность коварного скептицизма — потеря веры в эффективность международного сотрудничества. Такая потеря веры будет опасной в любое время. В эпоху атома это будет равносильно катастрофе»[494].

Теперь узкому руководству приходилось исходить из весьма неприятного для себя прогноза. Предполагать с большой долей уверенности, что Вашингтон — совместно с Лондоном или без него — в ближайшее время попытается усилить свое давление на все страны Европы. Не только Западной, но и Восточной. В подходящий момент может занять предельно твердую позицию и настаивать, вплоть до ультимативной формы, на принятии собственного варианта формирования там правительств. А если сумеет достичь поставленной цели, то полностью лишит Советский Союз того стратегического преимущества, которое он обрел в равной степени и в ходе войны, и на встречах на высшем уровне в Москве, Тегеране, Ялте, Потсдаме. Изолирует СССР в его собственных границах, имеющих опасную брешь. США так и не признали вхождение Прибалтийских республик в состав СССР. Поддерживали дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Эстонии, Латвии, Литвы, хотя суверенитет тех не распространялся за пределы квартир, занимаемых их «посольствами» в Вашингтоне.

И все же Кремль отказывался смириться. Не мог признать поражение, крах всех надежд. Не хотел согласиться с тем, что оплаченная невиданно высокой ценою победа так и не принесла мира. Вернее, того мира, за который с первого дня войны и сражался Советский Союз. Опираясь лишь на потенциальную, еще весьма проблематичную возможность восстановить недавний паритет с США, узкое руководство попыталось вернуть себе моральное право на столь внезапно утраченное положение великой державы, хотя бы на словах. Сделал это Молотов 6 ноября, когда зачитал одобренный, выверенный членами ПБ доклад, посвященный очередной годовщине Октябрьской революции. Доклад, самый «немолотовский» по стилю, более чем странный, если соотнести его содержание с тем поводом, который его породил.

Выступая более часа, Вячеслав Михайлович сумел практически ничего не сказать о революции, партии, ее ведущей роли. Лишь закончив доклад и перейдя к традиционной,

ставшей уже чисто ритуальной здравнице, восславил — но на четвертом месте, после «советского народа-победителя», «великой родины», «правительства Советского Союза» — и «партию Ленина — Сталина». Зато чисто государственным вопросам посвятил весь доклад. Практически первым дал итоговую оценку ущерба, нанесенного немецкими оккупантами. Привел страшные, сравнимые разве с периодом монгольского нашествия, цифры: разрушено 1710 городов, более 70 тысяч сел и деревень, 31 850 промышленных предприятий, 98 тысяч колхозов и совхозов, без крова осталось 25 миллионов человек. Тем самым показал, что ждет страну в ближайшее время. Какой труд предстоит, какие огромные средства уйдут на восстановление.

Сказал Молотов и о многом другом, заслуживавшем не меньшего внимания. О вкладе СССР в победу над нацистской Германией. О необходимости дальнейшего укрепления советского государства и развитии советской демократии, об их преимуществах по сравнению с западными моделями. Говорил, разумеется, — ведь выступал нарком иностранных дел! — о международном положении. Здесь, в этом разделе доклада, и выразил новое мнение узкого руководства о ядерном оружии.

«Интересы охраны мира, — подчеркнул Молотов, — не имеют ничего общего с политикой гонки в вооружениях великих держав, что проповедуют за рубежом особо ретивые сторонники политики империализма. В этой связи надо сказать об открытии атомной энергии и об атомной бомбе, применение которой в войне с Японией показало ее огромную разрушительную силу. Атомная энергия еще не испытана, однако, на предмет предупреждения агрессии или на предмет охраны мира. С другой стороны, в настоящее время не может быть таких технических средств большого масштаба, которые могли бы остаться достоянием какой-либо одной страны или какой-либо одной узкой группы стран. Поэтому открытие атомной энергии не должно бы поощрять ни увлечений насчет использования этого открытия во внешнеполитической игре сил, ни беспечности насчет будущего миролюбивых народов».

Тем самым Молотов несколько скорректировал прежнюю советскую позицию. Ту, что опубликовал журнал «Новое время». Признал, наконец, открыто «огромную разрушительную силу» ядерного оружия и, следовательно, его значимость как средства политического давления. Но именно поэтому, хотя еще лишь намеком, пунктирно обозначил то возможное будущее, которое породит использование атомного шантажа — раскол мира на два непримиримых лагеря. Но на этот раз не из-за идеологических установок большевиков, а по вине исключительно США, стремящегося к господству. Вячеслав Михайлович позволил себе загодя предостеречь «ретивых сторонников политики силы». Весьма недвусмысленно помянул в этой связи «шум… вокруг создания блоков и группировок государств», подразумевая отнюдь не скрываемую Лондоном идею создать Западный союз. Противопоставил тому как не менее возможное появление альтернативного блока «миролюбивых стран», включающих, естественно, Советский Союз[495].

Пока обе стороны столь непривычным для них способом выясняли свой позиции, узкое руководство, не стремившееся к конфронтации и надеявшееся на мирное разрешение возникших разногласий, занялось давно назревшей проблемой — реорганизацией существующей экстраординарной формы управления. Попыталось создать иную, более соответствующую начавшемуся периоду восстановления структуру высших исполнительных органов, отвечающих к тому же Конституции.

4 сентября ПБ утвердил важное, давно назревшее постановление: «В связи с окончанием войны и прекращением чрезвычайного положения в стране признать, что дальнейшее существование Государственного комитета обороны не вызывается необходимостью, в силу чего Государственный комитет обороны упразднить и все его дела передать Совету народных комиссаров СССР»[496]. Опубликованное на следующий день, но как указ ПВС СССР оно создавало впечатление возвращения Совнаркому всех его конституционных прав, отныне

никем больше не подменяемых, не дублируемых. В действительности же ликвидация ГКО оказалась чисто формальной, всего лишь игрой в слова, ничего не изменив по существу.

Уже 6 сентября последовало еще одно, более значимое постановление ПБ — «Об образовании оперативных бюро Совета народных комиссаров СССР», сохранившее на неопределенный срок утвердившееся за четыре года разделение высшего органа управления на два. Оно гласило:

«В связи с упразднением Государственного комитета обороны Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Для повседневного оперативного руководства деятельности наркоматов и ведомств вместо существующих ныне бюро СНК и оперативного бюро ГКО, образовать:

а) оперативное бюро СНК — по вопросам работы НКО, Наркомвоенморфлота, сельскохозяйственных и пищевых наркоматов, наркоматов торговли и финансов, а также комитетов и управлений при Совнаркоме СССР, отнеся к ведению его следующие наркоматы и ведомства: наркомат обороны, наркомат военно-морского флота, наркомат морского флота, наркомат речного флота, наркомат заготовок, наркомат совхозов, наркомат земледелия, наркомат пищевой промышленности, наркомат мясной и молочной промышленности, наркомат рыбной промышленности, наркомат торговли, Центросоюз, наркомат финансов, Госбанк, наркомат связи, наркомат здравоохранения, наркомат юстиции, главное управление гражданского воздушного флота, главное управление государственных материальных резервов, главное управление трудовых резервов, комитет по учету и распределению рабочей силы при Совнаркоме СССР, государственная штатная комиссия, комитет по делам высшей школы, главное управление северного морского пути, главлесоспирт, главное управление геодезии и картографии, комитет по делам физкультуры и спорта, комитет по делам архитектуры, комитет по делам кинематографии, комитет по делам искусств, комитет стандартов, комитет по делам мер и измерительных приборов, комитет по радиофикации и радиовещанию, управление по охране военных тайн в печати;

б) оперативное бюро СНК — по вопросам работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта, отнеся к ведению его следующие наркоматы и ведомства: наркомат черной металлургии, наркомат цветной металлургии, наркомат угольной промышленности, наркомат нефтяной промышленности, наркомат химической промышленности, наркомат резиновой промышленности, наркомат электропромышленности, наркомат тяжелого машиностроения, наркомат среднего машиностроения, наркомат станкостроения, НКПС, наркомат авиапромышленности, наркомат танковой промышленности, наркомат боеприпасов, наркомат вооружений, наркомат минометного вооружения, наркомат судостроительной промышленности, наркомат лесной промышленности, наркомат бумажной промышленности, наркомат текстильной промышленности, наркомат легкой промышленности, наркомат строительства, наркомат стройматериалов, главвоенпромстрой, главгазтоппром, главснабуголь, главгазнефтеснаб, главкислород, главснаблес, главлесоохрана, комитет по делам геологии.

2. Установить, что оперативные бюро СНК СССР:

а) подготавливают и представляют на рассмотрение председателя СНК СССР проекты решений по народнохозяйственному плану (квартальным, и годовым), по планам материально-технического снабжения, а также по отдельным важным вопросам, требующим решения Совета народных комиссаров СССР;

б) принимают оперативные меры по обеспечению выполнения установленных Совнаркомом планов и осуществляют оперативный контроль за выполнением соответствующих решений СНК СССР, принимают от имени СНК СССР обязательные для соответствующих наркоматов и ведомств решения по вопросам текущего оперативного руководства деятельностью наркоматов и ведомств.

3. Утвердить оперативное бюро СНК СССР, ведающее вопросами работы НКО, наркомвоенморфлота, сельскохозяйственных и пищевых наркоматов, наркоматов торговли и финансов, а также комитетов и управлений при Совнаркоме СССР, в следующем составе: Молотов В. М. (председатель), Вознесенский Н. А. (заместитель), Микоян А. И., Андреев А. А., Булганин Н. А., Шверник Н. М.

4. Утвердить оперативное бюро СНК СССР, ведающее вопросами работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта, в следующем составе: Берия Л. П. (председатель), Маленков Г. М. (заместитель), Вознесенский Н. А., Микоян А. И., Каганович Л. М., Косыгин А. Н.»[497]. Не трудно заметить, что в результате постановления от 6 сентября ликвидация ГКО превратилась в откровенную фикцию. Его, точнее — оперативное бюро ГКО, просто переименовали. Только в соответствии с потребностями времени несколько переориентировали — с выпуска обычных вооружений на производство ядерного оружия, а также, о чем еще предпочитали не упоминать, боевых ракет, радиолокационного оборудования. Также не претерпели корректив задачи и прежнего бюро СНК. Наконец, практически не изменился и состав узкого руководства, включавшего, помимо перечисленных лиц, еще Сталина и занятого исключительно партийными делами А. А. Жданова.

И еще одна весьма существенная деталь. Как явствовало из текста постановления, четыре наркомата — государственной безопасности, внутренних дел, иностранных дел, внешней торговли, а также только что созданное ПГУ юридически остались, как и прежде, вне подчинения СНК.

Какие-либо документы, позволяющие однозначно установить подлинные замыслы Сталина, других членов узкого руководства при ликвидации ГКО, отсутствуют. Однако далеко не случайный разрыв в двое суток между принятием двух, на деле противоречащих друг другу документов ПБ дают некоторое основание для ряда предположений.

По постановлению от 4 сентября роспуск ГКО должен был стать полным и окончательным. Означал лишь одно — автоматическое возвращение прежних, законных, определенных Конституцией, прав Совнаркому СССР в лице его бюро. Усиление, тем самым, возросшей роли Вознесенского и серьезное понижение — членов «триумвирата» военной поры. Поэтому двое суток, с вечера 4 по вечер 6 сентября, скорее всего, и ушли на ожесточенную борьбу между двумя властными группировками. Само же постановление от 6 сентября явилось результатом вынужденного компромисса, свидетельствовавшего о сохранении равенства сил. А вместе с тем сохранение и относительной еще слабости Сталина, отсутствие у него возможности настоять на своем. Ведь если и нужно было создавать оперативные бюро, то совсем не обязательно только два, что усиливало позиции их председателей. Логично было ожидать иного. Возвращения к довоенной практике — к структуре СНК, разделенного на четыре, пять или даже шесть отраслевых бюро. Только такое решение и позволило бы поставить всех претендентов на власть в равное положение и между собой, и перед Сталиным.

На деле же оказалось, что оставили без малейшего изменения прежнюю расстановку сил. Сохранили достаточно прочными позиции Молотова, Берия и Маленкова в государственных структурах. Позволили первым двум поделить, ни на йоту не уступив Вознесенскому, руководство реорганизованным вроде бы Совнаркомом. Третьему же совмещать, как то он делал последние полтора года, лишь чуть-чуть пониженную государственную должность — теперь не вторую, а всего лишь третью в иерархии, с обязанностями второго секретаря партии. Помогла же сохранить статус кво, без сомнения, самая важная тогда для страны проблема: необходимость как можно быстрее создать советскую атомную бомбу.

Далеко не случайно составы Специального комитета при ГКО и одного из двух ОБ СНК чуть ли не полностью совпали. И там и тут председателем — Берия, заместителем — Маленков, членом — Вознесенский. По сути, данное ОБ СНК и подменяло собою Специальный комитет, фактически прекративший свою деятельность именно с сентября 1945 года. Да он уже и не был нужен. Ведь подпавшими под прямой контроль Берии как председателя ОБ СНК оказались

именно те наркоматы и ведомства, которые изначально, с октября 1942 года, были связаны с выполнением работ по урановому проекту: наркомцветмет, наркомхимпром, наркоматы электростанций и электропромышленности, тяжелого и среднего машиностроения, строительства, главвоенспецстрой, главкислород, комитет по делам геологии. Но такая своеобразная бюрократическая метаморфоза, поначалу позволившая Берии и Маленкову просто удержаться на вершине власти, вскоре обернулась, и только в силу организации, возникновением военно-промышленного комплекса.

…Теперь узкому руководству оставалось лишь одно — открыто, официально зафиксировать сложившуюся расстановку сил. Сделать это сразу же после откладывавшихся из-за войны и назначенных, наконец, на февраль 1946 года выборов в ВС СССР, на первой сессии его второго созыва. Однако все, казалось бы согласованное, оказалось внезапно под угрозой. Причиной же того стало резкое ухудшение состояния здоровья Сталина. Как свидетельствует один из его близких родственников, а потому достаточно информированный, надежный источник, врачи констатировали у Иосифа Виссарионовича инсульт[498]. Вполне справедливо опасаясь самого худшего, 3 октября ПБ решило временный отход главы советского правительства от повседневного руководства оформить как отпуск. Но уже 9 октября происшедшее пришлось сделать достоянием гласности, сообщив о нем уже на следующий день (поразительная поспешность!) во всех газетах страны: «Отъезд тов. Сталина в отпуск. Вчера, 9 октября, председатель Совета народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталин отбыл в отпуск на отдых»[499].

Получив необычную информацию из Москвы и скорее всего связав ее с пророчеством Генри Кессиди, сделанном почти год назад, Трумэн поспешил проверить, уточнить столь важные сведения. Установить, каково же истинное состояние Сталина, следует ли учитывать его как новый фактор при проведении внешней политики. 14 октября президент США счел не просто необходимым, а неотложным направить главе СССР личное послание. Якобы настолько важное — речь в нем шла о созыве мирной конференции, что вручить его посол Аверелл Гарриман должен был незамедлительно, и непременно из рук в руки.

После непродолжительных проволочек встреча состоялась. Более того, чтобы рассеять все сомнения у тех, у кого они появились, ТАСС тотчас распространил довольно пространное и неуклюжее заявление: «В иностранной печати появились разноречивые сообщения о том, что президент США г. Трумэн направил председателю Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталину свое послание. Как стало известно из авторитетных источников, послание, направленное президентом Трумэном 14 октября, было вручено 24 октября И. В. Сталину послом Соединенных Штатов А. Гарриманом, имевшем специальное поручение посетить И. В. Сталина и представить комментарии к посланию президента. Г-н Гарриман посетил И. В. Сталина в районе Сочи, где он проводит отпуск, и имел с ним две беседы. 26 октября г-н Гарриман возвратился в Москву»[500].

Так вроде бы удалось свести концы с концами. Правда, не объяснили лишь одно. Почему же при наличии телефонной связи и авиасообщения по линии Москва — Сочи путь на Черноморское побережье Кавказа отнял у Гарримана аж десять дней. Можно предположить — те самые десять дней, которые и оказались критическими для больного Сталина. Когда появление у него свидетеля — американца было совершенно нежелательным.

Но ни поездка посла США в Сочи, ни заявление ТАСС не развеяли возникших сомнений. Не остановили упорную циркуляцию в западной прессе всевозможных домыслов и слухов о здоровье Сталина. Исходивших, главным образом, от московских иностранных корреспондентов. Поэтому узкому руководству пришлось, правда с недопустимым запозданием, 28 ноября, пойти на крайние меры. Предотвратить дальнейшую утечку информации, введя особую цензуру, возложенную на отдел печати НКИД. Запретить передачу за рубеж: «а) материалов, в которых разглашаются военные, экономические и другие государственные тайны СССР; б) сообщений иностранных корреспондентов, содержащих

выпады против Советского Союза и **измышления в отношении его государственных деятелей** (выделено мною. — *Ю. Ж.*); в) информации, дающей извращенное освещение советской политики и жизни Советского Союза; г) всех других материалов, которые могут нанести ущерб государственным интересам СССР»[501]. Тем же решением на должность заведующего отделом печати, пустовавшую с 27 марта, с утверждения занимавшего ее А. А. Петрова послом в Китае, назначили К. Е. Зинченко.

Заодно, несколькими днями ранее — 14 ноября, узкое руководство за собственную ошибку с заявлением о поездке Гарримана к Сталину попыталось отыграться на исполнителе, ТАСС. Обнаружило «совершенно неудовлетворительное положение» в самом телеграфном агентстве. Поручило солидной по составу комиссия, включавшей вездесущего Маленкова, начальника УПиА Александрова, незадолго перед тем отозванного из Вены в наркоминдел Деканозова и заместителя начальника главного разведывательного управления НКГБ Федотова, «провести проверку ТАСС и представить Политбюро свои предложения о серьезном укреплении руководства» этого учреждения[502]. Однако вскоре другие, более неотложные заботы заставили забыть о задуманном, и весьма опасное по замыслу решение так и не отразилось на судьбе генерального директора Н. Г. Пальгунова, других руководителях ТАСС.

Неудачи, начавшие преследовать Советский Союз, на том не кончились. Удостоверившись, что в самом скором времени Сталин сможет вернуться к исполнению своих обязанностей, лидеры трех ведущих западных стран, США — Гарри Трумэн, Великобритании — Клемент Эттли, Канады — Маккензи Кинг, 15 ноября, явно дразня председателя СНК СССР, провоцируя и подталкивая его на ложные шаги, встретившись в Лондоне, снова заявили, что «способ производства атомной бомбы должен быть сохранен в секрете». Ото всех, в том числе и от Советского Союза. Вместе с тем объявили и о стремлении создать в рамках ООН специальную комиссию с «целью полностью устранить возможность использования атомной энергии как оружия уничтожения»[503]. Иными словами, сделать все от них и мирового сообщества зависящее, лишь бы не позволить СССР войти в новый, отныне самый престижный и привилегированный клуб — ядерных держав.

В еще более сложное положение поставила узкое руководство необходимость определиться со своим внешнеполитическим курсом. Принять окончательное решение: выполнять ли взятые страной обязательства по международным соглашениям, или нарочито пренебречь ими, что в равной степени было не так-то просто сделать при сложившихся обстоятельствах. Причем заниматься приходилось теми проблемами, от которых напрямую зависело обеспечение национальной безопасности. Проблемами тех регионов мира, которые являлись стратегическими, протянувшись цепочкой вдоль всей южной границы, от Одессы до Владивостока: Черноморских проливов, Южного Азербайджана, Синьцзяна, Монголии, Маньчжурии. Да еще в то самое время, когда фактически провалилась первая сессия совета министров иностранных дел (СМИД) пяти великих держав, проходившая в Лондоне с 11 сентября по 2 октября. Обсуждение проектов мирных договоров с Финляндией и Италией, другими союзниками Германии в войне, выявившее больше расхождений в позициях, нежели их сближение.

Самым легким из всех внешнеполитических оказался монгольский вопрос. Согласно подписанному в Москве 14 августа советско-китайскому договору, признание Нанкином независимости Монгольской Народной Республики (МНР) должно было последовать лишь после выражения воли населения этой страны (с точки зрения только Кремля) или китайской провинции (как все еще продолжали официально считать Китай, США, Великобритания, Франция) к государственной независимости в результате плебисцита. Провести же последний 20 октября 1945 года ни для Москвы, ни для Улан-Батора не составило никакого труда. Разумеется, в плебисците приняло участие 98,4 процента граждан МНР, а за обретение государственной независимости, в чем можно было и не сомневаться, высказалось 100 процентов проголосовавших. Условия были соблюдены, и после того, как президиум малого

хурала МНР 12 ноября утвердил протокол центральной избирательной комиссии[504], Нанкину пришлось официально признать отпадение от Китая огромной провинции.

Несколько сложнее, но лишь поначалу выглядела проблема, связанная с Маньчжурией. В соответствии со все тем же советско-китайским договором, эвакуация частей Красной Армии из этой провинции предусматривалась не позже, чем через три месяца после победы над Японией, то есть к 3 декабря 1945 года. Подобный срок, как показали дальнейшие события, оказался недостаточным для Кремля, намеревавшегося обеспечить коммунистам Мао Цзэдуна там полный контроль. Создать таким образом дружеский, хотя и лишь автономный режим в Маньчжурии, прикрыв им весь дальневосточный участок советской границы, заодно гарантировав безопасность и КВЖД, ЮМЖД, и военно-морской и военно-воздушной баз в Порт-Артуре, Дальнем.

Несмотря на прямую помощь оружием и косвенное политическое содействие СССР, коммунистические 8-я и 4-я новая армии за оказавшееся в их распоряжении время так и не смогли перебазироваться в Маньчжурию. Даже в ноябре все еще находились лишь на подходах к ней, ведя тяжелые бои с правительственными войсками в провинциях Суйюень, Жэхэ, Хэбэй. Но именно такое положение помешало и гоминдановцам установить собственную администрацию на огромных просторах северо-востока. Чан Кайши, твердо рассчитывавший на американское военное присутствие в Шаньдуне и на юге Хэбэя, на американскую помощь, пока отказывался признавать факт возобновившейся гражданской войны. Как и Мао, просто выгадывал время, ведя переговоры с коммунистами о созыве примирительного и объединительного по задачам Политического консультативного совета. Надеялся рано или поздно возобладать над коммунистами, и потому в середине ноября сам обратился к маршалу Малиновскому, командовавшему частями Советской Армии в Маньчжурии, с просьбой отсрочить вывод войск на неопределенное время[505].

До предела запутанной оказалась ситуация, сложившаяся в другом, северо-западном регионе Китая, в Синьцзяне. Затерянном в глубинах Центральной Азии, но крайне важном стратегически в силу своего географического положения — на стыке СССР, Китая, Монголии, Индии. Именно потому Москва ни в коем случае не желала лишиться тех политических и экономических преимуществ, которыми она располагала там еще с 1934 года.

Сразу же после начала японской агрессии против Китая, Советский Союз делал все возможное для оказания помощи своему великому, но слабому соседу. Два соглашения о предоставлении национальному правительству займов на общую сумму в 100 миллионов долларов обеспечили поставки советского оружия, боеприпасов, бензина, запасных частей к военной технике. А для их транспортировки были использованы как основные коммуникации, проходившие через Синьцзян. Только что проложенная автодорога и открытая тогда же авиалиния (ее обслуживала совместная советско-китайская компания ХАМИАГА)[506] Алма-Ата — Хами. Летом 1938 года они внезапно оказались под угрозой. На юге провинции, под лозунгами ислама и национальной автономии, вспыхнуло восстание. Советское руководство не исключало, что за ним, скорее всего, стояли японцы, именно в те дни развязавшие конфликт в районе озера Хасан и намеревавшиеся захватить МНР, создав для того как своеобразный трамплин марионеточное «монгольское государство» Мынцзян. Но не могли исключить в Кремле и иного. Активизации в регионе Великобритании, которая полагала Тибет сферой своих интересов и могла легко пойти, воспользовавшись «смутой» в Китае, на закрепление своего присутствия в Центральной Азии.

В сентябре 1938 года советские пограничные войска при поддержке регулярных частей Красной Армии вошли на территорию Синьцзяна и помогли его губернатору к 15 октября восстановить порядок. В ходе боев полностью разгромили силы повстанцев — 36-ю дунганскую и 6-ю уйгурскую дивизии[507]. Обеспечили, таким образом, возможность продолжения регулярных поставок вооружения национальной китайской армии.

Принципиально меняться положение в Синьцзяне стало весной 1943 года. Советское руководство в преддверии уже близкого окончания Второй мировой войны попыталось сохранить там свое политическое присутствие. Обеспечить безопасность данного участка границы, прикрыть от маловероятной, но все же должной учитываться угрозы для советской Средней Азии. 4 мая ЦБ отказалось от прежней ориентации в этом регионе и сделало ставку на национальный фактор. Решило использовать давнее стремление к автономии народов, населявших провинцию, в ней абсолютное большинство составлявших — уйгуров, казахов, дунган, ко всему прочему мусульман. Поручило Маленкову сделать все необходимое, дабы «оказать поддержку некитайскому населению Синьцзяна», помочь ему создать автономию с дружественным СССР органом власти — Национально-политическим советом.

Опорной базой возобновившегося сепаратистского движения стали три северных округа провинции — Илийский, Торбагатайский и Алтайский, прилегавшие к границе СССР. По мере расширения зоны восстания, Советский Союз усиливал и свою негласную поддержку, и прямую помощь. Однако национальное правительство Китая сумело к тому времени собрать силы и бросило их на подавление движения. И все же Москва не изменила своей линии. 22 июня 1945 года ПБ приняло еще одно постановление: о поддержке повстанцев, оборонявших провинцию от подошедших чанкайшистских сил, «оружием и людьми», а организацию такой помощи на этот раз возложило на Н. А. Булганина, заместителя наркома обороны СССР.

Советско-китайский договор от 14 августа предусматривал соблюдение Кремлем полного нейтралитета в продолжавшемся в Синьцзяне междоусобном конфликте, который национальное правительство рассматривало как внутреннее дело самого Китая. И вот теперь узкому руководству предстояло решить, как же поступать дальше. Отступить, бросив на произвол судьбы возникшую не без его участия Восточно-Туркестанскую республику, или все же поддержать ее несмотря ни на что. 15 сентября ПБ выбрало третий путь, срединный. Он предусматривал необходимость каким-нибудь способом примирить враждующие стороны для сохранения прежнего влияния Москвы в регионе. Взятие на себя роли арбитра, добившись для Синьцзяна статуса автономии при своем негласном фактическом протекторате. Именно на таком соглашении, в конце концов, и удалось настоять, но чуть позже — в январе 1946 года.

Наиболее трудной, практически неразрешимой оказалась проблема, порожденная стремлением Советского Союза установить свой контроль над Босфором и Дарданеллами. В Потсдаме уже зафиксировали весьма благоприятное для Москвы признание. Констатировали: «конвенция о проливах, заключенная в Монтре, должна быть пересмотрена как не отвечающая условиям настоящего времени». Однако тут же сделанная оговорка превращала «единодушное мнение» глав великих держав в капкан для одной из них, СССР. Объясняла — «данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех правительств и турецким правительством»[508]. Тем самым общее давление на Анкару категорически исключалось, а Москве предлагали понапрасну тратить время. Ведь Турция, исходя из желания США и Великобритании установить свободу мореплавания в Проливах для всех, могла еще десять лет уклоняться от пересмотра конвенции, срок действия которой истекал только в 1956 году.

В марте 1945 года, до появления обнадеживающего пункта потсдамского протокола, Молотов пошел на отчаянный шаг. Заявил, что советская сторона в одностороннем порядке не продлит договор СССР с Турцией о дружбе и нейтралитете, заключенный на 20 лет в декабре 1925 года. Иносказательно пригрозил любыми, самыми жесткими, не исключая силовых, мерами. Видимо, и сам нарком, и все узкое руководство, включая Сталина, полагали, что это вынудит Анкару уступить. Но ошиблись. И данная, и все последующие акции чисто дипломатического характера, к тому же односторонние, исходившие не согласованно от трех великих держав, а лишь от Советского Союза, оказались безрезультатными. На турецкое правительство не подействовала даже сама денонсация договора, о чем НКИД объявил в середине сентября.

Исчерпав все возможные средства давления, узкому руководству пришлось ограничиться заведомо ничего не дающими. Мнимыми, пропагандистскими. Повести в советской печати иллюзорное наступление на Турцию. От имени видных грузинских и армянских ученых и общественных деятелей уговаривать скорее самих себя, нежели других, в том, что передача под юрисдикцию Анкары принадлежавших Российской империи Карсской области и частей Батумской области и Эриванской губернии была незаконной. Дезавуировали таким своеобразным образом договоры, подписанные с Турцией РСФСР — 16 марта 1921 года, и закавказскими советскими республиками — 13 октября 1921 года, закрепившие утрату этих территорий. И упорно настаивать в печати: они якобы остаются неотъемлемыми частями Грузии и Армении[509].

Как и следовало ожидать, Турция никак не реагировала на подобного рода историко-правовые изыскания.

Наконец, наиболее острой, самой опасной по своим возможным последствиям, оказалась ситуация, сложившаяся в Северном Иране. Согласно советско-английско-иранскому договору от 29 января 1942 года, части Красной Армии, введенные в Иран, равно как британские, а также и высадившиеся там позже американские, следовало вывести «не позднее шести месяцев» после разгрома Германия. То есть, как показал ход событий, к 9 ноября 1945 года. Но вскоре выяснилось, что такая дата слишком неудобна для СССР. Не позволяет успеть сделать все намеченное Кремлем как для обеспечения безопасности Закавказья, так и получения концессии на более чем сомнительные месторождения нефти в Северном Иране. Только потому узкое руководство и попыталось повторить то, что с некоторым успехом уже опробовало в Синьцзяне. Использовать в своих интересах застарелый антагонизм между шахским правительством и народами, населяющими регион.

6 июля 1945 года ПБ решило «организационно усилить» «сепаратистские движения» в Южном Азербайджане, Северном Курдистане, Гиляне, Мазендаране, Хорасане. Возложило ответственность за проведение такого рода работы на первого секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Багирова. Понадеялось на его врожденное понимание специфики Востока, на его знания и опыт. Поэтому-то Молотов вскоре, в Потсдаме, столь легко согласился со своими коллегами, Иденом и Бирнсом, напомнившим ему о приближении крайнего срока вывода иностранных войск из Ирана. С готовностью пошел даже на уточнение, конкретизацию этапов эвакуации. Вячеслав Михайлович был уверен, что за четыре месяца секретная операция будет успешно проведена. И в который раз просчитался. Не смог, как и остальные члены узкого руководства, предусмотреть, учесть всю сложность задуманного, силу противодействия тому серьезных и сильных противников — Вашингтона и Лондона. Всего того, что и вынудило ПБ уже 8 октября вернуться к рассмотрению проблемы. Заставило значительно сузить прежнюю цель, ограничиться поддержкой сепаратизма только в Южном Азербайджане и Северном Курдистане.

В начале сентября образованная несколькими неделями ранее демократическая партия Азербайджана (ДПА), используя как достаточно веское основание отказ премьер-министра Садра признать законность избранного городского самоуправления центра Южного Азербайджана, Тебриза, потребовала предоставить провинции национально-культурную автономию. Два месяца спустя, 20 и 21 ноября, провела ею же созванное Всенародное собрание, поспешившее объявить о законном желании добиваться самоуправления. Только его, и ни в коем случае — независимости, отделения от Ирана. А для осуществления на практике своих прав, прокламировало введение де-факто автономии Южного Азербайджана и проведение в самом скором времени выборов в собственный меджлис.

Заседание последнего открылось 12 ноября. В тот же день лидер ДПА, известный журналист Сеид Джафар Пишевари представил депутатам список сформированного им кабинета министров, незамедлительно утвержденный. Затем приступил к переговорам с командованием местных сил полиции, жандармерии и армии, добившись их переподчинения

своему правительству. Объявил о переводе преподавания во всех государственных и частных школах с фарси на азербайджанский язык.

Одновременно в Иранском Курдистане состоялся первый съезд демократической партии Курдистана, также образованной не без влияния специалистов из Баку. И эта организация потребовала от Тегерана предоставления широкой автономии для территории, населенной курдами. Даже не дождавшись реакции столицы, образовала, презрев все нормы демократии, «национальное правительство», которое возглавил лидер национального движения Мохаммед Гази.

Только теперь узкое руководство СССР могло позволить себе спокойно продолжать переговоры об окончательной дате вывода своих войск из Северного Ирана. Было уверено, что сделало все необходимое для существования двух автономий, предназначенных служить прикрытием советскому Закавказью. Решило, мол, одну из двух задач для данного региона. О второй, нефтяной, пока забыло.

Глава восемнадцатая

За два с половиной месяца Сталину удалось восстановить здоровье, работоспособность. И, судя по последовавшим вскоре действиям, в деталях продумать новый курс, определяемый теми трениями, которые возникли в отношениях с Вашингтоном и Лондоном. Счесть, что далеко не все еще потеряно и при настойчивом стремлении еще возможно восстановить прежнее единство и согласие вчерашних боевых союзников.

Вернулся в Москву Сталин как нельзя вовремя, 17 декабря. На следующий день после открытия в столице СССР второй сессии СМИД, на которой предстояло вторично обсудить и согласовать условия мирных договоров со странами-сателлитами Германии в годы войны — с Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией, Финляндией. Установить, в случае успеха переговоров, дату созыва мирной конференции.

Уже сам состав сессии внушал оптимизм. На этот раз в ней участвовали главы внешнеполитических ведомств не пяти стран, как в Лондоне, а только трех, как и предусматривалось в Ялте и Потсдаме. От СССР — Вячеслав Молотов, от США — Джеймс Бирнс, от Великобритании — Эрнст Бевин. Видимо, и сами беседы с Гарриманом Иосифа Виссарионовича на даче под Сочи, и его предельно твердая позиция, занятая по данному вопросу, подействовали на Трумэна. Заставили Белый дом и госдепартамент ослабить давление, пойти на некоторые уступки. Пока лишь по процедуре, и ни в чем ином.

Бирнс, поддержанный британским коллегой, продолжал настаивать на праве США вмешиваться во внутренние дела восточноевропейских государств. Отказывался тем самым признать сложившиеся сферы влияния на континенте. Потребовал реорганизовать правительства Румынии и Болгарии, резко увеличив представительство в них демократических (подразумевалось — не коммунистических) партий, имевшихся в этих двух балканских странах. Более того, попытался провести как решение сессии обязательство для Бухареста амнистировать всех политических заключенных, арестованных и осужденных после переворота, начиная с 23 августа 1944 года. И допустил тем грубейшую ошибку, дав Молотову возможность нанести ответный весьма тонкий удар в словесной дуэли. Позволил Вячеславу Михайловичу объяснять ему прописные истины. Во-первых, в Румынии с осени минувшего года репрессиям подвергались лица, запятнавшие себя сотрудничеством с нацистами, с кликой Антонеску, которого юристы трех великих держав признали военным преступником, да члены фашистской «Железной гвардии». Во-вторых, в Болгарии 18 ноября прошли выборы в парламент, принесшие внушительную победу — более 80 процентов голосов — Отечественному фронту, блоку, включавшему помимо коммунистов, еще земледельческий народный союз, социал-демократическую партию. Заодно Молотов напомнил, что выборов ни в Италии, ни в других западноевропейских странах пока не было.

Более сложным, так и не приведшим к общему мнению, оказалось обсуждение сроков вывода советских и американских войск из Китая. Однако данное открытое расхождение, столь сильное, что не позволило найти даже компромисс, до некоторой степени удалось компенсировать договоренностями практически по всем остальным пунктам повестки дня.

Результаты десятидневной сессии в целом оказались весьма благоприятными для Советского Союза. Было достигнуто окончательное согласие о процедуре подготовки пяти мирных договоров, определены их незыблемые условия, назначена, наконец, дата созыва конференции для их детального обсуждения и последующего подписания — не позже 1 мая 1946 года. Для контроля за выполнением Японией акта о капитуляции решили создать Дальневосточную комиссию, призванную собою заменить действовавшую с сентября Консультативную комиссию, а также и Союзный совет. Последний должен был включать главнокомандующего союзными силами на Дальнем Востоке как председателя и четырех членов: от США, СССР, Китая и одного, общего — от Великобритании, Индии, Австралии и Новой Зеландии. Сессия объявила о своем стремлении добиться формирования в Корее Временного демократического правительства, для чего предстояло образовать специальную комиссию из представителей командования советских и американских войск, расквартированных на полуострове. Кроме того, не была оставлена и идея опеки над Кореей, сроком на пять лет, со стороны США, СССР, Великобритании и Китая. Наконец, нашли компромиссную форму и для разрешения спора из-за Румынии и Болгарии. Правительству первой из них «советовали» дать министерские посты национал-царанистской и либеральной партиям — каждой по одному. Второй же рекомендовали пополнить Отечественный фронт двумя, не вошедшими в него демократическими группами. При выполнении этих простых условий США и Великобритания обязывались незамедлительно признать режимы Бухареста и Софии[510].

Вплоть до закрытия сессии СМИД Сталин всячески воздерживался от каких бы то ни было обсуждений в узком руководстве внутриполитических проблем. Явно выжидал прояснения ситуации в международных отношениях, чтобы потом, безошибочно, исходя из них, скорректировать свой собственный вариант курса. Еще, наверное, не пришел к окончательному заключению: ужесточить его, или, наоборот, в зависимости от ситуации, смягчить. Просчитывал, наверное, что же возможно осуществить в наступающем году, в предстоящем пятилетии из задуманного, из столь неотложного и необходимого для страны, для народа.

25 декабря сессия СМИД официально завершила свою работу. 28 декабря, в соответствии с имевшейся договоренностью, средства массовой информации трех великих держав огласили коммюнике о ее конкретных результатах, подписанное Молотовым, Бирнсом и Бевином. А 29 декабря, после многолетнего перерыва состоялось официальное, протокольное заседание ПБ ЦК ВКП(б). Практически первое с осени 1940 года. Собралось только тогда, когда всем членам узкого руководства уже должно было стать ясно: твердая, даже отчасти жесткая линия Сталина принесла очередной желанный выигрыш. Вынудила США и Великобританию все-таки признать Восточную Европу сферой жизненных интересов Советского Союза. Ну а рекомендации правительствам Румынии и Болгарии — всего лишь стремление Вашингтона и Лондона «сохранить лицо». Не более того. Следовательно, подобную, неуступчивую линию как наиболее плодотворную, результативную, должно сохранить и в дальнейшем в международных отношениях. Пренебрегать атомным шантажом.

Сталин, как можно предположить, в конце 1945 года еще пытался не навязывать свою линию возможного поведения, а убеждать в необходимости ее других членов узкого руководства. Предпочитал доказывать: «умеренно-консервативный» курс — единственно возможный, а «мерой» его должна служить только забота об обороноспособности страны. Сроки создания собственного ядерного оружия, средств его доставки, а ничто иное и определяют период вынужденного ужесточения. Все остальные же силы, средства необходимо направить на восстановление промышленности, на подъем сельского хозяйства, чтобы к концу

следующего года ликвидировать карточную систему. Насытить ради того, хотя бы минимально, рынок продуктами питания, товарами широкого потребления, которых население было лишено четыре тяжких военных года, не получило и после победы.

На заседании ПБ, как уже повелось, ограничились важнейшим. В основном — плодами почти трехмесячных раздумий Сталина. И имевшие право голоса — Ворошилов, Жданов, Каганович, Калинин, Микоян, Молотов, Сталин, Хрущев, Берия, Вознесенский, Маленков, Шверник, и «приглашенные» — Булганин, Косыгин, Поскребышев, Шкирятов, Шаталин, Кузнецов, дружно одобрили все внесенные предложения. Маленковым — предельно рутинные, о кандидатах в депутаты ВС СССР второго созыва. Берия — об отставке с поста наркома внутренних дел «ввиду перегруженности его другой центральной работой», то есть, по атомному проекту, и замене С. Н. Кругловым. Сталиным — четыре вопроса.

Об образовании новых наркоматов — сельскохозяйственного машиностроения и по производству строительных и дорожных машин; разделении наркомата по строительству топливных предприятий на три, также по строительству — топливных предприятий, тяжелой промышленности, военных и военно-морских предприятий, а угольной промышленности на два, региональных — западных и восточных районов СССР, что мотивировалось необходимостью улучшить и ускорить работы по восстановлению народного хозяйства. О снятии А. И. Шахурина с должности наркома авиационной промышленности, объяснявшееся, главным образом, серьезнейшим провалом данной отрасли, обнаруженном лишь после победы — отсутствием у советских ВВС бомбардировщиков дальнего действия, аналогичных американским Б-29, пока единственном средстве доставки атомных бомб. О необходимости «создать группу работников, примерно в 50 человек, из состава руководящих работников областей и центральных учреждений для подготовки их в качестве крупных политработников в области внешних сношений», или, говоря нормальным языком, об обучении будущих дипломатов для службы в посольствах СССР, число которых за два года увеличилось вдвое.

Еще одно предложение Сталина, прошедшее как составная часть последнего, фиксировало сложившийся незадолго перед тем, в сентябре, баланс сил в узком руководстве. Означало признание очередного компромисса в борьбе за власть, хотя и фигурировало всего лишь как необходимость создать «комиссию по внешним делам ПБ». Не только ее состав, но и порядок перечисления вошедших в нее лиц подчеркивал равенство двух группировок: «Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов»[511]. Означало, ко всему прочему, и отказ Сталина впредь единолично заниматься вопросами международных отношений, вырабатывать для них линию поведения и действий. До некоторой степени такое вынужденное признание статус кво подтверждала и замена Берия как главы НКВД никем иным, как Кругловым. Человеком, как было хорошо всем известно, наиболее близким к Маленкову, а потому и сохраняющим столь важное в равной степени и для экономики, и для внутренней безопасности ведомство под контролем все того же, вроде бы уже не существующего «триумвирата».

О том же говорили и менее значимые, но лишь на первый взгляд, кадровые перемещения. Слияние наркоматов обороны и военно-морского флота в один, вооруженных сил, со Сталиным — наркомом, и Булганиным — его заместителем по общим вопросам. Замена в целиком зависящем лишь от Сталина, напрямую подчиненного только ему НКГБ первого заместителя наркома, Б. З. Кобулова, известного своей зависимостью от Берия, на С. И. Огольцова, до того занимавшего пост наркома госбезопасности Казахстана. А в НКВД — назначение на прежнее место Круглова главы НКВД Украины В. С. Рясного, что позволяло Лаврентию Павловичу сохранить определенное влияние на данный наркомат. Такой же по сути рокировкой оказалась и замена Шахурина первым заместителем наркома боеприпасов М. В. Хруничевым, утвержденная уже 30 декабря[512].

И все же Сталину так и не удалось достичь главной цели. Внося четвертое предложение — о восстановлении регулярных заседаний ПБ, раз в две недели, по вторникам, в 20–21 час[513],

он скорее всего, надеялся сломать существовавший, неудобный для него механизм принятия решений. Свести до минимума роль узкого руководства, где не имел большинства, которое далеко не случайно назвали на этот раз всего лишь «комиссией». Вернуть былую значимость более широкому по составу, в тринадцать человек, уставному ПБ. Органу, где в его поддержку обязательно проголосовало бы более половины членов. Хотя вопрос и был единодушно одобрен, практическое выполнение этого постановления каким-то образом узкому руководству удалось затормозить. Следующее заседание высшего партийного органа состоялось через три недели, а очередное — с еще большим опозданием, лишь через полтора месяца, да и то в связи с необходимостью формально подготовить сессию ВС СССР и Пленум ЦК ВКП(б).

Столь стабильная, несмотря ни на что, ситуация в Кремле, отсутствие сколько-нибудь значимых перемен в системе управления покоились не только на равновесии политических сил, но и на все еще сохранявшемся состоянии эйфории. Состоянии, порожденном и победой над Германией, и остававшемся признании СССР одной из трех великих держав, только которым и дано теперь право устанавливать мировой порядок на новых основаниях, и успехом московской сессии СМИД. Проникнутое именно таким оптимистическим духом «Обращение ЦК ВКП(б) ко всем избирателям» по случаю предстоящих выборов в ВС СССР, утвержденное ПБ 1 февраля 1946 года, наметило как основные задачи прежде всего скорейшее восстановление народного хозяйства, а только затем — «поддержание обороноспособности», необходимость «закрепить завоеванную победу», «твердо отстаивать интересы Советского Союза», что следовало понимать как усиление влияния в странах Восточной Европы. Только в конце обращения, и довольно двусмысленно, содержался призыв «совместно с демократическими силами других стран бороться за укрепление сотрудничества миролюбивых держав»[514]. А это можно было воспринимать как угодно. И как желание продолжать сотрудничество с союзниками по антигитлеровской коалиции, и как признание раскола мира на два лагеря. Ведь выступая 6 ноября 1945 года, Молотов под «миролюбивыми державами» имел в виду лишь страны Восточной Европы…

Все изменилось, и решительно, спустя всего три дня, когда в Москву поступило сообщение, перечеркнувшее все прежние планы и расчеты. Известнейший американский политический обозреватель Дрю Пирсон, по сути выражавший мнение администрации президента, вдруг поведал о событии, происшедшем еще 5 сентября минувшего года, о котором заинтересованные стороны прежде хранили молчание. Пирсон сообщил, что шифровальщик посольства СССР в Канаде Игорь Гузенко «избрал свободу». Попросту говоря, сбежал, изменив родине. А заодно и предал ее — раскрыл состав советской разведывательной группы, охотившейся в США, Великобритании и Канаде за секретами производства атомной бомбы. Сенсационная информация, как и можно было ожидать, положила начало шпиономании на Западе, а вместе с нею и антисоветской истерии.

Казалось бы, у Сталина появилось веское основание принять «оргмеры» по отношению к одному из членов узкого руководства. Ведь последний, 13-й пункт постановления ГКО от 20 августа 1945 года, о создании Специального комитета, гласил: «Поручить тов. Берия принять меры к организации закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство всей разведывательной работой в этой области, проводимой органами разведки (НКГБ, РУКА и др.)»[515]. Однако Сталин пренебрег прекрасной возможностью, не использовал ее для изменения состава узкого руководства. Поступил по-иному. Счел более необходимым, своевременным ответить на прямой вызов Запада, открыто провозгласив некоторое ужесточение своего курса. 9 февраля, на встрече с избирателями, уже не говорил даже туманно о продолжении сотрудничества со вчерашними союзниками. Зато намекнул: советские ученые непременно создадут ядерное оружие[516]. Но такое заявление, чего тогда никто не мог предположить, привело к непоправимому.

Поверенный в делах Соединенных Штатов в Москве Джордж Ф. Кеннан направил 22 февраля в Вашингтон документ, вошедший в историю как «длинная телеграмма». Аналитическую записку, игравшую решающую роль в американо-советских отношениях последующих четырех десятилетий. В ней по долгу службы высказал свое представление о «послевоенном советском мировоззрении», а заодно предложил госдепартаменту собственный вариант практических выводов для определения политики США.

Кеннан исходил из того, что «СССР по-прежнему находится в антагонистическом „капиталистическом окружении‟, с которым в долгосрочном плане не может быть постоянного мирного сосуществования». Произвольно сочетая реальные факты и собственные домыслы, приписал Кремлю следующие фундаментальные позиции: «Внутренняя политика посвящена укреплению любым способом мощи и престижа Советского государства:…интенсивная военная индустриализация; максимальное развитие вооруженных сил, выставление напоказ с тем, чтобы поразить посторонних; постоянная засекреченность внутренних вопросов, рассчитанная на то, чтобы скрыть слабые стороны и информацию от оппонентов. Во всех случаях, когда это считается своевременным и многообещающим, предпринимаются усилия в целях расширения официальных границ советской мощи. На данный момент эти усилия ограничиваются некоторыми соседними точками, которые считаются имеющими непосредственное стратегическое значение, такими, как Северный Иран, Турция, возможно Борнхольм[517]…

Москва рассматривает ООН не как механизм постоянного и устойчивого мирового сообщества, основанного на взаимных интересах и целях всех стран, а как арену, обеспечивающую возможность достижения вышеуказанных целей… В международных экономических вопросах советская политика будет фактически определяться стремлением Советского Союза и соседних районов в целом, доминируемых Советским Союзом, к автаркии…».

Далее Кеннан весьма пессимистически предполагал, что Москва попытается использовать все возможное для «подрыва общего политического и стратегического потенциала крупнейших западных держав… ослабления мощи и влияния западных держав в отношении колониальных отсталых или зависимых народов». Не исключил автор «длинной телеграммы» и иного, более страшного: «В случаях, когда отдельные правительства стоят на пути достижения советских целей, — отмечал Кеннан, — будет оказываться давление с тем, чтобы их сместить… В других странах коммунисты будут, как правило, стремиться к уничтожению всех форм личной независимости: экономической, политической или моральной… Будет делаться все возможное, чтобы столкнуть западные державы друг с другом…» И делал вывод: «Мы имеем здесь дело с политической силой, фанатично приверженной мнению, что с США не может быть достигнут постоянный модус вивенди, что является желательным и необходимым подрывать внутреннюю гармонию нашего общества, разрушать наш традиционный образ жизни, ликвидировать международное влияние нашего государства с тем, чтобы обеспечить безопасность Советской власти».

Не довольствуясь лишь такими, чисто профессиональными, не выходящими за рамки дипломатии, прогнозами, Кеннан высказал и историко-политическую оценку СССР, дал предвидение его будущего и исходящие отсюда рекомендации. Безапелляционно утверждал: «В сравнении с западным миром в целом Советы все еще остаются значительно более слабой силой. Следовательно, их успех будет зависеть от реального уровня сплоченности, твердости и энергичности, которого сможет достичь западный мир. В наших силах влиять на этот фактор.

Успех советской системы, как формы внутренней власти, еще окончательно не доказан. Ее надо еще продемонстрировать, что она может выдержать важнейшее испытание последовательной передачей власти от одного лица или группы лиц другой. Первая такая передача произошла в связи со смертью Ленина, и ее последствия потрясали советское государство в течение 15 лет. Вторая передача состоится после смерти Сталина или его ухода в отставку. Но даже это не будет последним испытанием. В связи с недавней территориальной

экспансией советская внутренняя система будет и сейчас испытывать ряд дополнительных напряжений, которые в свое время легли тяжким бременем на царизм. Здесь мы убеждены, что никогда со времен гражданской войны русский народ в своей массе эмоционально не был более далек от доктрин коммунистической партии, нежели сейчас. Партия в России стала сейчас величайшим и, на данный момент, чрезвычайно успешным аппаратом диктаторской власти, однако она перестала быть источником эмоционального вдохновения. Таким образом, не следует считать доказанными внутреннюю прочность и эффективность движения»[518].

Телеграмма Кеннана вместе с оценками Объединенного разведывательного комитета и Комитета начальников штабов США утвердила президента Трумэна во мнении, что ближайшей целью Советского Союза является не укрепление своей национальной безопасности, не укрепление политического влияния в странах, прилегающих к его границам, и прежде всего в Восточной Европе, а захват новых территорий. Не исключено — и всей Европы вплоть до Атлантики. А вместе с тем и других регионов мира, где у США имелись свои стратегические интересы. Возможно, Маньчжурии, откуда все еще не были выведены части Красной Армии и которую постепенно занимали коммунистические силы — о том с начала года генерал Джордж С. Маршалл, личный посланник президента в Китае, с беспокойством сообщал Трумэну. Может быть, Ирана, давно привлекавшего США своими колоссальными запасами нефти, на долю которых теперь настойчиво притязал и Советский Союз.

Должно было повлиять на позицию президента Соединенных Штатов и иное. То, что тот, в отличие от Кеннана, не был знаком с содержанием речи Сталина, произнесенной на встрече с избирателями. Потому и не знал, что глава правительства СССР, отвечая на риторический, самому себе заданный вопрос — каковы же основные итоги войны, ответил далеко не так, как интерпретировалось в «длинной телеграмме». Сталин в свойственной ему дидактической манере назвал, четко выделив, три таких итога: победили «наш советский общественный строй», «наш советский государственный строй», «наша Красная Армия». Коммунистической же партии отвел подчиненную, чисто хозяйственную роль. Не желая даже вспоминать о ГКО, заявил — партия обеспечила «материальную возможность победы». Говоря же о планах восстановления экономики, снова связал их разработку с ВКП(б).

Трумэн, разумеется, об этом не знал. Ему приходилось довольствоваться лишь той информацией, которую ему предоставляли другие. И потому вскоре солидаризировался с Черчиллем, еще с 1943 года вынашивавшим идею создания Западного союза как противовеса мощи СССР в Европе. Идею, начавшую обретать новые формы. 5 марта экс-премьер Великобритании выступил в Вестминстерском колледже небольшого миссурийского городка Фултон. Произнес речь в присутствии, а следовательно при пока молчаливом одобрении Трумэна. Со всей страстной убедительностью профессионального оратора обрушился на внешнюю политику Москвы. Как бы следуя сценарию, предложенному Кеннаном, обвинил СССР в экспансионизме, в уже совершенном захвате всей Восточной Европы, над которой опустился «железный занавес». И потому, опять же в полном соответствии с рекомендациями американского дипломата, призвал англо-саксонские страны незамедлительно объединиться. Используя имевшуюся монополию на ядерное оружие, незамедлительно дать отпор агрессивным замыслам Советского Союза.

Сталину вновь пришлось вступить в полемику, только на этот раз — открытую. 13 марта он дал интервью газете «Правда». Расценил в нем выступление Черчилля как «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы сеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество». Не довольствуясь столь резким выпадом, добавил: «Установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР». Категорически отверг обвинения в экспансионизме, в который раз повторив, обращаясь прежде всего к лидерам Запада, то, о чем неустанно твердил с декабря 1941 года — «Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах (восточноевропейских. — *Ю. Ж.*) существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу»[519].

Неделю спустя, воспользовавшись просьбой корреспондента Ассошиэйтед пресс ответить на его вопросы, Сталин фактически отверг еще одно обвинение Кеннана в адрес СССР. Дал следующее понимание Кремлем роли, значимости ООН: «она является серьезным инструментом мира и международной безопасности. Сила этой международной организация состоит в том, что она базируется на принципе равноправия государств, а не на принципе господства одних над другими». А заодно высказал и свое видение всей международной ситуация. «Я думаю, — отметил Сталин, — что „нынешнее опасение войны" вызывается действиями некоторых политических групп, занятых пропагандой новой войны и сеющих, таким образом, семена раздора и неуверенности»[520].

Но всякий раз, обращаясь к международным проблемам, к конкретным заявлениях западных лидеров, Сталин ни разу не осудил политику официальных Вашингтона и Лондона. Делал это вполне сознательно, ибо все еще надеялся на лучшее. На сохранение в обозримом будущем прежних отношений с США и Великобританией. Даже уклонился от комментариев в связи с по меньшей мере странным и неожиданным выступлением исполнявшего обязанности госсекретаря Дина Раска на одной из пресс-конференций, 22 января. На ней тот, сугубо должностное лицо, позволил себе заявить: Курильские острова являются всего лишь зоной временной оккупации Советского Союза, и об их передаче под постоянную юрисдикцию Москвы речь, мол, никогда не шла. Опровергать столь противоречащее договоренностям мнение государственного департамента США пришлось советским средствам массовой информации. Почти сразу же, 27 января — сообщением ТАСС, а две недели спустя — в газете «Известия», публикацией ялтинского соглашения глав трех великих держав, связанного с судьбою дальневосточного региона[521].

Резко, чуть ли не катастрофически ухудшившаяся ситуация в мире, грозившая если и не действительно войною со вчерашними боевыми союзниками, то практически полным разрывом дружественных отношений с ними, означала полный провал внешнеполитической стратегии Сталина. Ошибочность избранного им курса. Требовала либо серьезнейшей переоценки сделанного, корректировки избранной ранее линии поведения, либо нового витка ужесточения. Сталин, как продемонстрировали события на вершине власти, избрал второе. Пошел на очередной дворцовый переворот. Поспешил избавиться от понимавших происшедшее соратников-соперников. Прежде всего — от Молотова и Маленкова.

Первый послевоенный Пленум ЦК ВКП(б) собрался 18 марта. Он рассмотрел только два вопроса. Дежурный — «сессии Верховного Совета Союза ССР», то есть формирования его президиума и Совнаркома, который решено было переименовать в Совет министров (СМ). И экстраординарный — «организационный», подразумевавший серьезнейшие кадровые перестановки.

Первой достоянием гласности в сознательно искаженном виде стала информация по первому вопросу. Сессия ВС СССР 19 марта, как от нее и требовалось, без обсуждения и приняла отставку старого правительства, и утвердила состав нового. Для всех его огласили в следующем порядке: председатель — Сталин, его заместители — Молотов, Берия, Андреев, Микоян, Косыгин, Вознесенский, Ворошилов, Каганович[522]. Иными словами, все те же члены ГКО и ОБ СНК, только без Булганина, Маленкова и Шверника (последнего тогда же избрали председателем ПВС СССР вместо ушедшего в отставку из-за серьезного ухудшения здоровья Калинина), но зато с возвращенным из политического небытия Ворошиловым.

Реальная же власть, подлинное руководство высших исполнительных органов оказалось сокрытым ото всех. В соответствии с решением ПБ, утвердившем строго секретное постановление СМ СССР от 20 марта, «вместо существующих двух оперативных бюро Совнаркома Союза ССР» было образовано единое бюро Совета министров (БСМ), включившее всех заместителей председателя СМ. Однако главой БСМ оказался не названный вторым на сессии, в газетных публикациях Молотов, а Берия, заместителями же — Вознесенский и Косыгин[523].

Неделей позже, 28 марта, окончательно распределили и обязанности между всеми заместителями главы правительства. Самым существенным здесь оказалось то, что Берии, в дополнение к должности фактического премьера и руководителя атомного проекта, поручили еще «наблюдение за работой» МВД, МГБ и министерства госконтроля. Столь огромные полномочия и сделали Лаврентия Павловича, не столь уж неожиданно для остальных членов узкого руководства — ожидать этого следовало после событий, связанных с «делом Гузенко», вторым человеком в государственных структурах. По сути дали ему, и только ему, возможность официально контролировать деятельность всего бюрократического аппарата страны. Решать судьбы не только рядовых граждан, но и тех, кто находился с ним на «одном уровне».

Положение Молотова оказалось резко пониженным. Его функции, как и в мае 1941 года, ограничили лишь руководством МИДа[524]. Но, как следовало из факта существования комиссии по внешней политике ПБ, под постоянным и неусыпным контролем последней. Маленкова же просто лишили того государственного поста, зампреда СНК СССР, который он занимал последние три года.

Столь же серьезнейшие перемены затронули и партийные структуры, высшие органы партии — секретариат, ОБ и ПБ. Официальное сообщение о Пленуме, опубликованное газетами и переданное по радио только 20 марта, зафиксировало якобы только рутинные перестановки. Пополнение состава членов ПБ Берия и Маленковым, кандидатов в члены ПБ — Булганиным и Косыгиным, менее существенные изменения — ОБ. Замену в секретариате умершего почти год назад главного идеолога военной поры Щербакова и «аграрника» Андреева первыми секретарями ленинградской и московской парторганизаций, А. А. Кузнецовым и Г. М. Поповым[525].

Общедоступная информация, как всегда, скрыла и причины перемен, и конкретные обязанности новых секретарей, определенные к тому же лишь месяц спустя, 13 апреля, на четвертом по счету послевоенном протокольном заседании ПБ. В тот день коренная реконструкция аппарата ЦК, начатая еще на XVIII съезде партии, наконец завершилась упразднением последних производственно-отраслевых отделов — сельскохозяйственного и транспортного. Теперь деятельность секретариата ограничили теми вопросами, которые и решили оставить за партией: подбором и расстановкой кадров, пропагандой и агитацией, проверкой работы местных парторганизаций, а также связями с зарубежными компартиями, а точнее — мягким воздействием на них. Новым задачам соответствовала и новая структура партаппарата. Она включала два управления — кадров, пропаганды и агитации, два отдела — оргинструкторский, внешней политики. Почти полностью их руководство было обновлено, а сами они иначе распределены между секретарями — для контроля за ними.

Маленков утратил свою особую роль, определявшуюся тем, что только он, как и Сталин, совмещал высшие должности и в партийных, и в государственных структурах. Если до Пленума он являлся вторым секретарем и одновременно членом ГКО, а затем зампредом одного из ОБ СНК, то теперь не только не входил в состав БСМ, но и лишился поста главы УК. Отныне в его обязанности входили лишь «вопросы руководства работой ЦК компартий союзных республик, подготовка вопросов к оргбюро и председательствование на заседаниях последнего».

На ключевом партийном посту оказался новичок в Москве Алексей Александрович Кузнецов (в кулуарах обычно его называли «Кузнецов-ленинградский»), Именно к нему перешло «руководство Управлением кадров ЦК ВКП(б)», ведение «работой в области распределения кадров в партийных, советских и хозяйственных организациях; подготовка вопросов к Секретариату ЦК ВКП(б) и председательствование на заседаниях последнего; вопросы руководства работой обкомов партии областей, входящих в РСФСР». Вместе с тем, Кузнецов стал и начальником УК.

Жданову на этот раз удалось подтвердить свои позиции. Те, которые он занял сразу после возвращения в столицу в начале 1945 года. Ему совершенно официально передали «руководство Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и работой партийных

и советских организаций в области пропаганды и агитации (печать, издательства, кино, радио, ТАСС, искусство, устная пропаганда и агитация); руководство отделом внешней политики». Но в отличие от Кузнецова, Жданова не назначили начальником УПиА, оставили этот пост за Г. Ф. Александровым. Скорее всего, с согласия и по желанию самого Андрея Александровича.

Единственный из четырех секретарей, Г. М. Попов, не получил никаких «определенных обязанностей по ЦК». Подобное исключение традиционно объяснялось большой занятостью «по руководству московской партийной организацией и Моссоветом».

Сохранившие самостоятельность отделы поручили новым в аппарате ЦК людям, только что переведенным на работу в Москву. Отдел внешней политики, вместо Георгия Димитрова, уехавшего на родину, в Болгарию, и в ноябре возглавившего правительство этой страны, — М. А. Суслову, отозванному из Вильнюса. Оргинструкторский — Н. С. Патоличеву[526], более семи лет возглавлявшему сначала Ярославский, а затем Челябинский обкомы и горкомы.

Подобные перемены, неожиданное для всех и на редкость скоропалительное возвышение Кузнецова, не только молодого, но и мало кому известного функционера, всего год проработавшего первым секретарем ленинградского обкома и горкома, объяснялось просто. Сталин перестал скрывать от ближайшего окружения озабоченность надвигавшейся старостью, ухудшившимся состоянием здоровья.

Вместе с тем, стремился сделать все, от него зависящее, чтобы его курс был продолжен и без него. Дал ясно понять всем: своим преемником на посту первого секретаря видит не Маленкова, и даже не верного Жданова, а Кузнецова. Потому и наделяет его столь огромными полномочиями, предоставляет возможность проявить себя, подтвердить правильность выбора.

На том ураган, обрушившийся на вершину власти, не стих, продолжал бушевать с той же силой. Все больше и больше угрожал тем, кто совсем недавно ощущал твердость своего положения. В конце апреля был арестован бывший нарком авиапромышленности, поначалу пониженный до должности зампреда СМ РСФСР, А. И. Шахурин, а вместе с ним командующий ВВС А. А. Новиков и два заведующих отделами УК, занимавшиеся кадровыми вопросами авиа- и моторостроения. Этот инцидент дал основание на очередном заседании узкого руководства, 4 мая, формально дискредитировать Маленкова и вывести его из секретариата[527]. Но все же весьма возможное для тех лет и подобных случаев — снятия Маленкова со всех остальных постов, не последовало. Более того, его оставили и в составе ПБ и ОБ.

В тот же день последовало еще одно важное решение, на этот раз направленное против Берии. Без каких-либо мотивов, объяснений В. Н. Меркулова, работавшего под началом Лаврентия Павловича с начала 20-х годов, сместили с должности министра госбезопасности, которую он занимал два с половиной года. Его преемником стал В. С. Абакумов[528], начальник главного управления контрразведки «СМЕРШ», с апреля 1943 года структурной части НКО, а потому подчиненный по службе непосредственно Сталину, потерявший все былые связи с прежним начальником по НКВД. Подобная мера весьма серьезно ослабила позиции Берии и в то же время дала преимущества новому начальнику УК Кузнецову.

Возникшая неустойчивость в узком руководстве мгновенно привела к очередному всплеску борьбы за лидерство, принявшему форму закулисных интриг.

Опираясь на решение ПБ от 13 апреля о недостатках в идеологической работе, Жданов и его старый протеже, верный сторонник Г. Ф. Александров попытались максимально выгодно для себя использовать ситуацию неопределенности. Обвинили основную массу руководителей обкомов и крайкомов в вопиющем непрофессионализме, политической неграмотности, а ряд республиканских ЦК, и прежде всего Украины, даже в потворстве буржуазному национализму. Данные, свидетельствовавшие о том, были оглашены на совещании в УПиА, а также в обстоятельных записках[529], которые благодаря целенаправленной поддержке Жданова

вскоре начали принимать форму далеко идущих по значению постановлений ЦК. И затрагивали они не столько идеологические, сколько кадровые вопросы.

Первым и решающим в данной серии явилось принятое 8 июля постановление «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы с вновь вступившими в ВКП(б)». Именно оно и могло, в случае необходимости, послужить основанием для дальнейших кардинальных мер. И прежде всего, запланированных на ближайшее будущее экзаменов, проверки теоретических знаний у всех без исключения членов партии. Мотивировалось такое предложение тем, что 67,2 % коммунистов, включая и работников обкомов, крайкомов, не имело даже среднего образования. Вместе с тем, предусматривалось и сокращение приема в партию служащих, которые на 1 января 1946 года составили уже 47,6 %, то есть чуть ли не половину от общей численности ВКП(б)[530].

В развитие этого постановления 2 августа было принято еще одно, «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников». Оно потребовало обязательного обучения всех партийных функционеров, в зависимости от занимаемой должности и имевшегося образования — двух- или трехлетнего[531]. Для выполнения этой задачи были созданы Высшая партийная школа, Академия общественных наук, а также восстановлена Военно-политическая академия.

Такой подход к решению кадровых вопросов неизбежно должен был сделать уже УПиА, а не УК, ключевым в аппарате ЦК. Вместе с тем, выявленные факты, хотя и не включенные в текст постановлений, по сути продолжали старую, начатую еще до войны, линию Маленкова и ставили под сомнение компетентность А. А. Кузнецова, так и не обратившего ни малейшего внимания на столь угрожающее явление.

Одновременно Жданов и Александров сделали еще один, весьма характерный для «аппаратных игр» ход, призванный обезопасить их от возможной критики со стороны. Подготовили весной и провели через ПБ и ОБ во второй половине 1946 года ряд весьма острых постановлений по идеологическим вопросам. О недостатках в работе газет «Правда», «Известия», «Труд», Радиокомитета, министерства кинематографии, объединенного государственного издательства (ОГИЗ), в литературно-художественной критике. Но в этих документах, внешне предельно самокритичных, они сумели перенести акцент на все тот же вопрос подбора и расстановки кадров.

Такие действия резко усилили позицию Жданова. 2 августа последовало решение ПБ, согласно которому уже именно на него, а не на Кузнецова, возлагалось председательствование на заседаниях ОБ и руководство работой секретариата[532]. Иными словами, Жданов был признан вторым лицом в партии и вновь, как это уже было до войны, стал вместе со Сталиным подписывать совместные постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б).

Тем же решением ПБ функции Маленкова по руководству ЦК компартий союзных республик, утраченные им еще 4 мая, возложили на введенного в секретариат Н. С. Патоличева, чей отдел был повышен в статусе и преобразован в управление по проверке партийных органов[533]. Сам же Маленков в тот день был возвращен из трехмесячной опалы. Его утвердили заместителем председателя СМ СССР, членом БСМ, отвечающим за деятельность министерств промышленности средств связи, электропромышленности, связи[534]. Георгия Максимилиановича тем вернули на вершину власти, но серьезно сузили его полномочия, ограничили их только сферой государственных, экономических структур управления.

И все же все эти назначения, перераспределения обязанностей так и не привели к хотя бы слабому, пусть неустойчивому, но — равновесию сил в узком руководстве. Напротив, его продолжали раздирать непримиримые противоречия, порожденные ущемлением былых прав Молотова, Берия, Маленкова, но в еще большей степени — неуемными амбициями Кузнецова,

не желавшего смириться со столь быстрым проигрышем позиций Жданову. Невольно внес свою лепту в неутихавшие интриги и Сталин.

Поздней весной 1946 года Иосиф Виссарионович мог подвести некоторый итог результатов своего внешнеполитического курса. Соотнести число побед и поражений.

Да, демаркирована новая западная граница. Удалось добиться от Вашингтона и Лондона окончательного признания стран Восточной Европы, включая и Польшу, сферой жизненных интересов, зоной национальной безопасности Советского Союза. На том все успехи и ограничивались. Неудач же оказалось гораздо больше.

Под жесточайшим прессингом — внесением Ираном 9 января в Совет безопасности вопроса о вмешательстве СССР в его внутренние дела, решением 3-й, лондонской сессии СМИД 2 марта, вручением Кеннаном ноты США 6 марта — части Красной Армии из Ирана все же пришлось срочно эвакуировать. К 9 мая. Без малейшей уверенности, твердой гарантии, что автономные режимы Южного Азербайджана и Северного Курдистана сумеют выстоять без столь необходимой им прямой поддержки. Правда, небывало длительный, продолжавшийся с 12 февраля по 3 марта визит тегеранского премьера Кавам эс-Салтане, казалось бы, привел к достижению главной цели Москвы. К появлению на свет проекта договора о создании смешанного Ирано-советского общества по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений. Однако рассматривать и утверждать его меджлис собирался только в конце октября. Лишь после того, как ни одного советского солдата на иранской территории не останется.

Столь же удручающее положение приходилось констатировать и в остальных, имеющих стратегическое значение для СССР, регионах вдоль южных его границ. Турция, как и прежде, не торопилась соглашаться возбуждать вопрос о пересмотре режима навигации в Черноморских проливах, не реагировала на попытки оказать на нее моральное давление ни со стороны Москвы, ни тем более — Тбилиси и Еревана. Пришлось прекратить открытую помощь Восточно-Туркестанской республике, признав верховенство власти в Синьцзяне за центральным правительством, за Чан Кайши. Оставили советские воинские части и Маньчжурию — к 3 мая, успев все же помочь двум армиям Мао Цзэдуна установить там, включая такие важные центры, как Харбин, Чаньчунь, Шэньян (Мукден), свой абсолютный контроль. Но американские войска и флот тем не менее оставались в Китае, демонстрируя свою доминирующую роль во всем северотихоокеанском бассейне.

Усугубляло неудачи на международной арене еще и то, что расчеты отменить к концу 1946 года карточную систему не оправдались. Страшная, небывалая засуха, обрушившаяся на огромные районы страны, те самые, по которым во время войны дважды прошел безжалостный каток боевых действий — на Молдавию, Украину, Северный Кавказ, Поволжье, привели не просто к неурожаю. К голоду, о котором приходилось молчать, дабы не давать повода Западу заговорить о слабости советской системы. Чтобы не позволить США предложить свою экономическую помощь, а тем самым и оказать своеобразное политическое давление на СССР. А из-за только что развернувшихся работ по созданию атомной бомбы — лишь в мае 1946 года был создан отечественный центр ядерного оружия, город, вскоре названный «Арзамас-16», потребовавших гораздо больше сил и средств, нежели поначалу предполагали, забыть приходилось еще и о подъеме жизненного уровня населения. Словом, отказаться от всех прокламированных в феврале планов.

Пытаясь любым способом, даже явно иррациональным, компенсировать столь вопиющий провал своего курса прежде всего в глазах населения СССР, Сталин на заседании ПБ 13 апреля попытался сделать козлом отпущения все то, что называлось сферой идеологии. Печать, издательства, литературно-художественные журналы, ССП, театры, даже музеи. Выступил с большой речью о «признании работы в области идеологий как работы, имеющей серьезные недостатки и серьезные провалы». Не ограничился общими рассуждениями, привел конкретные примеры. Отметил, что даже сама «Правда» не высказывается ни по одному

вопросу внешней политики. Как негативное явление оценил творчество режиссера Александра Таирова, руководителя московского Камерного театра. Разбирая произведения, опубликованные в «толстых» журналах, самым худшим назвал «Новый мир», счел ошибкой появление в «Звезде» повести Григория Ягдфельда «Дорога времени». Не забывая ни на минуту об усиливавшейся словесной дуэли с Вашингтоном и Лондоном, высказал необычное предложение: «Нельзя ли иметь орган в Ленинграде „оппозиции", чтобы критиковать союзников и своих».

Но что бы ни затрагивал Сталин в своем выступлении, почти все сводил к отсутствию настоящей критики. «Никакой критики у нас нет, — заметил он, говоря о литературе, — и те критики, которые существуют, являются критиками на попечении у тех писателей, которых они обслуживают, рептилиями по дружбе. Задача их заключается в том, чтобы хвалить кого-либо, а всех остальных ругать». Предложил как панацею критику «объективную, независимую от писателей». А «маховиком, который должен завертеть все это дело, должно явиться Управление пропаганды». И дал последнему на подготовку необходимых мероприятий три месяца[535].

Точно в назначенный срок, 15 июля, УПиА утвердило на секретариате план своей предстоящей работы. Среди прочего же — подготовку для внесения «на рассмотрение ЦК» постановлений об улучшении содержания литературно-художественных журналов, о репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению, о производстве художественных кинофильмов в 1946–1947 годах, а также о создании собственного издания. Последнее оказалось сделать проще всего. Уже 26 июля ОБ утвердило документ, в соответствии с которым и начала выходить вскоре ставшая одиозной газета — «Культура и жизнь». Орган УПиА. Тот самый, который по замыслу Сталина предназначался для «критики союзников и своих». Разумеется, не в политическом, а лишь идеологическом плане[536].

Затем началась работа над еще тремя постановлениями, которым, что никто не мог и предположить, предстояло сыграть трагическую роль в судьбе Михаила Зощенко и Анны Ахматовой. Готовя очередные документы, и сотрудники управления, и Александров, и Жданов отнюдь не жаждали крови. Не стремились кого-либо из прозаиков, поэтов, драматургов, театральных и кинорежиссеров обречь на заклание, сделать ритуальной жертвой. Нужды в том не было никакой, да и вся вот уже шестилетняя практика Александрова, хорошо понимавшего Жданова, знавшего его стиль и методы работы, исключала подобное решение. Стремились оба к иному. Доказать лишь одно: без руководства и контроля со стороны УПиА деятели литературы и искусства неизбежно будут допускать серьезнейшие просчеты, и не только идеологические, но и чисто профессиональные, художественные.

Именно таким духом и были проникнуты первые варианты проектов двух постановлений — «О неудовлетворительном состоянии журналов „Звезда" и „Ленинград"», «О состоянии репертуара драматических театров» и сопровождавшие их «записки». В них строго последовали указаниям Сталина, внеся лишь одну поправку. Худшим объявили не московский «Новый мир», а ленинградскую «Звезду». Да сами решили, что требуемое сокращение числа литературно-художественных изданий проще всего осуществить за счет ликвидации самого «тонкого» из них, распространявшегося только в городе на Неве — «Ленинграда».

В обеих записках приводили десятки негативных примеров. Просто низкого художественного уровня — произведения Г. Гора, Г. Ягдфельда, А. Штейна, В. Кнехта, М. Малюгина, Л. Борисова, С. Спасского, М. Слонимского, И. Сельвинского, С. Варшавского и Б. Реста, Д. Острова, Д. Рахманова; «упадочности, ущербности» — стихи А. Ахматовой, И. Садофьева, М. Комиссаровой; «порочности, неразумности» — Зощенко (но о нем пока всего три фразы!); «пустоты, безыдейности» — пьесы В. Масс и М. Червинского, братьев Тур и Л. Шейнина, Н. Погодина, других. В проекте о репертуаре осуждали среднеазиатские и закавказские театры за чрезмерное увлечение исторической тематикой, ложное возвеличивание местных национальных героев далекого прошлого; российские — за засилье

на их сценах крайне слабых и к тому же являющихся «образцами буржуазной салонной драмы», пьес американских, английских, французских авторов.

Не довольствуясь таким узким подходом, «записка» о репертуаре значительно расширяла круг виновных. Не ограничивая его лишь драматургами и театрами, отмечала: «По вине комитета по делам искусств в театрах наблюдается стремление ставить сомнительные пьесы западных драматургов. Эти спектакли пришлось запретить уже после того, как театры их поставили, затратив на постановку огромные средства». И далее: «Совершенно справедливо указывают некоторые драматурги (Крон, Погодин) на то, что количество инстанций и людей, участвующих в приеме пьес и их апробации, чрезвычайно велико. В комитете по делам искусств, реперткоме, республиканском управлении искусств, в литературных отделах театров, в военных и общественных организациях находятся в общей сложности десятки людей, имеющих право „задерживать" пьесы и вносить поправки в них. Многие из этих контролеров слишком прямо, непосредственно и упрощенно понимают роль театрального искусства в системе пропагандистской, агитационной работы и толкают драматургов на путь поверхностного отражения злободневной действительности»[537].

Казалось, с утверждением всех проектов постановлений проблем не должно возникнуть. Но буквально за 48 часов до начала заседания ОБ, назначенного на 9 августа, где и намечалось рассмотреть три документа УПиА, Жданов получил некое указание от «секретариата» (от кого — всех, Сталина, Кузнецова, Патоличева, Попова? или только от Сталина? но тогда почему не было ссылки прямо на него?). Его обязали срочно заменить план производства кинофильмов на зубодробительную критику только что созданной Л. Луковым второй серии картины «Большая жизнь». Осудить ее так, чтобы появилось достаточно убедительное основание для запрещения выпуска фильма на экраны страны[538]. На самом же заседании ОБ, при обсуждении первого пункта повестки дня — состояния журналов «Звезда» и «Ленинград», без какого-либо внешнего повода разыгралась драма, и породившая бытующую поныне легенду о «ждановских постановлениях».

Все началось с того, что ответчики — представлявший «Звезду» В. Саянов, редактор «Ленинграда» Б. Лихарев и ответственный секретарь ленинградского отделения ССП А. Прокофьев не пожелали принять обычные в таких случаях правила игры. Отказались, как это было положено, лишь каяться, признавая любые, самые надуманные обвинения, обещать сделать все, чтобы исправить их и больше не повторять. Дружно не соглашались, ко всему прочему, с закрытием любого из двух литературных журналов, издававшихся в их городе. Возможно, они понадеялись на сочувствие, поддержку «земляков» — Жданова и Кузнецова. Может быть, решили, что те просто не дадут их в обиду, защитят от нападок УПиА. Но, как бы то ни было, именно такое поведение критикуемых, странное и необычное для такого форума, изменило ход заседания. Придало ему почти с самого начала характер не доброжелательного обмена мнениями, а острой, даже злой, переходящей на личности перепалки. И в ней незаметно изменилась и суть дискуссии, и предмет обсуждения.

Совершенно случайно всплыл вопрос о принадлежности журналов. Почему это они вдруг перестали являться органами ССП и оказались в подчинении ленинградского отделения последнего? Да еще обнаружилось, что о происшедшем знал ленинградский горком. Он же, как выяснилось, санкционировал, притом совсем недавно — 26 июня, и пересмотр редколлегии «Звезды», введение в ее состав не раз уже поминавшегося на заседании ОБ отнюдь не положительно Зощенко. Оправдываясь, первый секретарь ЛГК и ЛОК П. С. Попков, не представляя последствий своих слов, заявил: «Я давал по этому поводу справку т. Кузнецову». А вынужденный ответить на вопрос Маленкова — «Зачем Зощенко утвердили?», малодушно свалил вину на второго секретаря, Я. Ф. Капустина.

Так обозначился, незаметно для большинства участников заседания, совершенно новый аспект проблемы. Чисто политический, напрямую связанный с деятельностью секретаря ЦК А. А. Кузнецова. У его противников-соперников, у Жданова и Маленкова, появилась пока еще

весьма зыбкая возможность возложить именно на него ответственность за обнаруженные недостатки. Ведь никто иной, как он курировал работу всех обкомов РСФСР, в том числе и ленинградского. Ну, а если серьезных просчетов окажется больше, чем полагали сотрудники УПиА, если эти просчеты будут выглядеть более серьезными, то и вина Кузнецова соответственно возрастет. Однако сделать это было не так просто, и потому ОБ принятие решения отложило. Поручило специально образованной комиссии в обычном для таких случаев составе — А. А. Жданов (созыв), А. А. Кузнецов, Н. С. Патоличев, Г. М. Попов, Г. М. Маленков, Г. Ф. Александров, П. О. Попков, В. М. Саянов, Б. М. Лихарев, А. А. Прокофьев, Н. С. Тихонов (первый секретарь правления ССП), И. М. Широков (зав. отделом пропаганды ЛГК) и В. В. Вишневского, ленинградского писателя, резко критиковавшего работу журналов, «на основе обмена мнениями на заседании Оргбюро разработать проект постановления ЦК ВКП(б) о коренном улучшении журнала „Звезда“».

Обсуждение следующего вопроса — второй серии кинокартины «Большая жизнь», проходило более спокойно. И режиссер Л. Луков, и автор сценария П. Нилин не перечили докладчику. Как и ждали от них, полностью признали свои ошибки, покаялись в них. Выразили готовность незамедлительно доработать картину, учтя все до единого высказанные замечания. Потому-то и подводить итог для ОБ стало проще. Его постановление гласило: «1. Выпуск на экран фильма „Большая жизнь“ (вторая серия) запретить. 2. Поручить Секретариату ЦК ВКП(б), на основе состоявшегося обмена мнениями, разработать проект постановления ЦК ВКП(б), излагающий мотивы запрещения фильма. 3. Поручить художественному совету министерства кинематографии представить свои соображения о возможности исправления кинофильма „Большая жизнь“».

Ну а к концу дня, когда перешли к третьему вопросу, о репертуаре драматических театров, страсти уже окончательно улеглись, а проект постановления, подготовленный загодя в УПиА, практически был утвержден[539].

За кулисами же ОБ волнение не улеглось. Даже усилилось, ибо с журналом «Звезда» невольно оказалась связанной и судьба Кузнецова. Происходило то, что вскоре круто изменило ход событий.

На следующий день, 10 августа, Кузнецову от министра госбезопасности В. С. Абакумова поступила «Справка на писателя Зощенко Михаила Михайловича», составленная в тот же день и, судя по правилам делопроизводства, присущим ЦК, явно явилась результатом непременного запроса Кузнецова. В ней, уже в четвертом абзаце, содержалась политическая оценка — «На протяжении ряда лет Зощенко характеризуется как писатель с антисоветскими взглядами, критикующий политику партии в области литературы и искусства». Но — любопытнейшая деталь! — в справке МГБ не было ни слова о постановлении ЦК от 2 декабря 1943 года, в котором Зощенко осуждался за повесть «Перед восходом солнца»[540]. Отсутствовало упоминание о столь важном факте и в еще одном документе (или выпечатки из какой-то еще справки), также посвященном Зощенко, не имеющем ни адреса, ни подписи, написанного в стиле, свойственном лишь сотрудникам МВД или МГБ. В нем же «прослеживались связи» писателя-сатирика. Отмечалось, что наиболее близки с ним Саянов, Прокофьев, Слонимский, Каверин и Никитин. Указывалось, что именно говорит Михаил Михайлович «в беседах среди своего близкого окружения». Да отмечалось, но ссылкой на «Малую советскую энциклопедию», что «хорошие взаимоотношения между Зощенко, Слонимским и Кавериным относятся еще к 1926 году, к периоду существования созданной этими лицами группы „Серапионовы братья“, представляющей собою идеологически и политически вредную оппозицию в писательской среде»[541].

Пока нельзя с полной уверенностью сказать, насколько решающими оказались оба эти документа для подготовки окончательного варианта постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». Но можно утверждать: они далеко не случайно оказались в досье управления пропаганды, посвященном ленинградским журналам. И, несомненно, существует прямая связь

между полученной 10 августа Кузнецовым справкой (а может быть, и другими аналогичными материалами слежки), пересланной им в УПиА, и тем, что 12 августа у Сталина состоялась беседа со Ждановым и Кузнецовым. А Жданову пришлось занести в записную книжку важное указание: «Раздраконить. Смену произвести активн. сотрудн. Еголина поставить. **Хулиганскую речь**. (Выделено мною. — *Ю. Ж*)»[542]. После этого Александров смог, наконец, подготовить тот вариант текста постановления, который и оказался, в конце концов, утвержденным. Правда, на тот день, 12 августа, он содержал не 13, а 12 пунктов. В том числе: «4. Утвердить главным редактором журнала „Звезда“ тов. Еголина А. М. с сохранением за ним должности заместителя начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б) <…> 6. Отменить решение Ленинградского горкома от 26 июня с. г. о редколлегии журнала „Звезда“, как политически ошибочное. Объявить выговор второму секретарю горкома тов. Капустину Я. Ф. за принятие этого решения. 7. Снять с работы секретаря по пропаганде и заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома тов. Широкова И. М., отозвав его в распоряжение ЦК ВКП(б)».

К сожалению, происшедшее пока можно истолковать лишь предположительно. Скорее всего, Кузнецову удалось оправдаться перед Сталиным. Доказать, навязав именно такой взгляд на всю проблему, что в писательской среде Ленинграда давно уже, с тех времен, когда первым секретарем там еще был Жданов, зрели «нездоровые настроения», а подпитывали их прежде всего Зощенко с его «антисоветскими взглядами», да Ахматова с ее «упадочничеством». А потому, если и искать виновного в том, то им должен стать никто иной, как Жданов. Весьма возможно, Сталин не захотел делать ответственным за выявленные неполадки Жданова, дискредитировать его по столь, в общем, ничтожному поводу, но все же согласился в принципе с Кузнецовым. Поручил исправление сложившегося положения своему старому испытанному другу и соратнику. Только этим и можно объяснить появление, но уже 14 августа, последнего, 13-го пункта постановления — «командировать т. Жданова в Ленинград для разъяснения настоящего постановления ЦК ВКП(б)»[543]. Каким же должно было стать «разъяснение», Жданов хорошо знал — «хулиганская речь». Уже 15 августа. Ему предстояло выполнить неблагодарную миссию, взяв роль обскуранта, гонителя интеллигенции. Сделать то, на что, весьма вероятно, хотели обречь Кузнецова.

Нанести прямой удар по Кузнецову его противникам так и не удалось. Схватка закончилась в его пользу, а испить чашу страданий пришлось Зощенко и Ахматовой, Капустину и Широкову, оказавшимся пешками в чужой большой игре. Вместе с тем, именно так зародилось и более страшное, но то, чему еще предстояло произойти. Через два с половиной года, как «ленинградскому делу».

Новые постановления ЦК по идеологическим вопросам, в отличие от прошлой практики, опубликовали. А творческие организации, средства массовой информации, устная пропаганда туг же сделала их, и довольно надолго, основным предметом своего внимания. Тем самым, настойчиво вытеснили из массового сознания более значимые для страны, крайне злободневные задачи — внешнеполитические, экономические, решения которых тем временем все отдалялось и отдалялось.

Глава девятнадцатая

Очередная сессия СМИД, проходившая в Париже с 25 апреля по 15 мая, а затем, после перерыва, еще и с 15 июня до 12 июля, была призвана завершить обсуждение, максимально сблизив позиции трех великих держав, проектов мирных договоров с пятью странами — бывшими сателлитами нацистской Германии. Однако проходила она далеко не так гладко, как того можно было бы ожидать после декабрьского московского совещания. Противоречия между США и Великобританией, с одной стороны, и СССР, с другой, не только не сгладились, но и предельно обострились. Дошли до такой степени, что комментируя итоги первого раунда заседаний, Молотов — несомненно с одобрения всего узкого руководства, открыто признал появившуюся тенденцию. «Бросалось в глаза, — отметил он на пресс-конференции 27 мая, —

что американская и британская делегации действовали обыкновенно в порядке сговора между собой». Не преминул подчеркнуть Вячеслав Михайлович в этой связи и иное: «Советский Союз сделал ряд шагов навстречу общему соглашению».

Некоторая уступчивость Молотова диктовалась стремлением Москвы во что бы то ни стало достичь главной цели. Сделать все возможное, дабы международными соглашениями зафиксировать новую западную границу страны. С Финляндией и Румынией. А также с Венгрией, появившейся после передачи Чехословакией по договору от 29 июня 1945 года Закарпатской области СССР. Ведь не исключалось, что в случае неуспеха переговоров, США и Великобритания могут перенести обсуждение территориальной проблемы на саму мирную конференцию, в которой должны были участвовать не три, а двадцать одна страна, и где все оставшиеся открытыми вопросы решались бы с помощью голосования, а не достижением консенсуса.

В Париже советская делегация отказалась пойти на компромисс только при обсуждении проекта договора с Италией.

Не уступала, главным образом, по трем позициям — судьба итальянских колоний, Триеста (Юлийской краины) и репараций, по следующим причинам. Первая рассматривалась Москвой как возможная компенсация оказавшейся явно бесперспективной проблемы Черноморских проливов. Только поэтому Молотов и предлагал передать под опеку одного СССР, или его и Италии совместно, североафриканскую Триполитанию (ныне часть Ливии). Честно объяснял коллегам: «это имело бы большое значение для советских торговых судов на путях Средиземного моря». Полагал, что воевавшие с Италией три великие державы вправе разделить между собою опеку над всеми ее заморскими территориями, а не отдавать их под управление, сопровождаемое военной оккупацией, одной Великобритании либо той и США. Триест послужил яблоком раздора по другой причине. Югославия, новый союзник СССР, категорически настаивала на передаче ей этого стратегически важного порта на Адриатике, вблизи Венеции. Величина же репараций — как итальянских, так, впрочем, и германских — для Москвы оставалась, вместе со сроками их, жизненно важной, ибо от нее напрямую зависели и восстановление и модернизация народного хозяйства.

Все сильнее ощущая потерю Советским Союзом роли великой державы, Молотов попытался воззвать к чувствам Бирнса и Бевина. С затаенной болью и обидой напомнил им: «Советское государство, вынесшее на себе главную тяжесть борьбы за спасение человечества от тирании фашизма, по праву занимает теперь такое положение в международных отношениях, которое отвечает интересам равноправия больших и малых стран в их стремлении к миру и безопасности»[544]. Призыв оказался тщетным. О прошлом все уже забыли. Окончательно.

Едва удалось достичь, в ходе второго раунда парижского СМИД, максимально возможного, но без ущерба интересам Советского Союза, сближения позиций трех держав, как сразу же возникло новое осложнение. Открывшаяся 29 июля 1946 года Парижская мирная конференция занялась обсуждением злосчастного для Кремля вопроса: как следует принимать решения — простым или квалифицированным большинством. На целый месяц погрузила делегатов, как это уже было в Сан-Франциско, в жаркие и далеко не бессмысленные дебаты. США и Великобритания настаивали на простом большинстве, что гарантировало прохождение именно их вариантов проектов. СССР требовал непременно квалифицированного, то есть в две трети. Добивался именно такой процедуры, ибо только она могла позволить сопротивляться натиску англо-американского блока. С помощью своих трех голосов — СССР, УССР, БССР, еще трех — своих союзников, Польши, Чехословакии и Югославии, а также с расчетом на поддержку Индии и Эфиопии. В общей сложности — восемью голосами, и срабатывающими лишь при квалифицированном большинстве. Споры по этому поводу оттянули начало конкретной работы. Превратили конференцию в арену словесных состязаний, в которых играли роль не смысл, не факты, а эмоции. Привели к тому, что завершение подготовки мирных договоров

пришлось завершать на порожденной этими противоречиями сессии СМИД в Нью-Йорке, в ноябре — первой половине декабря.

Происходившее отнюдь не способствовало восстановлению прежнего единства трех великих держав, к чему стремился Кремль, притом весьма настойчиво и упорно. Отношения между ними продолжали ухудшаться, достигнув очередного отрицательного пика осенью.

9 сентября госсекретарь США Джеймс Бирнс, выступая в Штутгарте на совещании руководящих сотрудников американской военной администрации и премьер-министров трех земель американской зоны оккупации, высказал довольно странный взгляд на решение германского вопроса. Заявил, что американский народ хотел бы возвратить немецкому власть в его стране. Дал недвусмысленно понять, что США не допустят, чтобы Германия оказалась вассалом иностранной державы или попала под иго внутренней или зарубежной диктатуры. Остановился госсекретарь и на территориальной проблеме. В принципе согласился с возможностью присоединения Саара к Франция, но выразил сомнение в праве Польши считать уже своими навсегда восточногерманские земли. Указал, что пока они — лишь зона польской оккупации, а окончательно их судьба решится при подписании мирного договора. Заодно Бирнс впервые признал существование военного соревнования между Востоком и Западом.

С чисто правовой точки зрения позиция Джеймса Бирнса выглядела безупречно. Действительно, только мирный договор должен был установить окончательно новые границы Германии. Но столь же очевидным являлось и иное. При подготовке такого договора, работа над которым еще и не начиналась, даже на самой будущей мирной конференции Соединенные Штаты вполне могут пересмотреть потсдамские соглашения. Вновь сделать их предметом острых споров, дискуссий, подкрепляя свою позицию устойчивым большинством голосов. И если в силу такого поворота событий Польша вдруг лишится обретенных ею западных земель, то рухнет и та принципиальная основа, которая позволила, да еще с огромным трудом, добиться от Варшавы отказа от земель восточных. В пользу Советского Союза.

Москва отреагировала незамедлительно. Первым выступил Молотов. Спустя несколько дней дал интервью корреспонденту Польского агентства печати. Однозначно заявил: «Историческое решение Берлинской конференции о западных границах Польши никем не может быть поколеблено. Факты же говорят о том, что сделать это теперь уже просто невозможно. Такова точка зрения советского правительства»[545].

Другой, скрытный аспект речи Бирнса затронул Сталин. Отвечая 17 сентября на вопросы корреспондента лондонской «Санди таймс» Александра Верта, коснулся более серьезных, глобальных проблем. Во-первых, военного соперничества Востока и Запада и возможности перерастания его в войну. «Я не верю в реальную опасность „новой войны‟, — убежденно сказал Иосиф Виссарионович. — О „новой войне‟ шумят теперь главным образом военно-политические разведчики и их немногочисленные сторонники из рядов гражданских чинов. Им нужен этот шум хотя бы для того, чтобы: а) запугать призраком войны некоторых наивных политиков из рядов своих контрагентов и помочь таким образом своим правительствам вырвать у контрагентов побольше уступок… Нужно строго различать между шумихой о „новой войне‟, которая ведется теперь, и реальной опасностью „новой' войны‟, которой не существует в настоящее время».

Во-вторых, Сталин не обошел и проблему возможности превращения Германии в некоего вассала, подпадение ее под «иго». «Я считаю исключенным, — отметил он, — использование Германии Советским Союзом против Западной Европы и Соединенных Штатов Америки. Я считаю это исключенным не только потому, что Советский Союз связан договором о взаимной помощи против германской агрессии с Великобританией и Францией, а с Соединенными Штатами Америки — решениями Потсдамской конференции трех великих держав, но и потому, что политика использования Германия против Западной Европы и Соединенных Штатов Америки означала бы отход Советского Союза от его коренных интересов. Говоря

коротко, политика Советского Союза в германском вопросе сводится к демилитаризации и демократизации Германии».

Заодно, воспользовавшись предоставившимся случаем, попытался Сталин и сформулировать свое понимание более общего. Не столько практического, сколько теоретического, и интересного, важного скорее не Западу, а советским людям. Подтвердил лишний раз свою твердую веру в «возможность дружественного и длительного сотрудничества Советского Союза и западных демократий, несмотря на существование идеологических разногласий», и в «дружественное соревнование между двумя системами». Проще, выразил убежденность в возможности, необходимости мирного сосуществования.

Пересмотрел прежнюю оценку узким руководством роли ядерного оружия. Вернулся к первоначальной, оптимистической, выраженной в первом советском комментарии, данном журналом «Новое время». «Я не считаю, — отметил Сталин, — атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб». «Конечно, — признал Сталин, — монопольное владение секретом атомной бомбы создает угрозу, но против этого существуют, по крайней мере, два средства: а) монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго; б) применение атомной бомбы будет запрещено». Сделал именно такое заявление только потому, что уже твердо знал — советские ученые создают собственное ядерное оружие. Но так как на это уйдет немало времени, пока следует не поддаваться атомному шантажу. Доказывать, что на Советский Союз он повлиять не может.

Наконец, в том же интервью продемонстрировал Сталин, но до предела кратко, без объяснений, излюбленных им обоснований, готовность в будущем вернуться к своему прежнему, 1938 года, суждению о невозможности построения коммунизма в условиях капиталистического окружения. Пока весьма уклончиво согласился с Вертом: «коммунизм в одной стране вполне возможен, особенно в такой стране, как Советский Союз»[546]. Далеко не случайно употребил слово «возможен». Исключил, тем самым, любую определенность, категоричность, обязательность. Сказал именно так, чтобы оставить за собой право в будущем вернуться к такому прогнозу. Подтвердить или опровергнуть его в зависимости от обстоятельств или политических требований.

Не улучшилось осенью 1946 года и внутриполитическое положение. Хотя с окончания войны миновало более года, в Прибалтике, западных областях Украины не ослабевало вооруженное сопротивление националистов-сепаратистов. Действовали они, сея страх и смерть, создавая безысходность для мирного, пытавшегося оставаться нейтральным, населения. И не только небольшими, разрозненными отрядами и группами, но и крупными, координировавшими свои операции соединениями, как Украинская повстанческая армия.

Разрастались трагические последствия и жесточайшей засухи, усугубленной затяжными дождями в Сибири во время жатвы. Привели к давно забытому, страшному результату — голоду, исключавшему даже мысль о выполнении обещанного — отмене карточной системы. Кроме того, в ущерб собственному положению, приходилось выполнять обязательство о поставках зерна во Францию, принятое довольно безрассудно в самом начале апреля[547]. Следовало, в силу политической необходимости, помогать продовольствием, одновременно соглашаясь на сокращение репараций, также пострадавшим от невиданной засухи Румынии и Венгрии. Да еще обеспечивать устойчивое, самое высокое по стране потребление продуктов питания для Эстонии, Латвии, Литвы, чтобы такой мерой предотвратить возможный взрыв недовольства всего населения республик, который могли спровоцировать националисты.

Сталину уже должно было стать ясным: в одиночку, как он намеревался поначалу, сразу после выздоровления, разрешить все возникавшие, отнюдь не сокращавшиеся проблемы, не может. При всем желании. Но и оставлять своим преемникам такое наследие нельзя. И потому ему пришлось вернуться к прежней форме управления, организации власти. То есть к старому

механизму принятия решений по кардинальным вопросам общегосударственного характера. Восстановить все то, что чуть менее года назад он сам же решительно отверг, попытавшись заменить узкое руководство более покладистым ПБ. Слишком уж слабыми были те, кто и составлял большинство в ПБ, готов был без размышлений, без тени сомнения поддержать любое предложение, лишь бы его внес вождь. И Андреев, и Ворошилов, и Каганович, и Шверник. Даже Жданов, позволивший себе оказаться в ложном положении при конфликте с Кузнецовым, согласившийся на уничижительную роль «хулиганствующего разъяснителя» противных его духу, навязанных ему постановлений. Все они, даже если бы и попытались, не могли помочь в поисках наиболее оптимального курса, который и вывел бы страну из тупика.

Все это, а также и необходимость прекратить становившееся опасным для всех личное соперничество в узком руководстве привело всех к осознанию насущной важности перемен. Возвращению к испытанной и уже оправдавшей себя в недавнем прошлом системе. 3 октября 1946 года по предложению Сталина было принято решение, формально записанное как пункт 94 протокола № 55 заседания ПБ. Оно гласило:

«1. Поручить комиссия по внешнеполитическим делам Политбюро (шестерка) заниматься впредь, наряду с вопросами внешнеполитического характера, также вопросами внутреннего строительства, внутренней политики.

2. Пополнить состав шестерки председателем Госплана СССР тов. Вознесенским и впредь шестерку именовать семеркой»[548].

Так родился очередной компромисс, без которого, как оказалось, решать судьбы власти невозможно. Сталин признал прежний, утраченный было статус членов «триумвирата». Их исключительное право заниматься всеми важнейшими для судеб страны проблемами, не связывая себя при этом ни Конституцией, ни уставом партии. Взамен же добился того, что у него слишком долго не получалось. Ввел в новый состав узкого руководства своего старого протеже и весьма вероятного наследника по государственным структурам Вознесенского.

Так своеобразно, хотя и далеко не оригинально, в очередной раз оформила сама себя как высшую власть, узкая группировка, и без того давно правившая в СССР. Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков, Жданов, Вознесенский провозгласили себя, и лишь себя, только половину состава ПБ, стоящими над всеми без исключения структурами. Как государственными, так и партийными. За бортом оказались заместители председателя СМ СССР Андреев, Ворошилов, Каганович, Косыгин; члены и кандидаты в члены ПБ — они же да еще Хрущев, Шверник, Булганин; секретари ЦК ВКП(б) Патоличев и Попов. Составили формально второй, на деле же никакой иерархический уровень власти. Ведь в партии с этого момента настоящие, протокольные, в полном составе заседания ПБ практически прекратились. За последующие шесть лет собирались лишь дважды: 13 декабря 1947 года и 17 июля 1949 года. Секретариат превратился в некое подобие отдела кадров всей страны, а региональные комитеты — ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы, райкомы — во вспомогательные контрольные и надзирательные органы.

И все же, как выяснилось слишком быстро, появление «семерки» не привело к стабилизации положения на вершине политического Олимпа. Вопреки замыслу, послужило причиной очередного всплеска безжалостного, не знающего пощады к побежденному, личного соперничества. Установило прямую зависимость усиления борьбы за власть от состояния здоровья Сталина, а вместе с тем и от удач, ошибок или просчетов тех, кто и оказался в составе нового узкого руководства.

Несомненные лидеры «семерки» — Берия, Вознесенский, возглавлявшие СМ СССР, и Жданов, второй секретарь ЦК ВКП(б), настойчиво стремились закрепить свое собственное положение. Добивались легитимности и легализации своего ведущего положения, сложившейся расстановки сил на как можно более длительный срок. Именно в этих целях и

настояли уже 7 января 1947 года на решении ПБ созвать в конце текущего — начале следующего года XIX съезд партии[549].

Через семь недель, 26 февраля, о предстоящем партийном форуме узнали и участники состоявшегося в тот день пленума ЦК. Первого в оказавшейся нескончаемой, растянувшейся почти на четыре десятилетия, послевоенной череде заседаний, посвященных проблемам сельского хозяйства и попыткам ничего не меняя по сути, добиться его резкого подъема. Пленума, где основным докладчиком выступил — в последний раз за свою политическую карьеру — Андреев, так и не сумевший ничего предложить. Буквально ничего — ни полу-, ни даже псевдорадикальных мер, позволивших бы вывести колхозы и совхозы из слишком затянувшегося кризиса. Сообщение же о намеченном съезде, не включенное в официальное информационное сообщение для печати, сделал Жданов. Огласил намеченную повестку дня работы предстоящего съезда, в том числе — принятие новых программы и устава. Назвал тех, кому поручалась подготовка столь важных документов. Разумеется, в числе основных разработчиков оказались и сам Жданов, и его верный союзник Александров[550].

Такое развитие событий никак не могло устроить аутсайдеров «семерки», к которым можно отнести Молотова и Маленкова. Судя по всему, никто иной как именно они незадолго до пленума и произвели дворцовый мини-переворот. Провели через ПБ 8 февраля 1947 года важнейший документ — совместное постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) — «Об организации работы Совета министров Союза ССР». С его помощью коренным образом преобразовали и состав, и структуру этого, высшего исполнительного органа власти в стране.

БСМ СССР больше не состояло лишь из Берии, Вознесенского и Косыгина. Возглавлялось теперь непосредственно Сталиным и его первым заместителем Молотовым. Включало помимо них еще и всех зампредов СМ, которые отныне возглавляли самостоятельные участки работы, определенные как отраслевые бюро. По сельскому хозяйству — Маленков, по металлургии и химии — Вознесенский, по машиностроению — Сабуров, по топливу и электростанциям — Берия, по пищевой промышленности — Микоян, по транспорту и связи — Каганович, по торговле и легкой промышленности — Косыгин, по культуре и здравоохранению — Ворошилов.

В непосредственное ведение БСМ, то есть Сталина и Молотова, передали министерства госконтроля, юстиции, материальных и трудовых резервов, государственную штатную комиссию, ряд главных управлений СМ СССР. Кроме того, как дополнительные обязанности, «наблюдение за работой» министерства финансов возложили на Вознесенского, МВД и строительства высотных домов в Москве — на Берию, министерств лесной и целлюлозно-бумажной промышленности — на Косыгина. Такие же ключевые ведомства, как Специальный комитет (атомный проект), комитеты радиолокационный, реактивной техники (ракетный проект), особый, валютный поставили под непосредственный контроль Сталина и Молотова. «Вопросы министерства иностранных дел, министерства внешней торговли, министерства государственной безопасности, денежного обращения, валютные вопросы, а также важнейшие вопросы министерства вооруженных сил» сосредоточили в «политбюро ЦК ВКП(б)», что в сложившихся условиях являлось всего лишь эвфемизмом для обозначения узкого руководства, «семерки».

Таким образом, Молотов вернул себе официальную вторую в иерархии должность. Маленков сравнялся по положению и с Берия, и с Вознесенским, да еще сумел восстановить в прежнем ранге своего соратника Сабурова. В свою очередь, Берия лишился контроля за транспортом и транспортным машиностроением, госбезопасностью, госконтролем; Вознесенский — авиационной и автомобильной промышленностью, тяжелым машиностроением, станко- и судостроением, строительством военных и военно-морских предприятий. Среди членов БСМ пока остался и Андреев, однако, не получив в свое ведение ни одного из отраслевых бюро. Лишь формально, и к тому же в последний раз он числился на одной из высших государственных должностей[551].

Серьезнейшие изменения не ограничились только тем. Затронули они и более низкий, но не менее значимый уровень властных структур. Молотов добился избавления от всех навязанных ему и довольно опасных заместителей по МИДу: еще 22 августа 1946 года — от Литвинова, 7 января 1947 года — от И. М. Майского, а 24 января — от В. Г. Деканозова. Заменил их молодыми профессионалами, послами в Лондоне — Ф. Т. Гусевым, в Вашингтоне — А. А. Громыко, в Токио — Я. А. Маликом[552]. Тогда же слишком близкие к Берии люди были направлены на работу за пределы СССР. В. Н. Меркулов, недавний министр госбезопасности — в Румынию, а его заместитель, Б. 3. Кобулов — в Германию, руководителями советских предприятий, оказавшись в совершенно новой для себя системе — главного управления советским имуществом за рубежом при министерстве внешней торговли[553]. Под Микояном также сменили подчиненных по отныне подконтрольной ему отрасли, заодно реорганизовав ее. Три министерства, подконтрольных Маленкову, — земледелия, технических культур, животноводства — были слиты в одно, сельского хозяйства. Тем же решением министром сельского хозяйства утвердили И. А. Бенедиктова, а совхозов — Н. А. Скворцова[554].

Скорее всего, именно добившаяся реванша группа и настояла на запрете малейшего упоминания в печати о намеченном съезде партии. Вместе с тем, не вполне удовлетворившись достигнутым результатом, эта же группа продолжила перетряску высшего руководства. 12 февраля из состава БСМ вывели Л. М. Кагановича, направив его в Киев, первым секретарем ЦК КП(б) Украины, а его обязанности по Совмину возложили на Берию[555]. 5 марта (зловещее предзнаменование!) удовлетворили просьбу Сталина об отставке с поста министра вооруженных сил, что несомненно означало признание им утраты прежней работоспособности. Заменяли его Н. А. Булганиным, назначенным по должности и заместителем председателя СМ СССР, членом БСМ[556]. (Есть все основания утверждать, что одновременно Булганин был введен и в состав «семерки», ставшей таким образом «восьмеркой».)

Происходили серьезнейшие перемены и в партийных структурах. Первым свидетельством того оказалось небольшое по объему, вроде бы частного характера, но далеко идущее по своим последствиям постановление ПБ от 7 января. Оно признало «необходимым произвести значительное сокращение количественного состава партийных организаторов ЦК ВКП(б) на предприятиях промышленности, транспорта и на стройках». Поручило «секретариату ЦК ВКП(б) пересмотреть состав предприятий, на которых следует сохранить должности партийных организаторов ЦК ВКП(б), и провести сокращение» их[557]. Подобным, предельно простым способом, государственные структуры — министерства, комитеты, главки — предполагалось как можно быстрее вывести из-под оказавшейся бесплодной опеки партии. Точнее — возглавляемого А. А. Кузнецовым УК. А вскоре не менее серьезные сокращения коснулись и еще одного партийного органа — Комиссии партийного контроля (КПК). 21 апреля ПБ установило: «Считать нецелесообразным дальнейшее существование института уполномоченных КПК при ЦК ВКП(б) в областях, краях и республиках (автономных. — *Ю. Ж.*) и признать необходимым его упразднить»[558].

И все же целью такого наступления оказалась не столько партия вообще, сколько один из членов «восьмерки», Жданов. Он страдал серьезной болезнью сердца, и заставившей его находиться в санатории два решающих месяца — с 1 декабря 1946 года по 25 января 1947 года. Постепенное отстранение Жданова от власти начали в соответствии со сложившейся, успешной практикой — с устранения сначала всех тех, на кого он опирался или мог опереться. В декабре 1946 — феврале 1947 годов лишили Г. Ф. Александрова двух наиболее сильных из его четырех заместителей: К. С. Кузакова, назначенного заместителем министра кинематографии СССР, и М. Т. Иовчука, утвержденного секретарем по пропаганде ЦК КП(б) Белоруссии[559].

В конце февраля та же участь постигла и Управление по проверке партийных органов. Его начальника, секретаря ЦК ВКП(б) Н. С. Патоличева, направили поначалу секретарем по сельскому хозяйству ЦК компартии Украины, а шесть месяцев спустя понизили еще раз, сделав

секретарем Ростовского обкома. Одного из его двух заместителей, будущего министра госбезопасности С. Д. Игнатьева — секретарем по сельскому хозяйству в Минск, а одного из трех инспекторов управления, Н. И. Гусарова — также в Минск, но уже первым секретарем ЦК компартии Белоруссии[560].

И расправа с УПиА, ведомством Жданова, и с Управлением по проверке партийных органов, заполненном выдвиженцами Маленкова, явилась превентивным ударом А. А. Кузнецова, соперника отнюдь не Молотова и Маленкова, впервые выступившего с поднятым забралом. Человека, поверившего заверениям Сталина сделать его своим преемником по партийной ветви власти, а потому и претендовавшего на место Жданова. На его роль, реальное положение второго секретаря, члена «восьмерки» уже сейчас.

…Возвращение Молотова на роль второго человека в государстве свидетельствовало, помимо прочего, еще и о том предпочтении, которое следовало отдавать внешнеполитическим вопросам. Говорило о явном намерении узкого руководства воспользоваться не только опытом, но и связями — установленными лично Вячеславом Михайловичем за годы войны, а его новыми заместителями — совсем недавно. Использовать все возможное, чтобы попытаться как-то восстановить рушившиеся отношения с Вашингтоном и Лондоном. Однако именно на международной арене Кремль ожидали самые ощутимые неудачи.

12 марта 1947 года в час пополудни Трумэн выступил в зале заседаний палаты представителей конгресса США, где присутствовали и сенаторы, с программной речью. Сослался на некую коммунистическую опасность, нависшую над Грецией и Турцией. Правда, не уточнил, что в Греции гражданскую войну при поддержке британских войск ведут монархисты против республиканцев, одновременно являвшихся и коммунистами. Не сказал, что правительство Великобритании на днях подтвердило, что не позднее 1 апреля выведет свои воинские части из-за отсутствия средств, бросив Грецию на произвол судьбы. Умолчал Трумэн и о том, что Турция вообще не испытывает реального, действенного давления со стороны Советского Союза. Просто при молчаливой поддержке Вашингтона и Лондона отказывается пересматривать режим мореплавания в Черноморских проливах. Не делает того, на чем сам же он, Трумэн, открыто настаивал еще в июле 1945 года в Потсдаме, вместе со Сталиным.

Обойдя все эти щекотливые детали, президент ограничился эмоциями и риторикой. Фактически повторил, только с другим конкретным предложением, фултоновскую речь Черчилля. Призвал конгресс одобрить просимые им ассигнования: 250 миллионов долларов на военную помощь Греции и 150 миллионов — Турции. Сделать это следовало во имя интересов «свободных народов», поддержка которых отныне становится основной целью внешней политики Соединенных Штатов. Конгресс поддержал предложение, почти сразу же названное «доктриной Трумэна»[561].

Сообщение из Вашингтона о содержании речи президента США должно было быть воспринято в Кремле как гром среди ясного неба. Но реакция узкого руководства все же оказалась довольно спокойной. Не привела немедленно к открытой конфронтации, и каким-либо резким действиям политического или идеологического характера, означавшим бы начало холодной войны — во всяком случае, со стороны Советского Союза. Привело всего лишь к полунаучному скандалу — «делу КР», не породившему, как то бывало в 30-е годы, всплеска массовых репрессий, но все же собравшему свою жатву жертв.

Микробиолог Н. Г. Клюева и гистолог Г. И. Роскин еще весной 1946 года завершили работу над рукописью «Биотерапия злокачественных опухолей». Высказали в ней уверенность, что создали препарат, способный излечивать рак. 13 марта выступили с докладом о результатах открытия на заседании президиума Академии медицинских наук. Всего этого оказалось достаточно, чтобы самые фантастические слухи об обретенном, наконец, лекарстве, в котором столь нуждались сотни тысяч страждущих во всем мире, поползли по столице. Достигли и посла США в Москве Уолтера Беделла Смита. Заставили его, заручившись разрешением

министра здравоохранения СССР Г. А. Митирева и согласием МИДа, посетить 20 июня Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных болезней, встретиться с работавшими там Клюевой и Роскиным. Предложить им издать их книгу в США, а необходимые, еще незавершенные опыты по проверке препарата продолжать не только в СССР, но и в американских медицинских центрах.

Информация о происшедшем, сразу же поступившая к Жданову, оказалась на редкость противоречивой. Заместитель министра здравоохранения А. Я. Кузнецов не только поддержал идею Смита, но и направил в США, находившемуся там в служебной командировке академику В. В. Ларину телеграмму с согласием на предложение посла. МИД — в лице Г. Н. Зарубина, только что назначенного послом в Лондон, и С. К. Царапкина, заведующего отделом США, наоборот, настаивал на отказе от американской поддержки. Заместитель начальника УК ЦК ВКП(б) Андреев занял выжидательную позицию. Ограничился констатацией факта да не преминул сослаться на мнение замминистра госбезопасности Огольцова, приведя его слова о том, «что беседа Смита с профессорами Клюевой и Роскиным организована была нормально». Почувствовав явную опасность, Жданов попытался уклониться от принятия решения. Переадресовал его Молотову, но тот весьма дипломатично предложил Минздраву запросить Сталина. 14 ноября 1946 года на Кавказ, к находившемуся на отдыхе Иосифу Виссарионовичу, ушла шифротелеграмма:

«Товарищу Сталину. Товарищ Молотов запрашивает Вас о возможности передачи американцам рукописи Клюевой и Роскина „Биотерапия рака", а также препарата Клюевой-Роскина для лечения рака. Книга печатается у нас для широкого опубликования. Академик Ларин, находящийся в США, сообщает, что группа врачей-онкологов, посланная в Америку, получает широкую и нужную им информацию от американских врачей и учреждений по раку. Наши ученые специалисты считают возможным передать американцам для дальнейшего экспериментального изучения. Министерство здравоохранения это поддерживает.

Просим дать Ваши указания.

Замминистра здравоохранения СССР Кузнецов».

Получив резко отрицательный ответ Сталина, замначальника УК Павленко и заведующий отделом управления, Петров, явно с согласия или даже по поручению своего шефа, А. А. Кузнецова, направили Жданову записку «О неправильном отношении министра здравоохранения СССР т. Митирева к разработке противоракового препарата „КР" профессоров Клюевой и Роскина». В частности, заметили: «Посещение господином Смитом лаборатории нельзя рассматривать иначе, как демарш опытного разведчика, как попытку купить советских ученых, внести разложение в их среду посулами и обещаниями». А завершили документ конкретным предложением: «Считаем необходимым решение секретариата за непартийное отношение к важнейшему открытию советских ученых и за невыполнение указаний секретариата ЦК ВКП(б) о всемерной помощи профессорам Клюевой и Роскину, объявить министру здравоохранения СССР т. Митиреву выговор и предупредить его, что при повторении подобного случая он будет снят с занимаемого им поста». Сам же начальник УК, А. А. Кузнецов, не дожидаясь требуемых «оргвыводов», вызвал Митирева и указал тому «на необходимость оказать серьезную помощь в разработке проблемы и соблюдать строгую секретность, избежать того, чтобы сведения о препарате попали в руки американцев». Но наказание для Митирева было уже не проблематичным, а неминуемым. Парии еще 27 ноября передал американским ученым, рукопись Клюевой и Роскина.

Кара для ослушников не заставила себя ждать, 29 января вернувшийся из отпуска Жданов вызвал к себе Митирева, также только что завершившего отдых, и предупредил его о серьезнейших последствиях из-за происшедшего[562]. 17 февраля Г. А. Митирева освободили от занимаемой должности и отправили директором научно-исследовательского института санитарии[563], а В. В. Ларина, сразу после приезда в столицу, арестовали.

Вряд ли «дело КР» имело бы продолжение, не появись на свет доктрина Трумэна. Она-то и потребовала каких-то, пока еще не явных, но достаточно жестких мер по отношению ко всему, что прямо или косвенно связывалось с США, с нормальными отношениями с ними. Решение нашли довольно быстро. 28 марта ПБ одобрило текст совместного постановления СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». С помощью вроде бы «общественного мнения» попыталось воздействовать на умонастроения пока только государственного аппарата. Как бы подготовить его к более чем возможной идеологической, по меньшей мере, конфронтации. А заодно создать на будущее и новый, оригинальный механизм для расправы с неугодными людьми, не прибегая в то же время к репрессиям.

Постановление предусматривало создание повсеместно, во всех без исключения учреждениях, «судов чести», на рассмотрение которых должны были поступать те поступки людей, которые «не подлежат наказанию в уголовном порядке». Приговором же должны были стать общественный выговор или общественное порицание. Лишь в крайнем случае не исключалась и иная возможность — передача дела «следственным органам для направления в суд в уголовном порядке»[564].

Второй, более серьезной реакцией на «доктрину Трумэна» стало создание 30 мая 1947 года при МИДе собственной зарубежной разведывательной службы — Комитета информации. Возглавил его сам Молотов, а первым замом был утвержден К. К. Родионов, одновременно и начальник Службы дезинформации[565]. Комитету информации предстояло собирать и анализировать сведения об отношении отдельных западных государств или групп государств к крупным политическим проблемам, особенно — о предстоящей их позиции по ключевым вопросам повестки дня Генеральной ассамблеи ООН, Совета безопасности. Тем самым создавалась возможность определять границы возможного политического маневра, придания большей гибкости позиции делегации СССР.

Тем временем, несмотря ни на что, отнюдь не «подковерная» аппаратная борьба не только не стихала, а усиливалась. Новый ее раунд открыло постановление ПБ, принятое 22 апреля, о проведении второй (первая состоялась в январе) дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». В отличие от уже состоявшегося обсуждения, чисто научного и по характеру, и по результатам, теперь явно предполагалось добиться негативной оценки труда начальника УПиА. Опорочить тем самым политически ее автора, создав базу для принятия впоследствии и «оргмер»[566].

Наконец, еще одним бесспорным свидетельством надвигавшихся перемен оказалось введение 22 мая «опросом» М. А. Суслова в секретариат вместо Н. С. Патоличева, утверждение его и начальником Управления по проверке партийных органов с сохранением за ним руководства отделом внешней политики. Последнее было наиболее симптоматичным, ибо сразу же после назначения Суслова на последнюю должность, в апреле 1946 года, Сталин выразил недовольство подобранной кандидатурой. Настойчиво посоветовал Жданову подыскать на такой пост «кого-либо другого, знающего языки»[567]. Однако почему-то указание Иосифа Виссарионовича не выполнили.

А дальше все развивалось предельно просто и стремительно.

25 июня завершилась вторая философская дискуссия, которая, наконец, признала книгу начальника УПиА Александрова и ошибочной, и порочной. Однако наиболее заслуживающим внимания здесь явилось не вполне предсказуемые ее итоги, а само проведение. То, что Жданов как секретарь по идеологии стал хотя и основным, но все же лишь участником дискуссии. Организовал же ее, руководил ходом другой человек — начальник УК А. А. Кузнецов, рядом с которым в президиуме сидел Суслов.

В июле-августе подготовка смещения второго секретаря партии продолжилась. Выразилась в беспрецедентных, неизвестных ранее и не повторившихся в дальнейшем резких

нападках «Правды» на орган УПиА газету «Культура и жизнь», в безосновательном осуждении заведующего отделом пропаганды С. М. Ковалева. Уже только одно это свидетельствовало о полной утрате Ждановым контроля за положением в подведомственной ему сфере, нежелании или невозможности уже решать внутренние, кадровые вопросы подотчетного управления без излишней огласки.

Но только 17 сентября свершилось главное. Г. Ф. Александрова вместе с его заместителем П. Н. Федосеевым (последнего — за сокрытие «кулацкого» происхождения) отстранили от руководства УПиА. Поручили возглавить идеологическое ведомство партии М. А. Суслову, сумевшему сохранить за собою опять, как и в мае, более, видимо, важную для него должность — заведующего отделом внешней политики. Первым заместителем к нему по управлению утвердили Д. Т. Шепилова[568], по образованию и профессии экономиста, тем не менее работавшего последнее время редактором отдела пропаганды «Правды».

Так Жданов оказался в положении генерала без армии, окончательно утратив возможность воздействовать на подготовку, а следовательно, и на принятие решений. Еще оставался вторым, но только номинально, секретарем ЦК ВКП(б). Всего лишь председательствующим на заседаниях секретариата и ОБ. Все его фактические властные полномочия как «главного идеолога» страны оказались у Суслова.

На том серьезнейшие, кардинальные кадровые перестановки не исчерпались. Захватили, но уже по совершенно иным причинам, круг высших военачальников. Первым из них пал Н. Г. Кузнецов, бывший в годы войны наркомом ВМФ. 19 февраля 1947 года его сняли с должности замминистра Вооруженных Сил — главкома ВМС, которую он занимал после слияния двух наркоматов. Без каких-либо объяснений отправили начальником управления военно-морских учебных заведений в Ленинград. Затем пришла очередь и маршала Жукова.

В марте 1946 года его вернули из Берлина в Москву. Назначили заместителем министра Вооруженных Сил — главкомом сухопутными войсками. Но уже четыре месяца спустя резко понизили в должности. По сугубо моральным качествам. Высший военный совет, как именовалась расширенная коллегия министерства Вооруженных Сил, на своем заседании 9 июня «установил»: «маршал Жуков, утеряв всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывал при этом себе в разговорах с подчиненными разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая те операция, к которым не имел никакого отношения… противопоставляя себя тем самым правительству и верховному главнокомандованию»[569]. Или проще — пытался конкурировать по славе победителя со Сталиным. На только этом основании Жукова и перевели командующим Одесским военным округом. Чрезвычайно важным стратегически, но все же лишь округом. Правда, оставили кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

В феврале 1947 года, накануне открытия Пленума, Жуков, сам о том не ведая, оказался в более опасном положении. Сталин в беседе со Ждановым настаивал на том, чтобы вывести маршала из состава ЦК. А вместе с ним, заодно, еще одного человека — Маленкова (!)[570]. Свалить Георгия Максимилиановича просто так, без видимой причины, только по прихоти вождя, не удалось. Слишком уж сильной он оставался политической фигурой. Но унизить Георгия Константиновича, хотя и не так, и несколько позже, все же удалось.

21 июня 1947 года ПБ приняло постановление «О незаконном награждении тт. Жуковым и Телегиным артистки Руслановой и других орденами и медалями Советского Союза»:

«ЦК ВКП(б) установил, что тт. Жуков и Телегин, будучи первый главнокомандующим группы советских оккупационных войск в Германии, а второй — членом военного совета этой же группы войск, своим приказом от 24 августа 1945 года № 109/Н наградили орденом Отечественной войны первой степени артистку Русланову и приказом от 10 сентября 1945 года № 94/Н — разными орденами и медалями группу артистов в количестве 27 человек. Как Русланова, так и другие награжденные артисты не имеют никакого отношения к армии. Тем

самым, тт. Жуков и Телегин допустили крупное нарушение указа президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 года „Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР“, караемое, согласно указу, тюремным заключением сроком от 6 месяцев до 2 лет.

Для того чтобы скрыть противозаконное награждение Руслановой, в приказе от 24 августа были придуманы мотивы награждения Руслановой якобы „за активную личную помощь в деле вооружения Красной Армии новейшими техническими средствами“, что представляет из себя явную фальсификацию, свидетельствует о низком моральном уровне Жукова и Телегина и наносит ущерб авторитету командования.

Сама обстановка награждения Руслановой и вручение ей ордена в присутствии войск во время парада частей 2-го кав. корпуса (им тогда командовал муж Л. А. Руслановой, генерал-лейтенант В. В. Крюков. — *Ю. Ж.*) представляло постыдное зрелище и еще более усугубляет вину тт. Жукова и Телегина.

ЦК ВКП(б) считает, что т. Телегин, как член военного совета группы войск, несет особую ответственность за это дело, и та политическая беспринципность, которую он при этом проявил, характеризует его как плохого члена партии.

Учитывая изложенное и выслушав личные объяснения тт. Жукова и Телегина, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Тов. Жукову Г. К. объявить выговор.

2. Тов. Телегина К. Ф. перевести из членов ВКП(б) в кандидаты.

3. Принять предложение т. Булганина об освобождении т. Телегина от политической работы в армии и увольнении из Вооруженных Сил.

4. Войти в президиум Верховного Совета СССР с предложением об отмене награждения артистки Руслановой, а также других артистов в количестве 27 человек, поименованных в приказе Жукова и Телегина № 94/Н»[571].

Так удалось реальную жизнь подогнать под схему только что созданного второго, значительно расширенного, варианта «Краткой биографии» Сталина, появившейся в продаже именно в феврале 1947 года. Книги, написанной коллективом авторов под руководством Г. Ф. Александрова (что, впрочем, не избавило его от падения), утверждавших как незыблемую истину: Сталин — это «мудрый полководец, с именем которого на устах шли в бой советские войска, предвидел развитие событий и подчинил своей воле ход гигантского сражения». Книги, в которой имена других полководцев упоминались лишь раз — как «подобранных, воспитанных и выдвинутых» все тем же Сталиным, да еще в таком перечне, отнюдь не алфавитном, где первое место отвели Булганину, а Жукову — только пятое[572].

Лично же Сталину удалось гораздо большее — переиграть своих возможных оппонентов в узком руководстве. Сначала добился элементарного, арифметического большинства в «восьмерке». Его всегда, в любом случае поддержали бы Микоян, Жданов, Вознесенский, Булганин против Молотова, Берия, Маленкова, даже не учитывая более чем возможного перехода на его сторону кого-либо из последних. А затем обезопасил себя и тем, что обеспечил явно неминуемую вскоре замену Жданова. 17 сентября А. А. Кузнецову поручил курирование МГБ, что перед тем составляло прерогативу самого Сталина[573]. Доверил само существование «девятки» (судя по косвенным данным, в тот же день Кузнецова ввели и в этот, высший круг власти), ПБ, БСМ. Ведь МГБ не только охраняло всех членов руководства, но и обеспечивало их всем необходимым — квартирами и дачами, машинами и мебелью, одеждой и едой.

Сталин тем самым подготовился к любой неожиданности, к любому, самому неблагоприятному для СССР и себя лично, повороту событий. Мог при необходимости ужесточить свой курс, отказавшись от прежних взглядов, заявлений. Мог принять любое, самое

неожиданное решение, отвечающее только его видению и оценке ситуации, не опасаясь ничего.

Глава двадцатая

Когда Трумэн выступал в конгрессе США и назвал «захваченными» Советским Союзом страны Восточной Европы, он вроде бы был не так уж и далек от истины. Во всяком случае, в Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии действительно прошли первые волны арестов, но которые лишь с огромной натяжкой можно было рассматривать как политические репрессии. На самом деле они пока носили иной характер. Затронули относительно небольшие, в 30–60 человек, группы, обвиняемые в «монархизме» (Венгрия), «сепаратизме» (Румыния), «терроризме» (Польша). Отнюдь не свидетельствовали о насильственной советизации, полном подчинении Москве.

Сталин не торопил события. Оставался приверженцем мирного сосуществования. Недавно, в канун 1946 года, дал интервью Элиоту Рузвельту для журнала «Лук», перепечатанное «Правдой» 23 января, пытаясь донести свои взгляды до Белого дома.

«Вопрос: Считаете ли вы возможным для такой демократии, как Соединенные Штаты, миролюбиво жить бок о бок в этом мире с такой коммунистической формой государственного управления, которая существует в Советском Союзе, и что ни с той, ни с другой стороны не будет предприниматься попытка вмешиваться во внутренние дела другой стороны?

Ответ: Да, конечно. Это не только возможно. Это разумно и вполне осуществимо. В самые напряженные времена в период войны различия в форме правления не помешали нашим двум странам объединиться и победить наших врагов. Еще в большей степени возможно сохранение этих отношений в мирное время.

…Вопрос: Считаете ли вы, генералиссимус, что важным шагом на пути к всеобщему миру явилось бы достижение широкого экономического соглашения о взаимном обмене промышленными изделиями и сырьем между нашими двумя странами?

Ответ: Да, я полагаю, что это явилось бы важным шагом на пути к установлению всеобщего мира. Конечно, я согласен с этим. Расширение мировой торговли во многих отношениях благоприятствовало бы развитию добрых отношений между нашими двумя странами.

…Вопрос: Считаете ли вы полезным созыв нового совещания Большой тройки для обсуждения всех международных проблем, угрожающих в настоящее время всеобщему миру?

Ответ: Я считаю, что должно состояться не одно совещание, а несколько совещаний. Если бы состоялось несколько совещаний, они послужили бы весьма полезной цели…

…Вопрос: Чему вы приписываете ослабление дружественных связей и взаимопонимания между нашими двумя странами со времени смерти Рузвельта?

Ответ: Я считаю, что если этот вопрос относится к связям и взаимопониманию между американским и русским народами, то никакого ухудшения не произошло, а, наоборот, отношения улучшились. Что касается отношений между двумя правительствами, то затем поднялся большой шум, начали кричать о том, что в дальнейшем отношения еще больше ухудшатся, но я не вижу здесь ничего страшного в смысле нарушения мира или военного конфликта. Ни одна великая держава, даже если ее правительство и стремится к этому, не могла бы в настоящее время выставить большую армию для борьбы против другой великой державы, ибо в настоящее время никто не может воевать без своего народа, а народ не хочет воевать. Народы устали от войны. Кроме того, нет никаких понятных целей, которые бы оправдали бы новую войну. Никто не знал бы, за что он должен бороться, и поэтому я на вижу ничего страшного в том, что некоторые представители правительства Соединенных Штатов говорят об ухудшении отношений между ними. В свете этих соображений я полагаю, что угроза новой войны нереальна».

Даже после речи Трумэна в конгрессе Сталин не утратил надежды добиться взаимопонимания с Вашингтоном и Лондоном и благодаря тому получить возможность вести Советский Союз мирным курсом. Беседуя 9 апреля 1947 года с одним из лидеров республиканской партии США, Гарольдом Стассеном, вновь заявил о приверженности мирному сосуществованию. «Советскую систему называют тоталитарной или диктаторской, а советские люди называют американскую систему монополистическим капитализмом. Если обе стороны начнут ругать друг друга монополистами или тоталитаристами, то сотрудничества не получится. Надо исходить из исторического факта существования двух систем, одобренных народом. Только на этой основе возможно сотрудничество»[574].

Изменило, и самым решительным образом, отношение узкого руководства к США вторая, весьма важная внешнеполитическая акция администрации Трумэна. 5 июня новый госсекретарь, занявший эту должность только в январе, Джордж К. Маршалл выступил в Гарвардском университете (Бостон) с развернутым планом оказания экономической помощи тем странам Европы, которые в ней нуждались.

Правительства Великобритании, Франция, Италии, ряда других государств сразу же поддержали эту идею. Решили провести в Париже, 12–16 июля, Европейское экономическое совещание и предложили принять в нем участие Советскому Союзу, странам Восточной Европы. Столь неожиданная перспектива и заставила узкое руководство после длительных колебаний избрать окончательный курс. Определить, какой же должна стать в ближайшем обозримом будущем политика СССР — направленной на широкое международное сотрудничество или изоляционистской?

Поначалу Кремль склонялся в пользу первого варианта. На парижском совещании министров иностранных дел Франции, Великобритании и Советского Союза, созванном 27 июня для выработки общего отношения к плану Маршалла, глава советской делегации Молотов однозначно занял положительную позицию. А 30 июня даже внес на рассмотрение коллег такое предложение: «Совещание министров иностранных дел Франции, Великобритании и СССР признает важное значение задачи ускорения восстановления и дальнейшего развития нарушенной войной национальной экономики европейских стран и считает, что выполнение этой задачи было бы облегчено предоставлением со стороны Соединенных Штатов Америки экономической помощи, о которой государственный секретарь США г-н Маршалл сделал заявление 5 июня… Считает целесообразным… создать Комитет содействия» для получения заявок от европейских стран и составления на их основе сводной программы[575].

Но в конечном итоге и в самый последний момент выбор пал на второй, негативный вариант возможного решения. В Кремле, видимо, так и не смогли смириться с неминуемой, как казалось, потерей престижа великой державы, с предуготовленной для СССР в случае принятия плана Маршалла ролью младшего, опекаемого и зависимого партнера. Несомненна и иная причина, обусловившая именно такой выбор. Узкое руководство, несомненно, сознавало, что восстанавливая народное хозяйство и одновременно направляя огромные средства на разработку новых видов вооружений, больше не может, как это было совсем недавно, всего лишь до войны, опираться только на собственные силы. Вынуждено рассчитывать на помощь США либо максимально использовать экономический потенциал новообретенных союзников, их индивидуальную мощь и сырьевые ресурсы. Но, вместе с тем, оно не могло не понимать, что помощь по плану Маршалла неизбежно вынудит восточноевропейские страны в конце концов отказаться от ориентации исключительно на СССР в пользу общеевропейской интеграции[576].

Жребий был брошен, скорее всего, 1 июля, ибо именно на следующий день, видимо, не без императивной «подсказки» из Москвы, Молотов объявил о невозможности для советской делегации участвовать в дальнейшем в парижском совещании. А заодно обвинил Великобританию и Францию в стремлении расколоть Европу «на две группы государств»,

следствием чего явятся «новые затруднения между ними». «В этом случае, — подчеркнул Вячеслав Михайлович, — американские кредиты будут служить не делу экономического восстановления Европы, а делу использования одних европейских стран против других европейских стран в том смысле, как это будут считать для себя выгодным некоторые сильные страны, стремящиеся к мировому господству»[577]. Под сильными странами Молотов, скорее всего, имел в виду США, однако прямо так и не назвал их.

Следующим шагом Кремля стала демонстрация собственной силы, возможности, если потребуется, быстро создать восточный блок в противовес западному. Достаточно явным подтверждением того можно считать согласованную, что не вызывает сомнений, акцию — заявленный практически одновременно, 9 и 10 июля, категорический отказ Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Финляндии, Чехословакии и Югославии от участия в Парижском экономическом совещании. Так советское руководство сделало встречный шаг на пути, ведшем к расколу мира, к конфронтации, к холодной войне. Но не располагая реальными возможностями для соревнования с Западом в наиболее очевидном, самом существенном — в жизненном уровне населения, в насыщении быта и труда техникой, но все же само обрекшее себя на состязание, оно неминуемо и практически сразу же пришло к единственно посильному — к «идеологической борьбе». К безудержному, зачастую голословному осуждению западного образа жизни, западной политики и к такому же восхвалению всего «социалистического», «советского».

Выполнение такой задачи выпало не столько на УПиА, собственно, и существовавшего только ради этого, сколько на различные «общественные», вроде бы «независимые» структуры. Решением ОБ от 31 июля «Литературную газету» преобразовали из чисто литературной в «общественно-политическую и литературную». Оставили, но только формально, органом правления ССП СССР, хотя значительно расширили ее задачи. Включили в их число «разоблачение реакционной сущности современной буржуазной культуры», постоянную борьбу «со всеми проявлениями низкопоклонства перед Западом», «освещение вопросов советской демократии и показ ее превосходства над антинародной буржуазной демократией». Фактически же главной целью «Литературной газеты» должны были явиться: «Мобилизация общественного мнения во всем мире (так! — *Ю. Ж.*) против поджигательной войны, против буржуазных теорий расового превосходства и господства, против всех идеологических агентов империализма. Разоблачение буржуазной лжи и клеветы на советский народ, его социалистическое государство, его культуру… лженаучных теорий и борьба со всеми искажениями учения Ленина — Сталина».

Дабы усилить воздействие газеты на читателей, в основном интеллигенцию, ее тираж увеличили в десять раз — довели до 500 тысяч экземпляров, изменили и периодичность — с одного до двух раз в неделю, а редакции позволили иметь собственных зарубежных корреспондентов в одиннадцати странах, в том числе и США, Великобритании, Франции, Германии, Китае, Японии[578].

Преобразовывая «Литературную газету», узкое руководство стремилось к созданию подчеркнуто неправительственного органа, который мог бы себе позволить выражать мнение, якобы не отвечающее или не во всем совпадающее с мнением партия и правительства. Сталин же пытался воплотить в явь свою мечту об органе для острастки и «своих» и «чужих». По свидетельству писателя и драматурга Константина Симонова, на заседании ОБ 27 августа Иосиф Виссарионович настойчиво советовал редакции газеты «быть в некоторых вопросах острее, левее нас… расходиться в остроте постановки вопросов с официально выраженной точкой зрения. Вполне возможно, что мы иногда будем критиковать за это „Литературную газету“, но она не должна бояться этого, несмотря на критику, должна продолжать делать свое дело»[579]. Однако несколько позже писатель и публицист Илья Эренбург, достаточно явно выражая отнюдь не свою позицию, высказал цель газеты более откровенно. Она должна «воспитать ненависть к нашим сегодняшним недоброжелателям», — сказал он на одном из

совещаний в ССП. «Какова должна быть основная мишень? Ясно, Америка и американский образ жизни, который американцы стараются навязать миру»[580].

Первый номер кардинально измененной «Литературной газеты» вышел в установленный ОБ срок, 20 сентября. Содержал беспрецедентный по оскорбительному тону памфлет писателя Бориса Горбатова «Гарри Трумэн», тут же вызвавший обмен резкими нотами между США и СССР. Было в номере и открытое письмо «С кем вы, американские мастера культуры?», подписанное Вандой Василевской, Всеволодом Вишневским, Борисом Горбатовым, Валентином Катаевым, Александром Корнейчуком, Леонидом Леоновым, Николаем Погодиным, Константином Симоновым, Александром Твардовским, Александром Фадеевым, Константином Фединым, Михаилом Шолоховым. В нем же, в частности, утверждалось: «Мы просим вас задуматься над тем, что после окончания войны с фашизмом именно в вашей стране нашлись люди, которые, облекая это в другие внешние формы, по существу проповедуют и все больше осуществляют на практике те самые бесчеловечные идеи, которые проповедовал и осуществлял разбитый нашими народами фашизм».

В следующем номере, за 24 сентября, антиамериканская кампания усилилась, стала совершенно отчетливой. Выразилась в статьях Вс. Вишневского «Фашистский легион в Америке», Дм. Заславского «Простые люди мира аплодируют Вышинскому», В. Василевской «Эрнст Бевин или сказка не о Золушке», Н. Погодина «Шейлок с Уолл стрит» (о Джордже Маршалле), И. Эренбурга «Заметки писателя» («Мы не одни, — писал он, — в той духовной войне, которую нам объявили белокожие черносотенцы Америки»). Затем газета стала систематически выступать против низкопоклонства перед Западом, сделав первой своей жертвой президента АН БССР генетика А. Р. Жебрака, буржуазных националистов Украины. Почувствовав полную безнаказанность, главный редактор «Литературной газеты» В. В. Ермилов позволил себе нападки даже на руководство ССП СССР — на А. Фадеева, К. Симонова, А. Твардовского. Затем открыто поддержал «агробиологическую науку» Лысенко…

Не желая сжечь за собой все корабли, пытаясь оставить пути к отступлению — к примирению, к прежним, дружественным отношениям с США, ведение антиамериканской кампании узкое руководство возложило и на еще одну формально общественную организацию. На бывшее Всесоюзное лекционное бюро при министерстве высшего образования, преобразованное 2 января 1947 года по решению ПБ во Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний[581]. Обращение с призывом к его созданию — «ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза» было опубликовано центральной прессой 1 мая, а уже 13 мая заявил о себе некий оргкомитет общества. Включил он президентов академий наук: СССР — С. И. Вавилова, УССР — А. В. Палладина, КазССР — К. И. Сатпаева, ГССР — Н. И. Мусхелишвили, сельскохозяйственной СССР — Т. Д. Лысенко; академиков П. Г. Бруевича, Е. С. Варгу, Е. В. Тарле, Б. Д. Грекова, И. И. Артоболевского, А. И. Опарина, И. И. Минца, И. С. Галкина; зампреда БСМ СССР А. А. Вознесенского, секретаря ВЦСПС Н. В. Попову, министра высшего образования СССР С. Ф. Кафтанова, председателя Всеславянского комитета генерал-майора М. Р. Галактионова, других[582]. С осени 1947 года под их неустанным контролем, по апробированным, обязательно опубликованным в виде брошюр текстам, лекторы нового общества и начали действовать. Объяснять причину разрыва со вчерашними боевыми союзниками, США и Великобританией — почему и как они стали врагами советского народа. Убеждать население, особенно сельское, лишенное почти повсеместно радио и газет, в правоте позиции только СССР, только советского государственного и большевистского руководства.

Наконец, те же практически цели преследовал Кремль и при создании осенью все того же, 1947 года, Информационного бюро коммунистических партий или, как его чаще именовали, Коминформа.

Еще 4–6 июля, несмотря на уже заявленную собственную твердую позицию по отношению к плану Маршалла, узкое руководство рекомендовало восьми восточноевропейским странам направить свои делегации для участия в Парижском экономическом совещании, не обязательно принимая предлагаемую программу помощи. Но в ночь на 7 июля в столицы этих стран была направлена телеграмма, потребовавшая отказа от поездки в столицу Франции[583].

Внезапный поворот на 180° в отношениях СССР с Западом логически вызвал и пересмотр курсов компартий семи стран (Финляндию решено было не затрагивать предстоящими действиями). Прежде всего, значительную корректировку ранее, в 1944 — первой половине 1947 годов, приветствуемого и поддерживаемого Москвой «национального пути к социализму». Концепции, которая базировалась не на революционном, а на мирном переходе к новому строю с помощью парламентаризма, широких демократических блоков, в своей основе повторяла идею народного фронта. Вместе с тем, необходимость подобного пересмотра внутренней политики и тактики обуславливалась и собственными интересами самих компартий восточноевропейских стран. Их должны были серьезно насторожить, даже внушить страх за будущее положение, поражения коммунистов на выборах в мае 1947 года во Франции и Италии, лишившихся там министерских портфелей, а также усиление влияния мелкобуржуазных и социал-демократических партий в собственных странах.

Наконец, вызвать беспокойство и смену взгляда Москвы на Парижское экономическое совещание без каких-либо конкретных предложений о путях совместного выхода из кризисного состояния, в котором пребывали промышленность и сельское хозяйство далеко не только Восточной Европы.

Впервые идея созыва совещания ряда компартий была предложена Польшей, но детально обоснована в записке, подготовленной 15 августа отделом внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б), возглавляемым Сусловым. После согласования ее основных положений сначала со Ждановым, а затем и со Сталиным, на свет появился еще один документ ОВП — «О международных связях ВКП(б)». В нем уже категорически выражалась мысль о необходимости незамедлительного создания международной коммунистической структуры[584].

После всех требовавшихся уточнений 22 сентября 1947 года в небольшом польском курортном городке Шклярска Поремба, расположенном примерно в 100 км к западу от Вроцлава, вблизи штаба Северной группы войск советской армии, открылось совещание компартий девяти стран: Болгарии, Венгрии, Италии, Польши, Румынии, СССР, Франции, Чехословакии и Югославии. На деле оно свелось к анализу ошибок, допущенных коммунистами Италии и Франции, к оценке ситуации, сложившейся в восточноевропейских странах — перечислению далеко не бесспорных успехов и трудностей, а также к ставшим не просто основными, но программными докладам, сделанным Маленковым — о деятельности ВКП(б), и Ждановым — о международном положении.

Решающим для совещания оказался доклад Жданова. Именно в нем после практически более чем десятилетнего перерыва возродилась, вернув себе значимость непререкаемой доктрины, концепция двух лагерей: «капиталистического» и «социалистического». При этом в последний помимо СССР были включены и восточноевропейские страны, за исключением Финляндии, названные «миролюбивыми», «демократическими», «странами новой демократии». Поражение компартий Италии и Франции на выборах, чему Жданов уделил весьма много внимания, объяснялось результатом «нового похода» империализма, стремлением США «закабалить Европу». Но самое главное, ключевое, содержалось в неопубликованной части последнего, четвертого раздела, посвященного «Руководящей роли компартий в деле сплочения всех демократических антифашистских миролюбивых элементов в борьбе против новых планов войны и агрессии». Его главный тезис повторял достаточно старый, широко использовавшийся Коминтерном в 20-е — первой половины 30-х годов:

«Поскольку во главе сопротивления новым попыткам империалистической экспансии стоит Советский Союз, братские компартии должны исходить из того, что укрепляя

политическое положение в своих странах, они одновременно заинтересованы в укреплении мощи Советского Союза как главной опоры демократии и социализма. Эту политику поддержки Советского Союза, как ведущей силы в борьбе за прочный и длительный мир, в борьбе за демократию, компартиям следует проводить честно и открыто. Надо со всей силой подчеркнуть, что усилия, направленные на укрепление СССР со стороны братских компартий, совпадают с коренными интересами их стран. Нельзя признать правильным постоянное подчеркивание некоторыми деятелями братских компартий своей независимости от Москвы. Дело не в независимости, потому что Москва никого не ставила и не желает ставить в зависимое положение. Нарочитое подчеркивание этой „независимости" от Москвы, „отречение" от Москвы по сути означает угодничество, приспособленчество, подыгрывание тем, кто считает Москву врагом. Компартии не должны бояться заявлять полным голосом, что они поддерживают миролюбивую и демократическую политику Москвы, не должны бояться заявлять, что политика Советского Союза соответствует интересам других миролюбивых народов»[585].

Но, казалось бы, неизбежный отсюда вывод — о полной консолидации, в том числе и организационной, международного коммунистического движения наподобие Коминтерна, так и не последовал. Более того, даже в дни работы совещания в узком руководстве продолжалась борьба сторонников «мягкого» и «полужесткого» решений. В своем вступительном докладе 22 сентября Маленков говорил лишь об «усилении связи между компартиями», «установлении между ними постоянного контакта в целях взаимного понимания и координации действий». Несколько позже, из Москвы, 25 сентября Молотов настаивал на образовании Информбюро «без функций координации». Сталин же телеграфно сообщил Жданову свое особое мнение — не ограничиваться информационными функциями новой организации. В конце концов, и далеко не без воздействия представителей ряда компартий, восторжествовал компромисс. Участники встречи согласились с тем, чтобы «на Информационное бюро возложить задачу организации обмена опытом и, в случае необходимости, координации деятельности компартий на основах взаимного согласия»[586].

Подчеркивало именно такое решение и то, что вскоре, в октябре, Москва категорически отвергла попытки создать аналогичные по сути региональные организации компартий: североевропейскую, ближневосточную, азиатскую[587].

И все же некоторые участники совещания в Шклярской Порембе сумели добиться весьма выгодных для себя, хотя и довольно своеобразных результатов. Вдохновленные содержавшимся в докладе Жданова призывом к радикальным действиям без малейшей оглядки на мнение или реакцию Запада, они насильственно устранили с политической сцены наиболее опасных своих соперников — пользовавшиеся широкой поддержкой населения партии, входившие вместе с коммунистами в национальные фронты. А после того и изменили государственное устройство своих стран, что, разумеется, принесло преимущество только им. То есть совершили квазиреволюцию.

В Болгарии еще в июне была арестована группа руководящих деятелей Болгарского земледельческого народного союза во главе с ее лидером Николой Петковым. Процесс над ними послужил предлогом сначала для роспуска этой партии, а вслед за тем и для внеочередных парламентских выборов. Они-то и позволили коммунистам получить около 60 % голосов, а Отечественному фронту в целом — 78,3 %. Опираясь на полученное абсолютное большинство в законодательном органе страны, болгарская компартия сумела 4 декабря 1947 года утвердить и удобную, выгодную для дальнейших перемен новую конституцию.

В Венгрии, также летом — 30 мая, находившийся на отдыхе в Швейцарии премьер-министр Ференц Надь, представлявший партию мелких сельских хозяев (ПМСХ), опасаясь возможного ареста, заявил об уходе в отставку и своем невозвращении на родину. Сменивший его на посту главы кабинета Лайош Диньеш также являлся, по соглашению о Национальном фронте независимости, членом ПМСХ. Зато коммунисты в новом составе правительства сумели

получить важнейшие, ключевые посты: Матиаш Ракоши — заместителя премьера, Ласло Райк — министра внутренних дел, Иштван Рис — министра юстиции. Но даже и при таком, максимально благоприятном положении, венгерская компартия на проведенных 31 августа выборах в парламент добилась всего 21,8 % голосов, в то время, как ПМСХ — 15,2 %, а социал-демократы — 14,6 %. Изменить ситуацию удалось лишь в июне 1948 года, благодаря слиянию коммунистической и социал-демократической партий в Венгерскую партию трудящихся, сразу же получившую значительный перевес над всеми остальными политическими группами, и входившими в Национальный фронт, и оппозиционными.

В Румынии отправной точкой изменений также послужили политические репрессии. 16 июля в Бухаресте было объявлено о раскрытии «антидемократического заговора», якобы организованного царанистами и их лидером, членом правительства Юлиу Маниу. Это позволило уже две недели спустя, даже до суда и вынесения приговора, запретить национал-царанистскую партию, а в ноябре заодно еще и национал-либеральную. Устранив таким образом соперников, компартия настояла 30 декабря 1947 года на отречении короля Михая I от престола, отмене конституции и роспуске парламента. Взамен их стали действовать назначенный ею же президиум Румынской народной республики в составе беспартийных К. Пархона, М. Садовяну, Ш. Войтека, Г. Стере, Н. Никула и практически однопартийное правительство коммуниста Петру Гроза.

Несколько позже сходную акцию, но с совершенно иными побудительными причинами, провели и в Чехословакии. Там 20 февраля 1948 года двенадцать министров в знак несогласия с политикой, проводимой премьером, коммунистом Клементом Готвальдом, подали в отставку. В соответствии с конституцией, в таком случае должна была последовать отставка и всего кабинета. Однако пять дней спустя оставшиеся члены правительства — коммунисты просто заполнили образовавшиеся вакансии своими сторонниками. 9 мая они организовали принятие новой конституции, а в июне Готвальд сменил Эдуарда Бенеша на высоком посту президента.

Экономические проблемы, остававшиеся так и не решенными вследствие отказа от плана Маршалла, всем восточноевропейским странам пришлось начать решать за счет прямой советской помощи. Заключением с СССР двухсторонних договоров: торгового — 11 декабря 1947 года Чехословакией; о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи — 4 февраля 1948 года Румынией, 18 февраля Венгрией, 18 марта Болгарией, 6 апреля Финляндией. Польша и Югославия аналогичные, почти однотипные соглашения подписали гораздо раньше, еще в 1945 году.

…Столь же кардинально пришлось изменить узкому руководству и всю свою внешнюю политику. Утвердившись окончательно в Восточной Европе, отказаться от старых планов для других регионов, прилегающих к советской границе. Прекратить требования от Турции пересмотра режима мореплавания в Черноморских проливах. Ввязаться заведомо безрезультатно в гражданскую войну в Греции. Не только открыто, в ООН, защищать коммунистов-партизан, но и начать нелегально, через Югославию, снабжать оружием армию образованного 24 декабря 1947 года повстанческого временного народно-демократического правительства Свободной Греции.

Пришлось узкому руководству и смириться с провалом всех своих акций в Иране. Бездействовать, когда 10 декабря 1946 года правительственные войска начали наступление против автономных Южного Азербайджана и Северного Курдистана, молча снести весной 1947 года казни лидеров этих, организованных Москвой, движений, и лишь подчеркнуто нейтрально сообщить о переходе на территорию СССР остатков сил курдских автономистов во главе с шейхом Мустафой Барзани. Практически никак не отреагировать на предоставление США летом 1947 года кредита Тегерану в размере 25 млн. долларов на перевооружение армии, а 22 октября — на отказ меджлиса Ирана ратифицировать заключенный за полтора года до того договор с СССР о разведке и добыче нефти.

И все же национальные интересы Советского Союза требовали незамедлительных ответных действий. Любых. Вынуждали использовать какие угодно средства ради одного — обеспечения безопасности страны прежде всего на самом опасном, южном фланге, прикрытием Закавказья. Добиваться теперь уже не превращения Турции и Ирана в союзников или хотя бы просто дружественные страны, а нейтрализации их, вывода из-под прямого влияния США и Великобритании. А потому Кремль решил отвлечь внимание Вашингтона и Лондона, заставить их глубоко увязнуть в каком-либо региональном конфликте, в причастности к которому трудно было бы заподозрить СССР. Для этой же цели лучше всего подходил Ближний Восток — одна из самых чувствительных точек мировой экономики. Вот уже четверть века он являлся ареной ожесточеннейшего соперничества за контроль над нефтяными полями Ирака, южного побережья Персидского залива, Саудовской Аравии. Здесь, как небезосновательно полагало узкое руководство, противоречия интересов США и Великобритании должны были оказаться сильнее их «атлантической» солидарности. К тому же именно на Ближнем Востоке давно назревал и столь нужный конфликт — в Палестине, британской подмандатной территории.

Проблема создания еврейского очага на библейской земле Израиля, отошедшая с началом Второй мировой войны на дальний план, после разгрома Германии вновь стала актуальной. Ведь с отъездом на «историческую родину» связывали свои судьбы сотни тысяч евреев, оказавшихся в лагерях перемещенных лиц в американской и британской зонах оккупации. Между тем Великобритания, вынужденная считаться прежде всего с мнением арабских стран — своих союзников, и особенно — Ирака и Саудовской Аравии, ограничила въезд евреев в Палестину. Установила для них жесткую квоту — не больше 18 тысяч человек в год. В то же время еврейские организации США настойчиво требовали от Трумэна воздействовать на британского премьера Эттли, добиться от того разрешить немедленный въезд на землю обетованную сразу 100 тысячам евреев.

Трумэн, как позже он признался в мемуарах, поддался нажиму. Прямому, во время встреч с руководителями сионистских организаций. Косвенному, через национальный комитет демократической партии. И обратился 31 августа 1945 года к Эттли с письмом, настаивая на разрешении въезда в Палестину сразу 100 тысяч евреев — перемещенных лиц[588]. На эту, и без того достаточно трудную проблему, наложилась и еще одна — спор о политическом будущем Палестины. Разногласия по поводу того, быть или не быть там независимому еврейскому государству. Создававшиеся дважды для выработки совместной позиции по этому вопросу англо-американские комиссии так и не сумели придти к общему мнению. Великобритания, не желавшая конфликта с арабскими странами, настаивала на принятии выработанного Гербертом Моррисоном, министром внутренних дел и национальной безопасности в кабинете Черчилля, плана «провинциальной автономии»: образования в Палестине трех автономных территорий — арабской, еврейской и Иерусалима, находящегося под прямым контролем центрального правительства.

Аналогичную позицию заняла британская делегация и на второй Конференции круглого стола по Палестине, проходившей в Лондоне в сентябре-октябре 1946 и январе-феврале 1947 годов. Правда, теперь к плану Моррисона был добавлен для возможности выбора еще и план министра иностранных дел Бевина. Он же предлагал «кантонизацию» — еще большее дробление Палестины на небольшие зоны компактного проживания арабов и евреев. Как и следовало ожидать, против обоих планов выступили и представители арабского населения Палестины, и Еврейское агентство. Последнее признавало только одно решение: немедленное объявление британским правительством создания еврейского государства. Независимого. Арабы же не менее твердо выступали и против создания еврейского государства даже в форме автономии или кантонов, и против дальнейшего въезда евреев в Палестину.

Невозможность добиться компромисса оказалась столь очевидной, что Великобритания решила вообще устраниться от решения вопроса, из-за которого она подвергалась нападкам и

со стороны США (в феврале Трумэн вновь потребовал впустить в Палестину сразу 100 тысяч евреев), и со стороны арабских стран. 2 апреля 1947 года постоянный представитель Великобритании в ООН и Совете безопасности Александр Кадоган передал заместителю генерального секретаря ООН просьбу своего правительства включить палестинский вопрос в повестку дня ближайшей сессии Генеральной ассамблеи.

В то же самое время в Москве, в аппарате ЦК ВКП(б), решалась судьба Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Его создали осенью 1941 года с единственной задачей — служить всего лишь одним из многих инструментов внешнеполитической пропаганды. Вместе с Совинформбюро, антифашистскими комитетами советских женщин, советской молодежи, советских ученых, ЕАК должен был в материалах для иностранной прессы «показать еврейским массам за рубежом, как надо бороться с фашизмом», «мобилизовать общественные симпатии вокруг беспрецедентной борьбы народов Советского Союза»[589].

Возглавив в апреле 1946 года ОВП ЦК, М. А. Суслов начал работу с того, с чего обычно начинают все, получившие в ведение новый для себя, совершенно незнакомый и огромный аппарат. Стал знакомиться с деятельностью всех подразделений ОВП, в том числе и с находившимися в двойном подчинении, МИДа и отдела, антифашистскими комитетами. Выяснил, что два из них, женщин и молодежи, быстро сориентировались в изменившейся ситуации. Сочли изначальные задачи выполненными и нашли для себя иные. В конце 1945 года стали ядрами двух новых международных организаций: международной демократической федерации женщин и Всемирной федерации демократической молодежи, активно, по подсказке МИДа и ОВП, направляя их работу в нужное для СССР русло. А еще два, ученых и еврейский, продолжали упорно цепляться за прежние, давно утратившие актуальность функции. Те самые, которые более успешно, профессионально выполняло Совинформбюро.

Получив такую, в общем объективную, без какой-либо примеси антисемитизма, оценку, Суслов полностью согласился с мнением отдела: «ЕАК распустить, а функции по пропаганде возложить на Советское информационное бюро. Газету „Единение“, как орган ЕАК, не оправдывающий свое назначение, закрыть. Вопрос о необходимости существования еврейской газеты для еврейского населения (СССР. — *Ю. Ж.*) передать на рассмотрение отдела печати Управления пропаганды». Считая, что вопрос достаточно прост, Суслов 23 сентября 1946 года обратился к Жданову с просьбой внести на рассмотрение секретариата предложение ОВП о роспуске ЕАК[590]. Но встретив решительный отказ, решил все Же добиться своего, прибегнув к хорошо знакомым ему «аппаратным играм».

Трудно предположить, что судьбою ЕАК совершенно случайно буквально в те же самые дни заинтересовались еще два ведомства. Мало того, пришли сами, как бы независимо друг от друга, к тому же мнению, что и Суслов. А именно такими по содержанию оказались две записки. Первая — «О националистических и религиозно-мистических тенденциях в советской еврейской литературе», направленная 7 октября заведующим отделом печати УК М. И. Щербаковым своему шефу, А. А. Кузнецову. В ней резко критиковались стихи и проза членов ЕАК П. Маркиша, И. Фефера, Д. Бергельсона, других писателей и поэтов, писавших на идише. Негативную оценку получила и газета «Эйникайт» («Единение») за публикацию этих произведений. В заключение же речь велась почему-то о ЕАК в целом, «который проявляет неразборчивость в посылке за границу произведений советских авторов», и делался вывод: отдел «считает целесообразным обсудить вопрос… на секретариате»[591].

Спустя пять дней, 12 октября, на свет появилась вторая записка — «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Подписанная лично министром госбезопасности В. С. Абакумовым, она повторяла смысл предыдущего документа и предлагала все то же предложение — рассмотреть судьбу ЕАК на секретариате и распустить его[592].

Заручившись столь серьезной поддержкой, Суслов возобновил натиск. 19 ноября 1946 года направил всем членам ПБ пространную, на 17 машинописных страницах, очередную

записку, посвященную ЕАК. В ней безапелляционно утверждал, что деятельность ЕАК «приобретает все более сионистско-националистический характер и потому является идеологически вредной и нетерпимой». Доказав такую оценку примерами, предложил в качестве единственно возможной меры: «Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) считает дальнейшее существование Еврейского антифашистского комитета в СССР нецелесообразным и политически вредным и вносит на ваше рассмотрение предложение о его ликвидации»[593].

Под давлением столь весомых аргументов, да еще отчетливо понимая значимость мнения министра госбезопасности, Жданов изменил свое первоначальное решение отложить на неопределенное время определение судьбы ЕАК. Однако, не желая упускать инициативу из своих рук, проект постановления поручил подготовить начальнику УПиА Г. Ф. Александрову. Тому человеку, который сможет составить необходимые документы так, как желательно ему, Жданову, а не Абакумову, Кузнецову или Суслову.

Александров быстро выполнил поручение. 8 января 1947 года направил Молотову, как куратору международных вопросов в ПБ, и А. А. Кузнецову, ответственному за кадры, два документа. Для узкого круга — проект постановления ЦК: «1. В связи с тем, что задачи, поставленные перед Антифашистским комитетом советских ученых и Еврейским антифашистским комитетом, исчерпаны, принять предложение Управления пропаганды и агитации и отдела внешней политики ЦК ВКП(б) о прекращении деятельности этих комитетов. 2. Внести на утверждение Политбюро».

Обосновывалось же такое решение Александровым следующим образом: «В период Великой Отечественной войны Еврейский антифашистский комитет сыграл известную положительную роль, содействуя мобилизации зарубежного еврейского населения на борьбу с немецким фашизмом. С окончанием войны деятельность комитета приобретает все более националистический, сионистский характер, она объективно способствует усилению еврейского буржуазно-националистического движения за границей и подогреванию националистических, сионистских настроений среди части еврейского населения в СССР». Но далее, в отличие от авторов предыдущих записок, Александров снимал с руководства ЕАК ответственность за создавшееся положение, давал ему возможность с честью выйти из игры: «Управление пропаганды и агитации и отдел внешней политики ЦК ВКП(б) вели беседы с председателем Еврейского антифашистского комитета т. Михоэлсом и ответственным секретарем комитета т. Фефером о неправильности установившейся практики в работе комитета в послевоенное время. В ходе этих бесед тт. Михоэлс и Фефер признали задачи комитета исчерпанными».

Опираясь на отмеченную выше договоренность, для возможного гласного использования Александров предложил проект еще одного документа, постановления «О самороспуске Еврейского антифашистского комитета». «В послевоенное время, — говорилось в нем, — когда укрепляются связи советских народов с народами зарубежных стран, в том числе с еврейским населением, через общественные организации — профсоюзные, женские, молодежные, общество культурной связи, — Еврейский антифашистский комитет в СССР считает свои задачи исчерпанными и выносит решение о прекращении своей деятельности»[594].

И вот тогда, когда, казалось бы, судьба ЕАК решилась окончательно и бесповоротно, притом так, что подчеркивались его заслуги и обходились обвинения в национализме, сионизме, вопрос о роспуске так и не был вынесен ни на секретариат, ни на ПБ. Записка Александрова попала к Молотову весьма возможно в тот самый момент, когда к нему поступила информация о подписании турецко-трансиорданского договора и, скорее всего, вынудила искать то, что могло отвлечь внимание Вашингтона и Лондона от Турции и Ирана, а СССР все же проникнуть в регион, хоть и с черного хода. Захватить прочные позиции в тылу у потенциального противника.

Можно допустить и иное. Молотов вспомнил о записке Суслова. Вернулся к ней и нашел там то, что столь настойчиво искал. Указание и на конфликт, которым он мог воспользоваться,

и на канал проникновения. Ведь ЕАК, как услужливо информировал заведующий ОВП, преследуя прямо противоположную цель, имел давние, прочные связи с такими влиятельными организациями, как Всемирный еврейский конгресс, Еврейский конгресс США, «Джойнт», многими иными. В том числе и с действующими в Палестине, что могло оказаться решающим.

Есть и прямое доказательство заинтересованности Молотова делами ЕАК. Начиная с 1947 года у комитета сменили одного из двух кураторов. Сохранили, но лишь по линии ОВП, то есть сугубо открытой, пропагандистской деятельности, Жданова. Но Кузнецова полностью отрешили от надзора за ЕАК. Вместо него появился Молотов. Это бесспорно и однозначно подтверждают все документы, связанные с комитетом. Они либо содержат такие фразы — «в соответствии с указаниями товарища Жданова А. А. и товарища Молотова В. М.», либо несут не менее многозначительные резолюции Жданова — «Согласен. Сообщите т. Молотову»[595].

Однако Суслова, которому формально и подчинялся ЕАК, продолжала беспокоить деятельность комитета — количество и содержание статей, готовившихся тем и направлявшихся за границу для публикации в еврейских газетах преимущественно США и Палестины. Потому он и одобрил очередную записку ОВП (ее подписал и сотрудник УПиА), дал ей ход в июле 1947 года. «Комитет, — отмечалось в ней, — не ведет борьбы против еврейского национализма и сионизма в зарубежных странах. Ни в статьях, посылаемых за границу, ни на страницах издаваемой комитетом газеты „Эйникайт“ („Единение“) не разоблачаются сильно активизировавшиеся в последнее время еврейские националисты всех оттенков и сионисты, не подвергаются критике националистические ошибки еврейских социал-демократических организаций и отдельных их деятелей». Более того, прозрачно намекал текст записки на отсутствие должного сотрудничества ЕАК с МГБ, выполнение установленных для него функций разведки: «Свои связи с зарубежными еврейскими учеными, общественно-политическими и культурными деятелями комитет не использовал с целью получения от них полезной для советского государства научно-технической и политической информации»[596].

Действуя именно таким образом, Суслов, только что утвержденный секретарем ЦК, несомненно стремился настоять на своем первоначальном предложении хотя бы сейчас. Заставить ЕАК, если уж не удалось ликвидировать его, безропотно подчиниться лично ему. Беспрекословно исполнять все его указания. И для того вместе с запиской направил Жданову и проект очередного постановления. Предлагал установить, «что в работе Еврейского антифашистского комитета имеются серьезные политические ошибки и недостатки», потребовать от комитета устранения их и заодно, в тех же целях, радикально изменить его состав. Вместе с тем, Суслов попытался определить задачи ЕАК на будущее: «пропаганда за рубежом достижений Советского Союза… разоблачение антисоветской кампании англо-американских реакционных кругов… получение полезной для Советского Союза информации»[597].

Но опять, как и в январе, мнение Суслова оказалось гласом вопиющего в пустыне. Его предложения просто не стали рассматривать, лишь поручили ЕАК готовить, начиная с августа, для ОВП ежемесячные специальные информационные бюллетени. Только в двух экземплярах, под грифом «строго секретно», объемом в четыре печатных листа — обзоры зарубежной прессы по палестинской проблеме[598].

Тем временем эта самая палестинская проблема вступила в критическую стадию. Вооруженные еврейские организации Хагана и Лехи (группа Штерна) фактически развернули партизанскую борьбу против британских войск и арабского населения, требуя немедленного создания государства Израиль. ООН признал ситуацию угрозой миру в регионе и 28 апреля созвала специальную сессию Генеральной ассамблеи, в повестке дня которой значился только один вопрос — положение в Палестине. Представитель СССР А. А. Громыко выразил твердое убеждение в необходимости пригласить на заседание с совещательным голосом Бен Гуриона, главу делегации Еврейского агентства в США, как одной из двух заинтересованных сторон.

Ведь интересы другой конфликтующей стороны выражали представители арабских стран. Однако советское предложение поддержки не нашло и было отклонено.

Обсуждение проблемы пошло по традиционному пути. Выработку проекта решения передали Первому комитету, рекомендации которого и утвердили 15 мая. Из представителей Австралии, Гватемалы, Индии, Ирана, Канады, Нидерландов, Перу, Уругвая, Швеции (председатель), Чехословакии и Югославии образовали специальную комиссию, на которую возложили подготовку предложений.

Комиссия приступила к работе 26 мая, и к концу своего существования, 31 августа, провела 52 заседания. Четыре в Нью-Йорке, тридцать шесть на Ближнем Востоке и двенадцать в Женеве (с выездом в Германию и Австрию для посещения лагерей перемещенных лиц), где и подготовила окончательные документы. Не один, как предполагалось, а три — из-за непримиримости позиций, невозможности прийти к какому-либо компромиссу. Первый проект плана действий ООН, одобренный всеми, устанавливал прекращение британского мандата на Палестину в самое ближайшее время. Второй, поддержанный большинством, предполагал раздел Палестины на два самостоятельных государства, еврейское и арабское, с выделением Иерусалима в особую интернациональную зону. Третий, за который высказались представители Индии, Ирана и Югославии (представитель Австралии не поддержал ни первый, ни второй) рекомендовал сохранить единство Палестины с двумя автономными образованиями.

Вторая сессия Генеральной ассамблеи открылась 16 сентября, но только 29 ноября состоялось голосование по палестинскому вопросу. Тридцатью тремя голосами «за» (включая СССР, БССР и УССР) при тринадцати «против» (в основном арабские страны) и десяти воздержавшихся (в том числе и Великобритании) была принята резолюция, предусматривающая прекращение британского мандата и создание на территории Палестины к октябрю 1948 года двух независимых государств, еврейского и арабского.

Однако еврейские поселенцы не захотели ждать год ради выполнения всех предусмотренных в таком случае необходимых юридических формальностей. Уже в декабре их боевые организации — Хагана, Иргун, Лехи — начали «необъявленную войну». До официального раздела попытались максимально расширить зону, которой и предстояло стать Израилем. Стали вытеснять арабов из Галилеи, Иудеи, Негева. И готовиться к настоящей войне со странами — участниками Арабской лиги, которые уже не раз открыто заявляли, что не допустят создания в Палестине еврейского государства.

«Конечно же, — вспоминала Голда Меир, — мы были совершенно не готовы к войне. То, что нам так долго удавалось более или менее удерживать в известных границах местных арабов, вовсе не означало, что нам удастся справиться с регулярными армиями. Нам срочно нужно было оружие — если мы сумеем найти кого-нибудь, кто захочет нам его продать»[599].

Да, у будущего Израиля солдаты уже были — около 25 тысяч. Их дала предусмотрительная организация иммиграции. Отправка из лагерей перемещенных лиц в Палестину прежде всего людей призывного возраста. Прошедших военную подготовку либо механиков, водителей. Они-то и могли с успехом противостоять готовящемуся нападению стран Арабской лиги, которые, как вскоре выяснилось, смогли выставить всего 23 тысячи солдат. Будущим израильтянам не хватало только оружия, ввоз которого британские власти запрещали. И все же оружие они нашли. Очень быстро.

Сведения о том начали поступать в разведывательное управление сухопутных войск США уже в январе 1948 года. Американский военный атташе в Ливане майор Стивен Мид сообщил в Вашингтон о регулярных, иногда по несколько раз, ночных посадках самолетов без опознавательных знаков примерно в 50 км к востоку от Бейрута. Позднее, в марте, Миду от своих информаторов удалось узнать, что эти самолеты доставляли оружие и боеприпасы для еврейских боевых организаций. Американцы тогда так и не установили, кто и откуда поставлял оружие в Ливан. Зато в конце марта обнаружили иное. Что из Праги американец Ральф Кокс

на американском транспортном самолете «Скаймастер» начал регулярные рейсы в Палестину. Перевозил чешское оружие и боеприпасы. И делал это при явном содействии местной госбезопасности. Несколько позже в Вашингтоне получили веские доказательства того, что воздушный мост Прага — Палестина не только постоянный, но и действует по двум маршрутам. Одним — прямым, вторым — через юг Франции.

После тщательных проверок этих сообщений директор ЦРУ адмирал Рескоу Хилленкеттер направил 12 апреля Трумэну меморандум. Отметил в нем не только сам факт контрабанды чехословацкого оружия в «район повышенной политической напряженности». Указал, что участие в такой операции американских граждан, использование американских самолетов являются «безответственными действиями», которые могут иметь «неблагоприятные последствия для национальной безопасности США». Президент на меморандум не отреагировал[600].

В своей открыто антиизраильской позиции директор ЦРУ был не одинок. Разделял ее и государственный секретарь Джордж Маршалл, намеревавшийся в июне заявить правительству Чехословакии официальный протест и не сделавший этого только по настойчивой рекомендации посла США в Праге. Тех же взглядов придерживались министр обороны Джеймс Форрестол, заместитель госсекретаря Роберт Ловетт. Более того, еще в середине января 1948 года представитель США в ООН Уоррен Остин прямо заявил: Соединенные Штаты больше не считают резолюцию Генеральной ассамблеи от 29 ноября приемлемой для решения палестинской проблемы; предлагают отказаться от принятого плана и ввести прямую опеку ООН над единой Палестиной. Трумэн, возмущенный явным противодействием своей политике, дезавуировал речь Остина в письменном заявлении[601].

Схожую ситуацию разлада можно было наблюдать в то время и в Москве. 26 марта 1948 года Абакумов, явно не без ведома своего куратора А. А. Кузнецова, направил в ЦК свою вторую по счету записку «О Еврейском антифашистском комитете». Вновь обратил внимание членов ПБ на проповедь членами комитета национализма.

Глава двадцать первая

Палестинская проблема при всей своей значимости не являлась для Кремля главной и, тем более, единственной, ждущей своего разрешения. Несоизмеримо большего внимания, и уже не двух-трех, а всех без исключения членов узкого руководства, притом без малейшего отлагательства, требовало решение той задачи, от которой напрямую зависело дальнейшее развитие страны: восстановление разрушенной промышленности, возрождение хотя бы на довоенном уровне пришедшего в полный упадок сельского хозяйства. Все же это в совокупности при сложившихся крайне неблагоприятных условиях подталкивало к реанимации, использованию в очередной раз достаточно старой и явно изжившей себя идее — построения коммунизма. Ведь только она и позволяла убедить население согласиться или, вернее, примириться скрепя сердце, с продолжением лишений, тягчайших трудностей уже в мирные годы. С сохранением мизерной, не отвечающей нормальному прожиточному уровню, оплатой труда. Неизбежно же вынуждало вернуться к такой идее то, что, как видимо считали творцы подобной перемены идеологического курса, хоть отчасти, на какой-то период возродило бы былой энтузиазм масс. Заставило бы работать не ради сегодняшнего или завтрашнего дня, а лишь во имя абстрактной, весьма отвлеченной цели. Правда, помятуя суровый урок прошлого, на этот раз не решились устанавливать даже приблизительный срок наступления «светлого будущего».

15 июля 1947 года, принимая постановление о подготовке к намеченному XIX съезду новой программы ВКП(б), ПБ поначалу очень осторожно сформулировало новую установку: во второй, «практическо-политической» части документа «должны быть сформулированы основные задания партии с точки зрения развития советского общества к коммунизму в разрезе 20–30 лет»[602]. Однако всего три недели спустя, 6 августа, отважилось на большую конкретизацию, утвердив текст, предложенный Н. А. Вознесенским. «Поручить Госплану

СССР, — отмечало новое постановление, — приступить к составлению генерального хозяйственного плана СССР, примерно на 20 лет, рассчитанного на решение важнейшей экономической задачи СССР — перегнать главные капиталистические страны в отношении размеров промышленного производства на душу населения и на построение в СССР коммунистического общества». Предварительный проект 20-летнего плана следовало представить узкому руководству к 15 января 1948 года[603].

Пока же, достаточно хорошо понимая, что лишь обещаниями население сыто не будет, узкое руководство пошло наконец на давно назревшее, но отложенное из-за последствий страшной засухи. Сделало первый, оказавшийся и единственным, шаг на пути возвращения к нормальной экономике. 13 декабря 1947 года ПБ одобрило работу созданной 27 мая комиссии по денежной реформе (Молотов, Вознесенский, Берия, Жданов, Микоян, Маленков, Косыгин, а также Зверев, Голев, Косяченко) и утвердило совместное постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б), то есть за подписями Сталина и Жданова, «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Установило, в частности: «…передать 14 декабря в 6 часов вечера по радио, а в центральной печати („Правда", „Известия") опубликовать 15 декабря» этот важный документ[604] для того, чтобы устранить любые возможные махинации.

Для всех без исключения жителей страны постановление означало вполне реальное улучшение положения, возможность по твердым, довольно низким ценам (стоимость муки и хлеба одновременно понижалась на 12 %, круп и макаронных изделий на 10 %) свободно, без каких-либо ограничений, покупать необходимые продукты, одежду, обувь, папиросы и сигареты. Именно то, в чем люди и испытывали острый недостаток вот уже шесть лет. Отмена карточной системы и ликвидация порожденных ею «лимитных» магазинов, а вместе с ними и «коммерческих», торговавших по «свободным», точнее — необычайно высоким ценам, стала возможной лишь «благодаря» жесточайшей политики по отношению к колхозам и совхозам. Выколачиванию из них по чисто символическим закупочным ценам и в размерах, устанавливаемых государством, всей их продукции — зерновых и картофеля, мяса и птицы, молока и яиц, шерсти и технических культур. Кроме того, столь же значительную роль сыграло и целеустремленное накопление запасов продовольствия в виде государственных резервов, а также и частичная конверсия, позволившая ряду предприятий вернуться к выпуску товаров широкого потребления.

Для узкого руководства гораздо большее значение имела первая составляющая постановления, денежная реформа. Она на редкость честно, открыто объяснялась необходимостью ради стабилизации, оздоровления финансовой системы страны — ключа к решению всех экономических задач, резко, существенно сократить денежную массу. И ту ее часть, которая появилась из-за инфляционных по сути, неоднократных выпусков за годы войны большого количества денег. И возникшую по вине Германии, печатавшей наряду с явными суррогатами — оккупационными бонами, еще и фальшивые советские червонцы. Именно потому обмен денег проводили двояко. Наличный новый рубль приравнивался к 10 старым, дореформенным. Безналичные, «трудовые сбережения», находившиеся на счетах в сберкассах, по более льготному курсу. При вкладах до 3 тысяч один к одному, от 4 до 10 тысяч — два к трем; свыше 10 тысяч — один к трем. Такой дифференцированный подход фактически не затрагивал интересы подавляющей, весьма бедной части населения. Наносил ощутимый ущерб только обеспеченным, составлявшим явное меньшинство, но главным образом различного рода спекулянтам и деятелям теневой торговли, нажившимся в годы войны.

Проводя реформу, узкое руководство не забыло и о необходимости вписать себя в новую систему. Еще 9 декабря установило «денежные оклады» для лиц, занимающих высшие государственные и партийные посты. Председателю СМ СССР, то есть Сталину — 10 тысяч рублей (примерно двенадцать средних зарплат), заместителям председателя СМ СССР — 8 тысяч; председателю ПВС СССР, Швернику — 10 тысяч; секретарям ЦК ВКП(б) — 8 тысяч[605].

Кроме того, уже после ликвидации карточной системы, 29 декабря обязало «министерство государственной безопасности (т. Абакумов) прекратить с 1 января 1948-го года продажу промышленных товаров через закрытую сеть для членов и кандидатов в члены политбюро, секретарей ЦК ВКП(б) и других ответственных работников, снабжаемых через министерство государственной безопасности»[606].

Еще одной мерой, но более конкретной, нежели 20-летний план, призванной вывести экономику из кризисного состояния, но в столь же отдаленном будущем, стало также совместное постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) — «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрении травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР». Документ, утвержденный ПБ более года спустя, 22 октября 1948 года, и подготовленный отнюдь не Госпланом, как можно было того ожидать, а сельскохозяйственными министерствами, их научно-исследовательскими институтами и Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук под общей курацией Г. М. Маленкова, отвечавшего тогда за данную отрасль. Постановление, с момента публикации в газетах и журналах мягко говоря услужливо названных пропагандой «сталинским планом преобразования природа». Осуществление намеченного в нем должно было устранить (и устранило в значительной степени) постоянную угрозу для Поволжья, Северного Кавказа и Южной Украины неожиданной, непредсказуемой и безжалостной засухи. И хотя выращивание лесов являлось делом нескольких десятилетий, оно все же вселило в колхозников, рабочих совхозов значительной территории страны уверенность в возможность собирать, пусть пока в будущем, то, что было ими выращено. Ну а будет ли урожай высоким, действительно зависело только от труда крестьян, от применения ими агротехники. Вместе с тем это постановление оказалось единственной, правда, запоздалой практической мерой, предложенной государством и партией для подъема сельского хозяйства. Ведь проведенный в феврале 1947 года Пленум ЦК так и не смог предложить ничего конкретного…

Между тем Н. А. Вознесенский, которому как главе Госплана СССР и зампреду СМ СССР предстояло 15 января 1948 года представить на рассмотрение узкого руководства проект 20-летнего плана, не торопился с выполнением задания. Поступил, как оказалось, правильно, ибо в установленный срок никто так и не вспомнил ни о намеченном съезде, ни о новой программе партии. Жданов, более других заинтересованный в официальной фиксации новых идеологических ориентиров, продолжал болеть. Другие же члены узкого руководства вспоминать о том не пожелали. Пятимесячной временной паузой Николай Алексеевич распорядился довольно своеобразно. Потратил ее на откровенную фальсификацию буквально вчерашнего прошлого. На создание «теоретического» труда «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Книги небольшой по объему — всего в 12 авторских листов, но весьма примечательной по замыслу и его решению. Призванной подготовить жителей страны к принятию серьезнейших изменений в высшем руководстве, а вместе с тем и подкрепить те самые положения, которые уже легли в основу незадолго перед тем вышедшего второго варианта «Краткой биографии» Сталина.

Главной целью труда Вознесенского стало вытеснение из людской памяти с помощью умолчания существования в годы войны ГКО, его деятельности и подлинной роли. На 189 страницах первого издания книги Николая Алексеевича, вроде бы посвященной тому, чем занимались Молотов, Берия, Маленков а также и Микоян, комитет упоминался только трижды, да еще просто как таковой, без раскрытия его состава и, тем более, распределения обязанностей между его членами. На странице 21-й — для всего лишь констатации факта его создания, что никак уж нельзя было обойти. На страницах 33-й и 41-й — как об органе «во главе с товарищем Сталиным», «сталинским», и только. Вместе с тем, весьма умело используя прежде никогда не публиковавшиеся, остававшиеся под грифом «совершенно секретно» постановления и решения именно ГКО, Вознесенский вполне сознательно приписал роль

последнего в мобилизации экономики, обеспечении всех нужд как фронта, так и тыла исключительно Сталину. Правда, неоднократно поминал имя вождя вместе с его официальным постом — как председателя СНК СССР. Нельзя исключить, что делал это автор книги для того, чтобы реабилитировать значимость и самого правительства, и свою собственную, заместителя председателя СНК СССР.

Таким образом Н. А. Вознесенский решал две задачи. Прежде всего, возвеличивал Сталина, одновременно мифологизируя его личность, активно способствуя поддержанию, усилению культа вождя, который, якобы, и принимал все без исключения судьбоносные решения. Только он один. Вместе с тем Вознесенский открыто демонстрировал свой выбор. Свою личную безграничную преданность Иосифу Виссарионовичу, и только ему, твердую готовность идти с ним до конца в борьбе за единоличное лидерство в узком руководстве и с явными, и с потенциальными соперниками. К первым, как явствовало из использования в книге умолчания, несомненно следовало отнести Молотова, Берия и Маленкова, и возможно — Микояна. Ведь их, а не кого-либо иного, имена загодя, уже теперь, как бы предвосхищая события, вычеркивали из будущей официозной истории страны.

Поступая таким образом, Вознесенский, скорее всего, исходил из собственного прогноза о неизбежности, да и к тому же в самом скором времени, очередного раунда схватки на вершине власти. Основанием же тому могло послужить появление 9 июня 1947 года указа ПВС СССР «О разглашении государственной тайны». Акта, органически связанного с деятельностью судов чести, уточнявшего их сущность, цели и задачи, направленного прежде всего против тех, кто занимал высокие посты в партийных и государственных структурах. Ведь никто иной, как они, и являлись основными носителями настоящих тайн, а потому и могли стать обвиняемыми в соответствии с новым карательным указом.

Еще более неоспоримым свидетельством близкого усиления борьбы в узком руководстве стало решение ПБ от 23 сентября 1947 года, признавшего «необходимым иметь в аппарате ЦК ВКП(б) Суд чести»[607]. Сделано же это было далеко не случайно, ибо на рассмотрение последнего одновременно выносились «антигосударственные поступки» уже снятых со своих постов заместителя начальника УПиА К. С. Кузакова и заведующего отделом печати УК М. И. Щербакова[608]. Им обоим инкриминировалось одно и то же. «Покровительство» только что «разоблаченного» как британского шпиона Б. Л. Сучкова. «Протаскивание» его сначала на должность заместителя заведующего отделом издательств УПиА, а 23 апреля 1947 года — директором Издательства иностранной литературы.

«Дело» Сучкова, павшего одним из первых в обострявшейся с каждым днем борьбе Кузнецова со Ждановым, послужило формальным предлогом для проведения чистки УПиА. Для устранения из него, вскоре пониженного в статусе, реорганизованного в отдел, самостоятельно мыслящих сотрудников, ориентировавшихся на Александрова и Жданова, для полного подчинения оставленных там новым руководителям, Суслову и Шепилову. Вскоре аналогичные методы использовали и в Министерстве Вооруженных Сил (МВС), где Булганин столь же своеобразно утверждал себя в новой роли.

8 ноября в Москву вызвали тех, кто возглавлял в прошлом НКВМФ, адмиралов Н. Г. Кузнецова — наркома в 1939–1946 годах, М. М. Галлера — замнаркома в 1940–1946 годах, В. А. Алафузова — начальника главного морского штаба в 1942–1943 и 1944–1945 годах, Г. А. Степанова — начальника главного морского штаба в 1943–1944 годах. Уведомили, что их обвиняют в незаконной передаче союзникам в годы войны секретной документации по парашютной торпеде. 11 декабря, на совещании у Булганина, их дело решено было передать на рассмотрение суда чести министерства, что на следующий день подкрепило соответствующее постановление СМ СССР. Состоявшееся месяц спустя, 12–15 января 1948 года, заседание суда чести МВС, как и предусматривало положение о нем, передало дело четырех адмиралов в военную коллегию Верховного суда СССР, а та 3 февраля и приговорила Алафузова и Степанова к десяти годам лишения свободы, Галлера — к четырем, неожиданно

милостиво отнесясь к Кузнецову. Его только понизили в звании до контр-адмирала, но уже 10 июня частично реабилитировали. Назначили заместителем главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке по Военно-Морским Силам[609].

Столь сокрушительная деятельность судов чести, как можно догадываться, породила у некоторых членов узкого руководства серьезные опасения за свое положение, свою судьбу. Возможно, вызвала предчувствие, что ситуация весьма легко может выйти из-под их контроля. Перерасти в новую волну массовых репрессий, неизбежно приведя к полной дезорганизации всего государственного аппарата, совершенно недопустимой в условиях конфронтации с Западом. Только потому, как можно совершенно уверенно утверждать, 15 марта 1948 года ПБ сочло необходимым установить: «Запретить впредь министрам организовывать суды чести над работниками министерств без санкции Политбюро ЦК». Более того, данное решение не скрывало, прямо упоминало тех, кто в тот момент и представлял явную угрозу для большинства членов узкого руководства. Как повод использовало достаточно второстепенный инцидент: «Считать неправильным, что т. Абакумов организовал суд чести над двумя работниками министерства без ведома и согласия политбюро, что и поставить т. Абакумову на вид. Указать секретарю ЦК т. Кузнецову, что он поступил неправильно, дав т. Абакумову **единолично** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) согласие на организацию суда чести над двумя работниками. Решение суда чести министерства государственной безопасности в отношении тт. Бородина и Надежкина приостановить до разбора дела секретариатом ЦК»[610].

Скорее всего, данное решение вышло из-под пера тех, кто не только не желал потворствовать подобным репрессивным акциям, но и попытался использовать представившуюся возможность для существенного ограничения слишком возросших прав Кузнецова, действовавшего совместно с Абакумовым, с его грозным министерством. Кто попытался и в какой-то мере добился желаемого. Во всяком случае с весны 1948 года суды чести проводились все реже и реже, а затем и просто прекратили существование. Но еще до того обозначилась иная, более «мягкая» методика, позволявшая дискредитировать, устранять с политической сцены лиц, по той или иной причине нежелательных или неугодных власть предержащим. Именно так поступили с Г. К. Жуковым, отказавшись и от политических обвинений, и от использования суда чести. Нашли выглядевший более веским, понятным генералитету и офицерскому корпусу повод.

20 января 1948 года ПБ приняло постановление «О т. Жукове Г. К., маршале Советского Союза»:

«ЦК ВКП(б), заслушав сообщение комиссии в составе тт. Жданова, Булганина, Кузнецова, Суслова и Шкирятова, выделенной для рассмотрения поступивших в ЦК материалов о недостойном поведении командующего Одесским военным округом Жукова Г. К., установил следующее.

Тов. Жуков, в бытность главнокомом группы советских оккупационных войск в Германии, допустил поступки, позорящие высокое звание члена ВКП(б) и честь командира Советской Армии. Будучи полностью обеспечен со стороны государства всем необходимым, тов. Жуков злоупотреблял своим служебным положением, встал на путь мародерства, занявшись присвоением и вывозом из Германии для личных нужд большого количества различных ценностей.

В этих целях т. Жуков, давши волю безудержной тяге к стяжательству, использовал своих подчиненных, которые, угодничая перед ним, шли на явные преступления, забирали картины и другие ценные вещи во дворцах и особняках, взломали сейф в ювелирном магазине в г. Лодзи, изъяв находящиеся в нем ценности, и т. д.

В итоге всего этого Жуковым было присвоено до 70 ценных золотых предметов (кулоны и кольца с драгоценными камнями, часы, серьги с бриллиантами, браслеты, броши и т. д.), до 740 предметов столового серебра и серебряной посуды и сверх того еще до 30 килограмм

разных серебряных изделий, до 50 дорогостоящих ковров и гобеленов, более 600 картин, представляющих большую художественную ценность, около 3700 метров шелка, шерсти, парчи, бархата и др. тканей, свыше 320 шкурок ценных мехов и т. д.

Будучи вызван в комиссию для дачи объяснений, т. Жуков вел себя неподобающим для члена партии и командира Советской Армии образом, в объяснениях был неискренним и пытался всячески скрыть и замазать факты своего антипартийного поведения.

Указанные выше поступки и поведение Жукова на комиссии характеризуют его как человека, опустившегося в политическом и моральном отношении.

Учитывая все изложенное, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Признавая, что т. Жуков Г. К. за свои поступки заслуживает исключения из рядов партии и предания суду, сделать т. Жукову последнее предупреждение, предоставив ему в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания.

2. Освободить т. Жукова с поста командующего Одесским военным округом, назначив его командующим одним из меньших округов.

3. Обязать т. Жукова немедленно сдать в госфонд все незаконно присвоенные им драгоценности и вещи»[611].

13 февраля маршал Г. К. Жуков вступил в должность командующего Уральским военным округом. Не только меньшим по территории, но и просто захолустным, не имевшим стратегического значения, тыловым.

…О вполне вероятных переменах на вершине власти свидетельствовали не одни только карательные акции, но и столь же симптоматичные кадровые перемещения. Те, что начались с реорганизации долгие десятилетия всемогущего Госплана СССР. С выделения из него 13 декабря 1947 года как полностью самостоятельных учреждений общесоюзного масштаба двух новых государственных комитетов — по материально-техническому снабжению народного хозяйства (Госснаб) и по внедрению новой техники в народное хозяйство (Гостехника). Руководителем сравнительно ослабленного в своей значимости Госплана (вскоре из-под его подчинения вывели еще и Центральное статистическое управление) оставили Н. А. Вознесенского. Пост председателя Госснаба получил возвращенный решением ПБ от 15 декабря в Москву скорее всего по иным мотивам Л. М. Каганович, а Гостехники — В. А. Малышев. Для последнего, несмотря на сохраненную за ним курацию министерства транспортного машиностроения, которое он возглавлял перед тем, такое перемещение означало существенное понижение уровня и места в широком руководстве.

То же, что и с Малышевым, произошло с еще одним, уже не молодым «капитаном индустрии», М. Г. Первухиным. Его еще 29 ноября также освободили от обязанностей министра химической промышленности, утвердили — всего лишь — первым заместителем начальника ПГУ, поставив тем самым под прямой и непосредственный контроль Берии. А 26 января 1948 года сняли с поста председателя комитета по делам искусств М. Б. Храпченко. «Как не обеспечившего правильного руководства». Допустившего, что лишь отчасти курируемый им «оргкомитет Союза советских композиторов проводил в корне неправильную линию в области советской музыки… Превратился в рассадник осужденного партией формалистического, антинародного направления в советской музыке, чем нанес серьезный ущерб ее развитию»[612].

Некоторое понижение в должностях Малышева и Первухина, с момента появления во властной элите наиболее близких к Маленкову, можно чисто предположительно рассматривать как своеобразный удар по Георгию Максимилиановичу. Снятие же Храпченко столь же условно следует оценить как попытку дискредитировать работу уже Жданова, и отвечавшего на самом деле за деятельность всех творческих союзов, в том числе композиторов, и имевшего прямое отношение к формированию первого его оргкомитета.

Только после этих, как бы подготовительных кадровых перестановок, последовали три решения ПБ, уже напрямую менявшие положение в узком руководстве, баланс сил в нем. Решение от 16 февраля 1948 года: «Ввиду того, что Политбюро в своей работе трудно обойтись без министра Вооруженных Сил, Политбюро считает необходимым поставить на голосование членов ЦК предложение о переводе т. Булганина Н. А. из состава кандидатов в состав членов Политбюро ЦК»[613]. (Разумеется, необходимое согласие было получено незамедлительно.) От 25 марта: «Признать неправильным, что т. Молотов не согласовал с Политбюро ЦК вопрос о выступлении посла (СССР в Вашингтоне. — *Ю. Ж.*) т. Панюшкина на митинге в США и о тексте этого выступления»[614]. И от 29 марта: «В связи с перегруженностью, удовлетворить просьбу т. Молотова об освобождении его от участия в заседаниях Бюро Совета Министров СССР с тем, чтобы т. Молотов мог заняться главным образом делами по внешней политике. Председательствовать на заседаниях Бюро Совета Министров СССР возложить поочередно на заместителей председателя Совета Министров СССР тт. Вознесенского, Берия и Маленкова»[615].

Все три решения ПБ в совокупности означали фиксацию внезапного передела власти. Второй человек в стране, Вячеслав Михайлович Молотов, как и в мае 1941 года, практически отстранялся от своих важнейших обязанностей фактического главы правительства страны. Оставался — но надолго ли? — лишь министром иностранных дел. Его место в Совмине вновь занял Н. А. Вознесенский, правда вынужденный до поры до времени делить обретенную власть с Л. П. Берия и Г. М. Маленковым. Берия лишний раз продемонстрировал незыблемость своего положения напрямую зависевшего от важности создания Советским Союзом собственного ядерного оружия и средств его доставки. Более того, частично вернул утраченное — возможность воздействовать на деятельность госбезопасности. 17 апреля ПБ поручило именно ему возглавить особую комиссию, включившую Кагановича, Маленкова, Вознесенского, Абакумова, Власика, но почему-то без Кузнецова, призванную принять или отвергнуть представленный МГБ проект «обеспечения полной секретности телефонной связи между членами девятки»[616]. Маленков же сумел доказать всем не только то, что у него не ослабла воля к власти, но и сохранилась способность, умение неуклонно возвращать себе потерянные вроде бы позиции.

Одновременно начало 1948 года показало и иное. Утверждение, закрепление жесткого внутриполитического курса. Тех его черт, которые казалось бы остались навсегда в далеких 30-х годах. Неоспоримым же свидетельством тому стали явно не случайно совпавшие по времени до дня еще два постановления ПБ — принятые 5 апреля. В соответствии с первым из них (по регистрации), М. Б. Храпченко и его уже бывшим подчиненным по комитету предъявлялись обвинения в «систематических нарушениях финансово-бюджетной дисциплины в расходовании государственных средств»[617]. Обвинения в преступлении, которое могло при желании рассматриваться и как просто административное упущение, и как уголовно наказуемое деяние.

Второе постановление из-за своей сути сразу же приобретало характер дамоклова меча, снова повисшего над всей властной элитой за исключением узкого руководства. Оказывалось таковым, ибо им создавался очередной неконституционный карательный орган, общий для обеих ветвей власти страны: «В интересах укрепления партийной и государственной дисциплины, — гласил этот документ, — борьбы с проявлением разложения и антигосударственными проступками, роняющими честь и достоинство руководящих советских и партийных работников, организовать при Совете Министров СССР и Центральном Комитете ВКП(б) суд чести. На суд чести при Совете Министров СССР и Центральном Комитете ВКП(б) возлагается рассмотрение антигосударственных и антиобщественных поступков, совершенных министрами союзных министерств и их заместителями, председателями комитетов Совета Министров СССР и их заместителями, начальниками главных управлений при Совете Министров СССР и их заместителями, секретарями ЦК компартий союзных республик,

председателями советов министров союзных республик и министрами союзных республик…» И как это уже было при создании суда чести для ЦК ВКП(б), сразу же, но только другим пунктом протокола, определили первую, оказавшуюся и единственной, жертву. Решили: «Дело об антигосударственных поступках т. Ковалева передать на рассмотрение суда чести при Совете Министров СССР и ЦК ВКП(б) с освобождением его от обязанностей министра путей сообщения. Обязать первого заместителя путей сообщения т. Бещева немедля приступить к исполнению обязанностей министра путей сообщения»[618].

Широкому руководству следовало насторожиться, возможно, даже и испугаться. И не только из-за этих двух постановлений ПБ, но и из-за того, что сопровождало их. Ставшего слишком уж нарочитым снятия со своих постов министров, которым вроде бы не следовало ничего опасаться. Ведь они не только прошли беспримерно суровую школу подчинения и управления, но и выдержали успешно своеобразный экзамен в годы войны. Доказали конкретной работой, умением справляться с любыми, самыми сложными поручениями. Тем не менее именно их и затронула необычная чистка. Привела только за три месяца к освобождению по различным причинам девяти членов правительства. Уже упоминавшихся В. А. Малышева, М. Г. Первухина, И. В. Ковалева, М. Б. Храпченко, а кроме того еще и министров юстиции — Н. М. Рычкова, финансов — А. Г. Зверева, связи — К. Я. Сергейчука, морского флота — П. П. Ширшова, председателя комитета по делам физкультуры и спорта — Н. Н. Романова[619].

Лишь одно могло послужить некоторым утешением для всех, и затронутых чисткой, и тех, кого она не коснулась. Никому не предъявляли обвинений политического характера, никого — даже тех, кого снимали, включая и Ковалева, не отдавали под суд, не приговаривали к лишению свободы, тем более — к расстрелу. Даже Храпченко, хотя его «дело» и сопровождалось идеологическими акциями, по своим масштабам более значительными, нежели в августе — сентябре 1946 года. «Дело», оказавшееся напрямую связанным с принятием ПБ 10 февраля суровым по тону постановлением «Об опере „Великая дружба“ В. Мурадели», а до того — с проведением 10–13 января необычного, в ЦК ВКП(б), широкого совещания «деятелей» советской музыки. Совещания, где Жданов сыграл ведущую роль, но почему-то сидел в президиуме вместе с другими секретарями ЦК — М. А. Сусловым, А. А. Кузнецовым, Г. М. Поповым. Совещании, как бы естественно перешедшим в 1-й съезд Союза советских композиторов, заседавшим с 19 по 25 апреля. И на совещании, и на съезде практически все участники, поддерживая в том Жданова, пытались связать пресловутую давнюю «правдинскую» статью «Сумбур вместо музыки» с днем настоящим. Дружно осуждали творчество выведенных из оргкомитета Арама Хачатуряна, Вано Мурадели, Левона Атовмьяна, а также Дмитрия Шостаковича, Сергея Прокофьева, Виссариона Шебалина, Юрия Шапорина, Николая Мясковского.

Именно отсутствие политических мотивов, судебных наказаний при освобождениях от должности или признании серьезных «идеологических» ошибок, и создавало ощущение странной, «аппаратной» игры, которую вели те, кто скрывался за кулисами, оставался в тени. Игры во имя достижения непонятной остальным цели, остающейся загадочной и поныне. Даже сегодня нельзя дать однозначное, обоснованное объяснение происходившему тогда во власти. Нельзя прежде всего потому, что ужесточение отношения к высшим государственным служащим в равной степени подрывали позиции и А. А. Кузнецова, возглавлявшего УК, и Г. М. Маленкова, до своего ухода с этого поста выдвигавшего на руководящие посты тех, кто и подвергался опале. Мало того, жесткий кадровый курс оказывался выгодным все тем же двум членам узкого руководства, а вместе с тем еще и Сталину. Ведь именно в то время Иосиф Виссарионович вновь начал проявлять прежнюю активность, усиливая свое положение единоличного лидера, укрепляя его. Не довольствуясь тем, что с помощью Кузнецова — Абакумова и Булганина полностью контролировал силовые структуры, госбезопасность и армию, напрямую подчинил себе еще одно столь же значимое, только с точки зрения экономики, ведомство. Косыгиным заменил 23 марта Зверева, пониженного до уровня первого

заместителя, на посту министра финансов, сразу же приняв «наблюдение и контроль за работой» этого министерства на себя. А 12 апреля весьма странным образом преобразовал еще и валютный комитет ПБ. Включил в его состав А. Н. Косыгина, Л. З. Мехлиса и В. Ф. Попова[620].

Но все же массовые репрессии, непременный атрибут жесткого курса, все же возобновились, и именно в то самое время. Правда, на весьма ограниченной территории — лишь в республиках Прибалтики, западных областях Украины; в ограниченных размерах — затронули исключительно сельское население, невольно служившее опорной базой не ослабевавшего вооруженного сопротивления сепаратистов, в столь же узких рамках формы наказания по большей части свелись к высылке населения из западных областей Украины в центральные и восточные.

Как уже отмечалось выше, 15 декабря 1947 года по решению ПБ первого секретаря ЦК КП(б) Украины Л. М. Кагановича отозвали в Москву. На освободившуюся должность утвердили единственного возможного кандидата — члена ПБ Н. С. Хрущева, а для сохранения разделения полномочий назначили главой республиканского правительства Д. С. Коротченко. В силу возвращенного высокого положения Никите Сергеевичу теперь в несоизмеримо большей степени, нежели прежде — как председателю СМ УССР, приходилось отвечать за положение в западных областях, где продолжали сопротивление всем органам власти, и советским, и партийным, ОУН и ее «военное крыло» — УПА. Мало того, необходимо было Хрущеву и как-то оправдать свои четырехлетней давности шапкозакидательские заявления. Утверждения донельзя оптимистические — мол, ликвидация вооруженного подполья произойдет в самое ближайшее время, став простой операцией.

21 марта 1944 года Н. С. Хрущев в сообщении на имя Сталина писал: «Что касается вопроса об украинско-немецких националистических бандах, то надо сказать, что разговоры об их действиях сильно преувеличены… Я уверен, что мы скоро наведем в этих районах порядок». Правда, мимоходом отмечал — для восстановления спокойствия уже используются кавалерийская дивизия, двадцать броневиков, восемь легких танков да ожидается прибытие частей НКВД. Однако даже с такими силами решить проблему не удалось. Хотя лишь с 19 февраля по 20 сентября того же 1944 года было уничтожено 13442 националистов-экстремистов, а 7456 захвачено в плен, борьба с ними не завершилась, и конца ей не было видно. Боевые действия не спадали, а возрастали по мере продвижения Красной Армии на запад. Усилились настолько, что вызвали после одобрения узким руководством появление совместного приказа по НКВД и НКГБ от 9 октября «О мероприятиях по усилению борьбы с оуновским подпольем и ликвидации банд ОУН в западных областях Украинской ССР». В начале следующего, 1945 года, аналогичное постановление вынуждено было принять и ЦК КП(б) Украины[621].

Даже после окончания войны вооруженное сопротивление украинских экстремистов на Волыни, во Львовской, Тернопольской, Дрогобычской, Станиславской областях не только не было сломлено, но даже усилилось. Перекинулось за границу, охватив территорию юго-восточной Польши и Словакии. Потребовало скоординированных усилий органов госбезопасности трех стран, мощных армейских группировок только для того, чтобы ликвидировать отряды бандеровцев за пределами СССР, да и то лишь к началу 1949 года. Тем временем не утихавшая в западных районах УССР борьба приобрела, в конце концов, политический характер. Отрицательно повлияла на стремление Киева быстро провести коллективизацию. Вынуждала крестьян, уже смирившихся с неизбежным, как они понимали, вступлением в колхозы, все же не делать этого из-за вполне реальной угрозы погибнуть после такого поступка от пуль бандеровцев.

Поставленный перед жестким и суровым долгом любой ценою провести коллективизацию, Хрущев нашел видавшийся ему, судя по всему, единственно приемлемым выход. Внес 10 февраля 1948 года на рассмотрение ПБ предложение, носившее поначалу чисто региональное

значение — о необходимости применения упрощенной процедуры высылки всех тех, кто отказывался вступать в колхозы, а также в той или иной степени был связан с сепаратистским подпольем.

ПБ поддержало инициативу Никиты Сергеевича и сформировало особую комиссию в составе зампреда СМ СССР Л. П. Берия, первого секретаря ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущева, секретарей ЦК М. А. Суслова, А. А. Кузнецова, министров: госбезопасности — В. С. Абакумова, внутренних дел — С. Н. Круглова, юстиции — К. П. Горшенина, генерального прокурора Г. Н. Сафонова. Поручило им подготовить документ совершенно иного рода, направленный на разработку «вопросов о переселенцах, административно-ссыльных и высланных, об организации специальных тюрем и лагерей для особо опасных преступников, в том числе шпионов, а также вопроса о высылке из Украины вредных элементов в деревне с предоставлением предложений в Бюро Совета Министров»[622].

Спустя всего десять дней, 21 февраля, Н. М. Шверник подписал указы ПВС СССР «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни» — то есть тех, кто отказывался вступать в колхозы, и «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР»[623]. Последний юридический акт означал уже бессрочную высылку на Колыму, в Красноярский край и Северный Казахстан всех тех, кто отбыл или должен был вскоре отбыть заключение по 58 статье Уголовного кодекса. Означал возобновление в Советском Союзе репрессий, возможно — массовых.

7 мая ПБ, не довольствуясь масштабами новых карательных мер, поручило еще одной комиссии, теперь уже в составе Г. М. Маленкова (председатель), А. А. Жданова, Н. С. Хрущева, М. А. Суслова, Родионова и С. Н. Круглова «выработать на основе опыта Украины проект постановления Совета Министров СССР и проект указа президиума Верховного Совета СССР о мерах высылки в отдаленные районы антисоциальных элементов по решениям колхозных собраний»[624]. И снова требуемый юридический акт не заставил себя ждать. Указ ПВС СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни», был утвержден 2 июня 1948 года и тотчас распространен на республики Прибалтики, западные области Белоруссии, Молдавию. На ту территорию, где и следовало в кратчайший срок завершить коллективизацию, унифицировав тем самым аграрную сферу народного хозяйства страны.

Чтобы усилить действенность новых юридических актов, 24 августа ПБ за проявление «мягкости» и «нерешительности» освободило от занимаемых должностей председателя Верховного суда СССР И. Т. Голякова и его заместителя, председателя военной коллегии В. В. Ульриха. Заменило их на более покладистых, «управляемых» — А. А. Волина и А. А. Чепцова[625]. А 26 октября оформление возрожденной карательной системы завершилось появлением «директивы» МГБ и Генеральной прокуратуры СССР, установившей, что аресты и направление в бессрочную ссылку всех освобождаемых из тюрем и лагерей по отбытию наказания производятся без суда. Лишь по решению пресловутого особого совещания при МГБ[626]. И, как можно уверенно предположить, при одобрении куратора этого ведомства, А. А. Кузнецова.

Но все же наиболее отчетливо ужесточение курса узкого руководства проявилось не столько во внутренней, сколько во внешней политике. Выразилось во вступлении, если так можно выразиться, Советского Союза в холодную войну. Правда, поначалу действия на международной арене еще не стали однозначными. Отражали мучительные колебания, предшествовавшие окончательному выбору, имевшуюся достаточно длительный период неуверенность в том, следует ли открыто, на государственном уровне, вполне официально вступить в конфронтацию с США и их союзниками.

С завершением 15 декабря 1947 года в Лондоне работы пятой сессии прекратил существование основной координационный орган четырех стран, СМИД, созданный по решению Потсдамской конференции. А с его крахом уже нечего было и думать о подготовке, подписании в скором будущем мирного договора с Германией. О правовом обеспечении демилитаризации этого самого опасного противника, дважды за полстолетие угрожавшего самому существованию страны. О всеобщем юридическом признании включения в состав СССР части Восточной Пруссии (будущей Калининградской области), а также западных территорий Белоруссии и Украины, компенсированных Польше так никем еще не одобренной границей по Одеру и Нейсе. Утверждало же в самых пессимистических прогнозах и еще одно значительное событие. 17 марта 1948 года представители Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга осуществили давно задуманное Черчиллем. Подписали в Брюсселе договор о создании Западного союза, оказавшегося своеобразным эмбрионом НАТО.

До этого колебания при выборе окончательного курса пока продолжались. Особенно ярко они выразились в ходе возникновения и развития советско-югославского конфликта, его метаморфоз, надежно скрывших истинную причину, и породившую его.

Разногласия между Москвой и Белградом наметились весной 1947 года, а суть же их сводилась к оценке Кремлем инициативы Тито и Димитрова. Их попытки решить национальный вопрос и связанные с ним территориальные взаимные претензии всех стран давней «пороховой бочки Европы» в полном соответствии с учением Ленина и Сталина, путем создания Балканской федерации. Государственного образования, включившего бы поначалу Югославию, Болгарию, Албанию, а впоследствии и Грецию. Ликвидацию именно таким образом проблем, связанных с будущим Косово и Македонии.

19 апреля 1947 года Кардель в беседе со Сталиным твердо заверил, что югославская сторона не намерена ратифицировать задуманный договор с Болгарией до того, как отпадут все ограничения, связанные с условиями мирного договора, подписанного в Париже и вступавшего в силу только 15 сентября. Однако 1 августа это обещание было нарушено. Тито и Димитров объявили, что ими окончательно согласован бессрочный договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи двух стран, к которому могут присоединиться и другие балканские государства.

Обеспокоенный таким развитием событий, Сталин 12 августа направил Тито письмо, в котором отметил: «Советское правительство считает, что своей торопливостью оба правительства облегчили дело реакционных англо-американских элементов, дав им лишний повод усилить военную интервенцию в греческие и турецкие дела против Югославии и Болгарии»[627]. Два балканских лидера вняли рекомендации Кремля. 27 ноября подписали в Евксинограде (неподалеку от Варны) задуманный договор уже не бессрочный, а на 20 лет. Пошли на то несмотря на принятую незадолго перед тем Второй генеральной ассамблеей ООН резолюцию, осудившую Белград, Софию и Тирану за вмешательство во внутренние дела Греции, военную помощь партизанам-коммунистам.

Советское руководство все еще не меняло своей позиции по данному вопросу. Загодя одобрило подписание договора, что вполне ясно выразил Молотов: «это не должно препятствовать проведению мер в деле объединения Югославии и Болгарии так, как руководство этих стран сочтет нужным»[628]. Одобрило и иное. 9 января 1948 года, во время беседы с прибывшим в Москву Джиласом, Сталин заявил: «Мы согласны, чтобы Югославия проглотила Албанию… чем скорее, тем лучше»[629].

Подход узкого руководства к проблеме стал меняться только после получения достоверной информации о предстоящем заключении Брюссельского договора. Поводом же для выражения новой позиции Кремля послужило интервью Димитрова, данное им 17 января в Софии по поводу будущей Балканской федерации. Бывший номинальный глава Коминтерна заявил, что видит в ее составе не только Югославию, Болгарию, Албанию, но и дунайские страны — Венгрию и Румынию, даже Чехословакию и Польшу в настоящем, в будущем же еще

и Грецию. Неделю спустя Сталин сообщил Димитрову, что такое предложение «наносит ущерб странам новой демократии и облегчает борьбу англо-американцев против этих стран»[630]. А 28 января «Правда» опубликовала откровенно официозный комментарий по поводу интервью болгарского премьера, осудивший безоговорочно идею создания Балканской федерации, квалифицировав ее как «проблематичную» и «надуманную».

В тот же день Сталин, используя на этот раз дипломатические каналы, уведомил Тито о кардинальном изменении своего прежнего отношения к созданию нового государства. «В Москве получено сообщение, — отмечалось в очередном советском документе, — что Югославия намерена в ближайшие дни направить одну свою дивизию в Албанию к южным ее границам… Москва опасается, что в случае вступления югославских войск в Албанию англосаксы расценят этот акт как оккупацию Албании югославскими войсками и нарушение ее суверенитета, при этом возможно, что англосаксы используют этот факт для военного вмешательства в это дело под предлогом „защиты“ независимости Албании». Не довольствуясь одними объяснениями, Кремль поспешил ужесточить позицию. Уже 1 февраля Тито была вручена телеграмма, подписанная Молотовым, но выражавшая мнение Сталина. Разгневанного тем, что его могли втянуть не в холодную, а во вполне горячую войну с США и Великобританией. Советское правительство, говорилось в этом своеобразном послании, «совершенно случайно узнало о решении югославского правительства относительно посылки ваших войск в Албанию… СССР не может согласиться с тем, чтобы его ставили перед совершившимся фактом. И, конечно, понятно, что СССР как союзник Югославии, не может нести ответственности за последствия такого рода действий, совершаемых югославским правительством без консультаций и даже без ведома советского правительства»[631].

Для разрешения кризисной ситуации Сталин потребовал незамедлительно созвать совещание трех заинтересованных сторон, югославской, болгарской и советской. Встречу на высшем уровне, которая и открылась в Москве 10 февраля 1948 года. СССР на ней представляли Сталин, Молотов, Маленков, Жданов, Суслов и Зорин; Болгарию — Димитров, Коларов и Костов; Югославию — только Кардель, Бакарич, Джилас и Попович.

На совещании Сталин не выступил, предоставив сделать это Молотову. Лишь время от времени, прерывая ораторов, бросал короткие реплики. Предельно эмоциональные. Резкие, даже злые. Но именно они и позволяют понять тогдашнее состояние Иосифа Виссарионовича. Не скрываемый им — ведь вокруг только свои — страх. Смертельную боязнь того, чем рано или поздно может обернуться созданная им самим с огромным трудом блоковая система, призванная надежно обеспечить безопасность СССР. К чему могут привести непродуманные, несогласованные не действия, а всего лишь заявления Белграда и Софии. К каким, скорее всего, приведет оценкам их Западом, сознательно истолковывающим все по-своему, в соответствии с собственными надуманными представлениями о заведомой «агрессивности» Москвы.

Позволяют реплики установить и иное. Сталин был уверен: в накалившейся до предела международной обстановке даже выражение намерений может неожиданно послужить поводом для локального поначалу, балканского конфликта. Ну, а тот неизбежно перерастет в третью мировую войну. Втянет и США — в соответствии с доктриной Трумэна, и СССР — как союзника Югославии. Приведет к самому нежелательному, ибо Москва, не обладая ни атомными бомбами, ни дальними бомбардировщиками, обязательно проиграет, потерпит сокрушительное поражение.

Потому-то Сталин и пытался втолковать Димитрову существенную разницу между его былым партийным постом и нынешней должностью главы правительства Болгарии. Объяснял порождаемую последней высочайшую ответственность за судьбу не только своей страны, но и всех государств, связанных с нею союзами о взаимопомощи, особенно — Советского Союза. «Вы хотели удивить мир, — ехидно заметил Иосиф Виссарионович, — как будто Вы все еще секретарь Коминтерна». Потом стал внушать высоким гостям: «Все, что Димитров говорит, что

говорит Тито, за границей воспринимается как сказанное с нашего ведома». А еще позже, прервав Молотова, зачитывавшего текст одного из пунктов югославо-болгарского соглашения, прямо заявил: «Но ведь это превентивная война…» И не смущаясь откровенной поучительности, добавил: «Это самый обычный комсомольский выпад. Это обычная громкая фраза, которая только дает пищу врагам»[632]. Явно подразумевал отсутствие у Димитрова и Тито государственной мудрости.

Встреча завершилась на следующий день подписанием СССР с Югославией и Болгарией порознь соглашений о консультациях по внешнеполитическим вопросам. Однако ни сама встреча, ни появившиеся как ее результат документы не устранили серьезных опасений Кремля в непредсказуемости последствий происшедшего. Вынуждали искать способ, который твердо убедил бы Запад — Вашингтон и Лондон, в истинных, миролюбивых намерениях Советского Союза. Единственным же средством для того могло стать дезавуирование подписанного в Евксинограде соглашения. Либо обоими его создателями, либо хотя бы одной стороной, но при обязательном отстранении от него Москвы. И непременного согласия на то Тито или Димитрова.

Георгий Димитров уже на совещании выразил полную готовность отречься от своих прежних заявлений и замыслов. Позиция же Иосипа Броз Тито пока оставалась неясной, прежде всего из-за его непонятного отказа приехать в Москву. Прояснилась только 1 марта, когда расширенное заседание ПБ КПЮ в своем решении зафиксировало особое мнение по поводу происшедшего: «В последнее время отношения между Югославией и СССР зашли в тупик»[633]. Получив информацию о том, узкое руководство попыталось использовать привычный способ жесткого давления. Как первое более чем серьезное предупреждение, 18 марта отозвало из Югославии советских советников — экономических и военных. И практически одновременно — уже 27 марта, Молотов и Сталин (именно в такой последовательности и далеко не случайно стояли их подписи) специальным письмом выразили руководству Югославии политическое недоверие, сознательно преувеличенно обвинили его в ревизионизме и оппортунизме. Это грубое по форме, тону послание, без сомнения, и придало драматический характер всем последующим событиям. Явно спровоцировало их.

Оскорбленный Тито не стал торопиться. Проект своего ответа вынес на обсуждение пленума ЦК КПЮ, созванного лишь 12 апреля. Тот же не только полностью поддержал своего лидера, одобрив именно его позицию в конфликте, но и пошел гораздо дальше. Обвинил члена ПБ С. Жуйовича и члена ЦК А. Хебранга, выступивших в защиту взглядов Сталина, в… шпионаже в пользу Москвы. Столь неожиданный, даже странный поворот при обсуждении вопроса, усугубили А. Ранкович и сам Тито, заявившие в прениях, что СССР, мол, давно уже создал в Югославии свою разветвленную всеохватывающую разведывательную сеть. Тем самым, и отнюдь не по инициативе Кремля, в полемике двух стран, двух партий и появился как самый весомый, хотя и бездоказательный, аргумент, присущий лишь охоте за ведьмами.

Между тем Сталин еще до получения ответа Тито поспешил сделать окончательный выбор. Решил объявить югославского лидера не только главным, но и единственным виновником обострения отношений. Счел необходимым принести союзные отношения с крупнейшей балканской страной в жертву. Отказаться открыто от советского влияния на нее ради того, чтобы избежать весьма еще проблематичного военного конфликта с Западом. Доказать весьма радикальным образом, что Москва не собирается вмешиваться в греческие дела. А заодно, связав общей ответственностью лидеров и правящие партии стран Восточной Европы, окончательно превратить их в покорных исполнителей только своей воли. Продемонстрировать, кому же позволено определять и внешне-, и внутриполитический курс, отныне общий для всех без исключения членов пока официально не оформленного, но тем не менее уже реально существующего советского блока. Для того использовал механизм бездействовавшего год и наконец пригодившегося Информбюро.

Центральным комитетам входивших в него компартий «для информации» было направлено письмо от 27 марта с явным желанием заручиться одобрением его. Единодушные резолюции в поддержку Москвы вскоре, как и предполагалось, начали поступать в Белград, придав тем самым двусторонней полемике широкий, международный характер. Подтолкнули, в чем трудно сомневаться, Югославию к непродуманному шагу, усугубившему ситуацию — демонстративному игнорированию ею соглашения с СССР от 11 февраля. Дважды. В связи с попыткой США, Великобритании и Франции пересмотреть Парижский мирный договор и передать Свободную территорию Триест под управление одной Италии. И в связи с должным насторожить заявлением США о нежелании поддерживать Грецию в ее стремлении изменить в свою пользу границу с Албанией, использовав Вооруженные Силы.

Подобного рода «компромат» — любые подлинные и надуманные ошибки югославского руководства, тщательно выявлялись, бережно копились услужливым и предусмотрительным Сусловым с помощью сотрудников подчиненного ему международного отдела. Регулярно приобретали форму «записок», направляемых членам ПБ ВКП(б). Помогли Сталину счесть, что проблема назрела и ее необходимо рассмотреть на совещании Информбюро не позднее первой половины июня. Именно такое предложение содержало новое, от 4 мая, письмо Сталина в адрес восьми компартий. В Варшаву, Прагу, Будапешт, Бухарест, Софию, Белград, Париж и Рим.

Несмотря на категорическое возражение КПЮ, 19 июня совещание все же открылось, на этот раз — под Бухарестом. ВКП(б) на нем представляли не только Жданов и Маленков, но еще и Суслов, вполне заслуживший наконец столь высокое поручение. Два дня ушло на двусторонние консультации, согласование общей позиции и ожидание скорее всего невозможной, но весьма желательной капитуляции КПЮ, приезда ее делегации в румынскую столицу. Только по истечении срока, отведенного Белграду — 21 июня, работа совещания началась. Разумеется, с доклада Жданова, построенного на основе положений писем от 27 марта и 4 мая, а также тенденциозно излагавшихся действий югославской компартии, в том числе и решений ее апрельского пленума. С использованием давно забытых приемов шельмования, формулировок типа «Всю ответственность за создавшееся положение несут Тито, Кардель, Джилас и Ранкович. Их методы — из арсенала троцкизма». И с неизбежными при подобном подходе выводами: «своими антипартийными и антисоветскими взглядами, несовместимыми с марксизмом-ленинизмом…руководители КПЮ противопоставили себя коммунистическим партиям, входящим в Информбюро… ЦК КПЮ ставит себя и югославскую компартию вне семьи братских компартий…»[634]

Все участники прений — Якуб Берман (ПРП), Матиаш Ракоши (ВНР), Жак Дюкло (ФКП), Трайчо Костов (БРП), Рудольф Сланский (КПЧ), Пальмиро Тольятти (ИКП), Василе Лука (РРП) — не только поддержали отлучение товарищей по движению, но и внесли свою лепту в обвинение Белграда во всех смертных грехах. А 23 июня совещание приняло ту самую резолюцию, ради которой его и созвали — «О положении в Коммунистической партии Югославии». Не только повторившую оценку, уже высказанную от имени ВКП(б) Ждановым, решение об исключении КПЮ из Информбюро. Содержавшую и новое, весьма показательное, недвусмысленно формулировавшее возможное будущее вмешательство СССР в дела любых компартий:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно здоровых элементов, верных марксизму-ленинизму, верных интернационалистическим традициям югославской компартии, верных единому социалистическому фронту. Задача этих здоровых сил КПЮ состоит в том, чтобы заставить нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и поправить их, порвав с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это, сменить их и выдвинуть новое, интернационалистическое руководство КПЮ.

Информбюро не сомневается, что компартия Югославии сумеет выполнить эту почетную задачу»[635].

При анализе возникновения, развития советско-югославского конфликта на его первом этапе заслуживает самого пристального внимания не только его подлинная цель, но и многое иное. То, что Сталин при решительных действиях стремился отойти на второй план, прикрываясь именем Молотова. Превратил по форме межпартийные разногласия в подчеркнуто межгосударственные. Позаботился о том, чтобы в резолюции Информбюро фигурировали весьма важные для его жесткого внешнеполитического курса новые по содержанию формулировки. «Единый социалистический фронт», скрывавший за собою Восточный, советский блок. «Интернационализм», означавший в возникшей ситуации полное подчинение каждой страны, входившей в блок, общим интересам, выражавшимся исключительно Советским Союзом. «Национализм», под которым теперь следовало понимать отступление от общеблоковых позиций, игнорирование их.

Столь серьезная, значительная жертва как Югославия требовала, судя по всему, равноценного ответного хода со стороны Запада. Такого, который компенсировал бы потерю, уравнял позиционное положение в Европе в условиях пока еще не принявшего необратимую форму противоборства США и СССР. А единственно возможным для Москвы встречным шагом бывших союзников мог стать их отказ от контроля над своими зонами оккупации Берлина. Потому-то не когда-либо, а именно в канун того самого дня, когда второе совещание Информбюро завершило свою работу отлучением югославской компартии, Кремль и начал вторую радикальную внешнеполитическую акцию. Призванную либо подтолкнуть Вашингтон, Лондон и Париж, либо вынудить их принять ожидаемое решение. 22 июня командующий советскими оккупационными войсками в Германии маршал Соколовский уведомил своих коллег, генералов Клея, Робертсона и Кенига об установлении блокады Западного Берлина.

Узкое руководство пошло на то, что не только выглядело вполне оправданным, обоснованным, но и к чему его практически подталкивали сепаратные действия США, Великобритании и Франции. Как уже отмечалось выше, пятая сессия СМИД, призванная согласовать условия мирного договора с Германией, закончилась ничем. Возможно, Москва и смирилась бы с очередной неудачей дипломатов, с новой затяжкой решения важнейшего для нее внешнеполитического вопроса. Продолжала бы уповать на разрешение рано или поздно проблемы, дожидаясь следующей встречи министров иностранных дел четырех держав. Но никак не могла согласиться с тем, что произошло всего два месяца спустя.

20 февраля 1948 года собравшиеся в Лондоне главы внешнеполитических ведомств США, Великобритании и Франции, подчеркнуто игнорируя и интересы СССР, и его неоспоримое право участвовать в решении германского вопроса, пришли к необычному соглашению. Одобрили экономическое присоединение Саарской области к Франции, а также пожелание Бельгии, Нидерландов и Люксембурга более активно влиять на разрешение германской проблемы. Но и на том Вашингтон, Лондон и Париж не остановились, объявили о том, что сразу же получило название «лондонские рекомендации». О распространении плана Маршалла на три западные зоны оккупации Германии. О необходимости предоставить немецкому народу возможность создать юридическую основу — конституцию — для свободной и демократической формы правления и достижения единства страны. О передаче немцам в самое ближайшее время полной ответственности за управление страной и ограничении в этих целях до минимума прав оккупационной администрации.

СССР поначалу реагировал на происходившее вполне корректно, нотами. От 13 февраля, 6 марта. В них же подчеркивалось: подобные действия уже «привели к подрыву соглашения четырех держав о Контрольном совете в Германии и к подрыву потсдамского соглашения о совете министров иностранных дел, на который была возложена вся подготовительная работа по мирному урегулированию в Европе. Эта политика трех держав не только не содействует

установлению прочного демократического мира в Европе, но и чревата такими последствиями, которые могут быть только на руку всякого рода поджигателям новой войны»[636].

Неформальный ответ Запада оказался более чем своеобразным. 23 марта Вашингтон, Лондон и Париж объявили об отказе продолжать участвовать в работе Контрольного совета в Германии. А 4 мая посол США в Москве Смит на встрече с Молотовым, состоявшейся по его инициативе, не обмолвился о происходившем — об откровенно сепаратных действиях, не сказал ни слова по германской проблеме, и лежавшей в основе последних. Зато использовал заключение Советским Союзом в феврале — апреле новых договоров о дружбе и взаимопомощи с теми странами, где незадолго до того изменились строй и форма правления — с Румынией, Венгрией, Болгарией, а также и февральские «события» в Чехословакии как повод для обвинения Москвы в ухудшении двухсторонних отношений. «Европейское сообщество стран и США, — заявил Смит, — встревоженные тенденциями советской политики, сплотились для взаимной самозащиты, и Соединенные Штаты полны решимости играть свою роль в этих совместных мероприятиях, направленных на восстановление и самооборону». Попытался таким образом представить то, что делал Запад в феврале следствием предпринятого СССР позже, в феврале — апреле. Правда, понимая всю уязвимость подобных умозаключений, Смит (вернее, стоявший за ним государственный департамент) высказался и более оптимистично: «Мы до сих пор никоим образом не отказались от надежды на такой поворот в событиях, который даст нам возможность найти путь к установлению хороших и разумных отношений между нашими двумя странами вместе с коренным ослаблением того напряжения, которое в настоящее время повсюду оказывает столь неблагоприятное влияние на международные отношения»[637]. Прозрачно намекнул тем самым, что лишь отказ СССР от влияния на страны Восточной Европы, рассмотрения Москвой их как сферы советских интересов, национальной безопасности и может послужить основой для улучшения отношений двух стран.

Пять дней потребовалось узкому руководству на то, чтобы определить свое отношение к такому по сути категорическому требованию. Только 9 мая Молотов пригласил Смита и изложил ему, а вместе с тем государственному департаменту и президенту Трумэну, советскую позицию. Отказался от каких бы то ни было возможных уступок в Восточной Европе, сочтенных совершенно неприемлемыми для СССР. Вместе с тем выразил и искреннюю готовность к улучшению отношений. Советское правительство, отметил Вячеслав Михайлович, «всегда проводило политику миролюбия и сотрудничества в отношении Соединенных Штатов Америки, которая всегда встречала единодушное одобрение и поддержку со стороны народов СССР. Правительство СССР заявляет, что оно и впредь намерено проводить эту политику со всей последовательностью»[638].

Не довольствуясь тем, узкое руководство попыталось усилить значимость сделанного предложения. 17 мая, использовав как формальный предлог открытое письмо кандидата в президенты США Генри Уоллеса, теперь уже Сталин подтвердил неизменность прежней советской позиции по фундаментальному вопросу международных отношений. «Несмотря на различие экономических систем и идеологий, — подчеркнул Иосиф Виссарионович в ответе, — сосуществование этих систем и мирное урегулирование разногласий между СССР и США не только возможны, но и, безусловно, необходимы в интересах всеобщего мира»[639].

Однако последовательные и достаточно твердые заверения со стороны Москвы оказались напрасными. Запад не проявлял ни малейшей склонности к даже поискам компромисса. Продолжил действия, направленные на окончательный раскол и Германии, и Европы. О том свидетельствовало коммюнике завершившегося 1 июня Лондонского совещания. Оно зафиксировало окончательное утверждение ранее согласованных мер чисто экономического порядка, направленных на объединение трех западных зон Германии и неминуемое присоединение последней к Западному союзу. Констатировало и более серьезное: изменение германской границы, но только западной, в пользу стран Бенилюкса. То, что в соответствии с

решениями Ялтинской и Потсдамской конференций являлось прерогативой только мирной конференции при непременном участии Советского Союза.

Наконец, чтобы осуществить высказанные намерения, сделать их необратимыми, США, Великобритания и Франция объявили 18 июня о проведении в своих зонах оккупации денежной реформы. Введении в них и, разумеется, в Западном Берлине, новой, единой германской марки. Это вынудило узкое руководство окончательно остановиться на наиболее жестком варианте внешнеполитического курса, отныне вполне оправданном, неизбежном введении с 23 июня полной блокады Западного Берлина. А чтобы усилить свою позицию, подкрепило его единодушной поддержкой стран Восточной Европы. Заявлением срочно, 23 июня, созванного в Варшаве совещания министров иностранных дел СССР, Албании, Болгарии, Чехословакии, Югославии (это был последний раз, когда Белград выступил единым фронтом с Москвой), Польши, Румынии и Венгрии. Тем самым Западному союзу и США продемонстрировали: отныне им предстоит иметь дело не с одним Советским Союзом, но с Восточным блоком, тесно сплоченным вокруг своего бесспорного лидера.

Холодная война стала реальностью. Очевидностью.

Глава двадцать вторая

Столь радикальные сдвиги на международной арене, приведшие к открытому противостоянию, означали стремительное сползание к наиболее непредсказуемой ситуации. Теперь зависящей от любой, самой незначительной случайности. Чреватой чем угодно — от оголтелой идеологической борьбы вплоть до регионального конфликта и даже третьей мировой войны. Потому и вызвали они в Кремле второй за полгода передел власти. Наиболее серьезные, но вместе с тем и ставшие неизбежными изменения как в составе узкого руководства, так и баланса сил в нем. Отразили, прежде всего, стремление Сталина предельно упрочить свое положение, становящееся крайне опасным в случае провала избранного лично им жесткого курса. Отразили и иное. Попытку других членов узкого руководства использовать неотвратимые перемены для усиления собственных позиций, получения преимуществ по сравнению с соперниками.

Сложное, запутанное переплетение противоречивых личных и общих, государственных, интересов не могло не привести к закулисным переговорам и их следствию — очередному компромиссу. Сталину пришлось — после отстранения Молотова, все же согласиться с возвращением другого члена «триумвирата» военной поры, Маленкова в Секретариат ЦК ВКП(б). Примириться с тем, что Георгий Максимилианович вновь, как и немногим более двух лет назад, сравняется с ним, Сталиным, заняв ключевые посты в обеих структурах власти — государственной и партийной. Показательным оказалось и еще одно важное кадровое перемещение. Утверждение в тот же день, 1 июля, и тем же решением ПБ секретарем ЦК П. К. Пономаренко[640], человека, несомненно, близкого к Маленкову, а не к кому-либо иному.

Таким образом, наиболее важный, ибо он действовал непрерывно, постоянно, орган ЦК — Секретариат уже включал семерых: Сталина, Жданова, Кузнецова, Суслова, Попова, Маленкова, Пономаренко. Им и предстояло отнюдь не демократическим способом, без голосования, а всего лишь с помощью закулисных интриг, «аппаратных игр» и определить, останется ли тяжело больной Жданов на посту второго человека в партии, или уступит это место Кузнецову, Маленкову, а, быть может, и Суслову. Острая проблема разрешилась в два этапа. Вначале, десять дней спустя, при радикальной реорганизации аппарата ЦК ВКП(б), сопровождавшейся обычным в таких случаях перераспределением обязанностей между секретарями и, тем самым, серьезнейшим изменением их властных полномочий.

По постановлению, принятому 10 июля от имени ПБ, три управления ЦК прекратили существование. Вместо них создали принципиально иную структуру, возвращавшую партию далеко назад, к тому, что было до XVIII съезда — отраслевым отделам. При этом сразу же оговорили их функции: «Считать основными задачами отделов подбор кадров по

соответствующим отраслям и **проверку исполнения решений ЦК и правительства** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)».

Управление пропаганды и агитации стало одноименным отделом с Д. Т. Шепиловым во главе. Управление по проверке партийных органов преобразовали в отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов, заведующим которого назначили Б. Н. Черноусова. Управление кадров, на протяжении девяти лет остававшееся неприкосновенным, незыблемым, монолитным, разделили на семь отделов, никак не взаимосвязанных между собой. Административный, с заведующим Е. Е. Андреевым, занимающийся подбором и расстановкой кадров в министерствах вооруженных сил, государственной безопасности, внутренних дел и юстиции, а также в прокуратуре и всей судебной системе. И отраслевые: тяжелой промышленности (зав. С. Б. Задионченко), легкой промышленности (зав. Н. М. Пегов), машиностроения (зав. В. М. Чураев), транспортный (зав. Т. А. Чумаченко), планово-финансово-торговый (зав. Сазонов), сельскохозяйственный (зав. А. И. Козлов).

Эта новая, а вернее старая структура выглядела как полное и окончательное торжество консервативных тенденций. Тех самых, которые уже однажды не оправдали надежд. Не привели к успешному выполнению в полном объеме двух первых пятилетних планов. Вылились лишь в торжество партократии — малограмотной, не разбиравшейся даже элементарно в специфике тех отраслей, которые они «курировали». Внешне реорганизация свидетельствовала также и о том, что все попытки реформировать партию, существенно ограничить ее оказавшееся сугубо негативным воздействие не только на собственно экономику, но и на всю систему управления, попытки, которые последовательно предпринимались Маленковым и Молотовым начиная с 1939 года и время от времени поддерживались Сталиным, завершились полным провалом. Однако распределение отделов между секретарями свидетельствовало о далеко не случайной половинчатости постановления ПБ от 10 июля. Скорее преднамеренности многого, не сразу бросавшегося в глаза.

Жданов сохранил контроль за отделом пропаганды и агитации. Суслов — за ни в малейшей степени не затронутым реорганизацией отделом внешней политики, которому лишь сменили название — он стал называться отделом внешнеполитических сношений. Кузнецов сумел удержать за собой административный отдел, но далеко не случайно получил в ведение как дополнительную нагрузку еще один, машиностроения. Пономаренко вверили надзор за отделами транспортным и планово-финансово-торговым. Зато Маленков получил тот самый отдел, который отныне и призван был заменить УК. Партийно-профсоюзно-комсомольских органов, обязанный повседневно и скрупулезно контролировать весь собственно партийный аппарат, центральный и местный, разумеется как бы за исключением столичного городского и областного комитета, оставшегося за Поповым. Да еще и все без исключения министерства (включая МГБ и ПГУ), комитеты, главные управления с их низовыми структурами, подчиненными им организациями, учреждениями и предприятиями — через их партийные организации. Вместе с тем пришлось Георгию Максимилиановичу еще отвечать и за работу сельскохозяйственного отдела[641].

Именно такое, ничем не обоснованное распределение обязанностей и вскрывало истинную сущность реорганизации. Предполагало неизбежное столкновение интересов двух групп руководителей — партийных и государственных. Вело либо к своеобразному «двоевластию», либо к непременным трениям, столкновениям между ними. Между Кузнецовым и Сабуровым, в равной степени отвечающими за машиностроение — по секретариату и Совмину. При явном преимуществе второго, определяемом тем, что Кузнецов, обладая всего лишь средним образованием, не мог при всем желании разбираться даже в общих вопросах вверенной ему отрасли. Между Пономаренко, окончившим московский институт инженеров транспорта и хоть недолго — всего два года, но все же работавших по специальности, и Берия — из-за транспорта. Пономаренко и Вознесенским — из-за Госплана. Пономаренко и Крутиковым, буквально накануне, 9 июля, сменившим Косыгина «ввиду перегруженности» того

на посту председателя бюро при СМ по торговле и легкой промышленности и для того утвержденного зампредом СМ СССР[642]. Не менее показательным оказалось и то, что два отдела — тяжелой и легкой промышленности, надолго остались вообще без опеки кого-либо из секретарей. Все это демонстрировало: новая структура призвана была не столько улучшить систему управления, сколько усложнить и запутать ее. Обязательно сделать яблоком раздора между партаппаратом и правительством.

Ситуация несколько прояснилась лишь через полтора месяца. Тогда, когда очередное постановление ПБ, от 26 августа, показало, что правительство все же обладает известной самостоятельностью. Министерству госконтроля, возглавляемому Мехлисом, практически подчинявшемуся непосредственно Сталину, запретили «отстранять от должности, налагать дисциплинарные взыскания…проводить ревизии министерств, изымать документы» без предварительного разрешения на то БСМ СССР[643]. О том же, но только косвенно, свидетельствовал и один из пунктов постановления ПБ от 10 июля, призванный в очередной раз попытаться нормализировать деятельность органов ЦК ВКП(б). Он предусматривал восстановление регулярности заседаний ОБ — «два раза в месяц, по понедельникам», и секретариата — «раз в неделю, по пятницам», как бы забыв о существовании самого ПБ, о необходимости не менее планомерной работы и его. Данный пункт прозрачно намекал, что ведущая роль отводится прежде всего секретариату. Объяснить же то можно только тем, что из семи его членов абсолютное большинство, четверо, входили в узкое руководство.

Новый баланс сил, еще более неустойчивый, нежели тот, что возник в марте, оказался весьма непродолжительным. Завершил первый этап передела власти. Второй же начался практически сразу же вслед за тем. В день принятия постановления о реорганизации структуры партаппарата, 10 июля, Жданов по состоянию здоровья вынужден был во второй раз за 1948 год уйти в двухмесячный отпуск, из которого ему так и не суждено было вернуться. Только поэтому все вопросы идеологической работы, курацию отдела пропаганды и агитации — до 31 августа временно, а затем, сразу после смерти Жданова, и постоянно взял на себя Маленков. А вместе с тем и благодаря тому вновь стал вторым секретарем ЦК ВКП(б). Окончательно вернул себе прежнее положение во власти. Естественно, что этому, скорее всего неожиданному для некоторых членов узкого руководства, и прежде всего Кузнецова и Суслова, событию предшествовала классическая по характеру и исполнению «аппаратная игра».

Чтобы устранить А. А. Жданова, своего основного соперника на пути к вожделенному посту, Маленков использовал положение, сложившееся в… сельском хозяйстве. В подведомственной именно ему сфере. Георгий Максимилианович выступил, но закулисно, на стороне президента ВАСХНИЛ, самоучки-дилетанта Т. Д. Лысенко в его борьбе со светилами биологической науки, в конечном итоге обернувшейся вполне предсказуемой ликвидацией на несколько лет отечественной школы генетики. Поводом же для того послужила мифическая ветвистая пшеница, которую якобы получил в результате своих опытов Лысенко. Которая сможет если не сегодня, то непременно завтра полностью обеспечить страну хлебом. Накормить наконец весь народ, так и не ощутивший еще улучшения жизни после отмены карточной системы. Сделало же возможным использовать сугубо научную дискуссию для дискредитации А. А. Жданова, нанесение ощутимого удара тяжело больному человеку досадная промашка того. Выдвижение сына, Ю. А. Жданова, на должность заведующего сектором науки отдела пропаганды и агитации. Сына, который и выступил с резкой, но вполне обоснованной критикой фантастических утверждений и воинствующего обскурантизма Лысенко.

15 июля, всего через пять дней после отъезда А. А. Жданова на Валдай для лечения и за полтора месяца до его смерти, ПБ при нескрываемой поддержке Сталина приняло постановление, направленность которого не вызывала ни малейшего сомнения:

«В связи с неправильным, не отражающим позиции ЦК ВКП(б) докладом Ю. А. Жданова по вопросам биологической науки, принять предложение министерства сельского хозяйства

СССР, министерства совхозов СССР и Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина об обсуждении на июльской сессии Академии сельскохозяйственных наук доклада акад. Т. Д. Лысенко на тему: „О положении в советской биологической науке", имея в виду опубликование этого доклада в печати»[644].

Тем самым были предрешены и ход самой «научной» дискуссии, и ее результаты, и даже последствия. Действительно, сессия ВАСХНИЛ завершила свою работу 7 августа объявлением взглядов Лысенко единственно верными и правильными, отныне не подлежащими ни критики, ни сомнению в их правоте. А всего через день, 9 августа — явное свидетельство заблаговременной подготовки необходимых кадровых «представлений» — все противники Лысенко были удалены со своих должностей решениями ПБ. В. С. Немчинова, директора ВАСХНИЛ, заменили В. Н. Столетовым. Деканов факультетов биологии МГУ и ЛГУ, С. Д. Юдинцева и М. Е. Лобашева — И. И. Презентом и Н. В. Турбиным, заведующего кафедрой дарвинизма МГУ И. И. Шмальгаузена — тем же Презентом. А на следующий день последовало еще одно, самое бессмысленное по сути решение: А. Р. Жебрака сняли с должности кафедры генетики биофака МГУ и утвердили на его место Лысенко[645], открыто клеймившего эту самую генетику «буржуазной лженаукой».

25 августа все газеты Советского Союза сообщили о «разгроме антинаучного течения» в биологии. 1 сентября — о смерти после тяжелой и продолжительной болезни А. А. Жданова. Взаимосвязь этих двух событий преувеличивать не следует, но и игнорировать их просто невозможно.

В те летние месяцы 1948 года, столь насыщенные политическими событиями, успех сопутствовал не только Маленкову, но и Сталину. Он, наконец, получил весомое подтверждение правильности избранного жесткого варианта внешнеполитического курса, да притом по основному — германскому направлению.

Отрезанный от трех оккупационных зон, Западный Берлин снабжался с конца июня продовольствием и топливом по «воздушному мосту». Средству, оказавшемуся весьма эффектным, особенно для пропаганды, но слишком дорогостоящему и, к тому же, явно недостаточному для обеспечения помимо нужд населения еще и бесперебойного производства на предприятиях. Крайне раздосадованные далеко не блестящими результатами, США, Великобритания и Франция в очередной раз выступили солидарно против бывшего союзника. Направили 6 июля тождественные по содержанию ноты протеста Советскому Союзу. В них резко осудили блокаду как «нарушение действующих соглашений», но ссылались при этом почему-то на обмен посланиями 14 и 16 июня 1945 года между Трумэном и Сталиным. Ноты категорически потребовали незамедлительного возвращения к прежнему, нормальному положению, но вместе с тем не исключили устранение разногласий «путем переговоров или любыми другими мирными методами». Правда, оговаривали, что предпосылкой тому должно обязательно стать восстановление функционирования межзональных коммуникаций, свободное передвижение людей и грузов.

Для Сталина, как можно с уверенностью утверждать, подобная позиция означала проявление слабости, а потому нажим был усилен. Ответная советская нота, от 14 июля, излагала обычную аргументацию МИД СССР, базировавшуюся на решениях Ялтинской и Потсдамской конференций. Указывала, что к ухудшению ситуации, ее обострению привели лондонские рекомендации, но особенно — сепаратная денежная реформа, и дестабилизировавшая положение в Германии. Содержалась в ноте и слабо завуалированная новая угроза — заявление о готовности Москвы своими средствами обеспечить достаточное снабжение для всего «Большого Берлина». Вместе с тем выражалась готовность и к мирному разрешению конфликта. Указывалось: «Не возражая против переговоров, советское правительство… не может связывать начало этих переговоров с выполнением каких-либо предварительных условий и что, во-вторых, четырехсторонние переговоры могли бы иметь эффект лишь в том случае, если они не будут ограничиваться вопросом об управлении

Берлином, так как этот вопрос невозможно оторвать от общего вопроса о четырехстороннем контроле в отношении Германии»[646].

Чтобы подкрепить твердость своих намерений, Москва почти сразу же объявила о проведении с 25 июля денежной реформы в советской зоне оккупации.

Западные державы вынуждены были смириться с проигрышем. Поздно вечером 2 августа Сталин и Молотов приняли послов США — Смита, Великобритании — Робертса, Франции — Шатенью по их просьбе. Выслушав их претензии по поводу блокады Западного Берлина, Сталин, не смущаясь отсутствием новизны в своих словах, изложил позицию СССР, единожды — в ноте, уже доведенную до сведения Вашингтона, Лондона и Парижа. Сказал в частности: «Одновременно с ликвидацией ограничительных мер по транспорту, принятых военной администрацией советского правительства, должна быть отменена специальная валюта — марка „Б", введенная тремя державами в Берлине, и заменена той валютой, которая имеет хождение в советской зоне, то есть валютой „дойчемарк". Это первое. Во-вторых, должно быть дано заверение, что исполнение решений лондонской конференции будет отложено до того, пока представители четырех держав не встретятся и не договорятся по всем основным вопросам, касающимся Германии. 1 сентября правительства США, Великобритании и Франции хотят созвать Парламентский совет в Германии и тем создать западногерманское правительство. Если они это сделают, о чем говорить?» А далее четко, в привычной для себя форме, выразил собственное видение возможного развития событий: «Если союзникам удастся создать одно правительство для Германии, то все вопросы снимутся. Если не удастся этого сделать, то восточная и западные зоны будут развиваться по-разному»[647]. Тем самым, открыто предупредил оппонентов — в случае дальнейших сепаратных действий Запада и Советский Союз вынужден будет пойти на аналогичные меры, на создание еще одного германского государства, в советской зоне оккупации.

Вашингтон, Лондон и Париж, уведомленные о содержании беседы, состоявшейся 2 августа, в конце концов приняли предложения Сталина. Согласились продолжить в Москве переговоры ради того, чтобы попытаться найти компромисс. Разрешить все же накопившиеся вопросы. И, казалось, дело сдвинулось с мертвой точки. 28 августа удалось согласовать текст общего документа, а спустя два дня утвердить его как «Директиву правительств СССР, США, Великобритании и Франции четырем главнокомандующим оккупационных войск в Германии». Они предусматривали снятие блокады Западного Берлина и использование марки советской зоны как единственного платежного средства для Большого Берлина. Поручали «провести в возможно короткий срок детальные мероприятия, необходимые для осуществления этих решений и сообщить Вашему правительству не позднее 7 сентября о результатах Ваших дискуссий, в том числе о точной дате, когда мероприятия… могут быть осуществлены»[648].

Добившись несомненного успеха, Сталин поспешил использовать его, чтобы прежде всего укрепить свои позиции в узком руководстве. Восстановить прежний баланс сил в нем, обеспечив себе заведомое большинство. Для того 1 сентября добился перевода А. Н. Косыгина из кандидатов в члены ПБ. Это решение сопровождалось еще одним, более значимым пунктом: «Пополнить состав девятки тов. Косыгиным А. Н.»[649]. Сделал Сталин это как нельзя вовремя. Уже на следующий день оказалось, что сближение позиций Москвы и Вашингтона, Лондона, Парижа более чем призрачно. Лишь тактический ход последних, ни на йоту так и не отступивших от своих долгосрочных планов. Несмотря на настойчивое предупреждение Сталина о неизбежных последствиях — расколе Германии, 1 сентября, как и было объявлено ранее, в Бонне открылся Парламентский совет. Под председательством Конрада Аденауэра начал разработку конституции для трех зон. Но, главное, чуть позже главнокомандующие западных оккупационных войск при обсуждении с Соколовским порученных им «директивой» мероприятий, неожиданно для советской стороны вновь стали настаивать, как прежде их правительства, на снятии прежде всего блокады, и лишь после того готовы были согласовывать изменение денежной системы Большого Берлина.

Подтверждением нового обострения отношений явилась памятная записка США, Великобритании и Франции от 14 сентября. Она не только констатировала сохранение диаметрально различных подходов к решению берлинской проблемы, но и усиливала вероятность того, что согласие вряд ли удастся достигнуть. Выдвигала новые требования, заведомо неприемлемые для Советского Союза. В частности, требовала расширения полномочий четырехсторонней финансовой комиссии, создаваемой лишь для введения в Берлине восточной марки. Превращение ее в орган контроля над Немецким эмиссионным банком, оперировавшим только в советской зоне.

Несмотря на явное противодействие, Москва попыталась все же добиться общего согласия. Возобновила переговоры, в которых участвовали Молотов и послы трех стран, на этот раз завершившиеся полным провалом. 22 сентября очередная нота США констатировала, что продолжение переговоров бесполезно, а потому информировала о переносе вопроса на рассмотрение ООН. Все дальнейшие попытки советской дипломатии добиться лишь одного — одновременности снятия блокады и введения восточной марки, так и не увенчались успехом. А 25 октября уже Совет безопасности отклонил проект резолюции, содержавший все тот же вариант выхода из кризиса, предложенный представителем СССР.

Столь же волнообразно — от радужных надежд до полного разочарования — развивалась ситуация и в Палестине, поначалу обещавшая стратегический прорыв на Ближнем Востоке.

Еще 14 мая 1948 года верховный комиссар Великобритании в Палестине, Алан Канинхэм, объявил о прекращении британского мандата. В тот же день было провозглашено создание независимого Израиля, сформировано временное правительство во главе с Давидом Бен Гурионом. Временным президентом провозгласили уроженца белорусского города Пинска Хаима Вейцмана, возглавлявшего с 1929 года Еврейское агентство. В тот же день войска Египта, Трансиордании, Ирака, Сирии и Ливана перешли границы Палестины и открыли боевые действия против еврейских подразделений. 15 мая новое государство признали Советский Союз — де-юре, и Соединенные Штаты — де-факто.

«Как бы радикально ни изменилось советское отношение к нам за последующие двадцать пять лет, — вспоминала Голда Меир, — я не могу забыть картину, которая представлялась мне тогда. Кто знает, устояли бы мы, если бы не оружие и боеприпасы, которые мы смогли закупить в Чехословакии и транспортировать через Югославию и другие балканские страны в черные дни начала войны, пока положение не переменилось в июне 1948 года? В первые шесть недель войны мы очень полагались на снаряды, пулеметы и пули, которые Хагане удалось закупить в Восточной Европе, тогда как даже Америка объявила эмбарго на отправку оружия на Ближний Восток, хотя, разумеется, мы полагались не только на это»[650].

Обеспеченный с помощью Советского Союза оружием и боеприпасами Израиль сумел не только выдержать первый удар арабских сил, но и сразу же перейти в контрнаступление на трех участках фронта: в Галилее, Иудее, Иерусалиме. Четырехнедельные бои продемонстрировали столь значительное превосходство Цахал — регулярной израильской армии, что Совет безопасности, опасаясь расширения вооруженного конфликта за пределы Палестины, потребовал немедленно прекратить огонь. Предоставить посреднику ООН, графу Фольке Бернадотту возможность приступить к официальному разделу территории между евреями и арабами, созданию демилитаризованной зоны Иерусалима.

Тем временем поставка оружия из Чехословакии в Израиль, осуществлявшаяся группой американских пилотов и механиков, достигла своего пика. Представители США в Праге попытались пресечь незаконную деятельность своих сограждан. Вызвали их и предупреждали, что в случае продолжения подобной деятельности у них отберут паспорта, а ведомые ими самолеты будут сбиваться без предупреждения[651]. Однако жесткий демарш привел только к тому, что база тайных операций была перенесена из Праги в Брно. В тот город, где и находились знаменитые оружейные заводы «Шкода».

Спустя месяц, в августе 1948 года, директор ЦРУ Хилленкеттер вынужден был направить Трумэну новый меморандум. Констатировал, что Чехословакия стала «основной базой для операций разветвленной подпольной организации, занятой тайной переброской по воздуху военных материалов в Палестину». Что опасность представляют не только огромные масштабы контрабанды оружия, но и то, что ведется она с ведома местных, чехословацких властей и при непосредственном участии тайной полиции[652].

После февральских «событий», когда Бенеша на посту президента сменил Готвальд, а правительство Чехословакии представляло фактически только одну партию, коммунистическую, у Вашингтона не оставалось ни тени сомнения, чью же волю выполняет Прага. Но возросшая обеспокоенность Хилленкеттера объяснялась не только этим. В еще большей степени волновало его иное. То, что часть оружия перебрасывалась в Чехословакию из западноевропейских стран, в том числе из Великобритании, и даже из США. А делалось это при посредничестве президента Мексики Мигеля Алемана, под прикрытием фиктивной авиакомпании «Линеас унидас де Панама». Имелись в ЦРУ и иного рода сведения. О том, что в чехословацких городах Оломоуц, Велке Шфебне, Либерец, Чешски Будеевицы проходят подготовку около четырех тысяч человек, завербованных в израильскую армию в странах Восточной Европы, в Великобритании, США. Вербовкой же американцев, их доставкой в Прагу занимается еврейская благотворительная организация «Джойнт», чья штаб-квартира располагается в Нью-Йорке.

Если Хилленкеттер вынужден был ограничиваться только уведомлением президента о фактах нарушения законов США и соглашения ООН о перемирии в Палестине, то государственный секретарь Маршалл стал действовать. Санкционировал вручение министерству иностранных дел Чехословакии ноты протеста США. Более того, уведомил обо всем Бернадотта и, тем самым, ООН. Поэтому чехословацкому правительству пришлось оперативно отреагировать на утечку секретной информации. Две недели спустя Владимир Клементис, сменивший в феврале Масарика на посту министра иностранных дел, сообщил послу США: все американцы, упомянутые в ноте, покинули пределы Чехословакии. Но, разумеется, ни словом не обмолвился, что тайные операции продолжались с прежним размахом. Только теперь брали начало не в Брно, а в небольшом городке под Братиславой. Там, где наверняка не могло оказаться посторонних и чрезмерно любопытных людей.

Тем временем сама поддержка советским блоком Израиля, оказание ему военной помощи приняла столь широкий характер, что сведения о ней утратили прежнюю секретность. Стали чем-то само собой разумеющимся, нормальным и потому невольно вышли из-под воздействия прежних правил. Начали проникать даже в содержание внутренней переписки, циркулировавшей в аппарате ЦК ВКП(б). Так, в одной из справок, регулярно готовившихся отделом внешней политики, референт, то есть самый младший по должности сотрудник ближневосточного подотдела, П. Милоградов, с недоумением и укоризной 16 июля 1948 года отмечал:

«В создавшихся в Палестине условиях ЦК компартии Израиля… взял на себя роль агента израильского правительства по доставке оружия и вербовке добровольцев за границей для еврейской армии. Для осуществления этих целей секретарь еврейской компартии т. Микунис С. разъезжает по странам народной демократии, где пытается получить помощь обученными военному делу людьми и вооружением»[653].

Милоградов не учел одного, самого важного. Подобные действия бесспорно означали то, что в соответствии с правилами, Микунис вел переговоры, и отнюдь не по собственной инициативе, с сотрудниками исключительно соответствующих отделов ЦК компартий Восточной Европы. Вынуждал их вступать в переговоры с коллегами, работавшими и в партийном, и в государственном аппаратах. А потому с каждым новым зарубежным визитом Микуниса круг лиц, осведомленных о тайных операциях, неуклонно расширялся.

Способствовал циркулированию различных слухов, в которых вымысел наслаивался на правду, перемешиваясь с нею.

Тому же способствовало и вызывающее поведение руководства Израиля, откровенно пренебрегавшего общественным мнением. Действовавшего довольно двусмысленно потому, что именно тогда началось первое открытое противостояние двух блоков — блокада Западного Берлина.

22 августа боевики Лехи (группа «Штерн», давно подозревавшаяся Западом в тесных связях с Москвой) похитили старшего шифровальщика генерального консульства США в Иерусалиме Джефри Паро. Почти сутки держали его под арестом, непрерывно допрашивая, а затем столь же неожиданно, как и захватили, освободили его. Вернее, передали израильской полиции. Однако, как и в конце мая, когда неизвестным снайпером был убит генеральный консул США в Иерусалиме Томас Вассон, госдепартамент вынужден был смолчать. Никак не прореагировать на столь вопиющий, явно недружелюбный акт. Не захотел ухудшать отношения с Тель-Авивом, и без того переживавшие далеко не лучшие времена.

17 сентября членами той же организации Лехи был убит в еврейском секторе Иерусалима посредник ООН Фольке Бернадотт. Израильское правительство сделало вид, что начало разыскивать террористов. Даже арестовало несколько человек, явно не имевших прямого отношения к преступлению. Тем временем чехословацкие консульства в Иерусалиме и Хайфе работали до глубокой ночи. Срочно оформляли визы для тридцати членов Лехи. Скорее всего для тех, кто имел самое непосредственное отношение и к подготовке, и к проведению покушения на Бернадотта. 18 и 19 августа все они вылетели в Прагу, где их след затерялся навсегда.

В конце октября израильтяне обстреляли в Хайфе шлюпку американского эсминца «Маккензи», а 13 ноября — американский корабль «Гейнард». И снова Джорджу Маршаллу пришлось проглотить оскорбление. Не заметить происшедшего, хотя он, как и его коллега по администрации Форрестол, был детально осведомлен обо всем генеральным консулом США.

Между тем война за независимость, которую столь успешно вел Израиль, подходила к концу. 14 октября, нарушив третье перемирие, установленное ООН, Цахал развернул очередное наступление. Приступил к ликвидации египетских войск, окруженных в районе города Фалуджи. Теперь уже нельзя было сомневаться в полном разгроме арабских армий. Нельзя было говорить и о возможности претворения в жизнь посреднического плана ООН, предусматривавшего создание арабского государства Палестина, включавшего Негев, и демилитаризацию Иерусалима, полностью занятых еврейскими силами. Использовав накопленную благодаря поддержке СССР военную мощь, Израиль смог навязать и соседним странам, и всему мировому сообществу собственные условия мира.

Только теперь Тель-Авив мог позволить себе прекратить боевые действия, выполнив требования ООН, и дожидаться: выполнит ли — в случае переизбрания — Трумэн свое давнее обещание. Признает Израиль де юре, предоставит через Экспортно-импортный банк долгосрочный займ в 135 миллионов долларов, или нет. Осуществит ли на практике пункт предвыборной платформы Национального комитета демократической партии, предусматривавший признание тех границ Израиля, которые тот установит сам. Исходя лишь из собственных интересов.

Избранный 7 ноября 1948 года президентом США на второй срок, Гарри Трумэн в своей первой же речи подтвердил готовность следовать старому своему курсу по отношению к Израилю. Поддержать все его устремления.

Советское руководство оказалось поставленным перед жесткой необходимостью заново оценить ситуацию на Ближнем Востоке. Предусмотреть и такой вариант, при котором Израиль изменит свою ориентацию. Заодно Кремлю следовало пересмотреть внешнеполитическую доктрину или скорректировать ее, учитывая возможное столкновение интересов и

стратегических планов СССР и США в еще одном районе мира. Сделать же все это не представляло особого труда. Произраильская позиция американского президента, несмотря на противодействие ряда членов его администрации, не являлась тайной для Москвы. Известно было и многое иное.

В январе 1948 года И. Фефер, ответственный секретарь БАК, сообщал, основываясь на содержании переговоров с болгарской еврейской делегацией, своим кураторам в ЦК ВКП(б): «Джойнт» усвоил «язык американских реакционеров, а планы помощи „Джойнт" (Израилю. — *Ю. Ж.*) сильно отдают доктриной Трумэна и планом Маршалла»[654]. Известно было в Москве и более чем многозначительное, весьма показательное заявление руководителя «Джойнт», Генри Моргентау, опубликованное буквально накануне президентских выборов, 31 октября, в «Бюллетене Джойнт»: «Из всех народов средиземноморского бассейна только евреи могли бы создать прочный центр обороны против распространения коммунизма»[655].

Да и перед тем, летом того же, 1948 года, в период максимальных поставок оружия Тель-Авиву, отделу внешней политики ЦК следовало обратить самое серьезное внимание на ставшее ему известным мнение обозревателя телавивской коммунистической газеты «Кол гаам». Формально, писал комментатор, «Израиль не может примкнуть к какой-либо стороне в международной политической борьбе, но фактически является ширмой для проведения политики подчинения американскому империализму… Захват американцами молодого государства фактически уже начался»[656].

Весьма возможно, что именно отчетливое ощущение непрочности, временного характера тесных отношений с правительством Израиля, и вынудило узкое руководство уклониться от прямой политической поддержки того как одной из конфликтующих сторон. Отсюда, бесспорно, и запрещение появления в печати заявлений советских граждан — евреев, адресованных ЕАК и выражавших готовность отправиться в Израиль отстаивать его свободу и независимость. Осуществление поставок оружия и боеприпасов, сбор и подготовка добровольцев для еврейской армии на территории не СССР, а Чехословакии. Страны, которая до марта 1948 года могла считаться не присоединившейся окончательно к восточному, советскому блоку.

Лишь переизбрание 7 ноября 1948 года Трумэна, его заявление об отношении к Израилю и заставило узкое руководство все же отказаться от политики балансирования, занять более определенную позицию. 20 ноября ЕАК, который вскоре должен был направить в Тель-Авив делегацию для установления прямых связей с ишувом, был ликвидирован. Постановление, принятое в тот день ПБ, гласило: «Утвердить следующее решение Бюро Совета Министров СССР: Бюро Совета Министров СССР поручает министерству государственной безопасности СССР немедля распустить Еврейский антифашистский комитет, так как, как показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать. Пока никого не арестовывать»[657]. Однако постановление все же сделали секретным. Оставили, тем самым, возможность и пересмотреть его, и вернуться к прежней ориентации.

Обвинение же ЕАК в сотрудничестве с зарубежными разведывательными организациями возникло далеко не случайно. Ведь оно создавало более чем удобное основание не только для изъятия и чистки архивов комитета, выявления в них всего, что могло иметь отношение к тайным операциям, подтверждало их организацию Советским Союзом. В будущем позволяло устранить в случае крайней необходимости тех людей, кто был связан с поставками оружия в Израиль. По той же причине, скорее всего, в те же дни, но, как оказалось, пока временно, и были свернуты все операции по контрабандным поставкам вооружений, проводившимся из Чехословакии. Тогда же государственный департамент и военная разведка США стали получать сведения об ухудшении отношений между СССР и Израилем, о роспуске еврейских

общественных и культурных организаций в Польше, Румынии, Болгарии, об арестах их руководителей.

Однако решительный разрыв узкое руководство пока себе еще не позволило. В декабре Москву посетила чехословацкая правительственная делегация, в состав которой входили премьер А. Запотоцкий, министры финансов — Я. Доланский, промышленности — А. Климент, иностранных дел — В. Клементис. После непродолжительных переговоров, в которых участвовали Сталин, Молотов и Микоян, она отбыла на родину и сразу же операции по поставке оружия в Израиль возобновились. Вернее, стали спокойно и планомерно завершаться. Все прошедшие военное обучение в Чехословакии израильские военнослужащие, так называемая Бригада Готвальда, с оружием, и не только личным, организованно вылетела в Тель-Авив. Тогда же еврейская сторона преподнесла СССР подарок, оказавшийся прощальным. Похитила в США и доставила в Прагу образец новейшего, секретного мобильного радара раннего обнаружения.

Окончательно операции по контрабанде оружия советское руководство свернуло лишь в начале февраля 1949 года. Только тогда, когда сразу же после инаугурации, совпавшей с кануном выборов в израильский парламент, кнессет — 24 января, США признали правительство Бен Гуриона де юре, а Трумэн подписал закон о предоставлении Израилю обещанного многомиллионного долгосрочного займа.

В те же январские дни в Москве продолжились (или скорее начались) аресты тех членов ЕАК, которые действительно работали, а не числились в нем. Которые, судя по всему, использовались Молотовым, разведывательной службой МИД СССР — Комитетом информации. Вслед за руководителем ЕАК И. Фефером, его заместителем, бывшим консулом СССР в Сан-Франциско, причастным к атомному шпионажу Г. Хейфецем, последовали аресты бывшего главы Совинформбюро С. А. Лозовского, а также Л. Квитко, П. Маркиша, Б. Шимелиовича, других. Возможно, среди арестованных оказались и те, кто не знал, к чему невольно оказался причастен, о чем не ведая случайно знал. На судьбе же «свадебных генералов» ЕАК — писателей В. Гроссмана, И. Эренбурга, поэта С. Маршака, пианистов Э. Гилельса, Я. Флиэра, архитектора Б. Иофана, композитора А. Крейна, скульпторов П. Сабсая, П. Чайкова, режиссера А. Таирова, театральных художников И. Рабиновича, А. Тышлера, кинорежиссера Ф. Эрмлера, публициста — постоянного автора газеты «Правда» Д. Заславского, сатирика из журнала «Крокодил» Г. Рыклина, очень многих иных, менее или совсем неизвестных, ликвидация ЕАК практически не отразилась.

И все же лишь роспуском ЕАК решительный пересмотр ближневосточной политики Советского Союза не мог ограничиться. Должен был неизбежно затронуть и более высокий уровень. И затронул. Очень скоро. Стал поводом для очередного, оказавшегося самым значительным, передела власти в Кремле.

Часть четвертая
1949–1954 годы
БИТВА ЗА ВЛАСТЬ

После победы над нацистской Германией минуло три с половиной года. Однако практически ни одну задачу из тех, что поставила сама жизнь, выдвинуло, и не безосновательно, узкое руководство как наиболее насущные, первоочередные, решить так и не удалось.

Города, деревни тех областей, по которым дважды — с запада на восток и обратно — прошел страшный и безжалостный каток боевых действий, еще не были подняты из руин. Лежали в развалинах, хотя время, отведенное на восстановление, почти истекло. Рабочую силу, немногие имеющиеся средства приходилось прежде всего и главным образом направлять на восстановление промышленности. Но и там дела оказались далеко не блестящими. Только в конце 1948 года удалось начать выпуск крайне необходимой для сельского хозяйства

продукции на Минском и Харьковском тракторных заводах, Ростовском и Харьковском комбайновых. Тогда же завершилось восстановление крупнейшей в европейской части СССР ГЭС — Днепровской, Азовского и Макеевского металлургических комбинатов, предприятий комплекса Криворожского бассейна, частично — шахт Донбасса.

До некоторой степени явные просчеты, недостатки, неудачи компенсировали тем, что бросалось в глаза, могло служить не только весомым доказательством все же имевшихся достижений, но и их рекламой. В 1947 году в значительной степени благодаря репарациям, вывозу из Германии промышленного оборудования, начался массовый выпуск в Москве, Горьком и Ярославле автобусов «ЗиС-154» и «ЗиС-155»; легковых автомобилей «Москвич», «Победа», «ЗиМ», «ЗиС-110»; грузовиков «ЗиС-150», «ЗиС-151»; «ГАЗ-63», «ЯАЗ-200», «ЯАЗ-210», а на новом автозаводе, в Минске — «МАЗ-2». В конце 1946 года стало возможным приступить к серийному производству пассажирского самолета «Ил-62», а спустя два года еще и многоцелевого «Ан-2», что воссоздало гражданскую авиацию.

Причины серьезнейших отставаний в выполнении пятилетнего плана восстановления, предусматривавшего и подъем — сразу же вслед за тем, народного хозяйства крылись в оценке и подходах к международному положению. В неприятии монополии США на ядерное оружие, в признании правил холодной войны с ее непременным атрибутом — гонкой вооружений. Все это и вынуждало узкое руководство направлять чуть ли не все возможности экономического потенциала страны преимущественно на два направления. Те, что и стали, но лишь для власти, первостепенными, вынуждая откладывать все остальное для лучших времен.

На атомное: работу промышленных ядерных центров — Саровска под Арзамасом, под Челябинском, научных — Москвы и Сухуми; строительство полигона под Семипалатинском. На все то, что и позволило уже 6 ноября 1947 года Молотову поразить мир. Заявить во всеуслышание, на торжественном заседании Моссовета по случаю 30-летия Октябрьской революции: «Известно, что в экспансионистских кругах Соединенных Штатов Америки распространилась новая своеобразная религия: при неверии в свои внутренние силы — вера в секрет атомной бомбы, хотя этого секрета давно уже не существует».

Пришлось Советскому Союзу, хотел он того, или нет, сосредоточить экономические возможности и на еще одном, не менее важном направлении. На создании средств доставки ядерного оружия. Для отдаленного будущего — ракет. Для ближайшего — бомбардировщиков дальнего действия. Четырехмоторных «Ту-4», созданных фактически как точная копия американского самолета «В-29». Реактивных — «Ту-12», впервые поднятого в воздух летом 1947 года, и «Ту-14», испытания которого состоялись в конце того же года.

По мнению узкого руководства лишь паритетность, только создание собственного ядерного щита могло позволить говорить с США на равных. Защищать национальные интересы Советского Союза, гарантировать его безопасность в настоящем и будущем. А до того заставляло вновь и вновь откладывать решение более насущных, но уже для населения, задач — резкого увеличения производства продуктов питания, предметов широкого потребления, строительство жилья. Вынуждало направлять на оборону гигантские средства. Только на содержание собственно вооруженных сил, притом открытое, с утверждением на сессиях ВС СССР, в 1946 году — 22,8 % расходной части всего бюджета, в 1947 — 15,8 %, но уже в 1948 — 17,5 %, а на 1949 год и запланировать того больше — 19,1 %. Несколько меньше выделяли на МВД с его собственными войсками. Наконец, огромные средства требовали и министерства, в той или иной степени работавшие на оборону. При этом с 1946 по 1949 год расходы только на строительство военно-морского флота увеличились почти в два раза.

Осложняло внутреннее положение СССР и все еще не сломленное, далекое от ликвидации вооруженное сопротивление сепаратистов в республиках Прибалтики, западных областях Украины. Те откровенно антисоветские подпольные движения, которые США, после утверждения конгрессом осенью 1947 года закона о национальной безопасности и создания в соответствии с ним ЦРУ, чуть ли не открыто поддерживали. Материально — снабжая оружием,

радиостанциями, деньгами. Морально — обещая в радиопередачах на эстонском, латышском, литовском, украинском языках радиостанций «Голос Америки», «Свободная Европа» скорую войну. Уже не холодную, а настоящую, горячую — Запада с Советским Союзом.

Такая ситуация напрямую отражалась на отношениях «Москвы», Центра с регионами, обуславливая усиление позиций последних. Заставляла в качестве пропагандистской контрмеры, по крайней мере на словах, защищать федерализм в ущерб давно назревшему унитаризму, сохранять все внешние атрибуты «самостоятельности» союзных республик. Усиливать роль их правительств в руководстве экономикой на подведомственной территории, способствовать на деле развитию национальных языков, культуры. В свою очередь, подобная политика вынуждала наращивать мощь партии, ее местных структур как основного противовеса, сдерживающей силы возраставших центробежных тенденций. Партии в целом, лишь потому и начавшей медленно, но неуклонно возвращать себе прежние позиции, властные, достаточно широкие полномочия. И реанимировать казалось бы забытую навсегда идею движения к коммунистическому обществу. Программу его «построения», но на этот раз не краткосрочную, а рассчитанную на весьма длительный период.

Серьезными провалами сопровождалась и советская внешняя политика. Вернее, ее жесткий вариант, окончательно взятый на вооружение летом 1948 года. И он не смог позволить отыграть ни одну из позиций, потерянных буквально за два года.

Советскому Союзу пришлось смириться с тем, что важнейший для него германский вопрос так и не был разрешен. Все еще оставалось неизвестным, состоится ли подписание мирного договора с поверженным противником, а если и состоится, то когда, на каких условиях. Следовательно, оставались не подтвержденными мировым сообществом западная граница СССР — с Польшей, включение в состав страны северной части Восточной Пруссии (будущей Калининградской области). Не помогла ускорить договоренность с США, Великобританией и Францией об условиях в сроках подписания мирного договора с Германией и отчаянная по своей сути блокада Западного Берлина. Акция, лишь обострившая конфронтацию, сделавшая ее явной, несомненной.

Советскому Союзу пришлось пойти на раздел Кореи. За полгода до вывода оттуда советских оккупационных войск создать летом 1948 года Корейскую народно-демократическую республику только для того чтобы не позволить приблизить вполне вероятное американское военное присутствие у еще одного участка своей границы. Теперь — дальневосточного. В регионе, и без того ставшего зоной повышенной напряженности после начала холодной войны из-за размещения в Японии войск США.

Пришлось смириться Советскому Союзу и с тем, что его войска вынудили уйти из Ирана весной 1946 года, хотя британские части были эвакуированы только почти через год. Смириться и с предоставлением Соединенными Штатами займа в 25 миллионов долларов Ирану для перевооружения. Иными словами, с тем, что Вашингтон сумел расширить зону своего влияния на восток от Турции, вдоль значительного участка границы СССР.

Советскому Союзу пришлось смириться и с более оскорбительным — фактическим исключением его из числа великих держав. С неучастием в решении судеб африканских колоний Италии — Киренаики, Триполитании и Феццана (будущая Ливия), Эритреи и Сомали. Откровенным игнорированием, тем самым, законных прав СССР как победителя. Державы еще всего два с лишним года назад являвшейся одной из вершительниц судеб мира.

Пришлось Советскому Союзу смириться и с проигрышем схватки в Палестине, где все поначалу выглядело столь надежно, оптимистично, многообещающе. Где победа казалась неминуемой с того момента, когда летом 1947 года практически все еврейские организации мира, в том числе и США, восторженно встретили, приветствовали выступление А. А. Громыко на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН. Его прочувственные, проникновенные слова, произнесенные 15 июня:

«Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы, — сказал Громыко, — оказалось лишенным своей родины, крова и средств существования. Сотни тысяч евреев бродят по разным странам Европы в поисках средств существования, в поисках убежища. Большая часть из них находится в лагерях перемещенных лиц, все еще продолжая терпеть большие лишения… Пора не на словах, а на деле оказать этим людям помощь. Необходимо проявить заботу о неотложных нуждах народа, перенесшего тяжелые страдания в результате войны, развязанной гитлеровской Германией… То обстоятельство, что ни одно западноевропейское государство не оказалось в состоянии обеспечить защиту элементарных прав еврейского народа и оградить его от насилий со стороны фашистских палачей, объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления. Отрицание такого права за еврейским народом нельзя оправдать…»

Спустя полтора года, уверенное в близкой и несомненной победе на Ближнем Востоке, отыгрыше таким образом неудачи с Западным Берлином, узкое руководство продолжало открыто поддерживать позицию уже ставшего реальностью еврейского государства, Израиля. Выступая 15 ноября 1948 года в Совете безопасности, советский представитель Я. А. Малик решительно потребовал немедленно заключить постоянное перемирие в Палестине, сохранив присутствие израильской армии в Негеве, который по плану ООН должен был стать частью арабской Палестины. Ну, а причину столь категорической позиции СССР несколько раньше, 21 сентября, выразил якобы от своего имени, как собственное мнение Илья Эренбург. В статье «По поводу одного письма», опубликованной в тот день газетой «Правда», он недвусмысленно рекомендовал Тель-Авиву: «Гражданин социалистического общества смотрит на людей любой буржуазной страны, в том числе и на людей государства Израиль, как на путников, еще не выбравшихся из темного леса… Судьба еврейских тружеников всех стран связана с судьбой прогресса, судьбой социализма». Тем самым Эренбург донельзя популярно объяснил, что же именно ждет Москва от Тель-Авива. Более недвусмысленно, хотя и с претензией на образность, взгляды советского руководства, его явное желание видеть Израиль своим надежным партнером, другом, а может быть и союзником, выразить было невозможно.

Однако вскоре последовала очередная, не менее определенная, но соответствовавшая кардинально изменившемуся положению, оценка. Менее чем через месяц после так и оставшегося сверхсекретным постановления ПБ о ликвидации ЕАК, в полном соответствии с ним появилось, наконец, то самое заявление, которое и следовало воспринимать как неформальное выражение новой вполне официальной позиции Кремля по данной проблеме. Для этого, как и сразу же после взрыва атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки, использовали «независимый» журнал «Новое время».

В его предпоследнем за 1948 год номере, 51-м от 15 декабря, опубликовали редакционную (что подчеркивало, усиливало ее значимость) статью под весьма характерным для советской прессы той поры заголовком — «С чужого голоса». С ее помощью уведомили читателей: в Израиле «нашлись определенные круги и печатные органы, занявшие явно недружественную позицию по отношению к Советскому Союзу». Подтвердили же данный тезис обычным в таких случаях перечнем «вороха клеветнических выдумок» — о положении евреев в СССР, о трудностях работы израильской миссии в Москве. Далее с вполне справедливой, естественной обидой констатировали, что «реакционные газеты… усиленно подчеркивают „большое значение“ позиции американской делегации» в ООН при обсуждении ситуации в Палестине. И сделали однозначный вывод: «В ущерб интересам еврейского народа они (израильские газеты. — *Ю. Ж.*) выполняют заказ американских монополий, которые стараются погреть руки у огня палестинского конфликта».

Газеты Израиля, чьи материалы анализировала статья «Нового времени», не назывались, ибо дело было конечно, не в них. Московский журнал стремился продемонстрировать, сделать известным иное. Осознание советским руководством того, что Тель-Авив без предупреждения

и объяснения изменил свой внешнеполитический курс. Намеревался отныне следовать за Вашингтоном, стремительно сближаясь с ним в ущерб далеко идущим планам и расчетам Кремля.

Весьма возможно, что очередная неудача, постигшая советскую дипломатию, была бы вскоре забыта. Предана забвению, как и проблемы Черноморских проливов, иранская, Западного Берлина. Ведь о проигрыше никто не любит вспоминать… Но на этот раз нарушила привычный ход вещей, все резко изменила чистая случайность. Склока, возникшая именно тогда же, в декабре 1948 года, между драматургами и театральными критиками. Скандал, разразившийся из-за крайне редкого явления — несогласованности в работе двух секторов одного и того же отдела ЦК ВКП(б) — пропаганды и агитации. Узковедомственный конфликт только в силу невольного совпадения по времени с проигрышем Советским Союзом ближневосточной партии, наложивший характерный отпечаток на слишком многие события жизни страны последующих четырех лет. И послуживший вместе с тем надежным прикрытием для более серьезного, действительно значимого — решительной схватки за лидерство в узком руководстве.

Глава двадцать третья

Все началось с самого обычного, заурядного для аппарата ЦК происшествия. С записки первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова, направленной 16 ноября (за четыре дня до постановления ПБ о судьбе ЕАК) Маленкову. Намечая, видимо, новые рубежи карьеры, Николай Александрович решил проявить себя в необычной для него сфере — культуре. И обратился для начала к кризису, охватившему по его мнению театры страны.

«Считаем необходимым доложить Вам, — писал Михайлов, — о крупных недостатках в работе советских театров… Для характеристики сложившейся в театрах обстановки приведем лишь некоторые данные. По всей стране посещаемость составляет не более 50–55 %. Большинство театров план не выполняет. В Горьковском театре оперы и балета посещаемость составляет 39,7 %, в Молотовском театре — 50,7 %, в Харьковском драматическом театре — 32 %, в театре имени Спендиарова в Армении — 27 %. За первое полугодие театры страны задолжали государству около 100 млн. рублей».

Вожак комсомольцев не только констатировал далеко не блестящее положение. Он пытался и объяснить, что же привело к нему, указывая: «Молодежь часто высказывает недовольство тем, что в театрах мало хороших советских пьес. Темы послевоенной жизни и борьбы советского народа почти не находят отражения в пьесах… Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР неудовлетворительно выполняет постановление ЦК ВКП(б) „О репертуаре". Вместо того, чтобы выработать хороший и активный план проведения в жизнь этого постановления ЦК ВКП(б), комитет ограничился полумерами. Настоящей борьбы за выполнение указаний ЦК ВКП(б), глубокой перестройки работы в соответствии с новыми требованиями комитет по делам искусств не проводит».

Михайлов, естественно, предложил и свое видение решения проблемы. А среди первостепенных действий такое: «Подготовить и провести всесоюзное совещание по вопросам советской драматургии. Организаторами такого совещания могут быть Союз советских писателей, Всесоюзный комитет по делам искусств. Совещание должно заслушать доклады тт. Фадеева и Лебедева о задачах советского драматического искусства и выработать меры, обеспечивающие серьезный подъем советского драматического искусства»[658].

Уже на следующий день, что в немалой степени предопределило все последующие действительно драматические события, документ поступил к заведующему ОПиА Д. Т. Шепилову с четкой, требовавшей незамедлительной реакции, резолюцией Маленкова: «Прошу разобраться в этом деле. Доложите предложения. На секретариат». Ответ, весьма уклончивый и потому подписанный не самим Шепиловым, а его заместителем А. Н. Кузнецовым и заведующим сектором искусств Б. С. Рюриковым, последовал тут же: отдел «готовит в

настоящее время докладную записку о выполнении постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре драматических театров, при подготовке которой будут учтены предложения т. Михайлова»[659]. А далее события развивались стремительно, подводя к неизбежному. Неминуемому.

Из объяснительной записки Рюрикова от 14 февраля 1949 года Шепилову:

«В ноябре п(рошлого) г(ода) сектор искусств решил привлечь группу критиков для подготовки материала о состоянии драматургии и театров в связи с предполагавшимся представлением докладной записки о состоянии репертуара драматических театров после постановления ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. и предполагавшимся выступлением на 12 пленуме правления Союза советских писателей. 27 ноября в отдел пропаганды и агитации были вызваны Залесский, Калашников, Рудницкий, Борщаговский, Бояджиев, Крон, Юзовский, Гурвич и др., которым т. Прокофьев (замзав сектора искусств. — *Ю. Ж.*) должен был дать поручение — продумать и представить сектору соображения по отдельным вопросам. Критики были разбиты по группам для работы по разделам: о репертуаре — Калашников, Крон, Гурвич, Малюгин, Борщаговский; о репертуаре — Калашников, Крон, Гурвич, Малюгин, Борщаговский; о театрах — Залесский, Варшавский, Бояджиев; о критике — Альтман, Юзовский, Ростоцкий, Мацкин.

В совещании 28 ноября я не участвовал в связи с болезнью. Тов. Прокофьев мне сообщил по телефону, что созыв совещания санкционирован Вами, а порядок работы и список участников согласован с т. Кузнецовым А. Н. Как явствует из стенограммы, Прокофьев допустил ошибку, сообщив критикам, что они привлекаются для подготовки материалов для ЦК ВКП(б) и не дал отпора отдельным участникам совещания, выступавшим с позиций, чуждых советскому искусству.

4 декабря 1948 г. перечисленные критики явились в сектор с подготовленными ими материалами. В этот день указанную группу принимал я вместе с т. Прокофьевым и Писаревским (инструктор сектора. — *Ю. Ж.*). В. Залесский зачитал раздел о работе театров, раздел был обсужден, собравшиеся выступили со своими замечаниями, затем И. Альтман зачитал раздел о критике, который также обсуждался участниками совещания. 6 декабря таким же образом обсуждался раздел Калашникова по драматургии.

После второго обсуждения материалов я вызвал т. Прокофьева и Писаревского и сказал им, что эти встречи оставили у меня тяжелое ощущение, что их участники не понимают и не знают вопроса и что следует, не полагаясь ни на каких критиков, самим взяться за анализ данных и по драматургии, и по работе театров, и по критике. После этого т. Прокофьев и Писаревский с привлечением некоторых работников сектора литературы подготовили свою редакцию материалов. Вами она была признана неудовлетворительной. Тогда я заново, на основе Ваших указаний, составил материал о положении в драматургии. Вы нашли его, в основном, приемлемым. В основе материала лежала мысль о положительных задачах, стоящих перед драматургами: показ новых людей, новых общественных отношений, роли большевистской партии в строительстве коммунизма.

И созыв первого совещания критиков с ненужными общими разговорами, и дальнейшие обсуждения представляемых критиками материалов, был глубочайшей ошибкой сектора»[660].

Б. С. Рюриков, по образованию преподаватель русской литературы — в 1932 году он окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического института, долго работал в печати. Только в 1946 году его взяли на чисто партийную работу — в аппарат ЦК. Сначала инструктором, а в середине 1948 года утвердили в должности заведующего сектором. Поэтому Рюриков отлично понимал: скорее всего именно его, «новичка», обязательно сделают виноватым, и потому принял стоически неизбежное — полностью признал свою вину. Не сообщил в объяснении лишь о том, что впрямую не касалось его. Что относилось к компетенции председателя комитета по делам искусств при СМ СССР П. С. Лебедева: о конференции

Всесоюзного театрального общества (ВТО), и ставшей катализатором вспыхнувшего вскоре конфликта.

П. С. Лебедев — Маленкову, 25 января 1949 года:

«Комиссия по драматургии Союза советских писателей и секция театральных критиков Всероссийского театрального общества решили провести 29 ноября 1948 года творческую конференцию для обсуждения спектаклей, поставленных московскими театрами к 31-й годовщине Октябрьской революции. Проведение этого мероприятия и приглашение критика Борщаговского в качестве основного докладчика не было согласовано с комитетом. Узнав об этом, я предложил главному управлению драматических театров вмешаться в это дело и принять участие в обсуждении, поскольку будут обсуждаться новые работы наших театров.

Несмотря на требование главного управления драматических театров, тезисы доклада Борщаговский не предъявил, заявив, что он достаточно ориентирован в основных творческих вопросах советского театра.

В своем докладе, сделанном с позиций формалистически-эстетской критики, Борщаговский, прежде всего, обрушился на творчество молодых советских драматургов — тт. Сурова и Софронова, подвергнув резкой критике их последние пьесы „Зеленая улица“ и „Московский характер“… голословно выступил против МХАТ СССР имени Горького и Малого театра, критикуя их за спектакли „Зеленая улица“ и „Московский характер“.

Представитель комитета т. Пименов выступил на этом совещании против основных утверждений Борщаговского…

В заключительном слове Борщаговский обвинил комитет по делам искусств в том, что он якобы не позволяет критиковать МХАТ и Малый театр и апеллировал к собравшимся критикам, требуя их поддержки.

Вопрос о враждебной советскому искусству позиции Борщаговского и его сторонников после этого совещания несколько раз обсуждался в Союзе советских писателей в связи с подготовкой к пленуму Союза советских писателей. В моей беседе с т. Фадеевым и в выступлениях членов комитета, тт. Беспалова и Пименова на секретариате Союза писателей была установлена общая точка зрения на критику, представляемую Борщаговским, Юзовским и другими…

Считаю нужным сообщить, что работники сектора искусств отдела пропаганды ЦК ВКП(б) занимали в этих вопросах неправильную позицию. В период подготовки к пленуму Союза писателей работники сектора искусств проводили большую работу по подготовке документа о состоянии театра и драматургии. К этой работе сектор искусств привлек главным образом эстетствующих критиков, высказывания которых были резко осуждены на пленуме Союза писателей.

В секторе искусств отдела пропаганды незадолго до пленума Союза писателей было проведено совещание театральных критиков, в котором участвовали Гуревич, Малюгин, Юзовский, Бояджиев, Борщаговский, Крон, Мацкин, Залесский, Альтман, Калашников.

По заявлению зам. заведующего сектором искусств т. Прокофьева участникам совещания, задача этого совещания состояла в том, чтобы подготовить докладную записку секретарям ЦК ВКП(б) об основных вопросах развития драматургии, театра и критики. На этом совещании был разработан предварительный план документа и подготовка его была возложена на участвовавших в совещании критиков. Намечены были периодические встречи для обсуждения подготовляемых разделов этого документа.

Следует отметить, что указанное совещание было проведено 26 ноября, т. е. за три дня до выступления Борщаговского на конференции по обсуждению октябрьских спектаклей. Это обстоятельство в значительной мере определило развязное поведение Борщаговского на конференции»[661].

В своем предположении о причинах уверенного («развязного») поведения А. М. Борщаговского на конференции ВТО Лебедев не ошибался. Александр Михайлович, опытный критик и старый газетный волк, великолепно понимал, выступая 29 ноября, какую выгоду лично для него представляет участие в подготовке постановления ЦК. Знание — по кому будет нанесен удар партии, в каких грехах и кто конкретно будет обвинен. Уверенность, чувство превосходства над другими давало и несомненное знакомство Борщаговского в секторе искусств с уже определившейся, сформировавшейся позицией того, а следовательно, и отдела, и скорее всего Секретариата ЦК, по отношению к последним спектаклям.

Борщаговского обязательно должны были — чтобы «ввести в курс дела» — познакомить с нелицеприятным мнением отдела о пьесе Софронова «Московский характер», уже шедшей на сцене Малого театра. Указать, с каких позиций отдел осуждал пьесы Ромашева «Великая сила», Вирты «Хлеб наш насущный» и «В одной стране» («Заговор обреченных»). Непременно объяснить, почему же в праздничные дни так и не состоялась премьера пьесы Сурова «Зеленая улица», принятая МХАТом, чтобы отметить свое пятидесятилетие. Может быть, даже дали Александру Михайловичу прочитать записку, выражавшую мнение двух заместителей заведующего Агитпропом, Л. Ф. Ильичева и А. Н. Кузнецова, следующим образом оценивших творение Сурова: «Актуальная тема разрешена автором поверхностно, примитивно и во многом неубедительно. Ряд образов лишен психологической глубины, показан схематично и подчас фальшиво… Спектакль „Зеленая улица“ не может быть показан в дни юбилея МХАТ и требует большой дополнительной работы. Отдел пропаганды и агитации считает необходимым дать указание комитету по делам искусств об исключении его из репертуара юбилейной декады и о доработке пьесы и спектакля»[662].

Выступая на конференции ВТО слишком уверенно, безапелляционно, Борщаговский невольно раскрыл намерения Агитпропа. Фактически дал понять драматургам, и прежде всего Софронову и Сурову, об опасности, нависшей над ними. Ну а те, естественно, не стали спокойно дожидаться утверждения Секретариатом ЦК документа, еще дорабатывавшегося в секторе искусств. Немедленно перешли в контрнаступление. Пошли на единственно возможное в создавшемся положении. Упреждая события, поспешили, заручившись поддержкой сектора художественной литературы того же Агитпропа, признать недостатки в работе театров, но ответственными за то сделали не себя, а своих оппонентов. Обвинителей превратили в обвиняемых. А для того, не располагая иными, более убедительными аргументами, попытались сосредоточить внимание всех на низменном. На том, что никакого отношения к проблеме не имело, но именно потому и являлось беспроигрышным ходом. Весьма прозрачно намекнули на национальность большинства театральных критиков, используя для того лишь звучание их фамилий. А заодно навесили на них те самые ярлыки, которые давно уже использовались партийной пропагандой в идеологической борьбе, но в совершенно иных целях — применительно к «внешнему врагу». Обвинили театральных критиков в эстетстве и формализме. В том, что вот уже пять лет являлось непременным атрибутом термина «космополитизм», пока еще, но только пока, открыто не произнесенного.

Полем битвы стал 12-й пленум правления ССП, на котором поначалу предполагали обсудить более нейтральные вопросы — развитие армянской, латышской, казахской литератур за период, прошедший после постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», и лишь мимоходом, чисто формально, «для галочки», затронуть проблемы драматургии. Сама же драма начала разыгрываться в пятницу, 17 декабря. На вечернем заседании, когда Софронов сделал доклад об актуальных проблемах советской драматургии.

Разумеется, чтобы не подвергнуться обвинению в односторонности, корпоративности, он разнес последние произведения А. Галича и К. Исаева, Л. Левина и И. Меттера, В. Полякова, К. Финна, И. Финка, Н. Погодина. По мнению Софронова, тех драматургов, «пьесы которых страдают оторванностью от жизни, низким идейно-художественным уровнем». Но основной удар нанес по критикам. Обвинил их в том, что ими «не изжит эстетский подход к явлениям

искусства, приятельскими отношениями нередко подменяется принципиальный подход к делу, далеко не достаточно ведется борьба за большевистскую партийность в драматургии и критике». Вынудил, тем самым, названных в этой связи Борщаговского, Варшавского, Крути, Малюгина, Рудницкого, Гурвича, Бояджиева, Юзовского уже не нападать, а оправдываться, спасая самих себя.

На следующий день погром продолжился. Председатель комитета по делам искусств Лебедев подверг критике собственные издания, за которые и отвечал — газету «Советское искусство», журнал «Театр». Осудил их за то, что те, мол, «в ряде вопросов неправильно, с чисто формалистических позиций ориентируют читателей, театр и деятелей искусства». А руководитель писательского союза обрушился, в свою очередь, на тех критиков, «которые подходят к явлениям советской жизни, отраженным в драматических произведениях, с позиций эстетства и формализма»[663].

Так именно те, кто, казалось бы, и должен был оказаться в положении подвергнутого жесточайшей критике, сомкнули ряды, чтобы отразить натиск общего противника — сектора искусств Агитпропа. Однако опасаясь, естественно, последствий открытого выступления против одного из органов аппарата партии, не упоминали в выступлениях ни Рюрикова, ни Прокофьева. Накинулись дружно на тех, кто участвовал в подготовке нежелательного документа. Сформулировали обвинения их в одной из резолюций пленума следующим образом:

«В секции театральных критиков Всероссийского театрального общества и в комиссии по драматургии при союзе писателей группируются критики, стоящие на осужденных партией позициях аполитичности искусства, отстаиваемые ими в более или менее открытой или завуалированной форме. Менее откровенно на страницах печати и более откровенно на всевозможных совещаниях при ВТО и в Центральном доме литераторов этого рода критики (Гурвич, Юзовский, Малюгин и др.) с формалистических и эстетских позиций пытаются дискредитировать положительные явления в советской драматургии… Желая расшатать доверие театров к современной советской теме с позиций аполитичного искусства, они неправильно ориентируют советского зрителя и мешают развитию творческого дарования многих драматургов, обращающихся к современной теме. Среди критиков этого рода культивируется **низкопоклонство перед буржуазной культурой Запада** (выделено мною. — *Ю. Ж.*), игнорируется богатейшее наследство русской классической драматургии, существует нигилизм по отношению к значительному опыту советской драматургии…

Часть советских театральных критиков (Борщаговский, Бояджиев, Варшавский) фактически идут в поводу у критики формалистической, эстетской; другие (Альтман, Холодов) примиренчески относятся к этим чуждым взглядам на драматургию и театральное искусство. Таким образом, прежние и нынешние работы критиков, стоящих на аполитичных позициях, на позициях „чистого искусства‟, „искусства для искусства‟, остаются до сих пор не разоблаченными и не раскритикованными»[664].

Работа пленума завершилась 20 декабря, но только три дня спустя, да и то после настойчивых просьб Софронова, его доклад как статья «За дальнейший подъем советской драматургии» появился на третьей полосе «Правды». Пытаясь развить успех, Софронов 25 декабря вместе с Фадеевым, а 31 декабря — с Тихоновым обратился к Маленкову, испрашивая его согласие на публикацию в «Правде» еще и резолюций 12-го пленума ССП[665].

Шепилов, Ильичев и Кузнецов, к которым и попадали эти обращения, остро ощущали уязвимость собственного положения. Отлично понимали, на что по сути направлена резолюция по драматургии и потому всячески противились тому, чтобы она, как и все остальные, увидела свет. 8 января объясняли Маленкову: «Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), ознакомившись с постановлением по вопросу драматургии, обратил внимание секретариата союза советских писателей на то, что в этом постановлении не вскрыты недостатки комитета по делам искусств, театров, а также самого секретариата Союза советских писателей. Кроме

того, в постановлении **неудовлетворительное положение в области драматургии объяснялось односторонне, главным образом, состоянием критики** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)… Учитывая это, считали бы целесообразным в очередном номере газеты „Культура и жизнь“ поместить статью, **правильно** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) оценивающую положение в области драматургии»[666].

Начался второй акт драмы.

Четыре дня Маленков решал для себя, какую же из конфликтующих сторон следует поддержать. В конце концов встал на защиту ССП и комитета по делам искусств. Скорее всего потому, что для него спор шел не по линии «критики — драматурги», а «партаппарат — госструктуры». А потому, следуя давнему замыслу всемерно ограничить власть партии, 13 января согласился с просьбой Софронова. Дал согласие на публикацию в «Правде» резолюций 12-го пленума правления ССП. Но такое решение вынудило Шепилова тут же изменить, и полностью, свой прежний взгляд на происходившее. 23 января, подписав вместе с Кузнецовым, курировавшим сектор искусств, он направил Маленкову новую записку. Поторопился изложить в ней прямо обратное тому, на чем сам же настаивал за две недели до того. Вложил в нее то, что требовало, как он полагал, от него руководство:

«ЦК ВКП(б) в ряде документов и указаний подчеркивал серьезное неблагополучие в области литературной критики. Факты показывают, что особенно неблагополучно обстоит дело в театральной критике. Здесь сложилась **антипатриотическая** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) буржуазно-эстетская группа, деятельность которой наносит серьезный вред делу развития советского театра и драматургии. Эта группа, в состав которой входят критики Ю. Юзовский, А. Гурвич, Л. Малюгин, И. Альтман, А. Борщаговский, Г. Бояджиев и др., заняла монопольное положение, задавая тон в ряде органов печати и таких организациях, как Всероссийское театральное общество и комиссия по драматургии Союза советских писателей. Критики, входящие в эту группу, последовательно дискредитируют лучшие произведения советской драматургии, лучшие спектакли советских театров, посвященные важнейшим темам современности. Вместо поддержки хороших пьес и четкого направления кадров работников театра и драматургии в основных вопросах развития театрального искусства эта группа дезориентировала драматургов и работников искусства».

Дав отрицательную характеристику каждому из членов созданной в первом абзаце «группы», Шепилов и Кузнецов позволили себе прямо написать то, на что так и не решился Софронов. Ввернули сведения о перевыборах бюро секции критиков при ВТО годичной давности только для того, чтобы подчеркнуть: «Из 9-ти избранных оказался лишь 1 русский. Следует заметить, что национальный состав секции критиков ВТО крайне неудовлетворительный; только 15 % членов секции — русские». Заключили же записку авторы предложением рассмотреть вопрос в ЦК ВКП(б) и, как полагалось в таких случаях, приложили проект постановления — «О буржуазно-эстетских извращениях в театральной критике». Разумеется, практически все пункты его постановляющей части начинались со слов «осудить», «разоблачить», «освободить от работы»[667].

Нельзя исключить того, что проект постановления с какой-либо правкой, исправлениями был бы принят, если бы на следующий день к Маленкову не поступила бы еще одна записка — «О неправильной позиции работников Агитпропа ЦК в связи с активизацией антипатриотической группы театральных критиков». На этот раз от главного редактора «Правды» П. Н. Поспелова. В ней же проблема представала в совершенно ином свете. Петр Николаевич отмечал:

«1. Работники Агитпропа ЦК, видимо, прозевали так называемую „творческую конференцию“ по вопросу о новых пьесах, происходившую 29–30 ноября 1948 года. На этой конференции Борщаговский выступил с докладом, направленным, по сути дела, против современных советских пьес и, в частности, с грубым, издевательским выпадом в заключительном слове по адресу Малого театра (см. вырезку из „Литературной газеты“ и

выдержки из стенограммы заключительного слова Борщаговского и речи художественного руководителя Малого театра К. А. Зубова). Агитпроп ЦК никак не реагировал на недостойную позицию „Литературной газеты", присоединившейся к шельмованию и оплевыванию Борщаговским К. А. Зубова, выступавшего с правильными, патриотическими установками.

2. Тов. Прокофьев, работник Агитпропа, занимающийся вопросами театра, принимал Борщаговского и, по словам Фадеева, находится под влиянием Борщаговского. Не случайно, видимо, в конце сентября 1948 г. Борщаговскому предоставили трибуну в газете „Культура и жизнь", где он выступил с большой статьей об украинской драматургии.

3. 2 декабря 1948 г. „Правда" выступила со статьей С. Дурылина по поводу постановки Малым театром „Бесприданницы". „Правда" взяла театр под защиту от клеветнических обвинений в „вульгарном социологизме", содержащихся в статьях Г. Бояджиева к К. Рудницкого. Как бы „поправляя" „Правду" и поддерживая пошатнувшийся „авторитет" Бояджиева, „Культура и жизнь" предоставляет ему трибуну, печатает 11 декабря большую статью Бояджиева»[668].

В тот же самый день, 24 января 1949 года, как обычно вечером, состоялось очередное, плановое заседание ОБ. На нем-то, правда — вне повестки дня и без внесения в протокол, Маленков и провел обсуждение не только не стихавшего, но обострявшегося с каждым часом, разраставшегося конфликта. Втянувшего теперь в свой водоворот еще и три центральных издания — «Правду», «Культуру и жизнь», «Литературную газету». ОБ без подготовки рассмотрело проблему, решение которой по многим причинам откладывать или затягивать больше было нельзя. Не отказавшись от своего, уже сложившегося мнения остаться на стороне госструктур, Георгий Максимилианович не согласился и с последним предложением Шепилова — о принятии специального постановления ЦК ВКП(б). Справедливо опасался, видимо, что такого рода акция лишь осложнит и без того противоречивую ситуацию. Избрал «мягкий», компромиссный вариант: группу театральных критиков осудить, но только в редакционной статье «Правды». Избежать, тем самым, уже очевидного раскола, открытого противостояния и внутри аппарата ЦК, и между ним, и относительно слабыми, несамостоятельными учреждениями — ССП, комитетом по делам искусства.

На ОБ сошлись на том, что требуемую статью подготовит П. Н. Поспелов, а в основу ее положит доклад Софронова, записку Шепилова и Кузнецова (это подтверждается простым сопоставлением трех указанных текстов). Поспелов действовал стремительно. Уже 27 января смог сделать важную для себя, фактически оправдательную запись: «С тов. Маленковым. 3 ч. 55 м. Поправки к статье „Об одной антипатриотической группе театральных критиков". Для разнообразия дать **три** формулировки: в первом случае, — где упоминается слово „космополитизм" — **ура-космополитизм**; во втором — **оголтелый** космополитизм, в третьем — **безродный** космополитизм. После внесения этой поправки можно печатать в завтрашнем номере „Правды"»[669].

Статья действительно появилась 28 января. Послужила основанием или, точнее, инспирировала тут же начавшуюся шумную, разнузданную кампанию, более всего напоминавшую то, что происходило в 1937–1938 годах. Позволила проявиться самым низким инстинктам, предоставив возможность начать новую охоту на ведьм. Заняться поиском очередного врага — космополитов, облегчавшуюся тем, что достаточно было просто выбрать из своего окружения своих противников с «нерусскими» фамилиями. Кампанию, которая быстро охватила все творческие союзы и организации, научные учреждения, приняв откровенно антисемитский характер.

В самом легком положении оказались участники обязательных в те недели собраний — в ВТО, Малом театре, МХАТе. Выступавшим на них артистам Яблочкиной, Озерову, Цареву, Анненкову, режиссерам Кедрову и Зубову, театроведу Морозову требовалось лишь выразить полное одобрение содержанию статьи «Правды». Единодушно поддержать осуждение тех людей, которые и были причислены к «антипатриотической группе». А сделать это можно было

с чистой совестью, ибо эти самые критики доставили немало неприятностей московским театрам, публикуя отрицательные рецензии на большинство новых постановок.

Иначе складывалась ситуация в ССП. Там, на двух собраниях партийной организации, активно продолжилось именно то, что и послужило истинной причиной конфликта — неприкрытая борьба за различные, но обязательно высокие, номенклатурные посты. Софронов, еще на пленуме избранный секретарем правления союза, теперь отмалчивался. Зато неистовствовал Суров. Использовал письмо на его имя Варшавского, одного из театральных критиков, в котором тот «подтвердил» существование некоего «заговора» своих коллег, даже якобы начавших «конспиративно» встречаться в… ресторане «Арагви». Молодой драматург не только во всеуслышание заявил, что уже передал министру госбезопасности Абакумову полученную информацию. Громогласно обвинил в причастности к «группе» еще и Симонова — секретаря правления, главного редактора журнала «Новый мир», и Горбатова — секретаря партийной организации ССП. Явно для всех стремился «свалить» кого-либо из двоих лишь для того, чтобы самому занять освободившийся пост.

Не менее бурно прошло собрание и в Академии художеств СССР. Ее президент Герасимов, действительные члены Иогансон, Касиан, Ряжский, другие потребовали «до конца разоблачить» собственных, в прямом смысле слова, критиков, не один год досаждавших им — искусствоведов Эфроса, Пунина, Бескина, Маца, Бассахеса. Мимоходом помянули в этой связи и Эренбурга. Припомнили ему восхваление работ Пикассо, неприятие творчества Репина. Сочли, что такая позиция, бесспорно, свидетельствует об «антипатриотизме» известнейшего советского публициста. Поддержали, конечно, статью «Правды» и на собрании в ССК. Однако выступления и композиторов Захарова, Штогаренко, и дирижера Небольсина, и хореографа Мессерера, музыковедов Шавердяна и Келдыша оказались на редкость вялыми. Видимо, всего за год до того накопившиеся страсти уже были без остатка излиты ими по адресу «формалистов», то есть все тех же «космополитов»[670].

Шумная идеологическая кампания, поначалу стремительно разраставшаяся, вскоре, в начале апреля, стала сходить на нет, выдыхаться. Превращаться в фарс — переименование папирос «Норд» в «Север», «французских» булок в «городские», да всеобщее стремление во что бы то ни стало во всем без исключения утвердить отечественный приоритет. Одновременно, но уже для подавляющего большинства населения, которое совсем не интересовалось страстями, бушевавшими в среде «интеллигентов», власть дала невиданное долгие годы зрелище. В полном противоречии со словами, произносившимися с трибун на собраниях, со статьями, которые заполонили газеты и журналы, на экранах кинотеатров городов и сел, клубов внезапно появились, почти вытеснив отечественные, давно забытые западные кинофильмы. Две серии «Индийской гробницы», «Трансвааль в огне» («Ом Крюгер»), «Охотники за каучуком» («Каучук»), «Граф Монте-Кристо», «Я — беглый каторжник» («Капитан Ярость»), «Собор Парижской богоматери», «Генерал армии свободы» («Вива Вилья»), «Порт-Артур» («Спасенные знамена»), многие, очень многие иные. Всего — в самый разгар борьбы с космополитизмом, на конец марта 1949 года — 37 американских, немецких, итальянских художественных фильмов[671]. И произошло это отнюдь не случайно, не по неведению. По требованию министра финансов. По чисто экономической причине, оказавшейся более значимой, нежели идеология.

В июле 1948 года министр кинематографии Г. Ф. Большаков вынужден был признать весьма неприятные для себя факты. Из-за неуклонно снижавшегося выпуска советских фильмов только за семь месяцев кинофикация не додала государству 179,4 млн. рублей, а кинопрокат — 21,8 млн.[672]Большаков полагал, что положение можно исправить, проведя очередное казенное мероприятие — всесоюзное совещание. Оно, мол, и позволит резко увеличить производительность отечественных киностудий. Предлагая такой, чисто бюрократический вариант решения, министр не учитывал самого главного. Даже в случае успеха, плодотворности совещания, число новых фильмов, которые привлекут зрителей,

возрастет не раньше, чем через год-два. Деньги же Минфину — для финансирования среди прочего и зарплаты, требовались незамедлительно. Для реального обеспечения доходной части бюджета следующего года.

Узкое руководство, сочтя мнение Большакова необоснованным, постановило от имени ПБ, 31 августа 1948 года, выпустить на «открытые» экраны страны 24 немецких, действительно трофейных фильма, а на «закрытые», то есть клубов — 26 американских, французских, итальянских[673]. С тех пор иностранные кинокартины уже не сходили с советских экранов, а кампания борьбы с космополитизмом столь же внезапно, как и началась, прекратилась. В начале апреля 1949 года. Тогда, когда нужда в ней полностью отпала. Все, что требовалось сделать «под шумок», свершилось.

Действительно важные, значимые события, информация о которых, крайне выборочная и предельно скупая, прошла незамеченной практически всеми. Не породила, как то должно было произойти, брожения в умах.

В роковой для театральных критиков день А. А. Кузнецов, член узкого руководства — «девятки», внезапно лишился не только всех своих прав по надзору за работой отделов ЦК, административного и машиностроения, но и вообще оказался выведенным из секретариата. Правда, первое решение ПБ по его вопросу, от 28 января 1949 года, говорило о том весьма мягко. О создании «в целях улучшения связи между ЦК ВКП(б) и парторганизациями отдаленных областей, краев и республик» Закавказского, Среднеазиатского и Дальневосточного бюро ЦК. Об утверждении «секретарем Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А., освободив его от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б)»[674]. Невозможно сомневаться, что вышел проект этого решения из отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов не просто с ведома, но по прямому указанию его куратора Маленкова.

Даже две недели спустя, казалось, ничто не предвещало полный и окончательный крах политической карьеры Кузнецова. 10 февраля ПБ утвердило положение о новых региональных органах ЦК, их состав — Алексей Александрович продолжал фигурировать секретарем Дальневосточного бюро, штаты приданных им сотрудников[675]. Но всего через пять дней, 15 февраля, появилось еще одно постановление ПБ — «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А., кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.»:

«На основании проведенной проверки установлено, что председатель Совета Министров РСФСР вместе с ленинградскими руководящими товарищами при содействии члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. самовольно и незаконно организовали Всесоюзную оптовую ярмарку с приглашением к участию в ней торговых организаций краев и областей РСФСР, включая и самые отдаленные, вплоть до Сахалинской области, а также представителей торговых организаций всех союзных республик. На ярмарке были предъявлены к продаже товары на сумму около 9 млрд, рублей, включая товары, которые распределяются союзным правительством по общегосударственному плану, что привело к разбазариванию государственных товарных фондов и к ущемлению интересов ряда краев, областей и республик. Кроме того, проведение ярмарки нанесло ущерб государству в связи с большими и неоправданными затратами государственных фондов на организацию ярмарки и на переезд участников ее из отдаленных местностей в Ленинград и обратно.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает главными виновниками указанного антигосударственного действия кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова и Попкова и члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А., которые нарушили элементарные основы государственной и партийной дисциплины, поскольку ни Совет Министров РСФСР, ни Ленинградский обком ВКП(б) не испросили разрешения ЦК ВКП(б) и Совмина СССР на проведение Всесоюзной оптовой ярмарки и, в обход ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, самовольно организовали ее в Ленинграде.

Политбюро ЦК ВКП(б) считает, что отмеченные выше противогосударственные действия явились следствием того, что у тт. Кузнецова А. А., Родионова, Попкова имеется нездоровый,

небольшевистский уклон, выражающийся в демагогическом заигрывании с ленинградской организацией, в охаивании ЦК ВКП(б), который якобы не помогает ленинградской организации, в попытках представить себя в качестве особых защитников интересов Ленинграда, в попытках создать средостение между ЦК ВКП(б) и ленинградской организацией и отдалить таким образом ленинградскую организацию от ЦК ВКП(б)».

Вслед за такими обвинениями последовало еще более важное — попытка связать имя еще одного молодого соратника Сталина, его протеже Вознесенского, с очередной «группой»: «В этом же свете следует рассматривать ставшее только теперь известным ЦК ВКП(б) от т. Вознесенского предложение „шефствовать" над Ленинградом, с которым обратился в 1948 году т. Попков к т. Вознесенскому Н. А.». Но самым страшным по своим уже несомненно суровым последствиям оказался последний абзац констатирующей части: «ЦК ВКП(б) напоминает, что Зиновьев, когда он пытался превратить ленинградскую организацию в опору своей антиленинской фракции, прибегал к таким же антипартийным методам…»

После всего изложенного вполне, логично шли пункты о снятии Родионова с поста председателя СМ РСФСР, Попкова — с поста первого секретаря ЛК и ЛГК партии, но выглядело непонятным повторное снятие Кузнецова с поста секретаря ЦК, правда, на этот раз — с объявлением ему выговора[676].

Тем потрясения в узком руководстве не ограничились. 4 марта, незадолго перед началом работы четвертой сессии ВС СССР, последовало решение ПБ об освобождении с постов министров иностранных дел — Молотова, внешней торговли — Микояна. Утверждение вместо них А. Я. Вышинского и М. А. Меньшикова[677]. А через три дня ПБ утвердило сразу три решения по одному вопросу: «Освободить т. Вознесенского Н. А. от обязанностей заместителя председателя Совета Министров СССР и от обязанностей председателя бюро по металлургии и химии при Совете Министров СССР». «Предоставить месячный отпуск для лечения в Барвихе». «Внести на утверждение пленума ЦК ВКП(б) следующее постановление политбюро: В связи с постановлением Совета Министров СССР от 5 марта с.г. о Госплане СССР, вывести т. Вознесенского Н. А. из состава Политбюро ЦК ВКП(б)»[678].

Как председателю Госплана, Вознесенскому были предъявлены следующие обвинения: «…В результате проверки, проведенной бюро Совета Министров СССР в связи с запиской Госснаба СССР (т. Помазнева) о плане промышленного производства на I квартал 1949 года вскрыты факты обмана Госпланом СССР правительства, установлено, что Госплан СССР допускает необъективный и нечестный подход к вопросам планирования и оценки выполнения планов, что выражается прежде всего в подготовке цифр с целью замазать действительное положение вещей, вскрыто также, что имеет место смыкание Госплана СССР с отдельными министерствами и ведомствами и занижение производственных мощностей и хозяйственных планов министерств…

Т. Вознесенский не доложил правительству, что группа руководящих работников Госплана СССР тт. Сухаревский, Иванов и Галицкий еще 15 декабря 1948 г. представила председателю Госплана СССР т. Вознесенскому докладную записку, в которой сообщалось, что государственный план на IV квартал 1948 г. по промышленному производству значительно перевыполняется и выполнение его ожидается в сумме 45,7 млрд, рублей… Председатель Госплана СССР т. Вознесенский при рассмотрении указанной докладной записки и предложений занял фальшивую позицию. С одной стороны наложил резолюцию с указанием, что он согласен с предложениями (увеличить валовый объем на 1,7 млрд. рублей. — *Ю. Ж.*), с другой же стороны дал устно начальнику сводного отдела народнохозяйственного плана т. Сухаревскому противоположные указания. В действительности, в связи с запиской тт. Сухаревского, Иванова и Галицкого в проект плана I квартала 1949 г. никаких поправок не было внесено…»[679]

На основании столь серьезного обвинения СМ СССР счел необходимым принять постановления об освобождении Вознесенского от занимаемой должности, о назначении председателем Госплана СССР М. 3. Сабурова.

Небывалые радикальные кадровые перемещения одновременно в государственных и партийных властных структурах все не прекращались. 12 марта, под предлогом реорганизации отдела внешней политики ЦК во внешнеполитическую комиссию, на посту заведующего этого особого, весьма специфического органа партаппарата М. А. Суслова заменили В. Г. Григорьяном, шеф-редактором органа Информбюро, газеты «За прочный мир, за народную демократию»[680]. 24 марта очередным решением ПБ министром вооруженных сил назначили маршала А. М. Василевского, всего четыре месяца назад перемещенного с должности начальника Генштаба на пост первого замминистра. Н. А. Булганину, теперь экс-министру, поручили наблюдение за работой Второго и Третьего комитетов при СМ СССР, министерств авиапромышленности и вооружения — иными словами, за исключением Первого комитета, оставшегося в безраздельной власти Берия, всего военно-промышленного комплекса. Куратором же министерства вооруженных сил стал Сталин. Однако месяц спустя, 25 апреля, и это министерство передали в ведение все того же Булганина[681]. А несколько ранее, 6 апреля, Молотову, три десятилетия занимавшегося проблемами внешней политики, как бы в насмешку поручили возглавить бюро по металлургии и геологии при СМ СССР[682].

Всего за три месяца узкое руководство претерпело серьезные изменения. Из него вывели Вознесенского и Кузнецова. Двоим — Молотову и Микояну — понизили статус, лишив привычных, до деталей знакомых обязанностей, даже должностей. Устояли только пятеро: Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Косыгин. При этом Булганина резко повысили, поручив действительно весьма ответственную роль. И если вспомнить, что Вознесенский и Кузнецов, Молотов и Микоян принадлежали к группировкам, издавна противостоявшим друг другу, конкурировавшим между собой, время от времени вступавшим в скрытную борьбу, то следует признать: произошел своеобразный размен фигур. Однако не равноценный.

Сталин вынужден был, в чем не приходится сомневаться, уступить жесткому и сильному давлению. Отказаться от какой бы то ни было дальнейшей поддержки, любой формы зашиты своих верных союзников, Вознесенского и Кузнецова. Более того, на этот раз ему пришлось согласиться с самым неприятным — их окончательном устранении с политической арены. Навсегда. В свою очередь в виде компенсации он получил немного. Всего лишь освобождение Молотова и Микояна с министерских постов, оставшихся, несмотря на это, в узком руководстве. Правда, Сталину все же удалось полностью нейтрализовать Молотова. Угрожать полной отставкой, шантажируя созданным незадолго перед тем, скорее всего по его же поручению «делом» П. С. Жемчужиной, жены Вячеслава Михайловича.

В канун нового, 1949 года, 29 декабря на рассмотрение ПБ была вынесена справка, подписанная председателем КПК при ЦК ВКП(б) Шкирятовым и министром госбезопасности Абакумовым. В ней сообщалось: «1. Проверкой комиссии партийного контроля установлено, что Жемчужина П. С. в течение длительного времени поддерживала связь и близкие отношения с еврейскими националистами, не заслуживающими политического доверия и подозреваемыми в шпионаже; участвовала в похоронах руководителя еврейских националистов Михоэлса и своим разговором об обстоятельствах его смерти с еврейским националистом Зускиным дала повод враждебным лицам к распространению антисоветских провокационных слухов о смерти Михоэлса; участвовала 14 марта 1945 года в религиозном обряде в московской синагоге.

2. Несмотря на сделанные П. С. Жемчужиной в 1939 году Центральным Комитетом ВКП(б) предупреждения по поводу проявления ею неразборчивости в своих отношениях с лицами, не заслуживающими политического доверия, она нарушила это решение партии и в дальнейшем продолжала вести себя политически недостойно.

В связи с изложенным — исключить Жемчужину П. С. из членов ВКП(б)».[683]

Нельзя исключить и иного. Того, что Сталин, не довольствуясь «делом» Жемчужиной, еще и попытался переложить на Молотова всю ответственность за провалы советской дипломатии в послевоенный период. И особенно — за результаты жесткого внешнеполитического курса. За весьма дорогостоящие, но завершившиеся провалом, поддержку Израиля, введение блокады Западного Берлина.

Но в чем бы ни заключались закулисные интриги, в апреле 1949 года их результаты выглядели следующим образом. «Девятка» превратилась в «семерку». Узкое руководство состояло из Сталина, Маленкова, Берия, Булганина, Косыгина, Молотова и Микояна. При этом баланс сил сложился на редкость необычным. Сталин мог рассчитывать теперь на безусловную поддержку только Булганина и Косыгина, да лишь уповать на голоса Молотова и Микояна. Но только надеяться. Еще два сильных человека, Маленков и Берия, избавившись от опасных соперников, вряд ли теперь нуждались в союзе, в сближении ради достижения близкой обшей цели. Потому-то и возникла ситуация полной неопределенности, чреватая в силу того любыми неожиданностями. Должная рано или поздно завершиться какой-либо консолидацией. Любой. Маленкова с Берия, а может быть и с Молотовым, Микояном, либо Сталина с Берия, Молотовым и Микояном. Самым невероятным могло стать восстановление прежних отношений лишь Сталина и Молотова.

Разумеется, за всеми происшедшими изменениями стояло неизбежное, порожденное присущим всем властолюбием, личное соперничество. Ничем не прикрытая борьба за власть, небезосновательный страх оказаться проигравшим. Но свидетельствовали перемены в узком руководстве прежде всего об ином, более фундаментальном. Они отражали все возраставшую неуверенность в избранном курсе, так и не приведшем к успеху. Выражали опасение перед будущим, в котором отчетливо вырисовывалась главная, в понимании Сталина, угроза для страны — перевооруженная Германия, несомненно стремящаяся к прочному союзу с Западом, в том числе и с США.

Подобные опасения нельзя было назвать надуманными, фантастическими, придуманными ради оправдания избранного узким руководством жесткого курса во внутренней и внешней политике. Еще в конце 1948 года в Вашингтоне и Лондоне появилась идея значительно расширить Западный союз и превратить его в чисто военную организацию. 14 января 1949 года госдепартамент, а 20 января и президент Трумэн заявили о готовности США присоединиться к новому блоку.

Пытаясь предотвратить неизбежное, Сталин 27 января, отвечая на вопросы главы европейского отделения американского агентства «Интернейшнл ньюз сервис» Кингсбери Смита, попытался довести до сведения Вашингтона миролюбивую позицию Москвы:

«Советское правительство, — подчеркнул Иосиф Виссарионович, — готово было бы рассмотреть вопрос об опубликовании совместной с правительством США декларации, Пакта мира, подтверждающей, что ни то, ни другое правительство не имеют намерений прибегнуть к войне друг против друга». «Правительство СССР могло бы, — продолжал Сталин, — сотрудничать с правительством Соединенных Штатов Америки в проведении мероприятий, которые направлены на осуществление Пакта мира и ведут к постепенному разоружению». Подтвердил готовность встретиться с Трумэном ради подписания такой декларации и даже снять блокаду с Западного Берлина, если США, Великобритания и Франция хотя бы отложат создание сепаратного западно-германского государства[684].

Ответа из Вашингтона не последовало.

Единственной контрмерой, которую Кремль смог себе позволить при сложившихся крайне неблагоприятных обстоятельствах, стало проведение в Москве 5–8 января 1949 года совещания. На нем представители СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии создали Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Прочность же только начавшего оформляться организационно Восточного блока подкреплялась как присутствием советских

войск в Польше, Венгрии и Румынии, так и политическими репрессиями, должными обеспечить, закрепить верность Кремлю правительств стран «новой демократии», теперь именовавшихся «странами народной демократии».

Тем временем Запад продолжал осуществлять свои не скрываемые ни от кого планы. 18 марта был опубликован текст Североатлантического договора, а уже 4 апреля создание НАТО скрепили своими подписями главы 12 стран, в том числе США, Великобритании, Франции, Италии, Канады. Практически одновременно, в конце марта — начале апреля, Вашингтон, Лондон и Париж провели сепаратное изменение западных границ Германии, а затем и юридически оформили объединение своих оккупационных зон, приняли решение о создании на их основе западногерманского государства.

Раскол Европы, раскол мира усиливался, приобретая уже необратимый характер.

Глава двадцать четвертая

Ответы Сталина на вопросы Кингсбери Смита, поначалу не вызвавшие никакой реакции, все же сработали, хотя и не совсем так, как предполагалось. Вашингтон счел возможным, необходимым для себя обратить внимание только на одну из затронутых Иосифом Виссарионовичем проблем. С почти месячным запозданием, 15 февраля, представитель США в ООН Филип Джессеп обратился к своему советскому коллеге, Я. А. Малику, защищавшему интересы СССР в Совете безопасности. Попросил объяснить суть изменений в позиции Кремля — готовность при известных условиях снять блокаду Западного Берлина без прежней жесткой увязки с обязательным введением для былой германской столицы единой валюты — восточной марки. Малик, воспользовавшись инициативой американской стороны, сделал ответный ход. Предложил обсудить этот вопрос вполне официально на очередной сессии СМИД. А несколько позже, при последующих конфиденциальных беседах, уже располагая четкими директивами из Москвы, смог сообщить более определенное: «Если будет достигнута договоренность о дате созыва Совета министров иностранных дел… ограничения на коммуникациях и в торговле могли бы быть отменены до начала работы» СМИД[685].

Так замысел, и вызвавший к жизни блокаду Западного Берлина — путем давления заставить западные страны возобновить диалог по германскому вопросу, увенчался некоторым успехом. Послужил толчком для движения к становившейся все призрачней цели. Если не к решению вопроса, то хотя бы возобновлению обсуждения его. Возможно, сработало и иное обстоятельство — освобождение Молотова с поста министра — западным странам как бы давали тем понять, что не исключается некоторое смягчение прежнего курса Кремля.

Согласие Вашингтона, Лондона и Парижа на сделанное предложение, объявленное в Нью-Йорке 4 мая, заставило Москву сдержать свое обещание. 6 мая было опубликовано коммюнике правительств четырех заинтересованных стран, сообщившее о достигнутом важном соглашении. С 12 мая блокада Западного Берлина прекращалась, а 23 мая в Париже должна была приступить к работе 6-я сессия СМИД. Правда, Вашингтон вначале самостоятельно, 2 апреля, а затем и вместе со своими союзниками, Лондоном и Парижем — 31 мая, до и после открытия сессии СМИД, попытался прозондировать, насколько далеко может пойти Кремль в своей уступчивости. Заявил, что Болгария, Венгрия и Румыния якобы нарушают условия подписанного ими мирного договора. И поэтому, для решения спорных вопросов, необходимо созвать совещание представителей Великобритании, СССР и США для обсуждения сложившегося положения. Однако Москва, хотя и весьма заинтересованная в положительных результатах парижской сессии, категорически отклонила демарш как явное намерение вмешаться во внутренние дела трех независимых стран.

После этого вполне логичным оказался провал работы министров иностранных дел четырех великих держав. За месяц, с 23 мая по 20 июня, они так и не смогли достигнуть взаимоприемлемого решения для восстановления экономического и политического единства Германии, хотя блокада Западного Берлина и была прекращена. Правда, облекли министры

столь пессимистические итоги своей деятельности в оптимистическую упаковку. Согласились, что «продолжат свои усилия, чтобы добиться этого результата». На ближайшей сессии ООН, консультативных встречах в Берлине, на еще одной сессии СМИД, правда, не оговорив сроков ее созыва[686].

В Париже добиться удалось только одного — выработки принципиальных основ условий будущего мирного договора с Австрией. Восстановление ее полной независимости, границ на 1 января 1938 года, величину репараций, выплачиваемых Советскому Союзу.

В нелегкой, обострявшейся с каждым месяцем ситуации, узкому руководству все еще приходилось не столько рассчитывать на экономический рост страны, сколько уповать на организаторские способности Берии, отвечавшего за ядерный проект. А потому и исключить его одного полностью как объект возможных интриг, закулисных сделок по кадровым вопросам. Не затрагивать его на всех витках продолжавшейся, не стихавшей борьбы за власть. При любых перестановках не ущемлять его статуса, роли. Даже позволить провести этническую чистку Грузии — выселить из нее в апреле — октябре 1949 года турок, армян, греков и персов. Жертвовать можно было кем угодно, но только не им. Столь же завидное прочное положение обрел еще и Булганин, волею случая сосредоточивший в своих руках не просто важные — решающие в условиях холодной войны, открытого противостояния двух блоков полномочия по военно-промышленному комплексу.

Позволить себе продолжать борьбу за лидерство в узком руководстве могли только двое, Молотов и Маленков, что они и не преминули сделать. Уже 12 июня, всего через три с половиной месяца после очередного поражения, Вячеславу Михайловичу удалось вернуть утраченное было положение, хотя и в весьма своеобразной форме. Решением ПБ, принятым в тот день, министра металлургической промышленности И. Ф. Тевосяна утвердили заместителем председателя СМ СССР — председателем бюро по металлургии и геологии. То есть доверили пост Молотова. Последнего же, и тем же решением, обязали «сосредоточить свою работу на руководстве делами министерства иностранных дел и внешнеполитической комиссии ЦК»[687]. Поставили тем не только над Вышинским, но еще и над В. Г. Григорьяном. Вынудили Суслова теперь ограничиться контролем за работой только Агитпропа, заведующим которого его утвердили 20 июля. Шепилов же, обвиненный в пропаганде книги Вознесенского «Военная экономика СССР», был смещен со своей должности, отправлен в полуторамесячный отпуск, после чего вопрос о его дальнейшей работе предстояло решить Секретариату ЦК[688]. Иными словами, Маленкову.

Одновременно последовали и другие серьезные перемещения в системе Агитпропа. Заместителем Суслова по отделу утвердили В. С. Кружкова. Самого Михаила Андреевича назначили — видимо, чтобы он не мог отвлекаться на вопросы секретариата, еще и главным редактором «Правды» при заместителях Л. Ф. Ильичеве и Сатюкове, Поспелова отправили в почетную ссылку — директором Института марксизма-ленинизма. Одновременно был смещен и последний из когорты Жданова — Александрова П. Н. Федосеев — с должности главного редактора журнала «Большевик» «за необеспечение должного руководства и неправильные методы в работе»[689].

Потерю прежнего контроля за Агитпропом Маленков компенсировал иным. Вхождением в состав комиссии ПБ по радиолокации, созданной еще 25 апреля и включавшей, помимо Георгия Максимилиановича, еще Булганина, Берия, Кагановича, Сабурова и министра промышленности средств связи Г. В. Алексеенко[690]. Кроме того, сумел Маленков в значительной степени обеспечить контроль и за всей деятельностью за пределами страны с помощью созданного 29 апреля нового органа ЦК — отдела кадров дипломатических и внешнеторговых органов. Отдела, получившего право курировать все назначения не только в МИДе, МВТ, но еще и в Главном управлении советского имущества за рубежом, которое возглавлял бывший министр госбезопасности Меркулов[691].

Наконец, 1 сентября последовало постановление ПБ, зафиксировавшее некий промежуточный итог борьбы за лидерство в узком руководстве — об очередной реорганизации СМ СССР. Его руководящий орган, бюро, преобразовали в президиум (ПСМ СССР), а председательствование на его заседаниях, иными словами — пост фактического премьера правительства, возложили «поочередно на заместителей председателя Совета министров СССР тт. Берия, Булганина, Маленкова, Кагановича и Сабурова»[692]. В новой структуре Лазарь Моисеевич, получивший еще 15 декабря 1947 года, по возвращению в Москву из Киева, относительно малозначащий пост председателя Госснаба, призван был, как можно догадываться, не столько участвовать в работе, заменив своего предшественника Молотова, сколько лишь представлять былых сталинских сподвижников, олицетворяя тем некую преемственность старых лидеров. Сабурову же предстояло действовать, выполнять обязанности единственного из всех членов ПСМ СССР профессионала в области экономики. Претворять в жизнь разработанный и внесенный на рассмотрение ПБ вместе с министрами электростанций — Д. Г. Жимериным, путей сообщения — Б. П. Бещевым и руководителем группы проектных научных институтов С. Я. Жуком, принятый ПБ 17 июня десятилетний план электрификации страны[693]. Тот план, который заменил собою долгосрочную, рассчитанную на два десятилетия, программу развития народного хозяйства страны, которую так и не разработал Вознесенский, не утвердил не состоявшийся съезд партии.

Определило же и передел власти, и новую расстановку сил в высшем исполнительном органе государственных структур, значительно усилившие позицию Сталина, событие, происшедшее всего за два дня до того. То, к чему ученые и инженеры, трудившиеся в ПГУ при СМ СССР под неослабным руководством, при неограниченной поддержке, но вместе с тем и под постоянным строжайшем контроле Берии, шли четыре года.

К началу августа стало вполне очевидным, что работа по созданию советского ядерного оружия успешно завершена. 5 августа была проведена официальная приемка готового ядерного заряда, пять дней спустя — пробная сборка атомной бомбы. 21 августа ее в разобранном виде доставили на полигон под Семипалатинском. Через пять дней туда прибыл Берия, которого уже ожидали члены правительственной комиссии: ее председатель — М. Г. Первухин, члены — П. М. Зернов, П. Я. Мешик, другие, а также ученые — Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, Г. Н. Флёров, И. В. Курчатов, А. С. Александров, ряд иных. В семь часов утра 29 августа 1949 года был осуществлен взрыв первой советской атомной бомбы — «изделия РДС-1».

1 ноября, но с записью за 29 октября, решением ПБ на создателей советского ядерного оружия пролили золотой дождь. Л. П. Берия наградили сразу двумя орденами Ленина, присудили ему звание лауреата Сталинской премии первой степени. Б. Л. Ванникову, Б. Г. Музрукову, Н. Л. Духову, Ю. Б. Харитону, К. И. Шёлкину, В. И. Алферову, Я. Б. Зельдовичу присвоили звание Героя Социалистического Труда. Еще 44 сотрудника ядерного центра наградили орденами Ленина, а 28 — присудили Сталинскую премию[694].

Только 23 сентября Трумэн признал, что по данным его администрации в СССР недавно произвели атомный взрыв. Однако узкое руководство теперь не стало торопиться с подтверждением вхождения Советского Союза в клуб ядерных держав. Не обладая достаточным количеством атомных бомб (их серийное производство началось лишь в 1950 году), которое можно было бы рассматривать как действительно состоящее на вооружении новейшее средство массового уничтожения, попыталось уйти от прямого признания. В опубликованном 25 сентября советской прессой «Сообщении ТАСС» указывалось, что зарегистрированный американцами взрыв связан… со строительными работами. Но вместе с тем была сделана попытка преувеличить достижение советской науки и техники, отодвинув его в хотя и недавнее, но прошлое: «Что же касается производства атомной энергии, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что

„этого секрета давно не существует‟. Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия, и он имеет в своем распоряжении это оружие».

Скорее всего, из-за значительного отставания в накоплении атомных бомб, отсутствия именно в том паритета с США, узкое руководство сочло необходимым и своевременным в том же «Сообщении ТАСС» подчеркнуть: «Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия». В этих целях Москва продолжала активно содействовать созданию весьма близкого по своим устремлениям к пацифизму движению сторонников мира, всемерно помогала ему. Движению, родившемуся еще в апреле 1949 года на всемирном конгрессе в Париже, вынужденному завершить свою работу в Праге. Городе, где и был принят манифест в защиту мира, избран постоянный комитет движения, объявлено об учреждении международных Сталинских премий мира.

Огромное значение не просто для закрепления внешнеполитического курса в его крайне жестком варианте, но и твердого проведения его в жизнь, сыграло, помимо успешного испытания атомной бомбы, еще одно, столь же значительное событие. Решительно изменившее соотношение сил в мире, усилившее Восточный блок.

В конце апреля 1949 года коммунистическая народно-освободительная армия Китая развернула широкое наступление одновременно по всем направлениям, на всех фронтах. Всего за четыре летних месяца завершила установление своего полного контроля над северными и центральными районами страны, значительной частью южных. Заняла такие крупнейшие города, как Нанкин, Бейпин, Ханькоу, Учань, Шанхай. И хотя гоминдановские силы, администрация все еще сохранялись в Тибете, на приграничной территории провинции Юньнань, на островах Тайвань, Хайнань, а в Кантоне функционировало старое правительство, гражданская война практически завершилась.

Подчеркивая именно такой, уже окончательный результат длительной вооруженной борьбы между двумя основными группировками, 21 сентября в Бейпине начала работу первая сессия только что учрежденного высшего представительного органа страны — Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). 31 сентября он единодушно провозгласил создание Китайской Народной Республики (КНР), а 1 октября, переехав в новую столицу, Пекин — сформировал центральное народное правительство под председательством Мао Цзэдуна.

Уже на следующий день СССР объявил о признании КНР, а 5 октября «Правда» в редакционной статье «Историческая победа китайского народа» поспешила разъяснить всем, что же является самым важным, значимым для Кремля, его долгосрочных планов. Процитировала ту часть довольно обширной «Общей программы» НПКСК, в которой выражались внешнеполитические ориентиры и приоритеты: «Народная республика Китай объединится со всеми миролюбивыми и свободолюбивыми странами и народами всего мира и, прежде всего, с Советским Союзом, со всеми странами народной демократии… **будет находиться в лагере международного мира и демократии, бороться совместно против империалистической агрессии** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) и защищать мир во всем мире». Будущее время никого не могло ввести в заблуждение. Чисто юридическое оформление союза двух великих держав, союза в равной степени оборонительного и наступательного, если судить по тексту «Общей программы», следовало ожидать весьма скоро.

Получив надежную поддержку мощного восточного соседа, узкое руководство, наконец, ответило на брошенный ему бывшими союзниками вызов. Подчеркнутое небрежение интересами СССР, даже его скромной просьбы — не торопиться с созданием западногерманского государства.

Еще в день открытия, как оказалось, последней сессии СМИД, призванной способствовать быстрейшему коллективному решению германской проблемы, 23 мая с согласия США,

Великобритании и Франции представители всех земель трех оккупационных зон приняли конституцию Федеративной республики Германии. 14 августа там были проведены выборы в бундестаг — парламент новой страны. 12 сентября избран президент, Хейс, а три дня спустя и канцлер — Конрад Аденауэр, незамедлительно сформировавший правительство ФРГ. Даже через шестнадцать лет, в своих «Воспоминаниях», Аденауэр продолжал весьма своеобразно оправдывать такие действия, нарушившие Ялтинские и Потсдамские соглашения. «Я считал, — писал уже экс-канцлер, — что противоречия между Советской Россией и народами свободного мира будут непрерывно обостряться. Окрепшая Западная Европа становилась жизненно важным фактором и для США. Без Германии она была немыслима»[695].

Теперь у Кремля руки оказались развязанными. Он сделал все возможное для подготовки мирного договора с Германией, ее объединения, превращения в демилитаризированную, нейтральную и демократическую страну. Мог со спокойной совестью пойти на ответную меру — также создать, но уже под своей эгидой, второе германское государство. И сделал так.

7 октября в Берлине на своей девятой сессии Немецкий народный совет, изначально чисто консультативный орган, объявил о своем преобразовании во временную Народную палату, парламент провозглашенной одновременно с тем Германской демократической республики. Свои же цели, не расходившиеся с позицией Москвы даже в мелочах, выразил в принятом «манифесте»: восстановление единства Германии «путем устранения сепаратного западногерманского государства, отмены рурского статута, отмены автономии Саара и путем образования общегерманского правительства Германской демократической республики. Быстрейшее заключение справедливого мирного договора с Германией. Отвод всех оккупационных войск из Германии»[696]. В тот же день Отто Гротеволю (социалистическая единая партия) поручили сформировать правительство ГДР. 10 октября Советский Союз передал ему функции управления зоной, ранее принадлежавшие Советской военной администрации, преобразованной незамедлительно в Советскую контрольную комиссию. 11 октября ГДР обрела и своего президента — Вильгельма Пика.

Однако дальнейшее следование жесткому внешнеполитическому курсу не рассматривалось всеми членами узкого руководства как единственно возможное решение. Во всяком случае, один из «семерки», Маленков, вскоре выразил мнение о назревшей необходимости отказаться от конфронтации, начать разрядку. Судить о том позволяет его вариант порученного ему ПБ доклада на торжественном заседании, посвященном 32-й годовщине Октябрьской революции.

В тексте Маленкова содержался следующий, безжалостно вычеркнутый Сталиным, абзац:

«За последнее время в лагере противников мира явно замечаются признаки тревоги и беспокойства. Они видят, что их курс на военную авантюру провалился. Убедившись, что с монополией на атомную бомбу покончено, они проявляют все больше нервозности. Всякого рода крупные и мелкие провокации в отношении Советского Союза и стран народной демократии, к которым прибегают незадачливые политики из лагеря поджигателей войны, свидетельствуют лишь о стремлении скрыть свою тревогу и беспокойство. Быть может, некоторые из них готовы отступить от злополучного курса на военную авантюру. Но они не хотят сделать это честно и прямо. Они хотят отступить с барабанным боем, боясь, чтобы их не обвинили в панике. **Если дело обстоит так, то из сочувствия к престижу таких деятелей мы заявляем, что несмотря на барабанный бой, производимый ими, мы готовы приветствовать всякого политика, который одумается и в любой форме на деле откажется от курса на военную авантюру** (выделено мною. — *Ю. Ж.*). Мы хотим мира и мы поддержим всех, кто является или становится честным сторонником мира».

Более ясно, хотя и с использованием своеобразной лексики, шаржированных образов, пригласить Запад к переговорам, отказаться от продолжения холодной войны было невозможно. Только потому Сталина не устроил не только этот откровенно примиренческий

абзац. Сделал он и еще два не менее важных для понимания различных подходов к внешней политике СССР исправления.

Вариант Маленкова: «Советское правительство недавно предложило, чтобы пять великих держав — США, Великобритания, Франция, Китай и Советский Союз заключили между собой пакт об укреплении мира (имелись в виду ответы Сталина на вопросы К. Смита. — *Ю. Ж.*). Советский Союз будет и впредь с еще большей энергией вести борьбу за мир. Советские люди не пожалеют ни сил, ни труда для того, чтобы всемерно укреплять и расширять ряды сторонников мира, демократии и социализма».

Вариант Сталина: «Советское правительство недавно предложило, чтобы пять великих держав — США, Великобритания, Франция, Китай и Советский Союз заключили между собой пакт об укреплении мира. Возможно, что поджигатели войны сорвут это предложение. Однако Советский Союз будет и впредь с еще большей энергией вести борьбу за мир. Советские люди не пожалеют ни сил, ни труда для того, чтобы всемерно укреплять и расширять ряды сторонников мира и сорвать преступные замыслы агрессора».

Наконец, вставка, полностью написанная Сталиным: «За последние тридцать лет Германия дважды выступала на мировую арену как агрессивная сила и дважды развязала кровопролитнейшую войну; сначала — первую мировую войну, а потом — вторую мировую войну. Произошло это потому, что во главе германской политики стояли немецкие империалисты, агрессоры-захватчики. Если теперь с образованием Германской Демократической Республики возобладают в Германии народно-демократические силы, стоящие за прочный мир, а агрессоры-захватчики будут изолированы, — то это будет означать коренной поворот в истории Европы. Несомненно, что при наличии миролюбивой политики Германской Демократической Республики наряду с миролюбивой политикой Советского Союза, имеющей сочувствие и поддержку народов Европы, — дело мира в Европе можно считать обеспеченным»[697].

Корректировка Сталиным лишь одного, международного раздела проекта доклада показывает, что в тот момент его прежде всего интересовали вопросы внешней политики, рассматривались им как определяющие. Вместе с тем Сталин пытался использовать любую возможность ради того, чтобы оправдать свой жесткий курс, доказать, что он уже оправдал себя. Но данный раздел доклада Маленкова позволяет высказать и следующее предположение. Подобные документы всегда являлись своеобразным плодом коллективного творчества. Непременно просматривались остальными членами узкого руководства для того, чтобы внести необходимые исправления либо дополнения. Следовательно, нельзя исключить, что текст доклада был прочитан и Молотовым, но не вызвал у него принципиальных замечаний.

Примечателен установочный, как его должны были воспринимать все, доклад Маленкова не только этим. Содержал он и иные новые принципиальные положения. Георгий Максимилианович констатировал, что главная цель — обеспечение национальной безопасности СССР — достигнута: «Никогда на протяжении всей своей истории наша родина не была окружена столь дружественными нашему государству соседними странами». По-новому сформулировал Маленков и дальнейшие планы СССР во внешней политике: «Советское правительство отстаивает на протяжении всего послевоенного периода программу, осуществление которой послужит серьезному укреплению мира и международной безопасности. Эта программа включает сотрудничество великих держав, сокращение вооружений и безусловное запрещение атомного оружия. Эта программа предусматривает точное выполнение потсдамских решений по германскому вопросу, мирное урегулирование с Японией, расширение торгово-экономических связей между странами». Тем самым, помимо прочего всего шестью словами — «точное выполнение потсдамских решений по германскому вопросу», скорее всего не замеченных Сталиным, перечеркнул утверждение последнего, что с созданием ГДР проблема Германии закрыта.

Разумеется, Маленков остановился и на внутриполитических вопросах, посвятив им, правда, всего один из трех разделов. Но и в них остался самим собой. Отметил успешное выполнение послевоенного пятилетнего плана, положительные якобы сдвиги в строительстве, в сельском хозяйстве, рост промышленного производства. Однако завершил мажорное описание сделанного прямо обратным. Недвусмысленным намеком на то, что все далеко не так благополучно по вине руководящих, как это можно было понять из контекста, кадров. Заметил:

«Людям свойственно преувеличивать. И в нашей среде есть товарищи, страдающие этим пороком. Эти люди, если начинают чем-либо восторгаться, то обязательно делают это захлебываясь. Они не могут правильно оценивать успехи и в то же время подмечать недостатки для того, чтобы их устранить. Между тем наши успехи, размах нашего движения вперед в огромной мере зависят от того, насколько решительно мы ведем борьбу с недостатками в нашей работе… Не пора ли для пользы дела признать, что такие плодовитые на ошибки, незадачливые руководители являются тормозом для нашего движения вперед… Партия добилась успехов потому, между прочим, что она умело проводила в своей работе метод критики и самокритики, исправляла ошибки и на этом воспитывала кадры»[698].

Примечательным для доклада стало и еще одно. Маленков, мимоходом упомянув состоявшийся в Будапеште процесс над Ласло Райком, обвиненном в «троцкизме» и «связях с американской разведкой», приоткрыл завесу над тем, что должно было произойти в самом скором времени. На третьем и последнем совещании Информбюро, послужившим для окончательного размежевания не только в Германии — с США, Великобританией и Францией, но и внутри Восточного блока — полного и бесповоротного отторжения от него Югославии.

Решение Сталина отлучить Югославию от мирового коммунистического движения стало наглядно конкретизироваться еще в январе 1949 года, когда ее представителей не пригласили в Москву для создания СЭВа. С тех пор отношения между двумя странами не только не улучшались, но лишь ухудшались. Ноты, которые Советский Союз на редкость часто направлял Белграду, демонстрировали все возраставшую степень негативной оценки руководства этой балканской страны. 11 февраля еще довольно «мягкую» — «правительство Югославии заняло враждебную позицию в отношении СССР и стран народной демократии». А три с половиной месяца спустя, 31 мая, уже весьма жесткую — в Югославии существует «антикоммунистический и антидемократический террористический режим», который ведет борьбу с Советским Союзом, превратил свою «печать в рупор разнузданной антисоветской агитации, ведомой фашистскими агентами империализма». 11 августа — югославское правительство «перебежало из лагеря социализма и демократии в лагерь иностранного капитализма и реакции». 18 августа — «Во всей Югославии царят гестаповские методы управления, коммунистическая партия Югославии превращена в отделение политической полиции, подчиненной шефу полиции Ранковичу». 29 сентября, мотивируя денонсацию Москвой советско-югославского договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве от 11 апреля 1945 года — процесс над Ласло Райком установил, что «югославское правительство уже длительное время ведет глубоко враждебную подрывную деятельность против Советского Союза»[699].

25 октября из Москвы был выслан югославский посол, а 6 ноября Маленков — первым — огласил ставшее сразу же сакраментальным суровое обвинение: «националистическая, фашистская клика Тито-Ранковича до конца разоблачена как шпионская агентура империализма»[700]. На десять дней предвосхитил известное ему, несомненно, содержание проекта резолюции третьего совещания Информбюро, которое должно было открыться под Будапештом 16 ноября.

Однако характер формулировок, и выражавших трансформацию отношения Москвы к Белграду, зависел не столько от менявшейся оценки Кремлем югославского руководства, сколько от совершенно иного. От той борьбы, которую начала вести внешнеполитическая комиссия ЦК ВКП(б), возглавляемая В. Г. Григорьяном, с Матиасом Ракоши, генеральным

секретарем Венгерской партии трудящихся (ВПТ) и заместителем премьер-министра. Именно в мае 1949 года, когда одна за другой в узкое руководство поступило пять (!) записок, подготовленных референтом С. Г. Заволжским, завизированных секретарем Информбюро, а до того заведующим сектором отдела внешней политики ЦК ВКП(б) Л. С. Барановым. В них же, в весьма резком тоне и категорической форме, велась речь о «неправильной» позиции Ракоши по отношению к неким «венгерским троцкистам»[701]. По сути, ставился вопрос о назревшем устранении его от руководства. Опасаясь подобного исхода событий, Ракоши поторопился подставить под удар своего старого соратника Ласло Райка — члена ПБ, секретаря ЦК ВПТ, с 1946 года члена кабинета, сначала министра внутренних дел, а с 1948 иностранных дел. Обвинил Райка в заговорщицкой деятельности, прямых связях с Белградом, добился его ареста и процесса над ним и «его соучастниками», открывшегося 16 сентября.

Несомненно, роковую роль в переоценке отношения Кремля к Ракоши, в обострении до предела конфликта с югославским руководством сыграл прежде всего М. А. Суслов. Ему следовало понимать, что придется, в случае отстранения венгерского лидера, отвечать за происшедшее. Наверняка серьезно пострадать, ибо никто иной как именно он в силу занимаемого положения и обязан был следить за положением дел в восточноевропейских странах, контролировать работу их компартий, в том числе и ВПТ. А потому, как можно с уверенностью предположить, спасая лично себя, отстаивая свое место во властных структурах, Суслов поторопился использовать свои знания о той неприязни, которую испытывал Сталин в последнее время к Тито. Кроме того, Михаил Андреевич, оказавшись тогда во главе Агитпропа, более других нуждался — для усиления действенности, но только в его понимании, пропаганды — в новом жупеле. В нестандартном, ярком, предельно понятном для всех образе внешнего врага. Такого, по которому можно было бы безбоязненно, не думая о последствиях для страны, постоянно наносить сильные удары, бившие бы также, но лишь косвенно — по США, по всему западному блоку. Весьма возможно, все это обусловило и то, что именно Суслов оказался единственным делегатом ВКП(б), если не считать П. Ф. Юдина, тогда постоянного сотрудника Информбюро, на будапештском совещании.

На заседаниях совещания, продолжавшегося всего четыре дня, было прочитано три доклада, не вызвавших дискуссий и чуть ли не автоматически ставших основой трех одноименных резолюций. Суслова — «Защита мира и борьба с поджигателями войны», Тольятти — «Единство рабочего класса и задачи коммунистических и рабочих партий», Георгиу-Дежа — «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». Двух откровенно формальных, дежурных. Послуживших лишь своеобразным прикрытием для третьей, ради принятия которой и собрались, собственно, представители девяти партий.

Но во всех трех докладах, резолюциях красной нитью проходила общая мысль, и ставшая определяющей при оценках как внутри-, так и внешнеполитической ситуации. Необычная, крайне опасная, ибо возвращала Советский Союз, его новых союзников в самоизоляцию. Настойчиво подчеркивало раздел мира на два антагонистических лагеря: социализма во главе с СССР, империализма — с США. Все три доклада, три резолюции пронизывало и иное. Указание на отныне постоянную угрозу для Советского Союза, стран народной демократии, всего мирового коммунистического и рабочего движения уже со стороны не только НАТО, Западного блока. Со стороны правых социалистов, но особенно — «раскольнической клики Тито-Ранковича», выступавшей якобы как чуть ли не основной центр «агентов империалистических разведок».

В отличие от Маленкова, который — в своем докладе — видел основную опасность в плохих руководителях, не желающих замечать естественных недостатков и потому не борющихся с ними и тем препятствующих поступательному развитию, в Будапеште врагами назвали иных. Тех, кто якобы являясь «агентурой югославских раскольников», наймитами западных спецслужб, пробрался к руководству в странах народной демократии. Подобных не только Райку, но и Костову — члену ПБ и секретарю ЦК болгарской компартии, Леблу —

заместителю министра внешней торговли Чехословакии, Новому — главному редактору центрального органа Чехословацкой компартии, газеты «Руде право». Подобный подход привел к неизбежному, закономерному. К нескончаемой чреде раскрытий «антиправительственных заговоров» и громких процессов, ставших непременной чертой жизни Восточной Европы вплоть до конца 1952 года.

Резкий сдвиг, предельное ужесточение внутриполитического курса осенью 1949 года проявились и в СССР, но в несколько иной форме. В реанимации обязательного «классового» подхода при оценке любых явлений и событий. В нарастающем усилении роли партии, ее настойчивом вмешательстве уже не только в экономику.

Одновременно с подготовкой третьего совещания Информбюро, Сталин сумел найти время, чтобы внимательно познакомиться с запиской заведующего сектором науки Агитпропа Ю. А. Жданова, посвященной столетию со дня рождения физиолога И. П. Павлова. «У меня нет, — ответил Иосиф Виссарионович, — разногласий с Вами ни по одному из вопросов, возбужденных в Вашем письме… Наибольший вред нанес учению академика Павлова академик Орбели… Чем скорее будет разоблачен Орбели, и чем основательнее будет ликвидирована его монополия, тем лучше».

И обратился к Маленкову, потребовав от того принять «оргмеры». Прямо указал: «Посылаю Вам копию моего письма Жданову Ю., а также записку Жданова по вопросу об академике Павлове и его теории. Я думаю, что **ЦК должен всемерно поддержать это дело** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)»[702].

Маленков выполнил поручение. Организовал научную сессию, посвященную актуальным проблемам учения Павлова, на которой психологи и физиологи дружно осудили Л. А. Орбели, а заодно других своих коллег: И. С. Бериташвили и А. Д. Сперанского, П. К. Анохина и А. М. Алексаняна, К. М. Быкова, других. Правда, состоялась сессия далеко не сразу. Лишь летом 1950 года, уже после того, как Сталин личным вкладом «обогатил» еще одну науку, не менее далекую и от марксизма, и насущных проблем страны — языкознание.

Тогда же, осенью 1949 года, правда без огласки, незаметно для постороннего глаза, аналогичные события затронули и высший эшелон власти. Давно забытые репрессии захлестнули впавших в немилость бывших членов узкого руководства, не только их.

Закономерной жертвой стал Н. А. Вознесенский, к несчастью, сам напомнив о себе. 17 августа он направил Сталину письмо:

«Обращаюсь к Вам с великой просьбой — дать мне работу, какую найдете возможной, чтобы я мог вложить свою долю труда на пользу партии и родины. Очень тяжело быть в стороне от работы, партии и товарищей. Из сообщений ЦСУ в печати я, конечно, вижу, что колоссальные успехи нашей партии умножены еще тем, что ЦК и правительство исправляют прежние планы и вскрывают новые резервы. Заверяю Вас, что я безусловно извлек урок партийности из своего дела и прошу дать мне возможность активно участвовать в общей работе и жизни партии. Прошу Вас оказать мне это доверие; на любой работе, которую мне поручите, отдам все свои силы и труд, чтобы его оправдать. Преданный Вам Вознесенский»[703].

Ответ, но совсем не тот, который ожидал Николай Алексеевич, не заставил ждать. Полученное письмо послужило поводом для появления достаточно веского компрометирующего материала. Записки уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам Госплана СССР Е. Е. Андреева. Той, что и сделала именно Вознесенского полностью ответственным за обнаруженную вдруг, уже после его отстранения от должности, утрату не подлежащих огласке материалов. 9 сентября председатель КПК М. Ф. Шкирятов подготовил соответствующее предложение, которое два дня спустя было вынесено на рассмотрение ПБ и одобрено им:

«а) Утвердить представленные КПК при ЦК ВКП(б) предложения по вопросу о многочисленных фактах пропажи секретных документов в Госплане СССР, б) Решение об

исключении Вознесенского Н. А. из состава членов ЦК ВКП(б) внести на утверждение пленума ЦК»[704].

Через три дня члены ЦК, но отнюдь не собравшись на пленум, а при «опросе», единодушно согласились с мнением ПБ. А 27 октября Вознесенского арестовали.

Тогда же последовала бессмысленно жестокая расправа и с А. А. Кузнецовым. Она-то завершила формирование «ленинградского дела», в которое оказалось втянуто около ста человек, и носило сугубо политическую окраску. Еще в конце июня как «английский шпион» был арестован первый секретарь ЛГК Я. Ф. Капустин. Только затем, в августе, арестовали самого Кузнецова, очень многих из тех, кто работал вместе с ним в разное время в городе на Неве — П. С. Попкова, М. И. Родионова, П. Г. Лазутина, а также освобождаемых от своих обязанностей, 6 августа — первого секретаря Крымского обкома Н. В. Соловьева, 27 августа — секретаря ЛГК П. И. Левина и второго секретаря Н. А. Николаева. Месяц спустя по требованию Сталина последовала чистка командования Ленинградского военного округа. С постов сняли командующего генерал-полковника Д. Н. Гусева, заместителя командующего по политчасти генерал-лейтенанта В. Н. Богаткина, начальника политуправления генерал-майора Н. Н. Цветаева[705].

Сегодня все эти события все еще не поддаются разумному объяснению. Остаются как бы немотивированными, алогичными. Действительно, кому и зачем нужно было уже поверженных, не просто отрешенных от власти, но и лишенных возможности подняться в обозримом будущем Вознесенского и Кузнецова добивать — в прямом смысле слова, устранять физически. Зачем предъявлять политические обвинения, да еще не им одним, а и их «соучастникам», если процесс не использовать для формирования, внедрения в массовое сознание образ нового, внутреннего врага, для развязывания повсеместной охоты на ведьм. На древний вопрос «кому это выгодно», пока, на сегодня, есть лишь один, хотя и голословный, весьма гипотетический ответ — только М. А. Суслову. Ему, и только ему одному, уже разоблачившему в Будапеште «раскольническую клику Тито-Ранковича», связавшему ее с широко разветвленным, охватывавшим якобы все страны народной демократии, заговором. Если бы «ленинградскому делу», процессу над Вознесенским и Кузнецовым удалось бы благодаря помощи Абакумова и Шкирятова придать нужный размах и огласку, то он мог бы сомкнуться с «делом» Ласло Райка, «вывести» на Белград. А Суслов получил бы возможность использовать процесс как трамплин для резкого взлета. Получил бы в руки самое действенное оружие, и позволившее ему, как в свое время Ежову, шантажируя членов узкого руководства, манипулировать ими.

Но как бы то ни было в случае с «ленинградским делом», от мысли возобновить практику шумных политических процессов отказались уже в ноябре. Доказательством тому служит отстранение еще одного человека, занимавшего весьма высокий пост, но прошедшее достаточно спокойно. Даже вполне нормально, естественно.

1 ноября ПБ образовало комиссию в составе Маленкова, Берия, Кагановича и Суслова «для проверки деятельности т. Попова Г. М. с точки зрения фактов, отмеченных в письме трех инженеров»[706]. Имелась в виду некая анонимка, поступившая в ЦК и обвинявшая секретаря ЦК ВКП(б) и по совместительству — МК и МГК, да еще и председателя исполкома Моссовета Георгия Михайловича Попова во всех возможных грехах. Комиссия работала почти полтора месяца (весьма возможно, те самые, когда узкое руководство и решало — быть или не быть новым политическим процессам) и подготовила проект постановления ЦК, утвержденный ПБ 12 декабря. Документ, в котором явно превалировали идеи, наиболее присущие Маленкову, а не кому-либо другому из членов комиссии. В котором четко прослеживалась та направленность, которая резко контрастировала с сутью «ленинградского дела».

Постановление, дабы ни у кого не возникло и тени сомнения в сути его, особенно при сложившихся условиях, однозначно устанавливало: «Считать неподтвердившимися и клеветническими обвинения, выдвинутые анонимными авторами письма против т. Попова в

политической его неустойчивости, в разгоне проверенных кадров МК и Моссовета и в насаждении т. Поповым на ответственные участки в партии своих людей».

Вместе с тем постановление вынуждено было признать и достаточно серьезные недостатки в деятельности Георгия Михайловича. Оказалось, что он, во-первых, «не обеспечивает развертывания критики и самокритики в московской партийной организации… Вместо того, чтобы прислушиваясь к этой критике, повышать требовательность к отдельным работникам и улучшать наше общее дело, а работников, неспособных исправиться, освобождать от работы, т. Попов зачастую упорно стремится защищать их, выгораживать и оберегать от критики.

В московской партийной организации имеют место совершенно нетерпимые факты, когда коммунисты, осмеливавшиеся критиковать руководящих партийных, советских и хозяйственных работников Москвы и Московской области, подвергаются гонению и преследованию. Сигналы отдельных коммунистов о неправильном, бездушном отношении к ним со стороны некоторых московских работников, нередко остаются в московском комитете партии без рассмотрения и виновных не наказывают. Подобное бюрократическое отношение к критике, имеющее распространение в практике московского партийного руководства, наносит ущерб делу партии, убивает самодеятельность партийной организации, подрывает авторитет руководства в партийных массах и утверждает в жизни партийной организации антипартийные **нравы бюрократов, заклятых врагов партии** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)».

Вторым выводом постановления стало следующее: «Бюро МК и МГК ВКП(б) в практике своей работы проявляют антигосударственные тенденции, **систематически дают в обход правительства прямые указания предприятиям и министерствам о дополнительных производственных заданиях** (выделено мною. — *Ю. Ж.*), что разрушает партийную и государственную дисциплину. Министров, которые не согласны с такой подменой, тов. Попов „прорабатывает“ на собраниях партийного актива, на пленумах МК и МГК и партийных конференциях. Возомнив, что ему все позволено, т. Попов требует от министров, чтобы они беспрекословно подчинялись указаниям московского комитета по вопросам, связанным с союзными предприятиями, расположенными в Москве и Московской области, министерства без согласования с МК не обращались в правительство. Не согласным с этими антигосударственными требованиями министрам т. Попов угрожает тем, что Московский комитет будто бы имеет свою резиденцию, куда он и может пригласить министров, и дать им нагоняй. Все это неправильно воспитывает партийные и советские кадры и подрывает партийную и государственную дисциплину».

Наконец, отмечалось и самое, пожалуй, главное: «Порочные методы руководства т. Попова и проявление им зазнайства и самодовольства в своей работе привели к тому, что МК и МГК ВКП(б), занимаясь, в основном, хозяйственными делами, не уделяют должного внимания вопросам партийно-политической и внутрипартийной работы». Иными словами, после долгого перерыва директивный документ напомнил всем — парткомы любого уровня, даже такого, как МК — МГК, приравненного по положению к ЦК компартий союзных республик, не имеют права, не должны вмешиваться в решение вопросов народного хозяйства, иных, выходящих за рамки пропаганды и агитации, внутрипартийных дел. Усиливало именно такое значение документа его постановляющая часть, Г. М. Попова освободили от всех возложенных на него обязанностей и 30 декабря демонстративно назначили главой созданного специально «под него» министерства городского строительства СССР[707].

А незадолго перед тем, 13 декабря, из Киева срочно отозвали Н. С. Хрущева, «избрали» его на хорошо знакомую ему по довоенной работе должность секретаря ЦК ВКП(б) — первого секретаря объединенного МК— МГК. Председателем же исполкома Моссовета, в отличие от практики прошлых лет, утвердили не Никиту Сергеевича, а М. А. Яснова. Руководителем украинской республиканской парторганизации сделали Л. Г. Мельникова[708].

Однако весьма скоро выяснилось, что демарш Маленкова — его резкое выступление против партийной бюрократии, очередная попытка существенно ограничить ее права и обязанности, не только не увенчались успехом, но и привели к обратному. К консолидации противников подобных мер, к новому и весьма серьезному переделу власти, укрепившему как никогда за послевоенные годы позицию Сталина.

Как всегда, такие перемены подготовлялись исподволь, выражались поначалу лишь в перераспределении обязанностей членов узкого руководства. Сначала доверие и прежнее положение возвратили Микояну. 19 января 1950 года утвердили его председателем комиссии ПБ по внешней торговле, а 26 января — еще и бюро СМ СССР по торговле и пищевой промышленности. Вслед за тем определили и новую роль для Молотова. 13 февраля поставили во главе бюро СМ СССР по транспорту и связи, что, с одной стороны, позволило ему участвовать в работе правительства, но с другой — серьезно ограничило возможности заниматься вопросами внешней политики.

Перемены не ограничились тем, но затронули и следующий уровень власти. 17 января М. Г. Первухина назначили заместителем председателя СМ СССР, а 25 января и председателем бюро СМ СССР по химии и электростанциям. В. А. Малышева «перебросили» с министерства машиностроительной промышленности на сугубо оборонное, судостроительной. Месяц спустя, 25 февраля, восстановили Министерство Военно-Морского Флота во главе с адмиралом И. С. Юмашевым[709].

Только вслед за тем и произошло самое главное. 7 апреля ПБ, а точнее «семерка», обсудив «вопрос» Совета Министров СССР, постановила «принять следующее предложение тов. Сталина:

1. Назначить первым заместителем председателя Совета Министров СССР тов. Булганина Н. А.

2. Образовать бюро президиума Совета Министров СССР, поручив ему рассмотрение срочных вопросов текущего характера, а также вопросов секретных.

3. Утвердить бюро президиума Совета Министров СССР в следующем составе: председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин, первый заместитель председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганин, заместители председателя Совета Министров СССР Л. П. Берия, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, В. М. Молотов.

4. Заседания бюро президиума Совета Министров СССР проводить два раза в неделю, заседания президиума Совета Министров СССР — один раз в десять дней.

5. Председательствование на заседаниях бюро и президиума Совета Министров СССР в случае отсутствия тов. Сталина осуществлять первому заместителю председателя Совета Министров СССР тов. Булганину Н. А.»[710].

Данная реорганизация стала не только выражением открытого вмешательства Сталина в борьбу внутри узкого руководства. Продемонстрировала она и более значимое — формирование ядра правительства из явных приверженцев жесткого курса и из тех, кто напрямую отвечал за армию, военно-промышленный комплекс. Именно поэтому новым фактическим главою кабинета и стал Булганин, ко всему прочему всего лишь безропотный, вроде Вознесенского, проводник взглядов Иосифа Виссарионовича. А среди четырех заместителей Булганина оказались, как то было в годы войны, Берия, продолжавший курировать ядерный и ракетный проекты, Молотов и Микоян, получившие в ведение вопросы внешней политики и снабжения. Каганович же, как в ГКО Ворошилов, должен был служить только одному — своим присутствием, своим голосом всемерно подкреплять лидерскую роль Сталина, подстраховывать его в случае резкого расхождения во мнениях.

Вывод из ядра правительства Маленкова вместе с его союзником Сабуровым скорее всего стал реакцией Сталина на слишком уж заметное стремление Георгия Максимилиановича настаивать на собственной оценке происходившего, попытке навязать узкому руководству

мягкий курс — переход от конфронтации к разрядке, борьбу с партократией несмотря на сохранение самостоятельности союзных республик. И все же, как оказалось, у Сталина уже не достало прежних сил, чтобы настоять на беспрекословном исполнении своей воли.

Всего неделю спустя, 15 апреля, та же «семерка» вынуждена была согласиться с весьма настойчивым желанием (или требованием) Маленкова войти в состав БП СМ СССР, ибо он не мог себе позволить при сложившихся обстоятельствах довольствоваться положением второго лица только в партии. ПБ приняло, по сути корректируя предыдущее, еще одно постановление: «Ввести в состав членов бюро президиума Совета Министров СССР тов. Маленкова Г. М.»[711].

Закрепление теперь уже более чем прочных позиций Маленков завершил проведенной очередной сменой заведующих важнейшими функциональными структурами аппарата ЦК ВКП(б). За короткий период — с 30 мая по 13 июня, поставил во главе отделов: дипломатических и внешнеторговых органов — Ф. И. Бараненкова, тяжелой промышленности — В. И. Алексеева, машиностроения — И. Д. Сербина, планово-финансово-торговых органов — Н. Н. Шаталина, партийных, профсоюзных и комсомольских органов — Г. П. Громова, административного — В. Е. Макарова[712]. Несколько ранее аппарат ЦК обрел и собственную, уже нисколько не зависящую от МГБ, систему закрытой связи. Шифровки и дешифровки, передачи, доставки секретных материалов, чем призвано было заниматься Главное управление специальной службы при ЦК ВКП(б), образованное 19 октября 1949 года[713].

Следующим шагом Маленкова, но уже как секретаря, курировавшего вопросы сельского хозяйства, стала подготовка и утверждение пяти постановлений ЦК ВКП(б): «Об укреплении мелких колхозов» — 30 мая, «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта» — 19 июня, «О неотложных мерах по обеспечению колхозов собственными высококачественными сортовыми семенами» — 29 июня, «О дальнейшем укреплении состава председателей и других руководящих работников колхозов» — 9 июля, «О некоторых ошибочных положениях в учении В. Р. Вильямса о травопольной системе земледелия и недостатках в практическом ее применении» — 14 июля. Все в совокупности, они призваны были по замыслу сдвинуть с мертвой точки сельское хозяйство, вывести его из того кризисного состояния, в котором оно находилось не один уже год. Постановления предполагали широкое использование появившейся, наконец, техники — тракторов, комбайнов. Для оптимального же использования машинного парка следовало значительно расширить посевные площади путем слияния небольших по размерам, давно числящихся в «отстающих», не вылезавших из нищеты колхозов. Не ограничиваясь лишь этими мерами, постановления требовали радикально перестроить всю работу аграрного сектора. Выдвигать на руководящие посты только людей, обладающих высшим или средним специальным образованием. Опираясь на достижения агротехнической науки, добиваться существенного повышения урожайности всех культур, но прежде всего зерновых, а также значительного роста поголовья скота.

Тогда же начал обретать конкретные черты и 10-летний план электрификации, разрабатывавшийся под общим руководством Сабурова. 15 июля ПБ утвердило постановление о строительстве Сталинградской и Уральской ГЭС; в августе, но уже СМ СССР — Куйбышевской, что было намечено еще 3-м пятилетним планом; в сентябре — Каховской. Одновременно последовала и серия правительственных постановлений о развитии ирригации в засушливых районах страны: в июле — о начале работ по прокладке Главного туркменского канала, в сентябре — Южноукраинского и Северокрымского, в декабре — Волго-Донского.

Их созданием предстояло решить одновременно две задачи. Прежде всего, надежно защитить наиболее важные сельскохозяйственные регионы от любых природных случайностей, главным образом засухи. Завершить то, что было начато еще в 1948 году работами по созданию полезащитных лесонасаждений. А вместе с тем, насытить в необходимых, гигантских размерах электроэнергией всю экономику страны. Обеспечить, наряду с прочим, нужды ядерной промышленности.

Пропагандой все эти постановления в совокупности были названы «Великими стройками коммунизма». Как и в годы первой пятилетки, должны были породить безграничный энтузиазм масс, внушить населению представление о том, что от прекрасного светлого будущего их отделяет уже весьма непродолжительный период. А осуществив планы, удастся не только догнать, но и перегнать развитые страны Запада, и не по общим, валовым показателям, но и по более существенным — по производству на душу населения. Однако в который уж раз этим планам, обещаниям пришлось стать всего лишь благими пожеланиями.

Именно тогда, летом 1950 года, холодная война неожиданно вступила в самую опасную фазу. Опять вынудила Советский Союз все свои силы бросить на очередную гонку вооружений.

Глава двадцать пятая

Новое ядро СМ СССР, оно же — узкое руководство практически в полною составе, лишь без Косыгина, начало менять пространственную ориентацию своей внешней политики. Переносить центр тяжести в ней с Западной Европы на Дальний Восток. Туда, где, как казалось, победа революции в Китае создавала возможность для активного и широкого проникновения. Позволяла закрепиться в обширном регионе мира. Вроде бы подтверждало такое восприятие многое. Обретение незадолго перед тем независимости Индией и Пакистаном, Бирмой. Успешная победа в декабре 1949 года индонезийского народа над войсками Нидерландов и поддерживавшей их Великобританией. Провозглашение в январе 1950 года независимости Вьетнама — после четырехлетней борьбы с французскими колонизаторами. Гражданская война, шедшая на Филиппинах, в Малайе.

12 января 1950 года Дин Ачесон, только что сменивший Маршалла на посту Государственного секретаря США, выступая в национальном клубе печати в Вашингтоне, объявил Японию с островами Рю-Кю и Филиппины «оборонительной линией» своей страны. Заявил о готовности администрации Трумэна предоставить народам Азии ту помощь, в которой они будут нуждаться. Но заявил и иное. Мол, в полном соответствии с давней, традиционной российской политикой, СССР стремится отделить северные территории Китая, присоединив их. Так якобы он уже поступил с Монголией, собирается — с Маньчжурией и Синьцзяном.

Усугубило, без сомнения, подозрительность американцев подписание 14 февраля в Москве советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Договора, носившего откровенно антияпонскую направленность. Ведь в нем прямо отмечалось: «В случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению Японии или союзных с ней государств, и она окажется, таким образом, в состоянии войны, то **другая сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) имеющимися в ее распоряжении средствами». Тем самым, не отрицалась возможность применения ядерного оружия, хотя об этом прямо не говорилось.

Но не менее важное значение для оценки подлинной ситуации, возникшей в Азии, для оценки новых отношений Москвы с Пекином играло и подписанное в тот же день соглашение о КВЖД, теперь называемой Китайской Чанчуньской железной дорогой, о Порт-Артуре и Дальнем — по сути, о военных базах СССР и транспортной коммуникации, связывающей их с советской территорией. Они должны были быть переданы КНР после подписания мирного договора с Японией, но не позднее конца 1952 года. До этого срока они оказывались под совместным, советско-китайским управлением[714].

Положение, складывавшееся теперь в мире, члены узкого руководства оценивали довольно схоже. Маленков, выступая всего за три месяца до начала Корейской войны — 9 марта, перед избирателями, сказал: «Советское правительство, верное делу всеобщего мира, не откажется от дальнейших усилий, направленных на всемерное обеспечение мира, и готово быть активным участником всех честных планов, мероприятий и действий по предотвращению новой войны, по сохранению мира во всем мире». То же самое, только в более жестком, суровом тоне, высказал уже на следующий день и Молотов. «Мы, — весьма осторожно выразил

он свое видение проблемы, — всецело стоим за ленинско-сталинские принципы мирного сосуществования двух систем и за их мирное экономическое соревнование.

Но нам хорошо известна та истина, что пока существует империализм, существует и опасность новой агрессии…»[715]. Только Сталин и весной, и летом 1950 года хранил необычное молчание. Ни разу не высказался по вопросам внешней политики. Даже в наиболее простой форме — интервью. Потому-то ничто и не предвещало того, что произошло 25 июня. Вторжения северокорейских войск на территорию Южной Кореи.

Почему же началась Корейская война? До сих пор, несмотря на более чем настойчивые поиски, так и не удалось обнаружить никаких документов, которые подтвердили бы предварительное одобрение ее Кремлем. Ни согласия Сталина или Молотова, кого-либо другого из узкого руководства, даже устного, но непременно зафиксированного официальной протокольной записью. Ни некоего секретного пакта СССР — КНДР, заключенного во время встречи Ким Ир Сена 10 апреля 1950 года со Сталиным, Маленковым, Молотовым и Вышинским. Сегодня можно считать уже, что такого рода договоренностей просто не существовало. Скорее всего, инициатором войны на Корейском полуострове являлся Пхеньян — с благословения на то Пекина, обезопасившего себя на случай прямого столкновения обязательной поддержкой Москвы. Советский Союз — его узкое руководство, судя по всему, просто было поставлено в известность о том, что вскоре должно произойти. А потому вынуждено было ограничиться лишь одним. Принятием данного факта к сведению и расчетом на то, что США, его союзники не станут вмешиваться в этот локальный конфликт либо просто не успеют сделать того. Смирятся со свершившимся.

Прямым подтверждением тому служит «Директива» послу СССР в Пхеньяне Т. Ф. Штыкову, утвержденная Маленковым, Молотовым и Громыко 24 сентября 1949 года, ровно за девять месяцев до начала Корейской войны. Документ, до предела откровенно выражавший подлинную позицию советского руководства:

«Тов. Штыкову поручается встретиться с Ким Ир Сеном и Пак Хе Пеном и, строго придерживаясь приведенного ниже текста, заявить следующее:

В связи с поставленными Вами вопросами в беседе со мной 12 августа с. г. я получил указание передать Вам мнение Москвы по затронутым Вами вопросам.

Ваше предложение начать наступление корейской народной армии на юг вызывает необходимость дать точную оценку как военной, так и политической стороны этого вопроса.

С военной стороны нельзя считать, что корейская народная армия подготовлена к такому наступлению. **Не подготовленное должным образом наступление может превратиться в затяжные военные операции, которые не только не приведут к поражению противника, но и создадут значительные политические и экономические затруднения для Северной Кореи, чего, конечно, нельзя допустить** (выделено мною. — *Ю. Ж.*). Поскольку в настоящее время Северная Корея не имеет необходимого превосходства вооруженных сил по сравнению с Южной Кореей, нельзя не признать, что **военное наступление на юг является сейчас совершенно неподготовленным и поэтому с военной точки зрения оно недопустимо** (выделено мною. — *Ю. Ж.*).

С политической стороны военное наступление на юг Вами также не подготовлено. Мы, конечно, согласны с Вами, что народ жаждет объединения страны, а на юге он, кроме того, ждет освобождения от гнета реакционного режима. Однако до сих пор сдельно еще очень мало для того, чтобы поднять широкие народные массы Южной Кореи на активную борьбу, развернуть партизанское движение по всей Южной Корее, создать там освобожденные районы и организовать силы для общенародного восстания. Между тем только в условиях начавшегося и действительно развертывающегося народного восстания, подрывающего основы реакционного режима, военное наступление на юг могло бы сыграть решающую роль в деле

свержения южно-корейских реакционеров и обеспечить осуществление задачи объединения всей Кореи в единое демократическое государство. Поскольку в настоящее время сделано еще очень мало для развертывания партизанского движения и подготовки общенародного восстания в Южной Корее, нельзя не признать, что **и с политической стороны предложенное Вами наступление на юг также не подготовлено** (выделено мною. — *Ю. Ж.*).

Что касается частной операции по захвату Ондинского полуострова и района Кайдзио, в результате которой границы Северной Кореи продвинулись бы почти к самому Сеулу, то эту операцию нельзя рассматривать иначе, как начало войны между Северной и Южной Кореей, к которой Северная Корея не подготовлена ни с военной, ни с политической стороны, как это указано выше.

Кроме того, необходимо учитывать, что **если военные действия начнутся по инициативе Севера и примут затяжной характер, то это может дать американцам повод ко всякого рода вмешательствам в корейские дела** (выделено мною. — *Ю.Ж.*).

Ввиду всего сказанного следует признать, что в настоящее время задачи борьбы за объединение Кореи требуют сосредоточения максимума сил, во-первых, на развертывании партизанского движения, создания освобожденных районов и подготовки всенародного вооруженного восстания в Южной Корее с целью свержения реакционного режима и успешного решения объединения всей Кореи и, во-вторых, дальнейшего и всемерного укрепления корейской народной армии»[716].

Именно так, предельно откровенно и ясно, советское руководство стремилось объяснить, доказать Пхеньяну, что задуманная тем война просто невозможна, а потому в случае ее начала сразу же превратится в безрассудную авантюру. Более того, директива содержала и удивительно точный, безошибочный прогноз возможного развития событий на полуострове. Военные действия обязательно примут затяжной характер, дадут США основание для прямого вмешательства, породят непременно политический и экономический кризис в КНДР. Трудно представить, что столь взвешенная оценка ситуации могла существенно измениться за последующие девять месяцев. Ведь Пхеньян так и не сумел решить ни одну из тех задач, которые Москва устанавливала как обязательные, хотя и сугубо предварительные.

Подтверждает, но лишь до некоторой степени, такое предположение и более чем странное необъяснимое поведение представителя СССР в Совете безопасности Я. А. Малика. Вернее, его демонстративное отсутствие на заседании, состоявшемся 27 июня, вместо того чтобы использовать право вето и отклонить решение, рекомендовавшее членам ООН предоставить «Корейской республике такую помощь, какая может быть необходима для того, чтобы отразить вооруженное нападение и восстановить международный мир и безопасность в этом районе»[717]. А затем, 7 июля, еще одно — о создании объединенного командования сил ООН в Корее под руководством США. Вместе с тем советское правительство в официальном ответе генеральному секретарю ООН Трюгве Ли, МИД в заявлениях, нотах США и Великобритании, всячески уклонялись от однозначного ответа на прямо поставленный вопрос: «признает ли СССР ответственность за происходящее». Одновременно почему-то сосредотачивали внимание и свое, и оппонентов на другом — на отсутствии в ООН и Совете безопасности законного китайского делегата, представлявшего бы Пекин, а не Тайбей. На том, что приказ Трумэна 7-му флоту перебазироваться к берегам Тайваня «является прямой агрессией против Китая»[718]. Не было ли все это попыткой узкого руководства намекнуть, кто же является действительно ответственным?..

Вашингтон, несомненно, воспринял события на Корейском полуострове как начало претворения в жизнь скрытных целей советско-китайского договора. Как переход «коммунизма» к открытому наступлению в Азии. Потому-то уже 27 июня Трумэн отдал приказ американским вооруженным силам оказать южнокорейской армии всю необходимую поддержку, а три дня спустя — об отправке в Корею войск США.

В течение следующего месяца узкое руководство, скорее всего, пыталось найти приемлемый для себя выход из сложного положения, в котором оно оказалось. Однако успех северян, стремительным наступлением занявших почти весь полуостров, помешал тогда занять достаточно твердую однозначную позицию. Внезапно вернувшийся 1 августа к исполнению своих обязанностей Я. А. Малик попытался, следуя директиве Москвы, использовать благоприятную для КНДР ситуацию. Предложил пригласить представителей и Пхеньяна, и Сеула на заседание Совета безопасности, чтобы с их участием и достигнуть прекращения боевых действий. Тогда же двумя нотами, врученными послу США в Москве, правительство СССР как бы дистанцировалось от конфликта. Своеобразно очертило зону его вне пределов Советского Союза: 4 сентября — в связи с обстрелом советского самолета в районе Порт-Артура, и 8 октября — зафиксировав нарушение американским самолетом воздушного пространства СССР неподалеку от Владивостока.

Между тем, войска США — ООН под командованием генерала Дугласа Макартура добились существенного перелома в ходе войны. Высадив 16 сентября в районе города Инчон 50-тысячный воздушный десант, не только вынудили северокорейские части к отходу с юга, но и создали мощный плацдарм для будущего контрнаступления.

Советское руководство, осознав серьезную угрозу для КНДР, попыталось спасти режим Ким Ир Сена от вполне возможного краха с помощью дипломатических мер. 20 сентября А. Я. Вышинский, выступая на сессии Генеральной ассамблеи ООН, повторил призыв Сталина к четырем великим державам «объединить свои мирные усилия и заключить между собой Пакт по укреплению мира», дополнил его призывом приступить уже в текущем, 1950 году, к сокращению численности своих вооруженных сил на треть. А 2 октября, остановившись, как он и обещал, в первом выступлении, на конкретных событиях, угрожающих стабильности во всем мире, предложил квалифицировать события в Корее «как внутреннюю борьбу, внутреннюю гражданскую войну между двумя правительственными лагерями», и потому рекомендовал распустить комиссию ООН по Корее, «способствовавшую… своими действиями разжиганию гражданской войны в Корее»[719]. И не встретил, разумеется, поддержки.

Тем временем американские, они же ооновские, войска начали давно готовившееся контрнаступление. 19 октября заняли Пхеньян, а к концу месяца сумели продвинуться практически до реки Ялу, разделяющую КНДР и КНР. В создавшихся условиях Пекин, еще 20 августа телеграммой в ООН напомнивший всем, что Китай граничит о Кореей и потому будет поддерживать своего соседа, ввел на территорию Северной Кореи свои вооруженные силы, выступавшие как «добровольцы» (ЦРУ зафиксировало это 20 октября). А 4 ноября демократические партии КНР выступили с совместным заявлением. Указали в нем открыто: «Китайский народ не только в силу своего морального долга должен помочь корейскому народу в его борьбе против Америки. Оказание помощи Корее отвечает также интересам всего китайского народа и вызывается необходимостью самообороны. Спасти своего соседа — значит спасти себя. Чтобы защитить нашу родину, мы должны помочь корейскому народу»[720].

Появление китайских «добровольцев» не только весьма быстро и существенно изменило соотношение сил на полуострове в пользу северян, но и предрешило весь дальнейший ход боевых действий.

Однако Москва, не исключая самого худшего варианта развития событий, предпринимала все те необходимые меры, которые считала неотложными. Еще 16 августа ПБ утвердило состав научно-технического совета Специального комитета при СМ СССР для ускорения создания новейшей ракетной системы ПВО «Беркут». 8 сентября, ради предельно возможной координации усилий экономики всего восточного блока, Микояна утвердили представителем СССР в СЭВе, фактически — главой этой организации. 25 сентября тому же Микояну поручили, совместно с министром путей сообщения Вещевым и заместителем министра иностранных дел Громыко, «в суточный срок» представить в ПБ предложения о строительстве железной дороги

от советской границы до станции Маньчжурия, призванной создать дополнительную линию доставки необходимого КНР и КНДР вооружения, топлива, продовольствия. Наконец, 24 октября, в разгар успешного американского наступления, ПБ приняло самое серьезное, рассчитанное на крайнюю ситуацию, постановление — «О сохранении и создании мобилизационных мощностей по производству военной техники»[721]. И только в ноябре узкое руководство сочло должным, своевременным прямо вступить в конфликт, правда, сохраняя это в строжайшей тайне. Выделило для защиты КНДР с воздуха «корпус Лобова», как он именовался в протоколах ПБ — 64-й истребительный авиационный корпус советских ВВС[722].

И все же Москва еще так и не смогла определиться. Не избрала окончательной линии поведения: сделать ли ставку на мирное разрешение конфликта или идти в конфронтации до конца. Конца логического, завершающегося третьей мировой войной. Причина же столь необычно длительного поиска решения, затянувшегося на более чем четыре месяца, объяснялась событием, ставшим самой важной государственной тайной СССР. Очередной тяжкой болезнью, обрушившейся на Сталина. Заболеванием, вынудившим его отойти на четыре с половиной месяца, со 2 августа по 21 декабря, от участия в работе узкого руководства. От принятия каких-либо решений, даже от высказываний по самым важным, принципиальным вопросам внешней и внутренней политики. Отойти от руководства страной в тот самый момент, когда мир оказался на грани ядерной войны.

Двойственность, неопределенность взглядов Кремля достаточно ясно продемонстрировал доклад, сделанный Булганиным 6 ноября. Перейдя по традиции к оценке международного положения, он вначале предложил как определяющую только мирную концепцию. Повторил, несколько расширив, предложение Сталина уже двухлетней давности — «о скорейшем заключении мирного договора с Германией, о выводе оккупационных войск и о создании общегерманского правительства», высказал требование «скорейшего заключения мирного договора с Японией, вывода из Японии оккупационных войск». Но одновременно продемонстрировал имевшиеся у узкого руководства два взаимоисключающих подхода к решению корейской проблемы. Поначалу заявил: «Советское правительство, верное своей неизменной политике мира, с самого начала событий в Корее настаивало на урегулировании конфликта мирными средствами… предлагало немедленно прекратить военные действия в Корее и одновременно вывести оттуда все иностранные войска, предоставив тем самым корейскому народу возможность решить свои внутренние дела без иностранного вмешательства». В конце же доклада позволил себе высказать и прямую угрозу, не исключив и того, что СССР может открыто вступить в войну в Корее. «Опыт истории говорит, — сказал Булганин, — что наша миролюбивая политика не является признаком слабости. Этим господам („поджигателям войны“. — *Ю. Ж.*) пора бы усвоить, что **наш народ способен постоять за себя, постоять за интересы своей родины, если понадобится — с оружием в руках** (выделено мною. — *Ю. Ж.*)»[723].

Подобные, крайне воинственные настроения стали проявляться и в США. После провала наступления, начатого 24 ноября и разрекламированного как завершающего войну непременно «к рождеству», после отступления американских войск назад к 38 параллели, командующий объединенными силами ООН в Корее Макартур предложил Трумэну начать бомбардировку территории Китая, а если потребуется, то и СССР. Применив и ядерное оружие. 30 ноября, отвечая на вопросы журналистов о дальнейших операциях в Корее, президент США вдруг заявил: «Мы предпримем все необходимое, что потребует военная ситуация». А когда его попросили уточнить — «Даже используя атомную бомбу?», добавил: «Включая все виды вооружения, которыми мы обладаем»[724]. Так и Трумэн оказался перед необходимостью выбора — победить во что бы то ни стало, даже подвергнув атомной бомбардировке Китай, СССР, и тем начать третью мировую войну, или смириться не с поражением, нет, а всего лишь с восстановлением существовавшего до 25 июня положения.

13 января 1951 года Трумэн выбор сделал. Заявил о нежелательности дальнейшего расширения масштабов и характера боевых действий. А через четыре месяца, после повторного предложения бомбардировать Китай, отправил генерала Макартура в отставку[725]. Недвусмысленное, хотя и предельно завуалированное предложение вернуться к положению, существовавшему до начала войны, в Кремле услышали. Более того, поняли, расценили как весьма возможный и желательный вариант выхода из тупика. Завершить же конфликт на именно такой стадии его развития без необходимости давать объяснения населению Советского Союза могла помочь особенность советской пропаганды, однозначно трактовавшей Корейскую войну как ничем не прикрытую агрессию США и сеульского режима. А потому восстановление границы по 38 параллели легко можно было преподнести как еще одну «убедительную победу сил мира». Но для этого прежде всего следовало отказаться от жесткого внешнеполитического курса, освободиться от тех членов узкого руководства, кто навязал его и вверг, тем самым, СССР в крайне опасное положение.

Первым признаком весьма возможных перемен стало опубликованное «Правдой» 17 февраля интервью со Сталиным. Следуя в деталях продуманной последовательности вопросов «корреспондента», Иосиф Виссарионович так построил новую внешнеполитическую концепцию: «…Не может ни одно государство, в том числе и Советское государство, развертывать вовсю гражданскую промышленность, начать великие стройки вроде гидростанций на Волге, Днепре, Амударье, требующие десятков миллиардов бюджетных расходов, продолжать политику систематического снижения цен на товары массового потребления, тоже требующего десятков миллиардов бюджетных расходов, вкладывать сотни миллиардов в дело восстановления разрушенного немецкими оккупантами народного хозяйства, и вместе с тем, одновременно с этим, умножать свои вооруженные силы, развернуть военную промышленность. Не трудно понять, что такая безрассудная политика привела бы к банкротству государства».

Затем Сталин напомнил о предложениях советской стороны немедленно заключить пакт мира пяти великих держав, начать сокращение вооружений, запретить атомное оружие. И только потом, в обычной для себя катехизисной форме, остановился на Корейской войне: «Что Вы думаете об интервенции в Корее, чем она может кончиться? Если Англия и Соединенные Штаты Америки окончательно отклонят мирные предложения народного правительства Китая, то война в Корее может кончиться лишь поражением интервентов. Почему? Разве американские и английские генералы и офицеры хуже китайских и корейских? Нет, не хуже… Трудно убедить солдат, что Соединенные Штаты Америки имеют право защищать свою безопасность на территории Кореи и у границ Китая, а Китай и Корея не имеют права защищать свою безопасность на своей собственной территорий или у границ своего государства. Отсюда непопулярность войны среди англо-американских солдат». А в заключение сказал главное: «Считаете ли новую мировую войну неизбежной? Нет. По крайней мере в настоящее время ее нельзя считать неизбежной… Что касается Советского Союза, то он будет и впредь непоколебимо проводить политику предотвращения войны и сохранения мира».

Накануне же, 16 февраля 1951 года, ПБ, собравшееся в составе: Сталин, Булганин, Берия, Маленков, Молотов, Микоян, Хрущев, при участии Сабурова, приняло три взаимосвязанных решения, и определивших более чем на два года судьбы страны. В соответствии с первым, Н. А. Булганина освободили от обязанностей председателя Координационного комитета, иными словами — верховного главнокомандования вооруженными силами страны в мирное время, «ввиду его занятости». Во главе комитета утвердили военного министра А. М. Василевского, а заместителем — начальника генерального штаба С. М. Штеменко. Вторым актом Булганину возвратили прежнее положение руководителя ВПК, отобранное у него с началом Корейской войны:

«Об образовании бюро по военно-промышленным и военным вопросам. Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Министров Союза ССР постановляет: 1. Образовать при Совете

Министров СССР бюро по военно-промышленным и военным вопросам. Возложить на бюро по военно-промышленным и военным вопросам руководство работой: а) министерства авиационной промышленности; б) министерства вооружения; в) военного министерства; г) военно-морского министерства. 3. Утвердить председателем бюро по военно-промышленным и военным вопросам тов. Булганина Н. А. и членами бюро тт. Хруничева М. В., Устинова Д. Ф., Василевского А. М., Юмашева И. С.».

Третье решение коренным образом меняло уже саму систему власти в охране.

«Вопрос президиума Совета Министров СССР. Председательствование на заседаниях президиума Совета министров СССР и бюро президиума Совета Министров СССР возложить поочередно на заместителей председателя Совета министров СССР тт. Булганина, Берия и Маленкова, поручив им также рассмотрение и решение текущих вопросов. **Постановления и распоряжения Совета Министров СССР издавать за подписью председателя Совета Министров СССР тов. Сталина И. В**. (выделено мною. — *Ю. Ж.*)»[726].

Последняя фраза, как ранее, так и позднее никогда больше не встречающаяся в подобного рода документах — более чем странная. Сложная и для расшифровки, и для понимания, и для объяснения.

Если ее внесли в текст с ведома и согласия Сталина, то тогда она несет следующий смысл. В силу неких определенных и веских, весьма серьезных причин, а ими могли быть либо загруженность какой-то иной, более важной работой, либо серьезное ослабление работоспособности после тяжелого заболевания, Сталин передоверил свои высокие властные полномочия. Позволил сам, и не кому-либо, а Булганину, Берии и Маленкову на неопределенное время вершить судьбы страны от своего имени.

Возможно, конечно, и иное прочтение документа. Если его последняя фраза, как, впрочем, и само решение в целом, появилась вопреки воле Сталина или было принято им лично вынужденно, под сильнейшим давлением на него, то она должна означать прямо противоположное. То, что в тот день первого секретаря ЦК ВКП(б), председателя Совета Министров СССР фактически, но отнюдь не юридически, отстранили от руководства. Но в любом случае, по доброй воле или нет, Сталину пришлось практически отойти от власти. Остаться главой государства лишь символически.

Пока все известные данные заставляют — вплоть до того времени, когда появится, наконец, возможность изучить личный фонд Сталина, все еще остающийся засекреченным в Архиве президента РФ, — склониться в пользу принятия второго варианта толкования последней фразы решения ПБ от 16 февраля 1951 года. Разумеется, подобное утверждение, входящее в абсолютное противоречие со всеми без исключения существующими концепциями, нуждается в веских доказательствах. Есть ли они?

Как первый аргумент прежде всего следует рассмотреть хорошо и давно известный, бесспорный факт. До сих пор никем не объясненное внезапное прекращение издания собрания сочинений Сталина за… два года до его смерти.

24 марта 1951 года Сталин завершил работу над очередным, тринадцатым (зловещее предзнаменование!) томом, включив в него дополнительно восемь статей. 11 апреля он просмотрел верстку книги и подписал ее в печать, а на следующий день подписал и предисловие. Спустя две недели книга поступила в продажу. И на том издание «основополагающих» трудов, осуществлявшееся по решению ПБ к 70-летию вождя, без каких-либо объяснений прекратилось.

О собрании сочинений Сталина забыли все. Хранили молчание и сотрудники Института марксизма-ленинизма, готовившие его, и руководители Агитпропа, отвечавшие за его выпуск. Перестали вспоминать о собрании сочинений Сталина узкое руководство, члены ПБ, даже сам автор. Вряд ли причиной прекращения работы над изданием послужили сложности составления очередного, четырнадцатого тома. Ведь в него должны были войти статьи и

выступления, интервью Сталина за 1934–1940 годы, не раз публиковавшиеся и в прессе, и отдельными брошюрами, и в сборнике «Вопросы ленинизма».

Причину такого экстраординарного события можно объяснить иным. Стремлением узкого руководства выразить тем самым свое новое равнодушное отношение к тому, кто внешне еще почитался как живой бог. Но такое могло произойти лишь в одном случае — только тогда, когда Сталина отрешили бы от власти.

Еще один, на удивление аналогичный аргумент. Неожиданный, без каких-либо объяснений отказ от выпуска в свет практически тогда же сборника «Переписка председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и президентом США Ф. Рузвельтом в годы Великой отечественной войны». Работу по подготовке этой книги сотрудники МИД'а под руководством Молотова проделали в крайне сжатые сроки. Начали 15 апреля 1950 года, а завершили 31 марта 1951 года. Однако именно тогда, когда пошла верстка (полностью редколлегия ее получила к 22 сентября 1951 года)[727], неустановленное лицо или лица приняли решение, следы которого в архивах пока еще не обнаружены: сборник не издавать. Вышел он только шесть лет спустя, в 1957 году, после XX съезда КПСС и «секретного» доклада Хрущева.

Разумеется, решение о закрытии этого издания можно объяснить чисто конъюнктурными соображениями. Твердым намерением узкого руководства или самого Сталина в период обострения холодной войны, в разгар формально локального конфликта в Корее, который в любой момент мог перерасти в глобальную ядерную катастрофу, не вспоминать, не напоминать о былых союзнических отношениях с США и Великобританией, о боевом сотрудничестве трех великих держав. Так можно было бы объяснить происшедшее, но лишь в том случае, если бы данная акция оказалась единичной. Если бы одновременно не последовало прекращение издания и собрания сочинений Сталина.

Есть и иной, столь же нетрадиционный, необычный аргумент в пользу выдвинутой гипотезы. В 1949 году в Москве началось строительство высотных зданий, в том числе и нового для МГУ, на Ленинских горах. По проекту архитекторов Л. В. Руднева, С. Е. Чернышева, П. В. Абросимова, А. Ф. Хрякова, инженера В. Н. Насонова. Он же предусматривал, что центральный, самый высокий корпус нового МГУ будет увенчан огромной статуей Сталина. Этот вариант проекта многократно экспонировался, воспроизводился. Даже — как фотография — попал в третий том второго издания Большой советской энциклопедии. Как иллюстрация на вклейке перед страницей 221, к статье «Архитектура». В том, подписанный к печати 17 мая 1950 года. Но уже полтора года спустя, в девятом томе, подписанном к печати 3 декабря 1951 года, публикуется статья «Высотные здания». А к ней, опять же как иллюстрация на вклейке, помещена фотография строительства здания МГУ, с несвойственной энциклопедии точной фиксацией даты съемки — ноябрь 1951 года. Но теперь уже со шпилем вместо грандиозной статуи Сталина, которая призвана была господствовать над столицей.

Данные, говорящие в пользу второй версии, на том не исчерпываются. Более весомым аргументом следует признать свидетельства самих соратников Сталина, и не спустя несколько десятилетий, когда может подвести память, поддавшаяся воздействию общего мнения, а сразу же, по свежим следам. Их высказывания всего через четыре месяца после смерти Сталина.

Выступая в июле 1953 года на Пленуме ЦК КПСС, задним числом утвердившим отстранение Берии от всех занимавшихся им постов, предание его суду за «попытку государственного переворота», члены нового руководства однозначно подтверждали, сами не замечая того, отход Сталина от решения каких-либо вопросов в рассматриваемый период.

Хрущев: «В последнее время товарищ Сталин бумаг не читал, людей не принимал, потому что здоровье у него было слабое».

Каганович: «Товарищ Сталин последнее время не мог так активно работать и участвовать в работе Политбюро».

И Хрущев, и Каганович употребили неопределенное выражение «в последнее время», что в равной степени могло относиться и к последним неделям, и последним месяцам, и годам жизни Сталина. Но два других участника Пленума, не менее осведомленные люди, назвали более определенный, конкретный отрезок времени.

Ворошилов: «Сталин в результате напряженной работы **за последние годы** (выделено мной. — *Ю. Ж.*) стал прихварывать». Микоян, остановившись на отношении Сталина к деятельности СЭВа, военно-координационного комитета и секретариата Информбюро — тех органов, которые играли в ту пору важнейшую роль в определении и регулировании отношений СССР со странами восточного блока, указал точно: Сталин «**в последние два года** (выделено мной. — *Ю. Ж.*) перестал ими интересоваться»[728].

Итак, четыре человека, не одно десятилетие входившие в узкое руководство и потому знавшие многие тайны Кремля, на закрытом заседании — не для печати и не для широкой информации, касаясь совершенно иной темы, проговорились. Скорее всего невольно. Прямо подтвердили, что Сталин действительно отошел от дел приблизительно за два года до смерти.

По сути, о том же рассказал в заявлении в президиум ЦК КПСС, но уже позже, 19 июля 1954 года, ничего не знавший о происходившем на июльском Пленуме личный секретарь Сталина А. Н. Поскребышев. «Хочу остановиться также, — писал Александр Николаевич, — и на вопросе обработки материалов, поступавших в адрес т. Сталина.

Порядок обработки материалов устанавливался т. Сталиным и заключался в следующем. Все материалы, поступавшие в адрес т. Сталина, за исключением весьма секретных материалов МГБ, просматривались лично мною и моим заместителем, затем докладывались т. Сталину устно или посылались ему по месту его нахождения. **Просмотренные т. Сталиным материалы частично возвращались им** с соответствующими резолюциями для исполнения или передавались им непосредственно тому или иному члену Политбюро, а **остальные оставались у него** (выделено мною. — *Ю. Ж.*). По мере накопления материалов он вызывал меня для разбора этих бумаг, при этом давал указания, какие материалы оставить у него, а остальные увозить в особый сектор ЦК. Возвращенные материалы поступали в архив, где на них составлялась опись. Часть бумаг, требующих решения, направлялась или докладывалась вновь т. Сталину или направлялась членам ПБ, секретарям ЦК, в зависимости от характера вопросов, на соответствующее рассмотрение. Весьма секретные материалы МГБ с надписью министров „только вскрыть лично" направлялись т. Сталину без вскрытия их в особом секторе ЦК»[729].

Описывая специфику работы Сталина с документами, поступавшими на его рассмотрение, утверждение, Поскребышев опустил лишь одну деталь — не указал, когда же именно такой стиль возобладал. Однако на то довольно четко указывает и текст, и контекст. Указание — «министров» МГБ, что может относиться лишь к 1951–1952 годам. А еще и то, что двумя абзацами выше Александр Николаевич живописал отношения Власика с собой и Сталиным, в связи с финансовым скандалом, в котором Власика обвинили весной 1952 года.

В пользу второй версия имеются и более веские аргументы. Во-первых, письмо Сталина, отправленное им Маленкову 13 декабря 1950 года, то есть незадолго до принятия столь принципиального решения. «Я задержался, — писал Сталин, — с возвращением в связи с плохой погодой в Москве и опасением гриппа. С наступлением морозов незамедлю быть на месте»[730]. Здесь обращает внимание то, что в наиболее критический момент для страны, тогда, когда решался вопрос — быть или не быть ядерной войне, главу государства заботило лишь одно — боязнь заболеть гриппом. Он ставил возвращение к исполнению обязанностей в зависимость от погоды. И все же такому яркому, чисто человеческому документу можно было бы и не придавать большого значения, если бы не то, что произошло 16 февраля следующего года.

Во-вторых, еще более показательным является «Журнал посетителей кремлевского кабинета Сталина», в котором Поскребышев скрупулезно фиксировал не только фамилии, но и время — часы и минуты — прихода и ухода к Иосифу Виссарионовичу. Это-то и позволяет обнаружить более чем показательное. Спад работоспособности у Сталина начался в феврале 1950 года и достиг нижнего предела, стабилизировавшись в мае 1951 года. Если в 1950 году, с учетом 18-недельного отпуска (болезни?) чисто рабочих дней — приемов посетителей в кремлевском кабинете — у него было 73, в следующем — всего 48, а в 1952, когда Иосиф Виссарионович вовсе не уходил в отпуск (не болел?) — 45. Для сравнения можно использовать аналогичные данные за предыдущий период. В 1947 году у Сталина таких рабочих дней было 136, в 1948 — 122, в 1949 — 113. И это при ставших обычными трехмесячных отпусках.

Столь же показательным является число таких рабочих дней у Сталина и по месяцам. В январе 1951 года их было 10, в феврале — 6, марте — 7, апреле — 8, мае — 5, июне — 3, июле — 5, августе — 4. После очередного, на этот раз полугодового отпуска (болезни?) с 10 августа 1951 года по 11 февраля 1952 года, Иосиф Виссарионович работал в своем кремлевском кабинете еще реже. В феврале — 3 дня, марте — 5, апреле — 4, мае — 2, июне — 5, июле — 5, августе — 3, сентябре — 4, октябре (в месяце, когда проходил XIX съезд партии) — 7, ноябре — 9, декабре — 4[731].

Разумеется, здесь следует учитывать и то, что Сталин проводил заседания, встречи с членами узкого руководства, прием подчиненных и иностранных гостей не только в Кремле, но и на «ближней даче» — в «Волынском», на окраине Москвы. В «Зеленой роще», «Холодной речке», «Мюссере» — своих резиденциях на Черноморском побережье Кавказа, в районе Сочи — Гагра. И тем не менее, даже без обращения к его недоступной «истории болезни», можно легко сделать единственно возможный вывод. Иосиф Виссарионович если и вынужден был отрешиться от интенсивной, как прежде, повседневной работы из-за плохого самочувствия, то сделал это, неважно — добровольно или по принуждению, не в последние недели или месяцы жизни, а гораздо раньше.

Но чем бы ни было вызвано решение от 16 февраля 1951 года, с того дня власть в СССР обрела принципиально новую конструкцию. На вершине пирамиды, в неких заоблачных высях, пребывал дряхлеющий Сталин, сохранивший, несмотря ни на что, все свои официальные посты и должности. Реальные же рычаги управления, исключительное и монопольное право принимать окончательные решения по важнейшим для страны вопросам оказались у нового триумвирата. Того, что как и прежде сам Сталин, как ядро ГКО в годы войны, соединял две ветви подлинной власти: государственной исполнительной, представленной Булганиным и Берией, и партийной — в лице Маленкова. Вместе с тем соединил триумвират, но уже вынужденно, выразителей различных взглядов о путях дальнейшего развития СССР, о его внутренней и внешней политике.

Булганин, уже в силу только того, что являлся председателем бюро по военно-промышленным и военным вопросам, а Берия как направляющий всю работу в области ядерного оружия и ракетостроения выражали интересы «ястребов». Той части властной элиты, широкого руководства, которые полагали: страна должна прежде всего развивать тяжелую промышленность как основную базу оборонной. Следует сохранять жесткий курс во внешней политике. Не отступать перед натиском Запада, не уступать ему ни в чем, говорить с ним с позиции силы, и для того подкреплять советскую позицию, требования дипломатов мощными вооруженными силами.

Маленков, судя по многим косвенным данным, сохранял приверженность более мягкому курсу, отражая взгляды той группы в широком руководстве, которую условно можно называть «голубями». Они же считали, что обладания Советским Союзом собственным ядерным оружием вполне достаточно для паритета с США. Позволяет, отказавшись от конфронтации, говорить с Западом на равных и потому следует прекратить холодную войну, перейти к разрядке. Одновременно отказаться от гонки вооружений, теперь уже ставшей бессмысленной, ничего

не дающей, и отказаться от приоритета развития тяжелой промышленности. Сосредоточить теперь усилия на подъеме сельского хозяйства, чье кризисное состояние усиливалось с каждым месяцем, заняться должным образом легкой промышленностью, чтобы постепенно поднимать жизненный уровень населения.

На реальный баланс сил в триумвирате, который и должен был предопределить победу одного из двух возможных курсов, воздействовало то, что Булганин, скорее всего, не играл самостоятельной, существенной роли. Транслировал взгляды Сталина и вместе с тем поддерживал Берию, усиливая, собственно, именно его позицию. Кроме того, на соотношение сил должен был воздействовать, хотя и опосредованно, третий уровень власти, на котором после 16 февраля оказались члены прекратившей существование «семерки» и сохранявшегося уже чисто формально, лишившись прежней значимости после появления триумвирата. БП СМ СССР: Молотов, Микоян, Косыгин, Каганович. Всем им, ради сохранения своих еще имевшихся властных полномочий, непременно следовало ориентироваться либо на Булганина и Берию, либо на Маленкова. Но до поры до времени, дабы не лишиться всего, вести себя предельно осмотрительно. Не высказываться определенно. Во всяком случае, до тех пор, пока не обозначится явный победитель, чтобы лишь в самую последнюю, решающую минуту и примкнуть к нему.

В результате перемен гораздо большее, нежели в последние годы, значение приобрел четвертый уровень власти, включавший зампредов СМ СССР, секретарей ЦК, членов и кандидатов в члены ПБ — аутсайдеров. Малышев, Первухин, Сабуров, Тевосян, игравшие ключевые роли в экономике; Пономаренко, Суслов, Хрущев — контролировавшие партаппарат; Ворошилов и Шверник — просто как обладающие голосами, могущие стать решающих на заседаниях. Наконец, весьма возросла роль и следующего эшелона широкого руководства. Членов ОБ: В. М. Андрианова — первого секретаря Ленинградского обкома, В. В. Кузнецова — председателя ВЦСПС, Л. З. Мехлиса — министра госконтроля, Н. А. Михайлова — первого секретаря ЦК ВЛКСМ, Н. С. Патоличева — первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии, Б. Н. Черноусова — председателя СМ РСФСР. А так же министра госбезопасности В. С. Абакумова и фактического главы (из-за постоянной тяжелой болезни официального председателя А. А. Андреева) КПК М. Ф. Шкирятова.

Борьба за привлечение их как союзников, за усиление или ослабление их реального положения, воздействия на ход событий началась задолго до 16 февраля.

Еще 27 октября 1950 года непоколебимого сторонника Сталина, Мехлиса, освободили от должности министра госконтроля — «ввиду того, что по состоянию здоровья» ему «трудно исполнять обязанности». Назначили вместо него В. Н. Меркулова, бывшего министра госбезопасности, давнего, еще по Грузии, сотрудника и соратника Берии[732].

Спустя два месяца, 31 декабря, реорганизовали руководство МГБ, окружив Абакумова, подчинявшегося только Сталину, людьми Берии и Маленкова. Постановление, принятое в тот день ПБ, гласило:

«Учитывая, что объем работы министерства государственной безопасности СССР значительно увеличился в связи с передачей из МВД пограничных и внутренних войск, милиции, созданием новых оперативных управлений, а также для того, **чтобы коллегиально рассматривать наиболее важные вопросы чекистской работы** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Увеличить количество заместителей министра государственной безопасности СССР до 7 человек.

2. Утвердить заместителями министра государственной безопасности СССР: тов. Питовранова Е. П., освободив его от должности начальника 2 главного управления МГБ СССР; тов. Аполлонова А. Н., освободив его от должности председателя Всесоюзного комитета по

делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР; тов. Королева Н. А., освободив его от должности начальника 3 главного управления МГБ СССР.

3. Утвердить т. Макарова В. Е. заместителем министра государственной безопасности СССР по кадрам, возложив на т. Макарова также обязанности по наблюдению за работой партийных организаций органов МГБ. Освободить тов. Свинелупова М. Г. от обязанностей заместителя министра государственной безопасности СССР по кадрам с использованием его на ответственной работе в системе органов МГБ».

Тем же постановлением утвердили и новых начальников главных управлений МГБ: 2-го — Ф. Г. Шубникова, 3-го — Я. А. Едунова, 4-го — П. С. Мещанинова, по охране на железнодорожном и водном транспорте — С. А. Гоглидзе, начальником инспекции при министре — П. П. Кондакова[733].

Практически одновременно, 30 декабря, реконструировали Агитпроп. Разделили его, серьезно ослабив Суслова, на четыре самостоятельных отдела: пропаганды и агитации с заведующим М. А. Сусловым, науки и высших учебных заведений — с Ю. А. Ждановым, художественной литературы и искусства — с В. С. Кружковым, школ — с П. В. Зиминым. В тот же день Г. П. Громова назначили заведующим административным отделом — на должность, освободившуюся после перевода В. Е. Макарова замминистром в МГБ, а заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов, вместо Громова — С. Д. Игнатьева, бывшего до того уполномоченным ЦК по Узбекской ССР. Вскоре, 20 января 1951 года, весьма значительно усилили роль Хрущева. Поручили ему, помимо руководства МК и МГК, еще и «наблюдение за работой ЦК КП(б) Украины». Перетряска партаппарата завершилась еще одним ударом по Суслову. 8 марта ПБ приняло решение о прекращении издания органа Агитпропа, газеты «Культура и жизнь», и журнала «Партийное просвещение», также являвшегося фактическим рупором этого отдела[734].

Сочтя такую подготовительную операцию завершенной, узкое руководство решительно реорганизовало структуру СМ СССР, существовавшую почти четыре года. 15 марта ликвидировало пять из девяти отраслевых бюро — топливной промышленности, сельского хозяйства и заготовок, транспорта и связи, металлургии и геологии, культуры. Упразднило их, чтобы замаскировать освобождение Берии, Маленкова и Молотова от дополнительных, ненужных теперь им, излишних и крайне обременительных обязанностей. Фактически передало Малышеву, Первухину, Сабурову и Тевосяну львиную долю нагрузки работы в правительстве. Постановление как бы между прочим определило: «вопросы министерств и ведомств, входивших ранее в вышеуказанные бюро, должны рассматриваться непосредственно в бюро и президиуме Совета Министров СССР». Заодно, и очень элегантно, был «задвинут» Ворошилов. Ему вверили надзор только за тремя добровольными обществами содействия: Советской Армии — Досарм, Военно-Морскому Флоту — Досфлот и авиации — Досав (в скором будущем их сольют в одну организацию — ДОСААФ).

Реорганизация структуры СМ СССР на Маленкове практически не отразилась. Все его полномочия по контролю за аграрным сектором давно уже находились у секретаря ЦК ВКП(б) Пономаренко. 27 октября 1950 года его по совместительству назначили министром заготовок СССР. Но обязанности другого члена триумвирата были особо оговорены. «Тов. Берия обязать половину своего рабочего времени отдавать делу № 1, № 2 и № 3» — то есть руководству первым и вторым главными управлениями при СМ СССР, занимавшимися ядерной программой, а также той частью Спецкомитета, которая вела разработку и создание ракетного оружия[735].

Только затем произошло то, что в Советском Союзе обычно свидетельствовало о скорой и радикальной перемене политического курса. 23 июня Суслова освободили от обязанностей главного редактора «Правды», назначили на вакантное место Л. Ф. Ильичева[736].

Глава двадцать шестая

В тот же день, в соответствии с директивой, полученной из Москвы, постоянный представитель СССР в ООН и Совете безопасности Я. А. Малик выступил в радиопрограмме ООН с сенсационным предложением — незамедлительно начать переговоры о прекращении войны в Корее.

«Народы Советского Союза, — сказал Малик, — верят в возможность отстоять дело мира. Советские народы верят также, что можно было бы урегулировать и самый острый вопрос в настоящее время — военный конфликт в Корее. Для этого требуется готовность сторон стать на путь мирного урегулирования корейского вопроса. Советские народы верят в то, что в качестве первого шага следовало бы начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня, о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели. Можно ли сделать такой шаг? Я думаю, что можно при искреннем желании положить конец кровопролитным столкновениям в Корее. Я думаю, что это не такая уж большая цена, чтобы добиться мира в Корее»[737].

30 июня генерал Риджуэй, главнокомандующий силами ООН в Корее, объявил о согласии с предложением Малика. 1 июля о том же заявили Ким Ир Сен и командующий китайскими «добровольцами» генерал Пын Дэхуай. 10 июля близ корейского города Кэсона переговоры двух враждующих сторон начались. Так был сделан первый шаг на пути к разрядке. Второй последовал месяц спустя. 4 августа ПБ по предложению Молотова утвердило решение в дальнейшем не настаивать на пересмотре конвенции Монтрё о режиме черноморских проливов, чей очередной пятилетний срок истек[738].

Тем самым узкое руководство все же отказалось и от проводимого с 1945 года дипломатического давления на Турцию, и от территориальных претензий к ней.

Наконец, 20 августа ПБ образовало специальную комиссию, призванную подготовить созыв в Москве международного экономического совещания. Молотов как председатель, Микоян, Вышинский, Суслов, Григорьян, Меньшиков, ряд иных как члены должны были в пятидневный срок представить предложения, которые не только бы гарантировали сам созыв, участие в нем представителей максимального числа стран помимо членов СЭВа, но и позволили бы вырваться из изоляции, восстановить утраченные за последние годы — период холодной войны, торговые связи.

Однако работа над требовавшимся документом неожиданно затянулась. Привела, прежде всего, к вскрытию вопиющих недостатков в деятельности МВТ. Они, как отметило постановление ПБ, принятое 4 ноября, выразились «в том, что министерство внешней торговли при осуществлении торговых операций с капиталистическими странами не проявляет должной заботы по обеспечению внешнеторговых интересов государства, слабо контролирует выполнение планов внешнеторговых операций, в результате чего запаздывает в закупке и доставке необходимых для СССР товаров из-за границы, а в ряде случаев допускает завоз товаров плохого качества, чем наносит ущерб государству». Вывод последовал традиционный: «эти недостатки в значительной мере являются результатом того, что министр внешней торговли т. Меньшиков не справляется со своими обязанностями». Тем же постановлением его сняли, утвердив новым министром прежнего первого заместителя, И. Н. Кумыкина[739].

Только незадолго до открытия совещания — в середине февраля 1952 года, да к тому же комиссии нового состава — Молотову, Микояну, Кумыкину, Григорьяну, Пономареву (от Агитпрома) и Захарову (от МВТ), удалось четко сформулировать его задачи. Своеобразная директива установила: «Основная цель Советского Союза заключается в том, чтобы содействовать прорыву торговой блокады и той системы мероприятий по экономической дискриминации в отношении СССР, стран народной демократии и Китая, которая в последние годы проводится правительством США со все большим нажимом… Совещание должно выявить возможные положительные стороны восстановления и развития нормальных условий в области торговли и экономических связей между странами». А потому предлагалось «предоставить возможность для выступления возможно большему кругу участников совещания, не выдвигая

специальных документов, чтобы не создавать особого положения для представителей отдельных стран»[740]. Иными словами было решено полностью деполитизировать международное экономическое совещание, отказавшись на этот раз от обычных в таких случаях деклараций, что и привело бы к срыву задуманного. Выходу из изоляции для начала в области международной торговли, обретению новых рынков сбыта советской продукции и сырья, партнеров в импортных операциях за пределами Восточного блока.

Не менее показательным свидетельством начавшихся перемен стали еще два неординарных события. 20 июля 1951 года в должности министра ВМФ восстановили адмирала Н. Г. Кузнецова[741]. Такое, вроде бы обычное, даже заурядное кадровое перемещение в данном случае выглядело более чем вызывающим. Ведь совсем недавно, всего чуть более трех лет назад, Николай Герасимович не просто был отстранен от должности, но и предстал перед военной коллегией Верховного суда СССР, обвиняемый в измене. Настаивал же на таком именно, репрессивном характере решения судьбы адмирала никто иной, как Булганин, в то время «всего лишь» заместитель председателя СМ СССР, министр Вооруженных Сил.

«В маленьком зале Кремля, — вспоминал Кузнецов, — где обычно проходили не очень многолюдные совещания старших руководителей, было собрано Политбюро ЦК под руководством Сталина. На этом совещании моряков Сталин сидел в стороне. Председательствовал Маленков. Предложили всем командующим флотами высказаться о делах в ВМФ… Сталин, не проронив ни слова, что-то писал на бумаге… Нас отпустили. Сталин только сказал, что Юмашев (министр ВМФ. — *Ю. Ж.*) пьет, и предложил подумать о замене. Все ждали указаний свыше. На следующий день собрались уже в другом помещении (кажется, в кабинете Маленкова), и на вопрос, что мы надумали, естественно, никто не ответил. Тогда председатель взял слово и сказал, что они на Политбюро обменивались мнениями и решили „вернуть“ Кузнецова»[742].

Вот так, когда Булганин оказался членом триумвирата и возглавил бюро по военно-промышленным и военным вопросам, его личного врага возвратили на старую должность. А вскоре началась весьма своеобразная реабилитация другого полководца периода Великой отечественной войны. 24 июля «Правда» не только поместила сообщение о том, что в состав правительственной делегации СССР на праздновании Дня возрождения Польши наравне с Молотовым включен и маршал Г. К. Жуков, но и опубликовала полный текст его выступления в Варшаве.

Но все же с наибольшей силой подспудная, не прекратившаяся и после 16 февраля закулисная борьба за лидерство в триумвирате, за торжество своей концепции внешней и внутренней политики, проявилась в ином. В устранении преданного Сталину, всесильного министра госбезопасности Абакумова, в чем в равной степени были заинтересованы все члены нового узкого руководства, но более других — Маленков. Ведь для закрепления обретенных позиций, опоры только на партаппарат ему было недостаточно. Весьма желательной являлась поддержка МГБ, ибо второе силовое министерство, вооруженных сил, контролировалось Булганиным, а также, но косвенно, и Берия.

В первых числах июля в ЦК поступила — несомненно, не без активного содействия административного отдела или отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов, то есть при обязательной поддержке со стороны Маленкова, записка одного из рядовых сотрудников МГБ — подполковника, старшего следователя М. Л. Рюмина. В ней Абакумов обвинялся во многих грехах. В странной, по мнению автора записки, смерти — до завершения следствия арестованного в середине ноября 1950 года Я. Г. Этингера. Кардиолога, заведующего кафедрой 2-го московского медицинского института, консультанта Лечсанупра Кремля и фактически врача семьи Берии, уже «признавшегося» в причастности к смерти А. С. Щербакова. В вину министру госбезопасности ставилось непредставление в ЦК сведений о «деле» Этингера, а также о ходе следствия еще по двум «делам»: попытке бегства в ФРГ

генерального директора акционерного общества «Висмут», занимавшегося добычей урановой руды в ГДР, а также террористической группы еврейской националистической молодежи, «раскрытой» в Москве.

4 июля ПБ поручило «комиссии в составе тт. Маленкова (председатель), Берия, Шкирятова и Игнатьева проверить факты, изложенные в заявлении Рюмина, и доложить о результатах Политбюро ЦК ВКП(б)» в течение трех-четырех дней. Комиссии этого времени хватило с избытком и уже через два дня ПБ приняло постановление «О неблагополучном положении в МГБ СССР», Месяцем позже, 9 августа, Абакумова сняли, утвердив вместо него в должности министра С. Д. Игнатьева, члена следственной комиссии как заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов[743].

С этого момента Маленков и Берия пытались извлечь максимальную для себя выгоду из возникшей ситуации. Используя созданную ими же необходимость полной смены руководства МГБ — второй пункт постановления от 9 августа, потребовавший от Игнатьева «внести на рассмотрение ЦК предложение о новом первом заместителе и других заместителях министра госбезопасности», они стремились провести на эти должности своих людей. Добиться тем если не явного преимущества, то хотя бы подобия равновесия.

Закулисный торг, если он был, длился более двух недель. Только 26 августа удалось найти компромисс. К министру — партфункционеру первыми заместителями утвердили двух профессионалов — С. И. Огольцова и С. А. Гоглгидзе. Заместителем по кадрам традиционно стал партработник, А. А. Епишев, перед тем работавший первым секретарем Одесского обкома и инспектором ЦК ВКП(б). Должности же просто заместителей министра поделили, но далеко не поровну. Четыре отдали профессионалам, Е. П. Питовранову, Н. П. Стаханову, П. Н. Мироненко, П. П. Кондакову. Две — «людям со стороны», инспектору ЦК ВКП(б) С. Р. Савченко и заместителю управляющего делами СМ СССР С. В. Евстафьеву.

На том борьба за контроль над МГБ с помощью кадровых перестановок не завершилась. 19 октября особо отличившегося Рюмина назначили заместителем министра и начальником следственной части по особо важным делам. Затем, через две недели, первым замминистра назначили Савченко, заменив им Гоглидзе, внезапно отправленного на периферию, в Узбекистан. Зато другого старого соратника Берии, Л. Ф. Цанаву, перевели из Минска и утвердили начальником Второго главного (контрразведывательного) управления. И почти сразу же заместителем к нему назначили О. М. Грибанова[744].

Так и не утихнувшая, хотя и скрытная, борьба за лидерство в триумвирате и слишком несхожие взгляды его членов на кардинальную проблему — какой же курс, жесткий или мягкий, следует проводить, привели к неизбежному. Сделали как внутреннюю, так и внешнюю политику страны непредсказуемой, резко колеблющейся между двумя крайними точками.

Летним попыткам Кремля достичь примирения с Западом, закреплению обозначившегося было успеха, не хватило решимости обеих конфликтующих сторон. Обоюдного желания довести начатое дело до завершения, твердого стремления к разрядке. США, его союзники не использовали в полной мере предоставившийся им шанс для прекращения Корейской войны. Ослабев, потеряв изначальный накал, бои все же не утихали. Хоть и вяло, но продолжались — вдоль 38-й параллели. Усугубилось положение в регионе еще и подписанием 8 сентября 1951 года в Сан-Франциско сепаратного мирного договора с Японией. Только США, Великобританией, Францией, их союзниками при демонстративном игнорировании интересов и прав СССР, Китая. Разумеется, такое поведение было расценено в Москве как открытый вызов.

Выступая 6 ноября с докладом — своеобразным «ежегодным посланием узкого руководства» стране, Берия выдержал его в более резком и воинственном, нежели Булганин год назад, антиамериканском духе. «Соединенные Штаты Америки, — заявил он, — открыто восстанавливают те два очага войны — на Западе, в зоне Германии, и на Востоке — в зоне

Японии». «Агрессивную политику американского блока наглядно разоблачает военная интервенция Соединенных Штатов в Корее. Представители США срывали все предложения СССР и других миролюбивых государств о прекращении американской агрессий в Корее, а теперь всячески затягивают начавшиеся переговоры в Кэсоне… Империалистам нужны не соглашения. Они боятся соглашений с Советским Союзом, так как такие соглашения могут подорвать их агрессивные планы, сделают ненужной гонку вооружений, дающую им миллиардные сверхприбыли. Империалистам нужна война».

Не довольствуясь столь явной конфронтационной позицией, Берия многократно повторил прозвучавшие довольно двусмысленно слова о готовности СССР вести войну с Западным блоком. «Наша внешняя политика опирается на мощь Советского государства. Лишь наивные политики могут расценить ее мирный характер как нашу неуверенность в своих силах. Советские люди не раз показывали миру, как они умеют защищать свою родину… Если империалистические хищники истолкуют миролюбие нашего народа как его слабость, то их ждет еще более позорный провал, чем это испытали их предшественники по военным авантюрам против Советского государства».

Но и такого бряцания оружием Берии показалось мало. И он усилил воинственный дух доклада, фактически подыгрывая американской пропаганде, которая, основываясь на «длинной телеграмме» Джорджа Кеннана, обвиняла СССР в коварных замыслах, стремлении уничтожить капитализм и навязать миру свою социально-экономическую систему. «Если уж следует кому-либо бояться последствия новой мировой войны, — продолжил Лаврентий Павлович, — то должны бояться их прежде всего капиталисты Америки и других буржуазных стран, ибо новая война поставит перед народами вопрос о вредоносности капиталистического строя, который не может жить без войны, и о необходимости заменить этот строй другим, социалистическим строем… Как в морально-политическом, так и в экономическом отношениях лагерь демократии и социализма представляет собою несокрушимую силу. Сила этого лагеря увеличивается еще и тем, что он отстаивает правое дело защиты свободы и независимости народов. А это значит, что если заправилы империалистического лагеря все же рискнут развязать войну, то не может быть сомнения, что она завершится крахом самого империализма»[745].

Слишком уж твердая уверенность Берии в своих силах, в том, что теперь — после доклада, непременно возобладает его, жесткий курс, обернулись для него неожиданным. Ударом по престижу, да еще в наиболее болезненной для него форме — инициированным, без всякого сомнения, Маленковым «мингрельским делом». Поначалу в большей степени уголовным — о взяточничестве, и в меньшей — политическим.

«Ближайшее знакомство с делом, — отмечало постановление ПБ, принятое 9 ноября, — показало, что взяточничество в Грузии развито и несмотря на некоторые меры борьбы, предпринимаемые ЦК КП(б) Грузии, взяточничество не убывает. При этом выяснилось, что борьба ЦК КП(б) Грузии со взяточничеством не дает должного эффекта потому, что внутри ЦК компартии Грузии, так же, как внутри аппарата ЦК и правительства, имеется группа лиц, которая покровительствует взяточникам и старается выручать их всяческими средствами. Факты говорят, что во главе этой группы стоит второй секретарь ЦК компартии Грузии т. Барамия. Эта группа состоит из мингрельских националистов. В ее состав входят кроме Барамия министр юстиции Рапава, прокурор Грузии т. Шония, заведующий административным отделом ЦК компартии Грузии т. Кучава, заведующий отделом партийных кадров т. Чичинадзе и многие другие. Она ставит своей целью прежде всего помощь нарушителям закона из числа мингрельцев, она покровительствует преступникам из мингрельцев, она учит их обойти законы и принимает все меры, вплоть до обмана представителей центральной власти к тому, чтобы вызволить „своих людей“».

Весьма настойчиво — трижды! — подчеркнув национальность преступной организации, постановление далее развивало и усиливало этот пункт обвинения: «Мингрельская

националистическая группа т. Барамия не ограничивается однако целью покровительства взяточникам из мингрельцев. **Она преследует еще другую цель — захватить в свои руки важнейшие посты в партийном и государственном аппарате** (выделено мною. — *Ю. Ж.*) Грузии и выдвинуть на них мингрельцев, при этом они руководствуются не деловыми соображениями, а исключительно соображениями принадлежности мингрельцам».

Нанеся таким образом удар ниже пояса Берии, мингрелу по национальности, и тем прозрачно намекнув на подозрения о имеющихся якобы у того устремлениях, одновременно подыграв и личным чувствам грузина Сталина, далее постановление делало неожиданный и крутой поворот. Указывало на угрозу, исходящую со стороны любой политической национальной группировки. На грозящую смертельную опасность для Конструкции СССР, национально-государственной в основе: «Несомненно, что если антипартийный принцип мингрельского шефства, практикуемый т. Барамия, не получит должного отпора, то появятся новые „шефы" из других провинций Грузии: из Карталании, из Кахетии, из Имеретии, из Гурии, из Рачи, которые тоже захотят шефствовать над „своими" провинциями и покровительствовать там проштрафившимся элементам, чтобы укрепить этим свой авторитет в „массах". И если это случится, компартия Грузии распадется на ряд провинциальных княжеств, обладающих „реальной" властью, а от ЦК КП(б) Грузии и ее руководства останется лишь пустое место».

В завершении, чтобы сделать «дело» беспроигрышным, упомянуло постановление и о возможных в принципе, разумеется, пока чисто теоретически, связях группы Барамия с антисоветской грузинской эмиграцией, «обслуживающей своей шпионской информацией о положении в Грузии американскую разведку». Мол, «шпионско-разведывательная организация Грузии состоит исключительно из мингрельцев».

Оргвыводы из «мингрельского дела» оказались достаточно суровыми. Со своих постов были сняты Барамия, Рапава, Шония, Кучава (через месяц, правда, его восстановили в партии и должности), Чичинадзе. Помимо этого, ЦК компартии Грузии предложили «осудить антипартийную и антигосударственную деятельность т. Барамия и его националистической группы», «развернуть длительную агитационно-пропагандистскую работу против взяточничества и за укрепление советской законности»[746].

Спустя месяц Маленков, как можно догадываться, смог убедиться в нейтрализации Берия, в силе нанесенного удара, в значимости сохранявшегося вопреки его собственным намерениям партаппарата, действенности его решений. И тогда он сделал то, чего не удалось добиться шестью годами ранее Жданову, Вознесенскому и Кузнецову: провел 7 декабря через ПБ постановление о созыве 20 октября следующего, 1952 года XIX съезда ВКП(б), обеспечив себе при этом ведущую роль. Предусматривалось, что с отчетным докладом выступит Маленков, проект тезисов по пятому пятилетнему плану подготовит Сабуров, а об изменениях в уставе доложит Хрущев[747] — тогда еще члены одной команды.

Дабы обезопасить свой контроль над партаппаратом при подготовке съезда, Георгий Максимилианович счел необходимым, утвердив на ПБ, создать войсковые части для главного управления специальной службы при ЦК. Гарантировал таким образом полную автономность, безопасность от весьма возможного воздействия со стороны партийных линий секретной связи. Правда, в качестве своеобразной компенсации ему пришлось одобрить воссоздание тогда же, в январе 1952 года, в структуре МГБ первого главного управления — внешней разведки. Эта акция лишала Молотова, МИД монополии на самую важную при планировании политических решений информацию, которую теперь в равной степени могли использовать как сам Маленков, так и Берия. Кроме того, Георгий Максимилианович должен был согласиться и с возвращением в Москву из Ташкента С. А. Гоглидзе, вторично утвержденного заместителем Игнатьева[748].

Однако главным итогом закулисной борьбы в триумвирате стала победа мягкого внешнеполитического курса. В марте узкое руководство отказалось, наконец, от жесткой линии, столь явно выразившейся в докладе Берия, одобрив предложенную Молотовым новую

концепцию основ мирного договора с Германией. Как и прежде, она содержала незыблемые для СССР условия — незамедлительное воссоединение ФРГ и ГДР; вывод через год после соглашения всех оккупационных войск, включая ликвидацию всех иностранных баз; нейтралитет. Но вместе с тем теперь советская сторона предлагала и иное: Германия может иметь собственные вооруженные силы, производить потребную ей военную технику. И хотя эта концепция, наиболее четко выраженная в ноте, направленной 10 марта правительствам США, Великобритании и Франции[749], почти сразу же утонула в мелочных оговорках Вашингтона и их обсуждении, растянувшемся почти на два года, мягкий курс все же возобладал.

Вскоре он нашел весомое подтверждение в очередных, не содержавших, впрочем, ничего нового, скупых, но достаточно миролюбивых по тону и содержанию ответах Сталина на вопросы безликой «группы редакторов» не названных «американских газет», опубликованных всеми советскими газетами 2 апреля:

«— Является ли третья мировая война более близкой в настоящее время, чем два или три года назад? — Нет, не является.

— Принесла ли бы пользу встреча глав великих держав? — Возможно, что принесла бы пользу.

— Считаете ли Вы настоящий момент подходящим для объединения Германии? — Да, считаю.

— На какой основе возможно сосуществование капитализма и коммунизма? — Мирное сосуществование капитализма и коммунизма вполне возможно при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности исполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении принципа равенства и невмешательства во внутренние дела других государств»[750].

Столь же неоспоримое выражение обрел мягкий курс и в прошедшем в апреле в Москве международном экономическом совещании. Впервые для такого рода форума, организованного СССР, участников не подбирали по их политическим взглядам, им не предлагали одобрять ни устно, ни подписями какую-либо декларацию или заявление откровенно идеологического характера. Подобный подход практически сразу же сказался на заметных сдвигах во внешней торговле Советского Союза, ее ощутимом оживлении за счет установления новых, равноправных и взаимовыгодных связей уже не только на межгосударственном, но и на чисто деловом, с отдельными компаниями и фирмами, уровнях.

В еще большей степени смягчение внешнеполитического курса вскоре продемонстрировали советские средства массовой информации. По требованию узкого руководства им пришлось буквально на ходу существенно изменять характер материалов, сообщавших о положении за рубежом. Новые принципы подачи таких материалов сформулировали «Указания редактора „Правды“ корреспондентам „Правды“ в капиталистических странах». Документ этот подготовил П. Н. Поспелов практически сразу же после назначения заместителем главного редактора центрального органа ЦК ВКП(б), а утвердило его 9 июля ПБ, сделав тем самым директивным для всех без исключения газет и журналов.

«Многие корреспонденции, — отмечали „Указания“, — носят поверхностный характер, написаны в крикливо-агитационном стиле, бедны фактическими данными об экономическом и политическом положении страны и ее внешней политике. При этом корреспонденты допускают зачастую грубые и оскорбительные выпады в отношении правительства и официальных лиц страны пребывания…Корреспонденции нередко носят такой характер, что у общественности страны пребывания создается неправильное представление о внешней политике Советского Союза и, в частности, о советской политике в отношении данной страны».

Такая откровенно негативная оценка характера материалов о жизни в странах Запада, долгое время насаждавшаяся Сусловым и выражавшая дух холодной войны, отныне решительно отвергалась. «Указания» потребовали от журналистов-международников «не допускать выражения, которые могли бы быть истолкованы как подстрекательство и выступление против правительства, оскорбление национального достоинства или как вмешательство во внутренние дела… не допускать оскорбительных выпадов по адресу членов правительства, общественных и политических деятелей». Кроме того, документ прямо запрещал советским журналистам «принимать участие в различных собраниях, митингах, демонстрациях и других мероприятиях, носящих антиправительственный характер»[751].

На том обеспечение перехода к столь необходимой Советскому Союзу разрядке не ограничилось. Проявилось оно и в радикальных кадровых перестановках в МИДе. Я. А. Малика отозвали из Нью-Йорка, а Г. М. Пушкина из Берлина, утвердили их заместителями министра иностранных дел. В. А. Зорин, один из руководителей Комитета информации, получил должность постоянного представителя СССР при ООН, А. А. Громыко — посла в Великобритании. А. С. Панюшкина отозвали из Вашингтона и направили также послом в Пекин, а Г. Н. Зарубина перевели, оставив в прежнем ранге, из Лондона в Вашингтон[752]. Такая сложная рокировка, как уже не раз подтверждалось практикой, могла означать лишь одно. Грядущую, в самом близком будущем, отставку А. Я. Вышинского, оказавшегося чересчур одиозным, слишком уж воплощавшим отвергаемый ныне дух холодной войны.

Тем временем на вершине власти начало происходить то, что иначе, нежели как серьезной очередной атакой на Берия, назвать нельзя. «Мингрельское дело» вдруг возобновилось, но уже не как узко национальное, а общереспубликанское. Превратилось в «Грузинское». Ну а сделать это, как показали последующие события, не мог никто, кроме Маленкова.

27 марта по инициативе М. Ф. Шкирятова, возглавлявшего КПК, и Н. М. Пегова, нового заведующего напрямую подчиненного Маленкову отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов, ПБ рассмотрело и утвердило постановление «Положение дел в компартии Грузии». В нем указало: «Дело с исправлением ошибок и недостатков в работе ЦК КП(б) Грузии вдет медленно, со скрипом, неудовлетворительно, и в партийных организациях и среди беспартийных людей Грузии имеет место недовольство медлительностью в действиях ЦК КП(б) Грузии по борьбе за ликвидацию последствий вражеской деятельности группы Барамия… В ходе следствия выяснилось, что… группа… намеревалась захватить власть в компартии Грузии и подготовить ликвидацию советской власти в Грузии».

Следовательно, из трех возможных обвинений, содержавшихся в постановлении по «Мингрельскому делу» — коррупция, захват власти, сотрудничество со спецслужбами США, было избрано, и видимо далеко не случайно, с дальним прицелом, второе. И на основании его, тем же постановлением от 27 марта, сняли К. Н. Чарквиани, первого секретаря ЦК КП(б) Грузии, а на его место рекомендовали А. И. Мгеладзе, первого секретаря Кутаисского обкома. Формальную смену руководства предлагалось провести в апреле, на пленуме ЦК, на который представителем ПБ направлялся Берия[753]. Именно ему предстояло заклеймить как врага того самого Чарквиани, который работал третьим секретарем тогда, когда республиканскую парторганизацию возглавлял Лаврентий Павлович, и им же был рекомендован на пост первого секретаря в конце августа 1938 года, что в то время нашло полное понимание и поддержку ПБ.

«Грузинское дело» должно было, без сомнения, ударить не только по Берия, но и косвенно — по Сталину. Разумеется, морально, так как тот всегда внимательно следил за положением дел на родине. Подобное предположение подтверждается тем, что тогда же стало событием беспрецедентным. Немыслимым до того, просто невозможным. 29 апреля, почти сразу же после окончания пленума в Тбилиси, исключили из партии (акция Шкирятова) и сняли с занимаемой должности (акция Игнатьева) Н. С. Власика. Человека, с 1927 года бессменно

находившегося при Сталине, с 1930 года возглавлявшего его личную охрану, а с конца 1938 года еще и охрану всех высших должностных лиц партии и государства. Власика обвинили в крупной растрате, выглядевшей вместе с тем и финансовой аферой.

Летом, опять же с помощью заурядных кадровых назначений началось своеобразное широкое наступление на министра вооруженных сил А. М. Василевского, проработавшего всю войну рука об руку со Сталиных, а теперь напрямую подчинявшегося Булганину. Поначалу, еще в середине января, заместителем министра по вооружению утвердили М. И. Неделина, командующим артиллерией — В. И. Казакова, начальником главного артиллерийского управления — С. С. Варенцова. А 7 июля перестановка на высших командных постах возобновилась. ПБ утвердило еще двух заместителей министра: по боевой подготовке — Л. А. Говорова, по бронетанковым и инженерным войскам, автотехнике — Б. Г. Вершинина; главным инспектором советской армии — М. В. Захарова, начальником главного оперативного управления Генштаба — Н. О. Павловского, начальником оперативного управления Генштаба — А. А. Грызлова[754]. Такая смена, как и в МИДе, предвещала более чем возможное снятие А. М. Василевского.

Все эти действия, слишком напоминавшие перегруппировку сил перед решительным сражением, позволили Маленкову усилить свои позиции до возможного предела. 9 июля он возглавил комиссию ПБ по подготовке изменений в уставе партии, в которую вошли Хрущев, Суслов, Шкирятов, Пегов и Громов. 15 июля Маленков оказался в составе и комиссии по разработке пятого пятилетнего плана (Молотов, Каганович, Сабуров, Бенедиктов, Берия, Хрущев)[755]. С этого момента Георгий Максимилианович практически объединил в своем лице всю предсъездовскую работу, получив возможность полностью контролировать и направлять ее.

Своеобразным же финалом серьезнейших изменений стало введение Первухина в БП СМ СССР[756], явно предвосхищавшее повышение его роли — до члена узкого руководства.

Перемена курса проходила, проявляясь не только во внешнеполитических инициативах, кадровых перетрясках, но и в начавшейся тогда же «оттепели», еще весьма робкой, слабой. Возвестила ее наступление писательница Вера Панова. В коротком эссе «Тост», опубликованном «Литературной газетой» 1 января 1952 года, пожелала всем коллегам: «Чтоб не стало произведений тусклых, серых, вялых, похожих друг на друга». И задала далеко не риторический вопрос — «Почему у нас нет, например, дискуссии по вопросам формы?».

Малозаметный призыв Пановой как бы поддержала «Правда». В ней уже 8 января была опубликована огромная, на три колонки, теоретическая статья А. Вишнякова вроде бы на чисто философскую тему — «О борьбе между старым и новым». Однако она, среди прочего, содержала и такое утверждение: «Борьба нового со старым проявляется во всех областях общественной жизни. Она идет не только в области экономики, но и в идеологии, в науке, литературе и искусстве». А 4 марта, в связи со столетием со дня смерти Гоголя, передовая той же «Правды» провозгласила: «Долг советской литературы состоит в том, чтобы показывать жизнь во всем ее разнообразии, в движении, беспощадно разоблачать вое косное, все отсталое, все враждебное народу, что смертельно боится свежего воздуха критики и самокритики, искоренять в сознании людей пережитки капитализма, направлять на их носителей разящий огонь сатиры. Нам Гоголи и Щедрины нужны!»

Своеобразная борьба нового со старым в литературе и искусстве приняла поначалу форму уничижительного разноса тех пьес, авторы которых после разгрома театральных критиков — «космополитов» чувствовали себя хозяевами положения. Потому и стало для них полной неожиданностью выступление заведующего отделом пропаганды и агитации МГК Б. Родионова на страницах «Литературной газеты». Негативная оценка драматических произведений прежде «неприкасаемых» Софронова, Кожевникова, Михалкова, а заодно и Крона, Финна за «серость». И еще М. Белаховой, принявшей своеобразную эстафету, обрушившейся на новую пьесу Сурова «Рассвет над Москвой». Только затем появилась в «Правде» обобщающая статья,

недвусмысленно названная «Преодолеть отставание в советской драматургии», впервые использовавшая термин «теория бесконфликтности», объявленной порочной.

Критическая позиция, не став еще господствующей тогда, оказалась присущей многим публикациям. Л. Кассиль резко высказался против «лакировки» в детской литературе. А. Анастасьев в статье «О творческой смелости режиссеров» осудил театры Малый, имени Вахтангова и Транспорта за то, что спектакли по поставленной в них пьесе Вирты «Заговор обреченных» «мало чем отличались друг от друга, во всяком случае, они не выражали эстетических позиций трех театров». Появившаяся позже статья Б. С. Рюрикова, бывшего заведующего сектором искусства Агитпрома, после «дела космополитов» пониженного в должности и направленного на работу в «Литературную газету», говорила о более серьезном. «Стремление к парадному благополучию, — писал Рюриков, — проникает и в литературу. И литераторы, которые не видят (или делают вид, что не видят) реальности влияния старого, не отражают правдиво жизненных конфликтов, которые изображают жизнь как голубую и идиллическую, нарушают суровую правду нашей эпохи — эпохи трудных, но прекрасных и героических дел… Бюрократические замашки, разумеется, не типичны для передовых людей страны, но сделать из этого вывод, что вообще в образе бюрократа нет типичного содержания, значит отрицать наличие и существенность отрицательных явлений в реальной жизни»[757].

На таком, весьма своеобразном и необычном, фоне 5 октября 1952 года открылся XIX съезд ВКП(б). Через тринадцать лет после предыдущего, что откровенно нарушало уставные нормы. Ему предстояло решить две основные задачи. Во-первых, опять же с почти двухлетним опозданием, утвердить очередной пятилетний план. План необычный, ибо предусматривал он почти равные темпы роста производства средств производства (группа А) и предметов потребления (группа Б) — 13 и 11 процентов соответственно. Отвергал тем самым обычную и безусловную приоритетность тяжелой промышленности. Во-вторых, съезд должен был дать обоснование этому. Охарактеризовать положение страны, наиболее возможную и необходимую перспективу ее дальнейшего развития.

Все это всегда делалось в отчетном докладе ЦК, с которым прежде — на XVI, XVII, XVIII съездах — выступал Сталин как первый секретарь. На этот раз традицию без объяснений нарушили. Важнейшая, даже чисто ритуальная роль впервые была доверена Маленкову, только этим существенно меняя его положение в иерархической структуре партии. Фактически делало при живом Сталине новым первым секретарем, а может быть и единоличным лидером в узком руководстве.

Маленков, как прежде и Сталин, разделил свой доклад на три части: международное положение СССР; внутреннее положение; партия. Предельно насытил первые две трафаретными, привычными для всех, не раз уже повторявшимися, ставшими потому стереотипом, оценками и характеристиками, основанными на далеких от реальности показателях, на сравнительных данных. Потому и сумел изобразить экономику США, капиталистических стран как находящуюся в застое, где рост присущ лишь военной промышленности. Вместе с тем, попытался показать народное хозяйство СССР и стран народной демократии, Китая, как бурно и неуклонно развивающихся, динамичных. Словом, повторил все то, что говорилось на трех предыдущих съездах, правда, применительно лишь к Советскому Союзу. Маленкову пришлось сделать то, что обязывало само название доклада — «отчет ЦК». Выразить усредненное мнение всех членов ПБ, триумвирата.

Вместе с тем Маленков все же сумел внести в доклад и сугубо свое. То, что, видимо, посчитал для себя принципиально важным, а потому и отстоял при «обкатке» проекта текста в узком руководстве. Прежде всего, выразил это новое, лично маленковское, в оценке международной ситуации, которую ему не удалось дать 6 ноября 1949 года. «Уже сейчас, — подчеркнул Георгий Максимилианович, — более трезвые и прогрессивные политики в европейских и других капиталистических странах, не ослепленные антисоветской враждой, отчетливо видят, в какую бездну тащат их зарвавшиеся американские авантюристы, и

начинают выступать против войны. И надо полагать, что в странах, обрекаемых на роль послушных пешек американских диктаторов, найдутся подлинно миролюбивые демократические силы, которые будут проводить свою самостоятельную, мирную политику и найдут выход из того тупика, в который загнали их американские диктаторы. Встав на этот новый путь, европейские и другие страны встретят полное понимание со стороны всех миролюбивых стран».

Учитывая сказанное ранее Булганиным и Берия, постарался Маленков и успокоить лидеров, общественность западного блока. Говоря о поддерживаемом Советским Союзом движении сторонников мира, заметил: оно «не преследует цели ликвидации капитализма, так как оно является не социалистическим, а демократическим». Только так, в до предела завуалированной форме, смог дать понять конечные цели СССР на международной арене. И сразу же поспешил выразить оптимистическую уверенность в неминуемом торжестве политики мирного сосуществования. «Позиция СССР, — сказал Маленков, — в отношении США, Англии, Франции и других буржуазных государств ясна и об этой позиции было неоднократно заявлено с нашей стороны. СССР и сейчас готов к сотрудничеству с этими государствами, имея в виду соблюдение мирных международных норм и обеспечение длительного и прочного мира… Советская политика мира и безопасности народов исходит из того, что **мирное сосуществование капитализма и коммунизма и сотрудничество вполне возможны».** (Выделено мной. — *Ю. Ж*). При этом отметил, что основой таких отношений должны стать развитие взаимовыгодной торговли и сотрудничество.

Более того, Маленков четко указал, что третья мировая война, о неизбежности которой столь категорично заявляли Булганин и Берия, является всего лишь одной из двух возможностей развития событий. «Но существует, — пояснил Георгий Максимилианович, — другая перспектива, перспектива сохранения мира, перспектива мира между народами». А она более желательна для всех, и особенно для СССР, ибо «прекратит неслыханное расходование материальных ресурсов на вооружение и подготовку истребительной войны и даст возможность обратить их на пользу народов». Таким именно образом связал цели внешней политики страны с задачами внутренней, которые «состоят в том, чтобы на основе развития всего народного хозяйства обеспечить дальнейшее неуклонное повышение материального и культурного уровня жизни советских людей».

Весьма симптоматичным оказалось и обращение Маленкова к проблемам культуры. Он заметил, что «в литературе и искусстве появляется еще много посредственных, серых, а иногда и просто халтурных произведений, искажающих советскую действительность». Прямо заявил: «в своих произведениях наши писатели и художники должны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе… Неправильно было бы думать, что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины…» И вслед за тем, в последнем разделе доклада, посвященном партии, фактически и указал на то, что должно стать объектом разящей критики.

«Партия не могла не заметить, — отмечал Маленков, — что быстрый рост ее рядов имеет и свои минусы, ведет к некоторому снижению уровня политической сознательности партийных рядов, к известному ухудшению качественного состава партии». Увидел Георгий Максимилианович в партии и иное: «Создалась известная опасность отрыва партийных органов от масс и превращение их из органов политического руководства, из боевых и самодеятельных организаций в **своеобразные административно-распорядительные учреждения** (выделено мною. — *Ю. Ж.*), не способные противостоять всяким местническим, узковедомственным и иным антигосударственным устремлениям». И потому потребовал, ибо это право давал ему отчетный доклад, усилить «критику снизу» — «контроль масс за деятельностью организаций и учреждений», «повести не спадающую борьбу как со злейшими врагами партии с теми, кто препятствует развитию критики наших недостатков». Партии не нужны, в который раз возглашал Маленков, — «заскорузлые и равнодушные чиновники»,

которые полагают, «что им все позволено». «У руля руководства в промышленности и сельском хозяйстве, — продолжал Георгий Максимилианович, — в партийном и государственном аппарате должны стоять люди культурные, знатоки своего дела…»[758].

7 октября со всего лишь речью выступил второй член триумвирата, Берия. Он говорил об ином и с иных позиций. Продолжал настаивать на том, что США «боятся мира больше, чем войны, хотя нет никакого сомнения в том, что развязав войну, они только ускорят свой крах и свою гибель». Призвал всех к повышению бдительности, так как американцы «засылают в нашу страну и в другие миролюбивые страны шпионов и диверсантов». Но главной, основной даже по объему, темой сделал все же иное — «передовые социалистические нации». Точнее, «советские национальные республики», но только союзные, которые якобы поднялись сами по себе на необычайно высокий уровень развития, уже достигли небывалых успехов в развитии экономики, науки, культуры. Разумеется, «национальной»[759].

На следующий день, соблюдая, видимо, иерархию триумвирата, выступил и Булганин. Вынужденно, вслед за Маленковым, признал основной целью экономического развития страны «неуклонный подъем материального и культурного уровня трудящихся». Но все же не удержался от выражения характерных для «ястребов» взглядов. Мол, США и НАТО готовят войну против СССР. И «если они ее развяжут, то это вызовет могучий отпор всех миролюбивых народов, которые не пожалеют своих сил, чтобы навсегда покончить с капитализмом». А для того, заявил Булганин, следует «всемерно укреплять нашу армию, авиацию и военно-морской флот. Постоянная боевая готовность наших вооруженных сил и вооруженных сил всего демократического лагеря — самая надежная гарантия от всяких случайностей»[760].

Сталин же и до съезда, и во время его работы держался особняком. Летом, когда узкое руководство сотрясала борьба за лидерство, за определение линии поведения СССР на международной арене, за определение внутриполитического курса, неожиданно занялся сугубо теоретическими, чисто абстрактными вопросами. Принимая участие, начиная с апреля 1950 года, в дискуссии по проекту учебника политэкономии, встречаясь с Леонтьевым, Островитяновым, Шепиловым, Юдиным, Лаптевым, Пашковым, другими экономистами, углубился в весьма далекие от насущных проблем вопросы. Счел их для себя первостепенными. Однако поначалу противился раскрытию своего участия в такой работе. Заметил 15 февраля 1952 года:

«Публиковать „Замечания‟ в печати не следует. Дискуссия по вопросам политической экономии была закрытой, о ней народ не знает. Выступления участников дискуссии не публиковались. Будет непонятно, если я выступлю в печати со своими „Замечаниями‟. Публикация „Замечаний‟ в печати не в ваших интересах. Поймут так, что все в учебнике заранее определено Сталиным. Я забочусь об авторитете учебника. Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом. Правильно будет, если то, что имеется в „Замечаниях‟, узнают впервые из учебника. Ссылаться в печати на „Замечания‟ не следует. Как же можно ссылаться на документ, который не опубликован. Если вам нравятся мои „Замечания‟, используйте их в учебнике. Можно использовать „Замечания‟ в лекциях, на кафедрах, в политкружках, без ссылок на автора»[761].

Затем Сталин с той же увлеченностью вопросами политэкономии написал ответы на письма к нему: А. И. Ноткину — 21 апреля, Л. Д. Ярошенко — 22 мая, А. В. Саниной и В. Г. Венжеру — 28 сентября. И вслед за тем сам ли, по настойчивым ли просьбам руководителя авторского коллектива учебника Д. Т. Шепилова, или бывшего шефа того, М. А. Суслова, а, быть может, и Маленкова, вдруг изменил первоначальное намерение не публиковать «Замечания». Они, вместе с тремя ответами, буквально в канун открытия съезда появились сначала в «Правде», а потом были изданы и отдельной брошюрой под общим названием «Экономические проблемы социализма в СССР». Вывели Сталина из тени, в которую он был погружен своим слишком уж длительным молчанием. Вынудили практически всех, выступавших на съезде, в той или иной форме обращаться к этой работе со словами

восхищения. Но и заставили, тем самым, всех невольно подыгрывать Маленкову, ибо в «Замечаниях» Сталин так сформулировал то, что назвал «основным экономическим законом социализма»: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники». Утверждал, что в СССР сохраняется товарное производство, действует закон стоимости, принцип рентабельности производства, а также и то, что «борьба капиталистических стран за рынки и желание уничтожить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма»[762]. Сталин, хотел он того или нет, подкрепил позицию не Берия и Булганина, а Маленкова.

Не менее далекой от насущных забот, от реального положения страны, от борьбы в узком руководстве оказалась и речь Сталина, произнесенная в последний день работы съезда, 14 октября. Казалось бы, выступление после всех позволит подвести итог неявной, скрытной дискуссии, выразить свое мнение по основным проблемам, оказавшимся в центре внимания всех. Но Иосиф Виссарионович не воспользовался предоставившейся возможностью. Говорил «вообще», безотносительно к происходившему на съезде. О необходимости поддержки «нашей партии», «доверия и сочувствия к ней со стороны братских партий и братских народов за рубежом». О том, что «наша партия» не останется в долгу, в свою очередь должна «оказывать им поддержку, а также их народам в борьбе за сохранение мира». И обрушился на буржуазию. Уклонился, тем самым, от личного участия в борьбе за лидерство в узком руководстве, от поддержки своим авторитетом одной из двух противоборствующих групп.

Все происшедшее на съезде однозначно свидетельствовало: возможность заключения закулисных сделок окончательно исчерпала себя. Схватка — и за власть, и за определение курса для СССР, должна неизбежно, неминуемо и очень скоро прорваться наружу. Стать явной.

Глава двадцать седьмая

Первый Пленум нового состава ЦК, собравшийся 16 октября поспешил образовать непредусмотренное только что скорректированным уставом бюро президиума ЦК КПСС. Далеко не случайно повторил названием высший исполнительный орган государственных структур, но не внес ничего существенного в сложившийся баланс сил. Не повлиял решительно на приоритетность любой из двух позиций, которые без явного пока успеха отстаивали те, кто встал во главе страны полтора года назад. В бюро, очередное узкое руководство — «девятку», впервые созданную легально, вошли Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Хрущев, Ворошилов, Каганович, Первухин и Сабуров[763].

В таком составе, при нормальной, с помощью голосования, процедуре решения вопросов, бюро могло распасться на несколько не имеющих явного преимущества групп: Маленков, Первухин, Сабуров; Берия, Булганин; Сталин, Ворошилов, Каганович. Следовательно, от Хрущева, от того, кого именно он поддержит, и стал зависеть баланс сил. Безусловно, при анализе расклада следовало учитывать и иное. Ни Сталин, судя по его поведению на съезде, ни «тени прошлого», Ворошилов и Каганович, в предстоящей схватке скорее всего участвовать не будут. Просто примут ее исход, каким бы он ни оказался.

Иным образом выглядел секретариат ЦК, на этот раз необычайно многочисленный. Он включал, во-первых, первого секретаря Челябинского обкома А. Б. Аристова, первого секретаря ЦК КП Молдавии Л. И. Брежнева, первого секретаря Краснодарского крайкома Н. Г. Игнатова — новичков на Старой площади. Во-вторых, Н. А. Михайлова, четырнадцать лет возглавлявшего комсомол, Н. М. Пегова, прошедшего недолгую школу заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов. В-третьих, Г. М. Маленкова, П. К. Пономаренко, И. В. Сталина, М. А. Суслова, Н. С. Хрущева, опытнейших аппаратчиков, которым и предстояло вершить здесь все дела.

Наконец, на следующем уровне власти, просто членами президиума ЦК, оказались С. Д. Игнатьев — министр госбезопасности, В. В. Кузнецов — председатель ВЦСПС, В. А. Малышев, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Д. И. Чесноков — заведующий новым отделом философских и правовых наук, Н. М. Шверник, М. Ф. Шкирятов, ставший только теперь официально председателем КПК, руководители наиболее значительных парторганизаций — В. М. Андрианов (Ленинградская область), Л. Г. Мельников (Украина); и республиканских государственных структур — Д. С. Коротченко, председатель СМ УССР; О. В. Куусинен, председатель ПВС Карело-Финской ССР.

Однако новая, весьма сложная конструкция власти просуществовала недолго. Уже несколькими неделями позже ее пришлось изменить так, чтобы она более точно соответствовала реально сложившемуся балансу сил, определеннее разграничив сферы деятельности двух теперь бесспорных лидеров, Маленкова и Берии. Тех, кто оказался подлинными претендентами на полную, всеобъемлющую власть, на наследство вождя.

То, что Сталин больше не может, не в состоянии, да и, видимо, просто не хочет сохранять даже видимость своего былого величия для тех, кто постоянно общался с ним, с каждым днем становилось все более очевидным. И потому бюро президиума ЦК пришлось воспользоваться методом решения возникшей проблемы по образцу, выработанному еще 16 февраля 1951 года. Только на этот раз не ограничиваться Совмином, а распространить его и на высшие органы партии. Решением от 10 ноября устанавливалось; что председательствование поочередно возлагалось: на заседаниях президиума ЦК — на Маленкова, Хрущева, Булганина; Секретариата — на Маленкова, Пегова, Суслова; президиума Совета Министров — на Берию, Первухина, Сабурова. Правда, эти назначения пришлось сопроводить вполне естественной оговоркой: «в случае отсутствия тов. Сталина».

Подобное решение само по себе исключало возникновение очередного узкого руководства. Дробило высшую власть, что лишний раз свидетельствовало о достигшей пика неопределенности. Вместе с тем, оно содержало весьма многозначительное. Только Маленков оказался в составе сразу двух «троек». Ну а то, что обе они были партийными, делало Георгия Максимилиановича фактическим первым секретарем (кстати, именно так должность Маленкова в те месяцы и определяли Хрущев, Молотов, Каганович на январском 1955 года Пленуме). Взамен Берия получил возможность повседневно контролировать работу как Совмина в целом, так и отдельных министерств.

Разумеется, оба претендента на единоличное лидерство сделали все, чтобы предельно обезопасить, подстраховать себя в новых структурах. Добились включения в каждую «тройку» соперника — как своеобразный противовес — «своих» людей. Таковыми следует считать Хрущева и Суслова, оказавшихся тогда в силу большой политической игры сторонниками Берии, и Сабурова, без сомнения защищавшего интересы Маленкова. Ориентацию Булганина, Пегова, и Первухина однозначно определить пока весьма трудно.

Булганин, скорее всего, остался фигурой относительно нейтральной, самостоятельной и, быть может, являлся альтер эго Сталина, как то было в «триумвирате» 1951 года. Пегов, судя по его чисто партийной, аппаратной карьере, в большей степени должен был защищать позиции Маленкова, а Первухин, долгие годы связанный работой прежде всего с Берией, мог в то время рассматриваться сторонником прежнего шефа.

Именно такая структура власти и ее персональный состав, призванные привести к хотя бы временной стабилизации, на деле лишь осложнили ситуацию. Обострили скрытную, закулисную борьбу за ключевой пост — председателя Совета Министров СССР. Тот самый, который почти уже получил Берия, который он стремился удержать, но на который с не меньшим основанием претендовал и Маленков. Претендовал по нескольким причинам. Во-первых, он оставался не просто сторонником, но и основным борцом за изменение функций партии и ее аппарата — предельно возможного понижения их роли в жизни страны, ограничения их влияния на государственные структуры. Во-вторых, как и Берия, достаточно

хорошо понимал, что пост главы правительства дает управлять министерствами иностранных дел, госбезопасности, обороны, внутренних дел, без чего проводить какую-либо самостоятельную политику невозможно. В-третьих, как и Берия, исходил из устоявшейся за десять лет традиции, что именно должность председателя СМ СССР свидетельствует о реальной полной власти. Ведь начиная с мая 1941 года Сталин подписывал документы только как глава правительства, а не первых секретарь ЦК. И как глава правительства председательствовал на заседаниях ПБ.

В сложившемся некоем подобии «двуумвирата» для Маленкова компромисс вроде бы на невыгодных условиях — согласие ограничиться постом первого секретаря партии, все же принес небольшой перевес. Сохранявшаяся «руководящая роль» партии, а, следовательно, и ее аппарата, позволяла Георгию Максимилиановичу надеяться, что в нужный момент он сумеет добиться желанного. Партийная должность и создаст потенциальную возможность занять, но уже вполне официально, гласно, пост главы правительства, сохранив за собою и контроль за партаппаратом. Наверное, чтобы гарантировать успех в задуманном, согласился с введением Булганина, продолжавшего как член президиума ЦК курировать министерство обороны, в одну из своих «троек». Исключал, тем самым, постоянные контакты и сговор Берии с Булганиным. Маленков надеялся, как можно догадываться, использовать армию как решающий инструмент борьбы за власть. Но только в будущем. Настоящее требовало иного.

Как можно предполагать, ни Маленков, ни Берия на поддержку кого-либо из вошедших в теперь лишь два рабочих органа партии особенно не рассчитывали. Ключевое значение придавали МГБ, стремясь всеми доступными способами добиться подчинения его аппарата только себе. Еще летом 1951 года, при отстранении Абакумова, Маленков попытался единственно возможным способом поставить госбезопасность под свой полный контроль. О том свидетельствовало не только утверждение министром Игнатьева, партфункционера, давно и прочно связанного с Георгием Максимилиановичем, но и более значимое. Выраженное в «Закрытом письме ЦК ВКП(б)» от 3 июля 1951 года, «О неблагополучном положении в министерстве государственной безопасности»:

«ЦК ВКП(б) надеется, что коммунисты, работающие в органах МГБ, не пожалеют сил для того, чтобы с полным сознанием своего долга и ответственности перед советским народом, партией и правительством, на основе большевистской критики, **при помощи и под руководством ЦК компартий союзных республик, областных (краевых) и городских комитетов партии**(выделено мною. — *Ю. Ж.*) быстро покончить с недостатками в работе органов МГБ, навести в них большевистский порядок, повысить партийность в работе чекистов, обеспечить неуклонное и точное выполнение органами МГБ законов нашего государства, директив партии, правительства»[764].

В еще большей степени о том свидетельствовали и казавшиеся весьма странными события, связанные со старой, давно сложившейся службой охраны высших должностных лиц страны, являвшейся по сути самостоятельной структурой внутри МГБ. 22 апреля решением ПБ была образована комиссия под председательством Маленкова для расследования положения в Главном управлении охраны (ГУО) МГБ. 29 апреля 1952 года, еще до завершения ее работы, с должности начальника ГУО отстранили Н. С. Власика. Спустя одиннадцать дней арестовали его первого заместителя полковника В. С. Лынько. А 19 мая ПБ утвердило текст постановления ЦК КПСС. Власика, генерал-лейтенанта, назначили — что демонстрировало большее, нежели просто понижение, заместителем начальника небольшого исправительно-трудового лагеря для ссыльных «Баженовский» в городе Асбест Свердловской области. Само ГУО реорганизовали в управление, одновременно сократив штаты с 14 тысяч человек до 3 тысяч. При этом упразднили все хозяйственные структуры УО, включая автотранспортные (исключение составил лишь гараж особого назначения) и по снабжению боеприпасами, отделы, ведавшие обеспечением безопасности зданий ЦК ВКП(б), СМ СССР, Генштаба, МИД, правительственных залов на железнодорожных вокзалах, трасс — московских улиц и пригородных шоссе, по

которым регулярно ездили члены узкого руководства, правительственной связью, управление по охране государственных дач на Черноморском побережье Кавказа. Последнее, кстати и объясняет, почему же Сталин в конце 1952 года впервые после войны провел отпуск под Москвой, на своей «Ближней».

28 июня в адмотдел ЦК поступила записка начальника управления МГБ по Львовской области Строкача. Ею автор уведомлял, что его коллеги по республиканскому министерству пытаются взять под свое наблюдение работу местных партийных органов. Документ призван был стать весомым доказательством того что Берия, оправившись от удара, нанесенного ему «мингрельским» и «грузинским» делами, перешел в контратаку. Маленков сумел использовать записку Строкача, правда, несколько своеобразно.

11 июля ПБ утвердило текст постановления ЦК «О неблагополучном положении в МГБ». Потребовало им от министра Игнатьева незамедлительно «вскрыть существующую среди врачей группу, проводящую вредительскую работу против руководителей партии и государства». Установить состав и ближайшие цели той самой «группы», на которую якобы вышел Абакумов при аресте профессора Этингера. Старому и, казалось, забытому «делу» дали ход, использовав поднятую из архива докладную записку врача Л. Ф. Тимашук.

Еще 28 августа 1948 года Тимашук, тогда заведовавшую кардиологическим кабинетом кремлевской поликлиники, самолетом доставили на Валдай, где проводил отпуск А. А. Жданов. Проведя обследование, Тимашук установила, что у Андрея Александровича инфаркт. Однако прибывшие вместе с нею начальник Лечсанупра Кремля П. И. Егоров, профессора В. Н. Виноградов и В. Х. Василенко, а также постоянно находившийся при Жданове его лечащий врач Г. И. Майоров поставили иной диагноз — гипертоническая болезнь. 29 августа Тимашук снова сделала Жданову электрокардиограмму, укрепившись в прежнем заключении, но по требованию Егорова и Майорова вынуждена была письменно подтвердить не свой, а их диагноз. Тут же, дабы обезопасить свой авторитет, и написала докладную записку на имя Власика и передала ее начальнику охраны Жданова подполковнику А. М. Белову. Тот незамедлительно отвез ее в Москву и передал В. С. Лынько. Далее и произошло то самое, что впоследствии и породило «дело кремлевских врачей».

Лынько доложил о происшедшем Абакумову, но было уже поздно. 30 августа Жданов умер. И все же 6 сентября руководство Лечсанупра вынуждено было провести большой консилиум, в котором участвовали П. И. Егоров, В. Н. Виноградов, В. Х. Василенко, Г. И. Майоров, А. Н. Федоров, некоторые иные. Отстаивая честь мундира, они вновь подтвердили, что смерть А. А. Жданова стала результатом именно гипертонической болезни. На следующий день дискредитированная Тимашук была уволена из Лечсанупра. А 22 сентября Власик совершил роковое для себя и многих других. На первом листе стенограммы консилиума сделал запись; «Министру доложено, что т. Поскребышев прочитал и считает, что диагноз правильный, а т. Тимашук не права». Тем определил круг тех, кто и стал спустя четыре года обвиняемыми по «делу кремлевских врачей».

…1 сентября 1952 года П. И. Егоров был снят с должности начальника Лечсанупра Кремля, а на его место по предложению Маленкова и Шкирятова назначили генерал-майора медицинской службы И. И. Крупина, до того возглавлявшего медицинско-санитарный отдел ХОЗУ МГБ СССР. 4 октября Лынько осудили на 10 лет «за злоупотребление служебным положением». 18 октября арестовали Егорова, а чуть позже — еще и его предшественника на посту начальника Лечсанупра А. А. Бусалова, четырех врачей — В. Н. Виноградова, В. Х. Василенко, М. С. Вовси и Б. Б. Когана.

И хотя вскоре, 14 ноября, Берии удалось добиться не только отстранения Рюмина от ведения следствия по «делу кремлевских врачей», но изгнать его из МГБ, новый куратор следствия, заместитель министра генерал-лейтенант С. А. Гоглидзе поначалу вынужден был придерживаться все той же, первоначальной линии. 21 ноября, отозвав в Москву, начал допросы Власика, а 15 декабря подписал ордер на его арест, так сформулировав обвинение:

«будучи начальником ГУО, злоупотреблял доверием партии и советского правительства, преступно отнесся к поступавшим к нему сигналам, чем нанес ущерб интересам советского государства». Уготовил ему и Лынько главную роль на готовящемся процессе, на котором руководителям ГУО и Лечсанупра Кремля должны были инкриминировать смерть Щербакова и Жданова, подготовку убийства других членов узкого руководства, в том числе и Сталина.

Дабы всемерно укрепить наметившуюся линию, Маленков провел через ПБ два документа. Постановление ЦК «О вредительстве в лечебном деле», концентрировавшем внимание на ответственности прежде всего руководства ГУО. Записку «О положении в МГБ», которая позволяла продолжить и даже усилить чистку органов госбезопасности, изгнанию всех, кто в той или иной степени когда-либо был связан с Берией или Абакумовым. Она в скупом, двухстраничном тексте многократно, настойчиво повторяла одну и ту же мысль:

«Партия слишком доверяла и плохо контролировала и проверяла работу министерства государственной безопасности и его органов. Обкомы, крайкомы партии и ЦК компартий союзных республик неправильно считают себя свободными от контроля за работой органов государственной безопасности и не вникают глубоко в существо работы этих органов. Многие первичные парторганизации и секретари парторганизаций органов МГБ в центре и на местах не вскрывают недостатков в работе органов МГБ зачастую поют дифирамбы руководству…

Считать важнейшей и неотложной задачей партии, руководящих партийных органов, партийных организаций осуществление контроля за работой органов министерства государственной безопасности. Необходимо решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов министерства государственной безопасности и **поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии, ее руководящих партийных органов, партийных организаций** (выделено мной. — *Ю. Ж.*)…

В этих целях:…обязать ЦК компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии систематически контролировать деятельность органов МГБ, повседневно вникать по существу в их работу, периодически заслушивать отчеты и рассматривать планы работы органов МГБ, воспитывать чекистских работников в духе партийности, высокой бдительности, смелости и беззаветной преданности родине. Первые секретари обкомов, крайкомов партии и ЦК компартий союзных республик обязаны интересоваться агентурной работой органов МГБ и **им должны быть известны**списки всех агентов (выделено мной. — *Ю. Ж.*)»[765].

Тем временем «дело» стремительно разрасталось. Отстраняли и почти сразу же арестовывали все новых и новых высокопоставленных лиц. Среди них начальника 2 главного управления (контрразведывательного) МГБ генерал-лейтенанта Е. П. Питовранова, вместе с А. Н. Поскребышевым занимавшегося проверкой «дела» Этингера и Абакумова летом 1951 года; заместителя директора правительственного санатория «Барвиха» Р. И. Рыжикова, многих иных.

Лишь в самый последний момент С. А. Гоглидзе удалось разъединить следствие по делам сотрудников МГБ и Лечсанупра. Дав санкцию на арест еще 22 врачей, сделав именно их вместе с уже находящимися на Лубянке профессорами инициаторами «заговора». Испытав, видимо, облегчение, Власик признал: «Я и Абакумов не приняли мер по проверке заявления Тимашук и теперь я понимаю, что этим мы по существу отдали ее на расправу Егорову». Ему вторил и Бусалов, заявивший следователю: «Я — пособник вражеской группы в Лечсанупре».

Берия, торопясь закрепить сложившееся положение, добился 9 января 1953 года согласия ПБ (на то заседание далеко не случайно не вызвали министра госбезопасности Игнатьева) срочно опубликовать во всех газетах страны «хронику» — «Арест группы врачей-вредителей». Сделать задолго до процесса, впервые после 1938 года, пресловутое «дело кремлевских врачей» достоянием широкой гласности.

Н. А. Михайлов, как секретарь ЦК, курировавший со второй половины октября 1952 года всю идеологическую работу, в том числе и средства массовой информации, сознательно или по недоразумению сразу же допустил серьезнейшую ошибку. Не учел двузначности возникшего «дела». Ведь его могли в равной степени использовать в собственных интересах как Берия, так и Маленков. Первый — чтобы устранить явно мешавшего ему министра госбезопасности, человека Маленкова, Игнатьева под весомым предлогом потери бдительности, о которой он, Лаврентий Павлович, напоминал еще с трибуны съезда. Второй — чтобы связать «заговор» кремлевских врачей против узкого руководства — через уже покойного, что было весьма удобно, Этингера — с… Берией. Нанести тем последний, решающий удар по самому сильному конкуренту. Но ни тому, ни другому совершенно не требовался, даже мешал, антисемитский поворот при расследовании «дела». Даже вредил, ибо уводил от истинной цели далеко в сторону.

По какой-то, остающейся неизвестной, причине Михайлов не посчитал нужным уяснить, что же ждали от него, либо решил играть по собственным правилам. В свою пользу. Позволил газетам, журналам, получившим столь сенсационную с точки зрения журналистики тему, но так и не располагавшим ни одним дополнительным фактом, выходящим за пределы «Хроники», отсебятину. Придание всем без исключения комментариям, откликам читателей характер явного бытового антисемитизма. Акцентирование смысла всех публикуемых материалов на прежде всего «чужеродных» фамилиях шести из девяти упомянутых в «Хронике» врачей. Бесконечное варьирование их связей с еврейской благотворительной организацией «Джойнт», с Еврейским антифашистским комитетом, на что намекало упоминание Шимелиовича и Михоэлса. И в то же время полное игнорирование передовицы «Правды» за трагический день, 13 января, которая четко указала: «Кроме этих врагов есть еще один враг — ротозейство наших людей. Можно не сомневаться, что пока у нас есть ротозейство, будет и вредительство. Следовательно, чтобы ликвидировать вредительство, нужно покончить с ротозейством в наших рядах».

Непредусмотренный поворот в пропаганде вскоре заставил и самого Михайлова, и руководство Агитпропа срочно вмешаться. Уже 31 января «Правда» опубликовала статью под многозначительным заголовком «Ротозеи — пособники врага». В ней же попыталась скорректировать погромные настроения, спровоцированные «Хроникой», весьма своеобразным способом. Призывы к бдительности привязала теперь исключительно к «ротозеям», не связывая их, что являлось немаловажным, ни со шпионажем, ни с диверсиями, ни с терактами. Да еще весьма дозированно подобрала фамилии очередных «ротозеев» — Заславский, Борисевич, Орлов, Петров, Алтузов, Морозов, Кажлаев, чем попыталась снизить накал черносотенных страстей. Ту же цель преследовала и еще одна «правдинская» статья, в номере от 6 февраля — «О революционной бдительности». Она врагами объявляла вообще всех «носителей буржуазных взглядов», а в виде примера привела троцкиста Гуревича, его пособника Таратуту, уголовника Романова, дезертира Сася.

Одновременно Агитпроп стал все чаще отклонять просьбы спешивших выслужиться главных редакторов центральных газет о публикации статей, посвященных «сионистам», «Джойнту» и Израилю вкупе с американской разведкой. Обязал все такого рода материалы предварительно, в обязательном порядке, согласовывать с МИДом. Так, 30 января, заведующий сектором газет В. Лебедев, прочитав рукопись присланной главным редактором «Красной звезды» В. Московским статьи «Сионизм — агентура американского империализма», отклонил ее. «Полагали бы, — заключил он, — нецелесообразным публиковать ее на страницах центральной военной газеты, так как это не вызывается необходимостью, а сам факт опубликования такой статьи в „Красной звезде“ может быть истолкован неправильно». 16 февраля получил фактический отказ и главный редактор «Литературной газеты» К. Симонов. Вынужден был, после беседы в Агитпропе, признать: большую статью о «Джойнте» и Израиле «редакция предполагает еще раз обсудить, проконсультировать с МИД СССР и после

этого, **если вопрос будет решен положительно**(выделено мной. — *Ю. Ж.*), опубликовать на страницах газеты»[766].

За шумихой вокруг «дела врачей» незамеченными оказались более важные события. Странное молчание лидеров — Берии, Булганина, Маленкова, а также Ворошилова, Кагановича, Первухина, Сабурова, Хрущева. Внезапная активизация деятельности Сталина: 26 декабря он дал, не сказав ничего нового, интервью корреспонденту «Нью-Йорк таймс» Джеймсу Рестону; 7 февраля принял посла Аргентины Л. Браво, 17 февраля — посла Индии К. Менона. Не вызвала должных откликов, реакции неординарная передовица «Правды» за 30 ноября, решительно подытожившая газетные дискуссии по проблемам литературы и искусства: «Пишите правду! Это положение должно быть руководящим принципом для прозаиков и поэтов, драматургов и литературных критиков».

Могла насторожить, но лишь крайне небольшую группу лиц, получавших относительно полную информацию о событиях во власти, продолжавшаяся несколько месяцев ротация высокопоставленных сотрудников МГБ. Смена республиканских министров: в июне — в Грузии; в августе-сентябре — в Армении, на Украине; в феврале — в Латвии. В сентябре — начальника управления МГБ по Московской области[767]. 15 декабря — арест некогда всесильного Н. С. Власика. Наконец, событие прежде просто невозможное — отстранение в феврале 1952 года заведующего особым сектором ЦК, личного секретаря Сталина, А. Н. Поскребышева. Ясным могло быть только одно. Все это делалось при прямом участии руководителя созданного после съезда отдела ЦК по подбору и распределению кадров Н. Н. Шаталина, с довоенной поры соратника Маленкова, при прямом одобрении самим Маленковым.

Именно все это и предвещало неминуемую и очень скорую развязку. И она наступила, но только не так, как, возможно, предполагали все участники борьбы за власть, за единоличное лидерство.

Ранним утром 4 марта 1953 года московское радио начало передачи как обычно — бой часов Спасской башни Кремля, гимн, последние известия. Однако спустя двадцать минут они прервались, и диктор Юрий Левитан объявил, что скоро будет передано важное сообщение. А ровно в половине седьмого он зачитал «Правительственное сообщение о болезни председателя Совета Министров Союза ССР и секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Иосифа Виссарионовича Сталина». Оно извещало: «В ночь на 2 марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве, в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи…»[768].

О том же, только более скупо, используя преимущественно медицинские термины, информировал и зачитанный вслед за тем бюллетень о состоянии здоровья вождя. А через два часа жители Москвы и крупнейших городов страны смогли познакомиться с этой, явившейся для них полной неожиданностью, новостью еще раз, взяв в руки свежие выпуски центральных, республиканских или областных газет, вышедших в твердо определенные, не менявшиеся вот уже десятилетие сроки.

С этого момента в СССР все внимание было сосредоточено на одном. На том, что тогда казалось советским людям самым важным, решающим. Выживет Сталин, или нет. Подталкивало именно к таким размышлениям о трагическом в их восприятии событии и то, что начиная с 15 часов 18 минут, после короткой паузы, московское радио стало передавать лишь классическую минорную музыку, прерывая ее каждые полчаса только для того, чтобы повторить правительственное сообщение и бюллетень. Все это не могло не усиливать ощущения общей скорби, нарастающей тревоги.

«Сообщение» между тем содержало еще одну, столь же, если не более важную информацию, которой тогда мало кто придал должное внимание. «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет министров Союза ССР, — говорилось в

нем, — сознает все значение того факта, что тяжелая болезнь товарища Сталина повлечет за собою более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности. Центральный Комитет и Совет Министров в руководстве партией и страной со всей серьезностью учитывают все обстоятельства, связанные с временным уходом товарища Сталина от руководящей государственной и партийной деятельности…»[769].

Так впервые совершенно открыто было выражено то самое главное, что волновало узкое руководство СССР вот уже два года. Более того, столь же недвусмысленно давалось понять, что вне зависимости от того, выживет Сталин, или нет, вопрос о власти уже стал предметом обсуждения, и если еще не решен, то ждет своего решения в самое ближайшее время.

Именно такой аспект правительственного сообщения послужил основной темой срочного совещания в Белом доме президента США Дуайта Эйзенхауэра, государственного секретаря Джона Ф. Даллеса и прибывшего в тот день в Нью-Йорк с заранее запланированным визитом министра иностранных дел Великобритании Антони Идена[770]. Ту же реакцию на события в Москве проявили и в других столицах ведущих стран мира — в Лондоне, Париже, Риме, Бонне.

Сегодня, при тщательном сопоставлении и анализе всех известных свидетельств очевидцев о начале и развитии болезни у Сталина (к сожалению, более объективные данные, например — история болезни, остаются недоступными исследователям), приходится пока соглашаться с ними. Признавать, что инсульт у вождя произошел не в ночь на 2 марта, как сообщалось официально, а двенадцатью часами ранее, вечером 1 марта, что, впрочем, не имеет принципиального значения. Однако при этом остается не раскрытым, никак не объясненным иное, более важное и значимое. Когда же ЦК и Совет Министров, а вернее члены их высших органов — бюро президиумов, начали «учитывать все обстоятельства, связанные с временным уходом» Сталина от руководящей работы?

Все немногие очевидцы того события, за исключением В. М. Молотова и Л. М. Кагановича, уклонившихся от обсуждения с поэтом Феликсом Чуевым данной темы, весьма настойчиво и при том в полном согласии друг с другом утверждали: мол, «дележ портфелей» происходил в «Волынском» поздним вечером 5 марта, уже после смерти Сталина.

Н. С. Хрущев, бывший первый секретарь ЦК КПСС, председатель Совета Министров СССР: «Как только Сталин умер, Берия тотчас сел в свою машину и умчался в Москву с „ближней дачи“. Мы решили вызвать туда всех членов бюро или, если получится, всех членов президиума ЦК партии… Вот собрались все. Тоже увидели, что Сталин умер. Приехала и Светлана. Я ее встретил. Когда встречал, сильно разволновался, заплакал, не смог сдержаться. Мне было искренне жаль Сталина, его детей, я душою оплакивал его смерть, волновался за будущее партии, всей страны. Чувствовал, что сейчас Берия начнет заправлять всем. Последует начало конца, подготовленного этим мясником, этим убийцей. И вот пошло распределение „портфелей“…»[771].

А. Т. Рыбин, бывший сотрудник управления охраны: «Сталину сделали какой-то сильнодействующий укол. От него тело вздрогнуло, зрачки расширились. И минут через пять наступила смерть. Оказывается, подобный укол, способный поднять или окончательно погубить больного, полагалось делать лишь после согласия близких родных. Но Светлану и Василия не спросили. Все решил Берия. Затем он, Маленков, Хрущев и Молотов поднялись на второй этаж. Сразу начался дележ государственных должностей…»[772].

С. И. Аллилуева, дочь Сталина. Воспоминания ее, человека совершенно незаинтересованного и потому формально беспристрастного, подтверждают отдельные детали рассказанного Хрущевым и Рыбиным. Следовательно, вольно или невольно подкрепляют именно их версию. «В последние минуты, — пишет Аллилуева, — когда уже все кончилось, Берия вдруг заметил меня и распорядился: „Увезите Светлану!“. На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто и не подумал пошевелиться. А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра,

был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: „Хрусталев! Машину!..“ Потом члены правительства устремились к выходу — надо было ехать в Москву в ЦК, где все сидели и ждали вестей. Они поехали сообщить весть, которую тайно все ожидали…»[773].

Разумеется, Аллилуева и Рыбин не были посвящены во все перипетии, во все детали происходившей за кулисами борьбы за власть. Тогда они не знали, да и не могли знать, например, о состоявшемся вечером 5 марта, за полтора часа до смерти Сталина, заседании Пленума ЦК, Совета Министров и президиума Верховного Совета СССР. Но ведь подлинный смысл правительственного сообщения мог пройти мимо внимания лишь Аллилуевой, но никак — Рыбина и, тем более, Хрущева. Обязательно должен был ими учитываться при изложении происходившего в те дни. Более того, Хрущев, по вполне понятной причине ни словом не обмолвившийся о совместном заседании (без сомнения, он считал обязательным для себя не разглашать государственную тайну), почему-то также поступил и с правительственным сообщением, ставшим 4 марта известным всем без исключения.

О побудительных мотивах, вынудивших Никиту Сергеевича столь откровенно проигнорировать общеизвестный факт, можно только догадываться. Однако та настойчивость, с которой он создавал собственную версию тех драматических событий — и когда, находясь уже во главе партии, рассказывал о них 31 января 1955 года на Пленуме ЦК КПСС[774], и много позже, уже на пенсии, когда наговаривал на магнитофон свои «Мемуары», заставляет всерьез рассматривать лишь одну причину сознательного умолчания. Явное нежелание Хрущева раскрывать тайны борьбы за власть, в которой он принимал самое непосредственное и активное участие. Стремление любой ценою отвлечь внимание от подлинной расстановки сил в узком руководстве и неизбежного определения там своего места.

Но прежде чем обратиться собственно к соперничеству в Кремле, сначала необходимо установить иное. Когда же было подготовлено правительственное сообщение? Или, что равнозначно в данном случае, когда именно узкое руководство приступило к поиску соглашения о переделе власти?

Газеты с правительственным сообщением, как уже отмечалось выше, вышли 4 марта рано утром, без малейшего опоздания. Следовательно, они были подписаны в печать в предписанный им срок — не позже 24 часов 3 марта. Чтобы набрать тексты сообщения и бюллетеня, переверстать первую полосу, требовалось около двух часов. На рассылку текстов в редакции всех основных газет — фельдсвязью по Москве, телетайпом или фототелеграфом по стране — еще как минимум полчаса. Наконец, нужно было время и на то, чтобы подготовить, согласовать со всеми членами президиумов Совета Министров и ЦК или хотя бы их бюро оба документа, размножить их в необходимом количестве. Словом, уже когда на основании решения бюро президиума ЦК, принятого в тот же день, были разосланы приглашения на Пленум ЦК КПСС, который поначалу предполагалось созвать 4 марта[775], никак не позже половины девятого вечера, текст правительственного сообщения уже существовал. Являлся реальным подтверждением оказавшейся для узкого руководства неизбежности незамедлительно уведомить страну и мир о предстоящих коренных переменах на высших государственных и партийных постах.

Однако в тот момент, на исходе 3 марта, соглашение о власти еще не стало всеобъемлющим и окончательным. Пока ограничилось изменением состава действовавшей до «двойки» почти два года всесильной «тройки», самостоятельно, без консультаций с вождем, принимавшей все решения и публиковавшей их «за подписью председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина». В ней остались Г. М. Маленков и Л. П. Берия, но место Н. А. Булганина, «курировавшего» военные и военно-промышленные министерства, неожиданно занял В. М. Молотов, еще в феврале 1949 года подвергшийся опале и заодно освобожденный от должности министра иностранных дел.

Почему же произошла эта перестановка на самой вершине власти, что вынудило или позволило вернуть из политического небытия Вячеслава Михайловича, с абсолютной

достоверностью мы уже никогда не узнаем. А потому нам остается лишь искать те мотивы, которые единственно и смогут объяснить происшедшее.

События явно застали Г. М. Маленкова врасплох. Вот уже два года в силу официального положения — одновременно одного из трех первых заместителей председателя Совета Министров СССР и фактически первого секретаря ЦК КПСС — заставляло всех принимать его как фактического преемника Сталина, считаться с этим. И все же Маленков оказался не вполне готовым к тому, чтобы легко, без серьезного сопротивления с чьей-либо стороны, формально унаследовать власть умиравшего вождя во всей ее полноте. Георгию Максимилиановичу, скорее всего, не хватало совсем немного времени, чтобы воспользоваться теми преимуществами, которые давали ему «мингрельское дело», «грузинское дело», «дело врачей» и окончательно устранить самого сильного, наиболее опасного соперника — Л. П. Берия. А это-то и вынуждало Маленкова срочно найти такое решение, которое позволило бы если и не переломить в свою пользу, то хотя бы продлить существовавшее неустойчивое, но тем не менее пока еще благоприятное именно для него равновесие во властных структурах. Получить крайне необходимую оторочку.

Позволяло же сделать это лишь одно: возвращение в узкое руководство В. М. Молотова. Единственного человека, не только остававшегося оппонентом Берия, но и достаточно популярным как в народе, так и у значительной части аппарата. Ведь несмотря ни на что, Вячеслав Михайлович сохранил былой ореол «ближайшего соратника» Сталина, при котором он далеко не случайно считался вторым лицом в партии и государстве, десять лет возглавлял Совнарком СССР.

Но именно такой, весьма профессиональный и удачный ход в «аппаратной игре» неизбежно повлек за собою разрастание узкого руководства до «пятерки», хотя «триумвират» при этом отнюдь не исчез, не утратил своего подлинного всевластного значения. Вторые роли пришлось отвести Н. А. Булганину, чья политическая ориентация в те дни остается до сих пор загадочной, а также Л. М. Кагановичу, который, скорее всего, поддерживал бы Молотова, а заодно и подчеркивал бы лишний раз незыблемую преемственность новой власти.

Вся эта предположительная, достаточно сложная и изощренная комбинация завершилась возникновением той изрядно подзабытой в Советском Союзе конструкции власти, которая спустя десять дней получила название «коллективного руководства». Однако «коллективность» его зиждилась не на общности устремлений, не на единстве избранных целей и согласованности единомышленников в их достижении, а на прямо противоположном. «Коллективность» обуславливалась, напрямую зависела, поддерживалась, сохранялась принципиально иным — с огромным трудом сбалансированными противоречиями, разнородными взглядами и интересами членов «триумвирата», их откровенными и небезосновательными притязаниями на единоличное, как исстари повелось, лидерство. И хотя достигнутое равновесие сил пока еще не обрело постоянной устойчивости, не стало привычным, почему должно было восприниматься как вынужденное, чисто временное явление, все же именно оно не только оказалось первым раундом жесткой борьбы за власть, но и позволило приступить к тому, что Хрущев назвал «распределением портфелей».

На это и ушли два дня — 2 и 3 марта.

Утром 4 марта, приблизительно в поддень, секретари ЦК, судя по всему, тщательно скрывавшие результаты прошедших переговоров, начали свою обычную рутинную деятельность. Рассмотрели, а вернее, просто завизировали, выразив тем свое согласие, три проекта решений самого заурядного характера: по заявлению Б. С. Агафонова об организационных вопросах науки; по записке Н. Г. Пальгунова о создании в ТАСС группы международных обозревателей; о работе школ в Ставропольском крае[776]. А потом вдруг, как по тревоге, оставили привычные обязанности и кабинеты ради более важного — присутствия на неожиданно даже для них созванного экстренного заседания фактически последнего бюро

президиума ЦК. Стали свидетелями принятия тех решений по «организационным вопросам», которые определили жизнь Советского Союза на последующие два года.

Прежде всего было признано необходимым реорганизовать властные структуры, упростив и сократив их. «Иметь в Совете Министров СССР вместо двух органов — президиума и бюро президиума, один орган — президиум», в состав которого должны были войти председатель Совета Министров и его первые заместители, являвшиеся одновременно и членами президиума ЦК. Аналогичную перестройку претерпели и высшие партийные органы, где также были слиты бюро президиума и президиум ЦК.

Вторая группа вопросов, естественно, определила персональный состав новых органов власти. Президиум ЦК включил, помимо членов упраздненного бюро — Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилова, Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина, Л. М. Кагановича, М. З. Сабурова, М. Г. Первухина, еще В. М. Молотова и А. И. Микояна. Президиум же Совета Министров оказался вдвое меньшим: председателем утвердили Маленкова, а его первыми заместителями — Берия, Молотова, Булганина и Кагановича.

Наконец, для того, чтобы юридически оформить и, тем самым, официально закрепить реорганизацию, решили провести не 4 марта, а лишь S марта, в 8 часов вечера совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров и президиума Верховного Совета СССР.

Важность происшедшего оказалась настолько очевидной, что информацию о нем, хотя и в донельзя завуалированной форме, почти незамедлительно предали гласности. Газета «Правда» в передовой статье номера уже за 5 марта «Великое единство партии и народа» при традиционном объеме, заполненном дежурным, по сути бессмысленным набором пропагандистских штампов, упомянула лишь три фамилии. Разумеется, Ленина, Сталина и еще… Маленкова. Только их. Тем самым, не только как бы предвосхищалось безусловное и единогласное одобрение смены руководства на совместном заседании. И его участникам, и всем остальным руководителям — среднего и низшего звена, прямо указывалось, чьи распоряжения и указания отныне следует принимать к беспрекословному исполнению, на кого именно ссылаться прежде всего и пренепременно в статьях, выступлениях.

И все же заседание бюро президиума ЦК, провозгласившее преемника Сталина еще до его смерти, определившее тех, кто теперь стоял на вершине иерархической лестницы, отнюдь не разрешило всех неотложных злободневных проблем. Предстояло еще, и никак не позже, чем к вечеру 5 марта — моменту открытия совместного заседания, договориться не только о государственных должностях для всех членов нового президиума ЦК, но и сформировать правительство.

Принципиальный подход к решению столь непростой в сложившихся экстраординарных условиях задачи сложился еще накануне. Тогда, когда участники тайных переговоров, стремясь во что бы то ни стало подчеркнуть, сделать очевидным для всех без исключения свое совершенно особое положение, отказались от воссоздания многочисленного ПСМ СССР. Подменили его прежним, узким бюро, просто переименовав последнее. Логическим развитием такого подхода стал и отказ от восстановления координировавших и направлявших по отраслям министерства и ведомства бюро при СМ СССР, чьи председатели и составляли прежде доходивший до 12 человек ПСМ СССР. Вместо этого пошли на сокращение вдвое числа самих министерств. Тем самым, реальная власть в своей совокупности сознательно дробилась между 25 министрами, лишь несколько из которых оказывались в кругу избранных — первых заместителей главы правительства. Дело оставалось за «малым» — договориться как о собственно принципиально новой структуре высших органов управления, так и о кадровых назначениях.

Однако даже за полтора дня сделать это полностью оказалось невозможным. Причина первой такой серьезной неудачи объяснялась весьма просто. Каждый из членов триумвирата упорно и настойчиво стремился сохранить свое положение. Не допустить ни умаления

собственных, только что занятых позиций, ни усиления их у остальных. Настоять при утверждении на министерские посты тех, кого они — и Маленков, и Берия, и Молотов — с большей или меньшей вероятностью могли полагать своими союзниками и единомышленниками. К исходу дня 5 марта удалось согласовать распределение только ключевых должностей в СМ СССР, ПВС СССР да провести основательную перетряску секретариата ЦК.

Вот здесь-то и оказалось, что тактика, избранная Маленковым, полностью себя оправдала. Не столько эффект внезапности, сколько отсутствие у соперников времени на то, чтобы суметь сговориться и принять контрмеры, позволило ему получить все, чего он добивался. Сосредоточить в своих руках максимально возможный контроль над государственным и партийным аппаратами.

Как председатель СМ СССР, Маленков получил обязанность наблюдение за работой советов министров союзных республик. Но как председательствующий на заседаниях Совмина — еще и фактическую возможность влиять на формирование основ внутренней и внешней политики, ставя на обсуждение или отвергая как «неподготовленные» те или иные вопросы по собственному усмотрению. Вместе с тем, по решению Пленума Георгий Максимилианович председательствовал еще и на заседаниях президиума ЦК. Иначе говоря, определял и даты их проведения, и повестку дня. Наконец, удержав за собою также и должность секретаря ЦК, продолжал направлять работу партаппарата. Мог в случае необходимости оказывать прямое воздействие на характер решений, принимаемых секретариатом, или выносимых им на утверждение или обсуждение президиума ЦК.

Берия, хотя и стал вторым лицом в стране, весьма значительно уступал по положению, по возможностям Маленкову. Не мог даже сравниваться с ним в правах, хотя и сумел получить, выторговать многое. Прежде всего, возвращение отобранных у него еще в 1946 году двух силовых министерств — государственной безопасности и внутренних дел, которые с этого момента сливались в одно: МВД СССР. Мало того, сохранил за собою Лаврентий Павлович и контроль за деятельностью трех наиважнейших для создания и наращивания военной мощи страны и потому самых засекреченных учреждений: главных управлений при СМ СССР — Первого, Второго, Третьего — ядерная программа…

<В оригинале отсутствует часть текста. — Прим. Авт fb2.>

…ной зависимости оказывалось военное министерство, а кроме того сохранялись прямые связи с рядом промышленных министерств, обязанных выполнять заказы управлений вне всякой очереди, даже с нарушением пятилетних или годовых планов.

Молотову, как менее активному участнику борьбы за власть, пришлось ограничиться постами министра иностранных дел да, по должности, главы одного из трех органов внешнеполитической разведки — Комитета информации. Столь же ограниченные по сравнению с прежними полномочия достались и Булганину, во второй раз возглавившему военное министерство. Но и этим их несколько приниженное положение не ограничилось. Проявилось оно и в ином. Оба члена «пятерки» вынуждены были принять первыми своими заместителями отнюдь не тех, кого они сами подобрали бы себе. Молотов — Я. А. Малика и А. Я. Вышинского, а Булганин — А. М. Василевского и Г. К. Жукова. То есть в принудительном порядке, в качестве ближайших помощников тех, кто еще накануне возглавлял то же министерство, располагал в нем «своими» людьми, устоявшимися связями и влиянием.

Однако даже такие, урезанные до предела, весьма ограниченные права, и отражавшие истинное положение Молотова, Булганина в «пятерке», оказывались несоизмеримо огромными при сравнении с тем, что уделили Кагановичу. Он оказался единственным из первых заместителей главы правительства, не получившим «портфель». Важнейшего, если не решающего в подобных случаях, совместительства — поста руководителя любого, даже самого малозначительного министерства.

Третий уровень власти составили те пятеро, кто стал заместителями председателя Совета Министров, что из-за спешки забыли зафиксировать в проекте решения. Прежде всего, в силу статуса давнего члена политбюро, Микоян, назначенный министром внутренней и внешней торговли — пост, который он с перерывами занимал еще с середины 20-х годов. Затем те, кого утвердили на ключевых должностях по управлению экономикой, вернее, той ее сферы, которая органически являлась и фундаментом военно-промышленного комплекса, и значительной производственной частью его. Те, кто возглавил важнейшие укрупненные министерства, заменившие ведущие отраслевые бюро при Совмине.

Сабуров — машиностроения (прежние автомобильной и тракторной промышленности; машиностроения и приборостроения; сельскохозяйственного машиностроения, продолжавшего выпускать среди прочего боеприпасы; станкостроения). В. А. Малышев — транспортного и тяжелого машиностроения (упраздненные транспортного машиностроения; судостроительной промышленности; тяжелого машиностроения; строительного и дорожного машиностроения). Первухин — электростанций и электропромышленности (ранее электростанций; электропромышленности; промышленности средств связи). Госплан СССР с присоединенными к нему госкомитетами по материально-техническому снабжению народного хозяйства и по снабжению продовольственными и промышленными товарами[777] передали Г. К. Косячко, немало лет проработавшему первым заместителем председателя этого комитета, по своей значимости не уступавшего ведущим министерствах.

Ворошилов, хотя и был оставлен членом президиума ЦК, удостоился чисто номинальной, заведомо декоративной должности, никогда не имевшей хоть какого-нибудь самостоятельного значения. Назначили его председателем президиума Верховного Совета СССР — вместо Н. М. Шверника, «переброшенного» на ВЦСПС.

Наконец, кадровые перестановки, отражавшие новую расстановку сил, провели и в секретариате ЦК. Из него вывели Л. И. Брежнева, Н. М. Пегова, Н. Г. Игнатова и П. К. Пономаренко, трудоустройство которых с подчеркнутым понижением ни у кого не вызвало сомнения. Первых двух назначили соответственно заместителем начальника Главного политического управления военного министерства, секретарем президиума Верховного Совета СССР. Остальным пообещали «руководящую работу» в Совете Министров.

Вместо них в секретариат ввели явных сторонников Маленкова, проводников его взглядов и политического курса. С. Д. Игнатьева, лишившегося должности министра МГБ, но не утратившего некоторого контроля над ним, ибо он получил в ведение среди прочих отделов ЦК и отдел административных органов, «опекавший» министерства военное, внутренних дел, юстиции, прокуратуру, Верховный суд. П. Н. Поспелова, заменившего Н. А. Михайлова в роли главного идеолога партии, «наблюдавшего» за деятельностью таких отделов ЦК, как пропаганды и агитации, художественной литературы и искусства, философских и правовых наук, экономических и исторических наук, науки и ВУЗ’ов, школ. Н. Н. Шаталина, отныне призванного держать под неусыпным и жестким контролем важнейшую из трех тогда функций партии: подбор и расстановку кадров во всех без исключения государственных учреждениях и общественных организациях, на всех предприятиях страны.

Вместе с тем изменили, резко подняли уровень Хрущева. Его переместили с поста первого секретаря Московской областной парторганизации, в то время стоявшей над московским горкомом. «Признали необходимым», чтобы он «сосредоточился на работе в Центральном Комитете»[778]. Иначе говоря, при том положении, которое занимал Маленков, утвердили вторым секретарем ЦК. Однако при существенно измененном составе секретариата, в новом окружении — тех, кто непременно станет согласовывать все решения прежде всего с Георгием Максимилиановичем, Хрущева фактически лишали возможности проявлять самостоятельность, вынуждали заниматься преимущественно чисто организационными, они же канцелярские, вопросами.

На этом время, отпущенное узким руководством самому себе на формирование высших органов власти, иссякло. Из 25 должностей министров 17 так и остались вакантными. А. Ф. Горкин, еще не знавший о том, что он уже не секретарь, а заместитель секретаря ПВС СССР, счел проблему легко разрешимой за день-другой. А потому днем 5 марта направил Маленкову предложение созвать сессию советского парламента уже 8 марта[779]. Однако глава правительства рекомендацию отклонил, и не из-за того, что сомневался в возможности успеть заполнить свободные министерские посты. Для него вопрос заключался в ином. Ведь кроме утверждения правительства в полном составе, на сессии следовало еще и принять давно составленный министром финансов А. Г. Зверевым, даже согласованный бюджет страны на текущий год. А здесь-то и таилось то препятствие, которое предстояло преодолеть Маленкову.

На сутки позже, чем было условлено первоначально, в 20 часов 5 марта, в Свердловском зале Большого кремлевского дворца открылось непривычное по названию «совместное заседание Пленума ЦК, Совета Министров и президиума Верховного Совета СССР». На него сумели прибыть практически все приглашенные. Из 236 человек отсутствовали лишь 14, в основном те, кто находился за границей: еще числившийся министром иностранных дел А. Я. Вышинский, посол в Великобритании А. А. Громыко, посол в США Г. Н. Зарубин, посол в КНР А. С. Панюшкин, шеф-редактор газеты Информбюро «За прочный мир, за народную демократию», выпускавшейся в Бухаресте, М. Я. Митин, главнокомандующий советскими оккупационными войсками в Германии В. И. Чуйков, некоторые иные, а также Булганин, дежуривший в тот момент в Волынском, на «ближней даче»[780].

Первым выступил министр здравоохранения А. Ф. Третьяков. Своей информацией о продолжавшем ухудшаться состоянии здоровья Сталина он подготовил инертную, приученную к полному послушанию и слепому повиновению собранную в зале массу — высшее звено аппарата — к тому, что от нее только и требовалось. Высказать полную и единодушную поддержку всего того, что вслед за тем изложил в необычайно краткой речи Маленков.

«Все понимают, — сказал он, — огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве. Вот почему бюро президиума Центрального Комитета партии созвало настоящее совместное заседание… Поручило мне доложить вам ряд мероприятий по организации партийного и государственного руководства». И далее, снова сославшись на поручение бюро, весьма необычно обосновал необходимость предлагаемых реорганизации и кадровых перестановок: «обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны… требует величайшей сплоченности руководства, недопущение какого-либо разброда или паники»[781].

Что же скрывалось за столь странным для повседневной партийной риторики силлогизмом Маленкова?

Посылка в нем ни у кого не могла вызвать ни малейшего возражения. В любой стране с любой системой правления при подобных чрезвычайных обстоятельствах прежде всего необходимо сохранить непрерывность функционирования системы управления. Естественное право преемственности власти должно вступать в силу автоматически, по старому и непреложному правилу: «король умер, да здравствует король!». И чем быстрее проходит такая смена, тем спокойнее, а следовательно, и лучше для страны, народа. Гораздо сложнее для понимания стал вывод, точнее — требование «величайшей сплоченности» отнюдь не партии в целом, не народа и партии, что было бы привычным, не нуждавшимся в объяснении, а именно «руководства». Участникам заседания такой призыв следовало воспринимать не иначе, как констатацию того, что власть предержащие еще не достигли столь обязательной «сплоченности». Строгого соблюдения иерархического порядка подчиненности, общего признания высших, рассматриваемых каждым из них в то же время личными, одних и тех же интересов.

В еще большей степени должна была насторожить зал и вторая часть этого требования — «недопущение какого-либо разброда или паники». Заставляла гадать, о каком конкретно «разброде» в руководстве идет речь, в чем он заключается и к чему может привести. Да еще и припоминать, что слово «паника», как видно не случайно уже присутствовавшее в правительственном сообщении, прежде появлялось в партийно-государственных заявлениях только раз. В памятной всем речи, произнесенной Сталиным 3 июля 1941 года. Слово, отразившее, как мы теперь знаем, в первые дни войны растерянность самого вождя. Вынужденное его смирение с тем, что верные соратники, ближайшее окружение — все те же Молотов, Берия и Маленков — по своей инициативе образовали Государственный комитет обороны, и взявший на себя всю полноту власти, всю ответственность за судьбы страны. Заменивший и ПБ, и СМ СССР.

Но сразу же аудитории, которой не дали времени осознать сказанное Маленковым, понять смысл происходившего, зачитали и предложили одобрить проект постановления, который являлся результатом с таким трудом достигнутой узким руководством договоренности. Поддержать и реорганизацию, которая на деле оказывалась простым переименованием, и кадровые перестановки, не содержавшие ни одной новой фамилии. Не вызвало ни у кого ни возражения, ни даже удивления даже то, что о партии шла речь не в начале, а в конце, в последних пяти из 17 пунктов проекта. И такое, подчеркнуто второе место КПСС во властных структурах, собравшиеся приняли спокойно. Сказался профессиональный, ставший второй натурой, конформизм, только и позволявший удерживаться на должностях и подниматься, ступень за ступенью, по бюрократической табели о рангах, именовавшейся номенклатурой.

Глава двадцать восьмая

Заседание успели провести как нельзя вовремя. Всего через час с небольшим после его окончания из «Волынского» пришло сообщение: Сталин скончался. Но именно эта, ожидавшаяся весть заставила скорректировать все последующие действия. Не информировать пока население о принятых решениях, а вместо этого срочно подготовить «Обращение ЦК, Совета Министров и президиума Верховного Совета СССР ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза», использовав его в двоякой цели. Разумеется, чтобы сообщить о смерти вождя со всем традиционным для таких случаев перечислением заслуг покойного, что, однако, заняло лишь первую треть текста. Большая же часть обращения стала первым программным заявлением нового узкого руководства.

Исходило оно из того, давно ставшего обязательным, постулата, согласно которому советский народ «питает безраздельное доверие» к партии, «проникнут горячей любовью» к ней и «неуклонно следует политике, вырабатываемой» ею. Далее же, четко, по пунктам, формулировались те положения, которые следовало рассматривать как принципиальные основы курса правительства.

Подчеркнуто главным, ибо было поставлено на первое место, объявлялось «дальнейшее улучшение материального благосостояния всех слоев населения… максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества». Затем отмечалась необходимость заботы об обороноспособности страны, констатировалось, что «партия всемерно укрепляет советскую армию, военно-морской флот и органы разведки». Потом шла речь о внешней политике, которая должна была оставаться политикой «сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны… сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами». Завершилась же программная часть обращения подтверждением верности пролетарскому интернационализму, выражающемуся в братской дружбе с народами КНР, стран народной демократии, в дружеских связях с трудящимися капиталистических и колониальных стран[782].

На первый взгляд, программа могла показаться дежурным набором обычных, много раз повторявшихся пропагандистских стереотипов. И все же в ней прослеживалось новое, необычное. Отсутствовало упоминание о необходимости развивать тяжелую индустрию —

основу основ советской экономики, с чего обычно и начинались все подобные по содержанию документы. Впервые во главу угла выдвигалось не движение к цели, а сама цель — подъем материального благосостояния, хотя и не уточнялось: как, в какие сроки и за счет чего он будет достигнут, в каком соотношении с существовавшим уровнем жизни. Наконец, хотя и отмечалась готовность дать «сокрушительный отпор любому агрессору», не упоминался извечный враг — империализм, ничего не было сказано ни о США, ни о Великобритании, ни о блоке НАТО.

Обращение передали по радио ровно в 6 часов утра 6 марта, а вечером того же дня, в 21 час 30 минут, диктор Юрий Левитан зачитал, наконец, и постановление совместного заседания (газеты опубликовали его только 7 марта, без указания даты принятия). Его содержательная часть претерпела минимальные коррективы: Сталина больше не упоминали среди членов президиума ЦК и секретарей. Однако преамбула сохранилась в первозданном виде. Да, вечером 5 марта, когда Сталин еще был жив, без мотивировки назначения на пост председателя Совета Министров Маленкова обойтись просто было невозможно. Теперь же, когда нужда в таких объяснениях отпала сама собою, повторение их выглядело нарочитым, заставляло искать некий сокровенный смысл. Ведь каждого услышавшего, прочитавшего обращение, обязательно должны были насторожить требования к «руководству» о необходимости «величайшей сплоченности», «недопущения какого-либо разброда и паники».

Сохранение в преданном гласности варианте постановления этой фразы можно, разумеется, объяснить спешкой и порожденным ею элементарным недосмотром. Однако исключение фамилии Сталина противоречит тому, свидетельствует об обратном: о повторном редактировании текста. Следовательно, многозначительную и зловещую фразу оставили сознательно, намеренно допустили утечку информации о наличии в узком руководстве достаточно серьезных разногласий. Речи же, произнесенные 9 марта на Красной площади во время похорон, не оставляли в том уже никакого сомнения. Ведь в них совершенно отчетливо проявились принципиальные расхождения между членами «триумвирата», чье соперничество открыто перешло из чисто личного в политическое.

Ритуал траурной церемонии, основываясь на кремлевской традиции, должен был, помимо собственно функциональной задачи, продемонстрировать самое тайное — истинное положение выступавших в советской иерархии. Все остальное являлось несущественным, а потому и не обязательным. Сами речи, их содержание могли стать ничего не значившим набором затасканных штампов, обычным пустословием. Однако 9 марта произошло явное нарушение прежних правил игры.

И Маленков, и Берия, и Молотов в своих выступлениях вполне соблюли приличия, отдав должную дань уважения покойному, но этим не ограничились. Поторопились, используя предоставившуюся возможность, выразить собственное видение дальнейшего пути развития страны. Раскрывая свои прежде затаенные позиции апеллировали не столько к народу, сколько к аппарату, который и мог стать единственным арбитром в возникшем конфликте. Судьей отнюдь не нейтральным, а откровенно предвзятым, лично заинтересованным в окончательном выборе одной из двух предлагаемых концепций будущей политики. Первым, в соответствии со своим рангом, слово получил Маленков. Поминальную часть речи построил как клятву: Сталин завещал — мы сохраним и приумножим. Обещал, что страна сохранит верность марксизму-ленинизму, будет укреплять социалистическое государство, единство и дружбу народов СССР, могущество вооруженных сил, развивать социалистическую промышленность, колхозный строй, крепить союз рабочих и колхозного крестьянства. Словом, подтверждал верность доктрине, но тут же отмечал: «завоевания» ценны не сами по себе, а только как предпосылка дальнейшего поступательного движения во внутренней и внешней политике.

Остановившись на первом, он почти дословно повторил то, что уже содержалось в обращении. Объявил главной целью нового руководства «неуклонно добиваться дальнейшего улучшения материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех

советских людей», «неослабно заботиться о благе народа, о максимальном удовлетворении его материальных и культурных потребностей». И тут же вернулся к уже использованному риторическому приему «завещало — сохраним», обратившись на этот раз к вопросам укрепления КПСС. Заявил: «сила и непобедимость нашей партии — в неразрывной связи с народными массами», основой которой является «неизменное служение партии интересам народа». Что же следует понимать под интересами народа, уже должно было быть понятным.

Во внешнеполитическом разделе Маленков также повторил соответствующие фразы обращения. О необходимости «укреплять вечную нерушимую братскую дружбу» с народами стран народной демократии, проводить политику «сохранения и упрочения мира», «международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами». Но вместе с тем именно здесь Георгий Максимилианович внес существенное дополнение. Указал, что такая внешняя политика должна исходить и опираться на положение «о возможности длительного сосуществования и мирного соревнования двух различных систем — капиталистической и социалистической».

Сочтя, что одного упоминания столь важной мысли явно недостаточно, в конце речи Маленков снова вернулся к тому, что полагал решающим. Не просто повторил, а буквально воззвал к стране и миру, убеждая и уговаривая всех: «Наша главная задача состоит в том, чтобы… жить в мире со всеми странами». Только такая внешняя политика, растолковывал Маленков, является «самой правильной, необходимой и справедливой», «единственно правильной». А опираться она должна «на взаимное доверие», не ограничиваться лишь пропагандистскими заявлениями, но претворяться в конкретные решения, договоренности, стать «действенной», проверяться фактами, и только ими.

Принципиально иное видение будущего страны продемонстрировал Берия, придав в своей речи первенствующее значение решению внутренних проблем. Не отказываясь от широкого использования стереотипов пропаганды, придавал им особый смысл и значение. Так, не просто упомянул о дружбе народов СССР, а своеобразно, так же, как и в выступлении на XIX съезде КПСС, развил этот тезис. Преднамеренно сместил в нем акцент с общего — единства, на отличное, своеобразное — национальное, дважды подчеркнув его. «Наша внутренняя политика, — заявил Лаврентий Павлович, — основана на… прочном объединении всех национальных республик в системе единого великого многонационального государства».

Характеризуя же будущую политику в целом, он откровенно полемично наметил собственную систему приоритетов: она будет «направлена на дальнейшее укрепление экономического и военного могущества нашего государства, на дальнейшее развитие народного хозяйства и максимальное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей всего советского общества». И тут же бросил многозначительную фразу, смысл которой стал понятен лишь месяц спустя: «Советское правительство будет заботливо охранять их (граждан. — *Ю. Ж.*) права, записанные в сталинской Конституции».

Не отказался Берия от коррекции и внешнеполитического курса Маленкова, использовав прием умолчания. Повторил общее положение о необходимости сохранения и упрочения мира, развития деловых связей, но ни словом не обмолвился о мирном и длительном сосуществовании двух систем. А затем, решив, видимо, такое изложение основ внешней политики СССР недостаточным, призвал не просто «неустанно повышать и оттачивать бдительность партии и народа к проискам и козням врагов советского государства», но и «еще более усилить свою бдительность». И попутно разъяснил, что тому и призваны служить Вооруженные Силы, которые «оснащены всеми видами современного оружия».

Заканчивая выступление, Берия счел нужным вернуться к вопросу о единстве и сплоченности руководства. Высказал убеждение, что именно они станут «залогом успешного претворения в жизнь внутренней и внешней политики партии и государства». И тут же сделал еще один загадочный намек. Заверил «народы» страны «в том, что коммунистическая партия и правительство Советского Союза не пощадят своих сил и своих жизней для того, чтобы

сохранить стальное единство руководства». Чьи же жизни министр внутренних дел имел в виду, оставалось только догадываться.

Схожие взгляды как в оценке существующей ситуации, так и в видении дальнейшего пути развития СССР, в определении задач, требующих незамедлительного решения, высказал и Молотов, выступавший последним.

Прежде всего он остановился на необходимости «заботиться об укреплении советских вооруженных сил… на случай вылазки агрессора», а также «проявлять должную бдительность и твердость в борьбе против всех и всяких козней врагов, агентов империалистических агрессивных государств». Только потом, уже изрядно запугав слушателей страшной картиной настоящего и будущего, отдав дань шпиономании, Молотов весьма бегло коснулся международного положения. Подтвердил, как министр иностранных дел, что СССР будет проводить политику мира, сотрудничества и деловых связей. Однако подобную политику следовало проводить не по отношению ко всем странам, а только «между народами», устанавливать же связи лишь с теми государствами, «которые сами также стремятся к этому».

Третьим вопросом, на котором Молотов счел нужным остановиться, явились «дружеские отношения между народами… многонационального» Советского Союза. И тут он не только полностью солидаризировался с Берия, но и позволил себе пойти дальше в толковании национального вопроса. Подчеркнул, что решение его уже вышло за рамки СССР, ибо «имеет особо важное значение, особенно в связи с образованием государств народной демократии и ростом национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах». Но как и Берия, столь неожиданную параллель, которую можно было трактовать двояко, Молотов, не развив, оборвал[783].

Так 9 марта 1953 года тем, кто умел читать между строк, понимать закодированный, потаенный смысл, рождаемый при сопоставлениях, показали, наконец, в чем же именно заключается «разброд» среди руководства. Предложили не одну, а две правительственных программы, два диаметрально противоположных предполагаемых курса. Первый, изложенный Маленковым, строился на необходимости незамедлительно достичь разрядки в международных отношениях, использовав высвободившиеся благодаря тому силы и средства на подъем жизненного уровня населения. Второй, сформулированный в речах Берия и Молотова, исходил из иного. Из твердой, непоколебимой убежденности, что напряженность в обозримом будущем не только обязательно сохранится, но и перерастет рано или поздно в вооруженный конфликт между двумя лагерями, двумя системами. Потому-то приоритет следует сохранить за тяжелой индустрией, за оборонной промышленностью, расходуя на мирные цели только те средства, которые останутся. Если, разумеется, останутся.

Естественно, что столь отличные друг от друга позиции членов «триумвирата» не могли не отразиться на их взаимоотношениях, на поддержании даже видимости согласованных действий. Показали, что введение в триумвират Молотова оказалось противовесом слишком сильному влиянию не столько Берия, сколько Маленкова, так и не получившего явного преимущества. Неизбежно приблизили логическую развязку — решающее столкновение в борьбе за власть, пересмотр договоренности о разделе полномочий.

И действительно, всего четыре дня спустя произошло неминуемое.

Внешне казалось, ничто не предвещает каких-либо близких и серьезных перемен. События развивались в полном согласии с существовавшим соглашением, подкрепляли его.

Еще 8 марта из Пекина отозвали А. С. Панюшкина, которого должен был сменить В. В. Кузнецов, «уступивший» свою должность главы советских профсоюзов Швернику. 10 марта прошел пленум бюро московского обкома партии, «избравший», как от него и требовали, первым секретарем Н. А. Михайлова в связи с перемещением Хрущева. 11 марта президиум Совета Министров СССР официально ликвидировал свои три еще сохранявшиеся отраслевые бюро: по химии и электростанциям, по машиностроению и электропромышленности, по

пищевой промышленности[784]. 12 марта пленум ВЦСПС избрал своим председателем Шверника. А на следующий день процесс оговоренных ранее кадровых перемещений прервался.

Опубликованное всеми газетами, не раз зачитанное по радио постановление совместного заседания предусматривало созыв сессии Верховного Совета СССР 14 марта. Однако собравшийся накануне на свое первое заседание президиум ЦК решил отсрочить ее на сутки, а в тот день в девять часов вечера, провести еще один внеочередной Пленум ЦК КПСС. Формально — для того, чтобы подготовить сессию, обсудить вопросы, выносимые на ее рассмотрение[785]. Фактически же — чтобы значительно урезать полномочия Маленкова.

Большинство членов президиума ЦК, вне всякого сомнения — Берия, Молотов, Булганин, Каганович, Хрущев и Микоян, сумели добиться — сначала на своем узком заседании, а затем и на Пленуме, полного разделения двух подлинных ветвей власти: государственной и партийной. Больше не сосредотачивать их высшие посты в одних руках, у одного человека. В данном конкретном случае — у Маленкова. Решение гласило: «Удовлетворить просьбу тов. Г. М. Маленкова об освобождении его от обязанностей секретаря ЦК КПСС, имея в виду нецелесообразность совмещения функций председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК КПСС. Председательствование на заседаниях президиума ЦК КПСС возложить на тов. Маленкова Г. М. Руководство Секретариатом ЦК КПСС и председательствование на заседаниях Секретариатом ЦК КПСС возложить на секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С.». Такая формулировка сама по себе сразу же изменила расстановку сил в партийном аппарате. Подняло «уровень» Никиты Сергеевича, который лишь благодаря этому становится первым, хотя только фактически, секретарем ЦК. Обретал реальную власть.

Ту же цель преследовал и вывод из всего несколько дней назад обновленного секретариата еще двоих. А. Б. Аристова, после 19 съезда «наблюдавшего» за работой парторганизаций союзных республик, крайкомов и обкомов РСФСР, направили председателем Хабаровского крайисполкома «ввиду особой важности укрепления руководства на Дальнем Востоке». Н. А. Михайлова, чтобы он «сосредоточился на работе в Московском областном комитете КПСС», освободили от обязанностей заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС и секретаря ЦК КПСС. Наконец, существенно повлияло на положение на политическом Олимпе и еще два решения. Н. Н. Шаталина перевели из кандидатов в члены ЦК КПСС, а А. И. Микояна — в состав ПСМ СССР[786]. Видимо, как благодарность за поддержку.

И все же такие кадровые перестановки, нарушившие прежнее соглашение, не следовало рассматривать как поражение Маленкова. Скорее, нужно оценить как хотя и вынужденный для него, но все еще компромисс с появившейся в узком руководстве достаточно сильной группировкой, открыто и дружно выступившей против ею же выдвинутого и признанного лидера. Ведь Георгий Максимилианович не только потерял, но и приобрел, хотя полностью не сумел компенсировать утраченное. В секретариате, который теперь состоял всего из четырех человек Хрущева, Поспелова, Суслова и Шаталина, сохранил двух своих сторонников. Более того, использовав принцип разделения ветвей власти, добился от Пленума согласия на подготовку постановления о расширении прав министров СССР[787], что должно было максимально освободить и их, и, тем самым, его самого от слишком назойливой опеки со стороны Хрущева, отделов ЦК. Правда, в немалой степени помогли Маленкову в том его соперники — Берия, Молотов, Булганин, Микоян, были еще более заинтересованы в усилении собственных позиций, собственной самостоятельности.

Но каким бы значительным все это ни выглядело с точки зрения аппаратной игры, для Маленкова более важным, самым главным результатом Пленума, бесспорной победой явилось иное — отсрочка обсуждения государственного бюджета на текущий год. Точнее, одобрение необходимости коренной переработки имевшегося проекта, предусматривавшего непомерные расходы на оборону. Те самые расходы, которые, несмотря на завершение войны, не сокращались, а росли. Увеличились за шесть лет почти вдвое: с 15,8 % в 1947 году до 23,7 %

в 1952 году[788]. И это — согласно открытым, официальным данным, заведомо заниженным. Не включавшим (военная тайна!) сведения о затратах на разработку и производство не только ядерного оружия, ракет, но даже и обычного вооружения. Выражавшим стоимость содержания самой огромной армии с двумя мощными ударными группировками в зонах предполагаемых боевых действий: в Германии и на Дальнем Востоке, неподалеку от границы с Кореей.

В 1953 году, как вспоминал тогдашний министр финансов Зверев, порождаемый даже сохранением на прежнем уровне расходов на оборону дефицит бюджета должен был составить не менее 50 миллиардов рублей, то есть его десятую часть[789]. Маленкову, дабы сдержать свое обещание о приоритете мирной экономики, о повышении жизненного уровня, предстояло получить согласие узкого руководства на полный пересмотр уже сверстанного народнохозяйственного плана и его финансового эквивалента — бюджета. Заставить Берия, Булганина пойти на ущемление собственных интересов. И он сумел этого добиться. Потому-то оказался единственным докладчиком на блиц-сессии, продолжавшейся всего два часа. Выступил 15 марта с третьей по счету речью, в которой коротко подытожил результаты Пленума, о котором большинство депутатов узнало только неделю спустя, 21 марта, из газет.

Маленков попытался объяснить предложенную перестройку отнюдь не последними событиями, а давней, сугубо практической необходимостью. «Мероприятия по укрупнению ныне существующих министерств, — сказал он, — по объединению в одном министерстве руководства родственными отраслями народного хозяйства, культуры, управления назрели не сегодня. Они уже длительное время, при жизни товарища Сталина, вместе с ним вынашивались в нашей партии и правительстве. И теперь, в связи с тяжелой утратой, которую понесла наша страна, мы лишь ускорили проведение в жизнь назревших организационных мер…»

Вскользь коснулся он и вопроса «коллективного руководства», возникшего буквально накануне как результат очередного раунда борьбы за власть: «Сила нашего руководства, — объяснил Георгий Максимилианович, — состоит в его коллективности, сплоченности и монолитности. Мы считаем, что строжайшее соблюдение этого высшего принципа является залогом правильности руководства страной, важнейшим условием нашего дальнейшего движения вперед по пути строительства коммунизма в нашей стране». Такая формулировка, к тому же высказанная именно Маленковым, должна была означать одно. Он не просто принимает свершившееся — передел полномочий, ограничение собственных прав, но и предупреждает соперников, что не позволит кому-либо из них в будущем попытаться стать единоличным лидером. И далее нарочито подчеркнул свое, первое место — хоть и среди равных: «правительство во всей своей деятельности будет строго проводить выработанную партией политику во внутренних и внешних делах. Мы уже заявили об этой позиции советского правительства. Я имею в виду свое выступление, выступление товарища Берия Лаврентия Павловича, выступление товарища Молотова Вячеслава Михайловича на траурной церемонии 9 марта». Но скупо, в нескольких фразах, повторил только собственную программу[790].

Лишь теперь, после пленума, на котором впервые обозначилось очередное по составу ядро власти, на этот раз «четверка» — Маленков, Берия, Молотов, Хрущев, после сессии, утвердившей правительство в составе 28 человек, и стало возможным завершить то, что начал делать «триумвират». Формирование коллегий укрупненных министерств, создание их внутренних структур, утверждение в должностях руководителей подразделений как в центральном аппарате, так и на местах — в союзных республиках, краях и областях. Осуществление всего этого проводилось с 15 марта — как постановления СМ СССР, а с 17 марта — президиума и возобновившего в тот день свою работу Секретариата ЦК.

С каждой неделей, с каждым назначением и решением позиции и интересы членов «четверки» расходились все больше и больше. Единственно общим для них оставалось одно: стремление прекратить войну в Корее. Та цель, которую наметили Маленков, Берия и Булганин еще весной 1951 года, против которой не возражали теперь Молотов и Хрущев.

Для троих из «четверки» мир на Дальнем Востоке позволял выйти из того тупика, в котором оказались оба блока. Для одного, Маленкова — несоизмеримо большее: решение первой из многих промежуточных задач при проведении в жизнь своего курса. Того самого, который он на сессии советского парламента изложил в новом, более конкретном варианте. «В настоящее время, — заявил Георгий Максимилианович, — нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных сторон. Это касается наших отношений со всеми государствами, в том числе и наших отношений с Соединенными Штатами Америки»[791].

Более ясно призвать США к переговорам было невозможно. Уверенность же Маленкову в том, что разрядка не только необходима всем, но и возможна, придало только что произошедшее событие. 12 марта посол Великобритании в Москве А. Гайскон по своей инициативе посетил Молотова и за буквально пятиминутную беседу сумел сообщить чрезвычайно важное. Выражая отнюдь не свое, а министра иностранных дел Идена, а может быть и премьер-министра Уинстона Черчилля мнение, сказал, «что он сможет оказать помощь в деле ослабления напряженности отношений между двумя странами»[792].

И все же, опасаясь возможной негативной реакции США, советское правительство отказалось от весьма выгодной с пропагандистской точки зрения роли инициатора мирного процесса. Право сделать первый ход предоставило союзникам, да и то на уровне командующих северо-корейской армией и китайских «добровольцев».

28 марта Ким Ир Сен и Пын Дехуай неожиданно сочли необходимым все-таки ответить согласием на предложение, направленное им еще месяц назад главнокомандующим объединенными силами ООН в Корее генералом Марком Кларком. На то самое, в котором предлагалось провести скромную, чисто гуманную и ни к чему не обязывающую акцию — обмен ранеными и больными военнопленными. Казалось, на этом можно было бы и ограничиться, не торопить развитие событий. Однако для того, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в конечной цели коммунистического блока, переписку военачальников тотчас же подкрепили и вполне официально, на государственном у ровне.

30 марта министр иностранных дел КНР Чжоу Энлай призвал обе воюющие стороны «приступить к поискам полного решения вопроса о военнопленных». В тот же день и Ким Ир Сен, на этот раз как премьер-министр КНДР, развил инициативу. Предложил возобновить в Паньмыньчжоне прерванные полгода назад переговоры, но не ограничивать их важной, однако частной проблемой, а сосредоточить внимание на главном — «немедленном прекращении войны в Корее»[793].

После того, как в Москве стало известно о согласии Кларка направить делегацию в Паньмыньчжон, с далеко идущим по смыслу заявлением выступил Молотов. Он не только приветствовал намеченную встречу двух сторон — «Советское правительство выражает свою полную солидарность с этим благородным актом правительства КНР и правительства КНДР и не сомневается в том, что этот акт получит горячую поддержку со стороны народов всего мира». Счел он теперь возможным объявить и о решающем: «Советское правительство выражает уверенность, что это предложение будет правильно понято правительством Соединенных Штатов Америки. Советское правительство неизменно поддерживало все шаги, направленные на установление перемирия и на прекращении войны в Корее»[794].

Столь однозначно выраженную позицию СССР по самой острой, хотя и одной из многих нерешенных международных проблем, Запад не мог рассматривать без учета выступлений Маленкова 9 и 15 марта. Должен был признать, что в отношениях между блоками действительно наметилась новая эра. И чтобы окончательно убедиться в том, проверить, насколько далеко Кремль готов идти по пути переговоров, применил старую, испытанную многократно дипломатическую тактику зондажа.

Первым начал действовать министр иностранных дел Великобритании Иден. Воспользовавшись благоприятно выглядевшей ситуацией, он обратился к Молотову за содействием в освобождении нескольких британских подданных, случайно оказавшихся в зоне боевых действий в первые дни войны и интернированных в Северной Корее. Кремлевское руководство с пониманием отнеслось к такой просьбе, и вскоре все британцы (небезынтересно, среди них находился и будущий известный советский разведчик Чарлз Блейк) оказались в Москве. 11 апреля посол Гайскон в очередной раз посетил Молотова. Формальной причиной визита явилась необходимость передать личное послание Идена, которое он только что доставил из Лондона. Вместе с тем Гайскон устно сообщил и оценку главы Форейн оффис развития событий. «Иден неоднократно подчеркивал, — отметил посол, — свое стремление к улучшению отношений с Советским Союзом, которое, по его мнению, также наблюдается и с Вашей стороны. Способ достижения этого Иден видит в разрешении сначала небольших проблем в наших отношениях». И к тем вполне приемлемым проблемам, нуждавшимся в решении и о которых и шла речь в послании, добавил еще одну. Просьбу вывезти бывших интернированных самолетом королевских ВВС. Иными словами, разрешить посадку и взлет в столице СССР британского военного самолета. Согласие на это Молотов дал сразу же[795].

Сходную позицию выжидания занял и Дуайт Эйзенхауэр. 16 апреля в вашингтонском отеле «Статлер», на традиционном заседании Американского общества редакторов газет, он выступил с речью «Шанс для мира». В ней, ставшей своеобразным ответом Маленкову, президент США выразил и свой взгляд на происшедшие за последнее время перемены, и связанные с ними свои ожидания.

«Теперь к власти в Советском Союзе пришло новое руководство, — сказал в частности Эйзенхауэр. — Его связи с прошлым, какими сильными они ни были, не могут полностью связать его. Его будущее в значительной мере зависит от него самого. Новое советское руководство имеет сейчас драгоценную возможность осознать вместе с остальным миром, какая создалась ответственность, и помочь повернуть ход истории.

Сделает ли оно это? Мы еще этого не знаем. Недавние заявления и жесты советских руководителей в известной мере показывают, что они, быть может, признают возможность этого момента.

Мы приветствуем каждый честный акт мира. Нас не интересует одна лишь риторика. Нас интересует только искренность миролюбивой цели, подкрепленная делом. Возможности для таких дел многочисленны…»

На том и кончалось все сходство, вся общность позиций Эйзенхауэра и Идена. В отличие от последнего, президент США счел возможным для себя оговорить как непременное предварительное условие, бесспорное доказательство миролюбия советского правительства разрешение не частных вопросов двухсторонних отношений, а глобальных проблем, что зависело не только от воли Кремля, его устремлений.

Среди «конкретных дел» Эйзенхауэр назвал такие, завершения которых добивалась, и притом весьма давно, именно Москва, а не Вашингтон: подготовка мирных договоров с Австрией и единой Германией; органически связанное с ними освобождение немецких военнопленных, все еще остававшихся в СССР; заключение «почетного перемирия» в Корее. Вместе с тем, почему-то от советского руководства потребовал президент США и то, к чему Кремль тогда еще не имел ни малейшего отношения — «прекращения прямых и косвенных посягательств на безопасность Индокитая и Малайи». Наконец, даже вышел за допустимые рамки межгосударственных отношений, возжелав, чтобы Советский Союз обеспечил «полную независимость народов Восточной Европы».

В обмен на уступки со стороны СССР по этим пунктам, Эйзенхауэр готов был заключить соглашение об ограничении вооружений и по контролю за производством ядерной энергии, чтобы обеспечить «запрет ядерного оружия»[796].

Познакомившись с подобным текстом, даже неискушенный в вопросах международных отношений человек понимал: речь все еще ведется с позиции силы. Программа американского президента более напоминает ультиматум поверженному противнику, нежели конструктивный и равноправный диалог. И все же советское руководство, решившее любой ценой добиться разрядки, не только не отказалось от миролюбивого курса, но и продолжало подтверждать верность ему.

20 апреля, при вручении верительных грамот новым послом США в Москве Чарлзом Э. Боленом, Ворошилов многозначительно подчеркнул: «советская внешняя политика является политикой мира и зиждется на неукоснительном соблюдении договоров и соглашений, заключенных Советским Союзом с другими государствами»; выразил уверенность, что «все вопросы, требующие урегулирования между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик могут быть разрешены дружественным образом»[797].

22 апреля все советские газеты опубликовали принятые неделей раньше президиумом ЦК «Призывы к 1 мая». Первой в них шла традиционная, обязательная именно как начало, здравица в честь самого праздника трудящихся. Второе же место занимал призыв в формулировке Маленкова: «Нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных сторон».

1 мая, выступая с речью перед началом военного парада, то же положение повторил и Булганин: «Что касается внешней политики, то наше правительство, как известно из его официальных заявлений, считает, что при доброй воле и разумном подходе все международные разногласия могли бы быть разрешены мирным путем»[798].

Наконец, о твердой решимости кремлевского руководства придерживаться избранного курса несмотря ни на что, говорили и чисто пропагандистские меры.

25 апреля «Правда» на третьей полосе опубликовала полный, без каких-либо купюр, текст речи Эйзенхауэра. Пошла на это, не побоявшись откровенно антисоветских выпадов, содержавшихся в ней. В предпосланной же речи редакционной статье, а точнее официозном комментарии «К выступлению президента Эйзенхауэра», занявшем всю первую полосу, пункт за пунктом отвечала на все предложения и обвинения, содержавшиеся в ней. Сумела продемонстрировать советской общественности, да и не только ей, всю надуманность позиции главы американской администрации, предвзятость подходов, ложность оценок. Но завершалась статья «Правды» не сожалением о невозможности равноправного диалога, а обратным:

«Как известно, советские руководители свой призыв к мирному урегулированию международных проблем не связывают ни с какими предварительными требованиями к США или к другим странам, примкнувшим или не примкнувшим к англо-американскому блоку. Значит ли это, что у советской стороны нет никаких претензий? Конечно, не значит. Несмотря на это, советские руководители будут приветствовать любой шаг правительства США или правительства любой другой страны, если это будет направлено на дружественное урегулирование спорных вопросов. Это свидетельствует о готовности советской стороны к серьезному деловому обсуждению соответствующих проблем как путем прямых переговоров, так и, в необходимых случаях, в рамках ООН».

Своеобразным подведением первых итогов обмена мнений о возможности и путях достижения разрядки стало выступление Черчилля в палате общин 11 мая. В отличие от Эйзенхауэра, премьер Великобритании избегал пропагандистской риторики, выдвижения явно неприемлемых для СССР требований. В то же время сразу же обозначил рамки и темы возможных переговоров. Главным сделал заключение мира в Корее, оговорив при том, что «в данный момент я был бы весьма доволен даже перемирием или прекращением огня». На столь же реалистических позициях он остался и при оценке перспектив решения европейских проблем.

«Каким бы сильным ни было наше желание достигнуть дружественного урегулирования с Советской Россией, — твердо заявил Черчилль, — или даже лучшего модус вивенди, мы никоим образом не намерены отказаться от выполнения обязательств, которые мы взяли на себя по отношению к Западной Германии». Но вместе с тем продемонстрировал возможность компромисса даже и тут: «Я не верю, что серьезнейшая проблема совмещения безопасности России со свободой и безопасностью Западной Европы неразрешима».

Столь же прагматично подошел британский премьер и к самому поиску сближения с СССР. «Было бы ошибкой, — признал он, — пытаться сделать слишком подробные наметки и ожидать, что серьезные кардинальные вопросы, разобщающие коммунистическую и некоммунистическую части мира, могут быть урегулированы одним махом, при помощи одного всеобъемлющего мира… Не следует пренебрегать решением отдельных проблем по частям». «Я очень хочу, — добавил Черчилль, — чтобы ничто в изложении внешней политики держав НАТО не помешало и не лишило силы то, что, быть может, является глубоким изменением чувств русских. Мы все желаем, чтобы русский народ занял подобающее ему видное место в международных делах, не испытывая тревоги насчет своей безопасности». И как первый практический шаг для достижения общих целей, предложил созвать «без долгих отлагательств» «конференцию в самых высших сферах между ведущими державами»[799].

Несколько дней спустя столь неожиданное, но вместе с тем и многообещающее предложение Черчилля поддержали во Франции — в комиссии по иностранным делам Национального собрания.

Первая же реакция США последовала значительно позже, 21 мая. Эйзенхауэр, не без основания опасаясь усиления «бунта Европы» — сопротивления некоторых стран-участниц НАТО американскому плану вооружения ФРГ, высказал мнение, что в подобном вопросе торопиться нельзя. А для начала следует провести совещание лидеров лишь трех, западных держав, чтобы согласовать их позиции перед грядущей конференцией с советским руководителем.

Теперь становилось очевидным, что несмотря ни на что призыв СССР к переговорам, впервые — в декабре 1952 года — изложенный в воззвании и обращении Венского конгресса народов в защиту мира[800] медленно, но все же находит понимание и отклик. И его общая формулировка, позднее дословно повторенная Маленковым — «нет таких разногласий между государствами, которые не могли бы быть решены путем переговоров», и конкретные предложения — о прекращении войны в Корее, о встрече лидеров пяти великих держав, включая КНР. Потому-то, даже после весьма сдержанного заявления Эйзенхауэра, в «Правде» 24 мая опубликовали очередную обширную, на всю первую полосу, лишь по форме редакционную статью «К современному международному положению». Откровенно выражая взгляд Кремля, она по смыслу сводилась к одной четкой фразе: «Советский Союз всегда готов с полной серьезностью и добросовестностью рассмотреть любые предложения, направленные на обеспечение мира и возможно более широких экономических и культурных связей между государствами».

Это был однозначный ответ и на выступления Черчилля, Эйзенхауэра, и на любые решения трех лидеров, которым еще только предстояло собраться — в декабре, на Бермудских островах.

Тем временем без какой-либо задержки или промедления решался самый острый, самый болезненный для мирового сообщества вопрос — корейский. Еще 26 апреля в Паньмыньчжоне возобновились переговоры. Спустя всего месяц удалось максимально сблизить позиции обеих сторон, а потому уже 8 июня подписать соглашение об обмене военнопленными, и 27 июля — о перемирии.

Не дожидаясь саммита советское руководство начало форсировать разрешение и второй, столь же важной международной проблемы — германской. Ни в малейшей степени не отступая

от прежней, изначальной позиции — создать единую, демократическую, вооруженную, но нейтральную Германию, из которой тотчас после подписания мирного договора будут выведены все оккупационные войска, начали кардинально менять форму присутствия там СССР. 29 мая ликвидировало Советскую контрольную комиссию, а главнокомандующего избавили от необходимости заниматься гражданскими делами. Эти вопросы передали в ведение В. С. Семенова, должность которого отныне стала называться не политический советник СКК, а верховный комиссар. Чуть позже, 5 июня, аналогичные меры провели и в Австрии, где, правда, спустя всего неделю И. И. Ильичева, верховного комиссара, возвели в ранг посла[801]. Наконец, 26 июня СССР официально объявил о досрочном освобождении и возвращении на родину немецких военнопленных[802].

По мере проведения в жизнь новой внешнеполитической доктрины, Молотов чувствовал себя все более уверенным и потому в середине апреля начал восстанавливать свои позиции в МИДе. Немалую роль в том сыграл отъезд Вышинского в Нью-Йорк, где ему предстояло представлять СССР в ООН — главного соперника не приходилось больше опасаться. За две недели Вячеславу Михайловичу удалось добиться многого. Отправки Малика послом в Лондон, утверждения возвращенного в Москву Громыко первым заместителем министра, а так и не уехавшего в Пекин В. В. Кузнецова — вторым. Избавления от ставшего вдруг ненужным В. Н. Павлова, бывшего переводчика Сталина, которого «спихнул» главным редактором издательства на иностранных языках. Замены посла в Париже А. П. Павлова на С. А. Виноградова, побывавшего вместе с Вячеславом Михайловичем в опале. Назначения на ключевые посты в МИДе, заведующими отделами, хорошо знакомых ему по совместной работе прежде А. А. Соболева (страны Америки), Н. Т. Федоренко (страны Дальнего Востока), Г. М. Пушкина (сначала страны Среднего и Ближнего Востока, а вскоре — 3-й европейский отдел), Г. Т. Зайцева (страны Среднего и Ближнего Востока)[803].

Тем временем начали происходить, все настойчивее заявляя о себе, серьезные сдвиги в идеологии.

Начиная с 6 марта 1953 года все материалы отечественных средств массовой информации в той или иной степени посвящались Сталину. Сообщали о его состоянии, потом о смерти. И о его величайшем значении в жизни СССР, советского народа, прогрессивного человечества. Всего мира. Искренние слова любви к Сталину находили руководители коммунистических и рабочих партий — Берут и Готвальд, Ракоши и Грозу, Мао и Ким, иные. Проникновенно писали о покойном вожде Эренбург и Твардовский, Фадеев и Симонов, многие, очень многие другие.

В те же дни все кинотеатры страны чуть ли непрерывно демонстрировали хронику, свидетельствовавшую о всеобщей скорби. Показывали многотысячные колонны людей, шедших к Дому союзов, чтобы отдать последний долг Сталину. Показывали многотысячные митинги, состоявшиеся в момент похорон во всех городах и селах страны. Всякий раз запечатлевали неподдельное горе, слезы на глазах…

И вдруг, как по мановению волшебной палочки, все изменилось. С 19 марта ни газеты, ни журналы больше не писали о Сталине. Контраст оказался столь сильным, что в адрес ЦК пошел поток писем студентов и рабочих, пенсионеров и военнослужащих, коммунистов и беспартийных, требовавших объяснить им странную метаморфозу. Развеять их недоумение, даже обиду. Но ЦК молчало. Вернее, продолжало тихо, но активно действовать, отнюдь не разглашая своих мотивов, целей. Скрывало их даже от партократии. От тех, кто оказался в полной растерянности и вынужден был лишь догадываться — куда повеял ветер.

Одним из первых ощутил изменение ситуации А. Н. Шелепин. Тогда — лидер комсомола, а в будущем — глава КГБ. Торопясь «отметиться», он 26 марта предложил президиуму ЦК партии переименовать возглавляемый им союз молодежи. Ленинский — в ленинско-сталинский, ВЛКСМ — в ВЛСКСМ. А заодно и «Комсомольскую правду», назвав ее «Сталинской сменой»[804]. Но ответ на свою записку Шелепин не получил. Только потому, скорее всего, и

понял, что замена Н. А. Михайлова на посту секретаря ЦК по идеологии П. Н. Поспеловым далеко не формальная акция.

Четыре дня спустя с той же проблемой столкнулся руководитель ТАСС с 1944 года Н. Г. Пальгунов. Направил на утверждение Поспелову материал, который предполагалось разослать для публикации во всех газетах страны. Вроде бы безобидный, чисто «календарного» характера. Посвященный 50-летию создания Сталиным Кавказского союза РСДРП. На следующий же день получил странный ответ — распространение данной статьи нежелательно[805].

11 апреля в схожем положения оказался человек, весьма далекий от идеологических вопросов — министр финансов СССР А. Г. Зверев. В полном соответствии с существовавшими правилами он представил на утверждение президиума ЦК проект своего доклада о бюджете на 1953 год, который ему надлежало сделать на очередной сессий ВС СССР. Министр ожидал замечания по сути: по величине расходной и доходной частей, по распределению средств между министерствами. И получил их. Должен был решительно изменить сам принцип финансирования экономики. Большую часть денег снять с тяжелой индустрии, оборонной промышленности, направить их на сельское хозяйство, легкую промышленность[806]. А также должен был уяснить по замечаниям, что доклад придется переписать и по другой причине. В нем не следует больше цитировать Сталина, опираться на его «эпохальный» труд, увидевший свет менее года назад — «Экономические проблемы социализма в СССР».

Подобные вопросы в те мартовско-апрельские дни стали возникать на среднем уровне власти все чаще и чаще. Ситуация все настойчивее требовала определенности. Четких, ясных указаний. Для всех или хотя бы для узкого круга партфункционеров. И Маленков решился на крайнюю меру. Предложил созвать незамедлительно, в апреле, еще один внеочередной Пленум ЦК. На нем же обсудить самую важную, по его мнению, проблему — о культе личности Сталина.

Подготовил проект своего выступления. До предела краткий, практически тезисный, чтобы развернуть его в зависимости от хода дискуссии:

«Товарищи! По поручению президиума ЦК КПСС считаю необходимым остановиться на одном важном принципиальном вопросе, имеющем большое значение для дела дальнейшего укрепления и сплочения руководства нашей партии и советского государства.

Я имею в виду вопрос о неверном, немарксистском понимании роли личности в истории, которое, надо прямо сказать, получило весьма широкое распространение у нас и в результате которого проводится вредная пропаганда культа личности. Нечего доказывать, что такой культ не имеет ничего общего с марксизмом и сам по себе является ничем иным как эсеровщиной.

Сила нашей партии и залог правильного руководства, важнейшее условие дальнейшего движения вперед, дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи нашего государства состоит в коллективности и монолитности руководства».

Составил Маленков и проект итогового документа Пленума:

«Руководствуясь этими принципиальными соображениями, президиум ЦК КПСС выносит на рассмотрение Пленума ЦК КПСС следующий проект решения:

„Центральный Комитет КПСС считает, что в нашей печатной и устной пропаганде имеют место ненормальности, выражающиеся в том, что наши пропагандисты сбиваются на немарксистское понимание роли личности в истории, на пропаганду культа личности.

В связи с этим Центральный Комитет КПСС признает необходимым осудить и решительно покончить с немарксистскими, по существу эсеровскими тенденциями в нашей пропаганде, идущими по линии пропаганды культа личности и умаления значения и роли сплоченного, монолитного, единого коллективного руководства и правительства“».

Предполагал же Георгий Максимилианович закончить выступление следующими словами: «Можно с уверенностью сказать, что такая линия недопущения культа личности и последовательное проведение принципа коллективного руководства обеспечит еще большую крепость и сплочение нашей партии, нашего руководства и выполнение стоящих перед нами исторических задач».

Затем, видимо, под влиянием самой первой и явно далеко не благожелательной реакции кого-то из членов президиума ЦК, Маленков внес довольно двусмысленную коррективу в оба документа. Обосновал критику культа личности пока прямо не названного Сталина, хотя в том ни у кого не могло возникнуть и тени сомнения, ссылкой на… того же Сталина. Приписал в конце второго абзаца текста выступления: «Многие из присутствующих знают, что т. Сталин не раз в этом духе высказывался и решительно осуждал немарксистское, эсеровское понимание роли личности в истории». И чуть иначе сформулированную, но однозначную по смыслу фразу Георгий Максимилианович добавил к первому абзацу проекта постановления[807].

Вся сложность, даже деликатность акцентирования тогда, в апреле 1953 года, проблемы на имени Сталина ныне понятна. Слишком уж мало времени прошло с тех пор, как вождя славословили. Безудержно. Между двумя крайностями требовался люфт. Возможность для адаптации. Насторожить же должна была иная деталь обоих документов. Почему, говоря о культе личности, Маленков не обмолвился ни словом о массовых репрессиях 30-х годов. Однако такая интерпретация вопроса в те дни для высшего руководства не нуждалась в объяснении.

Зачем вспоминать о репрессиях, если с ними, во всяком случае с теми, которые непосредственно угрожали высшему эшелону власти, покончили в конце 1938 года. Да еще при прямом участии самого Маленкова, о чем очень многие знали. Помнили, что никто иной, как Георгий Максимилианович подготовил утвержденное Политбюро 20 сентября 1938 года постановление ЦК «Об учете, проверке и утверждении в ЦК ВКП(б) ответственных работников» наркомвнудела и других силовых наркоматов. Тот самый документ, который восстановил утраченный было контроль партии над НКВД. Позволил в значительной степени сменить его руководящие кадры начиная, разумеется, с самого Ежова. И вместе с тем неимоверно расширил права Маленкова и возглавляемого им отдела руководящих партийных органов. Передал в его ведение назначения на ответственные должности во всех без исключения союзных и республиканских наркоматах. Превратил, тем самым, Георгия Максимилиановича в некоего начальника отдела кадров страны.

Маленков был и в числе тех нескольких человек, кто задумал и подготовил еще более важное постановление, и позволившее восстановить стабильность в стране, внести в нее успокоение. Совместное, СНК СССР и ЦК ВКП(б), от 18 ноября 1938 года — «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». То самое, которое впервые официально признало гигантские масштабы, незаконность массовых репрессий, сфабрикованность многих «дел». Известно было узкому руководству и то, что Маленков явился одним из разработчиков еще одного совместного постановления. От 1 декабря 1938 года, «О порядке согласования арестов», позволившее наконец окончательно вывести из-под дамоклова меча всех членов правительства, партфункционеров в ранге секретаря обкома, крайкома и выше.

Скорее всего, Маленков и просто не хотел лишний раз напоминать обо всем том. Да и, наверное, опасался за результаты своих действий. Того, что на фоне реабилитации обвинявшихся по делам «кремлевских врачей», «мингрельскому», «грузинскому» лавры победителя увенчают в конце концов голову не его, а Берия. И что прямое упоминание о репрессиях неизбежно приведет к резкой конфронтации в президиуме ЦК, открытому противодействию остальных членов узкого руководства его инициативе из-за того, что все они в той или иной степени были причастны к «Большой чистке».

Возможно, заставило Маленкова не затрагивать вопрос о репрессиях и иное. Стремление прежде всего установить ответственность за возникновение культа личности в целом, и лишь

потом — виновность за его конкретные проявления. В том числе и за преступления 30-х годов. В пользу именно такого объяснения свидетельствуют взгляды Маленкова на саму партию, ее место и роль в жизни страны, общества, сформировавшиеся еще до войны.

Действовать же именно в апреле Маленков начал далеко не случайно. Можно с большой долей уверенности утверждать, что к тому подвигла его казалось бы благоприятно сложившаяся ситуация. Озабоченность остальных членов узкого руководства прежде всего укреплением собственного положения на вершине власти. Предлагая им пойти на созыв пленума и осуждение культа личности в предельно мягкой форме, Маленков рассчитывал на взаимность. Благожелательную реакцию в ответ на уступки со своей стороны, сделанные в ущерб себе. Берии — за прекращение дел «кремлевских врачей», и «мингрельского» и «грузинского», да еще оформленное как постановления президиума ЦК. Хрущеву — за согласие отдать в его руки руководство Секретариатом ЦК и, следовательно, всем партаппаратом. Им обоим — за молчаливое потворство открытому стремлению расшатать начавшую было складываться унитарность страны расширением прав союзных республик.

Расчет Маленкова, если он был таковым, не оправдался. Ему не позволили собрать пленум для осуждения культа личности. Кто именно — сегодня установить невозможно. Пока допустимо лишь предположение. Среди сторонников Маленкова почти наверняка находились П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин. Противниками же могли оказаться М. А. Суслов, Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев — все, либо большинство их.

Хотя предложение Маленкова и отвергли, но недостаточно решительно. И он смог продолжить «тихую», «ползучую» десталинизацию. 22 апреля «Правда» опубликовала традиционные, привычные, малозначащие для непосвященных «Призывы ЦК КПСС к 1 Мая». В общем, заурядный пропагандистский документ, в котором на сей раз содержалось нечто неожиданное для партфункционеров. Имя Сталина в нем вновь не упоминалось. А две недели спустя новая идеологическая линия обрела более явное выражение. В закрытом постановлении президиума ЦК от 9 мая, «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий…». Оно потребовало невероятного — полного отказа от использования во время праздников портретов. Чьих бы то ни было. И живых лидеров, и мертвых вождей. Два месяца спустя президиум, испугавшись содеянного, отменил это решение.

Глава двадцать девятая

Совершенно иначе, поначалу келейно, незаметно постороннему взгляду, Маленков готовил осуществление второй составляющей своего экономического плана — переориентацию производства с военной на мирную продукцию.

О предстоящей конверсии, ее масштабах до середины лета практически не знал никто, не связанный с предварительными расчетами по отраслям и заводам, сведением их в народнохозяйственный план и бюджет. Вызывалась такая скрытность, отсутствие даже намека в сообщениях радио и газет, в выступлениях «ответственных товарищей» отнюдь не традиционным стремлением соблюсти тайну вообще, боязнью раньше времени поведать о том, что еще только предстояло конкретно сделать, а иным.

При решении не внешнеполитической, а сугубо экономической проблемы у Маленкова союзников в узком руководстве быть не могло. Ни Берия, ни Булганин не желали, не могли допустить умаления роли оборонной промышленности, уже включавшей ядерную и ракетную, сокращения всегда неограниченных ассигнований на вооружение и армию. Их откровенно поддерживал и Зверев, представивший 11 апреля второй вариант бюджета, в котором только открытые военные расходы составляли 24,8 %[808].

Сохранение гонки вооружения даже в таких размерах на деле могло означать лишь одно — сознательный отказ от завершения восстановления народного хозяйства, давно назревшей модернизации как в текущей, так и в следующей пятилетках. А ведь приходилось учитывать

еще и иные, секретные статьи бюджета. Неизбежные расходы на содержание внутренних и пограничных войск, по программам создания водородной бомбы, баллистических ракет Р-5 и Р-11, что составляло также около трети всех годовых ассигнований. Столь явно непосильное для страны бремя неуклонно приближало если не полный крах, то, по меньшей мере, длительную отсрочку надежд народа на улучшение жизни.

И все же при сохранявшейся открытой конфронтации двух блоков нечего было и думать о поддержке или просто одобрении со стороны президиума и пленума ЦК смены курса внутренней политики, реформ и конверсии. Узкому руководству — людям, страдающим синдромом 41 года, пораженным острой ксенофобией, выражавшейся в вульгарной трактовке борьбы социализма и капитализма, прежде всего следовало предъявить неоспоримые свидетельства разрядки. Например, мир в Корее. Доказать, что она приобрела необратимый ход. И только потом заводить разговор о сокращении военных расходов.

Потому-то Маленкову и пришлось поначалу применить не отличавшуюся оригинальностью, старую, не раз испытайную в кулуарах Кремля тактику. Внешне выглядевшую как очередная, тривиальная реорганизация системы управления. В действительности означавшую децентрализацию военно-промышленного комплекса.

Еще в первой половине марта Маленков, настояв на ликвидации отраслевых бюро при Совмине, сумел разделить контроль над ВПК между «ястребом» Берия и «голубями» Первухиным, Сабуровым, Малышевым, а также пока не игравшем самостоятельной роли Д. Ф. Устиновым. Следующим шагом на пути перехода к конверсии стало постановление Совета Министров СССР «О расширении прав министров СССР», принятое 11 апреля. С необходимостью его подготовки члены узкого руководства согласились на мартовском пленуме скорее всего потому, что полагали — оно распространится и на них самих, и на возглавляемые ими ведомства. Однако это постановление, ставшее как и многие ему подобные нормативные акты, закрытым, не подлежащим огласке, оказалось весьма ограниченным по применению. Наделило значительной самостоятельностью далеко не всех министров СССР, а только тех, кто непосредственно руководил промышленностью, строительством, транспортом. Иными словами, прежде всего Сабурова, Малышева, Первухина, Устинова, немногих иных. Именно их освобождало от необходимости согласовывать или утверждать значительный круг повседневных вопросов на самом высшем уровне: в президиуме Совета Министров, то есть у Берия, Молотова, Булганина, Кагановича; в ЦК — у Хрущева через соответствующие отделы, занимавшиеся не только кадрами, но и контролем за выполнением предприятиями производственных планов.

Постановление от 11 апреля предоставило министрам СССР право: 1. утверждать структуру и штаты административно-управленческого аппарата как самих министерств, так и подведомственных предприятий и строек; 2. изменять ставки зарплаты и тарифные сетки, вводить в необходимых случаях прогрессивную или повременно-премиальную системы оплаты труда, переводить предприятия в более высокую по оплате группу; 3. утверждать или изменять проектные задания, сметно-финансовые расчеты, капиталовложения по отдельным стройкам, годовые планы ввода в действие или ремонта оборудования; 4. перераспределять между предприятиями свободные оборотные средства или их излишки, изменять годовые ассигнования, переводить кредиты из статьи в статью; 5. изменять номенклатуру продукции.

И все же, если бы постановление ограничивалось только такими вопросами, оно ни в малейшей степени не изменило бы обветшалую, давно изжившую себя систему управления народным хозяйством. Ту систему, которая сложилась в годы первой пятилетки и поначалу годилась для руководства отраслями, имевшими по два-три завода или комбината, пять-шесть строек. Сохранись без каких-либо изменений самое существенное — решение всех без исключения вопросов не там, где они возникали, а только в центре, в Москве, хотя и на относительно более низком уровне, постановление на деле реанимировало бы консервативно-бюрократический механизм, приобретавший все более деструктивный характер. Более того,

усилило бы и без того полную зависимость предприятий от далеко не бесспорных знаний, опыта полутора десятка министров. Усугубило бы порочный стиль руководства, вот уже четверть века сводившийся к одному: «План любой ценой! И непременно досрочно!»

К счастью, так не произошло. Постановление от 11 апреля содержало и такие пункты, которые наделяли некоторыми правами и директорский корпус. Разрешали ему то, что прежде не просто запрещалось, а преследовалось в уголовном порядке: продавать, покупать или безвозмездно передавать, получать излишки нефондированных материалов, демонтированное оборудование, сами фонды[809]. Даже такое, казалось незначительное, послабление, как вскоре показала жизнь, развязало хозяйственникам руки, должно было рано или поздно подорвать основы старой управленческой системы. Вселяло надежду, что на этом реформы не ограничатся. Завершатся тогда, когда основой государственной экономической структуры станут не министерства и главки, а предприятия либо тресты.

Подтверждением таких оптимистических прогнозов выглядела и начавшаяся в мае новая перестройка всего два месяца назад реорганизованных министерств. На этот раз требовалось упростить организацию их центральных аппаратов и весьма значительно сократить штаты — от 12 % в Минфине до 41 % в мингосконтроле[810]. Свидетельством кардинальных перемен стали и реформы в республиках. Еще в конце марта укрупнение министерств началось в Азербайджане. С 4 мая оно распространилось на Казахстан, РСФСР, Украину, Киргизию, Латвию, а завершилось к середине июня.

Одновременно, с 22 апреля по 28 мая, в небольших по территории Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Татарии и Башкирии ликвидировали областное деление, введенное два года назад.

Реформа, нараставшая с каждым месяцем как снежный ком, начала все более отчетливо приобретать черты целенаправленной борьбы с бюрократией. Уже на своем первом, начальном этапе она позволила высвободить из управленческих структур более ста тысяч человек, основную часть которых предполагалось направить на производство — на заводы, фабрики, стройки, в совхозы и колхозы. Нанесла она ощутимый удар и по положению, престижу чиновников. Ведь большинство их понизили в должности, а вместе с тем и лишили огромных зарплат, различного рода привилегий. Телефонов правительственной связи («вертушек»), персональных машин, специальных поликлиник и «столовых» (в которых они покупали дефицитные продукты самого высокого качества по якобы себестоимости, то есть чуть ли не задаром). Наконец, негласного весьма существенного дополнения к зарплате — временного денежного довольствия или, в просторечии, «конверта».

Особенно ощутимым оказалась потеря «конверта». Вчерашние республиканские министры, даже став замминистрами, что случалось крайне редко, ежемесячно теряли свыше двух тысяч рублей. Гораздо чаще им подыскивали должности начальников главков, из-за чего их доходы снижались с пяти с половиной тысяч рублей до тысячи семисот.

Но тут же, не без оснований опасаясь преждевременно восстановить против себя весь слишком сильный в своей массе бюрократический аппарат, Маленков совершил обходной маневр. Попытался расслоить чиновников, перетянуть на свою сторону тех, на кого ему неизбежно пришлось бы опираться в дальнейшем.

Строго секретными постановлениями Совета Министров СССР от 26 мая и 13 июня были значительно повышены размеры «конвертов», однако далеко не для всех должностей. Только руководителям союзных министерств и областных, городских, районных исполкомов. Теперь их ежемесячные доходы складывались следующим образом. У министра — пять тысяч рублей зарплаты и девять тысяч рублей «конверт», у замминистра — четыре и пять тысяч, у членов коллегии — три и три тысячи, у начальника главка — три и две с половиной тысячи; у председателя облисполкома — четыре и пять тысяч, у зампреда — тысяча шестьсот и пять тысяч, у заведующего отделом или группой — тысяча четыреста и две с половиной тысячи; у

председателя горисполкома административного центра области — тысяча девятьсот и две с половиной тысячи; у председателя райисполкома — тысяча восемьсот и две тысячи сто рублей[811].

Оценить реальную величину такого жалования позволяет простое сравнение. В 1953 году средняя месячная зарплата рабочего составляла 928 рублей, служащего — 652 рубля, инженера — 1230 рублей, работника министерства — 1100 рублей.

…Повышение персональных ставок только двум группам бюрократии впервые прояснило отношение Маленкова к республиканским правительствам и их министерствам, оценку их как излишних, надуманных для структуры управления экономикой. Продемонстрировало и иное, менее заметное, но весьма определенное. Что Маленков, без сомнения, стремится, хотя и весьма сложным путем, постепенно добиться ликвидации существовавшей лишь в Конституции призрачной суверенности союзных республик. Отрицательно относится к их необычайно возросшим за последние годы, особенно после вступления в ООН БССР и УССР, претензиям на большую самостоятельность. Словом, Георгий Максимилианович является поборником унитарного государства не только по сути, но и по форме. Выступает, хотя и скрытно, против сталинского решения национального вопроса, единственным воплощением которого стало административное деление СССР.

Вместе с тем, постановления об изменении персональных ставок нанесли ощутимый удар и по КПСС. По ее престижу, по традиционному представлению о ее месте и роли в жизни общества, страны.

До 25 мая «конверты» позволяли приводить государственный и партийный аппараты в строгое соответствие, создавая прочную двуединую иерархическую структуру. На союзном уровне делали равнозначными должности замминистра и завотделом ЦК КПСС, начальника главка министерства и завсектором. На республиканском — председателя совета министров и первого секретаря ЦК компартии, министра и завотделом местного ЦК, замминистра и замзавотделом ЦК. На областном — председателя облисполкома и первого секретаря обкома. С 26 мая вся эта система, устоявшееся равновесие рухнуло. Партийные работники, если определять их имидж ежемесячным жалованием, вдруг оказались на порядок, а то и два, ниже работников исполнительных структур[812].

Столь вопиющая с их точки зрения несправедливость заставила сплотиться с не менее обиженными, обойденными членами республиканских правительств. Дружно, единым фронтом выступить в защиту своих сугубо личных материальных интересов, направляя в ЦК КПСС, на имя Хрущева, жалостливые просьбы о повышении и для них «конвертов», а заодно и о возвращении пониженным в должностях утраченных привилегий[813].

Три месяца Шаталину удавалось сдерживать неуемную алчность парт- и госаппаратчиков. Отклонять, но только благодаря твердой поддержке Маленкова, все подобные претензии. Объявлять их безосновательными.

…Берия, подобно остальным членам узкого руководства, получив укрупненное министерство, поначалу занимался исключительно кадровыми вопросами. Как и все, делал это не столько из-за реальных нужд реорганизации, сколько из-за вполне оправданного стремления окружить себя теми, на кого мог бы положиться в случае необходимости.

Еще 4 марта, только что вступив — неофициально — в должность, Лаврентий Павлович произвел перестановку в высшем звене руководства нового МВД. Провел через бюро президиума ЦК утверждение своими первыми заместителями С. Н. Круглова, с декабря 1945 года министра внутренних дел СССР; И. А. Серова, в последние годы — заместителя Круглова, Б. 3. Кобулова, отозванного из Берлина, где тот служил заместителем начальника Советской контрольной комиссии, и заместителем — И. И. Масленникова, по войскам МВД.

Две недели спустя Берия утвердил и руководителей основных структурных подразделений министерства. Начальником Первого главного управления (внешняя разведка) — П. В.

Федотова, продолжительное время фактически возглавлявшего Комитет информации при МИД СССР; Второго (контрразведка) — В. С. Рясного; Третьего (военная контрразведка) — С. А. Гоглидзе; Четвертого (идеологический контроль) — Н. С. Сазыкина; следственной части по особо важным делам — Л. Е. Влодзимирского; управления правительственной охраны — С. Ф. Кузьмичева; контрольной инспекции — Л. Ф. Райхмана. В этой же группе оказались и пониженные в должности бывшие заместители министра МГБ: Б. П. Обручников, назначенный начальником управления кадров, и Н. П. Стаханов, возглавивший Главное управление милицией.

Представляя кандидатов на высокие должности, Берия бравировал тем, что двое из них, Кузьмичев и Райхман, чуть ли не накануне были освобождены из тюрьмы, где провели два года как соучастники Абакумова. Однако столь же вызывающим выглядело и отстранение ближайших сподвижников Абакумова — Л. Ф. Цанавы, и Игнатьева — А. А. Епишева. Демонстрировало, тем самым, беспристрастную оценку подчиненных, вне зависимости от отношения к ним обоим предшественников Лаврентия Павловича.

Затем Берия провел реорганизацию вверенного его попечению ведомства. 15 марта по его предложению Совмин утвердил включение в структуру нового МВД ранее самостоятельных учреждений — Главного управления геодезии и картографии, Управления уполномоченного по охране государственной и военной тайн в печати (Главлит или, попросту, цензура)[814]. Одновременно, как бы стремясь не допустить разрастания МВД, в министерство юстиции передал ГУЛАГ, а в промышленные и строительные — 18 гигантских хозяйственных управлений, применявших принудительный труд, в том числе Дальстрой, Спецстрой, Главспецнефтестрой, Гидропроект[815].

Тем самым Берия полностью избавлялся от того, чем занималось старое МВД, снимал с себя тяжкую и ненужную ему заботу, ответственность за выполнение планов по заготовке древесины, добычи угля и руды, сдаче в срок промышленных объектов, проектированию грандиозных каналов.

И все же завершить решение неотложных, хотя и рутинных проблем, Лаврентию Павловичу удалось лишь 19 марта. Тогда, когда по его представлению секретариат утвердил, а вернее переутвердил в должностях министрами внутренних дел союзных республик (кроме РСФСР, где такого поста не было) прежних министров госбезопасности, а начальниками управлений МВД по автономным республикам, краям и областям РСФСР — соответствующих начальников управлений МГБ. Оставил практически без изменений сложившееся при Игнатьеве руководство местными органами, сделав только четыре исключения. Назначил, с согласия Хрущева, председательствовавшего на секретариате, министрами на Украину — П. Я. Мешика, бывшего заместителя начальника Первого главного управления при Совете министров СССР, и в Грузию — В. А. Какучая; начальниками управлений по Московской области — П. П. Макарова и по Ленинградской — Н. К. Богданова[816].

Теперь у Берия появилась, наконец, возможность сосредоточиться на главном. На борьбе за власть и, вместе с тем, на проведении, хоть и исподволь, собственной политической линии.

Практикуя начатое в марте прекращение дел и освобождение бывших сотрудников МГБ, сопровождая такие действия полной реабилитацией вчерашних заключенных и возвращение им прежних чинов и званий, Берия действовал выборочно, явно с далеко идущими планами. Дал свободу и должности на Лубянке Н. А. Эйтингону, Л. Ф. Райхману, Н. Н. Селивановскому, С. Ф. Кузьмичеву, М. И. Белкину, некоторым иным. Только тем, кого достаточно хорошо знал по совместной работе, на чью полную и безоговорочную поддержку мог смело рассчитывать. Однако оставил в Лефортовской тюрьме Абакумова, Власика, а 16 марта отправил туда же и М. Д. Рюмина[817]. Того самого, кто способствовал летом 1951 года падению казалось всесильного Абакумова, признававшего над собой лишь Сталина. Рюмина, который явился, хотя и не по своей воле, инициатором создания «дела» врачей Лечсанупра Кремля. Вознесенного за то в конце 1951 года на должность заместителя министра МГБ СССР, и всего

год спустя, когда он стал ненужным, отправленного в министерство госконтроля старшим контролером.

Три столь необычных, важных заключенных, слишком много знавших о закулисных интригах, участвовавших в них далеко не на второстепенных ролях, позволяли Берия добиться многого. И прежде всего — восстановить свое доброе имя, снять тяготевшие над ним подозрения в причастности к «делу» врачей, один из которых, Я. Г. Этингер, был лично связан с ним, а также и к «мингрельскому делу». Однако приступил к этому Лаврентий Павлович издалека.

2 апреля направил Маленкову записку, где обвинил С. И. Огольцова, в прошлом заместителя Абакумова, и Л. Ф. Цанаву, сразу после войны — министра госбезопасности Белоруссии, в предумышленном убийстве известного режиссера и актера Михоэлса. Просил согласия на арест и привлечение к уголовной ответственности виновных. И в тот же день внес на рассмотрение президиума ЦК еще один, аналогичный вопрос, основанный на этот раз не на повторном расследовании, а на «признании» Рюмина. Тот после допроса на Лубянке сообщил: «дело» 28 врачей — сотрудников и консультантов Лечсанупра Кремля, 9 членов их семей, русских, евреев и украинцев, обвиненных именно им во вредительстве, шпионаже и террористических действиях, полностью сфальсифицировано. Создано искусственно, на основе явно ложных, целиком надуманных фактов, самооговоров[818].

3 апреля президиуму ЦК, достаточно хорошо знакомому с методами работы МГБ, пришлось утвердить проект постановления о прекращении «дела врачей», освобождении и реабилитации привлеченных к следствию по нему. Но удалось обойти и непреложное в таких случаях — указание, что отменяются прежние решения по данному вопросу, принятые им же 4 декабря 1932 года и 9 января 1953 года[819].

Узкое руководство согласилось принять правила игры, предложенные Берия, по которым козлом отпущения делали только Рюмина, и объявленного главным виновником беззакония. С Игнатьевым же, как министром, отвечающим за все действия подчиненных, поступили на редкость мягко, ибо он был своим. Третий пункт того же постановления потребовал от него всего лишь «объяснения о допущенных министерством государственной безопасности грубейших нарушений советских законов и фальсификации следственных материалов»[820]. Правда, в тот же день, не дожидаясь ни оправданий, ни признаний вины, другим решением освободили его от обязанностей секретаря ЦК[821].

Добившись от соратников именно такого постановления, Берия сумел одновременно достичь двух целей. Окончательно освободиться даже от весьма призрачного, чисто номинального контроля со стороны основного соперника, Маленкова, действовавшего с помощью Игнатьева. И вместе с тем, предстать перед изумленной общественностью поборником справедливости, защитником безвинно страждущих. Да еще придать одиозному министерству достойный, привлекательный вид.

Последнее удалось сделать благодаря ловкому, ранее не применявшемуся ходу. Решения президиума ЦК опубликовали с разбивкой на три как бы самостоятельные части. Первой из них стало помещенное во всех газетах страны, неоднократно передававшееся по радио 4 апреля «Сообщение министерства внутренних дел СССР» о прекращении «дела» врачей, об освобождении арестованных и их реабилитации. Второй — редакционная статья «Правды» за 6 апреля (на следующий день ее перепечатало большинство газет) «Советская социалистическая законность неприкосновенна». В ней в частности и сообщалось, что «честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс» «был оклеветан». Отмечалось, что ответственность как за это преступление, так и за «дело» врачей возлагалась на «ныне арестованного» Рюмина, поступавшего «как скрытый враг нашего государства, нашего народа». В вину же Игнатьева вменялось лишь то, что он «проявил политическую слепоту и ротозейство», почему и «оказался на поводу» у «преступного авантюриста» Рюмина. Третьей частью хорошо рассчитанной пропагандистской кампании стала скромная, на вторых

полосах и потому не бросавшаяся в глаза, информация «В Центральном Комитете КПСС», которая и уведомляла всех о том, что Игнатьев выведен из секретариата. Эта новость появилась 7 апреля.

Развивая инициативу и потому сохраняя за собой управление ситуацией, 10 апреля Берия добился от президиума ЦК утверждения еще одного постановления, в котором также был весьма заинтересован. На этот раз — об отмене двух партийных решений по так называемым «мингрельскому» и «грузинскому» делам[822]. Но так как данная проблема носила региональный, весьма ограниченный характер, то очередное реабилитационное постановление ЦК не стали публиковать в центральной прессе. Ограничились оглашением его только на закрытых партсобраниях исключительно в Грузии. Для Берия и того оказалось вполне достаточным.

Именно с этого момента члены лидерской группы осознали, что они полностью обелили Берия, сняли с него все существовавшие подозрения, но оставили за ним возможность обвинить теперь уже их во всех смертных грехах. Поняли, что Абакумов и Рюмин в руках Лаврентия Павловича стали дамокловым мечом, который мог обрушиться в любую минуту на каждого из них. Представляли постоянную, непредсказуемую опасность новых разоблачений и обвинений с соответствующими «оргвыводами». В лучшем случае, как это произошло с Игнатьевым, просто отстранением от власти. В худшем… заставящими вспомнить ужасы 37-го года.

Но пока самое страшное крылось в ином. В том, что Берия не торопился пускать в ход то оружие, которое получил благодаря бесконтрольному руководству МВД. Даже не намекал, кто может стать следующей жертвой. Выжидал. Более того, вдруг поступил так, будто хотел опровергнуть представление о себе как о злопамятном и безжалостном сопернике в борьбе за власть.

Два месяца спустя, 26 мая, неожиданно проявил трогательное дружеское участие к Маленкову, заботу и о его добром имени. Направил ему записку о том, что давнее «дело» бывших министра авиапрома А. И. Шахурина, командующего ВВС маршала А. А. Новикова, заведующих отделами ЦК А. В. Будникова и Г. М. Григорьяна, осужденных в 1946 году, является еще одной фальшивкой все того же Абакумова. Следовательно, необоснованной оказывалась и кратковременная опала в связи с этим «делом» Георгия Максимилиановича. Непродолжительный вывод его, куратора авиационной промышленности, из Секретариата ЦК[823].

Теперь уже Маленков, лично заинтересованный в восстановлении попранной справедливости, сделал все, чтобы ускорить реабилитацию очередных жертв произвола. 29 мая военная коллегия Верховного суда СССР прекратила «дело» Шахурина и других за отсутствием состава преступления. 12 июня президиум ЦК, в свою очередь, отменил соответствующее решение политбюро от 16 мая 1946 года[824].

Столь наглядно доказав соперникам, что они полностью зависят от него, ибо теперь никто иной, как он, Берия, является судьей их прошлых деяний, Лаврентий Павлович не стал ускорять развитие событий. Более важным для себя в мае-июне посчитал иное. То, что должно было сделать его совершенно неуязвимым. Поставить в исключительное положение, предопределить признаваемое всеми его бесспорное единоличное лидерство, а, следовательно, и право определять внешнюю и внутреннюю политику. Сосредоточил все внимание на создании ракетно-ядерного щита страны. На том, что происходило на двух сверхсекретных полигонах — под Сталинградом, в Капустиной Яру, и под Семипалатинском, о чем в мельчайших деталях, самых незначительных подробностях знал только он.

На первом полигоне завершались окончательные перед принятием на вооружение испытания ракеты ПВО 10-Х, созданной конструкторским бюро В. Н. Челомея. Продолжались с переменным успехом — баллистических ракет стратегического назначения Р-5 и Р-11,

продукции другого конструкторского бюро, С. П. Королева. На втором полигоне шли приготовления к первому взрыву водородной бомбы, самого страшного, разрушительного и поныне оружия. Осуществление обоих проектов не только делало СССР неуязвимым, как тогда полагали все военные и большинство политиков, но и позволяло стране вернуть былое положение сверхдержавы. Вновь говорить с США на равных, а может быть и с позиции силы.

Именно такой ключ к решению всех международных вопросов должен был сделать Молотова, откровенного сторонника жесткого курса, безоговорочным союзником Берия. Превратить Булганина, становившегося самым грозным военным министром обороны в мире, в послушного сателлита Лаврентия Павловича. Привлечь на свою сторону двух из пяти членов узкого руководства, не претендовавших на лидерство. Только двух из пяти. И потому, чтобы действовать наверняка, требовался по меньшей мере голос еще одного. Разумеется, не Кагановича, и не Микояна, не имевших за собою ничего помимо прошлого. Нужен был голос Хрущева, ибо он мог обеспечить поддержку и 125-тысячной армии партийных функционеров и мощной, всеохватывающей пропагандистской машины.

…Хрущев, введенный в четверку лидеров, поначалу вел себя незаметно. Должен был ощущать всю непрочность своего положения — всего лишь одного из шести секретарей ЦК, хотя и ставшего ответственным за текущую, повседневную работу партийного аппарата. Возможно, в те дни Хрущев еще страшился, казалось, неминуемой ответственности за трагедию, происшедшую в ночь на 7 марта на Трубной площади в Москве. Ведь никто иной, как он, и только он один — председатель комиссии по организации похорон Сталина, обязан был сделать все возможное, чтобы избежать, не допустить бессмысленных жертв чудовищной давки…

Почувствовать себя увереннее Никита Сергеевич смог лишь после пленума, когда вполне законно стал председательствующим на заседаниях секретариата. Но даже и тогда продолжал уклоняться от поддержки даже косвенно одного из двух претендентов на полную, ни с кем не разделяемую власть. Избегал он и высказывать свои взгляды по внешней политике страны, о дальнейших путях экономического развития СССР. Скорее всего, еще не чувствовал себя достаточно сильным даже для этого. Чтобы завоевать право на выражение собственного мнения ему, известному только в Москве да на Украине, для начала следовало укрепить влияние в партии, благо для того представилась великолепная возможность.

Резкое сокращение числа секретарей — с десяти в октябре 1952 года до четырех спустя всего пять месяцев, нарушило привычную практику «наблюдения» ими за работой 17 отделов ЦК. Необычайно усилило роль секретарей, получивших в свое распоряжение как исполнителей уже не по одному-два, а по четыре-пять отделов. Значимость же последних соответственно понизилась, хотя они и оставались «приводными ремнями» ЦК и, в то же время, каналом обратной связи, последней инстанцией жаловавшихся, советовавших, размышлявших партийных организаций, отдельных членов партии. Для Хрущева, весьма искушенного в «аппаратных играх», такое положение не могло оставаться тайной. Предоставляло возможность выбора.

В самом секретариате царила зыбкость, неустойчивость, отражавшие нараставшую борьбу между членами президиума ЦК. В таких условиях опереться на кого-либо из секретарей означало одно: безоговорочно встать на сторону либо Маленкова, либо Берия. Выиграть многое или все проиграть. Опора на отделы сулила иное — практически стопроцентную возможность вскоре, кто бы ни взял верх, подчинить своей воле, встать во главе многотысячного партийного аппарата.

Как неоспоримо свидетельствуют факты, Никита Сергеевич избрал второй вариант.

Он не стал вдаваться в запутанные, сложные дела международных связей КПСС, знакомиться с положением в зарубежных коммунистических и рабочих партиях, оценивать их подлинную ориентацию, отношение к Советскому Союзу. Оставил все это на усмотрение

Суслова. Не заинтересовался и начатой Поспеловым уже в середине марта кампанией по десталинизации, поначалу весьма незаметной и потому казавшейся слабой, незначительной. Как и прежде, не обращал внимание на поддержку тем же Поспеловым «оттепели» в литературе и искусстве, ширившейся с каждым днем, завоевывавшей новые и новые позиции.

Все свое внимание, весь накопленный за четверть века опыт отдал малозначительной, на первый взгляд, проблеме. Реорганизации небольшой части аппарата ЦК, обосновав ее отнюдь не собственной позицией, а общей, господствовавшей тенденцией по упрощению и сокращению управленческих структур.

Уже 17 марта, на первом после смерти Сталина заседании секретариата, помог Суслову преобразовать комиссию по связям с зарубежными компартиями в стандартный отдел. Передав его, разумеется, «под наблюдение» тому же Михаилу Андреевичу[825]. 25 марта провел слияние четырех отделов — художественной литературы и искусства, науки и вузов, философских и правовых наук, экономических и исторических наук — в один, науки и культуры, отдав свой решающий голос за утверждение его заведующим хорошо знакомого ему по партийной работе на Украине экономиста А. М. Румянцева. При этом проявил и всю свою искушенность царедворца. В. С. Кружкова, ставшего бывшим заведующим отделом художественной литературы и искусства, не сократил, как, скажем, Ю. А. Жданова, не понизил в должности. Наоборот, передвинул на более важный в партийной иерархии отдел — пропаганды и агитации[826]. Дал тот пост, который с войны последовательно занимали Г. Ф. Александров, Д. Т. Шепилов, Суслов, а после XIX съезда — Н. А. Михайлов.

Не отказался Хрущев от нейтралитета и в последующие дни. 8 апреля, сразу же после вывода Игнатьева из секретариата, где он ни разу так и не появился, административный отдел, занимавшийся подбором кадров для силовых министерств, в том числе и для МВД, был слит с… отделом планово-финансовых органов. Но решая вопрос о заведующем для него, Никита Сергеевич сделал все возможное, чтобы его не заподозрили в переходе на сторону Берия. Утвердил в новой должности А. Л. Дедова[827], человека, рекомендованного Н. Н. Шаталиным и, значит, близкого к Маленкову.

Лишь 16 апреля, после реабилитационной акции Берия, Хрущев совершил поступок, и раскрывший его ориентацию. Поддержал предложение о ликвидации одного из ключевых структурных подразделений ЦК, фактически стоявшего над всеми остальными — отдела по подбору и расстановке кадров, за работой которого отнюдь не формально «наблюдал» Шаталин. В тот же день провел и иные решения, столь же значимые в «аппаратных играх». Утверждение Е. И. Громова, с октября 1952 года руководившего вторым по важности для функционирования КПСС отдела — партийных, профсоюзных и комсомольских органов (впоследствии переименованного в организационный), в должности заведующего этим же отделом. А заодно перевел этот отдел под свой прямой контроль. И помог Суслову в третий по счету раз лично возглавить отдел по связям с зарубежными компартиями, освободив для того прежнего заведующего, В. Г. Григорьяна и отправив его на работу в МИД[828].

Столь решительные меры Хрущева, однозначно свидетельствовавшие о его переходе в лагерь Берия, можно объяснить, прежде всего, опасением услышать новые «признания» Абакумова, только теперь — о себе. О своей далеко не благовидной роли при попытках в 1944–1949 годах ликвидировать широкое тогда сепаратистское вооруженное подполье — оуновцев, Украинскую повстанческую армию. Об откровенно волюнтаристских, весьма далеких от элементарного профессионализма, а потому и заранее обреченных на провал, «руководящих указаниях» местным подразделениям МГБ, некомпетентном вмешательстве в их действие. Не желал Никита Сергеевич и того, чтобы вспомнили, предали гласности его роль инициатора подготовки печально известного указа Верховного Совета СССР, в соответствии с которым всех украинских, а потом и прибалтийских крестьян, отказывавшихся вступать в колхозы, депортировали на Восток или приговаривали к ссылке в Сибирь.

Но было и другое, что сблизило Хрущева с Берия той весною. То, что не могло пройти бесследно, должно было рано или поздно напомнить о себе. Оба они имели за плечами продолжительную работу первыми секретарями республиканских парторганизаций. Лаврентий Павлович — грузинской с 1931 и закавказской с 1932 года, Никита Сергеевич — с 1938 года украинской. Являлись всесильными в глазах населения, но на деле во всем зависели от воли ПБ ЦК ВКП(б). Без согласия последнего не могли даже утвердить «избрание» областного бюро, а уж тем более — секретаря обкома. Не могли, не имели права вмешиваться в работу промышленных предприятий и занимались, в основном, лишь погонянием председателей колхозов. Обязаны были присматривать за всем, что происходит на порученной их попечению территории, и обо всем докладывать в Москву. Ожидать оттуда директивных указаний.

Отсюда и их комплекс неполноценности, давнее, затаенное до поры до времени стремление компенсировать его. Сделать все возможное, чтобы изменить такое положение. Воплотить слово, записанное в Конституции, в дело. То, на которое только намекал 9 марта Берия в речи на похоронах Сталина.

Формальным предлогом для очередного наступления Берия избрал положение на западных землях Белоруссии, Украины, в Прибалтике. Там, где во время войны сформировались отряды националистов, поначалу сотрудничавшие с оккупантами в надежде получить от них «независимость» и власть. После же освобождения те сепаратисты, кому не удалось сбежать с отступавшими немецкими армиями, ушли в глубокое подполье и перешли к террору. Убивали коммунистов, советских работников, активистов колхозного движения. И уповали на скорую, как им внушали западные радиопередачи, войну США, западных стран против СССР.

Все попытки ликвидировать вооруженные отряды, скрывавшиеся в лесах, на отдаленных хуторах, долгое время Абакумову не удавались. Действия же местных властей, и прежде всего первых секретарей — Н. Г. Каротамма, а с 1950 года И. Г. Кэбина в Эстонии, Я. Э. Калнберзиня в Латвии, А. Ю. Снечкуса в Литве, Н. С. Хрущева на Украине, лишь осложняли, усугубляли положение. Проводившиеся по их инициативе или с их санкции массовые выселения антисоветски настроенных крестьян и служащих приводили к обратному эффекту. Способствовали сохранению духа сепаратизма, усиливали антирусские настроения у всего населения региона.

Только изменение в 1951 году тактики борьбы с террористами — отказ от чисто военных действий и показательных экзекуций, а также прекращение форсированной коллективизации, не подкрепляемой механизацией сельского хозяйства, привели сначала к заметным сдвигам, а вскоре и к полному успеху Москвы в необъявленной гражданской войне.

В конце мая 1952 года координатор ОУН на Западной Украине Василий Кук по кличке «Лемиш» так отчитывался своему руководителю, Василию Охримовичу:

«Положение в организации в целом катастрофическое. Подольский край не существует. Край ПЗУЗ („полнично-захидни украински земли" — северо-западные украинские земли. — *Ю. Ж.*) и Львовский — на грани гибели. Имеются там еще отдельные группы, но без связи. Руководящие кадры ликвидированы. Те, что есть, почти никакой сугубо организационной работы не проводят. Вся их работа заключается в самообеспечении себя и сохранении на лучшие времена…Из того, что мне известно о Карпатском крае, то там положение ненамного лучше. В общем, с нашим подпольем и организацией мы приближаемся к ликвидации. Уже сегодня, в случае войны, ни на какие действия не способны, а через 2–3 года тем более…»[829]

Аналогичное положение сложилось во второй половине 1952 года и в Прибалтике, а в западных областях Белоруссии с подпольными отрядами польской Армии крайовой покончили сразу после войны. Казалось, теперь следовало выработать принципиально новую политику для советизации этого огромного региона, исходить из условий наступившего, наконец, гражданского мира. Однако Берия предложил иное решение. Использовал секретность всех

сведений о вооруженном сепаратизме, отсутствие знаний о том даже у высокопоставленных чиновников ЦК КПСС, и решил приписать лично себе, своему, новому МВД «умиротворение» западных земель. А для того — преувеличить опасность положения там. Но сделал такой ход уже не в одиночку, а вместе с Хрущевым и теперь без раздумий выполнявшим поручения последнего Е. И. Громовым.

Начиная со второй половины апреля отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов совместно с МВД начал подбирать заведомо негативные сведения о ситуации в Литве и западных областях Украины. Но не на весну 1953 года, а за длительный период прошлого — с 1944 по 1952 год. Число убитых, арестованных, высланных за девять лет террористов, «кулаков» (то есть, единоличников), их «пособников». Кроме того, собранные и обобщенные цензурой при перлюстрации высказывания местных жителей, отрицательно оценивавших действий властей. Наконец, данные о национальности руководящих работников районных, областных, республиканских учреждений и организаций.

Эти материалы — в виде двух записок — Берия и внес на рассмотрение президиума ЦК: 8 мая — по Литве, а 16 мая — по западным областям Украины. Благодаря поддержке прежде всего Хрущева и Молотова инициативы Лаврентия Павловича, вопрос признали своевременным, весьма важным, поручили секретариату в трехдневный срок подготовить проекты соответствующих постановлений. 20 мая новый вариант обоих документов обсудили еще раз, внесли несущественные коррективы и 26 мая утвердили их[830].

Оба постановления излагались стандартно: «ЦК КПСС считает политическое положение в Литовской ССР (в западных областях Украинской ССР) неблагополучным…Продолжает существовать и активно действовать националистическое подполье, имеющее разветвленную сеть и пользующееся поддержкой среди некоторой части населения. Руководящие центры вражеского подполья и их главари до сих пор остаются не выявленными, продолжают безнаказанно вести диверсионную деятельность, терроризируют и запугивают население, грабят колхозы, магазины, склады, проводят широкую антисоветскую пропаганду, распространяют среди населения нелегальные газеты, брошюры и листовки…»

Из столь мрачной оценки ситуации делался и соответствующий вывод: «главной причиной неблагополучного положения в Литовской ССР (западных областях Украинской ССР) являются ошибки и извращения, допущенные партийными и советскими органами в политической и организационной работе и в руководстве колхозным строительством», которые выражаются в «огульном применении карательных мер и репрессий». В упрек республиканским органам власти ставилось и то, что они «неправильно относятся к делу выращивания национальных кадров…руководящие посты в центральных, областных и районных организациях в большей части заняты работниками неместной национальности, людьми, не знающими литовского (украинского) языка…делопроизводство, как правило, ведется на русском языке».

В постановляющей же части ЦК КПСС потребовал «обеспечить в ближайшее время ликвидацию антисоветского националистического подполья», «покончить с администрированием в отношении населения», «в кратчайший срок исправить ошибки и извращения в деле подбора и выдвижения кадров, обеспечить смелое выдвижение литовских (украинских) кадров на руководящую работу»… Разница между двумя постановлениями заключалась лишь в одном. В том, что для западных областей Украины украинцев из восточных областей приравняли к русским и запретили направлять их на работу в якобы чуждый им край[831].

Вслед за тем, в первой половине июня, президиум ЦК КПСС утвердил еще два, точно таких же, написанных как бы по трафарету, постановления: «Вопросы Белорусской ССР» и «Вопросы Латвийской ССР». Но их не только окончательно редактировал, но и вносил на рассмотрение уже не Берия, а сам Хрущев. И одновременно готовил еще два аналогичных документа — по Эстонии и Молдавии[832].

Четыре принятых и два подготовленных постановления ЦК оказались знаком опасности. Возвестили, но только избранным, тем, кто мог прочитать эти «закрытые» документы, о самом серьезном с марта изменении в расстановке сил на вершинах власти. О том, что старый, до поры до времени скрытный антагонизм прорвался наружу. Привел к образованию двух, теперь уже открыто враждебных друг другу, готовых на самые решительные действия группировок. Одна — Маленкова, Первухина, Сабурова, вторая — Берия, Молотова, Хрущева, Булганина. Остальные члены президиума ЦК — Ворошилов, Каганович, Микоян — еще не приняли окончательного решения, но без сомнения готовились примкнуть к… победителю.

То, что происходило в последние десять недель, больше не оставляло сомнений и в том, что именно должно произойти, и как.

По традиционному, ибо он определялся особенностями политической системы, кремлевскому сценарию в ближайшие дни должен был собраться президиум ЦК. А на нем выступил бы Берия или, может быть, Хрущев, Молотов, Булганин. Выдвинуты обвинения против Маленкова. Возложена на него одного вся ответственность за положение дел в Прибалтике, западных областях Белоруссии и Украины. Заодно — за все репрессии послевоенного периода, за соучастие с Абакумовым, Рюминым. За попытку ревизовать марксизм-ленинизм, сталинское учение о приоритетной роли в экономике тяжелой промышленности. За попытку подорвать оборонную мощь страны. За прислуживание перед империалистами США и Великобритании…

Выступили бы и другие, усугубив вину Маленкова, приведя новые «факты» его серьезных политических ошибок. Затем большинством в семь, а возможно и в девять голосов, президиум освободил бы Георгия Максимилиановича от обязанностей председателя Совета Министров СССР, вывел бы его из состава президиума. Еще через несколько дней собрали бы пленум, на котором среди прочих рассмотрели бы и организационный вопрос. О Маленкове. На сессии же Верховного Совета СССР депутаты согласились бы с мотивированной отставкой главы правительства. Поддержали бы предложение назначить председателем Совета Министров Берия.

Скорее всего, именно так все бы и произошло. В конце июня — начале июля. Никак не позже, ибо созыв сессии уже никак нельзя было откладывать из-за так и не принятого еще бюджета на 1953 год. Произошло бы, не случись чрезвычайное, хотя и вполне прогнозируемое событие.

17 июня забастовка берлинских строителей мгновенно переросла в стихийное выступление, захватившее несколько городов ГДР. Положение приняло столь угрожающий характер, что для нормализации, восстановления спокойствия в Германию направили Берия. Смелого, решительного и умного. И он сумел доказать это — всего за трое суток навел надлежащий порядок во всей советской оккупационной зоне. Да еще без крови.

Однако в Москве Лаврентия Павловича не встретили как триумфатора. Замолчали его миссию. Скрыли его заслуги. Более того, вместо благодарности его, второго в официальной иерархии, на деле — самого сильного человека страны, через два дня арестовали. Завершили именно таким образом первую, самую жесткую схватку за власть. Власть единоличную, никому не подконтрольную, как уж повелось исторически у нас.

По официальной, существующей без малейших изменений с июля 1953 года, версии, Лаврентий Павлович сам предоставил повод для своего ареста. «Сколотил, — как указывало тассовское сообщение, — враждебную советскому государству изменническую группу заговорщиков для захвата власти»[833]. Но в подкреплении такого обвинения до сих пор не представлено ни одного доказательства. Ни одной, хотя бы косвенной, улики. Оставлено без объяснения слишком многое. Кто, помимо Берия и расстрелянных с ним вместе, входил в число заговорщиков? Что конкретно предприняли они для захвата власти? На кого из людей, на какие боевые части опирались?

Есть только вопросы. Ответов нет.

Зато есть иная, пока еще гипотетическая, версия.

Маленков сознательно использовал поездку Берия в Берлин. Направил его туда, чтобы выиграть время. Успел привлечь на свою сторону двух заместителей Лаврентия Павловича по МВД — Серова и Круглова. Заместителя Булганина — Жукова. Да еще генерала Москаленко.

Обеспечив себе поддержку армии и части сил МВД, вызвал Хрущева, Булганина, Микояна. В открытую заявил, что у него имеются доказательства их участия в заговоре, в антипартийных действиях. Предъявил ультиматум: или они на заседании президиума ЦК поддержат предложение об аресте Берия, либо сами будут арестованы. Тут же, в его кабинете.

Для Хрущева, Булганина, Микояна выбора не было. Они безоговорочно приняли предъявленные им условия. Заверили в поддержке. И сдержали слово.

В том же кабинете председателя Совета Министров СССР, в кремлевской резиденции Сталина, Берия 26 июня был арестован.

В эти часы в Москву входили танки Таманской дивизии. По Киевскому шоссе, Дорогомиловской улице, через Бородинский мост. На Смоленской площади свернули налево, на Садовое кольцо. И далее — к центру. К стратегическим точкам города.

Глава тридцатая

И все же главные события произошли чуть позже. Отстранение Берии, сопровождавшееся беспрецедентным вводом войск в Москву, вынудило узкое руководство объяснить происшедшее. Для того созвать пленум, проходивший со 2 по 7 июля. На нем, естественно, поначалу речь шла исключительно о прегрешениях бывшего шефа госбезопасности, действительных и мнимых. Ведь Лаврентию Павловичу предстояло стать не только очередным олицетворением зла, но и ответственным за все неудачи, ошибки режима в прошлом и настоящем, которые можно было бы отнести на его счет.

Ничуть не заботясь об истине, выступавшие обвиняли Берию во всем, что только не всплывало в их памяти. Так, Микоян заметил: «В первые дни после смерти товарища Сталина он (Берия. — *Ю. Ж.*) ратовал против культа личности. Мы понимали, что были перегибы в этом вопросе и при жизни товарища Сталина. Товарищ Сталин круто критиковал нас. То, что создают культ вокруг меня, говорил товарищ Сталин, это создают эсеры».

Анастасу Ивановичу вторил уже бывший член ПБ А. А. Андреев. «Он (Берия. — *Ю. Ж.*)… начал дискредитировать имя товарища Сталина, наводить тень на величайшего человека после Ленина… Я не сомневаюсь, что под его (Берия. — *Ю. Ж.*) давлением вскоре после смерти товарища Сталина вдруг исчезает из печати упоминание о товарище Сталине… Появился откуда-то вопрос о культе личности».

Поступая так, заведомо зная, что уж кто-то, но только не Лаврентий Павлович имел отношение к кампании по десталинизации, Микоян и Андреев, возможно, пытались исключить в будущем то, что пытался сделать Маленков. О чем Микоян как член президиума ЦК должен был знать наверняка. Зная, помня, сознательно порочил идею, приписывая ее очередному «исчадию ада», «врагу партии и государства». Однако Маленкова не смутило происходившее. В заключительном слове, начав с прегрешений Берии, неожиданно для всех присутствовавших перешел к совершенно иному. Заговорил о том, что предполагал сказать еще в апреле:

«Прежде всего, надо открыто признать, и мы предлагаем записать это в решении Пленума ЦК, что в нашей пропаганде за последние годы имело место отступление от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории. Не секрет, что партийная пропаганда вместо правильного разъяснения роли коммунистической партии, как руководящей силы в строительстве коммунизма в нашей стране, сбивалась на культ личности… Вы должны знать, товарищи, что культ личности Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и

самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовали. Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной».

Маленков не ограничился теоретическими рассуждениями. Подверг нелицеприятной критике дискредитацию Сталиным в октябре 1952 года Молотова и Микояна. Негативно охарактеризовал взгляды, высказанные Сталиным в феврале 1953 года при обсуждении проблем сельского хозяйства. Не менее резко оценил отнесенное на счет Сталина предложение о строительстве Главного туркменского канала, весьма обоснованно раскритиковал ряд положений работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Наконец, выплеснул нерастраченные в апреле эмоции, произнеся многообещающие слова:

«Здесь, на Пленуме, неосторожно и явно неправильно был затронут вопрос о преемнике товарища Сталина. Я считаю себя обязанным ответить на это выступление и сказать следующее. Никто из нас не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника».

Вслед за тем, в тот же день, сразу же за выступлением Маленкова, пленум единогласно принял постановление, содержавшее и такое: «…Следует признать ненормальным, что в нашей партийной пропаганде за последние годы имело место отступление от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории. Это нашло свое выражение в том, что…партийная пропаганда сбивалась нередко на культ личности, что ведет к принижению роли партии и ее руководящего центра, к снижению творческой активности партийных масс и широких масс советского народа»[834].

Привычная для данной аудитории риторика — славословие в адрес партии, признание на словах незыблемости ее роли в жизни страны, здесь была использована ради главного. Маленков, подготовивший постановление, стремился во что бы то ни стало добиться осуждения культа личности Сталина. Однако заставить широкое руководство последовать за собой до конца он все же не смог. Слишком уж сильный удар он нанес по партократии, отменив в мае главную для той привилегию — «конверты». Да еще в организации культа обвинил не кого-либо одного, а партийную пропаганду вообще, иными словами — партию, ее руководство в целом. Поначалу привычно послушные, члены ЦК проголосовали за постановление, предложенное Маленковым, но очень быстро поняли, что же совершили. Сумели настоять на том, чтобы негативная оценка Сталина не вышла за пределы их более чем узкого круга. В информационном сообщении о пленуме, опубликованном три дня спустя, о культе личности не оказалось ни слова.

Подобный поворот событий вынудил Маленкова, используя поддержку П. Н. Поспелова и заведующего Агитпропом В. С. Кружкова, предпринять своеобразный обходной маневр. Изыскать иную форму для того, чтобы довести до сведения всех и само понятие «культ личности», и его органическую взаимосвязь со Сталиным. Использовать для того великолепный предлог — приближавшееся 50-летие II съезда РСДРП. Превратить юбилейную дату в информационный повод для подготовки соответствующего проекта постановления ЦК КПСС. Развернутого, объемом в двадцать машинописных страниц. Давшего совершенно новую по сравнению с «Кратким курсом», интерпретацию истории партии. В ней лишь три раза использовать имя Сталина. Дважды — как автора слов о величии Ленина, о том, что партия возглавила борьбу советского народа в годы Великой отечественной войны и привела его к победе. Один раз — чтобы назвать того, кто организовал разгром оппозиции в 20—30-е годы. Более того, в последнем разделе прямо высказать требование «искоренить» идеалистический культ личности[835].

Но снова предложение Маленкова и Поспелова натолкнулись на сопротивление членов президиума ЦК. И снова оно было преодолено весьма своеобразно. Документ все же был опубликован. 26 июля — в «Правде», а несколькими днями позже политиздатовской

брошюрой. Однако уже не как постановление ЦК, а всего лишь документ «отдела пропаганды и агитации», что резко снижало значимость его в глазах партфункционеров. Зато без малейшего изменения текста, да еще под более выразительным названием — «50 лет Коммунистической партии Советского Союза».

Последующие полтора месяца Маленков и Поспелов использовали для закрепления успеха. Еще 24 июля последовало решение о ликвидации выставки подарков Сталину, развернутой в залах Музея изобразительных искусств имени Пушкина, о возобновлении нормальной работы этого художественного музея начиная уже с 1 сентября 1953 года[836]. 30 июля «Правда» опубликовала двумя «подвалами» статью Поспелова «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза», по сути повторившую одноименный документ. А 4 августа, также двумя «подвалами», статью Кружкова «Против догматизма и начетничества в пропаганде». Статью, содержавшую пять отрицательных примеров, три из которых были взяты из практики тех партийных работников, которые… цитировали Сталина, опирались на его труды.

Устранение Берии, а также создание советской водородной бомбы и соглашение с западными державами о возобновлении работы СМИД для обсуждения германского вопроса, позволили Маленкову пойти ва-банк. Использовать открывшуюся 5 августа сессию ВС СССР, которой предстояло утвердить скорректированный годовой бюджет — то, что намеревались сделать еще в апреле, чтобы открыто провозгласить новый экономический курс.

Министр финансов А. Г. Зверев остался верен своим старым принципам. Как послушный член партии и чиновник, исполнил порученное. Сверстал бюджет так, как того потребовали от него, но в речи на сессии характеристику его свел к минимуму. Не стал выпячивать, подчеркивать значительное сокращение капиталовложений в тяжелую промышленность, оборону. Только бегло перечислил основные показатели. Из общей суммы расходной части в 530,5 млрд, рублей предложил выделить на развитие народного хозяйства 192,5 млрд., в том числе на тяжелую промышленность — 82,6 млрд., на сельское хозяйство — 39,9 млрд. На оборону, вернее, лишь содержание всех видов вооруженных сил, включая внутренние войска, а также собственно аппарат двух силовых министерств — 110,2 млрд., то есть почти в два раза меньше, нежели в прошлом году. Зато на образование, здравоохранение, науку, культуру, социальное обеспечение — 129,8 млрд.[837]

Обосновывать же столь необычные особенности бюджета пришлось Маленкову. Свой доклад он начал с того, что предельно ясно и просто сформулировал «нашу главную задачу — обеспечение дальнейшего улучшения материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей». Затем указал на сложившуюся и весьма опасную диспропорцию в экономике, ее заведомую дефицитность. «За последние 28 лет, — отметил Георгий Максимилианович, — производство средств производства в целом возросло в нашей стране примерно в 55 раз, производство же предметов народного потребления за этот период увеличилось лишь примерно в 12 раз», что «не может нас удовлетворить». И потому предложил резко «увеличить вложения средств на развитие легкой, пищевой и, в частности, рыбной промышленности, на развитие сельского хозяйства… чтобы **в течение двух-трех лет повысить обеспеченность населения промышленными и продовольственными товарами** (выделено мной. — *Ю. Ж.*)». Подошел к проблеме системно, тут же заявив о необходимости одновременно улучшить качество производимых товаров, значительно расширять торговую сеть, включая и колхозные рынки. Решающим же для подъема легкой промышленности Маленков счел не просто повышение капиталовложений в эту отрасль, а прежде всего снижение себестоимости за счет роста производительности труда, внедрения новой техники, рациональной организации производства, что должно было, помимо прочего, привести и к исчезновению убыточных предприятий.

Столь же конкретно остановился Маленков и на второй составляющей нового курса — на проблемах сельского хозяйства. Признал: его уровень «не соответствует возросшей

технической оснащенности». Оценил как порочную введенную в годы войны систему оценки результатов работы «не по фактическому сбору, а только по видовой урожайности». «Нельзя забывать, — подчеркнул Георгий Максимилианович, — очевидное, что наша страна, наши колхозы могут быть богаты урожаем, собранным в амбары, а не урожаем на корню». А далее предложил поднимать сельское хозяйство исключительно интенсивным методом. Повышением урожайности всех культур, продуктивности скота, механизацией и электрофикацией, широким применением минеральных удобрений, опорой на достижения агротехники и зоотехники. Но вместе с тем еще и значительным повышением государственных закупочных цен.

Говоря о проблемах сельского хозяйства, Маленков не ограничился лишь вопросами, связанными с будущим колхозов. Более подробно, нежели Зверев, раскрыл сущность вынесенного на обсуждение депутатов проекта закона о сельхозналоге. Не побоялся — через тридцать лет после завершения коллективизации, вспомнить и о личном приусадебном хозяйстве жителей деревни. Призвал поддержать установление налога твердого, не зависящего, как прежде, от суммы доходов колхозников, списание недоимок за все прошлые годы, да еще определить размер налога для единоличников всего на 100 % выше того, что предстояло платить членам артелей.

Только потом глава правительства объяснил, что же может позволить проводить столь необычный экономический курс. Объявил об очередном достижении паритетности с США в области новейших вооружений — о создании в СССР водородной бомбы. И так охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в мире: «Впервые за последние годы стала ощущаться некоторая разрядка международной атмосферы. У сотен миллионов людей все больше утверждается надежда на то, что можно найти путь к урегулированию спорных и нерешенных вопросов… Это относится и к тем спорным вопросам, которые существуют между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. Мы стояли и стоим за мирное сосуществование двух систем. Мы считаем, что нет объективной основы для столкновения между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом».

Конец же доклада, самую короткую и бессодержательную его часть Маленков посвятил КПСС. Использовал весь набор давно известных, избитых, не раз повторявшихся буквально всеми в чисто ритуальных целях идеологических штампов. Сделал это, скорее всего, ради одного — чтобы никто не смог его заподозрить в «антипартийных» устремлениях. Но и тут умело свел панегирик к призыву всемерно повышать благосостояние народа, только на этот раз представшее перед слушателями как основная цель коммунистической партии[838].

9 августа сессия завершила работу, утвердив единогласно скорректированный, первый такого рода за всю историю пятилеток, бюджет. И сразу же М. З. Сабуров, возглавивший с 29 июня Госплан, приступил к его конкретизации, привязке к министерствам. К уточнению: какие именно товары широкого потребления, в каком количестве и в какие сроки должны отныне выпускать оборонные предприятия. Быстро согласовал с Д. Ф. Устиновым, В. А. Малышевым, И. И. Носенко, что министерство оборонной промышленности незамедлительно начнет производство часов, холодильников, пылесосов, мотоциклов, велосипедов; транспортного и тяжелого машиностроения — холодильников, пылесосов, стиральных машин; электростанций и электропромышленности — телевизоров, радиоприемников, электропроигрывателей, пылесосов, телефонов[839].

Тогда же, осенью, законсервировали весьма дорогостоящее строительство метрополитена в Киеве, Баку и Тбилиси. Формально — как не подкрепленное финансово, «не вызываемое интересами народного хозяйства», а на деле просто как теперь ненужные при изменившейся международной обстановке атомные бомбоубежища. Одновременно, за счет высвобождавшихся средств, начали воссоздание в Москве ГУМа, ресторана «Прага», возведение здания для универмага «Детский мир»[840]. Столь же ощутимым, но уже для всех жителей страны, а не только столицы, выглядело установление жестко фиксированного рабочего дня, введенного с 1 сентября 1953 года постановлением СМ СССР. Для центральных

учреждений — с 9 утра до 6 вечера, для местных — с 10 утра до 7 вечера. При этом министров, руководителей ведомств обязали соблюдать распорядок рабочего дня, категорически запретив вызывать сотрудников на работу в неурочное время и удлинять рабочий день[841]. Но, пожалуй, подлинным символом коренных перемен стало открытие московского кремля, свободный доступ в него для всех без исключения людей с 23 декабря 1953 года и проведение в недавно закрытых дворцах елки для детей и школьников[842].

Между тем закрепление нового экономического курса продолжалось и в законодательной форме. В начале сентября очередной Пленум ЦК выработал конкретные меры по подъему сельского хозяйства, развивавшие идеи, выраженные Маленковым, вскоре принявшие вид постановлений СМ СССР и ЦК КПСС: от 26 сентября — о развитии животноводства, об увеличении производства картофеля и овощей, об улучшении работы МТС. В те же дни появилась и серия постановлений, но уже только СМ СССР, определивших конкретные действия для увеличения товаров широкого потребления[843]. На достижение той же цели были направлены и три всесоюзных совещания — работников торговли, промышленности легкой и продовольственных товаров. Однако, как вскоре выяснилось, все это оказалось излетом нового курса. Его концом.

На том же сентябрьском пленуме четко обозначилось нежелание партократии принять ту политику, которую предложил Маленков. Выразилось оно поначалу в замене основного докладчика, Маленкова, на Хрущева, а заодно и в отказе сохранить коллективное руководство партией, и, тем самым, оставить за правительством первенствующую роль. Видимо, мы никогда так и не узнаем, что же заставило тогда Георгия Максимилиановича сдаться без боя, вынудило его лично увенчать Хрущева, а не кого-либо иного, лаврами победителя. Скорее всего, обусловило это то, что в середине августа Никита Сергеевич за счет средств партии, которые именно он и контролировал, существенно увеличил денежное довольствие для ответственных сотрудников аппарата ЦК, да еще и выплатил им недоданное за три месяца[844]. Вполне возможно, что они готовили сентябрьский Пленум, вдохновленные возвращением им прежнего материального положения.

На самом Пленуме все его участники, в том числе секретари и члены президиума, как-то вдруг, разом, непонятно почему забыли о дружно поддержанном ими же всего шесть месяцев назад принципе коллективного руководства. О том принципе, следовать которому они, по сути, обещали еще раз в июле. Буквально в последние минуты работы, без какого-либо обсуждения, мимоходом, единодушно избрали Н. С. Хрущева первым секретарем партии. Вверили ему тот самый пост, который совсем недавно занимал Сталин. Вот как это зафиксировала стенограмма:

7 сентября, 6 часов вечера. Председательствующий — Маленков.

«Маленков. Значит, с этим покончили, товарищи. Повестка исчерпана, но у президиума ЦК есть одно предложение.

Президиум ЦК предлагает, товарищи, утвердить первым секретарем Центрального Комитета товарища Хрущева. Требуются ли пояснения этого дела?

Голоса: Нет.

Маленков: Нет. Голосую. Кто за то, чтобы утвердить товарища Хрущева первым секретарем Центрального Комитета партии, прошу поднять руки. Прошу опустить. Возражающих нет?

Голоса: Нет.

Маленков: Значит, работа пленума закончена. Заседание объявляю закрытым»[845].

На том и проведение нового экономического курса, и первый этап десталинизации завершились. Избрание Хрущева первым секретарем привело к возвращению наиболее консервативных кругов широкого руководства к власти. К возвращению им всех привилегий, отобранных весной. Возвращению неограниченных прав секретариату, который мог теперь позволить себе откровенно некомпетентные, но оказывавшиеся решающими, суждения по всем

без исключения вопросам. Например, М. А. Суслова и Н. С. Хрущева о конструктивных недостатках незадолго перед тем созданной картофелесажалки[846]. Привело и к неформальному переходу контроля за всей идеологической сферой от Поспелова к Суслову, что незамедлительно сказалось на балансе сил в узком руководстве даже без изменения его состава.

Хотя в конце 1953 года центр тяжести во властных структурах стал неумолимо смещаться из государственных в партийные, 7 декабря СМ СССР утвердил более чем странное при складывавшейся ситуации постановление: «Для обеспечения лучшей организации проверки исполнения решений правительства и для подготовки для Совета Министров СССР проектов решений по важнейшим вопросам сельского хозяйства и заготовок… 1. Образовать при Совете Министров СССР отраслевое бюро по сельскому хозяйству и заготовкам… 2. Утвердить председателем бюро по сельскому хозяйству и заготовкам при Совете Министров СССР т. Хрущева Н. С. Ввести т. Хрущева Н. С. в состав президиума Совета Министров СССР»[847].

Теперь, с этого дня — 7 декабря, Никита Сергеевич занимал не только высший пост в партии, но и один из нескольких второго уровня в правительстве, став заместителем его главы. Столь неординарному, далеко не случайно никогда не оглашавшемуся, являвшемуся государственным секретом, кадровому назначению пока есть только одно объяснение. Инициатором его непременно должен был быть только Маленков, кому оно и было по-настоящему выгодно. Ведь оно делало Хрущева ответственным, и притом юридически, за продолжение разработки, осуществление аграрной программы, что отнюдь не исключало, потенциально, весьма скорый ее полный провал. Возникновение ситуации, когда потребуется найти виновного в том, что и спустя десять лет после окончания войны советские люди продолжают испытывать нехватку продовольствия. Поэтому именно Маленкову следовало не просто поддержать, а лично инициировать предложение о таком назначении. Не только удовлетворить обнаружившееся, проявившееся неуемное властолюбие Хрущева, а и «подставить» его новым назначением. Но если Маленков полагал и действовал так, то в результатах, последствиях ошибся.

Консервативные круги узкого руководства, вынужденные постоянно выбирать между программами Маленкова и Хрущева, между ними, вновь поддержали последнего. Использовали создание бюро по сельскому хозяйству, изначально спонтанное и случайное, как формальный предлог для ограничения властных полномочий Георгия Максимилиановича, для размывания его прав главы правительства. В течение последней недели уходившего года настояли на воссоздании старой, существовавшей при Сталине и оправдываемой его чрезмерной нагрузкой либо болезнью, структуры СМ СССР — фактическом разделении его экономического сектора между несколькими отраслевыми бюро. По металлургии (с февраля 1954 года — по металлургии, угольной промышленности и геологии) под председательством И. Ф. Тевосяна; по промышленности продовольственных и промышленных товаров широкого потребления — А. Н. Косыгина; по транспорту и связи — Л. М. Кагановича; по машиностроению — В. А. Малышева; по энергетике, химической и лесной промышленности — М. Г. Первухина. А в феврале 1954 года еще и по торговле — А. И. Микояна[848].

Следующим шагом консервативных кругов стала фактическая отмена апрельского постановления о расширении прав министров СССР, слишком уж концентрировавшее, как и в годы войны, при ГКО, власть в руках центра, Москвы. 25 января 1954 года провели через президиум ЦК постановление «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата»[849]. Создали с его помощью основание для значительного сокращения не всего, а только центрального аппарата министерств и ведомств, чем автоматически расширили права их местных органов. Прежде всего, ЦК компартий союзных республик, республиканских СМ. А затем нанесли и оказавшийся смертельным удар по экономическому курсу, провозглашенному Маленковым. Умело подменили его, комплексный, якобы первоочередными вопросами сельского хозяйства, тут же сведя те к задачам лишь

повышения сбора зерновых культур, практически — одной пшеницы. Мало того, отказались от интенсивного способа развития, объявив как наиболее приемлемый и потому единственно возможный экстенсивный. Поступили так, скорее всего, по двум причинам. Прежде всего, из-за того, что первый вариант подразумевал глубокий профессионализм, знания и богатый опыт — все то, чем они, парт-функционеры, не обладали. Кроме того и для того, чтобы высвободить средства, предназначенные для легкой и пищевой промышленности, опять направить их преимущественно на тяжелую и оборонную.

25 января 1954 года президиум ЦК принял постановление о подъеме целинных и залежных земель как основном средстве резкого увеличения сбора зерновых[850]. Но для всех инициатором перемены курса выступил ВАСХНИЛ. В тот же день, якобы самостоятельно выдвинул как собственное, научно обоснованное, предложение о необходимости всемерно использовать целинные и залежные земли, что предлагалось пока как всего один из многих способов подъема аграрного сектора. Затем эта идея была подхвачена и развита на еще трех совещаниях, проведенных ЦК КПСС и СМ СССР, иными словами, Хрущевым, в конце января — начале февраля — работников МТС, совхозов, передовиков сельского хозяйства. На каждом из них с «большим» докладом выступал Никита Сергеевич. Опробовал, обкатывал необычную идею, настойчиво внедряя ее в умы всех, причастных к аграрному сектору. И уже довольно скоро она была доведена до всеобщего сведения. 11 февраля газеты опубликовали традиционное, утвержденное еще 6 февраля президиумом ЦК[851], «Обращение ЦК к избирателям» в связи с предстоявшими через месяц выборами в ВС СССР. В нем же, помимо изложения всего того, о чем говорил на августовской сессии Маленков, появилось и такое положение: «У нас еще очень много недостатков в работе МТС, колхозов и совхозов, много неиспользованных резервов. Достаточно, например, сказать, что только за счет освоения целинных и залежных земель в восточных, юго-восточных и других районах страны — а эта работа партией и правительством уже начата — мы имеем возможность увеличить посевные площади под зерновые культуры на несколько миллионов гектаров».

Менее чем через две недели, 23 февраля, открылся второй за полугодие Пленум ЦК, посвященный вопросам сельского хозяйства. Тот самый, а не сентябрьский, который и стал поворотным для судеб нового экономического курса. Пленум, взявший на вооружение, утвердивший как наиболее приемлемый для страны экстенсивный путь развития. Предложивший — в обязательном, беспрекословном порядке — решать все проблемы сельского хозяйства самым простым способом: расширением любой ценою посевных площадей в Северном Казахстане и Южной Сибири. Пленум, окончательно похоронивший надежды на вывод аграрного сектора из глубокого кризиса, планомерно и всесторонне. Выразил все это в качестве программы действий, не предусматривавшей развития инфраструктур, строительства жилья, рассчитанной, как и в годы первой пятилетки, лишь на энтузиазм. Только на этот раз — не всего населения Советского Союза, а только наиболее мобильной части его — молодежи.

Вслед за тем вся мощь пропаганды, широко используя возможности прозы, поэзии, драматургии, киноискусства, начала усиленно внедрять в умы дух романтики, освоения новых земель, дух первопроходцев, что и должно было возместить заведомые, да еще и на многие годы неудобства, нехватку всего, что несомненно, должно было быть понятно всем участникам Пленума.

И все же новый курс не был еще полностью и окончательно отвергнут. Полагать так позволяли казавшиеся непривычными, ибо за годы холодной войны о них успели подзабыть, успехи Кремля на международной арене.

Еще летом 1953 года удалось нормализовать положение на Балканах, в районе Черного моря. В июне были возобновлены нормальные дипломатические отношения — возвращение послов — с Югославией, в июле — с Грецией, и тогда же объявлено о прекращении продолжавшегося почти десятилетие жесткого давления на Турцию.

«Правительства Армянской ССР и Грузинской ССР, — информировало заявление МИД СССР, — сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о Проливах, то советское правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу»[852]. Последняя фраза означала, что Москва отныне больше не будет требовать пересмотра условий конвенции Монтрё. Столь же очевидным выражением доброй воли стало и направление в Великобританию с официальным визитом, по случаю коронации Елизаветы II, крейсера «Свердлов».

В конце 1953 года получили, наконец, отклик, и настойчивые призывы Кремля к главам трех западных великих держав о проведении саммита для разрешения всех накопившихся острых проблем. Эйзенхауэр, Черчилль и Ланьел встретились в начале декабря на Бермудах, чтобы выработать совместную позицию по отношению к советской инициативе. Обсудили, прежде всего, собственные вопросы: о взаимодействии Европейского оборонительного сообщества с НАТО, о судьбе Суэцкого канала в связи с революцией в Египте, о положении в Корее. 8 декабря, в день закрытия конференции, Эйзенхауэр выступил с заявлением от имени всех участников встречи. Объявил, в частности, о согласии США, Великобритании, Франции на совещание министров иностранных дел четырех держав в Берлине как возможно подготовительного перед четырехсторонней встречей на высшем уровне. Кроме того заявил Эйзенхауэр и о не менее значимом — о готовности Соединенных Штатов и Великобритании обсудить с Советским Союзом вопросы ограничения ядерного оружия[853].

Запланированное берлинское совещание проходило с 25 января по 18 февраля 1954 года. На нем обсуждались и выдвинутые Молотовым предложения об обеспечении безопасности в Европе, заключении государственных договоров с Германией и Австрией, созыве конференции пяти стран — с участием Китая, для разрешения положения в Корее и Индокитае. Благодаря активной поддержке Идена и Б ид о, Вячеславу Михайловичу удалось достичь определенных успехов. Не разрешив ни одной из рассматривавшихся проблем, совещание все же пришло к твердому решению о новой встрече глав дипломатических ведомств четырех стран — спустя два месяца, в Женеве.

Стремясь закрепить достигнутое, Москва попыталась форсировать события, предопределив результаты женевской конференции. 26 марта было опубликовано заявление о предоставлении суверенитета ГДР. Мотивировалось же такое решение следующим образом: «Несмотря на усилия Советского Союза на недавно состоявшемся берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав, не было предпринято каких-либо шагов для восстановления национального единства Германии и заключения мирного договора». Тем самым, Запад заставляли принять дилемму: либо воссоединение Германии, либо признание де-юре факта существования двух германских государств. А 31 марта Молотов принял послов США Ч. Болена, Великобритании — У. Хэйтера, Франции — Л. Жокса и вручил им ноты аналогичного содержания, содержавшие поистине сенсационное предложение Кремля. «Совершенно очевидно, — говорилось в документах, — что Организация северо-атлантического договора могла бы при соответствующих условиях утратить свой агрессивный характер в том случае, если бы ее участниками стали все великие державы, входившие в антигитлеровскую коалицию. В соответствии с этим, руководствуясь неизменными принципами своей миролюбивой политики и стремясь к уменьшению напряженности в международных отношениях, советское правительство выражает готовность рассмотреть совместно с заинтересованными правительствами **вопрос об участии в Североатлантическом договоре** (выделено мной. — *Ю. Ж.*)»[854].

Разумеется, если бы три западные великие державы ответили бы согласием на такое предложение Советского Союза, да еще бы они вместе договорились об ограничении ядерного оружия и прекращении гонки вооружений, то новый курс непременно бы победил. «Ястребам» же в узком руководстве пришлось бы сойти с политической сцены. Во внутренней политике

страны утвердился бы тот самый курс, сущность которого в те самые дни, 12 марта, на предвыборной встрече еще раз выразил Маленков.

Вновь твердо напомнил о приоритетах в экономике: «Наша страна обладает теперь мощной тяжелой индустрией, которую мы и впредь будем неустанно развивать как основу, обеспечивающую непрерывный рост и развитие всего народного хозяйства, как надежный оплот обороны страны. Но теперь, пользуясь плодами и результатами индустриализации, наша партия поставила задачу: в течение двух-трех лет добиться крутого подъема производства предметов народного потребления».

Вслед за тем Маленков откровенно полемично проявил ранее не выражавшееся им принципиальное несогласие с постановлением только что завершившегося пленума. «Всем нам, — сказал Георгий Максимилианович, — советским людям, всему нашему народу надо хорошо осознать, что главным, решающим условием дальнейшего подъема и всестороннего развития народного хозяйства является всемерное повышение производительности труда — в промышленности, на транспорте, **в сельском хозяйстве** (выделено мной. — *Ю. Ж.*)… Проблема организации труда, то есть планомерного и наиболее целесообразного использования общественного труда как внутри предприятий, так и в масштабе всего государства, будет приобретать тем большее значение, чем дальше мы будем продвигаться по пути укрепления материально-технической базы и роста производительных сил страны».

Небывало резко сформулировал Маленков и свое понимание международных проблем. «Неправда, — безжалостно заявил он, — что человечеству остается выбирать лишь между двумя возможностями: либо новая мировая бойня, либо так называемая холодная война… Советское правительство… решительно выступает против политики холодной войны, ибо эта политика есть политика подготовки новой мировой бойни, которая при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации».

Наконец, хотя и слишком запоздало, выразил советский премьер и свое отношение к тому, что сам же и сделал на сентябрьском Пленуме: «Бесспорно, что коллективность в руководстве партией и страной является необходимой гарантией правильности и успешного решения стоящих перед нами жизненно важных задач, правильного и успешного решения коренных вопросов, затрагивающих судьбы советского народа»[855].

Такое выступление стало открытым вызовом, брошенным Маленковым узкому и широкому руководству. Явилось категорическим предложением высказаться по затронутым вопросам. А вместе с тем, и столь же явным спором с Хрущевым, выступившим также перед избирателями, но чуть ранее, 5 марта. Заявившим традиционное: «…не ослабляя внимания к дальнейшему развитию тяжелой промышленности, которая является основой основ советской экономики, развивать ускоренными темпами легкую и пищевую промышленность, обеспечить крутой подъем сельского хозяйства».

Не менее обычной, не привносящей чего-либо нового, оказалась и данная Хрущевым характеристика внешней политики в ее взаимосвязи с внутренней. «Направляя усилия народа на выполнение планов мирного строительства, — заявил Никита Сергеевич, — коммунистическая партия и советское правительство не могут не учитывать, что в капиталистических странах имеются реакционные силы, которые стремятся найти выход из экономических трудностей и обостряющихся противоречий империалистического лагеря в подготовке новой войны. Вот почему партия и правительство, настойчиво проводя политику мира, неустанно совершенствуют и укрепляют вооруженные силы советского государства, бдительно стоящие на страже мирного труда советских людей и безопасности нашей родины»[856].

Внезапно обозначившийся, ставший открытым для всех спор между Маленковым и Хрущевым, между двумя программами развития страны был разрешен очень скоро. На открывшейся 20 апреля сессии ВС СССР, оказавшейся своеобразным референдумом по

единственно насущному вопросу: какой же из двух путей следует избрать, по какому — старому или новому — курсу следовать.

Правда, некоторые депутаты, используя предоставившуюся им редкую возможность, пытались привлечь внимание Москвы к собственным трудностям, проблемам. Так, Мальбеков поведал, что в столице Кабардинской АССР, Нальчике, до сих пор отсутствуют водопровод и канализация.

Спустя и десять лет после освобождения от немецких оккупантов, не подняты из руин здания правительства, телефонной станции, ряда иных не менее значимых общественных учреждений. Имеется лишь одно высшее учебное заведение, продолжается сброс вредных веществ в реку Баксан. Лецис, депутат от Риги, говорил о запущенном городском хозяйстве столицы Латвии, об острой нехватке жилья. Третий секретарь ЦК компартии Узбекистана Абдуразаков живописал не менее горестную картину бытовых условий, присущих Ташкенту. Бывший начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Александров, которому через несколько дней предстояло стать министром культуры СССР вместо Пономаренко, направленного первым секретарем ЦК компартии Казахстана, рассказал об иных бедах. О том, что тяга населения к образованию, культуре требует увеличить тиражи издаваемых книг вдвое, но бумаги для того нет…[857]

Но все это лишь сопровождало, обрамляло яркими деталями более серьезную тему. Практически все депутаты при выступлениях сочли необходимым перечислять по степени важности три, по их мнение, неотложные задачи, стоящие перед страной. Подавляющее большинство первое место отводило тяжелой промышленности, второе — сельскому хозяйству, и лишь третье — повышению жизненного уровня населения. Именно такую позицию заняли, безоговорочно поддержав программу Хрущева, первый секретарь ЦК компартии Эстонии Кэбин, министр лесной и бумажной промышленности Орлов, председатель СМ Армянской ССР Кочинян, член президиума СМ СССР и ЦК КПСС Каганович, министр угольной промышленности Засядько, многие иные. Меньшая часть выступивших, преимущественно из тех республик, краев и областей, где сельское хозяйство играло существенную роль, составляло основу экономики данной территории, выдвинули, естественно, именно его на первое место в числе нерешенных задач. Так поступили первый секретарь ЦК компартии Латвии Калнберзин, министр совхозов Козлов, третий секретарь ЦК Компартии Узбекистана Абдуразаков. И никто не сказал о приоритетности легкой промышленности, безусловной важности повышения жизненного уровня населения.

Самыми показательными и явно не случайными стали выступления двух членов узкого руководства, Микояна и Первухина.

Анастас Иванович, председатель бюро по торговле при СМ СССР и министр торговли СССР, завершил свое выступление следующей оценкой предложенного бюджета: «Обеспечивается надлежащий рост основы нашей экономической мощи — тяжелой промышленности, форсированный подъем сельского хозяйства, быстрое увеличение производства товаров народного потребления; серьезно увеличены ассигнования на социальные и культурные нужды населения и наряду с этим обеспечивается Советская Армия новейшими видами вооружения… Мы не угрожаем никому, но вооружаем свою армию новейшим вооружением, чтобы быть готовыми достойно ответить любому агрессору».

Михаил Георгиевич, председатель бюро по энергетике, химической и лесной промышленности при СМ СССР, выразился проще: «Депутаты — избранники народа и весь советский народ горячо одобряют политику центрального комитета коммунистической партии и советского правительства, направленную на дальнейшее укрепление могущества нашей любимой родины, укрепление обороноспособности страны, на дальнейшее развитие промышленности и сельского хозяйства, на повышение материального и культурного уровня народа»[858].

После такого обсуждения, совершенно ясно выраженных взглядов, неудивительным оказалось утверждение иного по сути, нежели в минувшем году, бюджета. Из 562,8 млрд, рублей расходной части на развитие тяжелой промышленности выделялось 79,6 млрд., а на легкую, включая и торговлю — только 14,2 млрд. На строительство в целом — 14 млрд., на сельское хозяйство — 62 млрд., на социально-культурную сферу — 141,3 млрд. Остальные деньги предназначались на содержание силовых министерств, вооруженных сил и госаппарата.

Отказ от недавно взятого курса был подкреплен разработанным загодя пропагандистским наступлением. Его кульминацией оказалась внезапная реабилитация Сталина. Еще задолго перед сессией ВС СССР, 4 февраля 1954 года, Суслов добился от Хрущева согласия дать указание всем газетам и журналам страны опубликовать 5 марта передовые статьи, посвятив их первой годовщине со дня смерти Иосифа Виссарионовича. В них же обязательно показать Сталина «как великого продолжателя дела В. И. Ленина, осветить роль И. В. Сталина в тесной связи с деятельностью коммунистической партии и советского народа по строительству социалистического общества, отразить незыблемое единство партии и народа»[859]. Всем редакциям предписывалось обязательно поместить в своих изданиях портрет Сталина, местным властям — вывесить траурные флаги, министерству связи — выпустить почтовую марку, посвященную этой памятной дате.

Несколько позже занялись литературой и искусством. В «Правде», «Литературной газете», «Советском искусстве» развернули оголтелую кампанию осуждения тех произведений, которые успели отразить новый курс. Романа В. Пановой «Времена года», пьес Л. Зорина «Гости», А. Мариенгофа «Наследный принц», А. Сурова «Порядочные люди», Н. Вирты «Гибель Помпеева», И. Городецкого «Деятель», Ю. Яновского «Дочь прокурора», статей В. Померанцева, Ф. Абрамова, М. Лифшица, М. Щеглова, повести И. Эренбурга «Оттепель». Критика оценила их как «идеологический НЭП», отступление от генеральной линии партии, «грязную» и «слякотную» «оттепель».

Завершилась же кампания 23 июля 1954 года. В тот день секретариат ЦК, проходивший под председательством Хрущева, принял далеко идущее по значимости решение. В нем осудил «серьезные политические ошибки», допущенные редакцией журнала «Новый мир», «клеветнические выпады против советского общества, содержащиеся в поэме Твардовского „Теркин на том свете"». Первом антисталинистском произведении, еще нигде не опубликованном, лишь прочитанном автором близким друзьям. Учитывая совокупность прегрешений, тем же решением секретариата А. Твардовского освободили от обязанностей главного редактора «Нового мира». Утвердили вместо него К. Симонова[860]. Того, кто в марте 1953 года своей статьей «Священный долг писателя» в «Литературной газете» призвал всех писателей, поэтов и драматургов посвятить все свои произведения «великому Сталину».

…Результаты апрельской сессии ВС СССР, а также и внезапная реабилитация «доброго» имени Сталина убедительно продемонстрировали Маленкову, что он оказался единственным сторонником нового курса. Более того, отныне лишен возможности не только принимать решения, но даже и влиять на их подготовку. Должен смириться с окончательным поражением, быть готовым оставить пост главы правительства. Само же это отстранение являлось лишь вопросом времени и обстоятельств. Определялось одним — возникновением достаточно серьезных трудностей, хотя и порожденных сущностью восторжествовавшей политики, но ответственность за которые возложат на Маленкова. Будут списаны на него. Превратят именно его, а не членов очередного узкого руководства, в виновника заведомых, неизбежных просчетов, от которых Георгий Максимилианович, выдвигая свой курс, собственно, и предостерегал.

Так завершился очередной, продолжавшийся менее двадцати лет, период советской истории. Необычайно драматический, крайне сложный, беспредельно противоречивый, весьма

далекий от однозначности и прямолинейности. Период, когда прежде всего пришлось, заплатив немыслимо огромную цену, отстаивать свободу, независимость и целостность страны. Вместе с союзниками в кровопролитной борьбе громить нацистскую Германию. И одновременно предпринять все возможное для того, чтобы страшные лето и осень 1941 года больше никогда не повторились. Обеспечить национальные интересы СССР, гарантировав его безопасность. Создать вдоль практически всей сухопутной границы пояс дружественных стран, а потом, в первые годы холодной войны, еще и отстоять право на союз о взаимопомощи с ними. Да еще в кратчайший срок добиться — в ущерб более жизненным, неотложным задачам восстановления народного хозяйства, паритета с США в ядерном оружии.

Только это и отодвинуло на второй план актуальные проблемы, возникшие еще в середине 30-х годов. Прежде всего, существенное ограничение места и роли партии в жизни страны, усиление реальных прав иных, официальных властных структур. Сначала — исполнительной, а затем, в будущем, и законодательной; передача им постепенно полномочий, прежде принадлежавших партократии. Не удалась и другая, столь же важная реформа — превращение формально федерального государства в официально унитарное. С помощью выравнивания культурного уровня всех народов, населяющих Советский Союз, создания гражданского общества, которое и должно было по замыслам стать фундаментом той демократии, которую провозгласила принятая в 1936 году Конституция.

Партократия совместно с национальными группировками бюрократии союзных республик оказалась слишком сильной, чтобы сдаться без боя. Смогла сначала устоять, а затем и в безжалостной борьбе отстоять себя, свое положение, свои привилегии. С помощью Хрущева, и выдвинутого ею на вершину власти, сделать абсолютными свои права, установив свой контроль над всеми сферами жизни страны. Но чтобы, после всего происшедшего, не потерять обретенное господствующее положение, вынуждена была не отказываться от лозунгов мирного сосуществования двух систем, подъема жизненного уровня населения. И вместе с тем, постоянно отвлекать население от решения таких задач, от внутренних проблем, поддерживая идеологическую конфронтацию с Западом. Опираться на «ястребов», потворствуя гонке вооружений, поддерживая уже ненужную при новых обстоятельствах численность вооруженных сил. Направлять силы и средства на самое дорогостоящее — ядерное и ракетное оружие. Опираться и на национальную бюрократию, постоянно расширяя права союзных республик в ущерб не столько «центру», сколько стране. Из-за того идти на крайний риск, непрерывно усиливая напряженность жесткой вертикальной властной конструкции…

В апреле 1954 года этот период советской истории и начался. Как десятилетие Хрущева.

Примечания

1

История внешней политики СССР. М., 1976, т. 1. С. 308–309.

2

Документы внешней политики СССР. М., 1971, т. 17. С.725–726; М, 1973, т. 18. с. 309–312, 333–336.

3

Конституции и конституционные акты Союза ССР. 1922–1936. М., 1940, с. 23.

4

Собрание законов СССР (далее — СЗ). 1929, № 3, ст. 26.

5

Там же, 1930, № 52, ст. 545.

6

Там же, № 60, ст. 640.

7

Известия. 1934. 16 марта.

8

Там же. 1935. 7 февраля.

9

Там же. 1935. 30 декабря; 1936. 21 апреля.

10

Правда. 1936. 28 января — Сумбур вместо музыки; 6 февраля — Балетная фальшь; 13 февраля — Грубая схема вместо исторической правды; 1 марта — О художниках-пачкунах; 9 марта — Внешний блеск и фальшивое содержание.

11

Известия. 1936. 18 января.

12

Правда. 1934. 16 мая.

13

Там же. 1936. 12 июля.

14

Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991.

15

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1939, с. 507–534.

16

Жданов А. А. Победа социализма и расцвет советской демократии. М, 1936, с. 20–21.

17

Жданов А. А. Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы. М., 1937, с. 9, 6, 8, 23, 26.

18

Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 го-да//Вопросы истории. 1992, № 2-12; 1993, № 2, 5-10; 1994, № 1–2, 6, 8, 10, 12; 1995, № 1-12.

19

Сталин И. В. Указ. соч., с. 529.

20

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 2, д. 616, л. 9.

21

Там же, л. 224.

22

Там же, л. 11–13, 20, 33–34.

23

Там же, л. 166, 170.

24

Там же, л. 80–81, 138.

25

Там же, д. 625, л. 1—10.

26

Там же, л. 38, 49, 55, 63–64, 70.

27

Правда. 1937. 12 декабря.

28

Там же. 7 ноября.

29

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 635, л. 103–105.

30

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов (далее — КПСС в резолюциях…). М., 1985, т. 7. с. 11–13.

31

Там же, с. 16–17.

32

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 633, л. 3–4, 26.

33

Там же, л. 41–42.

34

Там же, л. 76–77; правленный текст стенограммы — Сталинское политбюро в 30-е годы. М., 1995, с. 161.

35

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 633, л. 165.

36

Правда. 1938. 28 января. 23 февраля.

37

Правда. 1938. 6 января — Не подменять и не обезличивать; 27 января — Смелее выдвигать беспартийных на руководящую работу; 31 января — Выдвижение беспартийных на руководящую работу; 3 февраля — Большевистское выдвижение новых кадров.

38

Письмо т. Иванова и ответ т. Сталина. М., 1938, с. 8—12.

39

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. М., 1948, т. 1. с. 17–36.

40

Известия. 1938. 18 марта.

41

Цит. по: *Майский Я. М.* Воспоминания советского дипломата. М., 1971, с. 316; История внешней политики СССР, М., 1976, т. 1. с. 342.

42

Правда. 1938. 27 апреля.

43

Ширер У. Взлет и падение третьего рейха, М., 1991, т. 1. с. 401.

44

История внешней политики СССР, т. 1, с. 343.

45

Там же, с. 344.

46

Правда. 1938. 30 марта.

47

Сталинское политбюро, с. 55; *Хлевнюк О. В*. Политбюро. Механизм политической власти в 30-е годы. М., 1996, с. 238.

48

Совершенно секретно, 1993, № 7, с. 4–5.

49

Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина (далее — Посетители…)/Исторический архив. 1995, № 5–6, с. 17.

50

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1001, л. 18.

51

Там же, л. 26; оп. 163, д. 1198, л. 9.

52

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996, с. 65.

53

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 163, д. 1198, л. 119.

54

Там же, оп. 3, д. 1001, л. 43.

55

Там же, д. 1002, л.7; Посетители… с. 18.

56

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 163, д. 1199, л. 103–109; Сталинское политбюро… с. 42–44.

57

Ширер У. Указ. соч., с. 417.

58

История внешней политики СССР, т. 1, с. 345.

59

Ширер У. Указ. соч., с. 420.

60

Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991, т. 1, с. 139–140.

61

Там же, с. 141.

62

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1002, л. 34, 51; д. 1003, л. 14.

63

Там же, д.1003, л. 11, 29, 32; д. 1004, л. 1.

64

Там же, д. 1003, л. 28.

65

Там же, д. 1002, л. 37.

66

Посетители… с. 24.

67

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1003, л. 84–86. Опубликовано без указания источника: *Косолапов В*. Слово товарищу Сталину. М., 1995, с. 154–160.

68

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 163, д. 1203, л. 83–91.

69

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 23, л. 25.

70

Посетители… с. 24.

71

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1003, л. 82.

72

Сталинское политбюро… с. 168–170; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 163, д. 1204, л. 208–212; оп. 3, д. 1003, л. 34, 82–84.

73

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 1204, л. 216.

74

Там же, оп. 3, д. 1004, л. 51.

75

Там же, л. 8–9, 33.

76

Там же, л. 9.

77

Там же, л. 11.

78

Там же, оп. 163, д. 1204.

79

Там же, оп. 3, д. 1004, л. 11, 14, 22, 25.

80

Там же, оп. 163, д. 1205, л. 173; оп. 3, д. 1004, л. 40–41.

81

Там же, д. 1206, л. 2–5.

82

Там же, оп. 3, д. 1004, л. 28.

83

Там же, д. 1005, л. 8–9, 18.

84

Там же, д. 1004, л. 6; оп. 163, д. 1206, л. 45–49.

85

Там же, оп. 163, д. 1206, л. 193; оп. 3, д. 1004, л. 49; *Орлов А*. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991, с. 241.

86

Правда. 1936. 8 февраля.

87

СЗ. 1936, № 7, ст. 60; № 22, ст. 286.

88

Правда. 1936. 14 ноября; *Коонен А*. Страницы жизни. М., 1975, с. 371.

89

Революция и национальности, 1936, № 10, с. 93.

90

СП. 1940, № 2, ст. 26; № 20, ст. 493; № 29, ст. 710; № 30, ст. 734.

91

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 126. д. 3, л. 49–52.

92

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938, с. 331.

93

Там же, с. 336.

94

Там же, с. 446.

95

Правда, 1938, 15 ноября.

96

Партийное строительство. 1938, № 13, с. 6.

97

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1003, л. 21, 29.

98

Хлевнюк О. В., Указ. соч., с. 246.

99

Вопросы истории. 1995, № 11–12, с. 18.

100

Сталинское Политбюро, с. 142–143; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1008, л. 23.

101

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1002, л. 21.

102

Там же, л. 45–46.

103

Известия ЦК КПСС. 1990, № 7, с. 103.

104

История внешней политики СССР, т. 1, с. 356.

105

Там же, с. 355.

106

Ширер У. Указ. соч., с. 487.

107

Черчилль У. Указ. соч., с. 157.

108

Московский большевик. 1939. 5 марта.

109

Известия. 1939. 20 марта.

110

Цит. по: *Пономарев А*. Верный сын партии//Коммунист. 1981, № 14, с. 103.

111

XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 292.

112

Там же, с. 15–17, 27.

113

Там же, с. 29–30, 35–37.

114

Там же, с. 532–533.

115

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1008, л. 29.

116

РЦХИДНИ, ф. 17, топ. 3, д. 1008, л. 82, д. 1009, л. 52, 54; д. 1025, л. 93, 95.

117

Сталинское Политбюро, с. 171–172.

118

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1026, л. 50–51; д. 1027, л. 27–28; д. 1028, л. 12.

119

Там же, д. 1027, л. 2; д. 1029, л. 36; д. 1035, л. 26.

120

Там же, д. 1028, л. 49.

121

Кузнецов Н. Г. Крутые повороты. М., 1995, с. 13, 15–16.

122

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1047, л. 22–23.

123

Там же, д. 1008, л.29.

124

Там же, д. 1005, л. 21.

125

Там же, д. 1004, л. 6; д. 1013, л. 1.

126

Там же, д. 1027, л. 35.

127

Там же, д. 1005, л. 61.

128

Там же, д. 1047, л. 78; д. 1048, л. 32.

129

«Литературный фронт». Сборник документов. М., 1994, с. 34, 40, 43.

130

Правда. 1940, 25 октября.

131

«Литературный фронт», с. 48–49, 53–55, 58; КПСС в резолюциях… т. 7, с. 181–184.

132

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1010, л. 31.

133

Там же, д. 1011, л. 5, 31, д. 1013, л. 93, д. 1015, л. 87; д. 1017, л. 5.

134

Там же, д. 1008, л. 10.

135

Там же, д. 1003, л. 28.

136

Там же, д. 1010, л. 39.

137

Там же, д. 1023, л. 12.

138

Там же, д. 1022, л. 45.

139

Там же, д. 1025, л. 50.

140

Там же, д. 1009, л. 23.

141

Там же, д. 1034, л. 39.

142

Там же, д. 1040, л. 56; Большая советская энциклопедия. М., 1952, изд. 2-е, т. 12, с. 300.

143

СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. М., 1971, с. 341.

144

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1009, л. 18–19, 27, 35.

145

Цит. по: *Розанов Г. Л.* Сталин — Гитлер. 1939–1941. М., 1991, с. 59.

146

История внешней политики СССР, т. 1, с. 364–365; Правда, 1939, 1 июня.

147

Черчилль У. Указ. соч., с. 169–171.

148

История внешней политики СССР, т. 1, с. 366.

149

Джеймс Р. Антони Иден (на англ. яз.). Лондон, 1987, с. 217–218.

150

Цит. по: *Розанов Г. Л.* Указ. соч., с. 77.

151

Там же, с. 79.

152

Там же, с. 87, 89.

153

Международная жизнь. 1989, № 9, с. 113.

154

История внешней политики СССР, т. 1, с. 392.

155

Правда. 1939, 18 сентября.

156

Там же.

157

Черчилль У. Указ. соч., с. 205.

158

Сталинское Политбюро, с. 33.

159

РЦХВДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1008, л. 40; д. 1011, л. 16.

160

Там же, д. 1011, л. 32.

161

Там же, л. 30.

162

Там же, д. 1009, л. 23, д. 1011, л. 16.

163

Там же, д. 1013, л. 82; *Хлевнюк О. В*. Указ. соч., с. 251–252.

164

Сталинское Политбюро, с. 34.

165

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1014, л. 49; д. 1016, л. 13, 31.

166

КПСС в резолюциях… т. 7, с.145; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1016, л. 13.

167

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 656, л. 8–9, 26.

168

Там же, оп. 3, д. 1022, л. 4.

169

Там же, л. 48.

170

Там же, д. 1021, л. 4.

171

Там же, д. 1022, л. 53.

172

Сталинское Политбюро, с. 34; Постановления Совета Народных Комиссаров за август 1940 г., б/м и б/г издания, с. 98.

173

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1023, л. 2.

174

Там же, д. 1025, л. 69; Правда, 1940, 26 июня.

175

Цит. по: *Сиполс В. Я*. Миссия Криппса в 1940 г. Беседа со Сталиным. — Новая и новейшая история. 1992, № 5, с. 29–39.

176

Правда. 1940, 5 июля.

177

Волков В. К. Советско-германские отношения во второй половине 1940 года//Вопросы истории. 1997, № 2, с. 5.

178

Правда. 1940, 2 августа.

179

Берлинский пакт о Тройственном союзе//Правда. 1940, 3 августа. Есть мнение, что автором данной статьи является Молотов — см.: *Волков В. К*. Указ. соч., с. 6.

180

Волков В. К. Указ. соч., с. 11.

181

Там же, с. 9—10.

182

Правда. 1940, 2 августа.

183

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 166, д. 47, л. 1, 15–16, 47–48; д. 49, л. 4.

184

Там же, д. 58, л. 74; д. 61, л. 72–73; 90–91; д. 64, л. 79–80.

185

Там же, д. 58, л. 66–67.

186

Там же, оп. 3, д. 1026, л. 15.

187

Правда. 1940, 13 августа.

188

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1023, л. 9; д. 1034, л. 18.

189

Вознесенский Н. А. Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год. М., 1941.

190

Маленков Г. М. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта. М., 1941.

191

Резолюции XVIII всесоюзной конференции ВКП(б). М., 1941, с. 11, 21–22.

192

Центр хранения современной документации (далее — ЦХСД), ф, 2, оп. 1, д. 1, л. 81–82.

193

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1034, л. 18.

194

Там же, д. 1033, л. 41.

195

Подсчитано автором.

196

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1027, л. 34.

197

Подсчитано автором.

198

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1020, л. 18.

199

Там же, д. 1029, л. 14.

200

Там же, д. 1012, л. 42; д. 1016, л. 39, 55; д. 1030, л. 33; д. 1036, л. 27; д. 1038, л. 96.

201

Там же, д. 1024, л. 33; д. 1025, л. 39; д. 1026, л. 62; д. 1030, л. 41; д. 1031, л. 11.

202

Там же, д. 1024, л. 33; д. 1027, л. 3; д. 1028, л. 21; д. 1030, л. 42; д. 1032, л. 85; д. 1033, л. 25; д. 1034, л. 64.

203

Там же, д. 1033, л. 36.

204

Там же, л. 36–37, 283–284.

205

Там же, л. 39; д. 1035, л. 2.

206

Там же, д. 1033, л. 36–37, 289; д. 1035, л. 8—10.

207

Правда. 1941, 13 и 14 января.

208

Цит. по: *Розанов Г. Л.* Указ. соч., с. 186.

209

Там же.

210

Черчилль У. Указ. соч. М., 1991, т. 2, с. 53.

211

Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995, с. 24.

212

Правда. 1941, 4 марта.

213

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1035, л. 73.

214

Там же, д. 1036, л. 32–35.

215

Там же, д. 1035, л. 74.

216

Там же, д. 1038, л. 3.

217

Известия ЦК КПСС, 1990, № 2, с. 203.

218

Правда. 1941, 25 марта.

219

Там же, 6 апреля.

220

Там же, 14 апреля.

221

Там же, 13 апреля.

222

Цит. по: *Бережков В. М*. Страницы дипломатической истории. М., 1982, с. 83–84.

223

Нежников Ю. Кремль боялся провокации и не верил разведке//Литературная газета. 1995, 21 июня.

224

Правда. 1941, 23 апреля.

225

Там же, 7 мая.

226

Исторический архив. 1994, № 5, с. 222.

227

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1039, л. 16–17.

228

Там же, д. 1040, л. 4, 24.

229

Там же, л. 25, 64.

230

Исторический архив. 1995, № 2, с. 28–30.

231

Известия ЦК КПСС. 1990, № 2, с. 204; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, т. 5, кн. 1, с. 125.

232

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1040, л. 66.

233

Исторический архив. 1996, № 2, с. 51.

234

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1970, с. 233–234.

235

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. М., 1990, т. 2, с. 157–158.

236

Сообщено автору А. И. Микояном в личной беседе.

237

Исторический архив. 1995, № 2, с. 37–39.

238

Известия ЦК КПСС. 1990, № 6, с. 186–187.

239

Там же, с. 201–202.

240

Там же, с. 197–198, 208–210, 212–214; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1041, лл. 25, 29, 31.

241

Черчилль У. Указ. соч., т. 2, с. 171–172.

242

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. М., 1984, т. 1, с. 10, 46.

243

Источник. 1994, № 4, с. 7.

244

Известия ЦК КПСС. 1990, № 6, с. 198.

245

Там же.

246

Сообщено автору А. И. Микояном в личной беседе.

247

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3, М., 1968, с. 40–41.

248

Постановления Совета народных Комиссаров Союза ССР за июль 1941 года. (Далее — Постановления…), б/м и б/г издания, с. 78.

249

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 1, л. 74–75, 78.

250

Там же, л. 87.

251

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне. М., 1946, с. 9—16.

252

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 2, л. 147.

253

Военно-исторический журнал. 1992, № 3, с. 20.

254

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 3, л. 151.

255

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1041, л. 59–60.

256

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 3, л. 174.

257

Черчилль У. Указ. соч., т. 2, с. 177.

258

Там же, с. 176.

259

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946, т. 1, с, 131–132.

260

Там же, с. 138.

261

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 1, л. 166.

262

Северные конвои, вып. 1. Архангельск, 1991, с. 12.

263

Там же, с. 147.

264

Советско-американские отношения… т. 1, с. 111.

265

Там же, с. 121–126.

266

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 11, л. 176.

267

Там же, д. 2, л. 23; д. 7, л. 136.

268

Там же, д. 7, л. 103.

269

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1042, л. 19.

270

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 11, л. 62.

271

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1042, л. 30, 125.

272

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 5,л. 184, д. 6, л. 17.

273

Там же, д. 6, л. 140, 151; д. 9, л. 19, 50, 101.

274

Там же, д. 6, л. 35–36, 60.

275

Там же, д. 9, л. 100.

276

Кузнецов Н. Г. Накануне. Курсом победы. М., 1991, с. 408–409.

277

Жуков Г. К. Указ. соч., с. 295.

278

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 9, л. 16.

279

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1042, л. 38, 47.

280

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 11, л. 181.

281

Микоян А. И. В Совете по эвакуации//Военно-исторический журнал. 1989, № 3, с. 33.

282

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1042, л. 57.

283

Постановления… за октябрь 1941 г., с. 48.

284

Там же.

285

Там же, л. 69.

286

Сталин И. В. Указ. соч., с. 17–33.

287

Там же, с. 34–36.

288

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 5, л. 182.

289

Там же, д. 14, л. 88, д. 16, л. 120.

290

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1042, л. 73, 90.

291

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 16, л. 94.

292

Там же, ф, 17, оп. 3, д. 1042, л. 92.

293

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 16, л. 96.

294

Там же, д. 14, л. 2; д. 17, л. 171.

295

Там же, д. 17, л. 176.

296

Там же, д. 20, л. 18.

297

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1042, л. 105, д. 1043, л. 63.

298

Постановления… за январь 1942 года, с. 15.

299

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1043, л. 31.

300

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 20, л. 218–219.

301

Там же.

302

Там же, д. 21, л. 39.

303

Там же, л. 49.

304

Там же, л. 94, 117.

305

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1043, л. 49.

306

Там же, д. 1043, л. 17, 21, 36, 47, 59; ф. 644, оп. 1, д. 21, л. 136.

307

Иванов В. За что Сталин разжаловал Ворошилова//Российская газета. 1995, 19 августа.

308

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 21, л. 8, 45; ф. 17, оп. 3, д. 1043, л. 48–49, 84.

309

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 19, л. 43.

310

Яковлев А. Цель жизни. М., 1972, с. 306.

311

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 16, л. 122.

312

Там же, д. 20, л. 166; д. 18, л. 197.

313

Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. М., 1983, т. 1, с. 184–197.

314

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны (далее — Внешняя политика…). М., 1946, т. 1, с. 167.

315

Источник. 1995, № 4, с. 116–118.

316

Черчилль У. Указ. соч., т. 2, с. 459–464.

317

Внешняя политика… т. 1, с. 284.

318

Черчилль У. Указ. соч., т. 2, с. 466.

319

РЦХВДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 34, л. 100.

320

Там же, д. 70, л. 34.

321

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1044, л. 8, 49.

322

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 72, л. 93.

323

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1045, л. 27–28.

324

Куманев Г. А. Неопубликованное интервью начальника тыла Красной Армии в 1941–1945 гг. генерала армии А. В. Хрулева//Новая и новейшая история. 1995, № 2, с. 73.

325

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1045, л. 4, 24.

326

Там же, л. 17, 37.

327

Там же, д. 1046, л. 16.

328

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 64, л. 240.

329

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1046, л. 20–21.

330

Там же, д. 1047, л. 28–29, 46, 56, 200.

331

Там же, д. 1048, л. 45.

332

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 129, л. 212.

333

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1047, л. 13, 85; д. 1048, л. 27, 46, 52; д. 1049, л. 9.

334

Правда. 1942, 10 октября.

335

РЦХВДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1045, л. 60.

336

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 119, л. 155–156.

337

Там же, д. 129, л. 152.

338

Там же, д. 119, л. 3–4.

339

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1046, л. 42, 67.

340

Там же, д. 1047, л. 67, 75–76; д. 1048, л. 11.

341

Там же, д. 1048, л. 37.

342

Там же, д. 1047, л. 63.

343

Там же, д. 1048, л. 36–37.

344

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 119, д. 99.

345

Постановления… за январь 1942 г., с. 9—12;…за август 1942 г., с. 123–132.

346

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (далее — Решения…). М., 1968, т. 3, с. 131–168.

347

Постановления… за июль 1943 г., с. 107.

348

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1046, л. 75.

349

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 107, л. 53–58.

350

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1049, л. 50.

351

Постановления… за декабрь 1942 г., с. 49.

352

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1048, л. 2.

353

Там же, д. 1044, л. 67.

354

Постановления… за сентябрь 1942 г., с. 11.

355

РЦХИДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 129, л. 2.

356

Постановления… за октябрь 1942 г., с. 117.

357

Там же.

358

РЦХВДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 70, л. 144.

359

С. В. Кафтанов — председатель комитета по делам высшей школы, одновременно с 6 июля 1941 г. уполномоченный ГКО по вопросам координации и усиления научной работы в области химии для нужд обороны, с 10 июля — председатель одноименного комитета.

360

РЦХВДНИ, ф. 644, оп. 1, д. 89, л. 71–72.

361

Там же.

362

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1045, л. 1.

363

Там же, л. 68.

364

Там же, д. 1047, л. 44, д. 1048, л. 72, 21.

365

Там же, д. 1047, л. 71; д. 1048, л. 67.

366

Правда о религии в России, б/м издания, 1942, с. 15–17.

367

Одинцов М. И. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства»//Диалог. 1992, № 3, с. 142–153.

368

Там же, с. 154–155.

369

Православный церковный календарь. М., 1945, с. 8, 10, 11, 15, 27, 29.

370

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1048, л. 52, 60.

371

Корабли и суда ВМФ СССР. 1928–1945. М., 1988, с. 16–17.

372

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1049, л. 20.

373

Правда, 1943, 22 декабря.

374

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 213, л. 21, 110.

375

Там же, д. 1048, л. 32; Постановления… за июль 1943 г., с. 160.

376

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 213, л. 70.

377

Там же.

378

Там же, л. 66.

379

Там же, л. 10–11.

380

Там же, л. 7–8.

381

Там же, л. 156.

382

Там же, д. 212, л, 67.

383

Там же, л. 141–152.

384

Там же, оп. 116, д. 140, л. 15–16.

385

Там же, л. 20–21.

386

Там же, оп. 125, д. 278, л. 1–6; оп. 116, д. 140, л. 61.

387

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1047, л. 22–23; д. 1049, л. 58.

388

ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 26–32.

389

Там же, л. 26.

390

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1049, л. 75.

391

Там же.

392

Семин Ю. Н., *Старков О. Ю.* Кавказ, 1942–1943 годы: героизм и предательство//Военно-исторический журнал. 1991, № 8, с. 42.

393

Подробнее см.: *Бугай Н. Ф*. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию…». М., 1995.

394

Литературный фронт. История политической цензуры. 1932–1946 гг. Сборник документов. М., 1994, с. 77–79.

395

Там же, с. 99–100.

396

Там же, с. 107.

397

Там же, с. 121.

398

Там же, с. 108.

399

Правда. 1944, 16 марта.

400

ЦХСД. ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 19–20.

401

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1049, л. 75.

402

Правда. 1944, 2 февраля.

403

ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 17.

404

Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе. М., 1978, с. 160–161.

405

Большевик. 1944, № 7–8, с. 14–19.

406

Об идеологической работе парторганизаций. — Партийное строительство. 1944, № 15–16.

407

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1050, л. 151–152.

408

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году//Вопросы истории. 1996, № 2–8.

409

СССР и германский вопрос. 1941–1949 М., 1996, т. 1., с. 126–127.

410

Тегеранская конференция. М., 1984, с. 141–150.

411

Внешняя политика… М, 1947, т. II, с. 89–90, 93, 109–115.

412

Там же, с. 105.

413

Черчилль У. Указ. соч., т. 3, с. 445.

414

Внешняя политика… М., 1947, т. И, с. 132–133.

415

Там же, т. I, с. 138.

416

Цит. по: *Валихновский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем в Польше. 1944–1948. Киев, 1984, с. 71–72.

417

Внешняя политика… т. I, с. 347.

418

Материалы по истории польско-советских отношений (на польском и русском языках). (Далее — Материалы…), т. VII, Варшава, 1973, с. 438–442.

419

Там же, с. 498–503.

420

Внешняя политика… т. II, с. 59–61.

421

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1049, л. 50.

422

Там же, л. 58.

423

Там же, д. 1050, л. 43.

424

Там же, л. 47–48.

425

Там же, л. 45.

426

Материалы… Варшава, 1974, т. VIII, с. 131–132.

427

Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1983, т. 2, с. 132–133.

428

Правда. 1944, 26 июля.

429

Советско-английские отношения… Т. 2, с. 133.

430

Известия. 1944, 9 августа; *Валихновский.* Указ. соч., с. 103–105.

431

Переписка председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1957, т. И, с. 153–154.

432

Материалы… т. VIII, с. 187–188.

433

Известия, 1944, 13 августа.

434

Переписка… т. I. М., 1957, с. 257–258.

435

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1972, с. 288.

436

Цит. по: *Валихновский.* Указ. соч., с. 125.

437

Материалы… т. VIII, с. 354.

438

Черчилль У. Указ. соя., т. 3, с. 448–449.

439

Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995, с. 664.

440

Секретная переписка… с. 667.

441

Там же, с. 659–660.

442

Там же, с. 659.

443

Там же, с. 656.

444

Там же, с. 708.

445

Сатердей ивнинг пост. 1944, № 33, с. 5—10.

446

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 248, л. 82–88.

447

Там же, оп. 3, д. 1050, л. 77.

448

Там же, д. 1051, л. 3,10.

449

Там же, ф. 644, оп. 1, д. 241, л. 110; д. 253, л. 76; *Гареев М. А.* О неудачных наступательных операциях советских войск в Великой Отечественной войне//Новая и новейшая история. 1994, № 1, с. 7–8; *Его же.* Неоднозначные страницы войны. М., 1995, с. 195–210.

450

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1051, л. 44.

451

Там же, л. 46.

452

Там же, л. 64.

453

Там же, л. 55.

454

Там же, л. 60.

455

Там же, л. 26, 36–37.

456

Там же, л. 58.

457

Тегеранская конференция… с. 104.

458

Секретная переписка… с. 722.

459

Там же, с. 732.

460

Крымская конференция. М., 1979, с. 139–143.

461

Там же, с. 150, 153, 156, 174, 181.

462

Секретная переписка… с. 741.

463

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1984, т. 2, с. 340–341; Советско-английские отношения, т. 2, с. 321–323.

464

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2177, л. 6.

465

Валихновский. Указ. соч., с. 136; Судебный отчет по делу об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районах Белоруссии и Украины. М., 1945, с. 27–31.

466

Крымская конференция, с. 102–103.

467

Секретная переписка… с. 743–744.

468

Там же, с. 772, 795.

469

Трумэн Гарри. Воспоминания (на англ. яз.). Нью-Йорк, 1955, т. 1, с. 14–15.

470

Советско-английские отношения… т. 2, с. 337–338.

471

Там же, с. 350–351.

472

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. М., 1958, т. 2, с. 611–646.

473

Валихновский. Указ. соч., с. 292–293.

474

Коваль К. И. Записки уполномоченного//Новая и новейшая история. 1994, № 3, с. 124–147.

475

Там же.

476

Там же.

477

Решения… т. 3, с. 232–240.

478

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2177, л. 24, 50.

479

Там же, л.27.

480

Там же, л. 46.

481

Там же, л. 57; д. 2179, л. 54.

482

Сталин И. О Великой Отечественной войне. М., 1946, с. 171.

483

Берлинская (Потсдамская) конференция. М., 1984, с. 183.

484

Там же, с. 43, 169–170.

485

Трумэн. Указ. соч., т. 1, с. 416.

486

Черчилль. Указ. соч., т. 3, с. 683.

487

Там же.

488

Внешняя политика… т. 3. М., 1946, с. 330–332, 458–473.

489

Трумэн. Указ. соч., т. 1, с. 423.

490

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2179, л. 32.

491

Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995, с. 52–54.

492

Новое время. 1945, № 7, с. 12–18.

493

Правда. 1945, 10 октября.

494

Известия. 1945, 27 октября.

495

Правда. 1945, 7 ноября.

496

Там же, 5 октября.

497

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2181, л. 135–137.

498

Аллилуев В. Ф. Хроника одной семьи. М., 1995, с. 206.

499

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2182, л. И; Правда. 1945, 10 октября.

500

Правда. 1945, 26 октября.

501

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2180, л. 35–36; д. 2184, л. 53.

502

Там же, д. 2182, л. 28.

503

Правда. 1945, 16 ноября.

504

Там же, 21 ноября.

505

Там же, 29 ноября.

506

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, д. 48, л. 4.

507

Там же, оп. 163, д. 1201, л. 187.

508

Берлинская (Потсдамская) конференция… с. 444.

509

См., например: *Джанашиа* С., *Бердзенишвили Н.* О наших законных требованиях к Турции/Правда. 1945, 20 декабря; Обращение американских общественных организаций к Совещанию трех министров//Правда. 1945, 23 декабря.

510

Правда. 1945, 28 декабря.

511

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2182, л. 3.

512

Там же, л. 37; д. 2183, л. 5, 12.

513

Там же, д. 2182, л. 3.

514

Правда. 1946, 2 февраля.

515

Пестов С. Бомба. Тайны и страсти атомной преисподней. М., 1995, вклейка 2–3 между с. 160–161.

516

Правда, 1946, 10 февраля.

517

Борнхольм — остров в юго-западной части Балтики, часть территории Дании; занят частями Красной Армии 9 мая 1945 года, эвакуированными к 5 апреля 1946 года.

518

Международная жизнь. 1990, ноябрь, с. 140–148.

519

Правда. 1946, 14 марта.

520

Там же, 23 марта.

521

Известия. 1946, 12 февраля.

522

Заседания Верховного Совета СССР (первая сессия). Стенографический отчет. М., 1946, с. 328–329.

523

Государственный архив Российской федерации, ф. 5446, оп. 1, д. 275, л. 35.

524

Там же.

525

Правда, 1946, 20 марта.

526

Там же, д. 2187, л. 3.

527

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2185, л. 2–4.

528

Там же.

529

Там же, оп. 125, д. 377, л. 59, 65–68; д. 405, л. 32–46; д. 483, л, 4–5.

530

Там же, оп. 117, д. 627, л. 141–142.

531

КПСС в резолюциях… т. 8. М., 1985, с. 39–48.

532

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2188, л. 97.

533

Там же, л. 96–97.

534

Там же, л. 98.

535

Там же, оп. 125, д. 377, л. 1, 35–37; ф. 77, оп. 3, д. 179, л. 45 об. — 60.

536

Там же, ф. 17, оп. 116, д. 268, л. 153; д. 271, л. 2–4.

537

Там же, оп. 117, д. 628, л. 2–5, 10–17.

538

Там же, ф. 77, оп. 3, д. 23, л. 32–46.

539

Там же, ф. 17, оп. 116, д. 272, л. 2.

540

Бабиченко Д. Л. Дело об «отравлении»//Неизвестная Россия. Вып. 1. М., 1992, с. 137.

541

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 460, л. 29–30.

542

Там же, ф. 77, оп. 3, д. 179, 2-я книжка, л. 51.

543

Литературный фронт. Сборник документов. М., 1994, с. 225.

544

Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. М, 1952, с. 129–137.

545

Там же, с. 191.

546

Там же, с. 68–70.

547

Там же, с. 117.

548

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 38, л. 138; Впервые опубликовано без указания источника в: *Хрущев Н. С.* О культе личности и его последствиях//Известия ЦК КПСС. 1989, № 3, с. 163.

549

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2193, л. 10.

550

Там же, ф. 629, оп. 1, д. 95-а, л. 182–183.

551

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 2193, л. 32–37.

552

Там же, д. 2189, л. 12; д. 2193, л. 9, 25.

553

Там же, д. 2189, л. 16.

554

Там же, д.2193, л. 29–30.

555

Там же, д. 2194, л. 11.

556

Там же, л. 17.

557

Там же, д. 2193, л. 9.

558

Там же, д. 2194, л. 43.

559

Там же, д. 2191, л. 89; д. 2194, л. 11.

560

Там же, д. 2194, л. 11.

561

Трумэн. Указ. соч., т. II, с. 95—106.

562

РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 1, д. 147, л. 1-16.

563

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 2194, л. 3–4.

564

Там же, л. 49–51.

565

Там же, д. 2195, л. 31, 46.

566

Там же, д. 2194, л. 45.

567

Там же, д. 2195, л. 22, ф. 77, оп. 3, д. 179, 2-я книжка, л. 5-об.

568

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 2195, л. 22.

569

Муранов А. И., *Звягинцев В. Е.* Досье на маршала. М., 1996, с. 205.

570

РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 3, 3-я книжка, л. 29.

571

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 2195, л. 44–45.

572

Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947, с. 202, 220.

573

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2196, л. 47.

574

Правда. 1947, 8 мая.

575

Известия. 1947, 1 июля.

576

Наринский М. М. СССР и план Маршалла//Новая и новейшая история. 1993, № 2, с. 11.

577

Известия. 1947, 3 июля.

578

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, д. 654, л. 11–14.

579

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1989, с. 134.

580

РЦХИДНИ, ф. 631, оп. 15, д. 1004, л. 150.

581

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 2193, л. 29.

582

Правда. 1947, 13 мая.

583

Наринский. Указ. соч.

584

Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994, с. 26–29.

585

Там же, с. 53.

586

Там же, с. 65–70.

587

Там же, с. 77–81.

588

Трумэн, Указ. соч., т. 1, с. 69; т. 11, с. 132–142.

589

Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. М., 1996, с. 326.

590

Там же, с. 329; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 847, л. 56.

591

Еврейский… с. 329–333.

592

Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991, с. 323.

593

Еврейский… с. 336–344.

594

Там же, с. 346; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 1056, л. 7–8.

595

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 250, л. 2–3.

596

Еврейский… с. 347.

597

Там же, с. 349.

598

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 1056, л. 234.

599

Меир Г. Моя жизнь. М., 1997, с. 256.

600

Грин С. Делая выбор. М., 1985, с. 60–63.

601

Там же, с. 34.

602

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2196, л. 13.

603

Там же, л. 26.

604

Там же, д. 2197, л. 2.

605

Там же, л. 14.

606

Там же, д. 2198, л. 11.

607

Там же, д. 2196, л. 53.

608

Там же.

609

Кузнецов Н. Г. Указ. соч., с. 11–12; 230–231; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2201, л. 10.

610

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2199, л. 28.

611

Там же, д. 2198, л. 28–29; Г. К. Жуков: неизвестные страницы биографии//Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993, с. 184–207.

612

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2197, л. 3, 7; д. 2198, л. 4; д. 2199, л. 3.

613

Там же, д. 2199, л. 16.

614

Там же, л. 33.

615

Там же, д. 2200, л. 2.

616

Там же, л. 21, 23.

617

Там же, л. 6–9.

618

Там же, л. 9—11.

619

Там же, д. 2199, л. 5, 32; д. 2200, л. 3–5.

620

Там же, д. 2192, л. 15, 32, д. 2200, л. 14.

621

Хрущев и Украина. Киев, 1995, с. 48–49, 163; *Плотников Н. Д.* Смертоносцы // Военно-исторический журнал. 1991, № 3, с. 53–61; *Каптелов Б. К.* ОУН на службе у фашизма//Военно-исторический журнал. 1991, № 5, с. 45–57.

622

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2199, л. 11; «Неизвестная инициатива Н. С. Хрущева» // Отечественные архивы. 1993, № 2, с. 31–36.

623

Источник. 1994, № 2, с. 92–93.

624

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2200, л. 31.

625

Там же, д. 2202, л. 23.

626

ЦХСД. Коллекция, ф. 89, перечень 60, док. 26, л. 2.

627

Гиренко Ю. С. Сталин — Тито. М., 1991, с. 325–326.

628

Там же, с. 327.

629

Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992, с. 103.

630

Гиренко. Указ. соч., с. 333.

631

Там же, с. 336–337.

632

Там же, с. 340–341.

633

Там же, с. 343.

634

Там же, с. 112, 385–386.

635

Правда, 1948, 29 июня.

636

Внешняя политика Советского Союза. 1948 год. Ч. 1. М., 1950, с. 146.

637

Там же, с. 195, 197.

638

Там же, с. 201.

639

Правда. 1948, 18 мая.

640

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2201, л. 24.

641

Там же, л. 28–29.

642

Там же, л. 27–28.

643

Там же, д. 2202, л. 26.

644

Там же, д. 2201, л. 32.

645

Там же, л.12–13.

646

Внешняя политика Советского Союза. 1948 год. Ч. 2. М., 1951, с. 18–26.

647

Раскол Германии и Европы // Московские новости. 1988, № 21, 22 мая, с. 8–9.

648

Внешняя политика Советского Союза. 1948 год. Ч. 2. М., 1951, с. 30–31.

649

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2202, л. 33.

650

Меир Г. Указ. соч., с. 280.

651

Грин С. Указ. соч., с. 63–64.

652

Там же, с. 63.

653

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 608, л. 79.

654

Там же, д. 445, л.5.

655

Там же, д. 446, л. 268.

656

Там же, д. 447, л. 8–9.

657

Реабилитация… с. 324.

658

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 82, л. 90–91.

659

Там же, л. 93.

660

Там же, д. 229, л. 9—10.

661

Там же, л. 24–26.

662

Там же, д. 82, л. 25–26.

663

Правда. 1948, 18 и 19 декабря.

664

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 75, л. 113–115.

665

Там же, л. 108–109, 156.

666

Там же, л. 154.

667

Там же, д. 237, л. 50–56.

668

Там же, л. 62–63.

669

Там же, ф. 629, оп. 1, д. 98, л. 1.

670

Там же, ф. 17, оп. 132, д. 237, л. 1–4.

671

Там же, д. 92, л. 38–39.

672

Там же, л. 7.

673

Там же, оп. 3, д. 2202, л. 30.

674

Там же, д. 2204, л. 14.

675

Там же, л. 29.

676

Там же, л. 35–36.

677

Там же, л. 58.

678

Там же, л. 61.

679

Там же, л. 107–116.

680

Там же, л. 67.

681

Там же, д. 2205, л. 14, 64.

682

Там же, л. 29.

683

Там же, д. 2203, л. 56.

684

Правда. 1949, 1 февраля.

685

Известия. 1949, 26 апреля.

686

Там же, 21 июня.

687

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2206, л. 46–47.

688

Там же, д. 2207, л. 44, 55.

689

Там же, л. 36–37.

690

Там же, д. 2205, л. 63.

691

Там же, л. 73.

692

Там же, д, 2208, л. 11.

693

Там же, д. 2206, л. 2.

694

Там же, д. 2208, л. 100–101.

695

Аденауэр К. Воспоминания (1945–1953 гг.). Кн. первая. М., 1966, с. 233.

696

Отношения СССР и ГДР. Документы и материалы. 1949–1955. М., 1974, с. 5.

697

РЦХИДНИ, ф. 83, оп. 1, д. 11, л. 60–61, 69; *Маленков Г. М.* 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1949, с. 17, 24–25.

698

Маленков Г. М. 32-я годовщина… с. 14–15.

699

Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. М., 1953, с. 77, 105, 125–126, 141, 164.

700

Маленков Г. М. 32-я годовщина… с. 24.

701

Адибеков *Г. М*. Указ. соч., с. 158.

702

РЦХИДНИ, ф. 83, оп. 1, д. 9, л. 34–35.

703

Там же, д. 5, л. 96.

704

Там же, ф. 17, оп. 3, д. 2208, л. 20.

705

Там же, л. 35.

706

Там же, л. 98.

707

Там же, д. 2210, л. 4–5, 26.

708

Там же, л. 37; д. 2211, л. 10.

709

Там же, д. 2210, л. 55, 62, 66, 78; д. 2211, л. 3, 24–25.

710

Там же, д. 2211, л. 81.

711

Там же, л. 93.

712

Там же, д. 2213, л, 6–7, 14, 32

713

Там же, д. 2208, л. 75

714

Внешняя политика Советского Союза. 1950 год. М., 1953, с. 58–63.

715

Правда. 1950, 10 и 11 марта.

716

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 41, л. 140–141.

717

Внешняя политика… 1950 год, с. 189.

718

Там же, с. 201, 208–209.

719

Там же, с. 415, 437–439.

720

Цит. по: *Перов Л.* Американская агрессия в Корее. М., 1951, с. 69.

721

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2217, л. 10, 56; д. 2218, л. 5, 65.

722

Участие СССР в Корейской войне // Вопросы истории. 1994, № 11, с. 3-20; № 12, с. 30–45.

723

Правда. 1950, 7 ноября.

724

Трумэн Г. Указ. соч., т. II, с. 383, 395.

725

Там же, с. 435.

726

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2221, л. 56.

727

Там же, ф. 56, оп. 1, д. 1091, л. 1-12, 106–108, 127–128; д. 1094, л. 1–3; д. 1101, л. 1–7, 19–20, 29-34

728

Известия ЦК КПСС. 1991, № 1, с. 149, 189; № 2, с. 175, 153.

729

ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 65, л. 29.

730

РЦХИДНИ, ф. 83, оп. 1, д. 9, л. 57.

731

Исторический архив. 1997, с. 4—34.

732

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2218, л. 70.

733

Там же, д. 2219, л. 86.

734

Там же, л. 84; д. 2221, л. 14, 90.

735

Там же, д. 2223, л. 2; д. 2218, л. 70.

736

Там же, д. 2224, л. 66.

737

Правда, 1951, 24 июня.

738

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2225, л. 10.

739

Там же, л. 39.

740

Там же, д. 2229, л. 89–90.

741

Там же, д. 2224, л. 107.

742

Кузнецов Н. Г. Указ. соч., с. 23–24, 32.

743

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2224, л. 85, 92; д. 2225, л. 16.

744

Там же, д. 2225, л. 49–50, д. 2227, л. 22, 54, 61, 75, 124.

745

Правда, 1951, 7 ноября.

746

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2227, л. 72–75.

747

Там же, л. 134–135.

748

Там же, д. 2229, л. 43, 46, 95.

749

Там же, д. 2230, л. 11; Правда, 1952, 11 марта.

750

Правда. 1952, 2 апреля.

751

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2232, л. 51.

752

Там же, д. 2231, л. 78.

753

Там же, д. 2230, л. 36–39.

754

Там же, д. 2229, л. 57; д. 2232, л. 133.

755

Там же, д. 2229, л. 14, 66.

756

Там же, д. 2230, л. 41.

757

См.: Литературная газета, 1952: *Родионов Б.* О работе партийной организации ССП. — 14 января; *Беликова М.* В жизни и книгах. — 2 марта; *Кассиль Л.* Возраст и поведение героя. — 3 апреля; *Анастасьев А.* О творческой смелости режиссера. — 9 августа; *Рюриков Б.* В жизни так не бывает. — 11 сентября.

758

Маленков Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). М., 1952, с. 24–26, 29–32, 72–74, 82–86, 97.

759

Берия Л. Речь на XIX съезде партии. М., 1952.

760

Булганин Н. Речь на XIX съезде партии. М., 1952.

761

РЦХИДНИ, ф. 83, оп. 1, д. 8, л. 103.

762

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, с. 40–41.

763

ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 21, л. 1.

764

РЦХИДНИ, ф. 83, оп. 1, д. 3, л. 99.

765

Там же, л. 94, 97–98.

766

ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 601, л. 38, 46; д. 604, л.95.

767

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 2232, л. 13; д. 2233, л. 11, 47, 54; ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 380, л. 3.

768

Правда. 1953, 4 марта.

769

Там же.

770

Трухановский В. Г. Антони Иден. М., 1974, с. 315–316.

771

Вопросы истории. 1992, № 2, с. 93.

772

Рыбин А. И. Рядом со Сталиным. М., 1992, с. 51.

773

Аллилуева С. 20 писем к другу. М., 1990, с. 10.

774

ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 127, л. 35–37.

775

Там же, д. 24, л. 1–2.

776

Там же, ф. 4, оп. 9, д. 383, л. 1–7.

777

Там же, ф. 2, оп. 1, д. 26, л. 8.

778

Источник. 1994, № 1, с. 107–111.

779

ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 12, л. 1.

780

Источник. 1994, № 1, с. 111.

781

Там же, с. 107–110.

782

Правда. 1953, 6 марта.

783

Там же, 10 марта.

784

Постановления… за март 1953 г., с. 197.

785

ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 26, л. 1.

786

Там же, д. 25, л. 2–3, 9.

787

Там же, л. 8.

788

Заседания Верховного Совета СССР. Третья сессия. М., 1947, с. 22; Заседания Верховного Совета СССР третьего созыва. Третья сессия. М., 1952, с. 25.

789

Зверев Д. Г. Записки министра. М., 1973, с. 248–249.

790

Правда. 1953, 16 марта.

791

Там же.

792

ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 32, л. 7.

793

Правда. 1953, 1 апреля.

794

Там же, 2 апреля.

795

ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 32, л. 13–17, 24.

796

Правда. 1953, 25 апреля.

797

Там же, 21 апреля.

798

Там же, 2 мая.

799

Там же, 14 мая.

800

Литературная газета. 1952, 23 декабря.

801

Правда. 1953, 29 мая, 7 и 12 июня.

802

Отношения СССР с ГДР… с. 268–269.

803

ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 391, л. 17; д. 394, л. 105.

804

Там же, ф. 5, оп. 30, д. 38, л. 33.

805

Там же, д. 9, л. 14.

806

Там же, д. 12, л. 36–51, 107–129.

807

РЦХИДНИ, ф. 83, оп. 1, д. 3, л. 26–29.

808

ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 12, л. 48.

809

Решения… т. 4. М., 1968, с. 5—14.

810

Постановления… за май 1953 г., с. 57, 61.

811

ЦХСД, ф. 5, оп. 26, д. 46, л. 53–56.

812

Там же, д. 55, л. 11–14; оп. 30, д. 37, л. 40.

813

Там же, оп. 26, д. 46, л. 79–80; оп. 30, д. 14, л. 5.

814

Постановления… за март 1953 г., с. 215, 219.

815

ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 398, л. 26.

816

Там же, д. 384, л. 1; д. 403, л. 53, 77–78.

817

Ваксберг А. Нераскрытые тайны. М., 1993, с. 297.

818

Там же, с. 297–298.

819

Костырченко Г. В плену у красного фараона. М., 1994, с. 358.

820

Там же.

821

Правда. 1953, 7 апреля.

822

ЦХСД, ф. 5, оп. 15, д. 404, л. 113; оп. 30, д. 3, л. 3–7.

823

Лебедев В. Следствие прибегло к извращенным приемам//Источник. 1993, № 4, с. 91–93.

824

Там же, с. 99—100.

825

ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 384, л. 27.

826

Там же, д. 386, л. 15–16; д. 387, л. 54.

827

Там же, д. 392, л. 2.

828

Там же, л. 5; д. 393, л. 41.

829

Там же, ф. 5, оп. 30, д. 6, л. 60.

830

Старков Б. Сто дней «лубянского маршала» // Источник. 1993, № 4, с. 87–88.

831

ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 6, л. 12–19.

832

Там же, л. 20–29; оп. 15, д. 445, л. 46, 267–277; д. 443, л. 29–59.

833

Правда. 1953, 10 июля.

834

Известия ЦК КПСС. 1991, № 2, с. 151, 185, 195–197, 202.

835

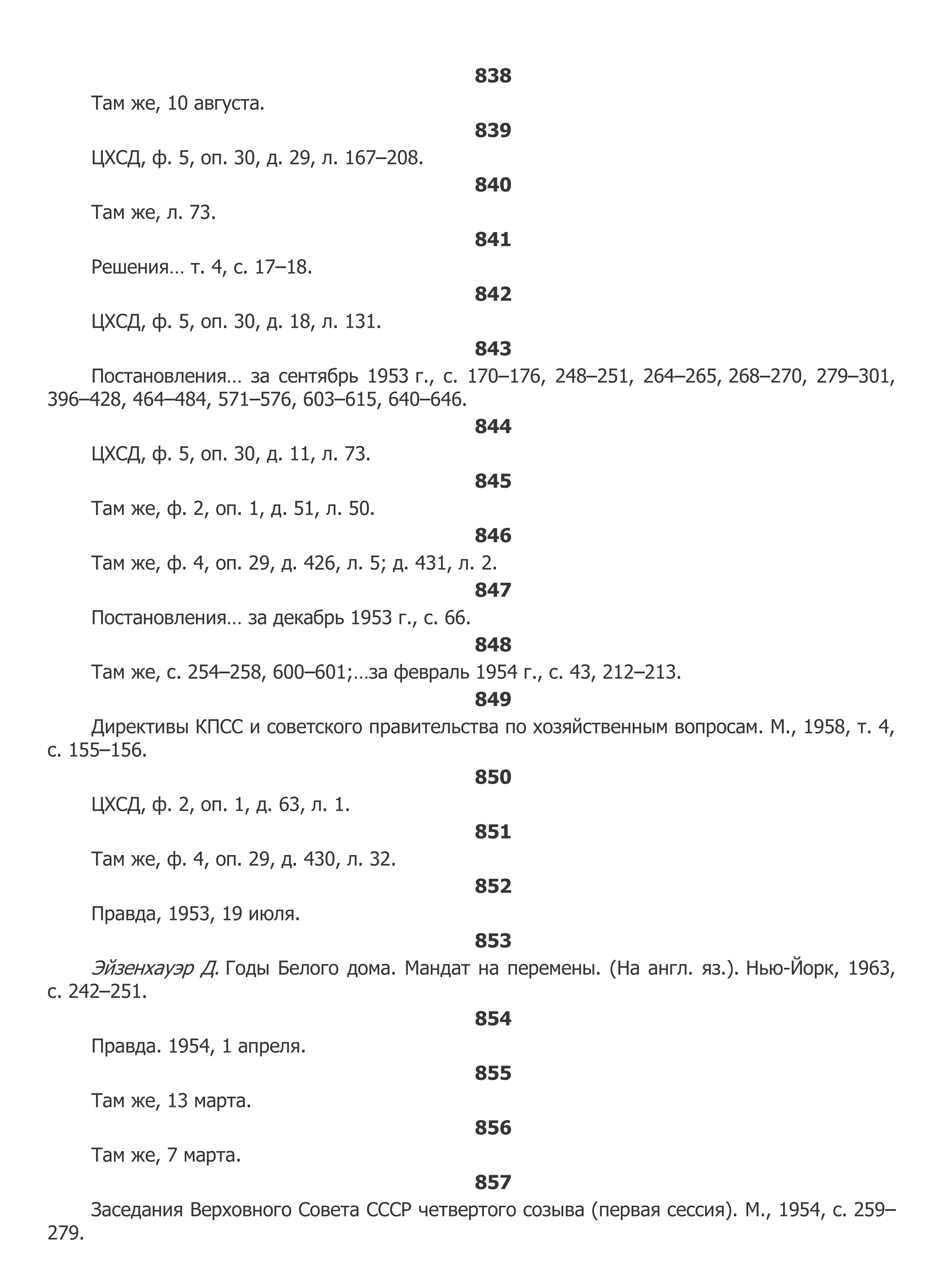
ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 9, л. 41–50.

836

Там же, ф. 4, оп. 29, д. 403, л. 11; оп. 9, д. 413, л. 68; ф. 5, оп. 17, д. 451, л. 24–25.

837

Правда. 1953, 6 августа.

838

Там же, 10 августа.

839

ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 29, л. 167–208.

840

Там же, л. 73.

841

Решения… т. 4, с. 17–18.

842

ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 18, л. 131.

843

Постановления… за сентябрь 1953 г., с. 170–176, 248–251, 264–265, 268–270, 279–301, 396–428, 464–484, 571–576, 603–615, 640–646.

844

ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 11, л. 73.

845

Там же, ф. 2, оп. 1, д. 51, л. 50.

846

Там же, ф. 4, оп. 29, д. 426, л. 5; д. 431, л. 2.

847

Постановления… за декабрь 1953 г., с. 66.

848

Там же, с. 254–258, 600–601;…за февраль 1954 г., с. 43, 212–213.

849

Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958, т. 4, с. 155–156.

850

ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 63, л. 1.

851

Там же, ф. 4, оп. 29, д. 430, л. 32.

852

Правда, 1953, 19 июля.

853

Эйзенхауэр Д. Годы Белого дома. Мандат на перемены. (На англ. яз.). Нью-Йорк, 1963, с. 242–251.

854

Правда. 1954, 1 апреля.

855

Там же, 13 марта.

856

Там же, 7 марта.

857

Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (первая сессия). М., 1954, с. 259–279.

858

Там же, с. 424–425, 439.

859

ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 41, л. 1.

860

Там же, ф. 4, оп. 9, д. 443, л. 1; д. 445, л. 12.